

Агнешка Норд
Ал Аади

Прерия Спецкор

Любовь и тигры

Молодая девушка отказывается от всего что может ей дать слава и деньги матери и пытается доказать себе и всем что в этой жизни чего-то можно добиться своим собст

Ее же приводят в другой мир и на грань с которой не возвращаются. Но есть и другие возможности.

В конце концов любовь, как и смерть, очень часто находится от нас на расстоянии вытянутой руки. Только мы этих двух сестер склонны не замечать до самого последнего мгновения.

Глава 1

Лететь галопом по заросшему высокой травой полю навстречу восходящему солнцу — что может быть прекрасней?! Конечно, полеты на парашюте тоже доставляют удовольствие и не малое, но, когда скачешь верхом на вороном коне, таком живом и мощном — это другое. Как можно сравнивать Сайгона с чем-то еще? Ну да, это я сейчас так думаю, осаживая верного скакуна у крутого склона. И скорее всего — в воздухе, когда парашют становится частью тебя, буду думать по-другому. Это и здорово! Жизнь и должна быть такой — разной. А сейчас важно, что я здесь, живу, дышу, чувствую, и у меня есть еще на это силы. Пусть в голове куча желаний — по большей части несбыточных, пусть жизнь порой — не такая сказка, как кажется, пусть надежда что-то изменить более чем призрачная... Но она у меня снова есть, потому что прямо сейчас мне хорошо! Встречая восход, как много лет назад, я невольно стала вспоминать события минувших дней. Вот так же, бывало, мы стояли здесь ранним утром со Стешкой, и парень в полголоса декламировал стихи великих классиков, такие созвучные с моими ощущениями. Я и сейчас их помню.

Эх, замечталась, заметила Алекс только теперь, когда они с Касабланкой в стремительном галопе оказались уже совсем близко. Полагаю, ждет меня нешуточная взбучка.

— Диана! Что с тобой? — начала кричать Александра еще издали. — Что ты вытворяешь? Немедленно надень свои чертовы визоры! Ты меня слышишь?!

Я не спешила выполнять приказ, отвернулась, наблюдая за поднимающимся над лесом солнцем. Как красиво — небо с кучерявыми облачками окрасилось золотисто-розовыми лучами. Лес из мрачной громады, превратился в нечто привлекательное, рыжие стволы ближайших сосен словно светились. Только здесь и можно понаблюдать за природой, вдали от мегаполиса и всякой техники. Слово опровергая мои слова, вдали заработал трактор. Испортил все настроение, заглушив трели птичек и нарушив такую благодатную тишину.

Сайгон переступил с ноги на ногу, подбираясь ближе к подъехавшей рысью Касабланке, а я снова глянула на хмурую Александру.

— Что случилось, Алекс?

— Много чего!

Александра — все-таки красивая женщина. Это сейчас еще заметнее. Разгоряченная скачкой, с развевающейся гривой рыжих волос, с сердитым выражением лица. И не скажешь, что ей уже скоро пятьдесят. Совсем не выглядит на свой возраст. Молодые парни до сих пор засматриваются, вызывая ревность Егора.

Только кажется, что Алекс кремень, никому не дающая спуска. Ко мне она всегда питала слабость. Своих детей у них с Егором не случилось, вот и относятся ко мне, как к дочери.

— Диана, так нельзя! — Голос ее слегка смягчился. — Почему ты все время так поступаешь? Ты не понимаешь, как это эгоистично заставлять волноваться Егора? Ведь он уже не молод!

Хм, трудно вообще-то представить, как волнуется дядька Егор. С его немигающим взглядом, неподвижным лицом и спокойствием, которое, кажется, ничем не нарушить.

— Никто не видел, как ты приехала, — продолжала Александра, — Сайгон пропал... А ты даже визоры отключила!

— Я что — должна была вас разбудить среди ночи?

— А хоть бы и так. Чай не кисейные барышни. Ну и разбудила бы.

— Так Стешка мне открыл, даже сам оседлал Сайгона. Разве он не сказал? — вздохнула я. Совесть уже начинала мучить. Ну, правда, приезжаю, навожу переполох. Лучшего друга поднимаю в три ночи...

— Стешка-то сказал... Когда проснулся! Да и то, пришлось припугнуть. А то некая барышня, видишь ли, взяла с него честное слово — не болтать! Было такое?

Ага, конечно, попробуй, заставь его пообещать что-нибудь, если не захочет. На ходу, наверное, придумал про честное слово. Представила огромного увальня с обманчиво сонным взглядом, которого 'пришлось припугнуть', а перед тем — долго будить. Бедняга!

Я запрокинула голову и стала хохотать. Не знаю почему. Просто от радости.

Господи! Кто еще так обо мне беспокоиться будет?! Смех оборвался, и на глаза навернулись слезы. И опять не понять почему.

Александра тут как тут. Прижала мне ногу боком Касабланки, подъехав вплотную, обняла крепко.

— Ну, привет, радость моя! Будет уже, Диана! Развела мокроту. И что на этот раз? Кто обидел?

— Никто! — замотала головой. — Я просто!

— Ну, раз просто, надела бы визоры, тебя уже ищут. И хватит тут стоять, поехали. Завтрак, поди, готов. Егор тебя ждет. Стешка переживает. Ты вообще о безопасности думаешь, новости смотришь? Знаешь ведь, что мы запрещаем выезжать в одиночку. Шастают тут всякие! Места-то дикие, да и колония рядом... А ты одна! Самая крутая, что ли?

Вот так, любят они с Егором попугать всякими страстями, а на самом деле — сколько ни катаюсь, никаких опасностей не встречала. Но лучше попросить прощения, а не пререкаться, не то вообще запретят мне кататься одной.

— Прости! — покаянно произнесла я и невинно поинтересовалась: — А ты разве не одна? И визоров твоих не видно.

— Я — это я, — буркнула Алекс. Думаю, шутки она не оценила.

Мы не спеша ехали назад — к обнесенному высоченным металлическим забором комплексу зданий. Еще и сенсоров охранной сигнализации немерено. Крепость просто, а не элитные конюшни.

Стешке ночью пришлось минут пятнадцать возиться, чтобы меня впустить. И всё это время он умудрялся меня воспитывать, занудно объясняя, что бы он сделал с любым другим, если б его этот 'другой' в три ночи разбудил. Но вопреки обещанию дать по шее, первым делом, добравшись до меня, сгреб в медвежьих объятиях и предложил отдохнуть с дороги в его каморке — мол, ночь еще и постель еще теплая. Врезала бы ему за такое, да реакция у него отменная — не позволил. Засмеялся, негодяй, типа шуток я не понимаю. Оседлал Сайгона в считанные секунды и велел не возвращаться до утра.

Наперегонки скакать Александра отказалась наотрез, злилась на меня, наверное. Или на себя, с нее станется. Не могла простить моей беспечности и оправдать свою?

А я много могла бы сказать в свою защиту. Что иногда просто жизненно необходимо побыть одной. Пусть даже с риском для жизни. Да и какой тут риск?.. Подумать, помечтать, просто вырваться на несколько часов из серой жизни. Почувствовать себя другим человеком. Да что там — просто живой. Только кого это волнует?!

Так и доехали молча. И визоры я не включила. Не могу, не хочу никого слышать! Хотя

один день! Имею я право? И сама себе ответила — конечно, нет. Но все равно не включила. Хоть пару часов еще...

Ворота открыты нараспашку, а перед конюшнями собрались почти все.

Заспанный Стешка и еще трое конюхов, один из которых мне не знаком, слушали последние наставления дядьки Егора, старавшегося перекричать работающий на холостых оборотах двигатель старенького джипа. Все мужчины вооружены, кони оседланы.

Видимо, разыскивать меня собирались. Теперь стало по-настоящему стыдно. Даже если они опасность преувеличивают, должна была подумать, что всех на уши поставлю. Может и нет вокруг сотен бандитов и мародеров, но они-то в это верят. Да и грех их винить, жизнь потрепала в свое время.

Парни приветливо заулыбались, но под суровым взглядом Егора тут же стушевались, повели лошадей обратно в стойла. Стешка подмигнул и поспешил заглушить мотор.

Муж Александры сам помог мне слезть с коня. Не пойми, о чем думает. В какой-то момент показалось, что даст подзатыльник, как в детстве, но обошлось.

— Завтракать! — сказал спокойно. — Все разговоры потом. Да, Ди... умойся пойдя сперва.

Главный дом встретил знакомыми с детства запахами. За три часа конной прогулки я здорово проголодалась. Из кухни вкусно тянуло свежее испеченным хлебом, но стащить лакомый кусочек — не стоит и пытаться, если там по-прежнему заправляет Алена. Не посмотрит, что любимица, которую полгода не видела — огреет поварешкой.

Потому сразу поспешила в гостевую ванную на второй этаж. Из зеркала на меня смотрело настоящее чучело. Волосы растрепались, превратившись во что-то непотребное, подбородок измазан — и когда умудрилось? Зато глаза в кои-то веки блестят, щеки горят румянцем, даже круги под глазами не так заметны.

Умылась быстро, кое-как причесалась старомодной щеткой.

Как ни спешила, в столовой уже все собрались, ждали, когда спущусь. Только при моем появлении стали рассаживаться. Алена посмотрела неприветливо, но каши наложила целую тарелку с горкой — значит — не сердится, просто в целях воспитания. Словно я по-прежнему маленькая хулиганка, доставляющая всем кучу хлопот, а не взрослый самостоятельный человек и гость, к тому же.

Разговоров, которые обещал Егор, избежать после завтрака не удалось. Тесный семейный кружок больше походил на суд. Я уж вся съежилась под немигающим взглядом Егора, а он мягко произнес:

— Нет смысла говорить, Диана, как глупо ты себя повела, приехав среди ночи и отправившись на прогулку верхом. Вижу, что сама уже все поняла. Верно?

— Но я...

— А о тебе, Алекс, вообще молчу, — жестко добавил он, глянув на жену.

Несколько секунд они сверлили друг друга вызывающими взглядами, заставив меня волноваться еще сильнее. Страшно боялась всегда их ссор, хоть и крайне редких. Ну почему в их присутствии я всегда ощущаю себя ребенком?!

— Диана, как твои репортажи? — сменила тему Александра. Стешка, приходившийся ей троюродным племянником, клевал носом в глубоком кресле. Притворяется наверное. Рад, небось, что ему не досталось... Или досталось? Ох!

— Да никак, — напустила я грусти. Не хотелось говорить сегодня о проблемах и плакаться в жилетку. Потому избрала более безопасную тему. — Какие только репортажи я

не снимала, чтобы впечатлить Гугл. Но только впечатлить их трудно. А теперь думаю — почти невозможно. Про хоспис вообще получился такой печальный репортаж, что у меня сердце разрывалось, когда пересматривала. Один мальчик, Толик, совсем кроха, а так мужественно держался! Персонал жесткий, ко всему привыкли, а на него смотрят со слезами. Ну, хоть лекарства выбили... А от Гугла тишина. Как всегда!

Александра расстроено закусила губу. Не может спокойно слушать о несчастных детях. — Может тебе поменять подход? — проронил Егор, закуривая трубку.

Они оба знали о моей навязчивой и безумной идее попасть в штат Гугла. Вся нереальность предельно ясна: кто возьмет в крутую медиакорпорацию безвестную журналистку, ничем ещё себя не проявившую, кроме происхождения. Потому я не чаще, чем раз в два-три месяца отсылала им репортаж, в надежде на справедливую оценку. Причем все они были, на мой взгляд — просто отличные.

— Как это — поменять подход? — заинтересовалась я.

— Ну, вот ты все про бедняжек разных снимаешь, — поддержала мужа Алекс, — про жизнь в бедных детских домах, про брошенных животных, да всяких приемниках, или вот — хоспис теперь... Про новые технологии... А попробуй про светскую вечеринку — закрытую, желательно, куда у тебя-то — доступ есть. И поострее. Со сплетнями там, разными — ну, и весело чтоб было.

Думаю, Егор удивился не меньше меня, явно другое на уме было.

— Да кому это интересно?! — возмутилась я для порядка, ожидая, что мужчины меня поддержат.

— Мне, например, — пробормотал Стешка, слегка оживившись. — Особенно, если удастся заснять Викторину Райт. Говорят, она в Москве.

— Кто говорит? — в один голос удивились хозяева.

Дурдом какой-то! Срочно меняем тему!

— А что с колонией? — поинтересовалась я.

— Ну как что, — нахмурилась Алекс. — Все то же. Сбежали трое, бегают где-то в округе, а может, далеко уже. Кто знает...

— Вооружены и очень опасны?

— Именно, — Егор выпустил несколько ровных колечек дыма под неодобрительным взглядом жены. — И твоя ирония, Диана, тут совершенно неуместна. Правда, их уже изловили. Но это ничего не меняет. Осторожность должна быть всегда и во всём!

— Когда это? — встrepенулась Александра. — Почему я всё узнаю последняя?

— Да еще утром вчера. Я тебе говорил, но ты, видимо, всё пропустила мимо ушей.

— Конечно, пропустила. А почему? Потому что твою корову — уже третью по счету — привезли в самое неподходящее время, и рядом стоял этот хрыч Пал Палыч и что-то мне бубнил про ее неправильный таз.

Пал Палыч, насколько я помнила — это их ветеринар.

— Он что еще жив? — он и в детстве казался мне страшно древним.

— А как же. — Алекс сбавила тон. — Такие живут вечно. Мы уж его вызываем как можно реже. Тем более теперь, когда есть Стасик. Помнишь Стасика?

— Э-э?

— Ковалев Стас, — подал голос Стешка, — однокашник мой. Теперь он отличный ветеринар. Да ты же помнишь, он еще в тебя влюблен был. До сих пор интересуется при встрече.

— Вот как! — удивилась Алекс. — А, правда, милая, может, останешься, я как раз его сегодня на обед пригласила. Хочется узнать его мнение, — недовольный взгляд в сторону Егора, — насчет новой коровы. Третья уже. Скоро тут целое стадо будет, если так пойдет.

Муж ее лишь ухмылялся, попыхивая трубкой. Слабость к свежему творогу, молоку и сметане, именно своим, домашним — у него была, сколько его помню. Да и коров он именно что любил.

— Корову назвали Пёрышко, — умильно заметил Стешка.

— Как? — в один голос поразились супруги.

— Кто назвал? Она по документам проходит как Майский Цветок...

— Дурацкое имя, — буркнул Егор, — лучше уж Пёрышко.

— Ага, — улыбнулся Стешка во весь рот, — очень ей подходит.

Слушая их споры о новой буренке, я поразилась, насколько далека стала от всего этого. Что я тут вообще делаю? Да, отдохнула — и довольно.

Распрощалась со всеми очень тепло, сославшись на срочную работу, что, в общем-то, было правдой. Приняла у Алены, горестно вздыхавшей про мою 'худобу' целый пакет домашних плюшек. Обещала звонить и не пропадать, заработав скептическую усмешку Егора.

До автовокзала в соседнем районе, подбросил Стешка на джипе. Сказал, что как раз собирался в город. Пока ехали, сетовал, что редко навещаю. А на моё возражение, что с ним я общаюсь больше, чем с кем бы то ни было на свете, с ухмылкой заметил, 'что виртуал — это одно, а хотелось бы иногда и в руках подержать!' На что он намекает, отвечать отказался, сведя всё к очередной шутке. На прощанье крепко обнял и внезапно поцеловал прямо в губы. Однако отпустил настолько быстро, что я засомневалась в реальности происшедшего.

— Топай уже, чего застыла, — хмыкнул он. Крутанул меня как волчок, развернув на сто восемьдесят градусов, и подтолкнул к автобусу, шлепнув пониже спины. — Вечером не забудь чиркнуть, что и как!

Какой же он всё-таки бесцеремонный! Деревенщина! Одарила его высокомерным взглядом через плечо, но добилась только взрыва совершенно неоправданного нахального веселья.

Все мои попытки выглядеть надменной леди в глазах Стешки, почему-то никогда не имели успеха. Может потому, что знал он меня с самого детства? Не уверена. Но он оставался, пожалуй, единственным человеком, который понимал меня всегда.

Помахав ему рукой с подножки рейсового автобуса, с грустью поняла — маленькая передышка закончилась и следующая неизвестно когда. Но и то неплохо — как в другом мире побывала и со Стешкой повидалась. Такого заряда надолго должно хватить. Все же не зря решилась, тоска отпустила и, как будто, дышать стало легче.

На следующий день, сидя в тесной приемной издательства 'МосПресс', ожидала главреда. Замученная секретарша неопределенного возраста поглощала кофе огромными чашками, разрываясь между телефонами, звонившими непрерывно. Мимо меня сновали озабоченные сотрудники, которым тоже позарез нужен был главный, и секретарша раздраженно просила зайти позже. На меня косились, прикидывая видимо, стоит ли подождать, но никто так и не остался — снова убежали по своим делам.

Невольно отгородилась от этой суеты, вспоминая несколько часов покоя, проведенные так далеко от Москвы. Когда-то и я жила их заботами. Малышка совсем была, а умела и за

лошадьми ухаживать и в конюшнях убираться, да много чего. Работа всегда находилась. Но и отдых был лучше, чем на самых дорогих курортах. Речка, друзья, ночное, рыбалка... Жаль, что не могу никак выкроить хотя бы недельку, чтобы снова окунуться в ту жизнь, в детство. Да, это настоящая, хорошая, размеренная жизнь — такая, как у Алекс с Егором, и я могла бы все бросить и... Нет. Какой смысл обманывать себя! Да, эта жизнь прекрасна и сурова, но — не моя. И в детство вернуться невозможно. Теперь — другие мечты, надежды и тревоги. Недаром даже на обед не смогла остаться. И ведь никакой срочной работы не намечалось. Иначе не потащила бы сегодня с утра в третьесортную 'МосПресс', получив сообщение, что их главный редактор был бы рад меня видеть. Просто как представила гостя-ветеринара, да еще когда-то в меня влюбленного, неловкость деревенскую, шутки дурацкие. Не моя жизнь, точно не моя!

Вернувшегося главного редактора встретила бодрой улыбкой. Кивком головы он предложил пройти в кабинет, стремительно пробегая мимо. Я не преминула воспользоваться ситуацией, и скоро сидела напротив, пережидая, пока он ответит на срочные звонки и обратит, наконец, на меня свое внимание.

Оказалось его приглашение устарело, и я уже не нужна. А что я хотела, уехав в какую-то глушь и упустив столько возможностей. Ничего не дается даром!

— Впрочем, есть кое-что, — Михал Иваныч закурил очередную сигарету и, засучив рукава, стал рыться в ворохе разноцветных бумажек на столе. — Ну вот — к примеру...

Репортаж о забастовке на фабрике? Да, конечно, справлюсь, о чем разговор! Всего сутки? Нет свободного оператора? Да не проблема. Что-нибудь придумаю! Вместе пообедать? Нет, спасибо, не голодна, да и некогда... Да, конечно, буду держать вас в курсе...

И понеслось. Чтобы тебя не забыли, надо много трудиться. Пусть пока внештатным сотрудником, но уже доверяют вполне приличные темы. Не в этот раз, а вообще — бывает. И это немало, учитывая мой 'юный' возраст. Месяц остался до двадцатилетия, когда станет доступным депозитный счет, а тогда...

Гугл пока подождет, но еще раз попробовать стоит. Надо же, чего удумали — светская вечеринка! Они ничего не понимают в моей работе! А Стешка, наверное, просто издевается, чтобы меня позлить...

Съемки ночного пожара в бедных кварталах, куда никто, кроме меня ехать не рвался — отняли все силы и основательно испортили настроение. Мало того, что вид грязи, нищеты, подозрительных личностей и оборванных попрошаек, вызывал панику и отвращение, и репортаж пришлось делать в нечеловеческих условиях, так еще жильцы сгоревшего барака откровенно измывались, отвечая на вопросы. А я-то обрадовалась, как охотно они пошли на контакт. Похоже, несчастье заботило их гораздо меньше, чем моя скромная персона. Нашли себе развлечение, негодяи. Угораздило же задать им прямой вопрос, не бандиты ли они, так ведь ответили прямо, и еще гоготали, придурки, самым мерзким образом. Ладно, не изнасиловали в итоге — и то хорошо. А ведь собирались, и даже не постеснялись рассказать в подробностях... Даже думать не хочу, какой трусихой выглядела среди окружающего ада. Если бы не таксист, так вовремя посадивший свой коптер едва ли не на головы этой швали, даже не представляю, чем бы все закончилось. Да еще мой флегматичный оператор внезапно 'проснулся' и, расправив внушительные плечи, заслонил мое поспешное бегство, заговаривая распоясавшейся шпане зубы на каком-то жутком жаргоне.

Бррр, прямо передергивает, стоит вспомнить... Отблагодарю таксиста как-нибудь потом, когда немножко отойду — несмотря на шок, умудрилась сфоткать на визоры номер машины. Оператору тоже надо что-то дать — может просто денег? Деньги!!! Быстро Венька с этими отморозками общий язык нашел, кстати! Подозрительно! И правда, что ли, заплатил им?! Кошмар!

И репортажа не получилось, хоть плачь! Венька с кривой усмешкой уже в коптере сообщил, что все заснял, но не могла же я позволить, чтобы кто-нибудь увидел такое! Велела оставить только картинку пожара, остальное стереть. Он согласно кивнул, а после огорченно сообщил, что случайно уничтожил все. Я даже ничего ответить не смогла. Посмотрела на его растерянную физиономию и принялась хохотать. Ну и ночка!

Хотелось лишь одного — добраться до горячей ванны, а потом сразу в постель, под одеяло, отключить визоры, и спать!

Редактор, видно уже был в курсе. Выслушав сдержанную просьбу отложить нашу субботнюю встречу, он на редкость покладисто согласился и даже перенес ее на понедельник.

Два дня! Целых два дня абсолютной свободы!

Уже опускаясь в ароматную пену огромной ванны в доме матери, вспомнила, что так ей и не позвонила. Но сейчас на это уже не оставалось сил. Как моральных, так и физических.

Едва расслышав сквозь приятную мелодию звонок и вибрацию визора, я машинально приняла вызов. Опомнилась сразу, но было уже поздно. Узнав голос — давней подруги — перевела изображение на стену. Пена надежно скрывала меня, а от визоров я уже устала за день и бестолковую ночь. И как я умудрилась забыть их отключить?! Прав Стешка, балда я, самая настоящая!

— Диана, детка, я прилетела! — щебетала обворожительная Риана Купер, сияя добродушием, здоровьем и красотой. — Как я рада, что ты не спишь.

'Но очень хочу!' — хотелось ответить, но только зачем ее понапрасну огорчать?

— Риана, рада тебя видеть. Ты что, в Москве? — я мучительно придумывала, как от нее

вежливо избавиться.

— Да, прилетела буквально час назад. И сразу позвонила тебе. Твоя мама велела поцеловать тебя, милая. И мне многое нужно рассказать. А знаешь? Приезжай ко мне.

— Э-э-э, — не поняла я, — Ты что, серьезно? Ночь ведь! И я устала...

— Дианочка, да брось, уже давно утро. Полшестого! Просыпайся, детка. У меня есть для тебя подарок! Тебе понравится. И еще... Посекретничаем. Поверь, ты будешь в шоке!

— Через час?! Нет, просто не смогу. Я только что снимала репортаж про пожар!

— О-о, но выглядишь ты совершенно очаровательно. — Риана недолго хмурилась. — Хорошо, спи, раз такое дело. Но к пяти вечера я вышлю за тобой машину.

— Договорились!

Отключив связь, я со стоном ушла под воду, случайно смахнув с бортика визоры. Потом еще пришлось вылавливать их на дне. Ничего — не даром же они такие дорогие — последней модели... и, как утверждала реклама, выдерживают давление на глубине двухсот метров, кажется... Вот и проверим заодно. Правда, тут от силы метр. Но кому это надо — нырять с визорами так глубоко, ума не приложу.

Чувствуя, что просто бесчеловечно клюю носом, я выбралась из ванны и скоро нырнула под одеяло на огромной кровати. Велев системе разбудить меня через шесть часов, а до тех пор отклонять все вызовы, блаженно закрыла глаза.

'Может и хорошо, что встречусь с Рианой, — подумала, уже засыпая, — она милая и когда-то мы очень дружили. Ей двадцать пять, вроде... Ненамного старше...'

Риана еле могла дышать от смеха, когда выслушала подробности моих ночных съемок. Мы устроили пикничок прямо на полу ее номера и, лежа на ворохе подушек, жевали виноград и всякие сласти.

— Ты такая храбрая! — восхитилась она, став снова серьезной.

Ну и вывод! Впрочем, не стоит скромничать, пусть думает, что храбрая, раз ей так нравится.

— Пойдешь со мной на вечеринку? — резко сменила она тему. — Завтра! Ты приглашена, я позаботилась.

— Зачем? Не собираюсь даже! Ты обещала мне рассказать что-то...

— Ага — и подарок. Но сперва соглашайся на вечеринку. Там будет Виктория Райт, а я ее побаиваюсь. С тобой мне будет комфортней. Да и вообще, твоя мама будет рада, если ты немного развлечешься.

— Я не... — И тут меня осенило. Стешка вспомнился со своими мечтами о топ-модели. — Виктория Райт? Она тоже в Москве?

— Ага, уже неделю! Эх ты, журналистка! А о таких вещах не знаешь!

Я уж открыла рот, чтобы пояснить, что я серьезная журналистка, а не какая-нибудь там, да только передумала.

— Хорошо, пойду, но с одним условием.

— С каким? — просияла подруга.

— Сделаю репортаж о светской вечеринке!

— Туда прессу не пускают, — запротестовала она. — Это закрытая тусовка, даже визоры сдают при входе...

И замолчала.

— Что?

— Ладно, я согласна. Можно ведь вести скрытую съемку, — возбужденно затараторила она. — И я знаю оператора, который тебе поможет.

— Правда?! — интересно, кого она знает!

— Не поверишь, с кем я сейчас встречаюсь! — Ее щеки порозовели, а зеленые глаза заблестели от удовольствия.

— С кем же? — Риана совсем недавно рассталась с предыдущим бойфрендом, актером. Господи, как же его? Стив, Билл... Или Мэт? Нет, все-таки Стив... Видимо, надоел прощать его измены. Я очень надеялась, что ей повезет, и она встретит, наконец, кого-нибудь более подходящего ее доверчивой натуре. Но не оператора же!!!

— С Андреем Савицким! — Гордо произнесла она. — Уж тебе-то это имя должно быть знакомо!

Еще бы! Я пробормотала поздравление, пораженная тем, что на этот раз ее избранником стал не какой-нибудь бездушный тип из 'золотой молодежи', а простой оператор. То есть, не совсем простой — одна из знаменитостей среди журналистской братии, но ведь далеко не красавец, и не из высшего общества. Хотя кто его знает, я вот тоже почти не бываю в свете, хоть и могла бы.

— Где вы познакомились?

— В самолете...

Слушая историю любви 'барышни и хулигана', я испытывала и радость за нее и грусть. Похоже, на этот раз что-то настоящее. А мне ничего пока не светит в личном плане. Во всяком случае, в ближайшие десять лет. Насмотрелась! Да и обожглась уже однажды. И вообще — первым делом карьера, все остальное — подождет.

Савицкий явился после полуночи. Надо было видеть их встречу! Эх...

Пожимая мне руку, он обаятельно улыбнулся, и я поняла, что привлекло блистательную модель в суровом и не слишком молодом мужчине. Насколько я знала, он недавно справил сорокалетний юбилей... в горячей точке на границе с Китаем.

К идее помочь со скрытой съемкой Андрей отнесся без энтузиазма. Но Риана так его уговаривала, что отказать он не смог. Провожая меня домой на собственном коптере, Савицкий мрачно выслушал замысел репортажа, никак не прокомментировав легкомысленную затею.

А мне было плевать на его настроение, и совесть несколько не мучила. Извиняться за то, что меня ему практически навязали — тоже не собиралась. Слишком захотелось поработать с ним в паре, чтобы отказываться от такой удачи. Пусть даже не всерьез...

Как и договорились, Савицкий заехал за мной на следующий день около восьми вечера, так как по легенде был моим кавалером на вечеринке. Уговаривая себя, что это всего лишь работа, я с трудом справлялась с внезапно напавшей дрожью. В конце концов, "заклинания" произвели нужный эффект, и я почувствовала себя почти спокойной.

Не скрою, удивленно поднятая бровь Андрея, не столько польстила моему самолюбию, сколько придала уверенности в себе. В первый раз он видел меня в скромном костюме. И особого впечатления я на него не произвела. А сегодня сама ощущала себя такой легкомысленной красавицей. Лучше бы конечно, он восхищался моим профессионализмом, да только не настало еще то время. Ладно, пусть пока так.

— Рад вас видеть, Диана! Выглядите превосходно! — вежливо произнес он, распахивая передо мной дверцу такси.

— Спасибо, Андрей. Вас тоже не узнать в смокинге, — скромно улыбнулась и заняла

свое место.

Платье ездили заказывать к известному кутюрье, Давиду Парцалису, вместе с Рианой. Убили часов пять, зато обе пришли в неописуемый восторг от наряда. Подруга также настояла на своем личном парикмахере и стилисте, который удалился буквально час назад, очень довольный результатом. Мучил меня часа три, но оно того стоило.

Хозяйка вечера, Мария Дюжева, встретила нас очень тепло. Даже сообщила, что без ума от Эммы Блант, моей матери. И посетовала, что ее нет в Москве. Имея в виду — нет на ее вечере.

Потом, отведя в сторонку, под большим секретом сообщила, что будет Виктория Райт, — 'Да да, не поверите, Диана, она уже неделю в Москве!'. Затем следовал еще ряд имен, не слишком мне знакомых, но ооочень богатых и знаменитых. Выразив восхищение, я, наконец, сумела вырваться — прибыли новые гости, требующие внимания хозяйки.

Почти сразу удалось смешаться с толпой, немножко успокоиться и прийти в себя. Подхватив с подноса проходившего официанта бокал шампанского, позволила себе один глоточек. Микрофон находился в изящном кулоне у меня на шее. Пришлось пережить в такси несколько волнующих моментов, когда Савицкий надевал на меня хитрое украшение. Кулон — фантазийное насекомое из переплетения тончайших серебряных нитей — идеально подошел к моему платью. Сиреневое, с серебристыми блестками и такой же отделкой, оно произвело впечатление не только на мужчин, но и на многих девиц на этой вечеринке, что играло мне на руку, фиксируя внимание собравшихся на такой малозначительной, по большому счёту, детали.

Скоро ко мне присоединилась Риана. В зеленом платье с эффектной прической и изумрудными линзами, делающими ее глаза еще красивее и больше, она была хороша, как никогда. Я даже побоялась, что это станет сильно отвлекать Андрея, с которым она обменялась лишь долгим взглядом.

Андрей, словно образцовый бой-френд, следовал за мной тенью, снимал ли он — оставалось для меня загадкой. Даже зная, я не могла понять, как он это делает. Так что остальные и подавно не догадаются.

— Начнем? — спросила Риана возбужденным шепотом. То ли ей понравилась сама идея, то ли присутствие Савицкого так подействовало, но подружка была в ударе. Она знакомила меня с девицами, которые ее знали хорошо, а меня после того, как звучало имя матери, тоже приветствовали весьма радушно.

Живая музыка, официанты в белых рубашках, снующие между гостями с закусками и шампанским, экзотические растения по периметру зала, великолепное освещение — все создавало отличный антураж для съемок. Лица гостей были хорошо узнаваемыми. Видные политики, звезды шоу-бизнеса, писатели, композиторы — тут собрались самые сливки светского общества Москвы.

Риана, милая и лукавая, словно для того, чтобы я лучше узнала ее 'подруг' — заводила разговоры на самые коварные темы, рассказывала пикантные сплетни, умудряясь выбирать самые острые, и с большим вниманием слушала ответные откровения девиц. Видимо, меня в итоге приняли за свою и не особо стеснялись. Я с удовольствием делилась забавными случаями из журналистской практики, со смехом признавая, что это всего лишь хобби. Врать, конечно, противно, но иначе меня бы не поняли. А под таким соусом эти дамы даже восхищались и дружно просили рассказать что-нибудь еще.

Однако, заикленные на себе, они с удовольствием играли со мной в игру:

— Вот если бы я сейчас брала у вас интервью, Анна, обязательно задала бы один вопрос.

— Какой?

— Боюсь, на интервью вы бы на него не ответили.

— Возможно. А все-таки, Диана? Ну, скажите. Вам-то точно отвечу. По секрету, конечно...

Спустя некоторое время, я набрала столько секретов, что пришла в ужас, подумав, как бы они отреагировали, если б узнали о готовящемся репортаже.

Однако додумать мне не удалось. Приковылая к себе все взгляды, в зале появилась та самая Виктория Райт. Знаменитая модель оказалась еще красивее, чем на фото и в рекламных клипах. Оливковая кожа словно светилась изнутри, высокая грудь заставляла затаить дыхание мужчин, а потрясающее платье — женщин.

Немного раскосые глаза Виктории, прищурились, когда Риана представила меня.

— Вы, в самом деле, дочь Эммы? — спросила она высокомерно.

— Да. А вы еще красивее в жизни, Виктория! — попробовала я завязать разговор.

— Неужели? — хмыкнула она. Типа, 'да кто ты такая!'. Ну-ну. Плевала бы я на нее, но предполагалось, что эта красотка с кошачьими манерами станет центральной фигурой в репортаже. Мы были с ней одного роста. Но она все равно умудрялась смотреть свысока.

И хотя поговорить с ней так и не удалось толком, вечер вскоре перестал быть спокойным. Алкоголь, а вероятнее всего — не только он, делал свое дело. Мужчины стали смелее. Или нахальнее? А девицы — развязнее, вот тут — без вариантов.

Пикантных сценок хватило бы на десять репортажей. Но когда Виктория Райт, перебив 'russian vodka', запрыгнула на стол и принялась танцевать, все вообще с ума посходили. Я даже не выдержала, спросила Андрея:

— Ты это видишь?

— Запечатлел в своем сердце, — буркнул Савицкий, — не дергайся!

Танцевать она умела, пришлось признать. Только это оказался не просто танец, а самый, что ни на есть эротический. Мужчины окружили стол плотным кольцом, тяжело дыша и буквально пуская слюни. Девицы смотрели с завистью, а мне вдруг стало тоскливо и неуютно среди этого праздника жизни.

Отыскав Риану, предупредила, что уйду. И так материала достаточно по моим прикидкам, а оставаться здесь дольше не видела смысла.

— Я с тобой, — кивнула мисс Купер, — подожди, я только возьму сумочку.

Андрей тоже куда-то запропастился, и я стояла совсем одна, ожидая их у мраморных колонн широкой лестницы, ведущей к выходу.

Виктория Райт появилась неожиданно, заставив меня вздрогнуть.

— О чем задумалась? — спросила она, словно мы были близкими подругами.

— Так, о своем, — я вежливо улыбнулась.

Раскосые глаза пристально рассматривали мое лицо и не только его. Блуждающий, шальной взгляд опускался всё ниже и ниже. Я почти физически ощущала, как он раздевает меня... Совсем не было заметно, что знаменитая модель пьяна, или только что танцевала на столе. Прическа идеальна, платье сидит, как вторая кожа. Какой контраст с бесстыдным взглядом!

— А ты очень необычная, — произнесла она, нарушая молчание. — Совсем на мать непохожа. И кожа у тебя такая нежная... Кто твой отец?

Я снова улыбнулась, не собираясь отвечать.

— Не хочешь пройтись со мной, — она многозначительно качнула головой куда-то в сторону.

— Зачем?

— Ты прелесть, — усмехнулась модель, — сколько тебе? Восемнадцать? Я тебе трахнуть предлагаю, глупышка. Ну, или любовью заняться. Как хочешь назови. Пойдем! Тут есть уютная комнатка.

Вся краска бросилась мне в лицо. Я, конечно, слышала о таком, но вот так прямо, чтоб предложили...

— Нет — так нет, — прошептала Виктория, и вдруг качнулась и... коснулась языком моих губ... а потом и мочки уха. Это было так мимолетно, что я даже испугаться не успела. Только горячая волна прошла по всему телу — от пяток до затылка. — Может быть, в другой раз... — обернувшись к спешащей к нам высокой брюнетке, она произнесла совсем другим тоном: — Сколько можно? Мне почти пришлось ждать!

— Викки, но я...

Они удалились, а я все не могла сдвинуться с места.

Голос Андрея заставил подпрыгнуть.

— Ну как, моя прелесть, я ничего не пропустил? Или она сказала — глупышка?

— Дурак! — вырвалось у меня. Внутри всё кипело. Да как так можно!

— Расслабься, Диана, ничего ведь не произошло. — По его ухмыляющейся роже так и хотелось врезать. — И не забудь забрать свои визоры и вернуть мне микрофон. Мы уходим.

Так вот почему он все слышал!!! Микрофон! Глубоко вздохнув, я решительно сорвала с шеи кулон и, швырнув его в протянутую ладонь Андрея, направилась вниз по лестнице.

С гордо поднятой головой...

Только под утро я добралась до своего дома, усталая и раздосадованная. Всё удовольствие испортила эта наглая мисс Райт. Вот расскажу все Стешке!

Поспать удалось всего четыре часа. Понедельник не самый любимый мой день, однако, встреча с редактором, хоть и вымотала, но прошла успешно.

А вечером в течение пяти часов мы с Андреем и его помощником монтировали отснятый материал. Негодяй заснял даже наш разговор с Викторией. Оставила только потому, что смотрелось это... круто — и было отличным завершением, как ни противно в этом сознаться.

Но сил моих хватило на мстительное замечание:

— Надо же было так напиться, чтобы влезть на стол и танцевать эротический танец!

Ответный взгляд Андрея был исполнен жалости:

— Не искушенная ты леди, Диана, как я посмотрю. Открою тебе страшную тайну. Так станцевать, будучи пьяной, просто невозможно! Приглядишься — каждый мужчина уверен, что она танцует именно для него. Это искусство и еще больше таланта.

— И все равно она — самовлюбленная дрянь, — не сдавалась я.

— Отнюдь нет, — задумчиво качнул головой Савицкий.

— Тебе что, она так понравилась?

— Не кипятись, малышка. Я просто ценитель прекрасного. И она видно тоже — смотри, как оценила тебя. — Он увернулся от моих кулаков и радостно рассмеялся.

А потом сразу стал серьезен:

— Будем драться, или доделаем, наконец, репортаж? Меня, между прочим, Риана ждет. Пришлось сжать зубы и взять себя в руки. Кроме того, я чувствовала, что Андрей всё-таки немножко прав.

Ближе к полуночи репортаж отправился в Гугл.

Когда Савицкий узнал, для кого предназначались наши съемки, он покрутил пальцем у виска.

— Сдурела?

— А что такого? Политику снимать? Так ноль реакции!

— Ну, если не понимаешь, то толку объяснять?! Подрасти, Диана. Ты можешь стать неплохим журналистом, но пока до этого далеко.

Я хотела объяснить, что это всего лишь шутка, но слова его слишком ранили.

Сказала легкомысленно, раз он именно так обо мне думает:

— Если в течение недели Гугл не пришлет мне ответа, то продам репортаж на развлекательный международный канал MTV, а гонорар поделю поровну.

— Не надо, — буркнул он, — купишь себе мороженое!

Мне захотелось заплакать, когда он вышел, захлопнув за собой дверь.

Конечно про MTV — это не всерьез. Совсем не мой профиль. Да и не такая я смелая чтобы пустить подобное видео в открытый доступ.

Да что он понимает, этот Савицкий?! Он всего лишь оператор!

Но эта мысль совсем не утешала. Печальная шутка получилась. Просто кошмар, как все нескладно выходит. Он прав, конечно, мне еще работать и работать. Вот, к примеру — настоящая журналистка на моем месте обязательно бы воспользовалась предложением Виктории Райт... Наверное.

Жуть! Даже думать про это не собираюсь!

Уже следующим утром я снова окунулась в рабочие будни на ниве 'МосПресс' и других, менее крупных издательств, где нередко получала случайную работу. О светской вечеринке вспоминать не хотелось, слишком много потрясений от бессмысленной затеи. Одно я поняла — в следующий раз пойду на такую тусовку только под дулом пистолета!

Конечно, зря я отправила этот репортаж в Гугл, но сделанного — не воротишь.

Вот всегда так — все сразу навалится, и не знаешь, куда бежать. То неделями тоска зеленая, ничего нового не происходит, съемки рутинные, репортажи банальные, все вокруг надоедает, а душа рвется куда-то, хочется совершить что-то грандиозное... То как сегодня — и в салон красоты с утра обязательно надо, там запись на несколько недель вперед — пропустишь — и всё, жди потом. И снять небольшой интересный сюжет для 'МосПресс'. Доверили наконец. Материал они ждут завтра к концу дня. Да еще встреча вечером. Немного подумав, решила отложить репортаж на завтра — успею, не впервой. А к встрече подготовиться надо обязательно. Поэтому сегодня — в салон.

Еще статью закончить не мешало бы для 'ЖЖ', но это подождет. Два дня еще есть. Вот почту проверить лучше сейчас — селектор с утра мигает. Не обычную сетевую почту, а металлический ящик, в который приходит особо важная корреспонденция в красивых конвертах, надписанных настоящими чернилами.

Вот ведь! Мне реально некогда добежать до почтового ящика. Остался же такой пережиток прошлого! Хотя, вряд ли там что-то важное. Сегодня пятница, а значит, среди почты лишь очередные приглашения на всякие вечеринки для матери. Бесплезно распинаться всем, что она в Москве почти не бывает — все равно, регулярно присылают эти чертовы приглашения. Глянула в визор — виртуальные почтовые ящики тоже ломаются от всякой дряни. Сколько не ставь защит от спама, а все равно проникают. С другой стороны даже в этом барахле есть шанс добыть что-то интересное для статьи или новостей.

Лишь в очень-очень личном ящике пусто — абсолютный ноль. А это значит, что из Гугла опять ничего, на запросы не ответили и о скандальном репортаже — ни слова. Может не ждать, не мучиться больше?

Надо реально смотреть на вещи — работать в Гугл мечта, практически недостижимая. Вот где не посмотрят ни на родню, ни в кошелек. Им таланты подавай. Чтобы заметили, столько всего нужно сделать! Вроде и сделала. Репортаж, хоть и скандальный, пусть даже гламурный, но ведь вышел фантастический. Уж я-то им цену знаю. И даже Савицкому понравилось, иначе бы не ухмылялся так во время просмотра после монтажа! Неужели никого там не зацепило? Ладно, я ведь с самого начала знала, что идея плохая, так и чего жду тогда?!

Можно опустить руки, не рыпаться, плыть по течению. На жизнь хватает. Оформиться, наконец, в штат и прозябать в московском офисе каких-нибудь 'Вестей-5', да изредка в командировки летать. Только не по мне такое! Мне бы шашку, да коня, да на линию огня! Так дед говорил. Нет, я знаю, чего хочу. Стать штатным корреспондентом глобальной корпорации — настоящей журналисткой, пусть даже не в Гугл. Можно и чуть-чуть поскромнее. Ездить по горячим точкам или даже на другие планеты собственным корреспондентом. Там же кто-то работает? Не зря же отучилась три года — в самом престижном университете. Только обучение еще ничего не дает, тут еще либо связи нужны, либо как-то проявить себя. Но с моими связями, потолок — 'Космополитен'. А хочется в Гугл.

Упросила маму послать меня после универа в школу журналистики, где Стефан Олдмэн учился. Олдмэн — он принц, нет — король журналистики! Он-то в Гугл работает. Звезда...

И мама, хоть и не одобряла, но просьбу выполнила. Да что там, без ее поддержки, мне бы самой и не выжить, надо это признать. Вот если б стала работать в Гугл, сама бы себя обеспечивала.

А пока — почти все счета оплачивала мать. Виделись редко. Понятно — певица знаменитая — гастроли всякие, любовники, а дочка — лишняя обуза. Но про деньги для меня не забывала никогда. Или секретари ее помнили, не важно.

Конечно — та школа журналистики не для девочек, жестокая конкуренция, кошмарное проживание. Ну и что? Я смогла — год же всего, выдержала. Даже закончила с отличием. Иногда счастливая карта и мне выпадает.

Мама всё не верила, думала брошу эту школу и перееду жить к ней, но она даже не представляет, на что я способна. Да и откуда ей знать! Она хоть и звонит мне регулярно, но особо не слушает, вся в своих проблемах и переживаниях.

Даже не догадывается, что я работаю журналисткой в третьесортных изданиях, а то бы, наверное, подняла шум. Видимо, считает, что провожу время, отдыхая и бегая по вечеринкам. Она, к примеру, даже не знает, что на моей страничке в 'ЖЖ' посещаемость зашкаливает — каждая вторая запись попадает в топ-10. Конечно, я трудилась для этого каждую свободную минуту уже лет пять, статьи писала, конкурсы выигрывала, общалась. А это ведь часть моей жизни. Пусть блогерство приносило скорее моральное удовлетворение, чем какую-то реальную выгоду, но и таким способом порой удавалось получать реальную работу. А может хорошо, что не знает. Вряд ли ей пришелся бы по вкусу мой ник — Наездница. Очень уж он такой — вызывающий, что ли.

Скинув визор, вылезла из тренажера. Последняя модель, к слову. Удобно, сорок восемь положений и сотни разных нагрузок. Настроен индивидуально под мои данные — за двадцать минут удается получить нагрузку почти на все группы мышц. Времени реально не хватало, но без тренажера не обойтись. Ночью пришлось не спать, а все равно... Строчила статью, как полоумная, но успела же. Так, хватит ныть. На душ десять минут. Завтрак... Фиг с ним. Обойдусь. Тем более в салоне можно выпить хороший кофе.

Контрастный душ взбодрил. Глаза открылись, щеки слегка порозовели. Оделась в спортивный костюм. Ужасно конечно идти в салон в таком виде, но ничего не поделаешь. Жутко боялась повстречать Викторию Райт, а ведь в таком месте это как раз возможно.

Да и было, отчего сходить с ума. Два приглашения на ужин проигнорировала, но шикарные букеты цветов продолжали поступать каждое утро — с пугающим постоянством. Страшно представить, что последует дальше. Говорят, Виктория всегда добивается своего...

А в салон надо обязательно — итак откладывала до последнего. Надо пройти все процедуры. Тем более, вечером встреча с одним перцем из Гугла. Выглядеть надо на все сто. Надежда, что он чем-то поможет, замолвит словечко, хоть и крохотная, но остаётся.

Вовсе не факт, что мне с ним крупно повезло, но его настойчивость даже чем-то понравилась, переписывался в скайпе не меньше двух часов, вопросы разные задавал, немного флиртовал, и вообще, казался очень милым. Ничего — увижу, пойму, что за фрукт — давно научилась определять тип мужчин за пару минут, если очередная пустышка, то просто пообедаю и успею еще заскочить в 'Босес'. Там по пятницам — хорошие заказы бывают. Одно неудобство, что не посети, а лично приезжать надо. Но в этот раз мне это только на руку. Офис их как раз возле 'Империал Гугл Фит' — самого крутого ресторана. Не удивительно — парень из Гугла может себе позволить. Обязательно там поем, хотя бы из принципа. Надо же попробовать, чем кормят в таком месте. Не то, чтобы у меня денег не

хватало на рестораны, просто 'Гугл Фит' только для своих — членскую карточку раздобыть не легче, чем попасть к ним на работу.

Могла бы мать попросить раздобыть для меня такой пропуск, но не стала. Вопросы будут... Или еще хуже — не будет ни вопросов, ни карточки.

Вызвала аэротакси, уже спускаясь по лестнице — летать по городу куда удобнее и быстрее, чем пробираться по улицам на автомобиле. Как постоянной клиентке, машину подавали в считанные секунды. На этот раз перед парадным уже завис темно-зеленый коптер моего старого знакомца. Как-то двое суток подряд катал меня на сложных съемках. Не было времени совершенно, но стопку конвертов все-таки выдернула из почтового ящика практически на бегу. Совестно стало, вдруг для матери что-то важное. Для меня ничего быть не могло. В сети никто моего адреса не знает. А те, на кого работаю, связываются по визору. Просмотрю конверты в Салоне, если получится. Там же и выкинуть можно. Пока же — сунула в сумочку.

Люблю летать, потому всегда сажусь впереди. Старина Михалыч, зная это, уже распахнул переднюю дверцу.

— Доброе утро, Леди Ди!

— Не называйте меня так, — сказала резче, чем хотелось. Ненавижу это имя. Мама так называла при гостях. Устроилась в удобном кресле и примирительно улыбнулась:

— Привет.

— Не сердитесь, — проговорил Михалыч, плавно взлетая в воздух, — Вы сегодня просто красавица.

Ага, в спортивном костюме, кроссовках и огромных солнцезащитных стеклах поверх визоров!

— Не смешите меня. Я сегодня должна быть неприметной и надеюсь — так и выгляжу.

— Вам не стать неприметной, Диана, уж простите.

— Ага, конечно! — Что он понимает! В таком виде в салон могут прийти разве что какие-нибудь внезапно разбогатевшие провинциалки, либо совсем уж странные личности. Но на что только не пойдешь, чтобы скрыться от настойчивости крутой топ-модели! Вслух я попросила: — Поторопитесь, пожалуйста. Я слегка опаздываю.

— Вы все время опаздываете, — вздохнул он, ощутимо прибавляя скорость. Эх, люблю я летать!

Жаль, что совсем близко. Долетели быстро и без приключений. Плату за поездку я перевела прямо с визора и помахала на прощанье рукой.

В фойе здания 'Афродита' как всегда суета. Шла быстро, опустив накладные стекла и подняв воротник. И всё равно жутко боялась, что увижу Викторию, и она всё-таки меня узнает. Жаль, что она здесь бывает, это мне Риана сообщила со смехом. Ей-то смешно, у неё Савицкий и вообще все хорошо. Она не понимает что ли, как опасно перейти дорогу подобному человеку?!

Но менять салон я просто не могу. Мать оплатила абонемент на год, как всегда, а тратить деньги на что-то подобное в другом месте — невероятно глупо. Слишком дорогое удовольствие. Да к тому же здесь знают, что я люблю и как, не надо объяснять, ведь и понять не так могут, да и вообще — нравится мне этот салон, привыкла.

Какой-то парень в холле весело подмигнул. И откуда они здесь берутся, с таким богемным видом — и обращает внимание на такую, как я, усиленно строящую из себя провинциалку? Или рассчитывает, что подобную особу завоевать легко? Ага, разбежался.

Делаю вид, что не заметила, и тут же с ужасом замечаю стайку девушек в невообразимо модных нарядах. Сердце невольно делает прыжок и оказывается где-то в пятках, пока они пересекают холл, негромко переговариваясь между собой, чему-то смеясь. Может, обсуждают новое увлечение Виктории Райт? Ага, у меня уже паранойя! Осторожно отхожу от лифта, в который они загрузились. Беглый взгляд и вздох облегчения — парочку-тройку я узнала — были на той закрытой тусовке, но Виктории среди них нет.

— Прячемся от кого-то? — ласково прошептал на ухо тот самый тип, подмигнувший в холле, и теперь неизвестно как оказавшийся рядом. Я вздрогнула от такой наглости. Заняться что ли нечем?

— От тебя, — ответила, сдержав более грубый ответ, и проскользнула в свободный лифт. На двадцать седьмом этаже меня уже ждут. Администратор улыбнулась приветливо-дежурной улыбкой, делая вид, что не видит ничего необычного в моем наряде:

— Здравствуйте, Диана, вы как всегда?

Киваю в ответ и как бы, между прочим, интересуюсь, протягивая членскую карточку:

— Скажите, а правда, что у вас бывает Виктория Райт?

— У нас многие бывают, — неопределенно ответила обычно нейтрально-холодная девушка.

Ладно, кладу перед ней купюру, из своего НЗ — редко когда приходится расплачиваться наличными, но всегда беру с собой немного в подобные заведения.

— Мисс Райт как раз посетила нас вчера, если вам это интересно, — любезно сообщила девица, забирая купюру.

— Спасибо, — сдержав вздох облегчения, пошла вслед за служительницей за знакомую дверь. Сначала — массаж. Расслабляясь под сильными пальцами массажистки, наконец, смогла подумать о чем-то хорошем. Например, о том, что давно не летала на параплане. Надо обязательно устроить себе выходной.

Едва не заснула после всевозможных обертываний в сауне, но задремала точно. Бессонные ночи сказываются. Отоспаться бы тоже не мешает, заснуть эдак дня на три, отключить всё... Только так карьеры не сделаешь. Как же хорошо, когда за тобой ухаживают! На этот раз не утерпела, прошла все возможные процедуры — раз уж решила, что впереди только свидание, можно себе позволить. Спустя несколько часов у маленькой подвижной Илоны, парикмахера-стилиста, почувствовала себя на удивление свежей и отдохнувшей.

Представляла себе сегодняшнее свидание с загадочным типом под ником Шершень, под легкий, ни к чему не обязывающий щебет Илоны. Какой он интересно? И правда ли, что работает в Гугл? Может, просто соврал? Жаль, если так, общение вышло интересным. Еще может оказаться, что это вообще старик какой-нибудь, или уродец. Ладно, нет смысла переживать заранее.

— Дианочка, вам нравится?

Ой, не заметила, что уже все.

— Восхитительно, — расслабленно кивнула я. По мне и правда — здорово. Умеют они преобразить, ничего не скажешь.

Из зеркала на меня смотрела незнакомка с блестящей гривой светлых волос, обрамлявших загорелое лицо и ярко-зеленые глаза. Это не цветные линзы и не пластика. Цвет достался от папочки, которого никогда не видела. Говорят, сердцеед был и ловелас. Не знаю даже, жив ли он. Узнавать не хочу, хотя по сети это сделать элементарно. Просто из

принципа. Кажется он актер, только я фильмы художественные не смотрю давно, мне совершенно безразличны прожигатели жизни, которые в них играют. Может, как раз из-за отца? Вот ведь, вспомнился на мою голову!

Вообще, мужчины, по-моему, довольно примитивные существа. Хотя встречаются и среди них уникамы. Взять хоть Андрея Савицкого или лучшего из всех — журналиста Стефана Олдмэна. В 'ЖЖ', кстати, он больше известен, как Старик, но мне даже нравится его ник. Вот ради него я бы и на светский раут еще раз сходила, несмотря на всех Викторий на свете. Только мэтр на них не бывает, к счастью.

Пока делали маникюр, вспомнила снова о почте. Вот так, мне бы о сюжете завтрашнем думать, а не о всякой ерунде! Хотя всё равно ведь заняться нечем, не журналчик же листать с обворожительной мисс Райт на обложке! Аж передернуло, когда предложили. Лучше уж мамини приглашения, чем коситься на гламурную красотку. Педикюр освободил руки, и я открыла сумочку, попросив работницу подвинуть ближе утилизатор для бумаг. Первое приглашение для матери эта умная машинка зажевала за секунду с приятным урчанием. Возник соблазн сунуть туда всю пачку, не читая. Но мастер, молоденькая девчонка, искоса следящая за моими движениями, не позволила это сделать. Не в прямом смысле, конечно. Но её тоскливый взгляд, украдкой брошенный на очередное, брошенное в мусор приглашение, растрогал. Решила подарить ей парочку неименных. А что, пусть сходит.

С этой целью начала просматривать содержимое конвертов внимательнее. Два таких нашлось сразу. Небрежно спросила, не нужно ли. Девушку бросило в краску, видно что-то стоящее на ее взгляд. Её улыбка стала гораздо искренней, она лепетала слова благодарности и даже предложила сделать 'офигительный' педикюр за счет заведения. Я пожала плечом, соглашаясь. Что там можно сделать 'офигительного' — не представляю, однако, не огорчать же человека.

Ого, а вот это что-то новенькое! Приглашение для меня. Удивленно открываю и испытываю очередное потрясение от слов: 'Виктория Райт рада будет...'. Кошмар. Сильно краснея, с некоторым даже мстительным удовольствием отправляю зеленый конверт в пасть умной машинки. Мусоросборник продолжает утробно урчать под жалостливыми взглядами девушки-мастера. Делаю вид, что не замечаю. Хватит с нее двух вечеринок в высшем обществе. Им только дай палец, руку норовят отхватить. Да и нет на этих тусовках ничего хорошего. Зря я вообще дала! Следующие пять штук отправила все вместе, не читая. На глазах девушки слезы, или это мое воображение разыгралось. Какие все нежные, ё-мое!

И тут мое сердце снова провалилось куда-то вниз, смывая все мысли из головы. Это я наткнулась на последний по счету плотный конверт из белого с голубоватым отливом пластика. Совершенно обалдевшими глазами рассматривала знакомую до боли эмблему. Зрение мне не изменяет — в правом верхнем углу серебрится значок Гугл!!!

Руки мгновенно вспотели. От кого-то я слышала, что они могут прислать по наземной почте отказ — вроде как, чтобы не так огорчать соискателей.

Не могу открыть! Просто от шока, наверное. Или потому, что здесь мастер? Не могу показывать свои чувства на людях. А что со мной случится, когда увижу содержимое письма — предсказать трудно. Я ждала этого с пятнадцати лет! Срочно вызвала по визору Михалыча.

Сдерживая волнение, довольно холодно поинтересовалась у девушки — долго ли еще? Это как раз последняя процедура. Разрывая сердце на части, прячу конверт обратно в сумочку, ожидая обещанные 'пять минут'. Боже, столько лет ожиданий! Жутко представить,

что в сумочке лежит билет в рай или ад, а я не могу посмотреть немедленно, и, как идиотка, жду, пока доделают 'офигительный' педикюр. Секунды тянутся невыносимо долго. Это видно наказание мне такое, что расстроила девушку глупой ненужной демонстрацией. Да всё бы ей отдала, включая приглашение к Виктории Райт, если б только знала, что меня ждет!

Наконец-то свободна. Даже не посмотрела на работу мастера, быстро натянув носки и кроссовки. Девушка недоуменно смотрела мне вслед. Сжав волю в кулак, я шла, не теряя достоинства. Слишком долго вбивали мне в голову, что даже в робе я должна выглядеть, как леди. Для кого, спрашивается? Ну как же, для себя, прежде всего. Изменить себя не могу, да и не хочу. В Гугле тоже ценится стиль и умение себя подать...

Михалыч уже ждал. Тот самый парень, пристававший у лифтов, бросился наперерез. Вежливо остановилась, горя желанием врезать ему по... неважно куда! Однако я сегодня добрая.

К тому же, никогда нельзя упускать из внимания, что именно этот может оказаться героем моей следующей статьи. Дала ему минуту, скинув визоры, выслушала предложение пообедать в 'Империал Гугл Фит'. Вот это да! Разочарование боролось с удивлением. Отрицательно покачала головой, хотя совпадение заставило сердце едва не выпрыгнуть из груди. Михалыч ловко, как это умеют только таксисты, отёр парня, освобождая мне доступ в кабину.

Но и в дороге не решилась достать конверт. Михалыч молчал до самого дома, словно понимал мое состояние.

Дом, милый дом! Не очень-то я люблю это место, но сейчас просто обожаю. За секунду взлетаю в свою комнату, горя нетерпением и терзаясь страхом. Что-то не так. Я все еще не могу расслабиться и села прямо на пол, гипнотизируя конверт. Кажется, что его поверхность светится каким-то сиянием, но скорее всего, это искусственное освещение играет со мной злую шутку. В голову пришла глупая мысль, что я едва не скормила послание Гугла в пасть мусоросборника вместе с пачкой приглашений.

Всё! Не могу больше!

Тяну за ленточку, открывая конверт, и он с едва слышным шелестом расходится по линии разреза. Лист такой же плотной бумаги заполнен красивыми буквами, но я никак не могу уловить смысл. Как же хочется сунуть голову под струю ледяной воды. Но не теперь же, сразу после Салона! Звонок на визор приводит меня в чувство. Мама! Как не вовремя!

— Диана! — Голос далекий и какой-то холодный, впрочем, как всегда. Улыбка какая-то нарочитая. — Мне надо сказать тебе одну новость, и не надо благодарить. Я твоя мать, в конце концов! Моя подруга работает в Космо. Место помощника редактора светской хроники в Нью-Йорке — твое!

С каких это пор мать взялась подыскивать мне работу? Торжество в ее голосе заставляет меня отвечать мягче:

— Какая подруга, мама?

— Ты ее не знаешь. Ей рекомендовала тебя Виктория Райт. Я, конечно, знала, что девочка в Москве, но даже не представляла, что вы так хорошо знакомы. Очень этому рада!

На меня словно холодный ушат воды вылили. Голос охрип, я едва смогла ответить:

— Спасибо, мама, я свяжусь с ними. — У меня нет ни времени, ни желания объяснять свой отказ. Она просто не поймет.

— Ди, не тяни с этим! Долго они ждать не будут.

— Конечно, мама.

Как же мне хотелось поделиться с ней новостью! Сам Гугл прислал мне письмо! Даже она не сможет не оценить это!

— Мам..., - начала я. Стоп! Я же не знаю, что там!

— Удачи, детка! Чмоки-чмоки.

Меня передегивает от такого прощания, тщетно ищу тепло в ее глазах. Не нахожу. Изображение тает.

Отчего-то наворачиваются слезы. С какой стати! Я не плакала уже лет сто! Злость на нахальную 'девочку' Викторию Райт высушила их почти мгновенно, заодно и нервы успокоились. Хватаю упавший лист бумаги и читаю, наконец, текст:

'Уважаемая Диана Морозова! Компания — дальше шло перечисление всех официальных титулов — Гугл рада приветствовать Вас!'

Быстро пробежав глазами текст, подпрыгнула уже от радости. Слова — о приглашении на собеседование такого-то числа в такой-то кабинет ровно в пятнадцать ноль-ноль музыкой прозвучали у меня в голове. Даже просьба не опаздывать не смогла испортить настроения. Вполне нормальный подход. И откуда им знать, что я всегда успеваю вовремя.

Хотелось петь, плясать, громко крикнуть, выйдя на балкон, совершить какое-нибудь безумство, но я лишь улыбалась, глядя на себя в большое зеркало и представляя, в каком виде пойду на собеседование. Я повторяла про себя заветные слова приглашения, когда в ужасе замерла от пришедшей в голову мысли. Какого числа? Не веря своей памяти, заглянула в листок. '26 мая 2075 года'. Сегодня! Ровно в три!

Несколько секунд я продолжала тупо глядеть в листок, а потом взвилась, как на пружине. Зачем я так тянула! До трех оставалось двадцать восемь минут. Салон отнял у меня половину дня! Почему, ну почему я не посмотрела почту сразу? На ходу выпрыгивая из спортивного костюма, вызвала Михалыча. Пообещала ему огромную сумму, если мне удастся успеть. Зеленый строгий костюм надевала меньше минуты. Волосы трогать не стала. Растрепаться не успели и ладно. Слава создателю, знакомый темно-зеленый коптер уже меня ждал.

— В Гугл! — выдохнула, забираясь внутрь, — Михалыч, миленький, гони!

Коптер рванул вперед с такой силой, что меня вдавило в кресло. Я давно не испытывала стартовых перегрузок и была им рада до бесконечности. Ведь в Гугл при нормальной скорости лететь как раз полчаса.

Михалыч ничем не показал удивления, все внимание уделяя только безумной гонке. Я не могла оторваться от визора, который отсчитывал минуты до встречи. Оставалось семнадцать минут, когда мы пролетели половину пути. Нервы, казалось, напряжены до предела.

Десять минут. От невероятной скорости заложило уши и приходилось часто глотать. Девять минут. Здание уже видно вдали. Но близость обманчивая. Шесть минут тридцать секунд. Подлетаем. Пять минут сорок пять секунд. Успела!

Но радость оказалась преждевременной. Контроль на входе в титанический зеркальный небоскреб московского офиса Гугл оказался круче, чем в космопорту. Охранника, проверяющего меня по всем мыслимым каналам, я готова была убить самым жестоким способом уже через пятнадцать секунд. В результате у лифтов оказалась за две минуты двадцать семь секунд до встречи. По сброшенной на визор карте, успела выучить путь до

кабинета, пока стеклянная кабинка ползла вверх со скоростью черепахи. Седоватый мужчина, просочившийся в кабину в последний момент беззастенчиво пялился на меня все время подъема. Да еще невероятно долго выходил на этаж ниже, чем мне было нужно.

Когда лифт, наконец, остановился на пятьдесят седьмом этаже, в запасе оставались сорок три секунды. Самые нелепые мысли приходят в голову, когда сдаешь кросс. Успеть бы! Только бы успеть! Отчаяние подступает к горлу то ли слезами, то ли тошнотой. Уверена, что побила мировой рекорд по бегу. Семь секунд! Вот и нужная дверь. Сердце стучит где-то в трахее, а ноги стали словно ватные. Перевожу дыхание, стараясь прийти в себя. Три секунды! Постучала. Ноль секунд! Дверь бесшумно отъехала в сторону, и приятный бархатный голос произнес откуда-то из глубины:

— Проходите, Диана. Рады вас видеть!

До конца не справившись с дыханием, захожу в большой кабинет. Трое мужчин — а не один, как почему-то представляла, а я толком даже к разговору не готова. Ну и ладно — главное — успела!

— Во-первых, здравствуйте, Диана! — Прервал молчание худой мужчина, расположившийся посередине. Впилась в него глазами, стараясь разгадать, что же меня ждёт. Ведь не просто так пригласили? Не для того, чтобы сказать: 'Нам очень жаль!?' — меня зовут Виктор Андреевич Неверов. Заместитель редактора новостного отдела. — Хотите кофе, или что-нибудь покрепче?

— Добрый день, очень приятно, — голос, наконец, ко мне вернулся, и я вежливо улыбнулась. — Просто воды, пожалуйста.

— Присаживайтесь.

Я прошла к столу и села в единственное кресло с этой стороны широкого стола. Очень комфортное кресло, надо сказать, отчего стало чуть легче на душе. Уверенность по каплям вливалась в жилы.

Интересно, о чем спросят — собеседование ведь. Виктор Андреевич собственноручно налил из бутылки воды в высокий стакан и толкнул его ко мне через весь стол. Пришлось ловить. Еще говорят, что женщин не проверяют на ловкость и прыгучесть.

— Диана, — облокотился на стол мужчина справа, подавшись вперед. Большие карие глаза окружены сетью морщинок. Явная доброжелательность с его стороны еще больше приободрила. — Позвольте представиться. Александр Мудров. Можете звать просто — Ал. После подписания контракта, стану вашим непосредственным начальником.

— После подписания контракта? — поперхнувшись глотком воды, переспросила я.

— Ну а зачем мы вас пригласили, по-вашему? — Вступил в разговор третий мужчина — стройный смуглый тип в спортивной мягкой куртке с капюшоном. Отвечая на мой взгляд, он снял визоры и в свою очередь представился — Марат Токаев. Зовите, как захотите. Вам можно.

— Спасибо. Очень приятно. — С этим, по крайней мере, я знала, как себя вести. — Кем для меня будете вы?

Он лениво улыбнулся, и я тут же поняла свою ошибку. Вот так, стоило возомнить о себе что-то умное, как сразу влипла.

— Я для вас буду самой большой проблемой.

— Марат, не пугай девушку, — укоризненно произнес совершенно серьезный Виктор Андреевич. — В случае вашего согласия работать в Гугл, Марат станет вашим администратором. С оператором мы вас познакомим позже.

У меня голова шла кругом, или это реакция организма после забега. Сколько раз репетировала гипотетический разговор с сотрудниками Гугла, но ни разу не думала, что все будет так просто и в то же время не без подводных камней.

— Позвольте, Виктор Андреевич, — обратилась я к замреду новостей. — Правильно ли я поняла, что вы меня принимаете в штат без собеседования и готовы прямо сейчас подписать со мной контракт?

— Почему же без собеседования? — Он мне так ни разу и не улыбнулся. — Марат уже провел с вами собеседование, мы впечатлены вашим умом и эрудицией... ну и всем остальным. Да, мы с радостью подпишем с вами контракт. Вы смелая, целеустремленная девушка. Репортаж ваш выше всех похвал, — он усмехнулся, — впечатлил, правда. Ваши статьи нравятся даже главному, а он далеко не все читает, что пишут неизвестные московские фрилансеры. Но, — взмахом руки он остановил мою попытку задать вопрос. — Разумеется, у нас есть несколько условий. У нас серьезная организация и мы очень ценим и свое, и ваше время. Поэтому, позвольте говорить прямо и откровенно. Первое. Подписывать контракт прямо сейчас вы не обязаны. Мы даем вам время подумать до завтра. Второе. Контракт придется подписать сроком на год. Это стандартный срок для молодых сотрудников новостного канала на периферии. Испытательный срок в вашем случае, единогласно посчитали излишним. Теперь самое главное. Ваша работа будет отнюдь не легкой. И точно не на Земле. Прерия — очень молодая планета и мало изученная. Да, экономика и политика развиваются там семимильными шагами и есть даже свой медиаканал, но... вы станете первой профессиональной журналисткой Гугла на Прерии, и пока что единственной. Остальное узнаете после подписания.

Он резко оборвал свою речь и все трое изучающе уставились на меня.

— Вопросы? — улыбнулся мне Александр.

— Я не... Можно узнать, когда Марат проводил со мной собеседование? — невпопад спросила я. Была слишком ошеломлена открывшимися перспективами, чтобы мыслить здраво.

— В личной беседе, — охотно ответил сам Токаев и подмигнул. — Мой ник Шершень. Припоминаете?

Боясь покраснеть, не стала на него смотреть и качнула головой. Так вот с кем мне пришлось беседовать вчера в течение часа! А я еще так дерзко отвечала...

— Вопросы? — подбадривающе спросил Александр Мудров.

— Больше вопросов нет, — выпалила я. — Я согласна!

— Решительная девушка! — восхитился Виктор Андреевич. — А ведь вы даже не спросили об оплате, страховке, соцпакете. Неужели не интересует?

— Честно? — я посмотрела ему в глаза. — Я вам доверяю в этих вопросах. О вашей бескорыстности и любви к справедливости легенды ходят!

Он поморщился и усмехнулся:

— Туше. Мы вас не обидим, Диана, — его тон изменился на деловой. — Алекс, приготовьте контракт. Ди, когда готовы приступить?

— Сейчас, — твердо ответила я.

— Это хорошо. Мы рассчитывали на такой ответ. Но думаю, сутки на сборы вам просто необходимы?

— Да, спасибо, — примерно на что-то в этом роде и я рассчитывала. О Боже! Прерия! Потом подумую об этом!

— Ну что ж, — Виктор Андреевич поднялся и потянулся так, что захрустели кости, — а теперь приглашаю всех отобедать. Там и обсудим детали контракта, и подпишем его. Очень надеюсь, Диана, что вы голодны не меньше нас.

— Да, — боюсь в моей улыбке отразилось всё счастье, которое испытывала от такого потрясающего исполнения заветной мечты. — Очень голодна!

В ресторане было просто красиво. Неброско и тихо красиво. Бывала я и в более стильных местах, хотя не часто — предпочитаю еду заказывать на дом. Разве что случались важные переговоры — вот как сейчас.

Нас встретили улыбками, вежливо и доброжелательно — без всякого подобострастия, что мне очень понравилось. Не люблю липкую приставучесть. Виктор Андреевич указал мне на неприметную нишу в глубине зала, ведущую к внутреннему лифту. Значит, не в общем зале, это тоже хорошо. Я незаметно осматривала многочисленных посетителей, пока мы шли между столиками. Тесновато, к слову, для такого дорогого и престижного места. Заметила пару-тройку примелькавшихся журналистов, ничего особенного. Чуть не вывихнув шею — но так, чтобы это выглядело максимально естественно! — я поняла, что никого очень уж важного здесь не видно. Наверное, если и есть, то они так же, как мы, идут в другой зал...

Лифт в мгновение ока поднял нас на последний этаж, и я едва смогла сдержать вздох восхищения. Открытая площадка, залитая светом, фонтаны таких причудливых форм, каких больше нигде не видела — маленькие радуги в каждой капле. Столиков немного, среди буйной зелени настоящего сада все и не увидишь. Те, мимо которых прошли, заняты. И кем! Взгляды воротил медиабизнеса благосклонно скользнули по мне, заставив сердце учащенно забиться. Вот теперь до конца стало ясно, насколько мне повезло. Бог мой! Меня приняли! Нет, стоп, нельзя сейчас думать об этом. Подумаю дома. Все уже совершилось, а значит, надо наслаждаться. Контракт, правда, еще не подписан, но теперь, после того, как попала сюда, это мелочи, дело нескольких минут.

Наш столик стоял у самого края — рядом с изящной решеткой, увитой виноградными лозами. Вид на город открывался потрясающий. От высоты сладко замирало внутри. Чувство сродни полёту на парашюте. Хотя зачем сравнивать. Мне сейчас хорошо и точка.

Виктор Андреевич галантным жестом предложил мне присесть, и я обрадовалась месту, с которого открывался великолепный обзор. На город и многоярусный фонтан с золотистыми статуями греческих богов, и даже на столик, за которым обедал Дж. Т. Правда, самого завидного жениха планеты в поле зрения не оказалось, зато я могла в подробностях рассмотреть его юную пассию. Нда, нашла время. Веду себя как мамаша, честное слово.

Мои спутники успели рассесться вокруг. Неверов — справа, Александр — слева, Марат же занял место напротив, снова заговорщически подмигнув. Ну-ну — конечно, разбежался. Если он думает, что наш вчерашний разговор дает ему на меня какие-то права, он глубоко ошибается. Ну, пригласил на обед — и что?

На столе, сервированном на четыре персоны, нас уже ждали только-только испечённые булочки с хрустящей корочкой. В ведерке матового стекла охлаждалась бутылка "Франчапорты" 2070 года, как любезно озвучил официант, разливая вино по высоким бокалам-"флейтам". В качестве сопровождения к игристому дару лозы нам подали черную икру в серебряной чаше и свежие устрицы.

— Взял на себя смелость сделать заказ заранее, — поймав мой взгляд, пояснил Виктор Андреевич.

— Хороший выбор, — улыбнулась я ему, отпив маленький глоток. — Очень удачный год в Ломбардии.

— Совершенно верно, — кивнул он с тенью восхищения на лице. — Вот выбор основных вин я уступлю, как джентльмен, даме. Слово за вами, Диана.

Интерактивное меню повисло над столиком. Я вдруг ощутила зверский голод, запах свежей выпечки сводил с ума. Надо же. Давно такого не было. Выбрала я быстро. Не люблю, когда заказывают по полчаса. Тем более что мужчины терпеливо ждали. Мне хотелось произвести лучшее впечатление — по крайней мере, на двух из них. Потому заказала легкий салат с морепродуктами и карпаччо из семги и морского гребешка с рукколой и пармеджано-реджано. К нему розовый Тавель. На горячее — каре ягненка в соусе Жу и к нему бокал самого любимого мною из бордосских вин "Шато Шеваль Блан" 2068 года — сочетание, на мой взгляд, беспроигрышное.

Одобрение в глазах Виктора было приятным дополнением, он в точности повторил мой заказ, а Александр и Марат предпочли большие сочные куски полупрожаренного мяса — стейки медиум, овощи-гриль, и к ним красное аргентинское вино.

Обед проходил в непринужденной обстановке, тихая мелодия приятно ласкала слух, вкус еды превзошел все ожидания, так что строить из себя девицу на жесткой диете я не стала, а отдала обеду должное. Мои спутники тоже поглощали свои порции с завидным аппетитом, так что к разговорам мы перешли, лишь, когда принесли кофе и фруктовый шербет.

То есть не сразу.

Едва Алекс задал какой-то вопрос, как Марат прервал его, со словами, что 'это может быть мне интересно'. На повисшем над столиком трехмерном голоэкрane возникло красочное изображение космического корабля. На фоне интерьеров пассажирских кают показали улыбающихся в камеру старшеклассников, занимающих места "согласно купленным билетам". Молоденький репортер из 'Адвенчес', знакомый мне по одной прошлогодней работе, брал интервью у пассажиров. Коротко расспросив ребят, как они себя чувствуют и довольны ли выпавшим шансом, он хорошо поставленным голосом обрисовал ситуацию очень профессионально и оптимистично. В его репортаже рассказывалось о начале массовой отправки специалистов-колонистов на Прерию для освоения молодой и очень перспективной планеты.

Действительно, интересно, ведь завтра, насколько я поняла, и мне предстоит совершить перелет на эту самую Прерию, где ожидает новая жизнь в качестве репортера Гугла. Именно там начнется моя карьера в компании — крупнейшей в медийном бизнесе. И я должна, нет — обязана показать весь свой профессионализм, находчивость, ум, интуицию — все, на что способна. Волнение отозвалось бабочками, порхающими где-то в груди. Прерия... Как там все будет? Я уже немало слышала о ней, но не придавала особого значения. Привычный новостной дайджест. Кто же знал, что так все повернется? Но сейчас интерес утроился, а скорее даже удесят�ерился. Как вернусь домой — постараюсь нарыть все, что можно и что нельзя об этой планете. Даже если придется не спать вторую ночь подряд. Отосплюсь в космолете.

Изображение погасло, и Виктор Андреевич вопросительно посмотрел на меня.

— Ди, вы еще не передумали? Вас там будет ждать все самое лучшее, но все же, так далеко от привычного мира... Вы можете отказаться, мы пойдем.

И упустить свой шанс? За кого они меня принимают?

— Давайте подпишем контракт, Виктор Андреевич, чтобы подобных вопросов больше не возникало, — спокойно ответила я, хотя внутри опять все кипело.

Александр достал стопку листов в пластиковом файле. И осторожно подвинул ко мне. Просматривала быстро и внимательно в полном молчании. Всё верно и понятно на первый взгляд. Никаких ловушек я не заметила, хотя и ожидала. Странно всё же, что всё так удачно сложилось. И условия самые лучшие, о каких только мечтала. Не торопясь вынула из сумочки свое вечное перо и поставила подпись.

Следом за мной, документ подписали Неверов, затем Алекс. Потом сканер считал наши отпечатки пальцев, и сделка была завершена.

— Ну а теперь, когда контракт заключен, хочу вас обрадовать, Диана... а быть может огорчить. Кто знает? — На слова Неверова мужчины переглянулись с понимающими улыбками и снова посмотрели на меня с удвоенным интересом.

Что еще? Сама не ожидала, что такотреагирую. Сердце вдруг провалилось куда-то, а потом снова гулко застучало в груди, перехватывая дыхание. Ну что? Почему так тянут?

— Вы там не просто журналисткой будете, — произнес Ал, самый мягкий из них.

— А... кем?

— Специальным Корреспондентом. — Веско произносит мой куратор. — Диана, решение это пришло после просмотра вашего репортажа. Вы умеете заставить зрителя сопереживать, а это... Короче, вам доверяют вести авторскую программу.

Ощутила нехватку воздуха. Да как же это? Вот так сразу?!

— Ди, вы нас слышите? — голос Ала доносился до меня будто сквозь вату. — Скажите что-нибудь.

— И прежде всего, — деловито вмешался Неверов, — нам необходимо обговорить сроки. Для начала программа будет выходить еженедельно. Потом посмотрим по рейтингам. Сейчас медиаканал Прерии, хоть и перешел к нам, и один из лучших наших специалистов там уже больше месяца, рейтинг... как бы выразиться помягче... очень мал.

— Понимаю, — я нашла, наконец, в себе силы и ответила достаточно твердо. — Когда должна выйти первая программа?

— А вот это вы нам скажете сами. Сколько времени вам понадобится?

Неверов пристально следил за моей реакцией. И я поняла, всё — уже работаю. Сколько же? На мой репортаж ушло всего два дня, нет — не то. Вспомним репортаж про хоспис — две недели на подготовку материалов, три дня съемок, и только на организацию ушло неделя или чуть больше... Сказать — две недели? Могу не успеть и всё тогда. Месяц? Не многовато ли? 'Решайся же!' — командую себе, сжимая кулаки. Незнакомая планета, никаких связей. А, будь что будет!

— Месяц! — произношу твердо.

— Отлично. Детали пришлю вечером, — нисколько не удивился куратор.

Поднялась, поняв, что разговор закончен, мужчины сразу последовали моему примеру, пожали руку и поздравили вразнобой. Но я их почти не слышала. Слишком сильный шум стоял в ушах от фанфар победительницы, и лишь непонятная нотка тревоги диссонировала с общим фоном. Что ждет меня на Прерии?

— Встречаемся в космопорту в полдень. До вылета будет еще часа два. Перекусим и успеем обговорить детали, — сказал Марат, когда мы уже спускались на лифте. — Билеты забронированы.

— Спасибо, — в голове все смешалось от обилия информации.

— Ах, да. Я вам сбросил свой контакт, Диана. Свяжитесь в любое время, если возникнет необходимость. — Токаев улыбнулся очень тепло, почти интимно. — Сработаемся!

Отказавшись от предложения админа проводить меня домой, я оказалась перед входом в башню Гугла в полном одиночестве. И как же удивилась, да что там скрывать, и обрадовалась, когда словно ниоткуда передо мной выросла коренастая фигура Михалыча.

— Леди Ди, карета вас ждет, — улыбнулся он.

Я засмеялась, готовая его обнять, но сдержавшись, заняла место в просторном салоне. Вспомнив, что так и не оплатила гонку, скинула с визоров втрое больше обычного — заслужил ведь, да еще подождал. Лишь попросила отменить все вызовы до завтрашнего дня, пояснив под большим секретом, что завтра покидаю Москву.

Увидела на его лице огорчение и мне самой вдруг стало немного грустно, но все же радость от свершившегося быстро победила.

Вот и все. Мечты сбываются! Пусть кто-то не верит, но это так! Подумать только! Авторская программа! Нет, я о таком даже не мечтала. Не так сразу!

— Домой, Михалыч. Надо собратсья в дорогу, — отвечаю на его вопросительный взгляд. — Ночью повозишь по магазинам? Все равно ведь не усну...

— Весь ваш, Ди. Только ваш. Куда прикажете.

Еще по дороге домой Неверов скинул мне на визор копию договора и пакет документов, которые предстояло изучить. Так же сообщил, что на мой личный счет переведен аванс плюс командировочные. Быстро посмотрела сколько — сумма вызвала легкую оторопь. Хотя и надеялась, что Гугл будет платить хорошо. Но столько? Ведь ничего еще не сделала! Нет, уже работаю. Даже сроки первой программы озвучила. Всего месяц! Успею ли? А куда деваться! Спецкор...

Ха. А оплата Спецкору — это вам не простому журналисту. Живём! Значит можно затариться в дорогу по полной. И, наконец, осуществить мечту — купить кучу мелочей, на которые вечно не хватало денег — мать далеко не все счета оплачивала — лишь самые необходимые на ее взгляд, так что приходилось экономить. Например, параплан приобрести точно нужно. Отложить на него деньги все не удавалось, да и не было надобности. А вдруг на Прерии такого добра нет?!

На депозите в Сбербанке меня ждало небольшое наследство от деда, которое станет доступно в ближайший день рождения. Да еще на накопительном хранились небольшие сбережения — все дополнительные, но не слишком регулярные переводы от матери, и большую часть гонораров за репортажи сразу кидала на этот счет — мало ли, как жизнь повернется. И хотя постоянный заработок тратился с такой скоростью, что не успевала понять — на что, к накопительному счету, доступному в любой момент — пока не прикасалась.

На еде не экономила — эти счета оплачивались матерью без вопросов, так же как салон красоты, тренажерный зал, одежда и прочие необходимые "настоящей леди" процедуры и вещи. А по воскресеньям вообще обедала бесплатно. Сделала два года назад рекламу для Андрея Саратова, сына моей няни и просто хорошего человека. Тогда он открыл ресторан в центре Москвы. Реклама оказалась очень удачной. Почти фурор. Удалось заинтересовать кучу народа, а качество пищи и сервиса довершило раскрутку. Теперь это очень престижное место и меня там встречают с распростертыми объятиями. Свободный столик и бесплатное угощение всегда к моим услугам. Причем каждый раз Андрей приносил все сам и рассказывал что-нибудь новое о ресторанном бизнесе, новом блюде, редком вине или просто составлял компанию, болтая о жизни. Намеки на оплату воспринимал как оскорбление. Попыталась пару раз, и больше не заморачивалась. Так что беззастенчиво пользовалась его щедростью раз в неделю, устраивая себе небольшой праздник. В остальные дни, если не было особых приглашений и деловых встреч, заказывала еду из домашнего ресторанчика на углу. Вкусно и дорого. Могла себе позволить, мама точно не обеднеет, а хорошее питание очень важно, от этого мое настроение зависит напрямую.

Много уходило на увлечение парапланом, чего мама не одобрила бы ни за что, на операторов, которых приходилось нанимать для эксклюзивных съемок, и так, по мелочи. Хорошо еще, что содержание двух коней в платной конюшне элитного клуба верховой езды мать взяла на себя — престижно иметь породистых лошадок — а то бы я совсем разорилась.

Так что в целях экономии на собственный параплан не тратилась. Да и зачем, если можно брать напрокат. А теперь-то, конечно, куплю.

Быстро сделав заказ и внося предоплату через визор, заодно предупредила продавца, что

заеду ночью и заберу попку сама. Хочется потрогать его руками, раз уж все равно поеду по магазинам. Еще и Михалыч что-нибудь посоветует. Он вроде разбирается в этом. Пилот же. А в прошлом военный, если мне не изменяет память...

Прочитав про возможность бесплатно провести в космолете чуть более двухсот килограммов личного имущества, решила не мелочиться. Одна беда, коней всё-таки придется оставить. Отписалась Алекс, что надолго покидаю Москву и тут же получила от нее сообщение, что им поступило очередное предложение продать ценных лошадок. И грустный смайлик с вопросом: 'Когда вернешься?' Написала, что точно не знаю, но, 'как вернусь — сообщу, а лошадей — лучше продать'.

Буду реалисткой. На этот раз, предложение придется принять. Год отсутствия — это не шутки. Вдруг мать откажется оплачивать счета, узнав о моем отсутствии на Земле. Так подвести Алекс и Егора я не могла.

Вздыхнув, подтвердила согласие на повторный вопрос уже от Егора.

Понятно, что им самим не хочется расставаться с Сайгоном и Касабланкой, с тех пор, как мать их купила для меня, они стали всеобщими любимцами. Только я последние два года почти забросила тренировки, вырываясь в деревню от силы три раза в год. А раньше ведь каждую неделю... Было время.

Михалыча отпустила до полуночи и растерянно зашла в дом. Еще не уехала, а просторные комнаты уже казались чужим. Если бы жилье не стоило таких бешеных денег, ни за что не стала бы жить в доме матери. Тем не менее, тот уют, который удалось создать среди дизайнерской безвкусицы за последние годы, покидать оказалось грустно.

Обязательный звонок матери вогнал в тоску. Вовремя вспомнила, что надо быть осторожной. Всё мной сказанное, может быть передано нашей общей знакомой, то бишь — Виктории. А оно мне надо?

— Что? Ди, я тебя плохо слышу! — За спиной матери виднелись люди в экзотических нарядах. Оглушительно звучала музыка.

— Мама, меня приняли в Гугл. Завтра улетаю в командировку. Меня некоторое время не будет в Москве!

— Ди! Ты позвонила в Космо?

Честное слово как слепой с глухим!

— Гугл, мама! Меня приняли! Я Спецкор! — почти кричу я.

— Детка, не надо кричать. Куда тебя приняли?

То ли музыку выключили, то ли мать куда-то зашла. Изображение исчезло, потом снова включилось. Ага, стены какие-то. Людей нет. Уф.

— В хорошую крупную компанию. Авторская программа, мама. Специальный корреспондент!

— Э-э. Поздравляю, детка. Это все? Ты в Космо позвонила?

— Нет! Завтра улетаю в... командировку. На другую планету, мама.

— Ди, позвони обязательно! Не каждый день поступают такие предложения.

— Мама, ты что — не понимаешь... я завтра улетаю! — я уже чуть не плачу.

— Детка, мне надо бежать. Чмоки-чмоки. Прилетишь, позвони обязательно.

— Связи с Землей там нет. Я на год уезжаю!

— Глупости какие-то. Ди, прекрати нервничать. Сходи к психологу. А мне, правда, пора.

— Мам... — я не верила своим глазам. Связь прервалась.

Что это было вообще?

Похоже, прощание не удалось. Ну и ладно, подумаешь!

Эх — осуществилась мечта всей жизни, а уже столько потерь. Да еще не все так радужно, как кажется на первый взгляд. Получить в Гугл работу гораздо труднее, чем ее потерять, это все знают. Ничего, работать люблю и умею, не разочаруются. Контракт на год, и времени доказать "им всем", что в выборе не ошиблись — валом. Подумать только — авторская программа! И это хорошо, что на Прерии. Там должна быть масса возможностей проявить себя. Пусть даже родной матери наплевать... Выживу как-нибудь!

Не так просто оказалось завершить все дела. Извинилась перед 'МосПресс'. Сюжет для них снимать не было времени. Перепоручила одному парню, тот иногда меня подменял, согласился сразу.

Упаковала все свои любимые вещи. Тренажер решила тоже забрать. Такой эксклюзив оставить не могла. В итоге образовалось двадцать больших чемоданов, десять поменьше, штук шесть совсем небольших и собственно сам тренажер. Все успела упаковать к полуночи, когда приехала бригада курьеров, чтобы доставить вещи напрямую в космопорт.

После их ухода, поняла, что осталась в полупустом доме, и такая тоска навалилась, что подъехавшему Михалычу обрадовалась как родному.

Попросила его покатать над ночным городом, хотелось попрощаться и успокоиться — все время с момента получения конверта из Гугл я находилась в напряжении. Еле слышно урчал мотор, тихая романтическая мелодия усиливала впечатление от ночного полета. Город, залитый огнями, спал. Ночное небо очистилось, звезды сияли, словно драгоценные камни. Ярко светила луна... Что меня ждет там? Так далеко от всего родного? Может как раз какая-то из этих звезд — Прерия? Жаль, не сильна я в астрономии.

— Михалыч, ты разбираешься... в парапланах? — я передумала говорить о Прерии в последний момент.

— Есть немного, — улыбнулся он, — так поздно летать. Ночью — очень опасно.

— Не летать. Куплю и заберу с собой.

— Ааа! — он с тревогой заглянул в моё лицо: — Диана, улыбнись старику. Мне за тебя как-то неспокойно.

Я глянула на Михалыча и выполнила его просьбу. Боюсь, улыбка получилась жалкой.

— И куда тебя направили эти акулы пера? — спокойно спросил он.

— На Прерию, — выдохнула я. Как-то быстро мы перешли на 'ты', но я этому даже порадовалась. — Специальным корреспондентом!

Его густые брови сошлись на переносице.

— Хм... Понятно.

— Авторская программа с Дианой Морозовой! — не удержалась я.

Он хмыкнул.

— Поздравляю! Ну... Летим за парапланом?

— Ага, лови адрес.

Михалыч стал каким-то очень задумчивым, однако с покупкой справились быстро. Выбор мой он одобрил, так что еще один груз был успешно отправлен в космопорт.

Остальным магазинам уделила мало внимания. Одежды взяла и так много — почти все, что имелось в наличии. Да и настроение скупить пол-Москвы куда-то исчезло.

Все же прикупила несколько нарядов, туфель, костюмов для верховой езды, для полетов на параплане, обуви разной, оформила отправку в космопорт и снова залезла в коптер.

— Наверное, домой, — сказала неуверенно, — может, удастся еще поспать.

— Оружие у тебя есть? — удивил меня Михалыч самым серьезным тоном.

— Не-ет, а что?

— А стрелять умеешь?

— Разве что в вирте. Да что такое? Скажи!

— Почему бы не поучиться. Время еще есть. У моего брата есть тир, если понравится, там же сможешь прикупить что-нибудь. Поверь, нервы здорово успокаивает. В таком состоянии ты все равно не уснешь.

— Ты что, психолог? — Хмыкнула я. — Ладно, вези!

Пятнадцать минут спустя мы приземлились на крыше высотного здания.

— Нас уже ждут, — подмигнул Михалыч, успевший обогнуть машину и подать мне руку. — Вперед, леди Ди.

— Не надо, — улыбнулась я. — Зови меня просто — госпожа Диана Морозова, первая журналистка Прерии. Или — Диана. Или — Наездница. На твой выбор.

— Наездница? — мы шли по крыше к квадрату света — от открытой двери. В темноте Михалыч казался очень высоким и грозным.

— Мой ник в сети, — хмыкнула я.

— О!

Не знаю, что он имел в виду, но уточнять не стала.

Молодой человек моих лет вежливо поздоровался с нами и повел вниз.

Пара лестничных пролётов и мы оказались в большом зале без окон с серыми стенами и длинной стойкой поперек — ближе к входу — на которой лежало разнообразное оружие. На далекой стене рядом висели десятки мишеней.

— Из чего будем стрелять? — Я немного растерялась. В таких местах мне еще бывать не приходилось.

— Сначала будем учиться.

— Ладно.

— Опустит руку и сожми в кулак!

Я опустила.

— Посмотри туда!

Я посмотрела на дальнюю стену и увидела человека бандитского типа.

— Это робот, — пояснил Михалыч. — Смотри на него, теперь резко подними руку, указывая на него указательным пальцем... Отлично. Умница. Давай то же самое, только с револьвером.

Тяжелый револьвер с ребристой рукоятью оказался удобным и приятным на ощупь. Во мне проснулись любопытство и интерес.

— Сожми его, опусти, палец прямой.

Опустила, как он сказал.

— По моему сигналу, резко подними руку с револьвером и укажи на мишень пальцем. Готова?

— Да!

— Давай.

Вскинула руку, палец инстинктивно согнулся и прозвучал выстрел. Мне показалось, что голова робота дернулась.

— Отлично, — Михалыч отобрал оружие. — Молодец, попала. Так я и думал. Ну, есть смысл потренироваться.

Время летело незаметно. Я все стреляла и стреляла, вкладывая в это новое для меня дело всю душу. Страшно было только в один момент, когда Михалыч с парнем загнали меня в темную комнату, и мне пришлось отстреливаться от каких-то монстров, надвигающихся со всех сторон.

Когда включили свет, мне показали, куда попала. И хоть я не особо верила, что что-то получилось, но реально стала гордиться собой. Тем более и Михалыч выглядел очень довольным.

— Думаю, тебе подойдет этот револьвер, — сказал потом он, проведя меня в комнатку, буквально набитую оружием. Он открыл небольшой сейф — их тут насчитывалось больше десятка, насколько мне показалось, и вытащил пластиковую невзрачную коробку черного цвета. Вынув из нее оружие, уверенно протянул мне.

— Мне он нравится. Красивый пистолет. — Улыбнулась я.

— Нет, Ди, пистолет — это несколько другое. То, из чего стреляла ты — именно револьвер.

— Э, ясно, мне нравится этот револьвер! Хоть и тяжеленная штукавина, надо сказать! Ой, извини за 'штуковину'. Совсем не хотела оскорблять этого красавца.

Он хмыкнул.

— Ну, смотри. Тут главное вопрос в угле между рукоятью и стволом — если он как у револьвера — видишь? — Начинает попадать кто угодно, пока не целится, — он усмехнулся. — Особенно те, у кого хорошая координация по работе — матросы, балерины, даже наездницы. — Он подмигнул. — Даже если револьвер раньше в руках не держали. Называется инстинктивная стрельба. У тебя получилось, так что можешь забрать его себе.

— Но, разве можно? То есть — разве законно? — усомнилась я.

— Можно. Сейчас пробьем разрешение. — Он надел свой визор и на некоторое время замолчал. — Вот и все, Диана Морозова, Спецкор Гугла на Прерии. Разрешение получено. Тебя проверили и признали годной.

— Так быстро?

— Есть связи, — уклончиво пояснил он. — Для пистолета и винтовки — надо учиться. — Он указал на какое-то ружье. — А снайперская винтовка — это уже математика, а не стрельба. Ну что, револьвер?

— Ага. Хорошо. Сколько он стоит?

— Нисколько. Это мой личный, так что дарю! Так и думал, что когда-нибудь пригодится... И никаких возражений.

Я открыла было рот, но не стала настаивать.

Просто шагнула вперед и поцеловала Михалыча в щетинистую щеку.

Он одарил меня широкой улыбкой и, взяв за плечи, развернул на сто восемьдесят градусов.

— А теперь просто постреляем по мишеням. Часок — другой. Уже из твоего личного оружия. Заметь, на этой модели есть даже лазерный целеуказатель. Обращаться с ним очень просто...

Домой я попала только под утро. Михалыч велел сразу ложиться и ни о чем не думать, обещая забрать меня в десять утра и отвезти в космопорт.

Хотела послушаться и посмотреть новости в визоре, но усталость оказалась сильнее. Заснула, едва коснувшись подушки.

Эх, могла бы и вспомнить о будильнике. Так нет, разбудил в восемь, как и запрограммировала пару дней назад. Понедельник... Так. Что еще я забыла? Плетусь в ванную, понимая, что после такой побудки все равно не усну. Сонно даю команду визору отключить наполнившую дом мелодию. Сегодня это старинная песня 'Desperado' из коллекции матери. Вообще, ее коллекцию использовать в качестве будильника можно не глядя. Гарантированно проснусь. Потому стоит случайный выбор. Замечаю краем глаза, что робот-уборщик уже принялся за большой зал для приемов. Ну, правильно. Я собиралась в эту субботу улететь на весь день на побережье. Отдохнуть, поплавать, позагорать, потому и задала программу уборщику. Как же давно это было, словно в другой жизни. Теперь придется делить жизнь на "до приема в Гугл" и "после".

Мой супернавороченный тренажер преспокойно ожидал в космопорту, так что пришлось зарядку делать по старинке. Отжимания, приседания, бег... Для бега все же залезла на тренажер матери в кабинете. Чтобы не терять время, включила вирт. Этим ее кабинет мне нравился больше всего. Комнату заполнили объемные голограммы новостей. Глянула еще раз репортаж об отправке специалистов на Прерию. Смотрится оптимистично. Увеличила скорость бега. Так, почта. Много 'неважного совсем' и 'теперь совсем неважного' удалила, не глядя. На пару сообщений вежливо ответила отказом. Еще прибавила скорость. Движение — это жизнь, что бы там не говорили. Хочется быть в форме, когда приеду в космопорт. Сообщение из элитных конюшен заставляет замереть, спрыгнула с беговой дорожки, едва не свернув шею. Немножко позлилась на старую модель тренажера, мой чувствует даже настроение, не то, что произвольную остановку. Хотя этот, может, просто сломан. Неважно.

Сообщение от Алекс посмотреть я просто обязана. Мои лошади стояли, переминаясь в своих стойлах, как живые — на проекции голоэкрана. Тяжело дыша после бега, подошла ближе. Протянула руку, почти касаясь мягких губ Сайгона, почти погладила шелковистую гриву Касабланки. Почти... Слезы навернулись. Некогда мне даже попрощаться с вами, мои красавцы. Хорошо съездила не так давно, повидалась. Вспомнилось, как вот так же пять лет назад рассматривала подарок Глеба Макарова, моего тренера. Продавал все, улетая по приглашению — на далекую планету Эдем, тогда только-только о ней стали много говорить. Укатить на планету с таким названием! Коней своих подарил на прощание, надо же! Миллионер просто! Лишь потом оказалось, что он был в сговоре с матушкой, и она заплатила за скакунов даже больше, чем те стоили.

Нет-нет! Я давно все забыла, простила...

Почему даже сейчас это больно вспомнить? Сколько глупостей тогда могла натворить! Да и натворила, чего уж скрывать. Отчетливо помню, как стою на крыше небоскреба, но сделать еще два шага — туда — на край, а потом — в бездонную пропасть — просто не могу. Тогда решила, как советовала "умная книжка", шагнуть, глядя вверх. Только всё 'неправильно' получилось — увидела далеко в небе парапланериста, и что-то внутри перевернулось. Вот где свобода, покой. Последний шаг так и не сделала, а вот фантастическим спортом увлеклась. Но это позже, когда оклемалась. Легко отделалась,

кстати. Восхищение жеребцом и кобылкой, сильная привязанность к ним с первого дня — помогли как-то примирить с трагедией, смягчить память о хорошем друге и прекрасном человеке. Он сказал, что мне надо вырасти, и что это не любовь... Как же он не понял — в пятнадцать я была уже взрослой! Уже тогда жила самостоятельно, пусть мать и опекала издалека и контролировала — но отнюдь не каждый шаг. Про то, что 'не любовь' — да что они понимают! Мужчины... С десяти лет его любила! От одной улыбки сходила с ума. От одного воспоминания бывала счастлива. Скрывала, как могла, до того ужасного дня. Только в тот вечер... Ведь было что-то с его стороны. Не могла ошибаться, сердцем ощутила, иначе бы ни за что не призналась.

Боже! От воспоминания, как стояла перед ним — даже сейчас хочется провалиться сквозь землю. Не заплакала тогда, не убежала, но скольких сил это стоило! Просто извинилась, сказала чужим голосом, что вызывает мать, чувствуя, как горят уши. Холодно попрощалась. Он не остановил.

Мнила себя умницей, а на самом деле — разве можно вообразить что-то глупее. Глеб был прав. Это не любовь. Потому что ее просто не существует! Во всяком случае, такой, о которой поют в песнях, и пишут в романах..

Тренировки не бросила из-за Стешки, очень тогда поддержал, ну и, конечно, из-за Сайгона и Касабланки, что покорили сердце отвергнутой девчонки сразу. Не смогла отказаться — таких денег у меня не было, конечно, чтобы из гордости оплатить подарок, а что мать уже это сделала — тогда не знала, да и Макаров слишком быстро уехал, не оставив координат.

Новый тренер оказался ничуть не хуже. Даже в чем-то лучше, и хорошо, что женщина. Мы быстро нашли с Алекс общий язык. Потом начались полеты. Я забыла Глеба Макарова, думала, что забыла. И чего вдруг вспомнился? Ведь даже ни разу не написал за эти пять лет!

Блестящий глаз Сайгона, полный печали, косил прямо на меня. Как же я буду скучать! Серdito смахнула слезы и переключила картинку.

— Ди, мне жаль. — Я наверняка оторвала ее от чего-то важного, но на звонок Александра ответила сразу. Так и есть, за ее спиной на манеже тренируются малыши. — Поверь, покупатель нормальный. Егор его давно уже знает. С ребятами все будет в порядке!

— Спасибо. Они останутся?

На ее лице мелькает огорчение, и она не пытается его скрыть:

— Нет, забирают. Куда — не спрашивай — пока не знаю. Завтра будет полная информация, я тебе вышлю.

— Не надо, Алекс. Не хочу знать. — Не хочется говорить, что я улетаю на Прерию. Сообщу чуть позже. Уже оттуда пошлю весточку. А то ведь сейчас такое начнется, всех на уши поставлю — а времени на то, чтобы ответить на все их вопросы и поздравления совсем нет. Позволяю только одно:

— Кстати — репортаж о светской вечеринке я сделала. Спасибо за идею. Как-нибудь пришлю вам копию. Естественно — не для распространения. И скажи Стешке... Виктория Райт там есть.

— Поздравляю, Диана! Молодчина! Уверена, что репортаж отличный. Буду ждать с нетерпением!

— Прощай, Алекс. Ты извини, дела срочные. До связи!

— Удаче тебе, детка, — подмигнула она. — Выше нос!

Вот и все. Прощайте, мои дорогие. Целый кусок жизни остается в прошлом. По ним я

буду скучать больше всего. Там в совсем иной жизни, я сама словно становилась другой. Там — все настоящее, живое, и я отдыхала там — пусть не телом — душой. Пусть редко, но всё же. Здесь совсем другой мир, жестокий, лицемерный, требующий полной отдачи и самоконтроля. Выдержать дистанцию, прийти к финишу первой... Хм, сама себе противоречу, сходство тоже есть.

Та история дала мне много. Не в моих привычках наступать на те же грабли, и я здорово научилась жить без увлечений и разных влюблённостей. Так легче, спокойней. Так — сама себе хозяйка. И для карьеры очень важно, чтобы ничто не отвлекало. Время — деньги.

Вот именно — время! Его-то почти не осталось — Алекс я не врала!

Успею только принять душ и позавтракать. Или в другом порядке. Мальчику-курьеру, доставившему горячий завтрак, отвалила столько чаевых, что глаза у него округлились, а рот растянулся в счастливой улыбке. Ну вот, хоть кому-то принесла радость.

Стоя под упругими струями душа в огромной ванной комнате, грустно думала, будет ли подобная роскошь на Прерии. И понимала, что сомнительно это. Судя по всему, город Ново-Плесецк совсем молодой, может удобств вообще никаких.

Вызов на визор, забывшись, перевела на стену. Спихватилась почти сразу — я же не в ванне, под слоем пены, а — так сказать — во всей красе! Отключила видео, но секунд десять была вся на виду.

— Как мило! — Голос Виктории Райт я узнала сразу. — Не стоило отключать видео, дорогая. Ты прекрасна!

Меня бросило в краску. Невольно завернулась в полотенце, сдернув его с вешалки, хотя видеть меня она уже не могла.

— Извините, — произнесла вслух, — мне совершенно некогда сейчас разговаривать.

О! Как жалко это звучало!

— Понимаю, милая. Ничего. Я умею ждать. Сегодня вечером ты свободна?

— Нет!

— Я кажется тоже. — Хмыкнула она. — Ничего, время ожидания — самое лучшее, не так ли? Я еще позвоню. Надеюсь, ты будешь так же обворожительна, как сегодня и не станешь меня стесняться. Чао.

Она отключилась.

Хорошо, что времени на страдания не осталось совсем. Какое счастье, что я уезжаю! Да это же подарок небес!

Я рассмеялась, придя в хорошее настроение. Ни за что не поверю, что Виктория рванет за мной на Прерию, да и узнает она об этом не скоро.

Михалыч уже ждал, когда ровно в десять я вышла из дома в своем белоснежном дорожном костюме, очень удобном для поездок. 'Видела бы меня сейчас Виктория', - мелькнула дурацкая мысль. Кинула последний взгляд на дом, активировав охранные системы, и забралась в коптер, улыбнувшись Михалычу.

Он плавно поднял машину в небо и набирал скорость.

Отлично, есть полчаса времени до космопорта, если не врет "навигатор". И тут я вспомнила, что совсем упустила из виду. И ведь не похоже на меня ни разу. Посмотреть-то общую справку о Прерии — посмотрела, повпечатлялась — и только. А надо было всю доступную информацию скачать... всю, что только можно. Сетуя на собственную глупость,

быстро запустила "Аналитик М", ввела набор ключевых слов, первые набираю, совсем не думая — Прерия, РЗМ... дальше сложнее, что еще будет важно? Крутая прога по сбору информации этот 'Аналитик М'. Стоила мне немалых денег в позапрошлом месяце, зато с элементами ИскИна. Разработана в Гугле, кстати. Задаешь параметры, и она сама собирает нужную информацию, сортирует, вычленяет самое важное и избавляется от шелухи. Ребята в сети, те, что из журналисткой братии, у кого хватило денег на новинку, хвастались, сколько времени она им экономит. Вот и соблазнилась, и, надо сказать, еще ни разу не пожалела. Набираю еще с десятков ключевых слов и отправляю. Началась загрузка. Давай, миленький, постарайся. Необходимо успеть до выхода из информационного поля Земли, когда связь прервется. Потом смогу изучать в свое удовольствие в автономном режиме. Хотя, что это я? Информацию-то программа точно соберет успеет, а уж всё сортировать и прочее может и в оффлайне. Ладно, будем считать, что ошибка серьезная, но не смертельная.

Пока работает 'Аналитик', ещё раз перечитала справку о планете, доставленную мгновенно. Карта Ново-Плесеца, основные точки. Ага, берег океана, залив, белый город... неплохо. Время прилета...

Михалыч что-то спросил, и я оторвалась от экрана. Обычно он не отвлекает меня во время работы. Но ведь это наш последний с ним полет — в обозримом будущем. Кажется за два последних дня я успела привязаться к этому немолодому таксисту-частнику.

Наш коптер плавно спикировал за городскую черту из потока машин, выющихся над городом. Теперь мы направлялись напрямую к космопорту.

— Прости, не расслышала.

— Хорошо выпалась?

— Отлично просто. Спасибо, — благодарно улыбаюсь. — Эти стрелялки здорово помогли. Найду на Прерии тир и буду так стресс снимать.

— Хм. Неплохая идея. Я тут подумал...

— Да?

— Есть у меня кореш на Прерии, — взгляд бывшего вояки очень серьезный. — Обещай с ним связаться. Сейчас сброшу координаты.

— Кореш? — Ух, вот связи мне там, самые пока любые точно бы не помешали. Может, знает такого же таксиста? Было бы неплохо.

— У него бизнес в Ново-Плесеце, и коптеры свои есть, и вездеходы..., - продолжил Михалыч, закладывая особо крутой вираж. Знал, что я это люблю. Сердце ухнуло куда-то вниз, доставляя детский восторг.

Я засмеялась, расслабившись на минуту. Но тут же одернула себя. Сейчас не время.

— Ди, — он даже не улыбнулся. — Запомни, пожалуйста. Его зовут Ахиллес.

— Грек?

— Нет, русский. Кличка такая. Извозом он не занимается... но если что, поможет, чем сможет.

Так. Интересно. И имя такое — мифологическое. Любопытно будет взглянуть, что за друзья у бывшего вояки.

— Поняла. Конечно, свяжусь.

— Передашь ему один файл? Ничего особенного. Мелочь, по сути.

О как! Когда это информация стала мелочью. Но почему бы и нет. Оказать услугу Михалычу мне точно будет приятно.

— Доступ открыт, можешь передавать, — настроила я визоры.

— Готово. Свяжись с ним сразу, как будет возможность.

— Хорошо, — сохранила файл, мельком глянув на пароль. Надо же, прадедушка DES, но с длиной ключа 4096 бит. Подивилась серьезной защите. Нда, секреты даже у Михалыча есть. Пометила контакт Ахиллеса 'особо важным'. И поставила напоминание. Наверное, не только секретное что-то, но и срочное. Неплохо, кстати, узнать систему передачи информации на землю. Слышала краем уха про цензуру. Но это что-то глобальное. Простые смертные могут таскать туда-сюда сколько угодно чего хотят. Другое дело, что секретный файл абы кому не доверишь. Вот, захочу распаролить и ведь найду способ. Может быть... Да, это на Земле у меня есть знакомый хакер. На Прерии надо все начинать заново.

Еще один вираж, и мы уже идем на посадку.

— Диана, ты там поаккуратней.

— Конечно, — рассеяно отвечаю, проверяя, как там мой 'Аналитик'. — Будь добр, подвези к входу первого класса.

Михалыч кивнул, подруливая к внушительному зданию Московского космопорта.

'Загрузка информации — тридцать три процента', - выдал Аналитик. Что ж так медленно? Хотя, учитывая, сколько там может оказаться инфы о целой планете за пятьдесят лет — с момента открытия... Нда. Таймер на визоре показывает час двадцать до вылета. Загрузка — примерно час десять. И почему не сделала это вчера? Ладно, паниковать рано.

Михалыч распахнул дверцу и подал мне руку.

— Все сделаю, — говорю на прощание, затемняя очки. Погода прекрасная и солнце уже палит немилосердно. На блестящие бока космолетов больно смотреть. Вход в залы первого класса совсем рядом.

— С Богом, Диана, — удивляет меня Михалыч в очередной раз. Никогда от него такого не слышала. Он что, из 'верующих'?

Кивнула:

— Пока. Спасибо за все!

— Увидимся... — бывший вояка с удивительной для его возраста и комплекции сноровкой забрался обратно в кабину, а я, по привычке махнув ему рукой, направилась внутрь здания.

Контроль на входе прошла довольно быстро. Там же, проверив личные данные, представители компании перевозчика скинули на мой визор всю инфу по полету. Так-так не просто первый класс, а класс ноль один, литера 'А'. Даже не летая ни разу на космолете, знаю без расшифровки, что означает. 'Все включено' — если в двух словах. Надо же! Вот я и стала VIP-персоной. Мать бы поразилась — ведь сама, без ее протекции!

Быстро пролистав перечень доступных услуг и даже немного пожалела, что не приехала сюда с вечера. В моем распоряжении были шикарные апартаменты. Сейчас-то уже без надобности, до вылета осталось чуть больше часа, а мне бы еще хотелось встретиться со своей командой. Не то, чтобы я жаждала видеть Марата, но работа есть работа. Чем быстрее мы привыкнем друг к другу, тем лучше. Оператора тоже хотелось увидеть побыстрее и понять, что он за человек. Ведь теперь я не одиночка, и качество материала не в последнюю очередь будет зависеть от того, как мы сработаемся.

На визор пришло сообщение, что в зале М-11 меня ожидает некто Вэлиант — этот ник слышала впервые. Канал, по которому прошло сообщение, выделен Гуглом, потому это мог

быть и Марат, и оператор, и еще какой-нибудь новый коллега, решивший зачем-то нас проводить.

Карта космопорта не отличалась особой сложностью, и я быстро нашла нужный зал. На входе опять контроль, непростой зал, видимо. Проверка закончилась, едва начавшись, и я проследовала за роботом-официантом к большому аквариуму с золотыми рыбками.

Мужчина, сидевший за столиком с бокалом виски, скинул визоры и поднялся, приветствуя меня. Высокий, почти на полголовы выше моих ста восьмидесяти двух сантиметров, это можно зачесть, как плюс — не комфортно мне с мужчинами ниже меня ростом.

И внешность ничего так, несмотря на усы. Черные волосы, сверху короткие, на затылке вьются. Кожа смуглая. Испанец? Итальянец? Нос прямой, густые брови, аккуратные усики и красивая линия рта. Глаза карие, широко расставленные, внимательные, со смешинкой в глубине. Иронический взгляд на жизнь? На меня? На вид лет двадцать пять. На мизинце правой руки перстень из белого золота с бриллиантами.

Черная футболка, серая жилетка и такие же штаны с множеством карманов явно из коллекции какого-нибудь известного кутюрье. Визоры фирмы НТС — последняя модель, как у меня.

— Феличи ди видерти, синьора. Приветствую вас.

Я оценила крепкое рукопожатие — еще один плюсики. Красивое итальянское приветствие тоже понравилось.

— Вэлиант?

Он усмехнулся:

— Да, мой сетевой ник. Сержио Моретти, ваш оператор.

— Рада знакомству. Диана Морозова, специальный корреспондент Гугл.

— Очень приятно, — он подождал, пока я сяду и с мальчишеской непосредственностью поинтересовался. — Наездница — и вправду ваш сетевой ник?

— Да, — я немного напряглась. Стало не все равно, что он об этом думает.

— Любите лошадей?

— Очень.

— И, наверное, с детства? — предположил он.

— С четырех лет.

— Есть в этих животных что-то волшебное. Особенно в выездке — мольто белло... очень красиво.

— Это точно, — улыбнулась я.

Он мне начал нравиться!

— А где господин Токаев?

— Марат обещал появиться с минуты на минуту. Выпьете? — кивнул он на виски.

— Нет, благодарю. Закажите воды.

Моретти откинулся на спинку стула и щелкнул пальцами, не спуская с меня глаз. Робот-официант тут же оказался рядом.

— Какой вам воды?

— Артезианской, негазированной.

Я, по-видимому, удостоилась такого же пристального осмотра, после чего Моретти улыбнулся:

— Позвольте называть вас Ди. Диана — красивое имя, но слишком длинное.

— Спасибо, — я отпила глоточек вкусной холодной воды. — Давно вы работаете в Гугл, Сержио?

— Целых три дня! — прозвучало, как 'целых три года', после чего он смешливо сощурился. — А вы?

— А я — целых два.

Его улыбка стала еще шире:

— Предлагаю выпить за встречу и удачное сотрудничество.

Очень хорошо, что Марата еще нет. Моретти мне определенно нравился. Особенно тем, что не стал шутить по поводу моего ника и при всем своем итальянском обаянии, даже не пытался флиртовать.

— Серж, а чем вы занимались до работы в Гугл?

— О, много чем, — охотно заговорил он. — В основном работал в колониальных новостях Евроньюс. Изредка подрабатывал для разных фирм, снимая рекламу. Помотался по миру изрядно. Год назад оказался здесь, в России — агентству новостей потребовался хороший оператор. Но когда пригласили в Гугл, раздумывал недолго, особенно увидев ваш репортаж.

Улыбка его стала шире, заставив меня слегка смутиться. Вот ведь... Теперь это скандальное видео будет преследовать меня всю жизнь!

— То есть вас пригласили работать конкретно со мной? — постаралась я сменить тему.

— Именно. С кем работали над репортажем? Я имею в виду — с каким оператором?

— С Андреем Савицким. Он...

— Вау. Так это снимал Андрэ! Выходит, я не ошибся!

— Знакомы с ним?

— Пересекались пару раз. Правда, больше года назад. Как удалось заполучить?

В ответ я только улыбнулась. Совсем не обязательно раскрывать все секреты.

— Ну же, Диана. Похвастайтесь!

— Может, потом, — покачала я головой, — когда лучше узнаем друг друга.

— Что-то... индечентэ? — он щелкнул пальцами. — Неприличное?

Я чуть не подавилась водой и замотала головой:

— Вы что, Серж!

— Ладно, сдаюсь, — засмеялся он, поднимая руки в шутливом жесте.

— Ну и правильно, а то вдруг мне понадобится применить этот способ к вам?

Он сделал серьезное лицо и наклонился вперед, упершись локтями о стол:

— Не получится!

— Почему?

— Я и так выполню любую вашу просьбу. Я же теперь ваш оператор.

— Любую? — лукаво спросила я.

— Кваси.

— Что?

— Почти любую. Простите, Диана. Сбиваюсь на итальянский — особенно в присутствии красивых девушек. Но я над этим работаю. Избавляюсь потихоньку от этой приспособки.

— Привычки? — Засмеялась я.

— Точно — привычки.

— Не надо. Мне даже нравится.

— Правда?

— Ага. Если будете переводить. Может, даже что-нибудь выучу.

— О чем разговор? — раздался рядом голос Марата Токаева. Он уселся слева от меня и тут же заказал себе текилу. — О жизни, о любви, о работе?

— О любви, — ответил Сержио, мгновенно становясь менее улыбочивым. — Доказываю Диане, что любить своего оператора — это... буон тоно — хороший тон.

— А что Диана? — Марат повертел в длинных пальцах рюмку с текилой и посмотрел на меня сквозь полуопущенные ресницы. Выглядел он возбужденным и немного странным.

— Диана считает, — спокойно ответила я, — что это... индечентэ.

— А по-русски? — осведомился администратор.

— По-русски, — подхватил Моретти с самым грустным видом, — любить меня она не желает.

— Здравствуйте, Марат, — я едва сдержала улыбку. — С вашего разрешения, я вас покину ненадолго, господа.

Оба сразу встали, демонстрируя хорошее воспитание.

— Только не задерживайтесь, — Марат указал глазами на голограмму часов. — Скоро уже начинается посадка.

Я кивнула, хотя сорок минут — это достаточно много времени, а мне внезапно очень захотелось побыть одной.

Была не была, отправила видео репортажа Стешке на визор. С угрозой — что с ним сделаю, если покажет кому-то кроме Алекс и Егора. Ответ пришел сразу же.

'Не кипятись, Ди, я разве когда-нибудь раскрывал твои тайны?' — судя по смайлику, друг детства был абсолютно серьезен.

'Верю на слово', - послала ему поцелуйчик.

'Куда уезжаешь?'

'Э-э, с чего ты взял?'

'Лошадей продала. Колись, Ди, никому не скажу, клянусь!'

'Прерия'

'О! Приняли в Гугл?'

'С чего ты взял?'

'Ди!'

'Это так очевидно?'

'Для меня — да. Ладно, не напрягайся. Но зря ничего не сказала Алекс — они переживают за тебя'

'Пожалуйста, скажи сам. Просто так все закрутилось... Прости. Мне уже пора. Посадка скоро! Прощай!'

'Ненавижу это слово!'

'Знаю. Стеш, до встречи!'

'До свидания, Ди. Я тоже тебя люблю'

Он отключился, и я вздохнула. Хорошо, что попрощалась с ним. Все-таки друг, а их у меня совсем не много. Точнее, даже — лучший друг. Никогда не предавал...

Вернувшись в зал М-11, первым делом отметила, что виски в стакане Моретти не убавилось. Интересно, только делает вид, что пьет? Странно. Хотя мне это нравится.

Сдержанное отношение к алкоголю очень уважаю. Вот рюмка Токаева пуста. И судя по блестящим глазам — не первая, а может, не вторая и даже не третья. Расслабляемся в поездке? Впрочем, делать выводы рановато.

При моем появлении, оба поднялись.

— Ну что? Пора выдвигаться? — Марат довольно потянулся. На фоне Моретти он смотрелся невысоким крепышом, хотя едва ли был ниже меня ростом. Белая рубашка с расстегнутым воротом подчеркивала смуглость кожи, легкий бежевый костюм, ослабленный узел серого, в полоску, галстука — выглядит, как бизнесмен средней руки, в то время как Сержио смотрелся тем, кем и являлся, особенно с камерой на груди — профессиональным оператором. В таком виде — хоть на сафари, хоть в город, не на светский прием, конечно...

— Пойдемте, — согласилась я.

У меня в руках только легкая сумочка, у Марата что-то вроде барсетки, а вот Серж подхватил с пола внушительный чемоданчик, обтянутый блестящей кожей. Дорогая штука, судя по всему.

— Всё свое ношу с собой, — ответил он на мой вопросительный взгляд. — Самое необходимое оборудование. Никогда не знаешь, что пригодится и в какой момент, да и роботам я не доверяю.

— Правильно, — одобрил Токаев. — Ди, а вы? Ничего не забыли прикупить в дорогу? Кстати, костюмчик у вас... просто великолепный, особенно с этим зеленым шарфом. Ваши глаза кажутся еще более... изумрудными.

Было такое чувство, что он с трудом подбирает нужные слова.

— Спасибо, Марат.

Холодного тона не получилось, так как в этот момент Сержио мне весело и понимающе подмигнул из-за его спины.

Дальше разговор не клеился. Марат все косился на меня, всячески демонстрируя не слишком уместную веселость. Итальянец с интересом поглядывал по сторонам:

— Однажды стал снимать космолеты — в таком же почти космопорту в Омске, так охрана мало того, что запретила съемки, велели почистить то, что успел снять.

— Меня там не было, — хмыкнул Токаев.

— Народ там суровый.

— Точнее — наглый. А с наглостью надо бороться.

— Хм, — Моретти пожал плечом. — И природа там красивая.

— Да что там хорошего, в этой Сибири? Глухомань и больше ничего.

— Ну, не скажи...

Пока они спорили — без особого энтузиазма со стороны Сержа, небольшой автобус подкатил к нашему космолету.

Первый класс оказался выше всех похвал. Вот, что значит работать в Гугл! Каждый получил по отдельной каюте. Встречал нас помощник капитана и три бортпроводницы.

Нас, счастливыхчиков, в классе-люкс оказалось не больше шести человек — я заметила еще только двух женщин и пожилого господина. Интересно, кто они — и для чего едут на Прерию? Журналистское любопытство тут же внутри меня сделало стойку, да так, что я решила разузнать всё в самое ближайшее время.

Не успела занять каюту, как на пороге появился Марат.

— Скучаешь?

— Благодарю, нормально все.

— Не против, если составлю компанию? — Он уже шагнул внутрь, и места в каюте стало ощутимо меньше.

— Конечно, против! — не отводя взгляда, я указала на дверь, за его спиной. — Убирайся!

— Даже так? — хохотнул он.

— Марат, просто уйди!

В проеме показалось бледное лицо стюардессы:

— Все в порядке?

— Отвали, — не оборачиваясь, ответил Токаев. Девушка скрылась, и я не могла ее винить. Пришлось по визору вызвать Вэлианта. Незаменяема все же — эта беззвучная связь. Серж появился спустя мгновение.

— О, что за собрание, и без меня? — начал он, протискиваясь мимо Марата с бесцеремонностью, достойной восхищения.

— Что за черт? — мрачно осведомился наш админ.

— Э-э, сам не знаю, — Моретти вопросительно посмотрел на меня.

— Знаете, я передумала. Пожалуй, успеем все обсудить уже на Прерии. Поэтому...

— Что обсудить? — сощурил глаза Токаев.

— ... прошу вас покинуть мою каюту. Мне надо привести себя в порядок и отдохнуть.

— От кого?

— После вас, — делая вид, что не замечает грубости Марата, Сержио сделал шаг к двери, глядя на него сверху вниз.

Токаев хмуро усмехнулся:

— Встретимся за обедом, Ди. Капитан предал всем приглашение отобедать с ним в кают-компани.

А то у меня визора нет!

Они ушли, а меня еще минут пять била мелкая дрожь. Что это было, интересно? Это его с текилы так разнесло? Хорошенькое дело! Вот уж не ожидала такого... во всяком случае, так скоро. Как жаль, что оказалась неготовой, и пришлось звать на помощь. В следующий раз... Писк визора, заставил вспомнить об 'Аналитике'. Ура! На экране горели заветные слова: 'Загрузка успешно завершена. Обработка информации 3 %'. Ух! Хоть что-то у меня получается. Почти сразу объявили "готовность номер раз" и космолет начал движение. Успела. А обрабатывается теперь пусть сколько угодно.

И Бог, с ним, с Маратом. Говорят, текила на голодный желудок — жуткое дело. Будем надеяться, что это так влияет поездка, или что-то подобное. Работать с алкоголиком...

Спокойно, Ди!

Ведь мне даже посоветоваться не с кем! Не успели улететь, а Стешки уже не хватает. Вот, кто всегда мог подбодрить. А теперь совсем одна?

Стараясь отвлечься, залезла в базу данных по Прерии. Все равно, поработать не мешает. Не прошло и десяти минут, а я уже с головой погрузилась в полувековую историю планеты, напрочь забыв о времени. Вздрогнула, получив сигнал от Моретти. 'Пора обедать, не забыли?'

В тот же миг, постучав, заглянула стюардесса, подождала, пока приведу себя в порядок и проводила в общую кают-компанию. И для чего так спешила? Еще даже не все собрались. Во всяком случае, Марата и капитана не было видно.

Сержио подждал меня у входа и сразу ненавязчиво поинтересовался, как мое

самочувствие.

— Нормально, — пожалала я плечом, не желая показывать свои чувства перед этим, по сути чужим для меня человеком.

— Рад, если так. Не сердитесь на Марата, — доверительно проговорил он, чуть наклонившись к моему уху. — Ходят слухи, что парень страшно не любит летать. Только тссс... никому!

Ему удалось-таки меня рассмешить. Всех позвали за стол, как только подошел Марат, а сразу за ним — и наш капитан.

Марат окинул меня мрачным взглядом, и занял место напротив.

Мурашки по коже у меня от таких взглядов. Может и правда это все из-за полетов?

Капитан, взяв на себя роль хозяина, представил нас семье Дашко, как узнала я позже — родственникам полномочного представителя президента РФ на Прерии, Александра Ремизова. Игнат Дашко, полковник в отставке, представительный мужчина лет шестидесяти, приходился полпреду не то двоюродным, не то еще каким-то братом. Стало ясно, кто за них платит. По базе данных, сохраненной на визоре, выяснила, что семью можно назвать состоятельной, но к высшему свету они имели мало отношения, хотя молодой жене полковника это не слишком нравилось.

Восемнадцатилетняя Оксана, оказалась довольно боевой девушкой, грезила сафари, и под неодобрительным взглядом родителя, бегло разговаривая на итальянском, по-моему, пыталась очаровать флегматичного Сержио. Тот, хоть и поддерживал беседу, но особых надежд ей не давал, за что и получил, в конце концов, благодарный взгляд отставного военного, развлекать которого пришлось мне и капитану. Хотя неизвестно, кто кого развлекал — лично я узнала много нового и интересного о космических кораблях и будущем военных сил России.

Марат вяло ковырялся в тарелке, больше налегая на напитки, и слегка заигрывал с Алиной Дашко. Та охотно принимала знаки его внимания, что меня немножко развеселило. Почему в путешествиях все сразу начинают думать о флирте, ума не приложу.

Несмотря на то, что ничего особо полезного узнать не удалось, я осталась довольна обедом. Родственники полпреда были очарованы мной, во всяком случае, сам полковник, а такое знакомство казалось вовсе не лишним для начала карьеры на Прерии. Он называл меня 'милая девушка' и настоял на том, чтобы мы навестили их в резиденции полпреда в Белом городе, обещая скинуть на визор точную дату и время праздничного ужина.

После обеда нас пригласили на небольшую экскурсию — показали вид с капитанского мостика, где располагался центральный пост управления кораблем с невообразимым множеством экранов, кнопочек, панелей. Разбиралась я в этом совсем скверно, потому гораздо больше оценила вид звезд со специальной площадки. Зрелище оказалось просто фантастическим. У меня дух захватило от открывшейся красоты. Казалось, звезды вобрали в себя всю гамму красок, которая только возможна. Вот это да! Теперь понятен тот восторг, с каким капитан, увлекшись, говорил о своей работе.

Я с трудом оторвалась от потрясающей картины, когда капитан сообщил, что сейчас будем проходить Створ и по правилам безопасности всем необходимо занять свои места и пристегнуться. Потом, при желании, можно будет вернуться сюда.

Полная новых впечатлений, я вернулась в каюту, пристегнулась с помощью подроспевшей стюардессы. Закрыла глаза, но все еще видела непередаваемую словами

красоту открытого космоса.

— Все в порядке, — сказала бортпроводница, заглянув ко мне, спустя пять минут. — Я могу вас снова проводить на смотровую площадку.

Первым желанием стало пойти туда немедленно, но на всякий случай я поинтересовалась:

— А кто уже там?

— Господин Токаев и полковник Дашко.

— Спасибо, — улыбнулась я, — может быть позже.

Вызвав на визор инструкцию, нашла, как опустить спинку кресла и превратить его в удобную лежанку. Спать я не собиралась, но иногда лежа, мне думалось гораздо легче. Обдумать же хотелось многое.

Что меня ждет там? Какая она будет — новая жизнь на незнакомой планете? Будет ли хоть кто-то скучать по мне на Земле? Уж точно, не мама...

Чувствовала себя странно — предвкушение мешалось с радостью и тревогой. Перед глазами стали мелькать картины из детства и юности. Воспоминания кружили в голове, как картинке в калейдоскопе. Вот впервые села на лошадь, а это первый раз лечу на самолете, тут училась управлять маленьким вертолетом, и чуть не утонула, неудачно приземлившись в реку. Ну а здесь — я ужасно счастливая — впервые полетела на парашуте, сама...

Просыпаться не хотелось, но сон отступил, несмотря на мое желание его продлить. Немного еще полежала, медленно выходя из полудремы, не желая открывать глаза, потом стала думать о том, где я. Есть у меня такая особенность. Не могу иногда сообразить спростонья, где нахожусь. Вот и играю сама с собой в такую игру — угадаю или нет.

Вспомнила все и сразу, как всегда неожиданно. Потянулась всем телом, прогоняя дремоту. Нехотя открыла глаза и посмотрела в визор. Ого, время прилета приблизилось — даже слишком — приземление через двадцать пять минут. Как-то странно, что никто не разбудил раньше.

То есть, нет, пытались. Улыбаясь, вижу пять вызовов с промежутком в десять минут. На всех одно и то же сообщение — 'Диана, вы там как?'. Причину нахожу в инструкции. Опускание кресла автоматически блокирует дверь и делает беззвучными незапланированные звуки. Вот даже как! А если бы мне тут плохо стало? Ага, контроль состояния! Допуск только для капитана и врача. Вот и славно. Даже логично. Кому и доверять еще, как не капитану и врачу.

Эх, проспала все на свете, как любил говорить мой дед. Зато чувствую себя выпавшейся, как никогда. Радостно вскакиваю. Почему-то хочется петь. Вот странно. Быстро привожу себя в порядок в крохотной ванной комнате.

Наши уже собрались в кают-компани.

— Ди, наконец-то! — поднимается с места администратор. Вид у него слегка виноватый и абсолютно трезвый. Впрочем, некая бледность присутствует.

— Бонджорно, — Серж тоже поднялся. — Доброе утро, Диана. Ждем вас.

— Разве сейчас утро? — удивляюсь.

— Напротив, — поясняет Марат. Он что, правда, выглядит таким несчастным, или мне только кажется? — Мы вот-вот приземлимся. За бортом — на Прерии — около четырех вечера. Жарко...

У всех в руках тарелки и бокалы с каким-то темно-бордовым напитком.

Похоже на шведский стол. Тоже взяла себе тарелку, не обращая внимания, на ребят, которые явно хотели поухаживать. Нет уж, сейчас я сама. Только интересуюсь, что за напиток, который не только в их бокалах, но и в обоих графинах на столе.

— Сок из местного фрукта. Рекомендую, — улыбается Серж.

— Очень дорогой фрукт, — дополняет Марат. — Эксклюзив. Растет исключительно на острове Тэра, примерно в семистах километрах от Ново-Плесеца вглубь океана. Пробовали его выращивать, но нигде пока больше не прижился. Фрукты размером с грецкий орех. Такие водянистые ягоды под плотной оболочкой. Есть их нельзя, хотя счастливики такие находились, выжили, кажется. Просто опасно для здоровья — природный концентрат. Вот в виде разбавленного сока — нечто потрясающее. Попробуй.

Осторожно отпиваю. И замираю, перекатывая во рту удивительно терпкую жидкость и наслаждаясь вкусом. Надо же! Нектар просто! Вкус словами не передать.

— Называется 'Радость пилота' или тэрник, — делится своими знаниями помощник капитана. Не заметила, когда он появился. — Снимает любое похмелье и опьянение в считанные секунды. На ночь только лучше не пить, не уснете. Здесь вы пьете в сильно разбавленном состоянии — с соком апельсина. Очень удачное сочетание. Поэтому можно и вечером, если немного. В чистом виде — вы его встретите еще на Прерии не раз — продается в крохотных фляжках. Например, вот на этот графин ушло пятьдесят грамм сока тэрника.

— А почему нельзя пить неразбавленный?

— Не стоит, — помощник капитана очень серьезен, — сердце может не выдержать. Хотя, господин Токаев прав, бывали случаи, ели ягоды и пили неразбавленный сок, и даже обходилось все. Только потом человек неделю заснуть не мог, а после — две недели спал беспробудно.

— Поняла. Это такой энергетик?

— Совершенно верно.

Появилась чета Дашко и в каюте сразу стало шумно. Девчонка Оксана, увидев напиток, аж в ладоши захлопала. Интересно узнать, сколько стоит бутылочка этого чуда-средства. Вот почему Марат больше не пьян. Выглядит, кстати, очень милым. Его и спросила.

— Это, Ди, очень дорогая штука, — чуть покраснев, отвечает он.

— И все же?

— Десять тысяч за литр.

— Ох, да. Недешево. Так получается, любой может доплыть до этого острова, или долететь на чем-то и нарвать ягод?

— Да нет, там уже давно все под охраной, следят, чтобы вид не исчез. Да и прибыльное дельце. Хотя поначалу, говорят, так и было — кто хотел, плыл и брал, лишь потом спохватились, что тэрника может исчезнуть с лица земли, а ведь она лечит от нескольких очень опасных болезней. Каких — не спрашивай, — поморщился он, — не помню.

В кают-компанию вошла стюардесса и предложила всем занять противоперегрузочные кресла, после чего удалилась вместе с помощником капитана. Кресла были тут же, потому по каютам мы расходиться не стали. На крупном голоэкране показали посадку — это было очень красиво — городок на берегу океана сверкал в лучах солнца, утопая в зелени. Дальше виднелись горы. Еще не испорченная цивилизацией природа завораживала. Сколько всего таится под тенью этих лесов?!

Очень мягкий толчок возвестил, что мы уже прибыли. Голоэкрэн погас.

Подождав, пока загорится зеленый огонек разрешающий отстегнуть ремни, я поднялась, чувствуя некоторое волнение. Снова появилась стюардесса, приглашая нас на выход. Пропустив вперед семью полковника, я направилась за ними. Ребята шли следом, о чем-то тихо беседуя. Не стала прислушиваться. Только подумала, что они, наверное, знакомы были еще до нашей встречи. Интересно.

У самого трапа с нами попрощался капитан вместе с помощником и тремя стюардессами, желая нам приятного пребывания на Прерии. От его слов почему-то вспомнились курорты Земли. Мы конечно не на курорте, но пляжи, которые я видела с высоты птичьего полета, дарили надежду, что отдых какой-то обязательно будет.

Не терпелось посмотреть, что за мир открывается за бортом. Вдохнуть незнакомый воздух, ощутить на коже ветерок Прерии...

Первое, что порадовало — это синее-синее небо. Хорошо, когда мир встречает тебя такой хорошей погодой. Солнце — похоже, местное светило здесь так и называли, хотя официальное — Гаучо, или Небесный Пастух — тоже звучит неплохо, выглядело совершенно неотличимо от земного, причем грело вовсю. Так что пришлось максимально затемнить визоры. Хотя, судя по описаниям из базы данных, самая сильная жара уже позади.

Нас погрузили в маленький белый автобус и довольно быстро доставили к двухэтажному зданию космопорта. Семейку Дашко встречали. Пара бритоголовых охранников усадила их в один из двух коптеров, стоящих на площадке. Попрощаться с ними мы толком не успели, на ходу обменялись несколькими фразами. После чего наш автобус направился прямо к главному входу.

Прохладные помещения космопорта выглядели гораздо скромнее, чем на Земле, но мне понравилось. Пусть меньше размеры, зато как-то уютнее. В ВИП-зале Марат сразу стал куда-то звонить по визору, а мы с Сержем устроились за высоким столиком, заказав себе лимонад и какие-то орехи — на вкус — фундук, а размером почти в два раза крупнее. Вкус почти не отличался, да и название, как оказалось — тоже.

— В общем, такие дела... — с весьма деловым видом Марат подошел к нам и сгреб из вазочки несколько орешков, — придется немного подождать. Коптер за нами уже выслали, и он вот-вот будет здесь. Ди, думаю тебе лучше подождать внутри здания, снаружи жарковато, только пройди в соседний зал, пусть уже не ВИП, но там отличный вид на площадку для коптеров. А мы с Моретти пойдем, займемся багажом и прочими делами. ОК?

Я кивнула. Конечно, лучше подождать в прохладе.

Меня что-то стало знобить. Простудиться из-за всюю работающих кондиционеров еще не хватало. Поправив шарф — хотя, вряд ли поможет — пошла в соседний зал, спустившись на несколько ступенек. Полностью застекленная стена открывала прекрасный вид на площадку для коптеров, где в настоящий момент находилась только одна машина.

Народу немного. Невольно поискала глазами пилота, подумав, что Марат мог что-то

перепутать, и этот самый коптер ждет как раз нас. Может, пилот зашел в здание? А вот и он, парнишка лет семнадцати в новенькой летной куртке — высокий, худой, нескладный. Задержала на нем взгляд. Нда, юный совсем, растерянный, скорее ожидала увидеть на его месте кого-то вроде Михалыча. Пилот оглядывался по сторонам, явно кого-то или чего-то ожидая. Подойти спросить? Или дождаться ребят?

Его рассеянный взгляд скользнул в мою сторону и парень замер. Предсказуемая реакция. Ну вот, теперь может, подойдет. Что греха таить, постаралась показать всем видом, что жду именно его. Так, совсем ненавязчиво. Ведь дожидаться, пока смелости наберется можно целую вечность, причем с нулевым результатом.

Сработало — едва ли не спотыкаясь, направился в мою сторону. Впрочем, его уверенности хватило ненадолго, прошел бы мимо, не заговори я первой. Моего вопроса явно не расслышал, но остановился, уставившись своими пронзительными голубыми глазами, словно на чудо. Господи, да он ребенок совсем! Издали казался постарше, наверное, благодаря росту — даже выше меня. Не надеясь, что сам заговорит, повторила громче:

— Господин пилот, вы не съемочную группу Гугл ищите?

Смутился, слегка покраснев, мотнул головой и выдохнул:

— Не-е-ет. — Нахмурился и добавил. — к сожалению...

Славный мальчик. Если бы не эта, бросающаяся в глаза худоба, выглядел бы и вовсе красавчиком. Пройдет пара лет и девчонки начнут по нему сохнуть. Пока же... Хотела отойти, чтобы не смущать его еще больше, но парнишка вдруг снова заговорил срывающимся голосом:

— А вы не хотели бы... — судорожный вздох, остальное выпалил на одном дыхании, — на пикник слетать? Мы с другом на океанском берегу, на пляже, вечеринку устраиваем. Меня Леонид Истоков зовут, я вас приглашаю.

Как мило. Ну, надо же. Невольно вспомнился Глеб Макаров. Однажды разоткровенничался, рассказал, как учительницу на свидание пригласил. Как не мог забыть ее снисходительный смех, жалостливую улыбку. С какой горечью он это говорил... Потом точно так же обошелся со мной... почти. Верила тогда, что я бы так никогда не поступила. И вот, пожалуйста. Получите и распишитесь.

Новоявленный ухажер совсем приуныл. Стоит, как перед расстрелом. Ну и ситуация!

— Я бы с удовольствием, — говорю как можно мягче, — но сегодня никак не получится, только прилетели...

Ну вот, думала, поймет и уйдет, без травмы на всю жизнь, но не на того напала.

— А мы завтра уже на маршрут улетаем, рано утром, — упавшим голосом произносит юный пилот.

О как! Не сдаемся, значит. Может, зря я с ним так? Прямо сказать? Хотя, что мне, в самом деле, жалко что ли? Все равно другого развлечения ждать не приходится. И потом, любопытно, что он имеет в виду.

— На маршрут? — спрашиваю.

Надо было видеть, как он преобразился, услышав интерес в моем голосе. Выпрямился, да так, что от былой сутулости и следа не осталось, улыбнулся. Казалось, даже повзрослел сразу на пару лет.

— Да, месторождения искать, — парень явно гордился работой. — Может, вы мне дадите свой контакт, когда в следующий раз прилетим в город, я бы с вами связался и рассказал что-нибудь стоящее...

Хм, хитрец. В широко расставленных глазах — надежда. Было бы смешно, если б не было так грустно.

Ладно, сказала "А" говори "Б"... Повезло тебе, малыш... Будешь моим первым контактом на этой планете. Есть в этом, что-то символичное — встретить здесь, на почти неосвоенной, девственной планете вот такого симпатичного, неиспорченного еще голубоглазого мальчишку. Может, ты принесешь мне удачу?

Вслух же произношу сотню раз отработанную фразу, добавляя только новое место работы и его имя. Благо память на имена выработана железная.

— О, замечательно! Меня зовут Диана Морозова, корреспондент компании Гугл здесь на Прерии, так что, если будут у вас интересные новости — с радостью выслушаю. Еще и знаменитостью вас, Леонид, сделаю.

Парень просиял, услышав свое имя. Всегда срабатывает, даже лучше всяких там обещаний славы и знаменитости. Ключют все, и умудренные опытом взрослые мужи и домохозяйки, даже восходящие звезды оперы, а не то, что такие подростки. Внимание приятно всем.

— Хорошо, — у него даже уши покраснели от удовольствия, — очень надеюсь, будут интересные вести.

О, он не надеется, он сейчас уверен, по глазам видно. Все же, прекрасная это штука — юношеский максимализм. Не сломался бы парень. Очень уж славный.

— Тогда сразу мне сообщайте, договорились?

Нахожу его в сети, благо больше никого рядом нет, и сбрасываю контакт.

— Конечно! Ждите звонка, Диана, мы с вами еще обязательно встретимся.

Сдерживаю улыбку. Горячий паренек. Просто ловелас. Пора закругляться.

— В таком случае до встречи, Леонид, — протягиваю руку, и юный пилот робко ее пожимает.

Вот и все, кажется. Мальчишка, не скрывая широкой улыбки, чуть пошатнувшись, разворачивается и неторопливо бредет к выходу. На душе отчего-то светло и спокойно. Удачи тебе, Леня!

Звонок Марата заставляет отвлечься от размышлений о моем новом знакомом. Да уж, расслабилась. Надо сосредоточиться.

— Ди, коптер прибыл. Сейчас подойдет Серж, он тебя проводит. Я пока прослежу за погрузкой багажа.

Наконец-то. Не люблю ждать. Да и небезопасно тут, как оказалось. Того и гляди, еще какой-нибудь шкет попытается меня клеить. Смешно даже, честное слово. Наверное, надо было остаться в ВИП-зале — там такое не практикуется. Да и нет сейчас никого, вроде. Разве что упитанный лысый дядька, напомнивший какого-то актёра, да парочка девчонок-стюардесс.

— Хорошо, — говорю Марату, — а где его ждать? А, все, спасибо. Вижу Моретти.

— Ну, давай, Ди, не задерживайтесь там.

Оператор, весело улыбаясь, машет рукой.

— Ну как вы, Диана, успели соскучиться?

— Не дали, — улыбаюсь в ответ. — Зато успела взять интервью.

— У кого это? И без меня?

Серж быстро оглянулся по сторонам, и, не увидев никакой знаменитости,

разочарованно спросил:

- Это... скерцо? То есть... шутка такая?
- Да нет, пойдём уже, расскажу по дороге.
- Прендо ля пароле.
- Серж?
- Ловлю на слове, — рассмеялся итальянец.

Ярко-желтый коптер с незамысловатым логотипом 'Таксопарк Н-П' на борту принял нас в свой прохладный салон, спасая от уличной жары. Пилот, серьезный малый лет сорока, подождал, пока все усядутся, и не слишком плавно поднял машину в воздух. Краем глаза успела заметить, как забирается в "тот самый" коптер группа молодежи во главе с моим новым знакомцем. Даже отсюда было заметно, что парень на голову выше своих друзей. Хм, одного взгляда было достаточно, чтобы понять — поездка отнюдь не деловая. Вспомнив слова мальчишки о пикнике на пляже, порадовалась за юного пилота. Вот и молодцы. Завтра на маршрут — а они живут полной жизнью, пикник устраивают, наверное, и купаться будут, и петь под гитару, гулять полночи... Я даже немного позавидовала их беззаботному отдыху. Прямо кусочек совсем другой жизни приоткрылся...

От грустных размышлений оторвал возглас Сержа:

— Мольто белло! Как красиво, Диана, вы только гляньте!

Мы как раз летели над заливом. Я замерла от восхищения. Моретти прав, это что-то потрясающее. Городок утопал в зелени, раскинувшись подковой вокруг залива. С высоты трудно было различить улочки и дома. На причалах — крохотные кораблики. Судя по всему, там идет бурная жизнь. Маленькие фигурки снуют туда-сюда, работают погрузчики. В горловине залива как раз проплывает корабль. Интересно, откуда он? Или куда?

Дальше на побережье залива деловая часть города. Тут зелени меньше, а сразу за ней уже начинался Белый город — так эту часть Ново-Плесеца называл Марат, да и в базе данных видела этот термин. Белые дома, виллы, коттеджи расположились на склонах холмов, смотрящих в сторону океана. Вдоль широкой полосы пляжа виднелись какие-то цветные палатки — наверное, именно там проходит жизнь состоятельных жителей городка.

Жить на берегу океана, что может быть прекрасней?!

— Мольто белло! — повторила я за оператором, который, достав камеру, уже занимался съемкой красот Прерии.

Он обернулся и подмигнул, направляя камеру на меня.

— Беллица!

Оценив выражение его веселого лица, не стала спрашивать перевод. И так понятно — если не изменяет память — 'красавица'.

Только Марат немного недоволен.

— Вы уж постарайтесь, сеньор Моретти, говорить по-русски. Здесь в Ново-Плесеце почему-то очень не любят иностранцев. Особенно колонисты. Имейте ввиду.

— Спасибо, синьор Токаев, обязательно учту.

Админ вскинул взгляд, но итальянец уже снова снимал на камеру виды побережья с птичьего полета. Марат одарил холодным взглядом его спину, надел визоры и откинулся на сиденье.

Он по-прежнему выглядел несколько бледным.

Сделав виток над краем белого города, коптер вдруг резко развернулся в сторону Сити

— деловой части.

— Куда вы? — от удивления мой вопрос прозвучал резко. Грешным делом уже представила себя в объятиях океанской волны.

— Ди, спокойно. — Марат примирительно улыбается. — Алексей Федорыч велел привезти вас сразу к нему. Так что... Буквально на пять минут. Только познакомиться.

— С какой стати? Разве мы не наметили знакомство на завтра?

Сержио отвлекается от съемок и мечтательно говорит:

— Надеюсь, монтажная там больше, чем на моей прежней работе. И оборудование хочется глянуть.

Тысячи вопросов застывают, так и не прозвучав. Ладно, допустим, соглашусь. Тем более, мне хочется быстрее увидеть место новой работы. И конечно интересно очень, если уж честно, каков из себя Алексей Федорович! Марат прав, познакомиться лучше сразу.

— Хорошо. Но только никаких 'выпить за встречу', договорились?

Мне показалось, или Токаев слегка покраснел? Не разберешь ничего на его смуглой физиономии.

— Конечно, Ди! — админ скинул визоры и поглядел вниз. — Как вам наш офис, ребята? Смотрите, хорошее расположение. Там, вроде, ресторан рядом. И от залива недалеко.

— Можно подумать, ты там купаться собрался, — не удержалась я.

— Почему купаться? Просто тут водой добраться куда-то можно быстрее, чем ждать такси. Или у тебя морская болезнь, Ди?

Коптер уже приземлялся на площадке возле высокого здания в центре Сити.

— Так не знаю, — стараюсь не улыбаться, — не довелось как-то плавать.

В глазах Марата вспыхивают огоньки:

— Да-а? А что такое серф знаешь? Наверняка видела в сети?

— Ага, знаю. Хочешь сказать, умеешь кататься на волнах на узкой досочке?

— Когда я тебя научу, Ди, ты не будешь говорить об этом с таким презрением!

— И вовсе не так. Я просто...

— А это не директор Кирсанов, случайно, — мягко прерывает наш разговор Сержио, отрываясь от видеоискателя.

Обернувшись, я заметила рослого полноватого мужчину, с намечающейся лысиной, спешащего к такси в сопровождении молоденькой девушки и нескладного худого парня.

— И все-таки я прав, Ди, — Марат потягивается по своей дурацкой привычке. — Ну что, пошли знакомиться?

— Господин пилот! Подождите нас, пожалуйста, минут двадцать, — как можно небрежней прошу я. Если Марат прав и с такси здесь напряженка, лучше подстраховаться.

— Не вопрос, — кивает таксист. — Таковую красавицу — хоть час.

— Полегче, приятель, — ухмыляется Моретти.

Он первым спрыгивает на площадку почти с двухметровой высоты, игнорируя медленно выезжающий трап.

— Давай, Диана, покажи, на что способны русские девушки!

Разбежался! Спускаюсь спокойно по трапу, не обращая внимания на насмешливо-осуждающий взгляд итальянца.

Группа встречающих уже рядом.

— Здравствуйте! — протягиваю руку высокому мужчине — директору местного медиаканала, отвечая на приветствие. — Диана Морозова.

— Диана, как же я рад, — улыбается тот, делаясь похожим на доброго дедушку. Он мягко жмет руку. — Алексей Федорович Кирсанов. Вы уж простите, наш коптер сломался перед самым вылетом, а с такси здесь непросто. Новые машины и оборудование еще в пути... Не удалось вас встретить достойно.

— Пустяки, правда. Это Сержио Моретти, оператор.

— О, синьор Моретти! Рад знакомству. Видел ваши работы...

— Марат Токаев, мой админ.

— Привет, дядь Леш, — Марат огибает меня и с неподдельной сердечностью сжимает директора в своих медвежьих объятиях.

— И ты здесь, хитрый татарин, — рассмеялся Кирсанов.

Парень, не дождавшись, пока его представят, покраснев, протянул мне руку:

— Петр. Можно Петя.

— Очень приятно, Петя. Диана Морозова. Можно просто — Диана.

— А это Леночка, — кивает он на стройную улыбчивую девушку, — остальные наверно ждут. Передачу монтируем...

— Ну, так идемте! Алексей Федорыч, мы тут надолго, успеете еще наговориться с моими оболтусами.

— Кто мы? — тут же возмущается Сержио, но пользуясь общей суетой, не стала объяснять. Дружной толпой спешим к стеклянным дверям.

Немного волнительно думать, как здесь все будет. Стараюсь заглушить это чувство, беззаботно отвечая на многочисленные вопросы Кирсанова о перелете, о том, как мне понравилась Прерия, о том, не успел ли меня достать зануда Марат.

Лифт поднимает нас на самый верх, если не ошибаюсь, это четвертый этаж. Марат загородил спиной все кнопки. Их там шесть, кажется. Наверное, еще подвал. И все же ошиблась — мы на крыше. Выходим из лифта, как из маленького домика.

— Хе-хе, — потирает руки довольный Кирсанов. — И как вам? А? Здорово, да? Вся эта красота наша. Вон прямо тут видите — зона отдыха. Вышел и пожалуйста — отдыхай. Удобно, а? Обзор какой — вы только гляньте — мало того, что здание четырехэтажное, так еще на холме, на самой вершине. Да тут самое лучшее место во всем Сити. А, Марат? Ты глянь.

— Да вижу, дядь Леш, хорошо тут у вас, а ты помню, ехать не хотел.

— Так в ту дыру и не хотел. Ты бы там тоже не шибко веселился. Это уж когда Гугл нам новое здание выкупил, так конечно. Смотри — весь верхний этаж наш. На втором — склады, тоже наше все и только малая часть ресторану принадлежит. Он, к слову, весь первый этаж у нас же и арендует. Вчера подписали договор, так что все здание у нас в кармане. Да еще ангар для коптеров рядом, правда, машинка у нас старенькая — сломалась сегодня в очередной раз, но вот-вот новые придут. А ресторан пусть будет, далеко ходить не надо. Отличные ребята кстати. Владелец — мой старинный приятель. Новые офисы на третьем этаже — мечта просто! Не сравнить с тем, что было! Мы как раз закончили с переездом — думал, захотите увидеть сразу. Ну и отпраздновать знакомство. Попробуете как раз стряпню Хафиза. Это нечто...

Все невольно заражаются энтузиазмом директора. Он прав, тут, в самом деле здорово. Прямо на крыше разбит небольшой садик с маленьким фонтаном. Точнее, это пока только намеки на садик, да и фонтан не работает, но все равно мне нравится. Уверена, получится очень мило. Цветастые тенты защищают от солнца столики и стулья возле самой решетки,

откуда открывается прекрасный вид на залив. Половина крыши пустует. Но видимо неспроста. Площадка отделена от остальной крыши несколькими ступенями и высокой перегородкой из стекла и металла, которую вначале не разглядела. Поняла, только заметив открытые сейчас раздвижные стеклянные двери — по серебристым контурам. Значит, скорее всего, для коптера. Там и два запросто поместятся, если не слишком больших. А что — удобно, раз — и уже в здании, только на лифте спуститься. Вот таксист мог нас прямо сюда и выгрузить, да видно нет у него такого разрешения или не знал просто.

Садик занимает почти все пространство зоны отдыха, представляя собой букву 'С', открытую в сторону решетки. Вокруг невысокой оградки зеленых насаждений расположились несколько скамеек-диванчиков, когда зелень подрастет, их будет и не видно, идеальное место отдохнуть, расслабиться, даже позагорать.

Столики сейчас сдвинуты и уставлены аппетитными на вид блюдами — совсем по-простому. Две девушки, наверное — из obsługi ближайшего ресторана, как раз разливают напитки по высоким стаканам. Сразу захотелось пить.

Ну вот, и как тут отказаться-то?

— Алексей Федорович, — решительно говорю, прерывая его беседу с моими ребятами. — Давайте уже офисы посмотрим, а вот на застолье мы как-то не рассчитывали.

— Ну, вот еще, Диана. Посидеть и выпить за встречу надо обязательно! Хотя бы полчаса. Петька, отпусти такси, — зычно кричит он. И поясняет, прерывая мои возражения: — За простой берут чуть ли не вдвойне, ироды. С такси тут плоховато, не Москва. Но не бойтесь, мои красавцы, отвезу вас с ветерком на собственном катере. Да-да, есть у меня ласточка последней модели, да еще тут приобрели собственный причал в марине. — Глаза Кирсанова весело сверкнули из-под густых бровей. — Так что — живем! А, Диана? Любите морские прогулки?

— Еще не знаю, Алексей Федорыч. А как же...

— Вот и узнаешь. И зови меня по-простому, я тут для всех дядька Леша, хотя племянников отродясь не имел. Один, как сыч. — Он хохотнул. — Ничего, проветритесь, посмотрите, как Сити с залива смотрится, а Белый Город — с океана.

— А как же наши вещи? — удаётся спросить. Как-то совсем не ожидала такого напора.

— Петька, стоять! — орет директор. — Багаж сразу в отель, потом сюда вернешься. Одна нога здесь, другая там! Ну, живо! Чего, застыл?

— Секунду, Петя! — Токаев размашистым шагом подходит к парню и что-то быстро втолковывает. Петя кивает, внимательно вслушиваясь в слова админа, и чему-то улыбается во весь рот.

После его стремительного исчезновения, дружной толпой идем вниз. Офис мне нравится сразу. Хотя тут еще нет оборудования и многие помещения пустуют, а я уже вижу, как снуют туда-сюда сотрудники, сплетничают в курилке девчонки, стоит маленькая очередь к кофейному аппарату... Даже странно, что теперь это станет и моей жизнью, и уже не я, а ко мне будет заходить какая-нибудь девчонка-фрилансер, предлагая эксклюзивный материал...

Мой кабинет с видом на залив. Пока здесь только шикарное черное кресло. Невероятно удобное. Надо же. Даже вставать не хочется. Кручусь в нем, откинувшись на спинку, пока никто не видит.

Замечаю в приоткрытую дверь, что Марат тоже доволен, ругается по просьбе директора с отделом логистики очень смачно. Просто красавец! Торжественно сообщает, отключая

связь, что оборудование подвезут через два часа. А вот новые коптеры еще собрать надо, так что только завтра к вечеру.

— Ну, ты орел! — Алексей Федорыч снова довольно потирает руки. — А они мне — через неделю, батя, раньше никак!..

Сержио заглядывает в мой кабинет с довольно печальным видом.

— Что такое?

— Монтажной еще нет... Да ничего еще нет. А ничего, кабинетик, мне нравится. Дай покрутиться!

Со смехом, пытаюсь от него увернуться. Но Моретти ловко вытаскивает меня из уютного кресла и ставит на ноги. Сам нагло занимает мое место.

— Так вот в чем преимущества у спецкоров, — возмущенно восклицает он, широко улыбаясь. — Это не... джустаменте! Не... правильно.

— Не справедливо? — подсказываю я.

— Точно! Не справедливо! Такие кресла нужно только операторам выдавать!

— А что за кресло? — И Марат здесь! — Моретти, имей совесть, дай и мне, что ли. Должен же я знать, каково тут будет Диане.

— Нормально ей будет, — ворчит итальянец, но с кресла поднимается.

Марат тоже в восторге.

— Хм, как низко пали великие, — негромко говорю я. — Одно кресло, ничего больше нет, а они уже счастливы.

— Ты не понимаешь, — возражает Моретти, — кресло — это о-очень важно!

— Особенно такое, — подхватывает Марат.

В кабинет протискивается голова еще одного обитателя нового офиса.

— Всем привет, я Егор, — прогудел он басом. — Вас за стол зовут. На крышу.

Застолье было совсем не похоже на тот обед в ресторане с боссами из Гугла. И не то, чтобы качество еды хуже — напротив, жаркое из цыпленка просто восхитительно, а крохотные пирожные тают во рту, оставляя незабываемый вкус. Но вот обстановка совсем другая. Больше похоже, что я блудная дочь, наконец вернувшаяся в большую и дружную семью. Никогда у меня такого не было. Все шутили, громко смеялись, выкрикивали тосты, оттачивали остроумие шутками, порой на грани приличий, как мне казалось, но никто даже не думал обижаться.

Я улыбалась, а в горле стоял ком. И что такое? Всегда все не как у людей. Радоваться надо, а я чуть не плачу. Рассказать кому — не поверят, недаром в колледже прозвали стальной леди. Последние дни только и делаю, что слезы сдерживаю.

Коллектив медиаканала 'Прерия НВ' состоит из пяти человек, не считая Алексея Федоровича. Я сразу запомнила всех, чтобы потом было проще общаться, и мысленно каждому дала краткую характеристику. Егор и Петька, судя по всему — братья, хотя совсем друг на друга не похожи. Егору лет двадцать пять, а Петя младше года на три. Андрюхе Зарецкому перевалило за тридцать, сразу сошелся с Сержио, оказалось — были знакомы. Тоня и Леночка примерно моих лет. Тоня — яркая и активная, успела сразу рассмешить дерзким ответом моему админу, Леночка — скромная с задумчивым умным взглядом, улыбка вот у нее редкая, но освещающая всё лицо. Надо будет подружиться с девушками...

Очень быстро, просто по разговорам узнала, что каждый тут своего рода уникам. Ну, а

как иначе?

Прощались только спустя полтора часа, сытые и довольные. Ребята канала смотрели на меня как на принцессу, Тоня немножко ревниво, но с уважением. Леночка, кажется, с восхищением.

Марат с Сержио тоже произвели на них хорошее впечатление. Так что — начало для работы положено, завтра и приступим.

Катер Кирсанова на поверку оказался небольшой моторной яхтой, на которой и под парусом можно ходить и на моторе. Внизу — маленькая каюта. На широкой палубе — деревянные скамьи, жестко зафиксированные на случай качки. Здесь мы и расположились, Кирсанов правил сам, а Андрюха Зарецкий, решивший нас проводить, громко и с юмором рассказывал, что где расположено, добавляя короткие байки, казавшиеся нескончаемыми.

Красиво смотрится город с воды.

Хорошо-то как! — ветерок дарит прохладу, солнце уже не такое яркое. Обогнув мыс, плывем к Белому городу. На невидимой границе, катер тормозит, Кирсанов запрашивает что-то по визору, потом ведёт судно вдоль красивой набережной. Хоть и не близко, видим гуляющих по берегу людей, есть и купающиеся. Утопая в зелени, высятся на склонах холмов белоснежные виллы и коттеджи. Вот и пристань. Директор медиаканала ловко вписывается в узкое пространство между сваями, и мы уже швартуемся у причала для катеров.

Здесь Алексей Федорович и Андрей с нами прощаются, их жильё дальше, километрах в трех на север. На окраине Белого города.

Не успела лодка выйти снова на простор, как к нам подбежал мальчишка лет десяти, и уверенно прошел прямо ко мне. Белые шорты, загорелый почти до черноты, только глаза карие сияют из под капитанской кепки.

— Диана Морозова? — звонкий голос звучит очень деловито.

— Это я.

— А я за вами, видите мою машину?

— Э? — гляжу, на набережной стоит почти игрушечная машинка. — Вижу.

— Поехали. Доставлю с ветерком.

— А как же мои спутники?

— Могу потом за ними поехать, — почесав в затылке, бойко отвечает малыш.

Марат с Сержем готовы рассмеяться.

— Спасибо, парень, мы прогуляемся, — подмигивает ему Моретти. — Покажешь Диане самую красивую дорогу к отелю?

— Отчего ж, покажу!

Машинка двухместная, открытая. Сажусь с опаской, как-то не привыкла я к юным водителям. Но малыш управляет виртуозно, дорожки словно для этой машинки и сделаны.

Не знаю, что уж считается самой красивой дорогой к отелю, но мы хорошо поколесили по Белому городу, повидав и виллу полпреда, и детские аттракционы, самое важное место, по словам маленького негодника, и несколько коттеджей знаменитых личностей. Мне понравилось. Спокойно тут было и уютно. Всюду зелень, красивые здания, приветливые лица прохожих, с улыбками уступающих нам дорогу.

Когда, наконец, остановились у входа в отель, мальчик с озорной улыбкой указал в сторону океана:

— Вот отсюда мы отъехали.

Увидев наш причал в нескольких десятках метров, не знала — смеяться или плакать.

Убью Марата!

— Тебя как зовут? — Вручаю мальчишке пару мелких монет.

— Максим. — Сжимает монеты и улыбается. — Вы это... Если захотите, я вас еще покатаю!

— Не сегодня, Максим, — качаю головой.

Администрация отеля устроила мне пышную встречу и проводили в самый 'шикарный' номер с видом на океанский берег. С балкона просматривалась очень благоустроенная набережная, где в этот вечерний час прогуливались парочки, играли несколько детей разного возраста. Своего нового знакомого с его машинкой, я среди них не увидела. Забавный мальчишка, есть в нем что-то трогательное.

Номер был очень милым, хотя, если честно, шикарным его назвать никак нельзя. Слишком свежа еще память о пятизвездочных отелях Земли, где мне приходилось не раз останавливаться, следуя приказу матери, у которой повсюду находились постоянные брони. Оплачивала их она сама, считая, что так выполняет свой материнский долг.

Просторная кровать под балдахином, с низенькими тумбочками по бокам, трюмо в углу, небольшой письменный стол перед широким окном и встроенный в стену мини-бар. Вот и вся обстановка. Линолеум под натуральное дерево, низкие потолки, стены оклеены какими-то обоями в мелкий цветочек. Гардеробная довольно широкая, но забитая моим багажом, казалась сейчас ужасно тесной. Душевая комната самая обычная, с набором дешевых гигиенических средств. Единственное, что примиряло с окружающей обстановкой — широкий балкон с удобными шезлонгами. Здесь можно и позагорать при случае и поработать на свежем воздухе.

Только не любила я близких гостиничных номеров с детства. Совсем. Сразу мысли о том, сколько людей здесь побывало до меня. Не знаю, но отчаянно хотелось свой дом. Надо завтра же заняться этим вопросом. А сегодня что? Ах да. Два неотложных дела в личном календаре визора. Позвонить некоему Ахиллесу и ему же передать пакет инфы. Сделаем, только сначала переодеться.

Приняв душ и облачившись в толстый пушистый халат, я устроилась на балконе, куда мне доставили маленькую чашечку кофе и легкую закуску.

Побыть в одиночестве мне не дали — Марат с Сержио явились ко мне в номер под предлогом, что надо устроить совещание и составить план на будущее.

— План пока простой, — прервала я Марата, подождав, пока коллеги займут шезлонги и перестанут преувеличенно расхваливать мой номер, балкон и окружающий мир. — Завтра же мне нужно найти собственный дом. Здесь я жить не собираюсь. Второе — до первой передачи всего месяц, так что трудиться надо начинать прямо сейчас...

— Свой дом? — в один голос переспросили они.

— Отель оплачен на месяц, — поспешил пояснить Токаев. — И потом, Ди, насчет работать — согласен, времени немного. Но загонять себя тоже не стоит. Пока я налаживаю контакты, а на это уйдет пара дней точно, а может и больше, ты могла бы заняться обустройством.

— Могу помочь, — широко улыбнулся итальянец.

— Налаживать контакты или обустраиваться? — холодно осведомился Марат. И удовлетворившись тем, что оператор пожал плечом, добавил: — А тебе, Моретти тоже есть чем заняться. Начинать снимать...

— У меня уже есть мысли с чего начать, — вмешалась я. — Сержио, позже мне хотелось бы обговорить это подробнее, если ты не против. Марат, с тобой тоже. А сейчас

попрошу вас уйти и оставить меня в покое. Завтра в семь утра жду вас в своем номере.

Мужчины сразу поднялись, что немало порадовало.

— В семь? — только поморщился Марат. — Я хотел прокатиться на волне. Даже доску уже распаковал.

— А сколько времени это займет? — Мне на самом деле было интересно. И вообще не сразу, но мне хотелось испробовать здесь абсолютно все. Самой, на собственной шкуре. Для авторской программы это тоже немаловажно.

— Час — полтора.

— Тогда тебе необходимо проснуться в половине шестого, — улыбнулась я.

Моррети, еле сдержав смех, глядя на кислую мину админа, помахал рукой:

— Диана, кара мио, мой контакт у вас есть — зовите, если что.

— Мой тоже. — Марат тепло улыбнулся на прощанье и они, наконец, покинули мой номер.

Когда гости ушли, я не стала терять время и набрала контакт Ахиллеса. Соединили не сразу. Ну, мало ли, чем этот Грек занят. Рассматривала далекий горизонт, океан вызывал жгучее любопытство. Надо же, ведь на Земле была только на море несколько раз, а тут океан. Вдали виднелись белые паруса. Всего штуки четыре. Какие-то яхты, наверное — как у директора медиаканала, и один корабль покрупнее. Куда они плывут? Или просто отдыхают?

Наконец друг Михалыча отозвался. Изображения не было, только голос. Низкий и какой-то холодный.

— Слушаю вас.

— Здравствуйте. Меня зовут Диана Морозова, специальный корреспондент Гугл на Прерии.

Молчание. Что за грубиян!

— Я только что прилетела...

— Папарацци меня не интересуют, — твердо и как-то равнодушно произнес Грек, — если у вас все...

— Постойте!

— Что еще?

Я уже начинала злиться. Какого черта Михалыч мне его навязал?!

— У меня для вас пакет документов от Михалыча с Земли, — я тоже решила быть холодной и жесткой.

Желанного эффекта не получилось.

— Какого Михалыча? — все так же холодно осведомился невидимый собеседник.

Вот черт! А я и не знаю какого. Ни фамилии, ни даже имени. Блин, и кому это надо, а? Мне что ли?!

— Таксист он, — ответила я более сердито, чем хотелось. — Извините за беспокойство! И тут грубиян рассмеялся. Не то, чтобы весело, но удивить меня ему удалось.

— Для журналистки, вы слишком эмоциональны и ранимы, — произнес он вполне дружелюбно. — Приезжайте. Хочу вас увидеть. Передадите файл на месте.

— Зачем? Сейчас сброшу вам. И покончим с этим.

— Нет. Передадите при встрече. Подождите, вышлю за вами коптер.

Чертов Грек. Да что это такое. Точнее, кто он такой? Министр?

— Не надо, — буркнула я, — вызову такси. Назовите адрес.

— Центральная площадь в Сити. Удачи.

И отключился.

И чего я так кипячусь! Кофе остыл, да и настроение его пить пропало. Выяснила по местной сети, как вызвать такси и послала запрос.

— Запрос принят, — произнес очень вежливый оператор. Время ожидания составит два часа сорок минут.

— Что? — Не поверила своим ушам. — Мне нужно через пять минут!

— Простите, леди, но это невозможно. Все машины в настоящий момент заняты.

— Но у меня важное дело...

— В понедельник вечером у всех важные дела, — с грустью откликнулся оператор. — Может, воспользуетесь наземным транспортом? Хотя не уверен, что свободные машины есть там. Понедельник, вечер... Так вы подтверждаете свой заказ?

— Нет! — отрезала я.

Ситуация с наземным транспортом оказалась не лучше. Не добившись от них толку, скрепя сердце, снова связалась с Ахиллесом. На этот раз загадочный друг Михаллыча отозвался сразу.

— Если не трудно, пришлите свой коптер, — напряженно произнесла я. Так и ожидала услышать торжествующий смех.

— ОКАЙ. Выходите через десять минут, — совершенно спокойно ответил "грек".

Надо же, даже без насмешки. Может, всё не так плохо? И тут я опомнилась. Десять минут! Ого. Ведь я не одета! Как не спешила, только через двенадцать минут, нарядившись довольно скромно — в серые джинсы и свободную рубашу, вышла из отеля. С неким злорадством заметила подлетающий темно-серый коптер. Ага. Не только я опаздываю.

Уже на подходе к парковочной площадке, расположенной чуть в стороне от отеля, увидела Моретти, который о чем-то разговаривал с тем самым мальчиком — Максимом. Малыш меня заметил и помахал рукой. Оператор среагировал мгновенно. Оглянулся, взглядывая пару секунд, и решительно направился в мою сторону широким шагом. Ну вот, только этого мне не хватало. Он тоже успел переодеться, Белая футболка и серые шорты делали его похожим на туриста. На груди болталась неизменная камера.

К не заглушившему двигателя коптеру, присланному Ахиллесом, мы подошли одновременно.

— Диана. Вы не будете возражать, если я составлю вам компанию? — Сразу спросил итальянец и, видимо прочитав на моем лице решительный отказ, торопливо добавил. — Честное слово, я нон сареббе. То есть, не хотел вам мешать, не нарочно. Просто вызвал такси — добраться до Сити, а ждать оказывается больше двух часов. Вот и подумал — не подбросите меня?

Да уж, дожидаться такси...

— А куда вы? — вырвалось у меня. Тут же пожалела. Ведь он мог задать мне тот же вопрос. Но говорить про Грека кому бы то ни было, не входило пока в мои планы.

— Хочу побродить в одиночестве. Поснимать. А вы?

— Надо навестить знакомого. Ладно, Серж. До центральной площади в Сити точно можете долететь.

— Бене! То есть отлично, спасибо, Диана!

Пилот — парень лет двадцати азиатской наружности, коротко кивнул мне, задержал на Моретти взгляд миндалевидных глаз и спросил:

— А вы кто?

— Мой друг, — быстро ответила я. — Подбросим его до площади в Сити?

Парень кивнул и поднял машину в воздух.

— Я уже друг? — широко улыбнулся Серж. — Ну, Ди, не будьте такой серьезной. К'оза э сучессо? Что-то произошло?

Белый город производил неизгладимое впечатление в лучах заходящего солнца — действительно напоминал курорт. Я оторвала взгляд от окна и повернулась к итальянцу. Непринужденно откинувшись на диванчике и вытянув свои длинные ноги, он казался расслабленным, но в лице и взгляде, направленном на меня сквозило легкое беспокойство.

— Все нормально, Серж. Хороший друг на Земле просил передать весточку своему сослуживцу. Обещала сделать это сразу.

— Так почему не пойти вместе? А потом, клянусь, постараюсь тебя чем-нибудь удивить — может, покатаемся на чем-нибудь или еще что? Поснимать хочется, но с тобой это еще интереснее.

— Нет, — мягко ответила я, не желая его обижать.

Он скроил очень грустную рожицу, чем даже рассмешил. Не ожидала такой реакции.

— Ну вот, фиаско, как у вас говорят.

— Что?

— Облом. Не везет мне с русскими девушками.

— Не верю, Серж!

И тут он очень хитро ухмыльнулся и подмигнул:

— Правильно делаешь, Ди.

Опа, когда это он на 'ты' перешел? А, пускай. Моретти мне сразу чем-то понравился. Очень с ним легко, все же.

До площади долетели быстро. Выпрыгнув на асфальт, или чем там была покрыта дорога, оператор махнул мне рукой и, не оглядываясь, зашагал в сторону холма. Мы же, снова поднявшись в небо, перелетели холм и приземлились внутри двора, огороженного высоким забором, возле небольшого двухэтажного здания. Это уже окраина Сити, наверное, или жилой массив.

Пилот заглушил мотор, открыл мне дверцу, и оказался на земле раньше меня.

— Я провожу вас, — вежливо произнес он без улыбки. — Сюда, пожалуйста.

Откуда-то послышался лай собак, потом короткий мужской возглас, после чего все стихло. Мы зашли в здание и сразу поднялись на второй этаж по узкой лестнице. Дальше коридор и вторая дверь налево. Комната большая. Стены увешены оружием, оленьими рогами и прочей охотничьей атрибутикой. Посередине бильярдный стол, на дальней стене мишень, утыканная дротиками. Сбоку — напротив двери, барная стойка. Просто рай для мужчин. Здесь мы не задержались, прошли дальше. Провожатый открыл дверь возле бара, которую так просто не обнаружишь. Завешанная шкурой какого-то огромного животного, она вела в более светлую комнату с большими окнами. За большим столом темного дерева, как в старом документальном кино, сидел в кресле с высокой резной спинкой серьезный мужчина лет сорока на вид. Стол был уставлен разными безделушками, типа головоломок, крупных шариков из стекла и камня, разных зверушек из похожих материалов и дерева. И притом, никакого беспорядка, все словно на своем месте. Еще один стол, овальной формы стоял посреди комнаты, окруженный симпатичными деревянными стульями.

Мужчина скинул визоры и, откинувшись на спинку кресла, отослал парня кивком

ГОЛОВЫ.

— Добро пожаловать, Диана Морозова, специальный корреспондент Гугл на Прерии, — сухо произнес он, разглядывая меня, как какую-то букашку. — Меня зовут Антон Харисов, но больше известен, как Ахиллес. Сбросьте мне файл, будьте добры. И присаживайтесь.

Так как ничего другого не наблюдалось, а диван у дальней стены стоял слишком далеко, я отодвинула стул у овального стола и присела на краешек. Личность Ахиллеса теперь еще больше заинтриговала. Уж не знаю, правда ли, что он не грек, но профиль вполне можно назвать греческим. Высокий лоб, прямой нос, темные глаза под густыми бровями, суровая складка рта, подбородок и щеки гладко выбриты, тонкий двойной шрам проходит наискосок от уголка рта до внешнего угла правого глаза. Лицо смуглое и обветренное, наверное, много времени проводит на воздухе. Черные волосы гладко зачесаны и убраны в хвост. Он снова снял визоры и криво улыбнулся:

— Значит, у вас будет авторская программа?

— Д-да, — интересно, откуда ему это известно?

Лицо его оживилось, он поднялся из-за своего стола и, обогнув его, занял место напротив меня за овальным.

В тот же миг открылась дверь и вошла девушка с подносом, на котором красовались бокалы, графин с темно-бордовым напитком и крохотные бутерброды с икрой разных оттенков красного цвета.

Девчонка бесшумно удалилась, а хозяин налил мне в бокал сока, как и подозревала — с добавлением тэрника. Только не апельсиновый а лимонный на этот раз. Он коротко сказал об икре, какая от какой рыбы, а потом спросил:

— Ну и что вы от меня хотите, Диана?

Чуть не подавилась первым глотком сока.

— Я хочу? Это вы меня пригласили, господин Харисов!

— Для вас — Антон. И спокойно, леди Ди! Вы подумайте хорошенько. К слову, попробуйте темно-красную икру, уверен, вам понравится.

Он прав, я же никого здесь не знаю пока, глупо вести себя, как вздорная девица.

Послушно последовав его примеру, откусила бутерброд с икрой и поразились необычно приятному вкусу. Запив его соком, осторожно произнесла:

— Понимаете, Антон, я тут никого не знаю...

Он смотрел выжидательно, и, кажется, в его глазах мелькнуло одобрение.

— ...возможно, вы могли бы помочь мне с информацией?

— Возможно.

— И еще, — вдохновилась я. — Здесь очень плохо с транспортом, такси приходится ждать несколько часов, а мне это совершенно неудобно. Может, посоветуете мне какого-нибудь пилота, который согласится меня возить в любое время. — Не видя в нем никакого энтузиазма, поспешно добавила: — Естественно не бесплатно!

— Конечно, — кивнул он. — Ну, с пилотами тут не так просто. У вас есть коптер?

— Нет, но я думала...

— Понятно!

— Я могла бы купить, деньги пока есть.

— Не спешите так. Есть у меня один вариант. Минутку. — Он коснулся коммуникатора в виде клипсы на ухе и коротко произнес кому-то: — Зайди.

В комнату почти сразу вошла все та же девушка. Теперь я рассмотрела ее подробней.

Лет семнадцать-восемнадцать, короткая стрижка, красивые серые глаза с длинными ресницами. Камуфляжный костюмчик смотрится неплохо, даже стильно. Не худенькая, но стройная. Хотя под этой одежкой особо не разглядишь. Манеры мальчишеские, движения резковаты.

— Познакомьтесь, Диана, это Рысь, моя... племянница.

— Очень приятно, — улыбнулась я девушке, не понимая, зачем Ахиллес ее пригласил.

Та смотрела исподлобья, не выказывая особой радости.

— Рысь, отвезешь Диану в Белый город.

— На чем? — гордо осведомилась она, вскинув подбородок. Похоже, у них какая-то напряженка с этим вопросом. Или давний спор.

— Тебе решать, Оля. согласишься работать на госпожу Морозову, можешь прямо сейчас бежать за своей ласточкой. Деньги я переведу. Решишь подумать, возьмешь коптер Трояна...

Глаза девчонки загорелись:

— Прямо сейчас? — выпалила она, словно не верила своим ушам.

— Да, они еще работают, — Ахиллес глянул на время. — Как минимум, полчаса. Прежде чем согласиться, послушай условия.

— Какие? — девушка с надеждой посмотрела на меня.

Обалдеть! Эта девчонка будет моим пилотом? Я внутренне сжалась от такой перспективы и, хоть понимала, что вопрос может прозвучать оскорбительно, все же осведомилась:

— А вы умеете летать?

— Умею, — кивнула она, нисколько не обидевшись. — Даже в гонках участвовала...

— Оль! — охладил ее пыл Ахиллес.

— Сертификат получен полтора года назад, — четко отрапортовала она. — Хотя летаю намного больше.

— Ясно. — Быстро прикинула, какие бы назвать условия. — Пилот мне может понадобиться в любую минуту дня и ночи. Хотя есть служебный транспорт, но, судя по всему, не всегда он будет свободен. Да и как у них с пилотами я тоже не знаю. Так что, независимость в этом плане с моей работой очень важна. Если бы такси работало лучше...

— А кем вы работаете? — осведомилась девушка.

— Журналистка.

— А-а, — похоже, я разочаровала Рысь своей профессией. Она обернулась к Ахиллесу, — все? Я могу бежать? Можно, меня Троян подкинет? Ты переведешь деньги?

— Беги уже, горе мое, на все вопросы — да. У тебя двадцать минут — встречаетесь на площади в Сити.

— Успею!

Девчонку как ветром сдуло.

— Полгода уже просила... — как будто оправдывая девушку, произнес Харисов, — только незачем ей... было. Итак, — тон снова сменился на деловой, — пилот у вас будет — зарплату обычную дадите — три тысячи и довольно. А вот аренда коптера... Договоримся.

— Хорошо. Что я должна за это?

Он улыбнулся:

— Собственно почти ничего. Небольшой репортаж о сафари — это мой бизнес — и довольно. А так как это одна из ярких достопримечательностей местной жизни, то вам в любом случае должно это быть интересно.

— Сафари? — мне тут же почему-то представились внедорожники, набитые людьми с оружием, пустыня, львы, тигры. — Интересно, конечно!

— Ну и славно. Для начала и этого достаточно. Позже, может появиться что-то еще. Думаю, сотрудничество наше может быть взаимовыгодным. Если, конечно, вы действительно настолько талантливы, как сообщает мне мой земной друг.

Боюсь, я покраснела.

Он поднялся:

— У нас есть десять минут, может чуть больше до возвращения Рыси. Позвольте проводить вас до площади. Это совсем рядом. Если остались вопросы, обсудим по дороге.

— Спасибо, — с чувством произнесла я.

На улице уже стемнело, но зажглись фонари. И луна показалась. Она здесь ярче, чем на Земле, или мне так кажется. Ахиллес шел рядом, ведя на поводке огромного пса:

— На Земле это анахронизм уже — держать псов, — пояснил он, — у нас же, на Прерии — обычное дело. Очень умная порода, местная, к слову.

Собак на Земле я видела в конюшнях, они мне нравились, с одной даже подружилась еще девчонкой. Келли звали... Ласковая была. Но собаку господина Харисова погладить я бы не решилась. Зато вопрос созрел сам собой:

— Ахиллес... Антон.

— Да?

— Хочу купить хорошую лошадь. Чтобы не терять форму, — поделилась я. — Возможно это?

— Почему нет? Будет у вас время, попросите Рысь свозить. Она знает тут все.

Это было сказано таким тоном, что сомневаться в знаниях Рыси даже не пришло в голову.

— Еще что-то?

Ах, да, дом! Почему бы не спросить.

— Вы не в курсе, как тут с жильем?

Он хмыкнул:

— Гостиница не понравилась?

— Не в этом дело...

— Понял. Дом в Белом городе?

— Да.

— Купить дорого. Домов мало, народу много и становится все больше. Отстроить — дешевле, но займет какое-то время. Можно арендовать. Будет зависеть от того, на какой срок.

— Год.

— Ясно. Сам я не занимаюсь этим, но один знакомый как раз по этой части. Примите его контакт, завтра и договоритесь. Я его предупрежу насчет вас. Он вас и просветит, что выгоднее. Зовут Степан Афанасьев... Вот мы и пришли.

Я огляделась. Площадь в центре Сити обладала внушительными размерами. С краю — парковка для коптеров, в центре что-то вроде крытого рынка, сейчас уже опустевшего. Разглядеть что-то еще в тусклом свете уличных фонарей не успела. Впереди вдруг увидела внушительную фигуру Моретти, направлявшегося в нашу сторону. Белая футболка светилась в темноте. Серджио заметил меня, только поравнявшись.

— Диана! — воскликнул он удивленно.

— Серж.

— Что ты здесь делаешь?

— Могу тебя спросить о том же самом, — рассмеялась я. Повернулась, чтобы представить оператора Ахиллеса:

— Антон, — неловко было все же вот так — по имени обращаться, но он сам настаивал, — познакомьтесь с Сержио Моретти. Мой оператор. Серж, это Антон Харисов, знакомый моего знакомого с Земли.

Мужчины пожали друг другу руки, пробормотав при этом что-то типа 'здорово' и 'рад знакомству'. Но не похоже было, что кто-то из них действительно рад. Или я просто не поняла. Шум подлетающего коптера заглушил слова Ахиллеса. По губам поняла, что прощается и закивала в ответ.

— Уже... тардэ! — прокричал мне на ухо итальянец, — Ди, очень поздно уже. Тут недалеко стоянка такси, можем прогуляться вместе.

— Не надо, я наняла пилота вместе с коптером. Видно — это он и есть.

— О как! — Моретти оглянулся на приземлившийся коптер. — Дорогая птичка.

Двигатели затихли, и из кабины с очень деловым видом выпрыгнула Рысь. Оглядевшись, подошла к нам.

— Готовы?

Надо было видеть выражение лица Сержа. Слово он увидел несмышленного ребенка, очень милого, но нелепого в роли пилота.

— Что это за чудо? — пробормотал оператор себе под нос.

Девчонка посмотрела на него с долей обиды и сама представилась:

— Меня зовут Рысь, я пилот госпожи Морозовой. А вы кто такой?

— Я оператор госпожи Морозовой, Сержио Моретти. Ник — Вэлиант или Вэл.

Девушка скроила удивленно-пренебрежительную рожицу:

— Так вы летите, Вэл? — и со всей серьезностью глянула на меня. — Госпожа Морозова?

Неспокойно мне было лететь с этой юной особой. Но что делать. Заняв свое место, поняла, что здесь очень уютно, гораздо уютнее даже, чем у Михалыча или в коптере Ахиллеса. Жаль в темноте не рассмотрела снаружи, что за модель. Хотя чего жалеть, если я в них в принципе не разбираюсь?

На голоэкрane, включившемся прямо передо мной, можно было хорошо разглядеть кабину, оператора и нового пилота, вид на ночной город сквозь лобовое стекло... Наверное, сами включили, чтобы я не заскучала. Невольно прислушалась к их разговору.

— Модель 'КА 442С' — произнес Моретти, разглядывая кабину, пока мы плавно взмывали в воздух. — 'Стриж', кажется? Резвая птичка.

Снисходительный взгляд Рыси потеплел.

— Очень, — со сдержанной гордостью подтвердила она. И добавила для справки. — У представителя президента 'Бризы', ненамного лучше, хоть и мощнее и мест — девять. Зато 'Стриж' легче, даже чуть быстрее.

Никакого щенячьего восторга, деловитая и собранная. И управляет сложной машиной, насколько я могу судить, замечательно.

— Если так любишь скорость, почему тогда не милевский 'Тайфун' к примеру? — поинтересовался итальянец.

— Не серьезно! — тут же отреагировала Оля. — Вместимость два человека и далеко не улетишь. А со спортом я покончила.

Странный тон, даже Серж угомонился и перестал задавать вопросы.

Непростая девушка. И пилот, похоже, отличный. Ну, поживем — увидим.

Что ж так холодно-то?! Я с трудом разлепила глаза, выплывая из суматошного сна. Села на кровати, обхватив себя руками и, дрожа как осиновый лист, стала оглядываться в поисках одеяла. Полшестого! Еще спать и спать. Только замерзла сильно, а одеяло куда-то и впрямь исчезло. Как же не хочется вставать! Громко хлопнула створка окна, и я подняла взгляд.

Так вот в чем дело! Все окна распахнуты. Вчера поленилась закрыть, когда вернулась из Сити, подумала, что будет жарко. Зря, конечно, но кто же знал. По комнате гулял ветер, играя легкими полупрозрачными занавесками, словно парусами.

Жалко, здесь нет умной техники, как у меня дома, отдал приказ — и все. Прямо каменный век — все сам делай. Да что говорить, скучно, тускло и безлико. Колониальный отель — это почти как приговор. Срочно искать собственный дом! Сегодня же начну.

Порадовалась такому решению и, подобрав с тумбочки халат, закуталась в него, пытаюсь согреться. Ведь если закрыть окна, можно еще подремать. Целый час есть. Как-то я разленилась. Нет желания проснуться окончательно и начать день, вот хоть убей.

Поплелась к балкону. Одно радует, гладкий пол приятно согревал заледеневшие ступни. С подогревом? У себя в доме надо такой же сделать. Подобрала по дороге какие-то листочки бумаги, сброшенные ветром, положила на стол, но новый порыв швырнул их в дальний конец комнаты. Ну конечно, умная какая! Потом подберу. Взялась уже за балконную дверь и замерла.

Вот это да! Буйство стихии поражало, вселяя в душу тревогу и восторг. Высоченные волны с грохотом обрушивались на берег, и с шипением отползали обратно. Ветер порывами мел на пляже белый песок, волны то утихали, то поднимались стеной, набегали одна на другую, гасли, не поднявшись, а потом вдруг шла огромная, поднимаясь все выше и выше, и сердце замирало в ожидании, когда она, свернется, обрушиваясь белой пеной. Величественная картина. В такую погоду не искупаешься. И вдруг... именно на такой огромной волне я увидела человека. Его фигурка казалась маленькой и незащищенной. Серфингист, как, наконец, догадалась я, стремительно греб руками, лежа на широкой доске, и вдруг вскочил на ноги. Так вот как это бывает!словно по льду заскользил он на доске по внутренней поверхности высоченной волны, с удивительной скоростью изображая зигзаги, балансируя руками и всем телом. Марат? Разглядеть смельчака возможности не было никакой. Вот он, завершив головокружительную траекторию, влетел под закручивающийся спиралью гребень и исчез. Успела испугаться, так как несколько секунд не могла разыскать его глазами. Потом появился... и, улегшись на доску, быстро греб к следующей волне.

Солнце поднялось уже высоко, и я пожалела, что не застала рассвет. Порывистый ветер доносил разнообразные морские запахи. С набережной за парнем-серфером наблюдали несколько человек, среди которых крутилась пара подростков. Надо же, не спят в такую рань! Может и мальчик Максим среди них.

Скоро стало еще интересней, так как количество серфингистов увеличилось до четырех человек, а я успела окончательно решить, что это один из самых красивых видов спорта. Может, попробовать? Глупо упускать такую возможность. Единственное — просить Марата

не стану, ни к чему это. К тому же, судя по всему, учителей найти несложно.

Хотелось наблюдать за смельчаками, бросающими вызов буйству стихии вечно, только время приближалось к семи, а я так и не согрелась, хоть и куталась в толстый махровый халат.

Срочно под горячий душ! Нежась под ласковыми струями, постепенно почувствовала, как начинаю согреваться, мышцы расслабились, приятное тепло окутывало со всех сторон, даже в голове прояснилось.

Выбрала на сегодня зеленый полуспортивный костюм, раз уж он так кстати оказался среди той крохотной части моего гардероба, которую удосужились распаковать и развесить. Очень плотно обтягивающие брюки и мягкий топ. Не хотелось простудиться, а он как раз создан для ветреной погоды.

Кофе принесли очень быстро, едва успела сделать заказ, устроившись на диване перед журнальным столиком. Следом появились мужчины. Хорошо — вовремя, а то на всякий случай заказала горячий напиток и для них.

Марат, заспанный и угрюмый, совсем не походил на человека, вернувшегося с моря. Значит, не он был тем, первым серфером? Взял кофе, буркнув короткое приветствие, опустил в мягкое кресло и, сделав глоток, прикрыл глаза. Моретти хоть улыбнулся, произнося свое 'бонжорно'. Но тоже казался не выспавшимся.

Видимо, раннее утро для обоих не лучшее время, чтобы обсуждать дела. Моя попытка пошутить тоже не увенчалась успехом. Вопрос Марату: 'Как водичка?' удостоился лишь короткого ответа: 'Никак!'.

Ну и ладно. Хотят или нет, а дальнейший план работы обсудить необходимо.

Осталось всего тридцать дней до выпуска авторской программы. Нда. С таким настроением далеко не уедем.

Спустя три часа я уже не была настроена столь скептически. Ребята на редкость хорошо принимали все мои задумки и даже подсказывали, как сделать их еще лучше. Обсуждение вышло бурным и интересным. Марат несколько раз тормозил наш полет фантазии, указывая на бюджет, но в целом одобрил общую идею. Что касается Сержио, то мой оператор схватывал все на лету. Его энтузиазм был настолько заразительным, что моя самоуверенность быстро пришла в норму. Я просто знала, что все получится.

Успели обсудить не все, но очень многое, наметили план на ближайшие дни, когда поступил звонок от Рыси, что она на месте и ждет нас. Молодец, как и договаривались. Точность я очень ценю. Но все же первый пункт плана провалился, так как позвонил директор медиаканала и предупредил, что прибыло оборудование, здание заполнено рабочими, занимающимися установкой и отладкой. В общем, пыль, грязь, суэта и нам там сегодня делать нечего.

Токаев заявил сразу, что в таком случае, он едет устанавливать контакты и заниматься другими админскими делами. Сержио, вооружившись всем своим арсеналом, отправился на предварительные съемки особенностей местной жизни. А я решила — не тянуть с домом и сначала заглянуть к агенту по недвижимости, а потом уже присоединиться к своему оператору.

Марат, который хотел вызвать такси, очень удивился, узнав о собственном транспорте.

— Круто, — скривился он, направляясь вместе с нами к стоянке коптеров. — Сколько это будет нам стоить?

— Нисколько! Пилот лично мой и машина тоже.

— Это глупо, Ди! — запротестовал он. — Корпорация итак оплачивает транспортные расходы, и для нашей группы специально заказано две машины, коптер и отличный пилот. Так что необязательно нанимать кого-то еще и тратить собственные деньги. Ну, если ты такая богатая...

— И где он, твой замечательный пилот?

— Сегодня же будет, — не совсем уверенно ответил Токаев и резко затормозил при виде Рыси, ожидающей нас возле новенького коптера. — Это что — пилот?

— Да, и замечательный притом, — ответил за меня Моретти, — Линча... то есть — Рысь ее зовут.

— Черт, не могла найти себе мужика, Ди? — пробормотал Марат себе под нос.

— Думай, что говоришь. — Мне почему-то стало обидно за Рысь, хотя у самой вчера были сомнения.

— Прости, но доверять свою жизнь девке...

— Ты еще можешь вызвать такси или прогуляться пешком, если боишься.

— Ладно, рискну, — буркнул админ.

Надо же, сделал одолжение.

Рысь, одетая в камуфляжные штаны с широким ремнем и серую обтягивающую футболку, улыбнулась мне и коротко доложила, что машина в порядке и готова нести нас, куда пожелаем.

— Доброе утро, — широко улыбнулся ей Серж. — Прекрасная погода, не правда ли?

— Штормит, — пожал плечом Оля, качнув головой в сторону океана.

— Летать-то умеешь? — довольно грубо спросил Марат.

— Лучше, чем петь, — спокойно отозвалась девушка.

— Так вы еще поете? — сделал Серж восхищенное лицо. — И как?

— Пою? Хорошо! Жаль только, никому не нравится.

Не дожидаясь, пока Марат скажет еще какую-нибудь гадость — это было написано на его физиономии — я поспешно вмешалась:

— Оля, мы готовы. Этих двоих в Сити надо доставить, а потом полетим к агенту по недвижимости.

— Понятно, — кивнула она. Шустро забралась в кабину, спустив для нас трап. Сержио предпочел опять сесть в кабину, оставив меня на съедение Токаеву.

Ворчать он начал, едва мы оторвались от земли, предусмотрительно отключив связь с кабиной.

— Ди, да она же ребенок! Ей сколько? Пятнадцать? Ты что, правда, ей доверяешь? Где ты ее откопала? И сколько будешь платить этой грубиянке?

— Ей восемнадцать, а остальное, уж прости, не твое дело. И где ты видел ребенка с такой... м-м-м... грудью?

Лицо админа чуток потемнело, но скорее от гнева, чем от смущения.

— Грудь я заметил. Мало ли. Раннее развитие и все такое... Но, что значит — не мое дело? Думаешь, мне безразлична твоя безопасность?

— Не переживай, у меня есть пистолет.

— Что? — вытаращил он глаза. — И где он?

— Здесь, в сумочке.

— Покажи.

Радуюсь, что мы отвлеклись от проблемы Рыси, открыла сумочку и показала.

— Ого. Револьвер WASP-37. Ты хоть стрелять умеешь?

— Немножко.

— Что значит немножко? Ди, умеешь или нет?

— И чего пристал? — я закрыла сумочку, не дав ему взять оружие в руки.

Он замолчал на несколько секунд, а потом, пристально глядя в глаза, тихо, почти интимным тоном, произнес:

— Я за тебя беспокоюсь, Ди.

Как мило!

— Не стоит, Марат, — пожала я плечом, и улыбнулась как можно беспечней. — У меня все под контролем.

— Так я и поверил. Ладно. Потом поговорим. Скажи этой... — он осекся. И хоть не назвал моего пилота так, как ему хотелось, ее прозвище произнес с явным неодобрением. — Скажи Рыси, что меня надо доставить на пристань в Сити. Чувак, с которым у меня первая встреча, только сейчас сбросил координаты.

Включив голоэкранный экран, повторила дословно его пожелание.

— Ясно, — бодро отозвалась Оля и добавила с улыбкой: — Только доставить или еще упаковать?

— Очень смешно! — вспыхнул админ, — следи лучше... за управлением!

На пристани Марат, полоснув злым взглядом голограмму Рыси, пожелавшей ему счастливого пути, спрыгнул, не дожидаясь трапа. И чего взъелся? Хотя, надо признать, девчонка с ним была слишком насмешлива, а такое не всем нравится. Сержио тоже распрощался. Ему Рысь улыбалась не менее дерзко, однако итальянец, похоже, был девушкой очарован.

— Рысь, не хулигань, — крикнул он напоследок. — Ди, созвонимся!

До конторы агента по продаже недвижимости добрались быстро. Оля отпросилась прогуляться, так что я зашла в низкое здание сразу за рыночной площадью одна.

В приемной на месте секретаря скучал молодой человек в сером спортивном костюме, положив ноги, обутые в мокасины, на стол, и закинув руки за голову. За его спиной висела объемная пластиковая карта Ново-Плесеца. То ли он не слышал моего стука, то ли ожидал кого-то другого, но при виде меня, парень открыл рот и, с грохотом скатился на пол вместе со стулом. Однако, так же быстро стул был установлен на место, а молодой человек принял сидячее положение, выпрямившись так, что выражение 'проглотил шест' обрело для меня смысл. Его бледное лицо покрылось румянцем, став под стать ярко-рыжей шевелюре.

— Здр-раствуйте, — чуть запнувшись, произнес он. — Вы ко мне?

— Если вы, — быстро сверилась с визором, — Степан Афанасьев, то к вам.

Была уверена, что он скажет 'сейчас провожу', или что-то в том же духе, но парень покраснел еще сильнее и, вскочив со своего многострадального стула, произнес:

— Ага, да, это я. А вы...?

— Диана Морозова, спецкор Гугла на Прерии.

Его рукопожатие было коротким — сразу отдернул руку, словно обжегся, и выпалил:

— Очень рад. Очень рад. Гм, да, очень.

— Мне вас порекомендовал Ахиллес... То есть...

— О! Антон? Правда? Тогда я... — он вдруг звонко хлопнул себя по лбу. — Ну конечно, конечно, конечно! Он мне звонил вчера. Да. Вчера. Гм, да. Вы проходите в кабинет, — спохватился он, распахивая передо мной дверь в соседнее помещение. Его внезапные порывы и резкие движения немного пугали. Точнее, мне было страшно за него.

И этого агента мне посоветовал Ахиллес?!

Кабинет его был значительно больше приемной. Почти все пространство занимал огромный стол, на котором расположилась уменьшенная копия города и близлежащих окрестностей. Маленькие домики выглядели как настоящие, даже этажи можно сосчитать. У пристани можно было разглядеть маленькие кораблики. В космопорту — большой космолет. Горы были горами, вот разве что вода... неужели тоже... Захотелось потрогать, чтобы убедиться.

— Какая замечательная карта!

— Правда? Вам нравится? Это макет, да, всего лишь макет. Это я сам сделал... на досуге. Хобби, знаете ли... Хобби. Да. Сам. Тут иногда тишь... — Степан резко оборвал сам себя, смутившись. — Простите!

Он протянул руку и осторожно, словно что-то невероятно хрупкое, взял двумя пальцами космолет и убрал его с макета. Выдвинув ящик, наполненный такими же мелкими деталями,

аккуратно положил его туда и снова задвинул:

— Улетел сегодня, — пояснил он, — забыл, да, совершенно забыл. Еще утром. Да. Ранним утром.

Мысленно я уже попрощалась с надеждой добиться тут толка. Ну, он же сущий ребенок. Играет в игрушки. Но уходить пока не хотелось. Слишком удивительно было, хотелось узнать, чем его не устраивают голограммы.

На этот вопрос, он огорченно взмахнул руками, едва не смахнув часть домиков:

— Это и есть голограмма, да, голограмма, да. Только часть сделал. Только часть. Половина макета внезапно исчезла, потом появилась снова, подтверждая его слова.

— Ну, все, все. Давайте к делу. Да. Дела прежде всего.

Повинуясь неслышимой команде, макет отъехал вбок, и спрятался под столешницу.

Мне, наконец, было предложено кресло, а хозяин кабинета устроился напротив.

— Итак, я вас слушаю, да, внимательно слушаю.

Он замер, широко открыв глаза, всем своим видом выражая интерес.

Как бы ни был сомнителен Степан в роли агента, я постаралась по возможности четче изложить свои пожелания по покупке дома.

К его чести, он ни разу не перебил меня, молча впитывая каждую фразу и лишь иногда шевеля подвижными бровями, словно выражая удивление.

Когда я замолчала, он еще несколько секунд смотрел на меня большими серыми глазами, будто пытался проникнуть взором в мой мозг, потом начал задавать вопросы.

Странные вопросы. Лишь любопытство и удивление заставили меня отвечать. Где я росла. Какие увлечения были в детстве. Что мне ярче всего запомнилось из поездки в Америку. Много ли у меня друзей. Поздно ли я ложусь спать. И все в таком духе.

Впрочем, были вопросы, непосредственно относящиеся к покупке дома, но очень мало.

Когда вопросы иссякли, он воскликнул:

— Мне надо подумать. Да, подумать. Пять минут. Всего пять. Да.

— Хорошо.

Степан склонил голову на бок и замер, погружившись в свои думы. Ровно через пять минут, он встрепенулся. Вскочил.

— Итак. Итак. Госпожа Морозова. У меня есть для вас дом. — Его глаза прищурились, всматриваясь в мое лицо. — Простите, я хотел сказать, у меня есть для вас варианты. Да. Целых три... да... три.

Какой он странный!

— Вот как?!

— Да, это здесь.

Столешницу стола снова занял макет, на этот раз только голограмма, что меня чуть-чуть даже разочаровало. Странно, хотелось снова увидеть это чудо, сделанное своими руками. Однако просить не стала. Да и забыла, когда он указал на макете первый дом.

— Пойдите, Степан! Но, вы не поняли. Это даже не в Белом городе.

— Да? — Афанасьев задумчиво поглядел на аккуратные домики Белого города и рассеяно провел рукой по рыжей шевелюре. — Да. Вы правы. — Признав это, он потерял к элитному району интерес и снова вернулся к дому на скале. Дом стоял, словно нависая над морем. Точнее, терраса точно нависала. Сам дом словно врос в скалу, находясь высоко над уровнем моря. Это не холмы Белого города, а настоящая гора. Причем, на другой стороне залива. Меня так поразило и расстроило, что агент Афанасьев меня не понял, что боюсь,

половину слов я просто не услышала.

— ... установлен своего рода генератор. Да, генератор. Так что есть и вода и электричество. Да, вода, пресная вода. Причал полуразрушен, давно не пользовались, да. Но на сэкономленные деньги, вы вполне сможете позволить себе отстроить его заново. Да. Можно отстроить. Я даже знаю ребят, которые сделают это быстро. Да, очень быстро.

— Степан!

— А? Да?

— Какой еще причал? Мне не понятно, зачем вы... Может, вы покажете мне другие варианты?

— Другие. — Задумчиво произнес он, словно пробуя это слово на вкус. — Другие! Да, другие.

— Где же они? — Пришлось напомнить, потому что взор агента снова был прикован к дому на скале.

Афанасьев встряхнул головой.

— А два других — здесь! — Его интонации почти неуловимо изменились, стали более спокойными и уверенными. — Один дом стоит почти в центре Белого города. Вам не хватит совсем немного ваших сбережений, но добиться рассрочки для вас труда не составит. Есть все. Пожалуй, до пляжа немного далековато, если пешком, океана не видно, соседи слишком близко. Зато все удобства.

Океана не видно — это мне не понравилось. Да и слишком близкие соседи тоже.

— Второй, — продолжил Степан, — на самой окраине Белого города. По цене вам хватит, даже немного останется на обстановку. И океан виден из окна. Минусы. Тесновато, дом небольшой и не слишком престижный...

— Вы уверены, что нет других вариантов?

— Да. Уверен, да. Другие либо слишком дороги, либо недостроенные и ждать больше месяца, либо вам не понравятся.

— Даже так?

— Да, не понравятся. Да.

— А эти два. Понравятся?

— Три, — лаконично поправил он. — Да. Сами убедитесь. Когда желаете осмотреть?

— Сейчас.

— Удачно, да, удачно. У меня как раз есть свободное время, да.

Увидев в визоре, что Рысь на месте, я поднялась с кресла:

— Мой пилот уже здесь, так что мы могли бы сразу поехать.

— Непременно, да, самое время. Одну минуту! Да, я сейчас!

Он нырнул в неприметную дверь, и я снова опустилась в кресло, предупредив Олю, что будем с минуты на минуту.

Афанасьев, успевший переодеться в льняной костюм, выглядеть менее нелепым почему-то не стал. Он рассеянно поздоровался с Рысью, назвав ее Ольча. Та в ответ обозвала его Викингом, и предложила снотворное.

— Очень хорошее. Отключает на 10 минут. Как раз долетим.

— Обойдусь. Да, Ольча, обойдусь. — Мотнул головой Степан. Он с опаской забрался в салон, занял место подальше от окон, выпрямился, побледнел и разве что не зажмурился. Надо же, знакомы! Впрочем, что удивительного — оба как-то связаны с Ахиллесом.

— Бойтесь летать? — поинтересовалась я, устроившись напротив.

— Да. Это да, есть немного, — живо откликнулся он. — Высоты боюсь, а летать даже люблю. Да, очень люблю.

— Разве так бывает? — поразилась я. — Как можно летать не на высоте?

Он оживился:

— По воде. Да. По воде можно летать. Океан — это да! Это жизнь!

— Вы сёрфингист?

Он покраснел:

— Да! Увлекаюсь. Да. И катера. Яхты. Да. Самолеты — не мое.

Голограмма Рыси ожила:

— Это коптер, Вик, очень классный и очень надежный. Можешь расслабиться.

— Да, я понимаю. Да, понимаю, — покивал он, покосившись на окно. Но тут же снова уставился прямо на меня, хотя не уверена, что он меня видел. Глаза его, как заметила только сейчас, слегка косили. То есть не совсем. Один глаз смотрел прямо, а другой куда-то вбок и вверх.

— А почему Викинг? — решила я его отвлечь.

Взгляд чудным образом выпрямился, теперь оба глаза смотрели на меня.

— Рыжий. Да. Викинги были рыжими. И тоже любили море. Да. Корабли.

— Вы не против, Вик... Можно мне вас так называть?

— Да. Меня все так зовут. Да, думаю, можете. Да.

— Вы не против, если мы начнем осмотр домов с Белого города? У меня не так много времени...

— Дом на скале не отнимет у вас много времени, госпожа Диана. Да, не отнимет. Пусть будет Белый город. Да. Сначала лучше туда.

— Зовите меня просто Диана, — улыбнулась я. Что за упрямый тип! Далось же ему это орлиное гнездо. Он что, за птицу меня принимает?

— Хорошо, Диана. Да.

Мы приземлились на площадке нашего отеля, так как оказалось, что это ближайшая стоянка от обоих домов. До первого пришлось идти пешком на вершину холма. Одноэтажный, с белыми стенами, с маленьким садиком, с обеих сторон зажатый другими строениями, этот дом не очень мне понравился, но я надеялась, что войдя внутрь, изменю свое мнение.

Пустые комнаты, голые стены, сильный запах стройматериалов.

— Он недавно достроен, — пояснил агент, — точнее, перестроен после пожара. Ничего особенного, выгореть успело немного, но стены пришлось менять. Да и фундамент. Стоимость в прошлом месяце не превышала ста шестидесяти тысяч, но теперь, когда он восстановлен, да и в связи с бумом — людей с Земли становится все больше — цена поднялась до ста восьмидесяти. Если решитесь, покупать надо прямо сегодня. Не исключено, что завтра цена подскочит до двухсот.

— Я не могу сегодня, — меня охватывала тоска с осмотром каждой новой комнаты.

Даже не особо смысла в обустройстве домов, меня уже пугало, сколько средств понадобится на обустройство — отделку, мебель, уют, наконец. Двести пятьдесят тысяч у меня на долгосрочном вкладе, будут доступны лишь через месяц. То есть через двадцать пять дней. Но я не собиралась вообще покупать дом, потому больше половины, даже трети, тратить не хотелось бы. Еще есть на счету в банке сто пять тысяч, накопленных за последние три года, их можно снять хоть сейчас. Но и жить мне на что-то надо. Так что...

С балкона открывался вид на соседнее здание, стоящее на склоне, и красивый сад. Над его крышей виднелась тоненькая полоска океана. Как можно было так умудриться построить дом, что не видно побережья!

— Можно внести предоплату в семьдесят тысяч. Этого хватит, — пояснил остановившийся рядом Степан. — Да. Хватит. Для сравнения. Этот дом, который загораживает от вас вид на океан, тоже продается. Его цена подросла за последний месяц до трехсот двадцати двух тысяч. Хотя мебели там еще меньше, чем здесь.

— Меньше чем, здесь? Но тут ее вообще нет!

— Почему же? В саду есть две скамьи и стол. Там же, хотя ландшафтный дизайнер постарался на славу, нет даже табуретки.

— Эти странные покосившиеся предметы вы называете скамейками?

Меня расстроило, что тут все так дорого. Ведь решила, что двести тысяч — это максимум, что потрачу. А теперь... Уверена, дом за триста двадцать тысяч мне понравился бы.

— Пойдемте к другому дому.

Теперь пришлось спускаться с холма. Взгляд на океан захватывал дух. Обидно будет, если придется выбрать первый дом. Я поняла, что наблюдать за океаном это нечто потрясающее. Глупо отказываться от такого зрелища, проживая на побережье.

Второй дом находился в самом конце песчаного пляжа. Одноэтажное строение на высоком фундаменте с красивым крылечком сразу понравилось. Но внутри, хоть и было светло, а стены оклеены обоями в цветочек, создавалось впечатление страшной тесноты. Две крохотных комнаты, обе с выходом на балкон, прямо под ним начинается пляж. Волны мерно накатывают на берег в каких-то ста метрах. В задней части дома крохотная кухня, ванная комната и кладовка. Внизу просторный, по сравнению с комнатами, подвал. Правда, запах! Я постаралась быстрее вернуться наверх.

— Дом продается недавно, всего два дня. — Пояснил ожидавший меня Афанасьев. — В подвале раньше держали собак, владелец занимался разведением местной породы. Поверьте, неделя-другая и запах уйдет. Да, совсем уйдет. Есть современные средства... Зато цена еще не успела подскочить — сто шестьдесят тысяч и дом ваш.

— Но здесь лишь один этаж и всего две комнаты!

— Да, недешево. Но это же Белый Город. Смотрите, какой вид открывается с балкона! Согласен, тесновато, да. Места мало. Да.

— Вы уверены, что больше вариантов нет? — меня охватило отчаяние. Казалось, меня ожидает прекрасный замок, стоит только захотеть, а тут какой-то кукольный домик. Да, и от запаха из подвала до сих пор подташнивало. Разочарование было сильнее, чем я могла предположить.

Степан улыбался:

— Дом на скале, Диана! Да. Вы забыли про дом на скале! Да. Забыли! — Он укоризненно покачал головой.

Не хотела ему верить. Ну не может быть, чтобы не было больше ничего подходящего. Отговорившись, что еще раз прогуляюсь на террасу, быстро поискала в сети все предложения на продажу. Меня поразило, сколько еще агентов недвижимости сразу высветилось на экране визора. Так, похоже, мне просто стоит обратиться к другому агенту. Но спустя минуту, поняла, что вряд ли это что-то изменят. Цены поражали до глубины души.

Даже эти два варианта стоили каждый на пять тысяч дороже, чем сказал Степан. Чисто из любопытства хотела посмотреть, сколько стоит дом на скале. Однако в продаже он не значился. Вообще. Короткая информация гласила, что дом принадлежит некоему господину Фрязину Валентину. Построен в 2067 году.

— Дом не продается! — высказалась я, сбегая со ступенек узкого крылечка.

— Да, совершенно верно. Да. Не продается. — Вик, прогуливающийся туда-сюда перед крыльцом, резко остановился. Легкий бриз, пришедший на смену утреннего шторма, слегка взлохматил его рыжую шевелюру. Волосы отливали на солнце чистым золотом, притягивая взгляд. — Не думаете же вы, Диана, что самые вкусные предложения есть в сети? У каждого уважающего себя агента есть парочка эксклюзивных вариантов. Да, эксклюзивных. Да.

— Но это же дома, а не иголка! Как такое можно утаить?

Вик неопределенно пожал плечом:

— Так вы готовы увидеть дом на скале?

Я подумала о том, что меня ждет Серж, но, если лететь прямо сейчас, успела бы навестить другого агента. Нет, на осмотр навязчивой идеи Викинга времени уже не было, но можно договориться на завтра.

— Хорошо, Вик, — я удивилась своему ответу. Однако рыжий агент успел меня чем-то очаровать. Я не просто схожусь с людьми, особенно с мужчинами, но с ним было легко, несмотря на все его странности. Стало немного жаль, что придется отказаться от его услуг. — Рысь уже нас ждет. Вы уверены, что там удастся посадить коптер?

— О да. Уверен. Да.

Я едва принаравливалась к его широкому шагу. Ему словно не терпелось быстрее оказаться в коптере, которого он смертельно боится.

Рысь опять болтала с мальчиком Максимом, когда мы приблизились к площадке и увидели одиноко припаркованную машину. Сорванец помахал мне рукой и вприпрыжку побежал в сторону отеля.

Однако посмотреть дом на скале нам было не суждено.

Не успели мы подняться в воздух, как Вик, принявший какой-то вызов, сильно покраснел и произнес:

— Хозяин звонит. Надо вернуться.

— Какой хозяин? — Удивилась я.

— Хозяин конторы. Афанасьев Степан. Да. Это он. Должен был вернуться только вечером.

Я не верила своим ушам. Так парень меня обманывал! Никогда бы не подумала.

— А вы тогда кто?

— Его сын, — уныло произнес Вик. — Афанасьев Степан Степанович. Простите, если сможете. Я хотел как лучше.

Его глаза опять стали смотреть в разные стороны и обратный путь мы провели в полном молчании. Меня просто разрывали противоречивые чувства.

Хотелось плюнуть на все и лететь к Сержу, но теперь я просто обязана была познакомиться с отцом этого чуда. И за что мне такое?

Отец рыжего лже-агента оказался высоким грузным мужчиной с копной чуть тронутых сединой волос, кустистыми бровями и черными веселыми глазами. Он встретил нас в дверях и проводил совсем в другой кабинет с удобными мягкими креслами и шикарным видом на

залив из окна во всю внешнюю стену.

— Госпожа Морозова, — сказал он, когда мы уселись. Рыжик хотел было улизнуть, но отец, щелкнув пальцами, недвусмысленно приказал ему остаться. — Значит, вы себе присматриваете дом! Боюсь, Вик... Степан Степаныч потратил уже немало вашего времени, поэтому вы не станете возражать, если перейдем сразу к делу.

— Не стану, — согласилась я, немного удивленная совершенным несходством отца и сына.

— Я нашел дом для госпожи Морозовой. Да, идеальный. Да. — Спокойно произнес Вик. Он потягивал какой-то зеленый напиток принесенный миловидной секретаршей. Мне тоже предложили его испить, но пока стакан стоял передо мной на низком стеклянном столике нетронутым. Ведь мало ли, как организм будет реагировать на местные деликатесы, мне и так было с вечера не по себе. Благо, есть таблетки...

— И какой же дом? — откликнулся Афанасьев-старший с живым интересом.

— Прости, папа, я после еще раз предложу, когда твои варианты ей не понравятся.

— А ну пошел вон! — рассердился риелтор. Он тут же извинился, когда нескладная фигура сына скрылась за дверью: — Прошу прощения, госпожа Морозова. За последние три дня Вик меня успел довести до белого каления. Есть у него такой талант. Хотя он совсем неплохой парень, а в чем-то и правда, гений. Вы уж извините его за это утро, он точно не со зла. Явно хотел как лучше.

— Все в порядке. Правда.

— Очень рад, очень рад. Давайте, значит, о деле, госпожа Морозова.

— Зовите меня Дианой, Степан Андреич.

— Спасибо, Диана. Вы первая девушка, для кого я берусь найти дом. До этого на Прерии работал только с мужчинами. Так что — для вас постараюсь найти самое лучшее.

После такого вступления, Афанасьев заговорил о том, что дом в белом городе — это хорошее вложение средств, и я вполне могла бы безбоязненно потратить больше денег и даже чуть ли не все. Если через год вздумаю продавать, то выручу гораздо большую сумму, зато выбор значительно расширится. Кроме того, можно ведь и построить. Благодаря современным материалам на основе нано-технологий, постройка займет не больше двух-трех недель, да и денег уйдет не намного больше, а скорее, даже меньше.

Звонок на визор отвлек внимание Афанасьева-старшего и он, извинившись, вышел из кабинета, сказав, что дело одной минуты.

Не успела за ним закрыться дверь, как в комнату просунулась рыжая голова:

— Дом на скале! Диана, дом на скале — это не просто дом, это почти дворец! Да, почти дворец, да.

Вернулся его отец и Вик едва успел скрыться.

Ну и ну. И чего пристал с этим домом?!

Спрашивать о нем у Степан Андреича как-то нехорошо, раз Вик сам говорить не пожелал.

Скоро мы опять были в Белом городе. Но то ли я уже устала от этих осмотров, то ли Вик так сильно сбил меня с толку, но из того, что показывал седовласый агент, мне решительно ничего не нравилось, а мысли о доме на скале, становились просто наваждением.

Афанасьев утешил меня, что за один день такое не решается, так что вполне можем продолжить завтра. И он уже чувствует, что выбор мой склоняется в сторону постройки, и

это правильно. Ведь построить я могу все по своему вкусу.

Договорившись встретиться с ним завтра после посещения медиацентра, простилась с ним около четырех и по дороге к коптеру набрала Моретти.

— Ди, я на площади уже. Давайте, я к вам сам подойду. Буквально пять минут.

— Хорошо, Серж.

Поднявшись на борт, не поверила своим глазам. В салоне обнаружился настойчивый рыжий Викинг, преспокойно сидевший на белом диванчике.

При виде меня, он слегка вздрогнул и быстро заговорил:

— Не сердитесь, Диана, да, не сердитесь. Да, умоляю вас.

— На что?

— Ну, зачем же вы так?! Я уверен, что вам понравится, да, уверен! Вам просто надо увидеть. Да, увидеть, Диана. Да.

— Что увидеть? — осведомился итальянец, поднимаясь в салон. Быстро же он.

— Дом на скале, — глубоко вздохнув, я уже хотела познакомить его с Виком, как рыжеволосый Афанасьев представился сам.

— Меня зовут Вик, да, очень приятно. Да, можно Вик.

— Серж, — пожал ему руку Моретти, глаза у итальянца лукаво блеснули. — Дом на скале... Звучит романтично. Диана, мне кажется, или вы отказываетесь увидеть местную достопримечательность?

Все мои возражения просто исчезли.

— Хорошо, Оль, полетели к этому дому на скале. Ты знаешь дорогу?

— А то! — улыбнулась Рысь. — Уважаемые дамы и господа. Вы находитесь на борту личного воздушного судна госпожи Морозовой. Пристегнитесь и получайте удовольствие. Полетим с ветерком, да, с ветерком.

Дерзкой девчонке явно нравилась вся эта ситуация с Викингом. А может наш Серж вдохновлял ее на всякие шутки. Я подозрительно глянула на итальянца. Что это он не сел в кабину? Коптер плавно набирал высоту.

Сержио что-то просматривал в визорах, мало интересуясь окружающими. Вот и хорошо.

— Мольто Белло! — воскликнул Моретти, когда коптер сделал вираж над горлышком залива и устремился к высокой гряде гор.

Мне тоже нравилась дикая природа. В Москве на Земле такого нет уже давно. Говорят, были в начале века и кусты и зеленые деревья прямо в городе, трава росла, а сейчас такое даже трудно представить. На месте парков выросли трущобы, куда заглядывать-то страшно, не то что гулять. Власти все грозились что-то восстановить, расселить трущобы в дома за городской чертой. Но дальше разговоров дело не шло.

Здесь же мы словно погрузились в приключенческие романы позапрошлого века — Жюль Верна, или Майн Рида. Залив блестел на солнце, обрамленный зеленым одеянием. А слева — искрился огромный необъятный океан. Словно каменные стражи — возвышались по обе стороны горлышка залива две скалы. А дальше — в сторону космопорта, уходила гряда неприступных гор, поросших густым зеленым ковром со стороны материка и обрывающихся серыми неприступными скалами в сторону океана.

Сколько неизведанного здесь, сколько красоты, сколько нетронутых человеком природных богатств. Какой чистый воздух, какая густая растительность, какое высокое небо!..

Дом я увидела внезапно, и первая мысль была — какой же он большой. И только потом — как тут вообще жить можно, на этих скалах? Однако решила не комментировать, пока не увижу всё. Сержио прав, буду смотреть как на местную достопримечательность. Колоритная жизнь на Прерии...

Вик оживился, стал переговариваться с Рысью о допуске на посадку. Надо же! Допуски здесь, в горах? Серьезно!

Приземление на удивительно ровную площадку за домом прошло мягко. Места — на два таких коптера хватит, или на один грузовой. А вот вид оттуда просто дух захватывал. Хорошо, я высоты не боюсь. Отсюда бы с парашютом сигануть. Только куда? Не в океан же. Опасно, наверное. Почувствовала волнение и какую-то первобытную тоску — почему я не птица?! Расправить бы крылья, полететь.

Сержио уже всю снимал, расспрашивая Вика.

— Сюда можно попасть только с воздуха, да, только с воздуха, — Степан оживился, чувствовалось, что он здесь, как рыба в воде. — Вокруг скалы, обрывы, да, место с земли совершенно неприступное. Да. Вон там, смотрите, маяк, часть пути к нему идет от причала через туннель, дальше горная тропка, не зная — не обнаружишь. Да, совершенно неприметная. С этой площадки можно попасть только в дом, да, лифт на причал уже из дома.

— Даже причал? — удивился итальянец.

— Да, можно увидеть с балкона, если встать вот здесь, у перил, да. А вот с большой воды неприметный совсем, кажется, что закрытый грот. Да. Видите? Можно держать небольшой катер. Это там мой сейчас. Да, на маяке держать негде, да. Вот, пользовался, пока дом пустовал. Причал на сваях, да, прилив тут высокий, метров шесть. Катер может пройти через тоннель с трудом, когда прилив, да. Могу найти вам недорогой катер. Недавно себе купил. Да. Есть еще один на примете.

— Пойдемте внутрь, — предложила я, полюбовавшись на маленький причал далеко внизу и блики солнца на воде. — Дом метров пятнадцать в длину?

— Шестнадцать, да. Это без балкона. С балконом — девятнадцать. Да. Он опоясывает весь нижний этаж с трех сторон. Да, с трех.

Дом, и правда, оказался потрясающим. Эх, если бы он стоял в Белом городе...

Тропинка с площадки вела на крышу. Большая прихожая выглядела как домик Карлсона. На тропинку глядело парадное крылечко, словно из детской книжки с картинками. Внутри места было немного. Справа за дверцей находилась лестница, которая вела вниз — в дом, слева — тамбур перед лифтом, шахта которого проходила прямо в толще скалы.

Раздвижные двери напротив входа вели на террасу. Каменный бортик по периметру — казался хлипким на фоне беспокойного океана и головокружительной высоты, но Вик уверил, что прочность достаточная, можно без страха облокотиться.

К боковым частям каменной ограды крепилась тонкая решетка, проходящая сверху наподобие арки, вся увитая виноградными лозами. Очень уютный дворик, совершенно пустой сейчас, словно нависал над пропастью. Отсюда океан казался еще более суровым. Хорошо был виден маяк на оконечности мыса.

Подойдя к бортику, я заглянула за край. Далеко внизу волны разбивались о скалу,

поднимая фонтаны брызг. Мокрые камни внушали ужас. Только представить, что кто-нибудь отсюда сорвется... Рядом охнула Рысь, которой я предложила нас сопровождать:

— Давно мечтала тут побывать, — восхищенно пробормотала она.

А я уже мысленно представила, как тут можно будет расставить скамеечки, столики, гостей принимать. Отогнав наваждение, попросила примолкшего Вика проводить нас вниз — внутрь дома.

Краем глаза заметила пристальный взгляд Сержа, который, опустив фотоаппарат, смотрел прямо на меня. Однако, оглянувшись, наткнулась лишь на насмешливую улыбку. Итальянец нахально подмигнул:

— Красиво здесь, кара мио?

Я кивнула:

— Очень.

Здесь все было не как у людей. Вход в дом через крышу! Надо же!

— Дом на Скале имеет два этажа. Да, два, — говорил спускавшийся первым Вик, — не считая крыши и подвала. Да, крышу с террасой. Да. Каждый этаж двухуровневый. Да, часть, прилегающая к скале, вот эта, выше примерно на метр.

Мы стояли в просторной гостиной второго этажа. Широкие окна справа и слева давали много света. Здесь можно было бы устраивать приемы.

— Большая гостиная! — улыбнулась я.

— Сорок два квадратных метра, — тут же откликнулся Степан, — Общая площадь триста четырнадцать квадратных метров, да, не считая подвал, террасу и балкон.

— И кто тот Гарун аль Рашид, который построил этот дворец Шахерезады? — негромко присвистнул Сержио.

Из гостиной несколько ступеней справа вели в кухню, соединенную аркой со столовой. Кухня, как объяснил Вик, единственное помещение, где есть мебель. Обстановка была сделана под серый мрамор, кухонные столешницы, техника, все сверкало или матово поблескивало, вызывая в душе острое желание обладать этим богатством. Шкафчики, ящички, плиты, какие-то агрегаты разных размеров — все казалось монолитным и жутко дорогим. Подсветка, включенная любопытной Рысью, которая быстро прошлась по всем шкафчикам, вызвала у нее очередной благоговейный вздох. Сержу больше понравилась барная стойка с высокими стульями из какого-то легкого металла и дерева. Забравшись на такой стул, итальянец немножко подурачился, на пару с Олей. Не стала прислушиваться к их шуткам. Мне почему-то было не до веселья.

Через арку попали в столовую — просторную комнату с огромными, от пола до потолка, окнами. Ощущения от этого просто нереальные. Справа до самого горизонта виднелись неприступные скалы, омываемые грозными приливами, впереди все тот же бескрайний океан. Я даже заметила там какой-то корабль. Интересно, куда направляется? Наверное, из космопорта?

Вернувшись обратно в большую гостиную, где я мысленно уже расставила мягкие диваны, обтянутые белой кожей, спустились на несколько ступеней, открыв дверь слева. С этой стороны мы увидели небольшой коридор, двери из него вели в просторную ванную комнату и что-то вроде прачечной. Вик отрывисто и коротко объяснял, что и как здесь устроено, но я технические подробности пропустила мимо ушей, предоставив выслушивать все это Сержио и Рыси. Все равно ведь не разбираюсь. Только удивляло, как хорошо разбирается в этом итальянец, засыпавший Викинга кучей вопросов. Ну, он же мужчина, у

них это, наверное, в крови.

— Так тут тоже выход? — спросила я, вернувшись в гостиную и заметив дверь в задней стене.

— Это проход к водопаду и бассейну, да, к водопаду. Да.

Прямо в горе был прорублен тоннель, длиной около двадцати метров, выходящий к обрамленному мрамором большому бассейну в виде неровного эллипса. В дальней от тоннеля части, с высоты метров в двадцать низвергался вниз водопад, сверкая на солнце серебристыми струями. Со всех сторон это чудо окружали высокие острые скалы, отвесно поднимавшиеся вверх. Вдоль подножия этих скал, вокруг бассейна, шла тоненькая мраморная дорожка. Между выходом из тоннеля и водопадом она расширялась, превращаясь в широкую площадку, где стояли два деревянных шезлонга. А Вик говорил, что больше мебели нет!

— Искупаемся? — спросил итальянец. Он выглядел довольным и озорным как мальчишка.

— Не стоит, — эта мысль мне тоже пришла в голову, но не для купания же мы сюда приехали. — Вик, откуда на скалах водопад?

Ох, и зачем спросила?! Рыжий агент разразился целой речью, изобилующей техническими и геологическими терминами. Что-то про горные реки, подземные, круговорот воды в природе, отливы... Перестала слушать примерно на половине, несмотря на насмешливый взгляд Сержа.

Возвращаясь обратно по тоннелю, Вик указал на двери кладовки для продуктов, встроенной прямо в толщу скалы тоннеля. Просторные полки и большие холодильные камеры сейчас пустовали. С другой стороны коридора дверь вела в такую же кладовку для вещей.

— Я бы здесь устроил мастерскую, — восхитился Серж.

— У прежнего хозяина здесь находился тир, — указал Вик на притулившуюся у дальней стены толстую мишень.

Несмотря на низкий потолок, даже Сержу не приходилось нагибаться.

— Тир? — повторил он. — Хорошая идея! Как тебе, Диана?

Я кивнула, вспомнив об оружии. Почему бы и нет. Было бы здорово...

Спустились на нижний этаж. Его верхний уровень — это еще одна, малая, гостиная. Окна только с одной стороны. С другой — глухая стена. Оказалось, за ней расположилась гардеробная с входом из главной спальни. Справа ступеньки вели в эту огромную спальню с несколькими выходами на балкон.

— Спальня — тридцать два квадратных метра. Да. Тридцать два. Да.

— Офигеть, — сверкнул глазами Моретти.

Я зашла в ванную комнату внушительных размеров. Гораздо более красивая и интересная, чем на втором этаже. Разнообразные души, ванна встроена прямо в пол, внутрь спускаются ступени. Не хуже бассейна, хоть и поменьше!

В гардеробной, кроме большого пустого пространства, нашлись и шкафы, встроенные в толщу горы. Ящики выезжали, по командам с визора Вика.

Рысь вышла на балкон с прозрачным бортиком из толстого стекла, крикнув оттуда, что вид обалденный.

Я даже говорить не могла. Вот в этой спальне я была бы счастлива. Мне хотелось, чтобы

она стала моей. Только моей! Какую огромную кровать можно здесь поставить! Сколько идей по оформлению сразу возникло в голове. И ковер, нет, шкуру какого-нибудь мамонта на пол. Наверняка же здесь богатый животный мир. И звери крупнее, чем на Земле...

Как печально, что я влюбляюсь в дом, в который не могу себе позволить. После экскурсий в продающиеся дома Белого города, я мысленно уже прикидывала, сколько может стоить эдакий приют сибарита. Очень много!

В полной задумчивости вернулась в малую гостиную и спустилась в левый коридорчик, две маленькие восемнадцатиметровые спальни, благодаря огромным окнам и отделанным светлым деревом стенам, вовсе не казались маленькими. Здесь могли бы останавливаться гости. Ну зачем Вик показал мне этот дом!

— Подвал только под гостиной, — услышала я Вика, — там находится генератор. Да, генератор, мощный, да. Диана, спуститесь?

Я кивнула, но огромный агрегат был мне непонятен и, вернувшись в большую спальню, вышла на балкон.

'Как тут красиво!' — думалось в сотый раз. — 'Нет. Я не смогу здесь жить!'

Наверное, я сказала это вслух.

— Почему? — спросила остановившаяся рядом Рысь. Глаза девушки стали мечтательными. — Здесь есть все, что нужно. А вы видели, какая кухня? Это же мечта! А балкон? А спальни? А бассейн?

— Я умею готовить только омлет, — на самом деле, я только так думала, что умею, видела, как легко это получалось у няни, когда еще маленькая была.

— Такое бывает? — поразились Оля, — в смысле, ведь женщины... простите!

Она резко замолчала, смутившись. Но ненадолго. Не успела я окунуться вновь в щемящую тоску, она решительно заявила:

— Я могла бы вам готовить! Раз или два в неделю...

— Оля, раз или два мне мало. Да и жить совершенно одной вдали от людей...

— Но тут же самые продвинутые охранные системы. Вик говорил. Да и я в любой момент прилечу и составлю вам компанию.

— Проще тогда поселить тебя здесь, в маленькой спальне, и иметь всегда под рукой, — рассмеялась я.

— Я согласна, — серьезные глаза моего пилота казались огромными и почти черными на фоне закатного солнца.

Честное слово, как у нее все просто! Растерявшись, я не знала, что отвечать. Хорошо, что нас прервали Серж с Виком.

— Будь у меня двести тридцать тысяч, купил бы не задумываясь, — заявил Моретти, облокотившись о прозрачный бортик балкона. В его взгляде снова промелькнуло что-то непонятное. Тоже беспокоится обо мне? Как Марат?

А ведь хорошо было бы жить вдали от мужчин. Команда командой, а уединение мне просто жизненно необходимо. Хоть иногда. Двести тридцать тысяч! Почти весь депозитный счет!

— Вам понравилось? — спросил Степан. В его голосе промелькнула надежда. Почему он так хочет продать мне этот дом?

— Расскажите мне о доме, Вик, — я постаралась, чтобы просьба прозвучала как можно мягче. Ну что ж! Раз есть доля вероятности, пусть маленькая, что этот сказочный дом станет моим — я должна знать о нем всё.

— Да. Расскажу. Да. В доме два этажа...

— Нет-нет. Технические подробности меня не интересуют!

— Нет? — поразился Вик.

— Нет, — твердо заявила я. — Мне вполне достаточно того, что я видела и слышала. Во всяком случае, на данный момент! Расскажите лучше, откуда он здесь взялся, этот дом. Его историю. Чей он?

— А-а. Да. Понял вас, да. История весьма простая, но не слишком короткая. Да, весьма. Если вы не против, я угостил бы вас чаем у себя в доме. Да, у себя. Там тесно, но так было бы лучше. Да. Лучше.

— Это где?

— Видите маяк? Там в нескольких метрах моя хижина. Да, я смотритель маяка. Работаю, да. Да, там все на электронике, особо смотритель и не нужен, не то что поначалу... Но за электроникой все равно надо приглядывать. Да, надо.

И тут, вдруг покраснев, он застенчиво произнес:

— Будем соседями.

Сказано это было так тихо, что я едва расслышала.

— Я тоже хотел бы выпить чаю, — вмешался Серж, похлопав себя по плоскому животу. — Скажите, Вик. Что у вас есть к чаю? Может, варенье или пряники? Дольчи? То есть — десерты, сладости?

— Сладкоежка, — фыркнула Рысь.

— Ага, я такой, — ухмыльнулся ей Моретти.

— Варенье есть. Да. Есть. — Закивал рыжий смотритель маяка. — Прошу вас, Диана Там даже есть площадка для одного коптера. Твой, Ольча, должен поместиться. Да. Должен, да. Так вы идете?

— С большим удовольствием навестим вас, — улыбнулась я. Обеденное время давно прошло. Так что я бы и от обеда не отказалась. Но чай тоже хорошо, особенно приправленный интересной историей. — Поехали!

Хижина зрителя маяка выглядела, как он и говорил, совсем маленькой, одноэтажной, уместившейся в расщелине между скалой и небольшим земляным холмом, в который уходила часть домика. Заметить это неказистое жилище можно было только со стороны океана. От залива, который был к дому даже немного ближе, чем океан, ничто не намекало на наличие здесь человеческого жилья.

Несмотря на эту миниатюрность, внутри оказалось просторнее, чем казалось снаружи. Небольшая прихожая вела в коридор с тремя дверьми справа и одной слева, куда мы и вошли, оказавшись в длинном и относительно большом помещении, совмещавшем кухню, столовую и гостиную.

Мы втроем уместились за круглым столом, осматриваясь вокруг с интересом, пока Вик наливал нам горячий чай и выставлял на стол угощение. Посмотреть было на что. Дальнюю стену увешивали охотничьи трофеи вроде шкурок и оленьих рогов. На другой стене примостились самые разнообразные рыболовные снасти.

Степан Степаныч деловито постелил на стол чистую льняную скатерть и, поставив перед каждым дымящуюся кружку, водрузил на середину хлеб и мясо на большом блюде. Копченый олений окорок, нарезанный тонкими ломтями, вызвал у нас настоящий восторг. Как оказалось, проголодались все. Сделав бутерброды с ноздреватым мягким хлебом, мы с удовольствием пили обжигающе горячий напиток с добавлением каких-то ароматных травок и Рыжик, надо сказать, тоже не отставал. Только когда все куски мяса были уничтожены — в основном самим хозяином и итальянцем, Вик достал банку с вареньем и горсть маленьких шоколадок. Еще раз наполнив опустевшие чашки, он отпил глоток из своей, и, откусив половину бутерброда с абрикосовым желе, задумчиво пожевал, а потом проглотил оставшуюся половину одним махом, после чего откинулся на спинку стула и проговорил со вздохом удовлетворения:

— Хорошо! Да, хорошо!

Мне казалось все это действие каким-то сном. Не привыкла я к таким посиделкам в старых маленьких домишках, к бутербродам на скорую руку, разношерстой компании. Но почему-то сейчас, когда усталость дала себя знать, а сытость настраивала на лирический лад, я чувствовала себя очень спокойно и мне, как и Вику, было 'хорошо!'.

Я положила ложечку варенья в чай. Успела. На вкус оно чем-то и правда напоминало абрикосовое желе. Моретти, который умял большую часть копченой оленины, теперь с удовольствием налегал на сладкое, захватив себе банку и обильно намазывал ломти белого хлеба.

Нарушая все нормы поведения за столом, и облизывая свои длинные пальцы, на которых оказалась часть этого самого лакомства, Сержио поймал мой взгляд и спросил:

— Хочешь?

Наверное, я покраснела.

Он сам понял, как двусмысленно прозвучал его вопрос, и, лениво улыбнувшись, произнес:

— Манджаре мармелатэ, миа кара?

— Что? — не знала, что и думать. Это же Сержио! Не мог он говорить мне гадости! Или

мог?

— Варенье хочешь, Ди?

Вот наглый тип. Стоит только расслабиться... Такой приличный парень, казалось бы, а ведет себя... Решила эту мысль не развивать. В конце концов, атмосфера странного вечера очень располагала к упрощению манер и сеньор Моретти отлично проводил время, вписавшись в эту обстановку гораздо лучше меня.

— Нет, спасибо.

— Сей кози ванитозо! — похоже, он решил меня довести. Однако не успела я ничего ответить, как он шутливо поднял руки. — Я сказал, напрасно вы, Диана, это на самом деле делицсёзо — вкуснятина.

— Я вам верю, Серж! — вежливая улыбка, сопровождавшая эти слова, была из серии 'притормози!'. Заметила тут же, что Степан свой бутерброд доел, и напомнила ему:

— Вик, вы, может, начнете рассказ?

— Да, конечно, да. Может, кто-то еще чаю хочет?

Рысь, взяв на себя роль помощницы, убрала со стола крошки, блюдо с остатками копченого мяса и отняла у Моретти опустевшую банку варенья. Итальянец заявил, что с удовольствием выпил бы теперь что-нибудь покрепче.

Мы с Олей согласились на чай. Иногда могу выпить очень много чая, особенного такого вкусного. С детства любила его больше других напитков. Да и слушать рассказ приятнее, когда в руках что-то есть.

Когда Сержио получил порцию алкоголя, а Рысь вернулась на свое место, придвинув к себе несколько оставшихся шоколадок, Вик поставил перед нами очередные чашки с чаем и приступил к изложению истории удивительного дома на скале.

— Мне было двадцать два года, когда мы с отцом переселились на Прерию. Да. Это было около восьми лет назад. Я окончил архитектурный, а так же хорошо знал отцовский бизнес, так как с детства крутился в его конторе, но партнером отца так и не стал, долго объяснять почему... Да. Долго. И к истории дома это отношения не имеет.

— Так вы архитектор?

— Да, Диана. Можно и так сказать. Но не часто работаю по профилю... Да, — он приподнял чашку, нервно смахнул из-под нее несуществующие крошки, поставил обратно, и продолжил, глядя неизвестно куда. Один глаз смотрел куда-то в бок и вверх, словно он видел что-то недоступное нам. Скорее всего, так и было.

— Пожалуйста, продолжайте, Вик, — попросила я.

— Асколтарти, — стул Моретти стукнулся передними ножками о пол, но по крайней мере, он перестал на нем раскачиваться, действуя мне на нервы, — Слушаем вас внимательно, Вик!

Степан будто не слышал нас, но, помолчав около минуты, все же продолжил:

— Нас было трое друзей, я из них самый младший. Да, младший. Мы много времени проводили вместе, строя планы на будущее... Почти каждый вечер. В этом самом домике, который построили сами буквально за неделю. Ваське тут дали должность смотрителя маяка...

Голос его дрогнул. Он замолчал и нахмурился.

У меня тоже сжалось сердце. Явно, что тут кроется какая-то трагедия.

— Вот Васька первый и заметил это место в горах. Да, первый заметил. Сидели здесь

как-то, отдышали. А Васька всё горы в бинокль рассматривал и вдруг стал орать. Мы с Пашкой думали, крыша у парня поехала. Так и подумали. Да. Дерганый он был в последнее время, странный. А он тычет пальцем и говорит — там я Миле построю дом. Мила — это его девушка была. Красавица. Да, красавица, из богатых... Мы все были немножко в нее влюблены. — Вик глубоко вздохнул и продолжил чуть изменившимся голосом. — Мы слетали туда с Пашей — это третий друг. Геолог. Да, геолог. Он определил, что порода в том месте очень крепкая, и дом идеально впишется, главное, материал нужен специальный для стен... Ну, Паша собаку съел на этих новейших технологиях, хоть и геолог, потому мы к нему очень прислушивались. Да. Все правильно говорил. А Васе главное покрасивее — чтобы Миле понравилось. Жениться хотел. Старомодный был. Проект начали делать на следующий же день. Да, на следующий. Я делал, а они мешали. Убить их готов был, — кажется, Вик всхлипнул, или мне показалось. — Васька назанимал денег, да и мы с Пашей подкинули ему, что могли. Да, подкинули, что могли. Все, что было. И понеслось. Строили днем и ночью, продумывали каждую мелочь. Да, ругались. Пару раз чуть не передрались... Веселое было время, да, веселое, очень хорошее. Потом под конец денег не хватало. Людей нанимать, все прибабасы покупать. Охранные системы проводить... Заняли у папашки Васиного в тайне от парня. Думали, должен же он сыну помочь. Да, должен... До свадьбы оставался всего месяц, когда Вася погиб...

Степан замолчал, потом вдруг схватил стакан Сержа, который все еще оставался полным, и залпом осушил.

— Простите, Диана, — сказал он, отдышавшись, — никому не рассказывал еще. Да. Не думал, что будет так больно. Да. Не думал.

— Это вы простите, — я положила руку на его запястье, не зная, как еще поддержать. — Если вы сейчас не можете, то расскажете потом.

— Нет-нет, нормально. Да. Все в порядке. Ну вот. После Васиной смерти, его отец велел вернуть то, что он нам дал на постройку. Да, после смерти... Нам негде было взять деньги, все было вложено в дом, да, в дом. Долгов много, а денег нет. Да, совсем нет. Думали, что придется дом кому-то продать, а так не хотелось! Да, не хотелось. И тут Мила, невеста Васина, сказала, что оплатит все сама. Она хотела, чтобы мы достроили дом Васиной мечты. Так и сделали. Да, так и сделали, достроили. Мила богатая девушка. Она могла позволить себе не один дом. Да, не один. Когда он был достроен, она поселилась в нем. Да, жила в доме.

Он посмотрел в пустой стакан и отодвинул его от себя.

— Паша уехал, у него был контракт, да. Я устроился на Васино место смотрителем маяка. Да, смотрителем. Навещал их. Год назад Мила улетела на Землю. Егорка вырос. Васин сын, да, сын. Он даже не знал, что у него сын будет... Да, не знал. Не знал...

Он замолчал, опять уставившись в никуда, только синяя жилка на шее дергалась. У Рыси глаза блестели от слез. Серж задумчиво рассматривал стол. Я и сама чувствовала комок в горле.

— Решила отдать его в школу на Земле. — Внезапно продолжил Вик. — Да, на Земле школы лучше. Лучше, да. Неделию назад она прислала мне просьбу продать дом. Да, продать, ей нужны деньги. Не знаю, что там случилось у них. Это она назвала цену — двести тридцать тысяч. Да, именно столько.

Я решила прервать вновь повисшее молчание. Спросила негромко:

— Вик, почему вы сами там не живете?

Он вздрогнул и посмотрел на меня широко открытыми глазами, словно впервые увидел:
— Не могу. Да. Не могу. Высоты боюсь... А продать надо. Да, надо. Хотелось бы хорошему человеку...

— Даже если я куплю этот дом, ведь через год мне придется его продать.

Он нахмурился.

— Просто продадите его мне. Да, мне.

— Но вы же высоты боитесь!

— Давайте так далеко не загадывать. Целый год — большой срок на Прерии. Да, большой! — улыбнулся он. Боюсь, нелегко ему далась эта улыбка. Выглядел он совершенно потерянным.

— Я могу немного подумать?

Он закивал:

— Да конечно, да. Можете. Космолет отправляется завтра вечером, с ним надо передать информацию и первый взнос, половину суммы. Да, половину. Так что у вас двадцать четыре часа.

Вот это скорости! Хватит ли мне этого, чтобы принять решение? И половина суммы...

— Но у меня нет возможности заплатить сто пятнадцать тысяч!

— Нет? Можно взять ссуду в банке. Вам дадут, да. Должны. И у вас же депозит через несколько дней?

— Пойдите, Вик. Я еще не приняла решения. Давайте уже завтра и обсудим. Мы все устали сегодня.

— Да, подумайте. Да, конечно.

Когда мы шли к коптеру, уже почти стемнело. Вик стоял на освещенном пороге своего домика. Рыжие волосы его трепал лёгкий ветерок. Высокая нескладная фигура выглядела потерянной и очень одинокой.

Марат был не в восторге от моего рассказа о доме и высказал все, что думает, не успели мы приступить к десерту. Поздний ужин накрыли прямо у меня в номере, и я отдала ему должное, отчего находилась в прекрасном расположении духа.

Потому мнение администратора вызвало только тень раздражения. С другой стороны, реакция на его замечание, вдруг отчетливо мне показала, что на самом деле — я уже все решила. Прыгать до потолка и сообщать об этом своей команде — не стала, не хватало еще, чтобы вместо обсуждения работы — поднялся спор о месте моего проживания. А так как с утра намечалось множество важных дел, я живо выставила из номера обоих джентльменов, ставших вдруг после хорошего вина, томными и подозрительно ласковыми. Нет, не приставали, да и глазели в меру, но обстановка как-то неуловимо сгустилась. Ушли они, правда, сразу, несколько не выразив неудовольствие.

Попрощались спокойно, договорившись встретиться в семь утра в фойе гостиницы.

И хоть устала я очень сильно, уснуть никак не могла, очень уж насыщенный событиями день получился. А комнаты заманчивого дома на скале так и стояли перед глазами. Мысль о снотворном отогнала сразу, совсем не хотелось начинать с таблеток жизнь на Прерии. Ничего, если не усну в течении десяти минут, пойду поплаваю. А что, хорошая ведь мысль.

Да, ночью — на чужой планете это страшновато, да только что может опасного быть здесь, в Белом городе, где охраняется даже воздух.

Вот тут на визор и пришло сообщение. Странно. Казалось, я его отключила. Со вздохом, гадая, кто это мог быть, Марат или Сержио, я перекадилась на край кровати и нацепила свои стильные, хоть и не самые дорогие из существующих, очки. Активировала воспроизведение и приготовилась слушать... Еще более удивительно. Тишина! Или сообщение текстовое? Точно. Что-то я стала соображать плохо, устала, наверное...

Чудно как-то. Сто лет не получала текстовых сообщений, даже школа вспомнилась, когда мы, девчонки, от нечего делать на уроках постоянно занимались отправлением всякой ерунды друг другу, чтобы не заснуть от тоски учительских наставлений.

Однако пора уже прочесть. Что за секреты интересно? Любопытство не позволяло оставить это до утра.

Выводить сообщение на стену не решилась — мало ли что, и для начала просмотрела адресат. Ого! Это что-то новенькое! Я конечно о таком слыхала, но у самой такого не было еще ни разу. 'Адрес отправителя скрыт!' Обалдеть, это же прошлый век! Ну, или что-то, наоборот — сверх. Контакт, даже не знакомый, определялся на моих визорах всегда!

Стало немного тревожно и холодно в груди. Кто мог мне прислать сообщение? Не опасно ли вообще его читать? Но как бы все это необычно ни было, любопытство — моя врожденная беда — победило.

Файл открылся легко — то есть никаких там паролей и проверок. И защита пройдена с первого раза, что для скрытого адреса — вообще чудо. Я же не меняла настройки визора и спам уж точно исключался. Даже не знаю, как и реагировать!

Ладно! Что там с текстом?!

Так, не закодировано, и строчки коротенькие, ровные.

Ага, стихи. Надо же! Уже интересно! Усилив подсветку, прочитала:

Война и любовь не бывают случайны,
а все остальное случайно порой.

Смотрю на тебя как на дивную тайну:
ты в мире одна, нет у Бога второй.

И эту улыбку, и волосы эти,
и эти глаза голубого огня
я видел во снах, нет подобных на свете.
Останься со мной, посмотри на меня.

Я слов не прошу. Я уже понимаю:
меня не спасут никакие слова.
Судьбу не случайную я принимаю.
А ты... если нет, то ты тоже права.
(Виктор Верстаков)

Хм, красиво, конечно, но с цветом глаз он ошибся...

Некоторое время я снова и снова перечитывала эти строки, очарованная таким прямым и безыскусным признанием в любви. И столь романтичным! А потом тысячи мыслей завертелись в голове. Что это? Кто? Кто мог признаться мне здесь, где мой контакт знают не больше пары десятков человек, а видели меня и того меньше. Чудеса! И кто мог подобрать

все коды доступа в мой визор? Скрытый адрес, надо же!

Даже не знала, смеяться мне, или плакать. Ответить, или проигнорировать? А смогу ли я ответить контакту, который значится, как 'скрытый'? Вот и проверим!

Да, конечно знаю, что с незнакомцами лучше не разговаривать и всё прочее. Но соблазн разгадать эту загадку, а может вся атмосфера нового мира, 'дом на скале', новая работа, мерный шум океана за окном — всё как-то одно к одному сложилось. Отвечу!

Стихи, значит? Поисковая система смогла определить автора почти сразу — ничего не говорящее мне имя поэта конца прошлого века... Кто в наше время может помнить такие древние стихи? Ну, правда, я таких не встречала... Разве что Сешка любил Пушкина и Лермонтова. Но тут — даже не Земля. Прерия... И от этого, всё ещё более непонятно. И, что уж скрывать, интригующе...

Когда-то я увлекалась поэзией, поэтому ответный искала не слишком долго. Лежал у меня в одном из хранилищ памяти целый сборник понравившихся в свое время песен и стихотворений. Вот и выберем подходящее.

Просмотрев все, поняла, что ничего как-то не годится для ответа. И правда, чего я ответить, или, точнее — узнать хочу? Кто он? Вот и будем из этого исходить. Для начала. Подобрала не то, чтоб очень красивое, но вроде как по смыслу подходящее, удалось отыскать такое:

'Кто ты? Скажи мне, неведомый странник...

Какой стороны ты несчастный изгнанник?

Чем ты гоним в непогоду, в ненастье?

Ищешь свое неприступное счастье?

Кто ты? Скажи мне? Тебя я не знаю...

Какие печали тебя истязают?

Какие заботы оставили след?

Какие проблемы на тысячи лет

Тебя заставляют скитаться по свету?'

(автор стихов Татьяна Ромашка)

Отправила, не раздумывая больше ни секунды. Ого, ушло! Хм, надо будет у кого-нибудь проконсультироваться, что за чудеса такие с этим незнакомым контактом. Можно ли как-то вычислить?

А с другой стороны, лучше эти глупости никому не показывать! И чего меня это так взволновало?! Отключив и отложив визор, я снова укуталась в воздушной легкости одеяло и закрыла глаза. Меня словно качало на волнах. И как ни странно, было безумно приятно, что кто-то прислал мне такой стих. Пожалуй, это лучшее завершение для сегодняшнего дня.

Интересно, ответит? И кто же он, этот незнакомец? Это я, уже засыпая, подумала. То ли усталость, наконец, взяла свое, то ли послание незнакомца так подействовало. Не буду думать об этом сегодня, подумаю завтра...

А завтра думать об этом было некогда. Началось с того, что я проспала. Впервые за долгое время. Разнежилась на новом месте. И вроде не снилось ничего, а просыпаться окончательно никак не хотелось, несмотря на настойчивый стук в дверь.

— Что случилось? — одновременно с вопросом глянула на визоры и ахнула: пятнадцать минут восьмого! Да как же так, ведь собиралась встать в шесть?! Что нажала вместо открывания окон? А! Дверь.

Марат ворвался в номер, заставив нырнуть обратно под одеяло. Беспокойство в его глазах немного примирило с таким беспардонным поведением.

— Ди! Ты там жива? — начал он сразу, слегка притормозив. — Ой, извини, просто ты сама настаивала, что в семь.

— Дайте мне десять минут, буду готова.

— Да хоть час, — он отвел взгляд, смутившись, что как минимум — необычно для него. — Так мы подождем внизу, в ресторане? Рысь, к слову, уже нарисовалась.

Марат лишь слегка поморщился, произнося прозвище девушки. Уже прогресс!

Он вышел, не оглядываясь, и я сразу бросилась в душ. Хоть и проспала, зато отлично отдохнула. В десять минут, конечно, не уложилась, но к восьми была вполне готова. На этот раз оделась вполне по-деловому — в темно-голубой брючный костюм.

Ребята ждали внизу, как обещали, мирно потягивая лимонад — или что-то похожее. Сомнительно, что алкоголь в такую рань.

— Доброе утро, синьорита! — Моретти тут же вскочил, заметив первым мое приближение.

Марат кивнул, с одобрением окинув меня взглядом, и осведомился, выпью я что-нибудь или сразу поедем. Мой отрицательный ответ явно его порадовал.

Рысь ожидала у коптера, сидела на невысоком бортике у края площадки и небрежно жонглировала маленькими шариками. При нашем приближении, сразу залезла в кабину, не дожидаясь приказа и, лишь, когда мы устроились в обычном порядке — Сержио впереди, а мы с Маратом в салоне, коротко поприветствовала и уточнила маршрут.

В этот раз разговора не сложилось и до местного медиацентра мы долетели молча. То есть, это мы с Токаевым молчали, а Моретти весьма мило беседовал о чем-то с Рысью, но о чем — я не слышала — перегородка была опущена и звук отключен. Похоже, они неплохо подружились. Ох уж мне эти горячие южане!

Кирсанов встретил нас на посадочной площадке, видимо предупрежденный о нашем прилете. Я сразу пошла к нему навстречу, обогнув замывшегося у дверцы коптера Марата, и тут произошло одно событие, заставившее немного пересмотреть отношение к моему администратору.

Лично я услышала только громкий хлопок, а в следующую секунду уже лежала на бетонной поверхности, прикрытая телом Марата Токаева. Все произошло так быстро, что даже испугаться не успела.

— Все в порядке, — услышала я голос Рыси, — кто бы это ни был, повторения не последует.

— В нас что — стреляли? — ужаснулась я.

Марат поморщился, вскочил сам и помог подняться мне — точнее просто взял за талию и поставил на ноги. Ну и силища!

— Не думаю, — сказал он недовольно. И уточнил. — Не думаю, что в нас. Но теперь ты видишь, Ди, как опасно тут ходить без провожатых? Ты уж, пожалуйста, будь осторожней!

С крыши медиацентра весь городок был как на ладони, прямо под нами уже началась суебливая жизнь центра. Сновали люди, открывались всевозможные лавки и магазины, на рынке уже всюду суеблился народ, что-то покупая. Отсюда они казались маленькими человечками в разноцветной одежде. По улицам проезжали машины. В чистом безоблачном небе виднелись в разных сторонах спешащие куда-то коптеры и маленький пароплан, если не ошибаюсь, был виден совсем далеко — в стороне гор. На заливе тоже кипела жизнь.

Видимо в Ново-Плесецке все давно проснулись — как раз шла разгрузка какого-то кораблика. А может погрузка, не разбираюсь я в этом. Еще один как раз заходил в бухту через узкое горло. И парочка катеров мчалась вдоль берега. Над водой летали какие-то белые птички, наверное, очень крупные, раз их видно было даже отсюда.

И откуда могли стрелять? Все здания оплетало столько зелени, что спрятаться могли где угодно. Если это, правда, был выстрел...

Моретти чуть насмешливо улыбался, поглядывая на Токаева, и хорошо, что тот не видел иронического взгляда оператора. Я толком не поняла, что это значит. Но что Сержио и Рысь гораздо спокойнее отнеслись к предполагаемому выстрелу, вызвало в душе уважение к ним и в тоже время раздражало. Вот уж никогда не считала себя трусихой. А тут... Ну а кто не испугается, когда среди бела дня — чуть ли не на самой высокой точке городка — ты становишься мишенью для неизвестного.

Кирсанов улыбался, глядя, как я отряхиваю свой костюмчик:

— Ничего, Диана, вы привыкнете. Городок у нас молодой, а вокруг места дикие. Скорее всего, к кому-нибудь в лавку забрался мелкий хищник, вот и пальнули. Редко у кого нет с собой оружия. Однако здесь вы можете быть спокойны. Не зря установлены экраны и силовой в том числе. Так что крыша прекрасно защищена. Мы же здесь отдыхаем...

Марат фыркнул, очевидно не доверяя словам директора, а, заметив широкую улыбку Рыси, поглядел на нее едва ли не с жалостью. Зря я за него переживала, смутить его отсутствием опасности оказалось невозможно. Или он знает больше остальных? Как бы там ни было, а ощущение, что в случае чего — он прикроет — почему-то теперь не вызывало сомнения. И чем я это заслужила? Вроде ведь вела себя с ним чуть ли не грубо, а он! Это в фильмах и книжках ерундой может показаться, а в настоящей жизни такое не оценить невозможно!

И пусть эти дураки, Рысь и Моретти, сколько хотят ухмыляются и считают происшествие ерундой. Шутники! Прав Марат, что плевать хотел на их мнение. Надо и мне быть такой же непробиваемой.

Рысь не пошла с нами внутрь, простившись у дверей и уточнив, что ровно через два часа будет нас ждать, 'а если планы поменяются, мы знаем, как с ней связаться'.

Изменение в царстве маленького новостного канала поражали. Кипела жизнь, народ занимался делом, в каждом помещении, куда заглядывали, царил порядок и что-то основательное. Может, из-за оборудования, расставленного по местам и радовавшего своей современностью. Во всяком случае, по словам Алексея Федоровича, все, что мы видели — это последнее слово земной техники.

Девочки продемонстрировали нам трехмерный голоэкранный зал в большом зале. Интерактивная карта города вызвала уважение добротностью и продуманностью — все здания до мельчайших подробностей, даже корабли в порту покачиваются. И Белый город именно такой, каким запомнила. Я отыскала взглядом нашу гостиницу. Но вот дома на скале — не увидела. Может, неправильно сориентировалась? Или не такая уж достоверная эта карта. А нам уже показывали ближайшие горы, неприступные джунгли, водоемы, речушки. Правда, животные были представлены весьма схематично. Всё-таки карта, а не живое изображение.

— Живое тоже возможно, — хихикнула одна из девушек, кажется, Леночка, на мое замечание. И включила нам сцену на крыше. Я смотрела на себя со стороны, спускающуюся с борта коптера, едва ли не раскрыв рот. Так вот как я выгляжу! Это смотрелось круче, чем

на видео, фото, или плоском экране. Или даже, чем в объемном изображении в визорах. Это было так, словно ты стоишь снова на крыше и видишь своего двойника.

Вот Марат бросился и накрыл меня своим телом. Здорово, к слову, смотрелось! А Моретти-то тоже быстро глянул по сторонам, как раз готовясь прыгнуть из кабины. Так что не такой уж он безразличный к опасности, просто строит из себя... Кто с самого начала был спокойным — так это директор, с удивлением глядевший на Марата, и Рысь — вытянув шею, девчонка смотрела на разыгравшуюся сцену с любопытством и, кажется, удовольствием. Ага, цирк приехал!

— Хватит, — кивнула я девушке, заканчивая это безобразие. Мне показалось, или Марат, правда, был за это благодарен?

— Может, осмотрим твой кабинет? — спросил он. — Операторская тоже готова.

— Конечно!

Кирсанов сослался на срочные дела, умчался по широкому коридору в другую часть здания, предоставив нам дальше осматриваться самим.

— В девять совещание, — крикнул он на бегу, напоминая, чтобы не расслаблялись.

Ага, пятнадцать минут на всё про всё. Впрочем, успеем мы еще ко всему здесь привыкнуть, а работать над программой надо начинать, как ни крути.

Я сидела в своём кабинете, снова и снова просматривая на голоэкрane план первой программы, который пока еще имел несколько дыр. Хотя всё же, надо сказать, что за утро по планированию мы проделали огромную работу. Больше, чем я ожидала.

Кресло мне по прежнему нравилось и я крутилась в нём, как девчонка — украдкой, периодически отрываясь от обзора отснятых Сержио материалов. Ребята ушли по своим кабинетам, что-то доделать, и вот-вот должны были вернуться, чтобы всем вместе отправиться на обед.

Постучавшись в кабинет заглянула Леночка. Она принесла пакет, только доставленный из космопорта, на подносе стоял стакан сока и лежали два крохотных бутерброда с ветчиной.

— Я знаю, что вы скоро обедать пойдете, — очаровательно улыбнулась она, выгружая это богатство на мой стол, — а мы — уже. Вот — захватила для вас, чтоб чуть-чуть подкрепились. А то пока эти мальчишки вернуться.

У меня даже в животе заурчало от вида бутербродиков — жаль, что такие маленькие.

— Мальчишки? — рассмеялась я. — Спасибо, Леночка, безумно благодарна! Ты не присядешь? Хотела немножко поговорить.

Пакет отложила в сторону — что срочного может быть с Земли. Тем более, если требуется ответ, то следующий космолет на Землю только послезавтра. Посмотрю сразу после обеда.

И потом, если б всё было так срочно, доставили бы ещё вчера.

Леночка устроилась напротив — для посетителей у меня теперь тоже были отличные кресла:

— Конечно, Диана, рада вам помочь, чем смогу. Вы ешьте, я-то уже сыта. Сама знаю, какой голод нападает, когда вот так заработаешься.

— Точно, иногда — ещё дома совсем забывала про еду, когда интересный материал попадался.

С бутербродами я расправилась слишком быстро — они только еще больше разожгли

аппетит и, отпив сока — на вкус абрикосовый, обратилась к ожидающей Леночке:

— Я тут ещё не слишком хорошо освоилась, поэтому у меня много вопросов. Но начать мне хотелось бы со знакомства, раз мы часто будем здесь работать вместе. Может, сразу перейдем на 'ты'?

— Конечно, я не против! — кивнула девушка.

— Может, расскажешь немножко о себе? Когда попала на Прерию и вообще, как тут жизнь сложилась? И как попала на работу в Гугл? — Последнее меня интересовало особенно сильно.

Леночка привычным движением убрала локон с лица и широко улыбнулась:

— Ну, сюда я попала по чистой случайности. Когда прилетел дядя Лёша и набирал команду, он разыскал меня и сразу предложил контракт. Я ужасно удивилась и никак не могла этому поверить. Дело в том, что несколько месяцев назад, я взяла у друга дорогущую камеру и засняла гонки на коптерах. Просто любительское видео, конечно. Но моему другу так понравилось, что я решила отправить на местное телевиденье. То, которое расформировал Кирсанов. Тогда это совсем крохотная организация была, полулегальная, которую курировали местные власти. Так вот, они мне даже ответа не прислали. Кому-то репортаж мой не понравился, наверное. Я и забыла о нём. А дядь Лёша его нашел, посмотрел и оценил. Сказал, у меня есть талант, — Леночка покраснела и быстро закончила, — вот так я попала в команду.

— Знакомая ситуация! — восхитилась я. — И я попала в Гугл, благодаря репортажу. Как-нибудь расскажу...

В комнату уже входили мои 'мальчишки', так что пришлось быстренько свернуть разговор.

— Конечно, — вспорхнула с кресла Леночка. — Мне, правда, очень интересно!

— И мне тоже, — подхватил Марат, с видимым удовольствием рассматривая девчонку. — О чем секретничаете?

— О своем, о девичьем!

— Ди, я просто спросил! — проводив взглядом поспешно покинувшую нас Леночку, он мечтательно произнес. — Эх, хороша! И где дядя Лёша умудрился набрать таких красоток. Может, приударить за ней?

— Кто о чем, а я всё о еде, — вмешался Сержио. — Мы идем обедать?

Я решительно поднялась и сунула конверт из космопорта в сумочку — потом посмотрю:

— Конечно, идем. А приударить не получится!

— С чего это? — вскинулся админ. Так и почувствовала, как в нем заговорила гордость, или что там у мужчин зажигается, в надежде удачной охоты за прекрасным полом.

Не стоило мне этого говорить, зачем создавать проблемы Леночке, которая мне так понравилась. Может, мы подружками даже станем? Поэтому дождавшись, когда за нами закроются двери лифта, объяснила:

— Когда она упомянула своего друга, в ее глазах было столько всего, что ни тебе, и никому вообще — там ничего не светит. Поверь, я знаю, о чем говорю!

Сержио показал мне большой палец, а Марат фыркнул и пожал плечом:

— Подумаешь, друг! А вот мы посмотрим.

— Пари? — оживился Сержио.

— Прекратите немедленно! — возмутилась я.

— Потом обсудим, — пробормотал Марат, думая, что я не услышу.

Вот ведь делать им нечего!

Но скоро я забыла обо всех этих дуростях, когда Хафиз, директор ресторана, лично нас поприветствовал и предложил столько вкуснятин, что ни о чем другом думать я просто не могла. Местные деликатесы оказались ничуть не хуже земных и мы все отдали им должное.

Договорившись встретиться вечером, после обеда мы расстались. Мальчики должны были подготовить все для завтрашнего приема у полпреда — Марат наладить еще какие-то контакты, Сержио сориентироваться и распланировать завтрашние съемки там же. А я поспешила к коптеру Рыси, где в ее компании меня уже дожидался Вик. Надо было завершить сделку. Я позвонила Вику еще утром и дала своё согласие на покупку Домика на Скале. И теперь мне не терпелось начать обставлять и обживать его, чтобы как можно быстрее съехать из гостиницы.

Вик на этот раз ждал не внутри, а снаружи.

— Ди, — сразу бросился он ко мне, — я вас прошу. Да. Прошу. Я ничего не имею против Ольчи, то есть Рыси. Да. Ничего не имею. Но, может, окажете мне честь прокатиться на катере? Да — на катере. Новый.

Рысь ухмылялась возле коптера и на мой вопросительный взгляд пожала плечами — мол, почему бы и нет.

Раздумывала я не долго. Во-первых, не терпелось завершить сделку, а упускать из виду непредсказуемого Вика не хотелось. Во-вторых стало любопытно, что у него за катер и вообще, не мешало бы посмотреть на грот с пристанью под Домиком на Скале, да проехаться в лифте.

— Оль, ты тогда лети к дому... Вик, дадите ей допуск? А мы с вами — так и быть — по воде.

— Ага, да, конечно. Ольча, скинул тебе на визор. Да, на визор.

— Вижу, — кивнула мой пилот и, махнув нам рукой, полезла в кабину. — До встречи!

Вик был молчалив и неловок, пока мы шли к пристани среди многолюдной толпы. Он постоянно натыкался на прохожих, бормоча извинения, косил глазами, и вообще, внушал стойкое ощущение, что я совершила ошибку, согласившись с ним плыть.

Однако, стоило нам ступить на яхту, раза в два меньшую, чем у Кирсанова, но даже более симпатичную на вид, как Степан Степаныч преобразился. Он выпрямился, вроде даже становясь выше ростом, движения стали быстрыми и уверенными, глаза прищурились, на лице появилась мальчишеское выражение — этакая полуулыбка, словно предвкушение...

Его настрой сразу заразил и меня. Вцепившись в поручни, я вся растворилась в стремительном движении над заливом. Прав Вик, это тоже полет. Казалось, мы едва касаемся поверхности воды. Соленые брызги били в лицо, смешной спасательный жилет не спасал костюм от воды и топорщился не слишком удобно. Руки — заледенели. И неизвестно во что превратилась прическа... Но мне вдруг всё это показалось неважным... Я устремилась навстречу ветру и солнцу, навстречу бескрайней громаде океана. Кажется, Вик что-то кричал, а я смеялась, трудно было различить на такой скорости, да и не нужно.

Нам повезло, никто не заходил и не выходил из залива, так что через горловину пронеслись, не снижая скорости. Лишь, пролетев вдоль скал около пары километров уже по океану, когда Вик резко свернул к берегу, сбросив скорость, я немного пришла в себя и ответила восхищенной улыбкой на счастливую улыбку парня.

Грот открылся внезапно, когда мне показалось, что наш катер вот-вот врежется в отвесно уходящую в воду скалу. Небольшая неровность на ее поверхности оказалась тем самым тайным входом. В одно мгновение из сверкающего солнцем мира мы попали в абсолютную тьму, Вик врубил мощный фонарь, и это еще более обострило ощущение совсем иного мира. И звуки здесь казались очень таинственными и странными — казалось, что Степан заглушил мотор, настолько тихо мы пробирались по узкому тоннелю. Слышался громкий плеск и еще что-то, похожее на эхо.

Но вот тоннель расширился, стало светлее и фонарь оказался уже не нужен. Мы находились в маленькой внутренней гавани, освещенной ярким солнечным светом — тот лился сквозь прорехи в пиках скал наверху.

Причал оказался вполне приличным, никаких особых разрушений я не заметила.

— Ну, я не говорил, что разрушен, — Вик ловко пришвартовал катер и выпрыгнув на каменный пирс, накинул цепь на невысокий столбик. — Давайте руку, Диана! Но косметический ремонт не помешает. Смотрите, освещения нет, страховочных перил нет, а при въезде — выломана решетка — кто хочешь, заплывай! Вот это и нужно восстановить.

— Ты так и оставишь здесь яхту без присмотра? — поинтересовалась я, когда Вик решительно направился к видневшемуся впереди тоннелю.

Он обернулся, удивленно вскинув брови.

— А! Вы имеете в виду мой катер? Да он на сигнализации, не думаю, что кто-то сможет угнать его здесь среди бела дня. Да, не думаю.

Тоннель оказался совсем коротким и вывел нас к небольшой округлой площадке перед лифтом. Вправо уходил еще какой-то ход.

— Дорога к маяку, — пояснил Степан Степаныч. — Диана, я сейчас вам сброшу на визор все настройки управления домом и лифтом в том числе. Принимайте. Да, попробуете сами вызвать лифт.

Управление оказалось весьма простым. Послышался характерный шум, и скоро дверь в скале отъехала в сторону, пропуская нас в небольшую овальную кабину, отделанную изнутри красным деревом и освещенную несколькими крохотными лампочками, встроенными в потолок.

Несколько тревожных секунд и мы наверху, где Рысь уже ожидала нас, присев на край каменной ограды на смотровой площадке дома. У меня даже сердце упало.

— Оль!

— Ладно, ладно, — вскочила она, извиняюще улыбаясь. — Я не боюсь высоты и с вестибулярным аппаратом у меня всё в порядке.

— Но впредь, прошу тебя, не делай этого при мне, — попросила я всё же. — Не могу на такое смотреть. И вообще, всякое бывает — сорвешься в пропасть, и где я возьму другого пилота?

— Диана права, — поддержал меня Вик, — я тоже не могу на такое смотреть!

— Зануды, — буркнула Рысь, спускаясь вслед за нами в дом.

Подписать документы решили в кухне, как единственном месте в доме, где стоял стол. Вик, как доверенное лицо владельца, скрепил сделку и просиял.

— Безумно рад, да, ужасно, ужасно рад, Диана! Поздравляю вас! Да, поздравляю!

Тут же отпраздновали это событие бутылочкой вина, припасенной предусмотрительным Степаном. На вкус превосходное, хотя местная марка была мне абсолютно незнакома. Даже Рысь пригубила. Ей тоже было, что отпраздновать. Ахиллес

разрешил ей переехать, и девчонке, похоже, не терпелось начать обустройство не меньше, чем мне.

Сидя за барной стойкой, на высоких удобных стульчиках, мы втроем с жаром принялись обсуждать, что нужно сделать в первую очередь. Причём Вик принимал самое активное участие, уже не как агент по продаже, а как друг и сосед, о чем не преминул нам торжественно сообщить.

Взглянув в визоры, я спохватилась, что уже столько времени — наши бурные обсуждения, оказывается, заняли больше двух часов.

Решив завтра же с утра заняться поиском мебели, я предоставила Вику нанять мастеров, каких он считает нужным, и вообще составить список необходимых работ. Он сам на этом настаивал, а я не имела ничего против. Тем более что он согласился с моим главным условием — сделать дом жилым не позднее, чем через три — четыре дня.

Рысь запрыгала от радости, узнав, что может обустраивать одну из гостевых спален по своему вкусу хоть прямо сейчас, а так же начинать осваивать кухню и заняться закупкой продуктов.

— Только отвези меня сначала в гостиницу, — попросила я. — Яхта — это здорово, но для одного дня мне хватит.

Оля прыснула в ладошку и подмигнула Вику.

— У Викинга катер, притом спортивный. А яхта — это... Ну как объяснить... У неё — мачты с парусами! — нашла Рысь.

— Ну, ты как скажешь! — покачал головой Вик.

— Поняла-поняла. Давайте, потом поговорим об этом. Мне, правда, пора. — Оставив Вика в доме, откуда он собирался обзвонить свои контакты и уже сегодня пригласить мастеров, мы с Рысью загрузились в коптер и полетели в гостиницу.

День показался мне очень длинным. Взять интервью у полпреда президента до завтрашней вечеринки, или как назвать сей светский раут, не удалось. Несмотря на то, что Марат вроде бы обо всем договорился заранее, в приемной нам сообщили — после получаса ожидания, что у Андрея Васильевича оказались срочные неотложные дела, и он просит прощения.

Марат любезно ответил миловидной секретарше, что ничего страшного, мы всё понимаем и прочее в том же духе. А в новеньком коптере, который наконец прибыл и был отдан в наше распоряжение, админ сидел мрачнее тучи, делая вид, что занят просмотром "ну очень" важных материалов в своем визоре.

Моретти мурлыкал какую-то фривольную итальянскую песенку и смотрел в окно. Как-то грустно заканчивался денек. Приуныли все. По прилете мальчишки сразу разошлись по своим номерам, даже не пытаясь завалиться в мои апартаменты. Вот и славно. Мне было о чем подумать в одиночестве.

Увидев конверт на тумбочке у кровати — тот самый, что доставили с космодрома, я замерла посреди комнаты в полураздетом виде. Ух ты! Оставила его здесь, когда после покупки дома Рысь завезла меня переодеться. И только сейчас в голове стукнула запоздалая мысль. Нет, прав Стешка, жизнь ничему меня не учит. Ведь было уже такое с приглашением в Гугл! И опять?!

Я бросилась к кровати и быстро вскрыла упаковку.

Просмотрела содержимое и выдохнула. Уф, повезло! Но на будущее всё же стоит взять

за привычку — просматривать такие вещи сразу. В пакете оказалось всего три вещи в ячейках специальной губки для перевозок. Пластиковая карточка сбербанка, четырехлистный клевер, запаянный в круглый прозрачный кусочек янтаря и стильный браслет на руку.

Мне даже подписи не нужно было, чтобы понять от кого это всё. Сколько просила Стешку подарить мне один из двух его круглых "камешков" — отказывался наотрез. Мол, они пара и незачем — поиграю и брошу. А его успокаивают, видишь ли. И вдруг — прислал.

И браслет, значит, от него. Платиновые звенья цепочки покрыты словно чешуйками, а на соединяющей их пластинке выпуклая голова дракона. На обратной стороне гравировка — 'Сердцем навсегда с тобой'. Не сразу заметила, и почувствовала комок в горле, когда вертела — и вдруг наткнулась.

Надо же, как мило это с его стороны! Надела на руку и удивилась, как изящно смотрится грубоватая на первый взгляд вещица. И ощущение хорошее. Никогда не сниму! Раз он сердцем всегда со мной, пусть и будет со мной. Как же мне его не хватает!

А записка была — как в старину, написанная просто ручкой на пластиковом листочке из блокнота. Обнаружилась между двумя слоями упаковочной губки. Лаконичная, как всё от Стешки:

'На карточке деньги за лошадок. Клевер в янтаре — на удачу. Браслет — на счастье. Береги себя, Диана. И дай мне знать, как ты там. Степан Воеводин'

Да уж, Степан Воеводин, рожденный в год дракона. О лучшем подарке я и мечтать не могла. Вроде мелочь, а настроение сразу поднялось чуть не до небес. Спеть что ли? Я громко рассмеялась и протанцевала к ванне. Срочно в душ и спать. Завтра тяжелый день.

'В нашей службе нет покоя,
кирпичи крушу рукою,
или даже головой,
а с тобой — едва живой.

Я по небу пролетаю,
я ножи в мишень метаю,
я сквозь пламя проскочу,
а с тобою лишь молчу.

Я могу без автомата
взять любого супостата,
но с тобой наедине
оставаться страшно мне.

Наша первая минута —
как прыжок без парашюта
с неизвестной высоты,
где внизу гуляешь ты.

Я стою перед тобою,
как стоят на поле боя
среди дыма и огня,
так целуй скорей меня'.

И опять ровно в полночь стихи от скрытого абонента. Что за неизвестный поклонник? И ведь явно не с Земли, а кто-то из местных. Точнее сказать, кто-то, живущий на Прерии. Или это одно и то же? Загадочная личность, но романтическая, что невольно вызывает улыбку. Почему-то стихотворение всё того же автора из далёкого прошлого. Неужели есть еще на свете романтики, что пытаются завоевать девушку поэзией, и как я могла так незаметно очаровать подобного человека? Или как ещё иначе понять такое послание?

Не посмотри я перед этим сумму, переведенную на мой счёт 'за лошадок' — аж четыреста тысяч рублей, с ума сойти, вот ведь неожиданный подарок судьбы, не получи я подарка от Стешки, наверное моя реакция на практически любовное послание была бы иной. Кажется, продумала ещё вчера — игнорировать! Но после душа настроение у меня еще больше улучшилось, став просто замечательным, в сон клонило, но эмоции зашкаливали — и ведь сплошь положительные. В такие минуты всё вокруг кажется чудесным: спальня номера не такой безликой, одеяло — поразительно пушистым, а звезды за окном на темном небе — особенно яркими. И браслет с дракончиком на руке...

В общем, всё сложилось так, что решила ответить и во второй раз. Только не стихами, да ну их. Может, и неизвестный напишет более прямо в следующий раз?

'Привет, — начала я писать на виртуальной клавиатуре, — чем обязана таким

вниманием к моей скромной персоне? Правильно ли я понимаю, что вы мужчина опасной профессии, и я вам почему-то понравилась? Иначе, зачем требовать мой поцелуй? Где вы меня увидели, и видела ли я вас? Стихи очаровательны, мне они очень нравятся, но насколько точно ассоциируются они с вашей личностью? Я вам, правда, нравлюсь, как женщина, или это какой-то глупый розыгрыш? Почему вам не сказать всё прямо?"

Нда, одни вопросы получились. И какие-то детские, к тому же. А, какая разница! Отправила. Сняв визоры, задала будильник на шесть тридцать и отключила связь. Ну вот, теперь точно — спать. Повертевшись еще немного на прохладных простынях, я, наконец, почувствовала, что засыпаю. Эх, еще несколько дней и у меня будет собственный дом. И на обстановке теперь могу не экономить. Четыреста тысяч! С ума сойти! Я почти богата. И не надо ждать депозит. Завтра же расплачусь за дом. Да, теперь могла бы подумать о хорошем жилье в Белом городе, но Вик оказался прав — я влюбилась в свой 'Домик на Скале' и не откажусь от него...

Проснулась я за пять минут до будильника и все эти пять минут нежилась и потягивалась, блаженствуя в теплой постели и не желая расставаться с такой сладкой полудрёмой. Отключив звук на визорах, отправилась умываться, любуясь новеньким браслетом. Мастерски сделанная вещица дарила приятное ощущение и некоторой тяжестью и гладкими гранями, касающимися кожи. Умеют же делать в наше время! Какой молодец Шешка — ведь, чтобы заказать браслет, ему пришлось ехать в город, а потом как-то передавать пакет на космолет. Видимо, это и был его подарок мне на день рождения, хотя до него еще больше трех недель. Ну и хорошо, что заранее. Обожаю подарки.

В приподнятом настроении я вышла на балкон и еще четверть часа любовалась на серфингистов, которые опять показывали чудеса мастерства, хотя волны не были такими высокими, как в прошлый раз.

Звонок Марата, заставил оторваться от полюболюбившегося зрелища. Админ сообщил, что они с Моретти завтракают внизу в ресторане и приглашают меня присоединиться к ним.

Оба встретили меня приветливо, вскочили, Моретти, опередив Токаева, отодвинул стул. Тренируются в галантности перед приёмом у полпреда президента? Перед каждым стоял кофе и хрустящие булочки. Я тоже отказалась от полноценного завтрака — не привыкла есть в такую рань, ограничившись по их примеру чашечкой кофе.

— О какой браслетик! — бесцеремонно схватил мою руку Серж, — дай посмотреть, а?

Марат фыркнул по своему обыкновению, а я ощутила, что краснею. Не могла же я показать оператору дарственную надпись Шешки!

— Ничего особенного, просто безделушка, — я отняла руку у Моретти, который прикрываясь интересом к браслету, вдруг нежно провел большим пальцем по внутренней стороне запястья, заставив меня вздрогнуть.

Интересное кино! Однако открытая мальчишеская улыбка итальянца совсем не соответствовала роли искусствителя. Смеется надо мной? Не он ли писал стихи, в таком случае? И как это узнать?

Ничего путного в голову не приходило.

— У нас сегодня важный день, — Марат был сама серьезность. — На приеме у полпреда будут многие интересующие нас люди.

— Вся верхушка этого богом забытого мирка, — подхватил Серж.

— Типа того, — усмехнулся Токаев, — но не стоит их недооценивать. Так вот... Приём

назначен на девять вечера, как вы знаете, легкий ужин, танцы... К сожалению, и сегодня полпред до девяти с нами встретиться не может, так что, в общем, предлагаю либо заняться следующим сюжетом по списку... Что там, Ди? Сафари? Ну вот — к примеру, этим. Либо хорошенько отдохнуть, может своими делами заняться? Что скажешь?

Я пожала плечом:

— Собственно, если так обстоят дела, я могла бы заняться обстановкой дома.

— Так ты его приобрела всё же? — Марат не выглядел ни рассерженным, ни огорченным. — Слушай, Ди, а давай вместе? Я дом еще не видел, покажешь, что и как. Может, помогу советом? Девчонкам обычно нравится мой вкус...

— Девчонкам? — улыбнулась я. Неожиданно поняла, что доброжелательное отношение админа к новому дому мне безумно приятно. Ведь каждый раз приходилось при нем избегать этой темы, а сейчас вся внутренне напряглась, сообщая свои планы. — Конечно, Марат, присоединяйся.

— Ну, тогда и я с вами! — решительно заявил Моретти, сверкнув черными глазами. — А то вдруг растеряетесь без меня...

Рысь, узнав о нашем набеге на новое жилище, предложила сначала заехать в мебельный магазин, который как раз должен открыться в восемь.

— Мне кажется, вам понравится дорогая мебель, — смущенно пояснила она, — но старик обещал дать хорошую скидку. Всю эксклюзивную мебель он делает сам — из очень ценной породы хвойных деревьев. Только на Прерии такие растут. Маленький заводик, который занимается заготовкой, работает уже много лет только на него. Конечно, на заказ придется ждать недели три, но у него как раз сейчас есть партия готовой — один из местных воротил хотел обставить свой дворец, да только отказался в последний момент — решил заказать с Земли, кажется. Там есть и другая, гораздо дешевле, и вообще много всего. Я не очень в этом разбираюсь, но, говорят, даже полпред у него заказывал.

Ребята удивленно подняли брови, Рысь не часто была такой говорливой, но я пресекла их возможные скептические замечания и насмешки, поддержав Олю.

Иван Палыч, как звали мастера, встретил нас на пороге своего магазина и, пропустив внутрь, повесил на двери табличку 'Закрывается'. Это мне понравилось, для меня еще ни разу не закрывали целый магазин.

Сначала он повел нас вниз, где в маленькой кухоньке на столе изумительной красоты стояли уже приборы и чашечки с дивным ароматом — то ли чая, то ли настоя каких-то трав. У меня даже возникло чувство, что мы попали в сказку. Вся обстановка кухоньки была стилизована под детский мультфильм, но вот какой — вспомнить не могла.

Марат кусал губы и чувствовал себя явно не в своей тарелке, а Сержио напротив, наслаждался, нахально попросив и варенья и меда, 'побольше, и можно без хлеба'. Старик ему тепло улыбнулся, достал и то, и другое, а для нас с Рысью — какие-то крохотные пирожные, от которых парни благородно отказались. Как ни странно, это чем-то напоминало ужин у Вика. Админ едва пригубил чай, и выглядел довольно мрачным. Вот уж не ожидала, надо запомнить, что его к нашему забавному архитектору лучше не приглашать, только испортит всё.

Ребята еще ходили с нами после чая по выставочному залу на самом верху, но, когда владелец попросил пройти к нему в кабинет и ответить на несколько вопросов, 'буквально на пятнадцать минут, дорогая леди', мужчины дружно заявили, что совсем забыли о каких-то своих срочных делах.

— Рысь нам просигналит, когда вы тут закончите, не правда ли, милая? — нахально приобнял девушку Сержио.

Та с усмешкой стряхнула его руку со своей талии:

— Непременно!

— Постарайтесь не очень долго, — хмуро добавил Марат.

В кабинете Ивана Палыча Бехтерева царил уют, не меньший чем в кухоньке внизу. Тоже всё под старину, как в сказке. Он включил голоэкрэн, нарушив этим современным элементом такую милую атмосферу, и я с удивлением узнала в объемной голограмме свой новый дом.

— Степан Степаныч очень любезно прислал мне это сегодня утром, — пояснил старик, очень по-доброму улыбаясь в усы и щурясь, отчего от глаз разбежались по его лицу тысячи морщинок. — Хороший выбор, госпожа Морозова, дом уникальный...

— Зовите меня Диана, — улыбнулась я.

В пятнадцать минут мы не уложились, так как вопросы у мастера всё не заканчивались, а я очень увлеклась разговором.

Когда мы вернулись в зал, Рысь мило болтала с пареньками своего возраста, которых мне тут же представили, как сыновей Бехтерева. Надо же, я бы скорее подумала, что они ему внуками приходятся.

В сопровождении этих мальчиков мы, наконец, отправились выбирать обстановку. Сначала мне показали зал мебели 'для простых людей'. Мне она понравилась, я вообще всегда любила нарочито примитивные и предельно функциональные деревянные кровати и шкафы, видела их только у Александра с Егором, да и то, лишь в их спальне, а в остальных комнатах всё — как везде, обычный полимер, легкий, прочный и превосходный во всех отношениях, но... не живой.

Но когда мы перешли в зал элитных изделий, я была просто очарована. Все эти кресла и диванчики обтянутые белой кожей, плавные линии секретеров, столиков, тумбочек. Это и была та мебель, которую готовили для кого-то. Всё в одном стиле. Но гораздо больше, чем мне могло понадобиться. Что же за дворец собирался обставлять старик?

— Я очень сомневался, что эта мебель вас устроит, — признался он, — но после разговора с вами, Диана, все сомнения отпали. Я понял, что делал ее именно для вас!

Может, он просто льстил мне, ведь о мебели мы вообще не разговаривали, но это уже не имело никакого значения. Я даже мысленно поблагодарила Бога за такое счастье. Страшно представить, что если бы мне не понравилось это чудо, своего заказа пришлось ждать еще месяц. Надо бы найти этого глупца, который отказался и поблагодарить.

В итоге я выбрала чуть больше, чем мечтала, но ни от одной тумбочки уже отказаться просто не могла. Рысь, было, хотела для своей комнаты выбрать что-нибудь из "простого", но я не позволила — зачем, если можно всё сделать таким красивым. Она легко смирилась, и выглядела довольной, хоть и пыталась это скрыть.

— Грузовому коптеру придется слетать дважды, но доставка бесплатная, — сказал мастер, забирая чек на кругленькую сумму в сорок пять тысяч рублей.

— А когда? — с грустью думала о неторопливости местной жизни. Пока дождешься!

— Думаю, часам к двум справимся, не раньше.

— Сегодня? — поразилась я.

— Совершенно верно, юная леди.

— Но как? Сейчас ведь уже половина двенадцатого!

Однако, опомнившись, я решила не акцентировать на этом внимание. Всё-таки преувеличение скоростей, тоже в обычаях таких небольших общин.

— Нам нужно пообедать, — сказала я Оле, когда, наконец, снова оказались на главной площади, — а потом ты сразу лети в дом, мало ли — вдруг мебель привезут вовремя. А я займусь постельным бельём и прочим.

— Да там же Викинг с утра, — отмахнулась Рысь, — я лучше вам помогу. А ему я даже скинула — что куда предназначено. Кстати вот! — она достала из кармана листок, исписанный мелким почерком. — Была вчера в 'Тысяче мелочей' и 'Всё для дома'. Если списки одобрите, я просто скину им прямо сейчас номер заказа.

Вот это удивила. Читать всё не стала — хватило и десяти пунктов, сразу одобрила. В конце концов, сама ведь решила не экономить.

Чтобы быстрее отпустить Рысь, сказавшую, что обедать она будет лишь вечером, так как успела позавтракать, остальные магазины мы пробежали едва ли не галопом.

Зато в ресторан Хафиза я зашла уже сильно голодная и с чувством выполненного долга. Меня встретил только Марат, сообщив, что Моретти умчался по своим операторским делам — кто-то увидел в небе редкую птицу, как я поняла. А Токаев времени не терял. Пока мы 'занимались ерундой' он тоже озаботился личным жильем и снял себе квартирку в том же доме, что и Кирсанов за очень хорошую цену.

Отобедав, мы зашли в редакцию, где Марат всю пытался очаровать Леночку, а я — поговорить с Кирсановым. Там дождались Сержа и, наконец, на служебном коптере полетели к моему новому дому.

Когда коптер удалось посадить рядом с машиной Рыси и еще место осталось, я убедилась, что посадочная площадка у меня вполне приличная.

Было всего три часа дня, до приема еще оставалась куча времени, поэтому я решила пока заняться обустройством. Да не тут-то было.

Бригада рабочих, под руководством вездесущего Вика, что-то подправляли по всему дому, вешали жалюзи и люстры, подключали новенькую аппаратуру. Еще одна бригада — в основном женщины — начищала и намывала все вокруг, высаживали на балконе и внутреннем дворике смотровой площадки цветы. Даже не помнила, когда я успела их заказать. Сыновья Бехтерева тоже были здесь, они устанавливали в комнатах уже привезенную мебель. Точнее — в готовом виде привезли только диваны, диванчики и кресла, а остальное они собирали из заготовок. Надо же. Видимо разобрали, чтобы привезти, а теперь собирают.

Показав всё Марату, я совсем пала духом — бедлам, в который превратился мой дом, совершенно не вызывал желания оставаться здесь хоть на минуту дольше, чем необходимо.

Сержио сочувственно предложил:

— Ди, оставь на сегодня это алоджо... То есть — жилище. Поехали, что ли, на ранчо. Поговорим с народом, поснимаем.

— Какое ранчо? — поразила я.

— Сафари. Забыла? Там их контора, ты же сама хотела навестить. Почему бы не сегодня?

— А, ну конечно! Марат, ты как?

Марат оторвался от вида со смотровой площадки и кивнул:

— Сафари, так сафари. Поехали на ранчо! — и добавил очень серьезно, уже залезая в коптер. — Хороший у тебя дом, Ди!

Ранчо организаторов сафари находилось в нескольких десятках километрах южнее Ново-Плесеца. Пилот доставил нас прямо на его обширный двор, припарковав машину возле такого же, разве что более потрепанного коптера, неподалеку от восточных ворот. Меня сразу поразили две вещи — огромный загон для лошадей, примыкающий прямо к обширному двору в западной части, и высота ограды — как загона, так и двора. Не только высота, но и мощь толстых труб, поставленных вертикально, соединенных между собой очень частой металлической сеткой. Даже Марат присвистнул оглядевшись:

— Нехилый заборчик!

А Моретти, конечно, сразу стал всё снимать, никак не выказав своего мнения.

Нас встречали. Админ, видимо, сообщил. Двое мужчин скакали к нам верхом, а один ехал на открытом высоком вездеходе, который Сержио обозначил, как внедорожник класса 'Люкс'. Даже не знаю, что он имел в виду.

Тот, что в машине, одетый как и остальные — в камуфляжный костюм с закатанными по локоть и открывающими волосатые предплечья рукавами — спрыгнул на землю, едва затормозив, и направился к нам широким решительным шагом. Я поежилась, может оттого, что наш шупленький пилот очень шустро нырнул в свою кабину. Нда, уверена, что Рысь бы так не испугалась этого бородатого громилу. Да она вообще не из пугливых. Нужно было лететь с ней! Обидится еще, что не взяли сюда. Тем более Ахиллес ее дядя, а тут, понятное дело, всё принадлежит ему.

Здоровяк резко остановился в двух шагах и, полностью игнорируя меня и опустившего камеру Сержио, задал вопрос Марату, который, в отличие от нас, спокойно выдержал такой наезд и даже ни на сантиметр назад не сдвинулся:

— Кто такие?

— Вас предупреждали. Мы от Гугл, авторская программа Дианы Морозовой.

— И чего надо?

Я, если честно, уже давно бы расплакалась и убежала, надо было видеть этого мужика. А Марат ничего, стоит, разве что не улыбается. И вид такой... Прямо зауважала.

— От вас лично — ничего. Нам бы управляющего. Как там его? — Токаев щелкнул пальцами, — ах, да, Глеб Макаров.

Двое конников остановились неподалеку, с интересом прислушиваясь к разговору, видимо, не собираясь вмешиваться без особых причин. У обоих поперек седел расчехленные ружья. Куда мы попали?!

— А-а, — здоровяк заметно расслабился, — вспомнил! Макар и, правда, что-то такое говорил. Но мы ждали вас только завтра.

Не потрудившись представиться, он забрался обратно во внедорожник, лихо развернулся и укатил. Оба всадника последовали его примеру.

— Ну и как вам нравится это хамство? — пробормотала я.

— Нормально, — неопределенно хмыкнул Токаев, — пойдете к дому. Найдем этого Глеба Макарова.

Я с огорчением оценила истоптанную копытами влажную почву и пожалела, что не потрудилась надеть сапоги для подобной поездки. Но ладно ботинки, ничего страшного, новые куплю, а вот шелковые черные брючки, расклешенные книзу, да блузка небесно-голубого цвета, запахивающаяся на груди и перехваченная несколько раз обвитым вокруг талии шнуром — смотрелись очень стильно, но здесь — совершенно неуместно. Ну и

плевать, выше голову, Диана Морозова! Покажем мужланам, что такое настоящая леди. А одежду жалеть не будем. Её, в отличие от репутации, и купить можно.

Но не прошла я и ста шагов — а до хозяйского дома оставалось не меньше ста метров, как замерла, невольно ухватившись за локоть Сержа, оказавшегося рядом. До меня вдруг дошло, где я могла слышать показавшуюся знакомой фамилию управляющего! Глеб Макаров! Ой, мамочки! И что мне теперь делать?

— Ди, с тобой всё в порядке? — обеспокоенно поинтересовался Моретти, и Токаев тут же развернулся.

— Всё хорошо, — широко улыбнулась я им, — споткнулась просто. Пойдемте, нечего стоять в этой грязи.

Не хватало еще, чтоб мальчишки узнали про мою первую любовь! Да и с чего я так перепугалась? Такой распространенной фамилии как Макаров — еще поискать. Больше, чем уверена, что это не он. Да и тренер мой вовсе не на Прерию, он на Эдем улетал...

А сердце всё равно билось, как у пойманного в силки зайчишки.

Стешкино любимое выражение придало немного бодрости, я погладила его подарок, и вспомнила еще одно из арсенала моего друга: 'Кто предупрежден, тот вооружен!' У меня целых сто метров, чтобы подготовиться к встрече! Ладно, семьдесят, шестьдесят пять... Прорвёмся! Я уже не та малышка, млеющая от каждого слова высокого мускулистого тренера. Я — журналистка Гугла, взрослая, состоявшаяся женщина! Только почему я ощущаю себя сейчас той малышкой? Что за наказание?!

Хорошо бы стать спокойной и уверенной в себе именно сейчас. Чтобы он увидел, что потерял, пожалел о своём поступке! Ох, я снова рассуждаю, как маленькая. Стоп. Будь, что будет. Хватит!

Так уговаривая себя, не заметила, как мы дошли до широкого крыльца большого двухэтажного дома, где на ступеньках сидел еще один вооруженный тип.

— Подождите немного, — сказал он вместо приветствия, разглядывая меня очень неприятным образом. — Управляющий занят. Как только освободится — сам выйдет к вам.

Какой гад! Водянистые серые глазки, казалось, ощупали меня с головы до ног. Как неприятно, что я позволила себе дать слабину, и не смогла встретить подобное должным образом. А это значит, ему удалось меня ранить. Уже и забыла, когда последний раз видела такой противный взгляд. Ах, да, на съёмках ночного пожара. Как же давно это было!

Марат с Сержем кивнули и повернулись к нему спинами, рассматривая двор. Наверное, не заметили его взгляда. Ну и хорошо. Последовала их примеру, чувствуя, что начинаю закипать. Да кто такой это Глеб Макаров, который заставляет нас ждать? Король местный?

Чтобы остыть, обратила внимание на загон для лошадей. Сколько же их много! Больше тридцати, если не ошибаюсь. Тоже для сафари, или разводят? Мне показалось, что они гораздо крупнее Земных, или это обман зрения? Безумно захотелось подойти ближе, рассмотреть их, может даже познакомиться с какой-нибудь кобылкой или жеребцом. Я сразу затосковала по своим любимцам, особенно по Сайгону. Как они там, без меня?

Сзади послышался звук открываемой двери, шаги, и знакомый голос произнёс:

— Господа, вы ко мне?

Мои спутники, живо обернулись, а я еще пару секунд помедлила. Именно лошадки помогли мне справиться с собой, как ни странно. Удалось изобразить спокойную, безразличную улыбку.

А он меня даже не узнал! Смотрел почтительно, в отличие от своего окружения. Дверь

распахнул, приглашая внутрь. А может, и к лучшему?

Вслед за Маратом прошла через прихожую в широкое длинное помещение с обеденным столом на всю комнату. Грубые скамьи отодвинуты к стенам. Стол чисто вымыт и, похоже, даже выскоблен, и все равно в дерево ввелись пятна за долгое время использования. Интересно, тут так много народу, что нужен такой громадный стол?

Серж шел сзади, и, когда Марат резко затормозил, не зная, куда дальше идти, наглый итальянец 'врезался' в меня, на какую-то долю секунды прижавшись всем телом и положив руки мне на бедра. Откуда не ждёшь, как говориться! Но, как всегда в его случае, я даже возмутиться не успела, настолько мимолетно было это касание. А может, показалось просто, и причина пробежавшего по телу электрического тока — в чем-то, или, точнее, ком-то другом?

Обернулась и столкнулась с невозмутимым взглядом оператора. Потом разберусь! А Глеб Макаров хмурился, видимо, напрягая короткую память. Не успел убрать с лица недоуменное выражение.

— Налево, пожалуйста, — спохватился он. — Там мой кабинет.

Мы устроились на широком кожаном диванчике напротив массивного стола хозяина. Я посередине, парни — с боков.

Едва мы начали обсуждение репортажа о сафари, как Глеб прервался вдруг на полуслове. И я точно определила момент узнавания. Потрясение на его лице было так заметно, что оба моих приятеля с удивлением взглянули на меня, ища объяснение странному взгляду управляющего.

— Диана! — бесхитростно воскликнул тот, вскакивая из-за стола. Нет чтоб промолчать!

Я тоже поднялась, заставляя и остальных встать на ноги.

— Здравствуй, Глеб. Давно не виделись.

И только сейчас поняла, что тот 'высокий мускулистый тренер' из прошлого чуть не на полголовы ниже меня, да и на вид сильно уступает по телосложению тому же Сержио, а уж тем более крепьшу Марату. Хотя лицом — красив, это надо признать. И усов нет и гладко выбрит — следит за собой?

— Я не узнал сразу, — пробормотал он, — извини! Не ожидал встретить тебя здесь... Так ты теперь журналистка?

— Да, совершенно верно! Не будем отвлекаться... У нас очень плотный график сегодня. Возможно позже...

Я помахала неопределенно рукой, копируя пренебрежительный жест матери, и опустилась на диван.

Мальчики, обменявшись понимающими улыбками — "Предатели!" — и покрасневший Глеб снова заняли свои места.

Дальше обсуждение не клеилось. Макаров то и дело терял нить разговора, а Марат словно издевался над беднягой, умеет, оказывается. Только Сержио был мил и пару раз спас положение, засыпав вопросами о том, с каких ракурсов лучше снимать, какие еще экзотические животные есть на ранчо и всякой подобной чепухой. Он обычно не спрашивал никого советов по съемкам — сам решал, как и с каких ракурсов. Ощувив, что еще пять минут и я просто не выдержу этой комедии и совершу что-то ужасное, снова поднялась.

— Боюсь, нам пора, — произнесла насколько могла твёрдо. — Значит, встречаемся завтра, Глеб? Какое время вас устроит.

— Да как вам будет удобно...

— Тогда в девять утра? Вот и прекрасно. Не провожайте, мы найдем дорогу.

Я вышла первая, ощущая затылком взгляд управляющего. Ну и пусть смотрит. Даже не заметила, как добралась до коптера.

— В гостиницу? — спросил Марат, пропуская меня в салон.

— Да, надо подготовиться к приёму.

Полет обратно проходил в молчании, я смотрела в окно и меня это нисколько не волновало. Ну почему, я чувствую себя сейчас такой маленькой и одинокой? Ведь всё хорошо прошло...

В номер негромко постучали, и я сразу отключила просмотр местных знаменитостей, чем занималась уже больше получаса. Всё еще пребывая в смятенных чувствах — шутка ли встретить первую любовь спустя несколько лет — занялась виртуальным знакомством со всей верхушкой власти на Прерии, без их согласия, разумеется. Программку скачала из местной сети, наверняка неполная, мне бы другого рода сведения, а не для первого класс начальной школы, но что есть, как говорится. Подозреваю, что программку для взрослых: 'Кто есть кто', должна в итоге составить именно я. Но это точно не сейчас, пока же запомнить всех людей, которых предстояло увидеть на приеме, никак не получалось, хоть прогоняла список уже добрую сотню раз. Лица уже примелькались, имена тоже выучила, а вот совместить одно с другим на проверочном этапе удавалось через раз.

Так что приходу админа обрадовалась, как школьница, которой позволили не делать домашнее задание в честь предстоящей семейной вечеринки. Марат выглядел впечатляюще в белой рубашке, расстегнутой на груди и распахнутом легком льняном пиджаке. Контраст с его смуглой кожей на несколько секунд заморозил, но поймав взгляд админа, ставший сразу тяжелым и пристальным, едва Токаев заметил мой интерес, небрежно сказала с извиняющей улыбкой:

— Не могла вспомнить, всё ли взяла. Привет.

— А-а. Добрый вечер. Выглядишь... — он замаялся, подбирая нужное слово, и с чуть заметной улыбкой многозначительно окинул мое серебристое платье — длиной почти до пола, но декольтированное на грани приличия, — отлично!

— Ты тоже. Пойдем?

Моретти ждал нас возле коптера — в черной рубашке и таких же брюках он тоже смотрелся очень неплохо. На платье взглянул с открытой восхищенной улыбкой, подняв вверх большой палец, демонстрируя одобрение. Приятно, конечно, но сдержанная манера Марата мне понравилась больше.

Рысь я отпустила заниматься обустройством моего дома, поэтому 'сладкое право' везти нас на прием получил всё тот же щуплый пилот, Шурик, проявивший чудеса храбрости на ранчо сафари несколько часов назад.

Серж забрался в кабину, а Марат устроился в салоне напротив меня — это уже становилось своеобразной традицией. Избегая задумчивого взгляда админа, я сразу включила в наушниках визора классическую музыку Земли двадцатого века, которая обычно помогала мне снять стресс в прошлой жизни — до Гугла. 'Полет Кондора' в сочетании с видами из окна вдохновлял на приключения, а вовсе не на светский вечер. Как же я их не люблю, эти приемы, вспомнить хоть тот, последний, из моего репортажа... Нет уж, брр, лучше не стоит. И потом, здесь-то официальный прием у полпреда Прерии, а не закрытая тусовка для избранных в Москве. Искренне надеялась, что всё пройдет не так страшно.

Наладить контакты необходимо, а может, и нарыть что-то удастся...

Невольно улыбнулась, представив себе, что скажет Марат, если я попрошу пилота увезти нас куда-нибудь далеко — за грядущими видневшимися на горизонте гор, к примеру, или над океаном покатаюсь, и отказалась от попытки даже шутить на эту тему. Админ, не смотря на внешнюю расслабленность, пребывал в непонятном напряжении, не стоило нервировать его еще больше.

Не успели мы сделать кружок над Белым городом, максимум — два, как посадку на территорию резиденции полпреда разрешили. Машина плавно опустилась на покрытую асфальтом поверхность. От края стоянки шла ковровая дорожка к самому входу в величественное здание с колоннами, украшенному по фасаду экзотическими живыми деревьями.

Сержио начал снимать еще до приземления, и теперь не отрывался от видеоискателя. Самая дешевая камера из его коллекции — была в свое время для меня запредельной мечтой. Вот, что значит работать в Гугл. Или это его личное оборудование? Спросить что ли?

Марат подал мне руку, демонстрируя безупречные манеры, и повел к дому. Под пальцами я ощущала стальные мускулы, видимо, спортом серьезно занимается. Может, попросить его научить серфингу? Или не рисковать?

Нас встречали наверху широкой лестницы супруги Дашко, чему не могла не порадоваться — всё-таки знакомые лица. Их дочка тоже присутствовала — миленько смотрелась в белом с голубыми вставками платье, уверена, что именно такая мода сейчас в Новом Париже, столице Эдема, в последнее время ставшем негласным законодателем мод, переплюнув даже старый земной Париж.

Оглядываюсь в поисках знакомых лиц, чтобы проверить насколько хорошо я подготовилась, но стоило заметить мужчину, со спины похожего на Глеба Макарова, как все пошло прахом. Он обернулся, медленно, заставив усиленно забиться сердце, и оказался совсем незнакомым. Но реакция оказалась необратимой. Рана, которая казалась затянувшейся и надежно покрытой рубцами, открылась вновь. Именно сейчас, в такой неподходящий момент! Я шла среди улыбающихся людей, здоровалась, отвечала на приветствия, даже улыбалась... А хотелось кричать, топтать ногами, рыдать навзрыд... Мне казалось, что я одна, что вокруг пустыня, что никто меня не видит и не понимает, что даже соверши я сейчас что-то страшное, и тогда эти люди останутся равнодушными. Мне не место среди них, не место! И какая я журналистка? Что я такого совершила, чтобы занять это, совсем не свое место? Что я вообще могу, когда, стоило увидеть свою первую любовь, и сразу превратилась в то, чем и являлась — наивную девчонку, так же мало знающую о жизни, как в те свои пятнадцать лет, когда стояла перед взрослым другом и признавалась в своей всепоглощающей, единственной, настоящей любви.

Приступ жалости к себе длился и длился, когда боль в запястье заставила вынырнуть на поверхность. В уши ворвался шум, в глаза — яркие краски вечера, сияющего тысячами огней, улыбающихся или надменных лиц, дорогих нарядов.

И громкий шепот Марата прямо возле уха:

— Что происходит, черт возьми?! Очнись, Ди! Ты только что проигнорировала полпреда, а он, между прочим, сделал тебе комплимент.

— Да? Где он? — боюсь, в голосе моем не было и сотой доли того энтузиазма, которого ждал от меня Марат, когда я оглядывалась в поисках главного лица этой планеты.

— Ушел. Отвлекли. А может твое холодное 'Впечатлена!' его отпугнуло. Нашла с кем из

себя строить недотрогу.

Он явно злился, но последние слова и меня заставили вспыхнуть:

— Что ты сказал? Недотрогу?

Марат даже на шаг отступил, взглянув в мое лицо:

— Ди, мы работать должны... — пробормотал он, — извини, но ты же Спецкор!

Программа...

— Господин Токаев, — я улыбнулась так не вовремя взявшемуся откуда-то Михаилу Ступину, секретарю полпреда, насколько запомнила, приближавшемуся к нам за спиной админа, — познакомьте нас, будьте добры.

Марат оглянулся и, включив все свое обаяние, представил мне секретаря.

— Могу я украсть у вас на минутку прекрасную спутницу? — нахально произнес тот, после обмена приветствиями. — Буквально на пять минут.

— Конечно, — сквозь зубы произнес Токаев и взглянул на меня мрачноватым взглядом, — буду ждать тебя у того бара, Диана, хорошо?

Я кивнула и последовала за секретарем. Тот ловко огибал гостей, придерживая меня за локоть, наверное, чтоб не сбежала. Меня не слишком интересовало, что ему от меня надо. Видимо, состояние боли и одиночества, не до конца покинули душу. Или журналистка из меня и правда, никакая? Где любопытство, где попытки нажать себе неприятностей в поисках 'горячих' фактов? Где интуиция, в конце концов?

Помогло? Или то, что Ступин внезапно свернул в боковой проход, ведя меня по длинному, освещенному слабыми лампочками коридору, заставило прийти в себя и почувствовать особое ощущение чего-то интересного? Инстинкт охотницы? А может, жертвы?

Ладно, чего гадать, будем действовать по обстоятельствам.

— Прошу, — открыв одну из многочисленных комнат, он пропустил меня вперед, а сам остался снаружи и плотно прикрыл за собой дверь.

О-па! Что бы это значило? Мне начинать бояться или подождать?

Полутьма, царившая в помещении, не сразу позволила разглядеть обстановку, довольно скромную, надо сказать. Диван, стол и пара стульев перед ним. Чей-то кабинет?

Боковая дверь распахнулась, и в комнату стремительным шагом вошел блистательный полпред собственной персоной. Уж его-то лицо я изучила хорошо еще на Земле. Скользкий тип, много слухов ходило в свое время среди девчонок нашего колледжа, когда этот потасканный красавец только-только стал министром Труда и Соцразвития. И сколько же догадок мы тогда строили, когда внезапно его отправили на Прерию полномочным представителем президента. Тогда мы много спорили, понижение это или повышение. И пришли к выводу, что с одной стороны — это скорее просто смена профиля, а в итоге шанс на повышение, а с другой стороны — очень мизерный шанс. Тогда мы не без оснований считали Прерию планетой даже не второго уровня. Да и третьего — с натяжкой. Это сейчас каким-то странным образом, она начала претендовать на первый, став одним махом на ступеньку выше. Непостижимый факт. А не его ли мне предстоит прояснить?

Что привлекло властей к этой молодой планете? Отчего ее рейтинг возрос до немислимых высот, грозя затмить даже Эдем?

— И снова здравствуйте, — голос полпреда оказался очень красивым, этакий хрипловатый баритон. — Простите мне мою вольность, госпожа Морозова, — продолжал он, приблизившись ко мне на недопустимо короткое расстояние. А ведь и правда, красив и

ухожен, вблизи это заметно еще лучше.

— Ну что вы, Андрей Васильевич, — я сделала маленький шаг назад, чтобы обрести пошатнувшуюся уверенность в себе и улыбнулась как можно искренней. — Позвольте узнать, чем обязана такому интересу? Ведь вчера вы вовсе не горели желанием дать нам интервью.

Несмотря на седину, пробивающуюся на висках, полпред выглядел молодо, а уж то, что он красавец мужчина я и до этого знала. Одни глаза — ироничные, с огоньком, чего стоят!

— Вчера я не знал, чья вы дочь, — усмехнулся он, как бы признаваясь в своей циничности.

— А теперь, когда узнали, это многое изменило? — подхватила я.

— Не будьте такой колючей, Диана Морозова. Признаюсь вам по секрету, когда-то я был безумно влюблен в вашу мать.

Ему сорок четыре — прикинула я мысленно, а матери сорок. Похоже на правду. Но какое мне до этого дело? В нее и сейчас влюбляются толпами, но я давно уже воспринимала это, как данность. Она до сих пор считается одной из первых красавиц Земли, несмотря на возраст и жесткую конкуренцию.

— Надо же!

— Но увидев вас сегодня, я сразу потерял голову, — горячо произнес полпред и взгляд его тут же стал каким-то масляным и неприятным, — вы украли мой покой, заставили почувствовать себя молодым...

Я даже не поняла, как руки этого ловеласа оказались за моей спиной, а губы на моей шее. Что еще он там говорил, и как позволил себе распустить руки, не поняла толком, все силы и душевные, и физические ушли на попытки вырваться. Вот скотина! И сильный, гад!

Подонки полпред выглядел смущенным и огорченным, отпустив меня также внезапно и даже отступив на пару шагов:

— Глупышка, — он даже не запыхался, — в наш век, когда жизнь несется стремительным потоком, надо ловить удачу за хвост, не упускать ни единого шанса, — он резко оборвал нотацию и произнес, очень серьезно и порывисто. — Простите мне эту вольность, Диана, я потерял голову, как мальчишка. Поверьте, со мной уже сто лет такого не было!

— Я... — дыхания не хватило, а от воспоминания о его настойчивых руках, шарящих по телу, просто передернуло, — я могу идти?

Он горько усмехнулся. Какое искреннее сожаление! Сволочь!

— Идите и развлекайтесь, дорогая Диана, — мягкость голоса и грустные глаза бесили, но я постаралась взять себя в руки. — Надеюсь, мне удастся загладить свою вину.

Почувствовав, что дыхание, наконец, удалось восстановить, а ярость слегка утихла, я кивнула:

— Я тоже на это надеюсь, Андрей Васильевич!

Он распахнул дверь.

— Зовите меня Андрей, право, Диана, я не такой уж старик. И позвольте проводить вас!

— Позвольте мне уйти самой, — не согласилась я. И спохватилась. — И как насчет интервью?

— Когда вам будет угодно. Еще раз простите.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я вышла в знакомый уже коридор и подождала, когда он закроет дверь и оставит меня

одну. Понял, видимо, на красивом лице мелькнула досада и что-то еще, но разбираться не стала.

Медленно пошла к залу, удивляясь, что, в общем-то, легко отделалась.

Как сказал Марат? Нашла с кем строить из себя недотрогу? Господи, наверное, по мнению админа, я должна бы сейчас кувыркаться с полпредом на том диванчике. Дрянная из меня журналистка, что и говорить!

Не успела это подумать, как услышала за приоткрытой дверью справа какой-то сдавленный возглас.

Замерла, соображая, что же делать, посмотреть, что там происходит, или поскорее пройти мимо?

Любопытство пересилило, просто нутром чувствовала, что сейчас я могла бы узнать что-то интересное. Попыталась тихонько открыть соседнюю, очень близко расположенную дверь, та легко поддалась, и я скользнула в какую-то темную совершенно пустую в данный момент кладовку.

Прижавшись ухом к стене, разобрала голоса двух мужчин. Даже тон, говорил о том, что я не ошиблась и обсуждают они что-то важное и секретное. Во всяком случае, хотелось в это верить. Как же слова-то разобрать? Ах да. Функция прослушки в визорах! Удалось их пронести в сумочке, куда спрятала, заметив, что все идут на прием без них. Достав, активировала, усилила функцию микрофона до максимума. Но голосов не было. Вообще. Полная тишина.

Внезапно дверь в кладовку распахнулась, и я увидела двоих мужчин, совершенно незнакомых.

— И давно вы здесь? — произнес старший, таким голосом, что мне захотелось съежиться и раствориться в воздухе, хоть и смотрел он на меня снизу вверх.

— Зашла проверить почту, — соврала первое, что пришло в голову. — Я знаю, что на приеме визоры нельзя надевать, но мне должно прийти важное сообщение...

— Ты ей веришь? — спросил невысокий этот субъект второго человека, молодого и красивого, но с таким же холодным взглядом.

— Боюсь, что нет, — лаконично ответил молодой.

— Назовитесь, — совсем ледяным тоном произнес старший, делая шаг в кладовку.

— Диана Морозова, журналистка, — уверенно ответила я, хотя внутри все похолодело.

— Что тут происходит? — раздался снаружи голос админа. — Ди, Витто Сальери, земляк Моретти, как раз согласился дать интервью, а ты где-то бродишь...

Он отодвинул в сторону молодого парня и ввалился в кладовку, в которой сразу стало тесно. Какой-то предмет обихода, напоминающий швабру из далекого прошлого Земли, упал со стены, стукнув деревянной рукоятью старшего незнакомца по макушке. Внизу что-то загремело, возможно, ведро, раз швабра присутствует, я уж не стала присматриваться.

— Вы кто? — уставился Токаев на моего мучителя. От Марата исходил слабый аромат алкоголя и почти ощутимая агрессия.

В кои-то веки я готова была расцеловать своего хмурого админа.

— Здесь запрещено надевать визоры, приказ полпреда, а ваша спутница... — быстро и почтительно заговорил мужчина.

— Ди, в самом деле, — недовольно глянул на меня Марат, — что за прихоть такая? Спрячь свои визоры, будь так добра! — И снова обратился к незнакомцу. — У вас всё?

— Да, благодарю вас, — тот шустро двинулся к выходу, больше не взглянув на меня ни

разу. Это дало мне возможность наклониться и поднять с полу упавшие визоры. Хорошо, не раздавили!

— Повернись-ка, — вдруг попросил он, когда я выпрямилась.

Я развернулась и вздрогнула, ощутив прикосновение его пальцев. Да что ж такое?!

— Что за хрень, — сквозь зубы ругнулся он, вернув мне душевное спокойствие, — как это застегивается?

Я не успела ответить, сам справился, а после этого повернул к себе лицом и подозрительно спросил:

— Ди, ты где была? И... чем занималась в самом-то деле?

— Марат, спасибо тебе большое! — я просительно заглянула в его черные глаза, надеясь, что поймет. — Давай потом...

Пристально глядя мне в глаза, он кивнул:

— Хорошо, — и оглянувшись по сторонам, проворчал. — Нашла, куда забраться, не повернуться!

— Ну почему же? — улыбнулась я. — Вот! Заодно скажи, ты уверен, что теперь с платьем всё в порядке?

Я медленно покрутилась перед ним, чтобы смог всю разглядеть, надеясь, что это его немного развлечет. И вопросы на время исчезнут.

Так и случилось.

— Все нормально, — он захлопнул рот и резко повернулся к выходу. Спросил, не оборачиваясь, — ты идешь?

— За тобой хоть на край света, — пробормотала я, и добавила громче. — Идём, идём! Пока у меня не началась клаустрофобия.

Парочка заговорщиков, как я успела их окрестить, куда-то исчезли, оно и понятно. Попрощались же. Интересно, о чем они говорили?

Из бокового коридора вынырнул Сержио и радостно заулыбался:

— Ребята, вы куда пропали? Я вас везде ищу. Глупые правила с этими визорами!

— И не говори, — поддержала его я. — А что такое, что случилось?

— Да я тут с парнем одним разговорился, он обещал похлопотать насчет интервью с полпредом.

Марат тут же оцетинился:

— Разве это твоя забота, Моретти?

Итальянец в ответ нахально усмехнулся, наверняка желая сказать какую-нибудь сомнительную шутку. А ведь админ может ответить очень агрессивно, странный он сегодня — и ведь вроде не пил.

— С интервью всё в порядке, — быстро произнесла я. — Полпред лично обещал мне интервью в любое удобное время.

— Лично? — почти хором переспросили парни и уставились оба на меня, словно увидели впервые.

— Да! — я раздвинула их и пошла вперед. Бог знает, о чем они там подумали. Наверняка какую-нибудь гадость. Ну и пусть!

Вечер шел своим чередом, удалось взять короткие интервью у пяти более-менее известных лиц планеты, посплетничать с их женами, испробовать чудные деликатесы местной кухни, и даже взять себя в руки и вежливо поговорить с полпредом, подошедшим попрощаться.

Представив ему Марата и Сержа, я удивилась, насколько сердечным он может выглядеть. Рукопожатия смотрелись очень мило. Его взгляд и улыбка изменились, когда он целовал мою руку, выражая надежду на скорую встречу. И парни наверняка это заметили. Ну и пусть, главное — что вечер закончился, и мы, наконец, летим домой.

Только в салоне коптера я смогла немного расслабиться, незаметно вытирая руку, обслонявленную полпредом. Марат сидел, прикрыв глаза, видно, тоже устал. И я порадовалась, что не мучает меня опять всякими вопросами неуместными. Пусть уж лучше молчит.

Сержио, когда я спустилась по трапу на освещенную площадку для коптеров возле отеля, обеспокоенно спросил:

— Ди, ты сказала, что завтра на ранчо будем к девяти. Не слишком рано? Уже почти три ночи.

— Пожалуй, — уверенности, что решение правильное не было, — Марат, позвони ему утром, скажи, что будем к двенадцати.

— Слушаюсь, мой командир, — буркнул Админ.

Причина его плохого настроения выяснилась возле двери в мой номер.

Неожиданно развернув меня к себе, он резко спросил:

— Ты соображаешь, что делаешь?

— О чем ты? — искренне удивилась я.

— Не притворяйся дурочкой, Ди! Твоя связь с полпредом это очень плохая идея! Он быстро остынет, а отношение к бывшим у него специфическое, это осложнит наше положение!

Возмущение поднялось во мне горячей волной:

— Не ты ли советовал не быть с ним недотрогой?!

— Боже! — он отступил на шаг. — И что, ты переспала с ним?

— Нет, ничего не было, — вздохнула я, разом теряя свой запал. Потрясение на его лице слишком расстроило, чтобы и дальше сердиться. — Извини, Марат, я очень устала.

Теперь он был полон раскаяния:

— Прости!

Он вдруг приблизился, и я уловила запах алкоголя.

— Ди я...

Ох, похоже, он собрался меня поцеловать! И что с этим делать?

Положение спас появившийся в конце коридора Моретти. Токаев резко отстранился, пробормотал что-то вроде 'Спокойной ночи!' и, не оглядываясь, ушел в другом направлении.

— На пару слов, Ди, — Сержио зашел за мной в номер, не спрашивая разрешения.

Закрыв за собой дверь, он произнёс слегка заплетающимся языком:

— Я это, тут подумал...

— Ты пьян? — поражено спросила я.

— О, совсем немного, — хмыкнул итальянец. — Так вот, не трогай Марата. Оставь его в покое. Если ты затеешь с ним интрижку, то всё испортишь, понимаешь? Нам только не хватало ревности и прочего.

— С ума сошел? — разозлилась я.

— Вполне в здравом уме, — он качнулся ко мне и с усмешкой добавил. — Если уж тебе так нужно заняться сексом, я ж понимаю, для здоровья и так далее, можешь располагать

мною, я не против.

— Что-что? — мне казалось я сама схожу с ума.

— Ну как бы, можем прямо сейчас, — мгновение и Моретти оказался стоящим вплотную ко мне. Без предупреждения, или какого-то намека на это, он обхватил меня рукой за шею, а другую нагло пристроил чуть ниже талии, прижавшись к моим губам в самом, что ни на есть, откровенном поцелуе.

От пощечины он увернулся, когда мне удалось-таки вырваться и, подмигнув, просто покинул номер, осторожно прикрыв за собой дверь.

И опять я не знала, смеяться мне или плакать. Что за день такой, почему все словно с цепи сорвались?!

Мужики! Негодяи они все, только одно нужно!

Моретти у меня еще получит! Пьяный дурак.

Вся в растрепанных чувствах я пошла в душ и долго стояла под горячими струями, смывающими непрошенные слезы. Только забравшись с головой под одеяло, я ощутила, что начинаю успокаиваться, потянувшись к сумочке, брошенной у кровати, и достала визоры. Какая глупость, отключать их! Будильник поставила на десять — надо выспаться. И тут заметила новое сообщение от 'скрытого' абонента. Сердце радостно дернулось — вот чего мне сегодня не хватает, романтического стихотворения от неизвестного поклонника! А я и забыла о нем за всеми передрыгами дня. Прочла:

'Эскадрон идет, пыля,
в белой пене трензеля.
Собираются девчата,
расступаются поля.

Головные, не ленись,
ну-ка повод, ну-ка рысь!
Разберемся на привале,
с чьими — чьи глаза сошлись.

Черноглазая строга,
смотрит, словно на врага,
целый день с ней тары-бары,
чтобы вечером в стога.

С кареглазою, небось,
все пошло бы вкривь и вкось,
целовались бы всё время,
спали много бы, но врозь.

Синеглазая вполне
подошла бы нравом мне,
отношенья прояснили б
за часок наедине.

Так что, головные, не ленись,
ну-ка повод, ну-ка рысь!
Разберемся на привале,
с чьими — чьи глаза сошлись...'

Несколько секунд я смотрела на строчки песенки в полном отупении. А я-то размечталась. Все они одинаковые! Нет, слез больше не было, но разозлилась я не на шутку. Отвечу, сам напросился!

'Знаешь что, дорогой друг? Мне плевать, что ты там себе возомнил. Но у тебя правильные стихи, четко отражают суть! Вот и ищи себе этих черноглазых, кареглазых и синеглазых, и выбирай, сколько влезет! А обо мне забудь! Мне даром не надо больше твоих стихов, так что засунь их себе — сам знаешь куда. И отстань, без тебя тошно!'

Отправила и как-то легче стало. Понимала, что это грубо и не стоило так делать, но раскаяния не чувствовала. Да пропади он пропадом, этот неизвестный. Мне реальных проблем с мужиками хватает. 'Да и не только с ними',- вспомнила, уже засыпая, свой злосчастный репортаж для Гугла. Как давно это было!

Утром я почувствовала себя гораздо лучше, хотя, казалось бы, не с чего. И спала-то всего четыре часа, но валяться в постели дольше не захотела. Позвонила Рыси — узнать, как продвигаются дела с домом и услышала, что ура-ура — он готов к приему хозяйки. Нет — не прямо сейчас, часам к шести вечера можно переезжать, последние штрихи доделать нужно. И да, не могла бы я скинуть сорок тысяч на покупку катера, который нашел для меня Вик? Научиться — не проблема, конечно, сама буду управлять.

Полная радостных предчувствий, я пошла в душ в прекрасном настроении. Ехать на ранчо не хотелось категорически, но работа есть работа. И еще одна идея пришла в голову, когда, кутаясь в теплый халат, по привычке смотрела на океанские волны, накатывающие на белый песок пляжа.

Снова позвонила Оле, та задумалась и через несколько секунд объявила, что сама за мной приедет, так как в доме уже и без нее справятся. Кто там справляется — уточнять не стала, если кому и доверять в этом новом мире, то почему не Рыси и Вику.

И вот я в кабине синенького коптера.

— Сразу к портному или покатай вас? — хитро улыбнулась девчонка.

— Оль, давай на 'ты' уже. И — да, почему бы не покататься?

И вот мы в воздухе, и я забыла обо всем на свете. Эх, какие виражи закладывала Рысь над океаном, а потом полет над хребтом, где внизу виднелся мой дом, над какими-то полями, потом снова горы. Скорость пьянила, кажется, я смеялась, а Рысь выглядела довольной, как кошка, объевшаяся сметаной. Жаль, всё когда-то кончается, и скоро мы приземлялись в Сити.

Магазинчик Палыча, как запросто называла этого бородатого мужика Оля, находился в полуподвальном помещении. Спустившись на несколько ступенек, мы оказались перед решеткой, за которой виднелся стол и спящий на нем юнец.

— О-о, Рысь, быстро ты, — пробормотал он, усиленно протирая глаза кулаками.

Нажав кнопку, отпер перед нами решетку и снова закрыл, не успели мы войти.

— Ох, — только и сказал мальчишка, посмотрев на меня. Хотя сегодня я оделась более чем скромно, внимание паренька было приятно.

— Это Диана, — затараторила Рысь, — нам надо ее одеть так, чтоб все попадали. Где Палыч, он сказал, что будет нас ждать. Где Оксана? Пришла уже? Гришка, ну давай, проснись, у нас всего два часа, максимум три.

Гришка проснулся, точнее — оторвал от меня замороженный взгляд и бросился в правую дверь:

— Я сейчас, — крикнул он.

— Ну, подождем немножко, — удовлетворенно сказала Рысь, не понятно на чем основываясь.

Из каморки со столом перед входной решеткой вели еще две двери. Оля пояснила, что за одной — оружие и 'всякие придамбасы', а за другой — как раз одежда и тоже 'всякие примочки'. И что открываются они обычно в девять, а сейчас только восемь, вот и надо подождать, хотя она всех предупредила.

Из правой двери, ведущей, как гласила табличка, в служебное помещение, высунулась

голова Гришки, и парень сообщил, что можно зайти.

Бородач Палыч пугал своим видом и габаритами, странно было видеть его вторую половинку, высокую, худенькую и гибкую Оксану.

— Хм, новая подружка? — осведомился Палыч у Рыси, и получив положительный ответ, закивал. — Ну что ж, за дело тогда. Ксюх, ты уж постарайся, придай этой малышке нормальный вид, окей?

Оксана окинула меня критическим взглядом, бесцеремонно покрутила перед собой, постояла, склонив голову набок, и решительно заявила:

— Сделаем, Палыч, не бойсь. Девчонки, за мной, мальчишки, не подглядывать!

Следующие два часа Оксана при помощи Рыси мучила меня, как хотела, зато ровно в десять мы вышли в залитый солнцем город, вполне довольные авантюрой, с большим и увесистым мешком, который Ольга нести мне не позволила.

Прибыв в гостиницу, она предложила попробовать мне одеться самой, "а она потом оценит". Не всегда же, мол, сможет оказаться рядом.

Я разложила обновки на кровати, хотя по виду и не скажешь, что это новье, скорее секунд-хенд, и принялась одеваться, как учила Оксана.

Вернулась Рысь и, придирчиво обойдя кругом, широко улыбнулась и подняла вверх большой палец!

— Получилось! — вынесла она вердикт. — Знаешь, Ди, камуфляж далеко не всегда смотрится так хорошо на девчонках. А ты еще и высокая. Но, правда, здорово! Еще бы манеры...

И полчаса она учила меня, как двигаться во всем этом. Как ни странно, высокие ботинки на шнуровке с толстой подошвой, оказались достаточно удобными, в них, да во всем остальном милитаризованном одеянии, невольно чувствуешь себя другим человеком. Грубее, свободнее... как-то так.

— А знаешь, — сказала, наконец, Рысь, без сил повалившись на мою кровать, — не нужно тебя учить, пусть ты не такая как все, но ведь это круто. А куда ты в таком виде?

— Так на ранчо едем.

— Сафари? — встрепелась девчонка. — Кто везет? Стоп, стоп, можно я повезу. Сейчас отзвонюсь Вику... Пожа-алуиста!

— Конечно, — засмеялась я, — я буду только рада. Вот скажи, там лошади — это ваши, на них кататься можно?

— Наши..., - глаза Рыси сверкали, — о, а хочешь прикол? Об этом почти никто не знает. Только если ты кататься умеешь. Верхом, в смысле.

— Умею вроде.

— Вроде — мало. Надо хорошо уметь.

— Ладно, хорошо умею, с детства почти.

— Отлично! Есть там один жеребец, Команчи, зверюга просто. Подлая и опасная тварь. Даже самые крутые мужики его боятся, лишний раз не подойдут. И правильно делают! Но есть в нем одна особенность, ничем не объяснимая. Этот казанова обожает девушек, особенно блондинок, как ни странно. Шучу, всех девчонок любит, шелковый становится. Я это обнаружила случайно. Со злости на нем покататься решила. Ночью было дело, никто не видел. Сначала думала, это я такая исключительная, а потом на Оксане проверила и еще на одной девчонке, и еще. Они-то не проболтаются. Вот, берегла это открытие к какому-нибудь случаю.

— Так он Команчи или Казанова? — загорелась я предвкушением веселенькой проделки.

— Команчи, не перепутай. А то Казанова там тоже есть, так он не посмотрит девушка ты, или медведь. Совсем дикий, не объезженный еще. И до дам шибко охоч, до своих кобылок, в смысле, вот и прозвали.

Стук в дверь прервал наш занимательный разговор.

— Ди, ты там проснулась? — послышался бесцеремонный голос Моретти, — Мы тебя в баре подождем, хорошо?

— И тебе доброе утро, — ответила я, подходя к двери, — скоро буду.

— Ага! — послышался удаляющийся топот.

Грубиян. И где 'прости, пожалуйста' за вчерашнее?

— Можем идти, — сообщила Рысь, — Вику я сообщила, всё сам закончит, так что вечером переезжаем! Ты всегда такая сдержанная?

— Э-э?

— Ну, я бы сейчас вопила и прыгала, а ты только улыбаешься глазами.

— Глазами? Ох, Оль, скажешь тоже, пойдем уже!

Парни сидели за столиком, развалившись на своих креслах. Марат страдал от похмелья, судя по бледности и красноватому напитку в стакане — как там этот сок называется? Неважно.

Серж выглядел бодрым и здоровым. Самое смешное, что они оба были в камуфляжных штанах и грубых ботинках, Марат в зеленой футболке, Серж, как всегда — в черной. Так что идея их удивить оказалась неудачной.

— Рысь, а где... — Серж запнулся, уставившись на меня, и вдруг захохотал. Весело так, запорокинув голову. Марат не смеялся, но усмешка была очень нахальная.

Я пожалала плечом, устроилась на свободном месте и заказала поспешно подбежавшему официанту стакан сока. Рысь незаметно мне подмигнула, и повторила мой заказ.

— Ну и чего смешного? — спросила я у Сержа, который, наконец, успокоился более-менее.

— Да ничего. Просто не ожидал, что и ты тоже... Красотка! Тебе идет!

— Прикольно смотришься, Ди. Мне нравится! — поддержал его Марат. — Смотреть на тебя — одно удовольствие! Так бы и съел!

— Какие вы всё-таки! Хватит зубоскалить, пора ехать на ранчо.

Честно говоря, ожидала от них хоть каких-то извинений за вчерашний день, но даже тени раскаяния не заметила. Вели себя как обычно, негодяи. Ну ладно, пускай, так, наверное, и лучше.

Узнав, что на этот раз нас везет Рысь, Серж просиял, а Марат поморщился. Ничего не меняется!

А у коптера нас ждали Леночка и Егор, хоть и не в камуфляже, но вполне по-походному одетые.

— Понимаешь, Диана, — сразу объяснила Леночка, твоя передача еще не скоро, а нам дядя Леша велел тебя для завтрашней местной программы поснимать, интервью там и всё такое. Ты не против?

Вот не ожидала. Мой вид, как ни странно, явно разочаровал ее, что вызвало очередной смешок Сержа:

— Лен, не огорчайся, у меня куча материала, где она в своих крутых тряпках,

поделюсь, — сказал он, забираясь в кабину.

— Не против, — запоздало ответила я. — Вы с нами? Мы на ранчо.

Леночка просияла от слов Моретти, а Егор подтвердил, что да, с нами.

Так что в салон коптера нас забралось четверо. Я даже порадовалась, все-таки в такой компании мне будет легче общаться с бывшим тренером Глебом. Во всяком случае, я на это надеялась.

— Пристегните ремни, — раздался голос Рыси, — полетим с ветерком.

— Эй, только без всяких там шгучек, — отозвался админ.

— Ага, — совсем непочтительно хмыкнула Оля, поднимая машину в воздух.

Уж не знаю, в прошлый раз готовились к чему-то интересному, а вышло, прямо скажем, не очень. В этот раз — напротив, все поводы были к плохому настроению, и прочим переживаниям, а выгружались из коптера мы веселой гурьбой, так что я даже забыла, отчего надо грустить. Что уж нас так развеселило? То ли 'качели', как назвал это Серж, когда мы — то взмывали вверх, то падали вниз, отчего внутри всё переворачивалось и наполнялось непонятным счастьем. То ли крутой вираж, заложенный Рысью прямо над перевалом, даже я не удержалась от восторженного крика. Разве что Марат побледнел, а потом ругался очень нехорошими словами, но как-то совсем беззлобно. Однако надрать Рыси задницу обещал на полном серьезе, на что дерзкая девчонка ответила, что 'уже предвкушает', вызвав общий смех и задумчивый, откровенно интимный взгляд админа — меня даже пробрало, хоть предназначался он моему пилоту. Оля взгляд его игнорировать не стала, подмигнула заговорщически, но тут же рассмеялась так весело, словно ребенок малый. Надо было видеть кислую мину Токаева. А что он хотел?! Ей же всего... А сколько? Не помню точно, но всяко, не больше шестнадцати. Ребенок и есть.

— Нас кто-нибудь собирается встречать? — весело крикнул Марат в очень залихватской манере, нарушая окружающую тишину и перекрывая наш гомон.

— Эй, не пугай так народ, — очень деловая и довольная собой Рысь ловко увернулась от подзатыльника админа, а вот Сержу удалось шлепнуть ее по заднице.

— Давай, не дразни взрослых дяденек, а позови кого-нибудь, раз всё тут знаешь, — напутствовал её Моретти.

— Да зачем, пойдемте в главный офис, дорогу-то знаем, — я решительно направилась к дому, остальные сразу потянулись за мной.

— И то правда, — одобрительно пробормотал Марат.

Леночка о чем-то совещалась с Егором, съемочное оборудование которого выглядело гораздо скромнее, чем у Моретти. Видимо, решали, когда будут брать у меня интервью. Невольно старалась идти уверенней под прицелом аж двух операторов. Даже новая встреча с Глебом не так напрягала.

А он уже торопливо спускался со ступенек. Как же он хорош собой! Сердце на мгновение сделало скачок, отозвавшись где-то глубоко внутри сладкой болью. Но это быстро прошло. Не было той тоски, той отчаянной надежды, как пять лет назад. Может потому, что теперь меня окружали мужчины, как минимум не хуже его, как по моральным и душевным качествам, так и по внешности.

— Приветствую вас, господа! Диана...

— Здравствуйте, Глеб, — вежливо прервала я его явно заранее заготовленную речь, и представила Лену с Егором, — с Олей, надо полагать, ты знаком?

Он глянул на Рысь и кивнул:

— Привет, Оля! — и сразу снова повернулся ко мне. — Я бы хотел поговорить с тобой... с вами, Диана. Не прямо сейчас. Может, после сафари?

Ой-ой! Сразу поняла, что я лично — не хочу. Но не говорить же об этом.

— А что, мы едем на сафари? — уцепилась я за его фразу, показывая искреннее удивление.

— Ну как договаривались, — Глеб растерянно взглянул на Марата, — по малому маршруту. К вечеру вернемся. Жаль, что не смогли с утра, но так тоже вполне успеваем. Всё уже готово.

Админ панибратски обнял меня за талию и очень нежно улыбнулся:

— Тебе понравится, дорогая! Я просто не стал заранее тебя пугать.

— Да я не боюсь, просто не ожидала, — пришлось убрать его руку с талии, а то Глеб итак смотрел на Марата, словно он ему активно не нравится. И это чувство, похоже, было взаимным.

Ох уж это мне мужское соперничество! И ведь даже не во мне дело, вот что обидно. Во всяком случае, очень надеялась, что не во мне.

— Оружие вы, конечно, не прихватили? — гораздо прохладней спросил Марата управляющий с едва заметной ноткой превосходства.

— Ну почему же, — ухмыльнулся тот, — захватили. Кто же по Прерии без оружия гуляет?

Начинается! Смотреть на это безобразие сил не было.

— Мне бы надо в дом зайти на пару минут, — потупившись, сообщила я Глебу, — не проводите?

И когда он радостно дернулся, чтобы ответить что-нибудь утвердительное, я поспешно добавила:

— Ой, Рысь же всё здесь знает, она меня и проводит, не беспокойтесь.

— Давай только недолго, Ди, — проворчал Марат и повернулся к Моретти, снимающему то ли нас, то ли далекие виды горных вершин за нашими спинами, — Серж, сходим за ружьями? Они ведь в коптере?

— Ага, там же, где бросили, — хмыкнула Оля. Забежав за мою спину, она показала админу язык. — Пошли, Диан, покажу, где тут душ и всякое такое.

— Доиграешься, малявка, — крикнул нам вслед Марат.

На этот раз в доме Рысь сразу повела меня направо, в маленькую кухню. За столом сидела очень красивая девушка. Она испуганно подняла на нас большие глаза и сразу с облегчением улыбнулась моей спутнице:

— Надюшка! — удивленно воскликнула Оля, — какими судьбами?

— Да вот, начальник в город отпустил, а коптер не выпускают — техобслуживание, хорошо, если совсем не спишут, вот и зависли неизвестно насколько. А ты как, Оль?

Меня поразила ее голос, такой удивительный, никогда подобного не слышала.

— Ой, — спохватилась Рысь, — это Диана, журналист — только с Земли. Это Надюшка из команды геологов, там у Глеба брат...

Вспомнился молоденький мальчик, Истоков, кажется, который тоже в геологоразведку собирался или что-то в этом роде. Спросила о нем Надежду, и та подтвердила, что должны были два мальчика к ним приехать, но по дороге попали в непогоду.

— Туманы на перевале, — серьезно пояснила она, — порой садятся такие плотные, что

на расстоянии вытянутой руки ничего не видно — словно в молоко угодил. А погода меняется — и глазом не успеваешь моргнуть, как тут же дождь, или град, или вообще снег, хотя до этого светило солнце. Но это уже ближе к осени. Мы-то летели нормально — чистое небо...

Рассказывать она умела и делала это с удовольствием, а уж голос, немножко грубее 'р' и какая-то особенная мелодичность очаровывали. Хотелось слушать и слушать. Решила позже еще порасспросить новую знакомую про геологов — такие девушки там работают увлеченные, и мальчики — Леонид Истоков, к примеру, чья судьба заинтересовала меня еще в космопорту. Было в нем что-то такое...

Попросив подождать, пошла искать санузел. Нашла быстро и оценила местные удобства положительно — хуже, чем надеялась, но лучше, чем опасалась. Тесновато, но и горячая вода есть, и холодная, да и вообще — чистенько так, женская рука ощущается. Хотя — кто ж его знает, может мужики здесь такие чистоплотные? Во всяком случае, кроме Надежды, я пока женщин на ранчо не видела.

Выйдя из крохотного помещения, перепутала направление и пошла в другую сторону коридора. Дом-то большой, коридоры узкие, лестница есть наверх... Точно не сюда. Завернув за очередной поворот, увидела у окна, забранного решеткой, парня, сидящего на стуле с автоматом поперек колен.

Видимо он ожидал кого-то другого, потому что в глазах отразилось безмерное удивление. Но замешкался этот тип лишь на пару мгновений. Вскочив со стула, он направил на меня автомат и грозно, хрипловатым голосом заявил:

— Эй, леди, тут ходить нельзя! Уходите! Немедленно!

Дуло автомата смотрело прямо на меня. Очень неприятное чувство. Но даже это не заглушило жгучее любопытство: что могут охранять таким образом внутри дома на и так охраняемой территории?

— Извините, не могу выход найти, — пробормотала я, отступая на шаг. Парень выглядел очень серьезно, и лишней секунды оставаться здесь не хотелось. Но упрямо смотрела на него, ожидая ответа.

— Направо, потом налево два раза, потом снова направо! — Словно нехотя, холодно ответил он и качнул кончиком автомата. — Ну?!

Грубиян! Не удержалась и улыбнулась ему самой обольстительной улыбкой. Эффекта ноль, но всё-таки.

До девчонок добралась быстро, но к ним присоединился Глеб, потому расспросить Рысь не удалось.

Макаров посмотрел настороженно, но тут же улыбнулся.

— Диана, вы как, готовы? Или, может, отложим на другой день, поздновато вы приехали...

Он явно нервничал, и не очень похоже, что из-за моей неотразимости. Это связано с тем охранником? Что здесь происходит?

— Если честно, я в охоте вообще ничего не понимаю, да и жестоким считаю убийство невинных животных.

— Невинных? — хмыкнул Глеб, но дальше тему не стал развивать. Повернулся к Надежде:

— Ты сейчас в город поедешь? А то оставайся, комнату найдем, а с утра отвезу тебя? Все равно ваш коптер починят не раньше чем через три дня, я узнавал.

Девушка кивнула, но в ее больших глазах показались слезы. Рысь вздохнула и искоса посмотрела на меня. Ну вот, детский сад какой-то. Ну да, коптер у нас есть, могли бы помочь девушке.

— Вас там очень ждут? — поинтересовалась я.

Она растеряно пожала плечом:

— Наверное. Тетя Люся и... Павел...

— Вот как, — Глеб подмигнул ей и показался в этот момент очень неприятным, — уже просто Павел?

Надежда вспыхнула и вздернула подбородок:

— Павел Петрович. Что ты, Глеб, говоришь такое! Не стыдно?

— Извини, Надюшка, — не слишком искренне отозвался он.

— А далеко вам туда? — спросила я, прикидывая, что сюжетик о геологах мне нравится даже больше, чем сафари. А что, в самом деле. Слетаем неофициально, поговорим с простыми трудягами, авось скажут что-то такое, чего не услышишь у их начальства. Тем более — если Надюшку привезем, нам будут благодарны — наверное... Хотя, кто его знает.

— Полторы тысячи километров на Северо-Запад, — живо отозвалась девушка. — Очень далеко. Просто так никто не полетит, или заломят мою годовую зарплату. Часов семь лету — это в лучшем случае. Надо нашего пилота ждать.

Несколько наводящих вопросов и ситуация стала ясна: Вчера вечером Надюшка прилетела в Ново-Плесецк с мальчиками из отряда. Она просто так, навестить знакомую, да и проветриться, а они — за грузом. Пилот, нарушив правила, в эту ночь куда-то гонял машину и в итоге — та встала на ремонт, вместо того, чтобы утром везти их обратно. Чего и как — Надежде не сообщили, только то, что дня три подождать придется. А девушка по непонятным причинам сильно рвалась обратно в глушь. Обегала всех знакомых, в надежде найти способ вернуться раньше, а на Глеба, старого знакомого — у нее была последняя надежда. Но и тот ей не помог. На ранчо коптера свободного не оказалось.

— Епифанов будет недоволен, — закончила девушка очень подавленным голосом.

— Епифанов Павел? — удивленно воскликнула Рысь. — Ты никогда его по фамилии не называла! Это же друг Викинга! Ди, ты помнишь, как Вик про дом рассказывал — вот Пашк и был второй друг, и Вася..., который погиб.

— Вот как! — но слова Рыси стали лишь дополнительным стимулом, решение я уже приняла, — Скажите, Надежда, а ваш Павел Петрович Епифанов согласился бы дать мне небольшое интервью, если мы вас отвезем?

— О! Ну конечно! — Она вскочила. — Я уговорю его!

— Интересно, как? — хмыкнул Глеб, о присутствии которого я и забыла было. — Насколько я помню этого упёртого парня, журналистов он не жалуется.

— Найду способ, — пожала плечом девушка, — и нечего ухмыляться. Кстати, Глеб, говорят, твой брат был в ярости в день моего отъезда. Не ты ли его разозлил? Как раз ведь, от тебя посылка брату была...

Макаров вдруг потемнел лицом и чуть ли не с ненавистью глянул на девушку. Он тут же взял себя в руки, не слишком естественно рассмеявшись, а я подумала о том, что совсем его не знаю. И не знала. Вряд ли так можно измениться за пять лет!

— Неужто, повезете ее? — спросил он — Или вы просто боитесь сафари? Передумали?

Взгляд голубых глаз не потревожил на этот раз моего сердца, а вызов в них задел. Да кто он такой!

— Почему передумали? Вовсе нет. Съездим на сафари, а потом слетаем. Кстати, лошадь мне не подберете прокатиться? Или вы на машинах?

— Лошадь? — удивился Глеб. — Диана, это не элитные лошадки, к которым вы привыкли, это мустанги. К тому же — как давно вы сидели в седле?

— Вы не ответили.

Он смешался. На скулах заходили желваки. Все не может привыкнуть, что я не та малышка, которую он обидел?

— Да, мы берем лошадей. Есть участки, по которым верхом можно проехать, а на машине — нет. Но, вы понимаете, что это...

— Мустанги?! Да, я поняла. Надеюсь, мне достанется не какая-нибудь кляча?

Он выпрямился во весь рост, отлипнув от дверного косяка и улыбнулся, хотя в глазах затаилась злость. Может, потому, что приходилось смотреть на меня снизу вверх?

— Слушаюсь, госпожа Морозова. Подберем вам самого лучшего жеребца! — шелкнув каблуками сапог, он вышел из кухоньки. Громко хлопнула входная дверь.

— Ого, — Оля вытянула ноги и посмотрела на меня лукаво, — мне кажется, ты его разозлила, Диана! Сейчас как оседлает тебе Команчи!

Мы немножко посмеялись, посвятив Надюшку в историю с подлым жеребцом. А потом все трое пошли на улицу. Девушка с самым сексуальным голосом на свете, чего, судя по всему, сама она не сознавала, согласилась прогуляться вместе с нами на сафари. Вот и славно.

Перед домом уже стояли две машины — высокая, с открытым верхом, судя по всему, вездеход какой-то, и крытый фургон для лошадей. Егор, Леночка и Марат уже забрались в вездеход, а Сержио куда-то пропал. Потом поняла — ехал к нам рядом с кем-то из местных на лошади, оба в поводу вели еще по две. Не ожидала, что Моретти умеет верхом ездить. А Марат, интересно, сможет?

Значит, и правда на лошадях предстоит ехать, неожиданно дошло до меня. И сразу внутри поднялась необъяснимая радость. Не об этом ли я мечтала? Кажется, я уже люблю эту непутевую Прерию. Проверила в кармане несколько кусочков сахара, которые удалось захватить на кухне и шагнула навстречу Сержу, но тот сразу свернул к фургону:

— Не спеши, Наездница, — крикнул весело. — Тебе Макаров обещал оседлать какую-то особую лошадку.

— Я верхом не поеду, — услышала я голос Рыси, — в машине подожду вас, если что.

Увидела краем глаза, как они с Надюшкой забираются в вездеход. А потом все внимание обратила на жеребца, которого вел ко мне Глеб. Не сказала бы, что красавец — Сайгон, пожалуй, лучше смотрелся, но порода хорошая — похожа на вестфальскую. Голова менее благородная, чем у моих любимцев, шея средней длины, холка выражена хорошо. Корпус широкий и глубокий, и, должно быть, сильные задние ноги. Круп длинный, припущенный.

Глеб подвел жеребца прямо ко мне и с нарочито вежливой улыбкой поинтересовался:

— Подсадить?

— Дай мне пять минут.

— Окей, — он сунул мне в руки повод. — Хоть десять, я пока распоряжусь насчет сопровождения.

Макаров быстрым шагом ушел в дом, оставив меня с раздувающим ноздри жеребцом.

Как учила Алекс в далеком прошлом, я тихо и ласково заговорила с умным животным,

осторожно поглаживая мощную шею. Скоро Команчи, а судя по поднятому вверх большому пальцу Рыси и ее широкой улыбке — это был именно он, перестал прядать ушами и даже вполне охотно взял мягкими губами сахар с моей ладони. После чего неожиданно ткнулся мордой мне в шею, чуть-чуть испугав. При этом я заметила усмешки подъехавших всадников. Трое, да еще тот, что первым подъехал с Сержем. Такое ощущение, что ожидают представления от меня, а не для того собрались, чтобы нас развлекать. Ну ладно. Будет вам цирк!

Марат что-то крикнул, предостерегая, а Сержио уже настраивал свои камеры, стоя на земле, чтобы меня заснять. Так что тянуть и ждать Макарова не стала. Ловко запрыгнула в седло. Вот тут и началось полное безумие. Жеребец сразу же взвился на дыбы, потом высоко подбросил круп и, не слушаясь узды, в бешеном галопе помчался на задний двор. Если бы не предупреждение Рыси, что девочек он любит, испугалась бы сильно, а так просто старалась держаться в седле, что оказалось ох как не просто.

Неистовая скачка все длилась и длилась, мы мчались вокруг дома, все расступались, а мои друзья что-то кричали, призывая то ли прыгать, то ли пристрелить конягу, когда пролетали второй раз мимо крыльца. Ну конечно, как я пистолет-то достала бы из поясной кобуры, даже если б эта безумная идея и пришла мне в голову. Чужа вместо страха какой-то гибельный восторг, я не сразу заметила, что жеребец меня слушается — и не просто так, а каждого движения, чуть ли не каждой мысли. Такое бывало у меня с Сайгоном, реже с Касабланкой, но чтобы с незнакомой лошадью — никогда.

Это ощущение мощи, послушной твоей руке я ни с чем бы сравнить не смогла. Оно здорово опьяняло и пришлось проявить всю выдержку, чтобы заставить красавца-жеребца остановиться перед крыльцом на третьем круге, для пущего эффекта подняв его на дыбы. Ошеломленное лицо выскочившего на ступеньки Глеба стало настоящей наградой, триумфом даже, однако не стала показывать своего превосходства, просто направив коня к машине медленным шагом. Казалось, жеребец нисколько не утомился, чуть ли не пританцовывал подо мной.

— Хороший мальчик, — тихо шептала я, наклонившись к холке и похлопывая по влажной шее. Конь прислушивался к моим словам и словно всё понимал, замер возле машины, как самое кроткое и послушное создание.

И тут я обратила внимание на бледную с испуганно-расширенными глазами Рысь. Она кусала губы и выглядела очень виноватой.

— Диана, — голос у нее дрогнул, когда Оля первая нарушила опустившуюся на ранчо тишину. — Похоже, ты очень понравилась Казанове. Не знала, что его уже объездили.

И сразу заговорили все разом. Марат ругался, Леночка с Егором громко выражали свой восторг, а Глеб подлетел ко мне, похоже, сильно взбешенный:

— Ты почему не подождала, — он постарался сдержать себя и более вежливо попросил:

— Слезайте, леди.

— Зачем, разве не все готово?

— Затем, что Казанова не готов еще к походу, — отчеканил Глеб, покраснев, — сейчас Команчи приведут, он девок любит, так что не хуже. То есть, с женщинами он хорошо себя ведет.

И тут все на свои места встало. И бледность Рыси, и потрясение Макарова. Испугалась задним числом, если б только знать! Но опомнилась, благодаря небо, что все окончилось хорошо. И, слава Богу, что не знала. Лошади очень хорошо чувствуют страх. Удивило

немного, что Глеб знает про девочек и Команчи, но сейчас это тоже показалось логичным: ну, не совсем же он тупой, в лошадях разбирается, тренером не один год работал еще на Земле.

— Зачем тогда привел ко мне Казанову? — осведомилась мягко и чуть двинула жеребца в сторону управляющего.

Тот стремительно отступил — как-то нехорошо фыркнул в его сторону жеребец.

Макаров, тяжело дыша, опасливо покосился на Казанову и посмотрел на меня чуть ли не умоляюще, подбирая ответ:

— Я не думал, что ты без меня... Я не для тебя... То есть если б подождала, как просил...

— Когда это мы на "ты" перешли? — оборвала его попытки оправдаться. Оговорка, что не для меня и быстрый взгляд в сторону машины вызвали чувство гадливости, явно Марата имел в виду, который, может, и верхом-то ездить не умеет. Но вслух не стала об этом говорить, только твердо добавила:

— Я поеду на нем! И давайте уже, выезжаем. Без того кучу времени потеряли!

А потом я увидела Команчи, вела его девица в рабочем комбинезоне, гневной, как и Казанова, он был похож на моего нового друга как две капли воды. Издалека и не найдешь отличий, лишь присмотревшись, заметила, что круп чуть короче, да еще белый носочек на задней ноге, чего Рысь из машины могла и не увидеть. Так что некого винить в ошибке, кроме Глеба. Да и его не хотелось, как бы иначе поняла я, что Казанова мне милее даже этого легендарного любителя девушек — Команчи.

Глеб уже пришел в себя и, как ни в чем не бывало, стал распоряжаться о выезде, не делая больше попыток пересадить меня на другую лошадь.

В фургон поместили четырех лошадей, только Серж, как и я, ехал верхом, остальные в машине. Работники ранчо в количестве восьми человек, считая Макарова, окружили нас с Моретти кольцом, и мы двинулись вслед за машинами, поднимающими пыль, к распахнутым воротам ранчо. Сафари, что бы это слово ни значило для местных, наконец, начиналось.

Ехали не спеша, а жаль. Мне было мало той скачки, хотелось еще. И не кругами по утопанной земле пусть и большого двора, а по этому прекрасному полю. Такой густой травы, такой зеленой и высокой, на Земле я не видела нигде, даже на картинках, да и деревья подступающего к дороге леса — казались гигантскими и экзотическими. Ни такой коры — багрово-красной у одних и покрытых плотным зеленым мхом у других, ни такой формы листьев — тоже прежде не встречала. И это только самые крупные, а сколько еще тоненьких незнакомых деревьев толпились меж лесных гигантов.

Дорога — это, конечно, громко сказано, так, тропа звериная. Хотя, если подумать, размеры зверей, её пробивших, должны быть вроде слоновьих — настолько широкая полоса, идущая от самой реки, оставленной нами минут двадцать назад, пересекала край поля, устремляясь к уже близкой гряде гор. Проводники обещали, что самое интересное мы увидим после перевала, но у меня и сейчас глаза разбегались от разнообразия, насыщенности, красоты. Птички, стайками взлетающие впереди, маленькие зверюшки, разбегающиеся прямо из-под копыт, стремительные и больше похожие на тени, даже рассмотреть толком не успевала — все вызывало какой-то детский восторг. А цветы, раскиданные по полю то там, то здесь — словно радуга уронила сюда капли своего света — выделялись такими красками, то яркими, то нежными, что я едва подавила желание попросить всех подождать, пока нарву букет.

Серж сначала ехал рядом со мной, что-то снимая. Погруженный, видимо, в такое же состояние, как у меня, он вполголоса бормотал на итальянском — то ли ругательства, то ли восторженное удивление этим диким миром, где даже дышалось так вкусно, как нигде раньше. Однако Казанова стал проявлять нешуточный интерес к кобыле Моретти, задирая голову и издавая призывное ржание, так что сначала бедняга оператор оказался в самом хвосте процессии, чтобы не дразнить моего жеребца, а вскоре и вовсе пересел в машину — в седле, на трясущейся рысью кобылке снимать стало почти невозможно.

Я отказалась последовать его примеру — ведь неизвестно, когда еще удастся покататься верхом, и вскоре почти пожалела об этом — Глеб, поравнявшись со мной, решил завести беседу, что меня совсем не обрадовало. Очень не хотелось портить замечательный душевный настрой, потому мысленно поклялась сделать над собой усилие и реагировать на управляющего спокойно и вежливо, чтобы он ни сказал. Решить-то решила, но не всегда нашим планам суждено сбываться.

— Ди, позволь составить тебе компанию, — начал Макаров, подъезжая довольно близко, но хоть не вплотную. — Так давно не виделись, ты, верно, и забыла уже то время, когда...

— Забыла? — я пожала плечом. — Как же можно забыть подарок, стоивший кучу денег?

— Ты о чем?

— Сайгон и Касабланка.

Он замолчал, зачем-то оглядываясь по сторонам, и только дробный цокот копыт нарушал тишину, да ещё стрекот в траве незнакомых кузнечиков. Впереди совсем тихо урчали машины и слышались обрывки фраз, доносимые ветром. Семеро подчиненных Глеба

держались полукругом за нами, примерно на таком же расстоянии, так что едва ли могли слышать наш разговор.

— Ты злилась, что я уехал? — снова заговорил Глеб, а я в его речи не могла уловить ничего из той поры, как ни старалась. Изменилось в нем всё, кроме внешности — и голос, и манеры, и даже характер. Это ощущалось в его движениях, повороте головы, взгляде. Потеплел этот взгляд лишь пару раз, когда он украдкой разглядывал мою грудь, в остальное же время оставался холодным и необъяснимо настороженным.

— Не помню. К чему эти вопросы? И почему снова на 'ты'? Я же не позволяла.

Желваки заходили на его покрасневших скулах, выдавая злость, но он деланно рассмеялся:

— К чему эти формальности, Диана? Ты мстишь, что я тогда не ответил на твое признание? Но ты же была ребенком!

— Не смей говорить об этом! — вспыхнула я, не удержавшись. — Ты никаких прав не имеешь на эти воспоминания.

В глазах его вспыхнула какая-то радость, но он сразу скрыл ее под маской печали:

— Это и мои воспоминания, мне тоже было нелегко.

Ощущение фальши в его словах разозлило — зачем он со мной вообще разговаривает, что в его душе, если подменяет искренность какой-то непонятной игрой. Что ему нужно? Давно не испытывала такого страстного желания врезать кому-то по роже. А ведь он ничего толком не сказал? Почему я-то, даже поняв, что любовь так и осталась в далеком прошлом, и ничего романтического к нему больше не испытываю — почему так злюсь, выхожу из себя? Может, оттого, что своими лживыми фразами он словно втоптывал в грязь то прошлое, которое мне было дорого, независимо от последних событий? А может больно, что когда-то любила, а он... Только бы не показать это смятение, эту боль. Не смогу снова смотреть спокойно, как радуется мерзавец, словно получая власть надо мной.

Ну что ж. Оставалось только защищаться, а лучшая защита, как известно — нападение.

— Спасибо за лошадей, я была очень тронута твоим подарком.

— Ну что ты, — он все же немножко смутился, — ты была моей лучшей ученицей, и ты так их любила...

— Потом я узнала, — перебила я бывшего тренера, — что ты продал их матери очень дорого. И благодарность моя излечилась, как и чувства к тебе. Их не осталось, Глеб.

— Не смейся, я не знал, куда деваться от твоей любви. Разве такое забывается у вас, девчонок?

— Так ты знал? Знал до того, как я призналась? Какой же ты мерзавец!

Он нахмурился и надменно вскинул голову:

— Полегче, принцесса!.. Ты никогда не была ни бедной, ни несчастной! Ты всегда получала на блюдечке всё, чего хотела! Стоило только раскрыть во всю ширь свои прекрасные зеленые глазки и посмотреть так особенно, как только ты умела, и все шли у тебя на поводу! — сколько презрения и злости вдруг прорвалось в его голосе.

— Какая чушь! Это я выполняла любое твое желание, я бегала ради тебя по всяким поручениям. Не передергивай!

— Ты и тогда была гордячкой, слова не скажи. Ты придумала любовь ко мне. И я пользовался, потому что иначе с тобой было нельзя. Да если хочешь знать, это твоя мать заплатила мне, чтобы я уехал. И я потерял всё! А мне дорога была моя жизнь на Земле и моя работа. И всё это из-за тебя, принцесса...

— Заплатила? — Боже, сколько еще откровений я сегодня услышу?! Только напрасно он пытается очернить мать — иллюзий по ее поводу я не испытывала уже давно. А вот ее поступок с Глебом по-настоящему удивил. Как же она, должно быть, переживала за меня, маленькую идиотку! Макаров все ждал ответа, и я оторвалась от неожиданно нежных мыслей о маме. — И ты что, не мог отказаться?

— От таких денег не отказываются, — вспыхнул он.

— О! Вот оно что! Жаль, что я не знала этого раньше, — даже голос мой смягчился, и я с удивлением увидела надежду во взгляде Глеба. Поняла, что нежность к далекой матери он принял за раскаяние по отношению к нему.

— А если бы знала? Теперь ты понимаешь, как я был унижен? Можешь понять, во что превратилась моя жизнь?

— Если бы знала, — как можно ровнее ответила я, — расцеловала бы свою маму за такой мудрый поступок. Подумать только, так любить свою дочь, что всё увидеть и не пожалеть сил и средств, чтобы избавить меня от такого опасного человека!

— Да ты... — его лицо пошло пятнами. В нем даже сдержанности никакой не осталось, когда он выругался сквозь зубы.

Я не успела прийти в себя от замешательства, а Глеб уже снова говорил спокойным, чуть ли не светским тоном:

— Давай забудем прошлое и начнем все заново! На этой планете у тебя новая жизнь и мы можем снова стать друзьями. Ведь у тебя пока не так много знакомых и я могу тебе быть полезен. Тебе понравится сафари, вот увидишь! Сейчас мы едем к одной долине, ветер удачный, там пасется стадо оленей, крупнее, чем на Земле, впрочем, вряд ли тебе приходилось видеть Земных. С коптера сообщили, что стадо все еще там. Это очень красивое зрелище.

— Ахиллес ведь твой хозяин? — невпопад спросила я. — Извини, прослушала, что ты говорил...

— Наниматель, — холодно поправил он. — А что?

— Встречаюсь с ним завтра, — наврала, чтобы что-то сказать. Пожалела, что вообще не прервала разговор в самом начале, ведь чувствовала, что не стоит с ним разговаривать.

В глазах Глеба промелькнул испуг, или мне привиделось? Он открыл рот, но ничего не сказал, сдвинул на затылок свою шляпу, оглянулся назад — на егерей. И пока управляющий пребывал в этой не свойственной ему растерянности, я воспользовалась моментом, что бы удрать. Находится и дальше рядом с ним казалось совершенно невыносимо.

— Я проеду вперед. Надо поговорить с Сержем.

Глеб промычал что-то похожее на согласие, потеряв внезапно всю свою говорливость, и я пришпорила Казанову, посылая жеребца вперед.

Чувство огромного облегчения чуть восстановило душевное равновесие, когда я достигла вездехода и поскакала справа от него. А с открывшейся в сердце раной справлюсь позже, когда останусь одна. Я ведь смогу просто не думать об этом! Отключить эту часть души...

Ребята обрадовались мне, и их улыбки, смех, подколки по поводу скачки на ранчо так сильно отличались от разговора с Макаровым, что внутри что-то щелкнуло, и зажатость ушла, словно я вырвалась из душного помещения и снова могла дышать полной грудью свежим и таким 'вкусным' воздухом.

Даже Марату, мрачно назвавшему меня 'сумасшедшей девицей', почему-то обрадовалась

и ничуть не обиделась.

— Серж! Постарайся заснять всё, что возможно, ладно? — попросила я Моретти. Потому что поняла вдруг — никогда, никогда больше я не хочу встречать Глеба на своем пути, так что второго сафари не будет!

Серж хотел съязвить, но встретившись со мной взглядом, передумал:

— Слушаюсь, сеньорита! Ди, глотни-ка воды, — он протянул мне свою флягу, и пока я послушно пила, ощутив вдруг нешуточную жажду, перехватил повод Казановы.

— Спасибо, очень вкусно! Это что? — я вернула флягу и снова отобрала у него повод.

— Капелька рома и две капли терника, — подмигнул итальянец.

— А-а! — внутри разливалось приятное тепло. Скорее всего, там было больше, чем упомянутые капельки.

— Ди, хватит геройствовать, залезай к нам, — попросил Марат, подвинув в сторону что-то, накрытое брезентом, — места хватит.

— Да, Ди! — поддержала его Рысь, — Казанову можно поместить в фургон, он достаточно вместительный. Ты... не сердись? Я перепутала...

— Нет-нет, Оль, — перебила я взволнованную девушку, — что ты! Казанова просто чудо!

Конь фыркнул, мотнув головой, выражая пренебрежение к такому эпитету.

Рысь заулыбалась:

— Стас мне сказал, что сам его объезжал, — она мотнула головой в сторону водителя, — только жеребец кроме него никому не позволял на себя садиться. А Стас лучший объезчик и вообще большой молодец!

— Рысь, я все слышу, — проворчал водитель, — заканчивай меня нахваливать!

Но неугомонная девчонка лишь махнула на него рукой. Потом перелезла поближе ко мне и тихонько добавила:

— После несчастного случая с Палычем, я думала, Ахиллес именно его сделает управляющим. Да все так думали, не только я. Но почему-то наш шеф выбрал Глеба.

Ого, какие интересные сведения. Я присмотрелась к Стасу, но видны мне были только его широкие плечи, да небритая щека. Молодой совсем, тридцати нет. А Глебу, если правильно помню, уже тридцать четыре. Но ведь не возраст тому причиной. Пообещала себе, что спрошу Ахилла.

Но сейчас не место и не время об этом разговаривать, и я огляделась в надежде найти повод, чтобы сменить тему.

— Что это за ящики? — кивнула на здоровые коробки, с которых сбился тент. Они и правда заинтересовали странной маркировкой.

— Какая разница? — пожал плечом Марат. — Любопытство сгубило кошку. Э-э, я шучу, Ди. Серж, глянь что там, самому интересно. Стас, вы не против?

— Любопытство — это главная черта журналистов? — хмыкнул водитель в ответ. — Да смотрите, не жалко. Барахло всякое, насколько помню.

— Пустые, — сказал Серж, приоткрыв крышку одной и пошатая другую, — Точнее — правда барахло — тряпье какое-то, перчатки... хмм... салфетки. О! И бутыль водки.

— Водку не трогать! — Сразу отреагировал Стас, — там чистый спирт — неприкосновенный запас.

Марат с Сержем чуток пошутили на тему НЗ, заставив своим внезапным хохотом Казанову шарахнуться в сторону.

— Как мальчишки! — рассердилась, Рысь.

— Ну не девчонки же, — хохотнул Марат и крикнул в мою сторону: — Ди, ты там в порядке?

— Нормально всё, но я чуть отстану. Казанове не нравится соседство с машиной.

Остановившись, я пропустила вперед машину, а также фургон, едущий следом. Хотелось подумать в одиночестве, в надежде, что Глеб не посмеет снова присоединиться ко мне.

Как бы я не храбрилась, но даже рухнувшая любовь, растоптанная и прошедшая не могла не оставить следа, и я некоторое время отчаянно жалела себя, пользуясь тем, что никто не видит мое лицо. Потом, когда жалость порядком утомила, задумалась о тех странностях, что происходят с самого прибытия на ранчо.

За размышлениями не заметила, как пролетели полчаса, Глеб обогнал меня, крича, чтобы все тормозили.

Впереди открылся перевал, между двух скал было достаточно места, чтоб проехала машина, и я поскакала вперед, узнать, что дальше. Серж, Марат и Егор спрыгнули на землю — немного размяться и дружно потопали к густым кустам у подножия скалы — справа от дороги.

— Меньше пить надо было, — крикнула им вслед Рысь, рассмешив Леночку и Надюшку, которые тоже направились к кустам — в другую сторону.

— А ты не хочешь? — забеспокоилась Оля, — А, ну я тоже нет. Тогда смотри. Мы поедem на машине до следующей долины, еще не близко, только там пересядем на лошадей. Лучше тебе к нам пересесть.

— Зачем же, я...

— Ну, так тебе придется тогда ехать с мужчинами по более короткому пути. Мы-то крюк сделаем.

— Рысь, — шутливо запротестовал Глеб, прерывая разговор со Стасом, — не пугай Диану, — нравится верхом, так пускай. Тем более я обещал показать ей красивые места.

— Тогда я тоже с вами поеду, — решила Оля. — Не зря же взяли Команчи! А то четверо останутся охранять фургон, а вас будет только трое. Мало ли что.

— Рысь, думаю, и без тебя управимся, если что!

— Оль не надо, — попросила я, когда глаза девушки раздраженно вспыхнули. — Правда, незачем. Если хочешь, на обратном пути устроим гонки.

— Да ладно, Рысь, не переживай, — снова влез в разговор Макаров, подходя к нам.

— Ух, ты! — Оля кивнула на его ружье. — А стреляешь-то ты хорошо?

Странное ружье, с толстым стволом, такого еще не видела. Я позавидовала чуть-чуть Оле, которая так хорошо разбирается в оружии.

— Обижаешь, — осклабился Глеб.

Стас оказался симпатичным, обернувшись, он прислушивался к разговору.

— Нормально он стреляет, — буркнул водитель, — но ты, Рысь, лучше.

Нас прервали вернувшиеся парни.

— Далеко еще? — крикнул Марат. — Стемнеет, пока доберемся.

— Уже близко, — улыбнулась Рысь, — скажи спасибо, что солнце не так печет и довольно прохладно.

— Да уж, тебе, что ль за это спасибо сказать, — Токаев ловко запрыгнул наверх.

— Хоть бы и мне, — Оля снова обернулась ко мне. — Ди, правда, отдохни немножко.

Глеб махнул рукой егерям и двое из них уже подъезжали к нам. Один — тот самый здоровый бородач, что в первый день так нагло говорил с Маратом. На меня он даже не взглянул. Злобный тип!

— Это Камаль, — шепнула Рысь, — ну раз он с вами, мне не страшно. Он кого хошь голыми руками задушит.

— Диана, если вы с нами, то уже пора, — окликнул Макаров, — или оставайтесь с остальными.

Девушки уже бежали от кустиков к машине.

Вдруг Серж протянул мне маленькую камеру:

— Держи, повесь на шею, или погоди, я сам. Вот. Просто забудь про нее, неприятное ощущение быстро пройдет.

Плоская, толщиной меньше сантиметра, камера надежно прилипла к коже чуть выше выреза майки.

Когда я хотела возмутиться, он прижал палец к моим губам.

— Смотри, Ди, она стала под цвет твоей кожи, хамелеончик такой. И только серединка выглядит как кулон на цепочке, маскирует объектив. Прикольно же, скажи, Оль?

— Забавно, — хмыкнула Рысь.

— Диана, — позвал опять Глеб, — вы едете?

Он не мог видеть, чем мы занимаемся, и меня это порадовало.

Марат приблизил свое лицо ко мне и, глядя в глаза, проговорил:

— Не забудь! У тебя кобура не простая. Помнит только твою руку. Нужно только достать револьвер. Никто другой его у тебя не вытащит. Запомни: только потянуть за рукоять...

— Поняла, — хмыкнула я. Забавно видеть такое беспокойство.

— Ди, это не смешно. И еще — главное стреляй, если что, хорошо? Не попадает никуда тот, кто не стреляет!

Я кивнула ему, мол, все поняла, и мягко тронув поводья, направила Казанову к молчаливой троице, уже устремившейся к перевалу.

— О, все-таки с нами, — обрадовался Глеб, видимо, все же сомневался. — Значит так, Семен впереди, за ним я, потом Диана, за ней — Камаль. Всем всё ясно? Держимся цепочкой, разрыв не больше чем полтора корпуса лошади.

Я молча кивнула, уже жалея о своей глупости. Зачем с ними поехала? Но очень уж заманчиво было увидеть какое-то чудо, так загадочно обещанное подлым Глебом. И вообще, кто знает, может он хочет искупить этим свое поведение?

Машины после перевала свернули налево, а мы ступили на узкую тропу между скал, ведущую ровно в противоположную сторону. Видя перед собой спину Макарова, я понимала, что не испытываю к нему ненависти, или чего-то в этом роде. Просто он стал мне очень неприятен, как человек. А раз это последняя встреча с ним, потерплю — недолго осталось. Ну и постараюсь насладиться моментом.

Открывшаяся после ущелья маленькая долина захватывала дух своей красотой. Зелень повсюду, рощи, большие поляны. Кое-где виднелись осколки скал и крупные валуны. Блестела узенькая речка справа, или ручеек — издали не разобрать размеров.

Скоро мы углубились в рощу с высокими лиственными деревьями, ветви которых были увешаны крупными плодами, похожими на яблоки, только светло-синего цвета. Не стала спрашивать, что это, но одно незаметно сорвала и сунула в карман, очень уж соблазнительно

низко висело. Потом спрошу Рысь, что за фрукт.

Вскоре передние всадники затормозили, хотя рощицу еще не проехали. Макаров спешился и прижал палец к губам, глядя на меня.

Подошел и тихо объяснил:

— Постарайся не шуметь, сейчас кое-что увидишь, но придется прогуляться пешком. Семен присмотрит за лошадьми.

Любопытство пересилило опасения, и я тоже спешила, краем глаза заметив, что огромный Камаль уже стоит на земле, поудобнее перехватывая какой-то солидный автомат, с широким ремнем, перекинутым через шею. Глеб тоже взял наизготовку свое ружьё и кивнул: мол, идем.

Такие приготовления невольно заставили меня подумать о револьвере, но доставать его не решилась, успею, когда понадобится. Если уж эти мужики со своим опытом и оружием не справятся, то у меня все равно шансов с маленьким револьвером не будет. Однако само наличие оружия так близко от руки — придавало какую-то уверенность. Хорошо, что есть.

А мы все шли и шли. Метров триста, не меньше. Наконец роцца закончилась, и впереди показалось широкое открытое пространство. Справа возвышалась отвесная желтоватая скала — метров десять в высоту, протянувшаяся до следующей роцци — метрах в ста, а может и дальше. Кое-где на ее бугристой поверхности виднелись более темные трещины, расширяющиеся книзу, но внутрь такого пролома, даже самого широкого пролезть мог бы разве что ребенок. Слева виднелось крохотное озерцо, окруженное плотным кольцом высоких кустов. Догадалась, заметив блеснувшую в просвете синеву. Остальное пространство не имело растительности, кроме короткой, словно срезанной ножом, жесткой травы. Мы остановились у края роцци, на границе с большой поляной.

— Теперь подождем, — спокойно произнес Глеб, словно мы больше не должны были соблюдать тишину.

— Долго ждать? — удивилась я.

— Не думаю, — Глеб искоса глянул на меня, — А что, что-то беспокоит?

Я мотнула головой, а потом все-таки решилась спросить, пока мы еще одни, больше-то случая не представится. А раз все равно ждать...

— Глеб, скажи, пожалуйста, что за охранник сидел в доме? Случайно его увидела. Если не мое дело, можешь не отвечать.

Макаров резко оглянулся, и я пожалела о своем вопросе, но меня словно бесенок дергал за язык:

— И что за странная маркировка на ящиках в машине? Я такую видела в...

Не здравый смысл заставил меня замолчать.

Толстый ремень автомата, который Камаль вдруг накинул сзади мне на шею, сдавил горло.

— Подожди! — крикнул ему Глеб, — да стой ты, ублюдок. Мне надо у нее выяснить...

Давление ремня, о который мои пальцы, будто обретшие самостоятельную волю, ломали ногти, слегка ослабло, позволив сделать такой желанный вдох.

— Не тяни, — в бесстрастном голосе, бросившем эти два коротких слова, ощущалось холодное равнодушие. Словно проговорила это сама смерть. Близкая и неотвратимая.

Как в тумане вспомнились слова Рыси: 'Он кого хошь голыми руками задушит!'. Мне стало смешно, но хрип, вырвавшийся из горла, мало походил на смех.

Глеб, сильно побледневший, стоял прямо передо мной:

— Кому ты говорила про охранника и маркировку? — резко спросил он. Он никогда не говорил со мной таким тоном, и это еще больше показало, что надеяться мне не на что. 'Господи, как жалко маму!' — пробила мысль через какое-то спасительное оцепенение. И еще думала, как глупо всё, и какая же я дура, что не послушалась Рысь.

— Ты будешь говорить, или нет? — крикнул Глеб, и вдруг с силой ударил меня по лицу. Всего лишь пощечина, но из глаз посыпались искры и на глаза навернулись слёзы от боли. Только бы не унижаться, только бы не позволить себе умолять!!!

Я упрямо смотрела ему в глаза, надеясь вызвать хоть что-то человеческое, чтобы он сам передумал, ведь это же тот Глеб, что подсаживал меня маленькую на Сайгона, и бормотал смешные ласковые прозвища...

Не верила, всё же не верила, что он позволит меня убить. Они просто пугают! Конечно. Сейчас всё закончится, и я пообещаю им всё, что захотят. Пусть только отпустят!

— Сука! Какая же ты стерва! — с ненавистью выпалил Глеб мне в лицо, — да ты знаешь, что я спал с твоей матерью! Она б...ь еще круче тебя, и ты бы стала такой же дрянью! Я сделаю миру одолжение!

А дальше пошли такие ругательства, каких мне и слышать еще не приходилось.

Наверное, он не понимал, что говорит. Ну не может же это быть правдой. Что я сделала, чтобы меня так ненавидеть?

Зацепившись посильнее за ремень, я со всей силы, на какую была способна, врезала ему ногой в промежность. За маму!

Не попала, конечно, давящий на горло ремень позволял дышать словно через соломинку для коктейля, и перед глазами плясали черные мушки. Да, ждал подвоха гад и успел заслониться коленом, потому носок ботинка попал в бедро, зато второй ногой от всей души двинула по подъему стопы. Это тоже очень больно.

За что и была тут же наказана.

Прыгая на одной ноге, моя девичья любовь прошипела:

— Заканчивай!

Ремень медленно затягивался, кровь почему-то прилила к щекам, а рот наполнился слюной. Но ещё страшнее смерти отчего-то показалась картина, увиденная как бы со стороны — я сама с черным лицом и вываленным языком на фоне окружающей травы и цветочков. Черные мушки уже соткались в некоторое подобие савана, закрывающего все перед глазами, когда сознание добила последняя мысль — зря я отказалась сбегать с девчонками в кусты, ведь повешенные...

Ужас предстоящего посмертного позора, а может, просто инстинкт, заставили тело сопротивляться, самостоятельно размахивая руками и ногами, в попытке хоть до чего-то дотянуться и отстрочить неизбежное.

Потом в окружающем мире что-то неуловимо изменилось, не поняла, что именно, а в мозгу уже вспыхнула радость от маленькой победы. Но она сразу померкла на фоне всего остального — проталкиваемый через сдавленное горло воздух жег расплавленным металлом. Тело, стоящее почему-то на четвереньках, разрывалось между желанием вдохнуть и закашляться.

Предостерегающий возглас, наверняка не первый, донесся как свозь вату, и только потом, задним числом, я поняла, что не своим жалким потугам была обязана пусть и временным, но избавлением. Сквозь застилающие глаза слезы вдруг последовательно прорвались две картинки, сначала вспучивающаяся холмиком трава, из которой сперва

появился горб, а потом приметные ушки и остальные части свинки, отчего-то с крокодилей пастью вместо обычного рыльца. Совсем не добрый взгляд уперся в меня прямо-таки материально, и вроде такие знакомые по поездкам на ферму поросычьи глазки налились совсем не шуточной злобой и вождедением.

И только когда странное "крокодиле рыло", утыканное по краям загнутыми вверх как у секача клыками, под душераздирающий визг поплыло в нашу сторону над травой, на высоте холки коня, стало понятно, как меня обманули глаза.

Расстояние до рассерженного монстра было больше сотни метров, а сам он скорее напоминал слона, во всяком случае, явно был выше любой самой рослой лошади.

Следующий кадр напрочь выпал из сознания, а может, его и не было — разгоняемая мелькающими в траве копытцами туша, казалось, в стремительности не уступала гепарду или тигру. Помнится только, как обзор заслонила спина Камаля, раздались частые хлопки, заглушаемые громopodobным визгом, а мигом позже над его макушкой на меня глянули налитые кровью совсем не поросычьи глаза.

Будто в замедленном кино монстр схватил человека за голову и, тряхнув как кот мышку, описал с ним небольшой полукруг, гася разгон и почти неся тело Камаля по воздуху, словно тряпичную куклу.

После чего слано-свин совершенно спокойно наступил передним копытом на грудь жертвы и просто оторвал голову — как нетерпеливый ребенок откусывает самое вкусное от леденца на палочке. Точность сравнения усилил раздавшийся следом хруст. Наверное, только благодаря странной отрешенности, я никак не отреагировала на эту жуткую трапезу и не привлекала к себе внимания. До окровавленных клыков и тела в камуфляже, все еще загребающего землю руками, было не больше восьми метров. Впрочем, смотрел монстр все время именно на меня, словно ожидая, когда я брошусь бежать — в предвкушении игры.

Но эта участь выпала не мне, несчастье привлечь к себе внимание монстра пало на Глеба. Воспользовавшись гибелью Камаля, давшей ему отсрочку, Макаров успел добежать до кромки леса и попытался спастись на дереве. Именно в этот момент он, так неудачно выбрав в качестве места спасения сосну сантиметров тридцать в диаметре, ступил на сухой сучок, и с треском и матом полетел вниз.

Слоно-свин мигом развернулся в сторону новой цели и громадными прыжками сорвался с места в атаку. Как оказалось, в жизни Глеб был не самым лучшим и доблестным человеком, а вот в момент опасности сумел проявить себя достойно.

Понимая, что забраться на сосну уже не успеет, он шарахнулся за нее и начал отступать назад, держа дерево между собой и свином, одновременно поднимая ствол оружия.

— Беги, Диана! — заорал он вдруг. — Дура, беги! В лес!

Короткая серия хлопков оборвалась трескучим ударом и не такая уж маленькая сосна рухнула, как подрубленный тяпкой бурьян, а кабанище с треском и визгом вломился в подлесок. Это послужило толчком, чтобы очнуться. Я вскочила, но бежать не смогла, с трудом спряталась за деревом, которое оказалось за моей спиной, хотя такое укрытие было не больше, чем смешно. В голове царил абсолютная пустота.

И тут я вспомнила про револьвер. Не знаю, тряслись ли руки, вообще-то должны были, но, кажется, рука самостоятельно нажала на рукоять вниз и, чуть повернув, вынула оружие, и также плавно подняло его вверх. Вообще рука и остальное тело находились в странном рассогласовании. А свинюшка уже вынырнула из кустов и посмотрела на меня в третий раз, вот тут и навалился разом весь ужас происходящего.

Всхлипнув навзрыд, я выстрелила, раз, другой, а скотина сделала какой-то неуверенный шаг в мою сторону. Несколько секунд она стояла, замерев, а потом знакомыми прыжками рванула ко мне.

Еще выстрел, словно его и не было. Ни бежать, ничего сделать, я уже просто не успевала. Сжав зубы с такой силой, что стало больно, я прицелилась и снова нажала на курок, и сразу — в двух шагах от меня, чудовище остановилось, ткнувшись рылом в землю. Что-то серое промелькнуло поверх огромной туши, или показалось в помутившемся сознании, а потом, поняв, что кабан больше не шевелится, я стала пятиться в рощу, споткнулась обо что-то и спасительная темнота навалилась прежде, чем я упала.

Поток ледяной воды, хлынувшей на голову и в лицо, вернул мне сознание сразу, вместе со страшными воспоминаниями. Чихнув, я поспешно открыла глаза и поразилась, что все расплывается, а я ничего не могу разглядеть.

— Она очнулась, — сказал кто-то, и ужас стал отступать. Я больше не одна! Господи... Кое-как села и протерла кулаками глаза.

Когда зрение удалось сфокусировать, увидела перед собой страшно бледных Сержа и Марата. Кажется, за ними маячила Рысь и тот водитель, Стас.

— Слава Богу! Ты жива, Ди, — кажется, это Марат воскликнул.

— Глеб, — с трудом прохрипела я — горло ужасно саднило, — Глеб жив?

Марат закусил губы и отрицательно покачал головой, и тогда я заплакала. Мне было стыдно, но ничего не могла поделать. Кто-то гладил меня по голове, а я вдруг отчетливо вспомнила и Камалю. Не смогла удержаться. Спазмы снова и снова сжимали мой желудок, опорожня на зеленую траву его содержимое.

— Дыши! — откуда-то сверху раздался голос Моретти, — Ди? Полегчало?

Я закивала, не в силах посмотреть на своих друзей. Кто-то стал лить воду, и я вымыла лицо. Руки дрожали. Почти насильно Марат заставил сделать меня несколько глотков из своей фляжки, и меня чуть снова не вырвало — если там был и не чистый спирт Стаса, то что-то близкое к тому. Но рвоты не повторилось. И я попыталась, наконец, подняться с колен.

Парни придерживали меня с двух сторон. Невдалеке стоял внедорожник, туша кабана была накрыта брезентом, также как и то место, где погиб Камаль. Там, где последний раз видела Глеба не было ничего, лишь на траве виднелись темные пятна.

— Мы успели объехать по другой дороге, — пояснил Марат, — пока ты была без сознания. Услышали выстрелы...

— Думаю, на сегодня сафари закончено, — полуутвердительно произнес Моретти, — поехали домой, Ди.

Я кивнула. Марат вдруг нагнулся и поднял меня на руки, как маленькую.

— Я отнесу ее! — твердо сказал он кому-то.

Я беспомощно обхватила его за шею и уткнулась в широкую грудь, пахнущую какими-то цветами, потом и чуть-чуть алкоголем.

Поездка назад, на ранчо прошла как в тумане. Я, то приходила в себя, то снова впадала в полудрему и тогда мне виделись какие-то жуткие картины. Видела заплаканные лица Рыси, Леночки и Надюшки, но даже не могла их никак утешить и подбодрить.

Уже в коптере, куда меня тоже перенес Марат, я слабым голосом поинтересовалась, куда мы летим.

И поразилась своему равнодушию, услышав про дом на скале.

Как долетели, как я оказалась в своей новой постели в раздетом виде — это уже совсем осталось непонятным. Кажется в коптере, Серж сунул мне какую-то таблетку, наверное, она так подействовала.

Проснулась я поздно вечером, визоры показывали одиннадцать. На кресле встрепенулась и сразу подлетела ко мне Рысь.

— С добрым утром, — улыбнулась она. Мягкий свет залил мою новую спальню.

— Привет, а где все?

Рысь смущенно вжала голову в плечи.

— Все отказались тебя оставлять здесь одну, и я их разместила — кого куда. Ты не против? — затараторила она, — Я им говорила, что тут буду я и уже все хорошо, но они все равно...

— Все нормально, Оль, — мне так тепло стало внутри от ее слов, — я даже рада. А они уже легли спать?

Рысь помотала головой. И огорченно сообщила:

— Даже есть отказались без тебя, а я так старалась. Ждут. Моретти сказал, что ты в одиннадцать проснешься... Ой, и правда. Ты хочешь есть?

Ее вопрос был задан таким жалобным голосом, что я не могла ответить иначе:

— Умираю с голоду.

— Это хорошо, — она отвернулась и тихо добавила:

— Прости меня, Ди. Я должна была поехать с тобой.

— Оль, никто не знал, что так будет!

Девчонка отчаянно замотала головой.

— Ты не понимаешь! — с мукой в голосе произнесла она, но тут же забормотала. — Прости! Что это я... Набросилась... Прости, пожалуйста, я потом... так я пойду?

— Иди, — я кивнула, очень тронутая ее переживанием, чувствуя, что не заслуживаю такого отношения, да и утешать ее — нет пока сил. Самой бы прийти в норму. — Только приму душ и скоро буду.

— Мы подождем! — опустив плечи, Рысь вышла из спальни, плотно прикрыв за собой дверь.

Столкнувшись с Сержем прямо за дверью, я схватила его за футболку, наверняка слегка ошарашив:

— Где эта камера?

— А! — он осторожно сжал мои кисти и, оторвав от футболки, стал нежно массировать в своими длинными пальцами. — У меня.

— Всё видел? — у меня опять появился комок в горле от его ласкового взгляда.

— Ди... Да, всё... почти. Ты умница, девочка.

— Серж, пожалуйста, я всё понимаю, но ты не мог бы... Может не будешь никому рассказывать? Я знаю, что это не профессионально, ведь я журналистка, но он же умер, он же даже хотел меня спасти... Прошу тебя!

— Ди! Спокойно, спокойно! Раз ты так хочешь, никто не узнает.

Он достал из кармана знакомую камеру на цепочке и протянул мне:

— Вот, держи, закрыл запись твоим личным кодом, прочесть и скачать не сможет никто. Заодно подарочек будет. Пригодится, может, когда-нибудь... Теперь ты немножко успокоишься, а? Но если желаешь, устроим маленький пожарчик. Как тебе?

— Не-е, — улыбнулась я, пряча подарок в карман брюк. — Пусть останется! Спасибо тебе! А где все?

— В столовой, где ж еще. Готовы уже съесть друг друга, дожидаясь тебя.

— Вечно ты шутишь, идем!

— Стой!

Я удивленно посмотрела в его ставшие очень серьезными глаза.

— Что?

— Поверишь ли, что я страшно виню себя в происшедшем?

Я молчала, опустив глаза. Похоже, все вокруг чувствуют себя виноватыми. Но что мог бы сделать Серж, или Рысь?! Простой оператор и девочка-пилот! Их наверняка убили бы первыми, а потом уже принялись за меня. Как хорошо, что никого из них не оказалось рядом!

— Поверю! Спасибо. Изменить все равно уже ничего нельзя. Лучше забыть! И... ты же всё видел... Тебя бы убили первым, разве нет?

Он вздохнул и помотал головой, но вслух согласился:

— Пожалуй, сеньорита. Грустно такое слышать о моих предполагаемых возможностях, но... как говорят русские... ай раджонэ. То есть — крыть мне нечем.

На этом наш разговор и закончился.

В столовой уже всю хозяйничала Рысь, накрывая на стол что-то очень аппетитное в красивых тарелках, исходящих ароматным паром.

Все были в сборе — и Марат, и Леночка с Егором, Степан Степаныч, который Викинг и даже Надюшка.

Мужчины дружно вскочили при моем появлении. Надо же, какие вежливые! Надо же, какие вежливые! Так бы и расцеловала, да только сомнительно, что правильно поймут...

Отступление первое: Тигр. Дранный

— Привет Крайт! Слыхала — Тигру его симпатия подстрелила?

Это он зря сказал... Следом раздался двойной стук, который несведущему напомнил бы звук, с которым шар для боулинга сбивает кеглю. Сведущее ухо мигом распознало картинку — в переборку только что влип не сумевший сохранить равновесие десантник в защите восьмого класса — «Тортилла-2». Судя по раздавшемуся «Епст!» это был не успевший убраться с директрисы между докторшей и ее пациентом «ломовик» четвертого отделения, Аноа. Второй неудачник, долей секунды позднее встретившийся с переборкой с противоположной стороны коридора, от комментариев удержался и потому остался неопознанным.

— Тигр дранный, если опять учудил — я с тебя сама шкуру сниму!!!

Упомянутый по полному прозвищу пациент задергался, малодушно пытаясь сменить укрытие, но это, само собой, не вышло — из манипуляторов стационарного медицинского комплекса вырваться удавалось лишь немногим, а уж когда тебе на шею ласково нажимает ладошка санитаря весом в добрых полтора центнера, на это и вовсе не стоит надеяться.

— Лежи тихо, герой. Авось пожалеют и всю не снимут, — прогудело сверху, и сразу:

— Тамарау, тормози докторшу, а то как бы и впрямь не...

В этот момент Крайт, наконец, продралась через стоявшие насмерть два отделения десанта и ввалилась в медицинскую секцию. Тигр невольно залюбовался черно-белой, как жизнь, красавицей. Чередующиеся полосы угольно-черной и снежно-белой шерстки в пару пальцев шириной при движении создавали прямо-таки гипнотический эффект. В который раз не к месту подумалось, что быть бы ей «зеброй», да вот характер... даже для этой дикой и неподдающейся дрессуре лошади слишком крутоват, а вот «крайт» — в самый раз.

Второй санитар, не менее выдающихся пропорций, всей своей горой мышц метнулся на перехват, расставляя в стороны коряги рук и приседая в борцовской стойке. Имея почти полуторную фору в росте и четырехкратную в весе, он опрометчиво полагал, что сможет устоять при столкновении с ворвавшимся ураганом. Наивный.

Впрочем, ронять на пол его не стали — легкий подскок, левая стопа опирается на отставленное в сторону бедро, правая нижняя лапа цепляется за карман для пирофакалов на разгрузке, две верхние четверки упираются в плечи и выжимают тело вверх. Теперь не эта малявка санитару, а он ей «в пуп дышит».

Главврач хирургического отделения — черно-белая Крайт — внимательно обзревает с высоты двух с половиной метров залитого в иннервационный гель пациента. Прямо оттуда, из-под потолка, едва не цепляя вставшими торчком ушами софиты освещения, и отдаются первые распоряжения.

— Диагноста в четвертый режим. Подключите, наконец, подачу смеси пока он у нас не утоп. И если через четверть секунды не снимете с пострадавшего обувь, то всю грязь в фильтре грубой очистки кто-то будет жрать на ужин....

Легкий, почти бесшумный соскок, щелчок вставленного жетона и мягкое урчание, сигнализирующее о успешном прохождении тестов аппаратурой. Мигом позже раздалось шипение и под маску начал поступать воздух. Как положено — все приказания в армии исполняются без промедления. Вовремя. А то становилось как-то... некомфортно.

Крайт, уже не спеша, подошла и взглянула на Тигра поверх фильтрующей маски. Некоторое время они просто смотрели друг другу в глаза. Казалось, что это встретившиеся брат и сестра — почти одинакового не великого роста, «брат» хоть и был выше почти на пол головы, но на фоне не только санитаров, а и всех остальных бойцов своего отделения, практически терялся. Но похожими их делал не рост и цвет глаз, у обоих был редкий — карий, а расцветка. Точнее ее полосатость.

Черно-белая и рыже-черный. Вот только полосы Тигра были не врожденными и оттого очень узенькими, не шире полтора пальцев, и сплетались в замысловатые узоры по которым можно было проследить его практически двадцатилетнюю безупречную карьеру рядового, не заглядывая в медицинскую карту. Почему-то на местах шрамов с самого начала шерсть вырастала не огненно-рыжая (а теперь уже темно-красная с проседью), а иссиня-черная.

— Ладно, боец. Расслабься, ничего серьезного я не вижу. Эти дуболомы не иначе как в качестве учебной тревоги тебя сюда притащили. Им это конечно еще не раз икнется, но тебя это не касается. Так что давай — начинай жаловаться.

Умелые и нежные лапы ухватили за шкуру, приподняв голову над поверхностью геля, и сняли дыхательную маску. Синяя медицинская шапочка с марлевыми чехольчиками для ушей сдвинулась к нижним конечностям, почти полностью пропав из вида. Через четверть секунды оттуда раздалось фырканье, тонко намекающее, что еще миг промедления, и милость вполне может смениться на гнев. Болезный мигом внял:

— Вышли на маршрут в 16-00. Задача — сопровождение групповой цели в зоне отве...

— Ты свои уставные фокусы брось. Эту хню своему начальству будешь докладывать. А мне — анамнез пожалуйста: как двигался перед получением травмы, что хотел сделать, что вышло и чем перед этим думал.

Пациент слегка подергал ушами, пытаясь заново уложить в голове картину произошедшего, но долго думать не стал и поспешил продолжить:

— Кабан шел прямо на объект. Я попросил пилота уравнять скорость и спрыгнул прямо ему на загривок. Когти не выпускал, чтобы не оставить следов. О!

— Ага, вот это оно и есть. Растяжение сухожилий правого нижнего запястья. Есть пара небольших разрывов, на месте старых спаек. А вот тут у нас....

— Хр-р-р-р...

— А тут у нас левое колено, как ни странно — почти целое. Хотя чуть-чуть и был бы мениск. Правая лапа сорвалась, левая подогнулось, и кто-то приземлился на колено. Еще бы чуть и этот «кто-то» слетел бы под копыта очень злого и очень плотоядного кабанчика... А вот здесь у нас...

— Тут все в порядке!

— Тут-то, думаю, как раз и есть причина всех бед. Оторвать бы эти меховые шарики...

— Не надо.

— Да, удалять полностью здоровый орган не стоит. Хотя без него всё остальное гораздо целее было бы. Вот скажи мне, что ты в этой девчонке нашел, неужели она красивая?

— Да. Точнее она... Как цветок... Одуванчик...

— Медицине все ясно, боюсь только психиатрия не в моей компетенции. Вернемся к травматологии, продолжайте пострадавший, вашего врача интересует — ты почему решил ковбоя на родео изображать, вместо того чтобы стрелять, убогий?

— Не хотел следы оставлять.

— Так ты что, этого кабана... — Крайт на миг отвлеклась от показаний приборов, ей

даже изменила профессиональная медицинская отстраненность.

— Да, «ударником».

— Молодец, Дранный, премию честно заслужил! Полагаю, это первое успешное боевое применение данной вершины прогресса. — Несмотря на смысл фразы, тембр произнесенного больше напоминал шипение.

— Пожалуй... я за двадцать лет тоже ничего путного, с ними связанного, не припомню. — Ступивший на тонкий лед Тигр не знал, как сгладить непростую ситуацию.

Раздражение, которое вызывали у Крайт «ударники», не было новостью. В тесном мирке сложно что-то укрыть от внимательного взгляда. Неприязнь эта, к слову, имела все основания. Интегрированное гравитационно-импульсное оружие было действительно чудом маскировки и вершиной научной мысли. Выполненное исключительно на основе биотехнологий, без следа металла, оно устанавливалось (а точнее — вращивалось) в подушки лап — «спецам» и «дивам».

Предполагалось, что с помощью этого устройства можно бесшумно и незаметно (внешне) справиться с самым физически сильным противником. Также это чудо получали «дипломаты», что не говорите — внезапный инфаркт или инсульт у не слишком сговорчивого собеседника вполне может послужить делу установления мира. Удар локального градиента притяжения свободно проходил через любую броню, как естественную, так и носимую, и легко сворачивал кровь в венах или рвал сосуды, причем происходило это в местах и так природно-слабых, от чего даже очень тщательной экспертизе найти убедительные доказательства неестественности травмы было крайне сложно. Если с мощностью не переборщить.

А вот дальше начинались сплошные минусы. Для эффективного воздействия рука от места воздействия должна быть не дальше десятка сантиметров. А если вы так близко к противнику, то и обычные когти вполне эффективны, не говоря уже о ноже.

Редко, когда приходится столкнуться с противником сильнее тебя физически, да еще при этом совершенно безоружным, и умудриться к тому же самому остаться буквально голым. Но военные с маниакальным упорством продолжали вставлять эту опасную игрушку — «на всякий случай».

«Игрушку» — в прямом смысле, потому как именно для игр взрослые детишки ее и использовали — строительный блок «ударом голой лапы» расколоть — на радость охающим дурочкам, выпивку в стакане «столбиком» поставить, или жонглировать мелкими предметами. Да мало ли развлечений можно придумать со скуки?!

Вот только пусть и похожее на игрушку, оружие всё равно остается оружием, и баловство с ним имеет вполне конкретные последствия. За неимением противника, при малейшей неосторожности собственные сосуды оно порвет легко. И без труда остановит сердце.

В итоге врагам от него доставалось вряд ли, а вот своих идиотов с того света вытаскивать приходилось с завидной регулярностью.

А теперь одна неугомная личность всё же нашла ему применение — перемешав гравитационным импульсом мозги парнокопытного любителя сырого мяса. Повод конечно серьезный — другие методы воздействия на почти тонную тушу слишком заметны, но как-то слабо верится, что все не было сделано из одного мальчишеского «слабо». Или всё гораздо серьезнее — и, не имеющего целого места на седой шкуре ветерана — достал-таки бес в ребро.

Кстати, о ребрах — с бесами пусть психолог разбирается, нечего чужой хлеб отнимать.

Тряхнув головой, Крайт вернулась к прерванному делу:

— А дальше что было?

— Ну, свин упал на передние колени, потом ткнулся пастью в землю, а она в меня попала...

— Из пушки?

— Да нет, вроде обычный револьвер...

— Ты меня не дури — у тебя вся левая половина тела спереди — сплошная гематома, это так броник импульс на максимальную площадь перераспределял. Там где не смог — сломано ребро, причем перелом открытый, но ребро ушло не вовнутрь, а наружу. Щит вообще отработал меньше чем на двадцать процентов, что говорит о том, что скорость пули была....

— А запись бота? — в голосе пациента появляется азартный интерес — шутка ли, выходит и люди и автоматика прозевали стрелка, причем с очень нестандартным стволом.

— А вот записи черного ящика твои слова полностью подтверждают — пуля вышла именно из ее револьвера, да и тебя очень характерно «сдуло» со спины хряка, разом погасив всю инерцию, да еще и придав приличный разгон в противоположную сторону. Ладно, это уже пусть оружейники разбираются, но новость неприятная — если у местных появились такие пули, то скоро иначе как в «горшке» на прогулку ходить не будем.

Тигр нервно дернул ухом — новость действительно не из лучших. За всеми этими разговорами он даже не заметил, как из ванны ушел гель, за что был наказан бесцеремонным захватом уха, за которое его и выволокли наружу. Уже там, вытянувшись в струнку перед старшим по званию, он дослушал остальные результаты обследования.

— С головой прядок. В том смысле, что мозгов в ней давно уже нет, потому и сотрясения не приключилось. Если вдруг будет болеть... впрочем, болеть она не будет — там сплошная кость, если такое учудить смог и целым остаться.

Крайт горестно махнула ушами, не зная, как выразить свое отношение к седому разгильдяю и продолжила с нажимом:

— Так, боец. Слушай мою команду — сегодня до вечера изображать блин на кровати. Пять дней — без физподготовки и беречь ребра, пусть срастаются. Потом на осмотр. Ты еще тут?

Радостный бег к двери — так легко уйти из медблока удавалось далеко не всегда, был оборван вопросом в спину:

— Тигр, ты хоть понимаешь, чем такие романтические истории обычно заканчиваются? Напряженная спина замерла на фоне темного люка, голос прозвучал глухо:

— Ты знаешь? А кто еще?

— Да все и всё про тебя, влюбленного дурака, знают. Думаешь в нашем коллективе всерьез можно что-то скрыть, особенно если поседевший убийца вдруг стихами письма писать начинает? Да еще и девочке, которой он в отцы годится...

— И?

— Всем тебя жалко. И ее. И помогли бы, да вот как в таком деле помочь?

«Седой убийца» — повернулся и вдруг по-мальчишески подмигнул:

— Вот и славно, не стоит умным людям за дураков их проблемы решать. Бывай, тельняшка!

И исчез за дверью под полушутливое шипение.

'Снежные склоны хребтов Гиндукуша
в красных заплатах солдатской крови.
Я под огнем перекрестным не струшу
ради твоей неизвестной любви.

Может быть, смерть мои руки развяжет -
я обниму тебя, падая в снег.
Горы высокие небу расскажут,
как человека любил человек.

Словом прощанья, слезою печали
издалека не тревожь, не зови.
Лучше останься такой, как в начале
нашей с тобой неизвестной любви.

Мы не бродили Москвою вечерней,
не целовались в Нескучном саду,
не придавай же большого значенья,
если однажды совсем не приду'.

Я смотрела на эти строки — очередное сообщение от неизвестного поклонника, которому я так нагрубилась прошлым вечером — и плакала. Да, я хорошо держалась за ужином, хоть и огорчила Рысь, проглотив с трудом едва ли больше двух ложек замечательного рагу. Да, я смогла спокойно и серьезно выслушать Марата, который так же, как Серж и Рысь пожелал уверить наедине, как 'чертовски' сожалеет о том, что не поехал со мной. Даже на звонок Ахиллеса удалось ответить спокойно и без эмоций, что конечно я приеду к нему завтра утром, и мы всё обсудим.

Попрощавшись со всеми, и убедившись, что Оля и правда хорошо всех устроила в моем новом доме — как хорошо, что я накупила столько разнообразных диванов и кушеток — я не стала строить из себя умирающую лебедь и рыдать в подушку. Просто стояла на балконе, ни о чем не думая, не желая пускать в голову хоть какие-то мысли. Лицо обдувал теплый бриз, быстрые тучки скрывали луну на доли секунды и неслись дальше, а бледный синеватый свет заливал все кругом, делая окружающие скалы и морские волны чем-то нереальным, словно в сказке. Изредка, то тут, то там показывались сквозь прорехи облаков яркие крупные звезды. И я невольно гадала, возможно ли увидеть среди них наше Солнце?

Нарушая тишину, царящую снаружи и внутри меня, запищали визоры. Отдав команду закрыть двери — пока что голосовой режим, настроенный Виком, меня устраивал, я вернулась в спальню и, усевшись по-турецки на своей огромной кровати, укуталась поплотнее в теплый пушистый халат и вывела сообщение незнакомца на виртуальный экран.

Горящие зеленым светом ровные строки очередного стихотворного послания медленно всплыли, покружились в каком-то причудливом танце, а затем замерли, позволяя их прочитать. Я ничего не ждала от незнакомца сегодня, и немного удивилась, неужели он не оскорбился моим ответом? И в строках я почти ничего с первого прочтения не поняла, но вот растаяли в воздухе последние слова, и я ощутила ком в горле, а лицо было мокрым от слез. Словно этот стих смог прорвать какую-то плотину в моей душе и дал выход чувствам: жалости к себе, к погибшему страшной бесчеловечной смертью Глебу, горю по своей первой детской любви, уничтоженной доброй памяти о ней, тоске по родине, маме...

Не было рыданий и даже всхлипываний. Я плакала молча, обхватив себя руками и до боли стиснув кулаки.

На душе стало легче не скоро. Точно больная, как в детстве, я спустилась на пол и, шлепая босыми ногами, поплелась в ванную. Пояс халата и длинный подол волочились следом, как шлейф. Умывая лицо, я уже ощущала умиротворенность и сильное облегчение. Надо жить дальше, боль останется, это неизбежно, только нельзя на ней заикливаться, пострадала и будет, надо попытаться жить дальше, и если не забыть, то как-нибудь спрятать, задвинуть ужас дня в дальний уголок памяти.

Еще раз прочла стихи, просто в визорах, без эффектов голоэкрана — слишком уж сильно подействовали странные строчки. Снова не поняла, что мне хочет сказать незнакомец. Что он военный, рискует жизнью и работа у него опасная, это уже из прошлых писем понятно было. Мне нечего ему сказать, и отвечать я не стала.

Только засыпая, свернувшись калачиком под одеялом, я вдруг поняла и даже подпрыгнула на кровати, снова включая свет и садясь, опираясь на подушки.

Схватила визоры и прочла в третий раз, представляя себе, как незнакомец находит именно этот стих, как отправляет его мне... Ну конечно, больше всего это похоже на прощание! То есть, всё?

Больше не будет писем и признаний? Я чувствовала, как усиленно бьется сердце. Но почему вот так внезапно? И именно тогда, когда особенно одиноко, когда нет достаточно близких друзей, личной жизни, и самого главного — нет любви... А есть ли на свете эта настоящая любовь? С чего я считаю, что это не сказки, разве после сегодняшнего могли у меня оставаться хоть какие-то иллюзии?

И поняла — могли! И остались! Вера в любовь и в то, что я ее все же встречу вернулась именно благодаря незнакомцу. А ведь он мне даже слова простого не сказал. Только эти стихи...

Поспешно активировав виртуальную клавиатуру, стала старательно писать ответ:

'Прошу вас, кто бы вы ни были, не надо со мной прощаться. Очень прошу. Только не сейчас. Мне стали дороги ваши письма, я жду их, жду того, что они делают со мной, хоть и не понимаю, что именно. Не знаю, отчего я хочу написать вам так откровенно, может оттого, что больше никому. Лучший друг остался на Земле, а нового я не нашла.

Как бы я хотела вас увидеть! Узнать ваше имя! Взглянуть в ваши глаза. Как бы я хотела, чтобы вы были рядом со мной сегодня, несколько часов назад... ведь, если всё, что вы сказали о себе — правда, то вы смогли бы меня спасти. Мне кажется, вы очень смелый и бесстрашный, а я такая трусиха...

Простите, вам наверное не понять, о чем я толкую. Произошел несчастный случай, да, иначе и не назвать. Если честно, все закончилось хорошо, по крайней мере — для меня. Впрочем, не уверена, что те двое заслужили такую страшную участь, и мне стыдно, что я

рада их смерти. Да, никому, кроме вас не смогла бы этого сказать.

Почему? Почему я вам так доверяю? Неужели я совсем наивна, и совершаю очередную глупость в жизни? Или есть в этом мудрость — довериться своей интуиции? Я не знаю. Я просто доверилась, сделала выбор, если угодно. Ваше послание заставило плакать, но это даже хорошо, лучше, чем было до него, когда внутри словно всё закаменело.

Как же мне вас называть? Я не могу так — без имени, поверьте! Мне надо обращаться к вам, знать, что вы личность, а не кто-то абстрактный. Не робот, не вирус в сети, а настоящий, живой, с бьющимся сердцем... Умный?

Сумбурно, но перечитывать не хочу, не могу просто. Давайте дружить? Ди'

Всё! Ушло! Эх, и что на меня вдруг нашло? Не совершила ли я ошибку? Да ну все эти заморочки, наплевать! Что сделано, то сделано, вот только уже началось ожидание ответа. Не слишком ли рано?

Я лежала с закрытыми глазами, ощущая подкрадывающийся сон, и улыбалась. Просто так, потому что дышу, потому что живу, не умерла, не стала едой для чудовища, и еще потому, что появилась надежда, словно кто-то хороший меня очень любит...

— Ай!

Шесть утра! Мало того, что разбудили не свет не заря, так еще доставили прямо ко мне в спальню гориллообразного доктора, который, похоже, решил довершить дело Камалы — того и гляди голову открутит.

— Ну-ну, расслабься, Диана!

— Как можно расслабиться, если вы велели мне полностью раздеться? А теперь еще... Ой-ой!

— Да, велел. А ты не послушалась! Вдохни полной грудью, еще, еще, еще. Стоп! Не дыша-а-ать! Вот так замри! Да!

Хрясь! Что-то в очередной раз хрустнуло в шее. Подумать только, это наглый доктор намекает, что я не сняла трусики? Иначе как понять фразу, что я не послушалась команды 'раздеться полностью!'. Впрочем, препиралась я только для виду, да чтобы отчасти скрыть смущение. Вик, приславший мне в такую рань местного костоправа, был абсолютно прав. Доктор подтвердил, что с позвоночником в шейном отделе у меня не всё в порядке и теперь заставлял принимать самые странные позы и проделывал непонятные мне рывки и крутки моей бедной головы, отчего в разных местах многострадальной шеи вот уже сорок минут беспрестанно что-то щелкало и хрустело.

— Ох!

— Всё, расслабься, перевернись. Руки вдоль тела! И — потерпи, массаж нам тут просто жизненно необходим, зато потом летать будешь.

Ого! Потерпи! Я стонала, едва удерживаясь от крика — больно-то как! Я всегда считала, что массаж — это удовольствие, а тут...

— Вот и всё! — доктор выпрямился и велел. — Ну-ка встань. Не тошнит? Голова не кружится? Хорошо! Нигде не болит? Поверни голову вправо — плавно, до конца. Вот так. А в другую сторону? Не больно? Дискомфорта нет? Наклони вперед! Ага, ну вот и все. Можно повторить через месяц. Не сутулься. Очень хорошо, девочка! И впрямь красавица! Викинг был абсолютно прав!

Обалдев от такой беспардонности, я схватила халатик, быстро закутываясь в него.

— Эй-эй! — запротестовал костоправ, — никаких резких движений сразу после сеанса. Да и вообще — старайтесь избегать подобных телодвижений. Даже в сексе необходимо быть осторожным, когда... Парень-то у тебя есть?

— Нет! То есть — это не ваше дело! Ванная там! Прямо за вашей спиной.

Костоправ хмыкнул и, качая головой, направился к ванной комнате.

Пока он мыл руки, я быстро натянула футболку и шорты, так как хотела попросить в цивилинном виде еще об одном одолжении.

— Док! Ой. Алексей Алексеич, я хотела...

— Лучше зовите — Док, как все, иначе я ощущаю себя стариком.

— Хорошо. У вас нет какой-нибудь мази или еще что-то такого, чтобы замазать синяки на шее? Ну, замаскировать...

Худощавый жилистый доктор ростом под два метра, с непропорционально длинными мускулистыми руками и почти полностью седой головой, посмотрел сверху вниз с жалостью:

— Ты так трогательно просишь, я пожалел даже, что давненько не пользую богатеев, а следовательно, уже лет пять не слышал просьб о подобной маскировке. Мой тебе совет — не выдумывай. В крайнем случае, надень свитерок с высоким горлом и все дела. Подумаешь, пара царапин...

— Спасибо. Но... Вик говорил, что вы лучший доктор-костоправ на Прерии?

— Хм, почти правда. Только в Белом городе, к примеру, где населения раз в десять меньше, чем в остальном окружающем пространстве, практикует с десятков докторов разных профилей, среди которых есть и мой коллега-костоправ. Вот он хуже, а за остальных не поручусь, ибо даже не знаю, есть они на Прерии, или нет.

Однако! Чуть огорченная, я по визорам вызвала Рысь, которая тут же примчалась и ласково уговорила доктора позавтракать наверху — с ней и Виком, и ещё парочкой приятнейших людей.

— Кстати, обратись к нему, — крикнул эскулап, утягиваемый моим личным пилотом, — наверняка он снабжает нежную верхушку подобными штуками...

Оставшись одна, я еще минут пять с огорчением рассматривала синяки, некрасивыми пятнами напоминающие о самых жутких мгновениях вчерашнего дня. И как мне на людях показаться. Даже перед своей командой не хотелось так появляться, а уж перед чужими... Да, конечно можно обычный маскировочный крем использовать, да вот только не нуждалась я никогда в подобных вещах и запаса не захватила с Земли. Был маленький тюбик простого тонального крема в наборном саквояже с косметикой, но смотрелся он грубо, особенно наложенный толстым слоем, а что с ним станет от местной жары, вообще думать не хотелось. То же самое со свитерками, о которых так любезно подумал Док. Ну, кто в такую жару станет носить одежду с закрытым горлом, когда больше всего хочется наоборот — раздеться...

Выход, конечно, есть — прокатиться в Белый город и найти там аптеку. Но для этого надо покинуть спальню, следовательно, безрукавный белый топик с высоким горлом все же одеть придется. Иногда я жалею, что природа или гены наградили меня такой длинной шеей. Вот сегодня, например. Была бы коротенькая, как у... Вспомнить, у кого я видела самую коротенькую шею, не удалось. Я с грустью надела топик, и подходящие к нему белые широкие брючки. В конце концов, главное — естественно выглядеть перед камерой, а сегодня я сниматься точно не собиралась. Сначала поездка к Ахиллу, потом нужно все же

отвезти Надюшку к геологам. Обещали ведь, да и любопытство снова проснулась, стресс, вероятно, решил отпустить меня из своих жестких щупальцев.

— Ди, вот, Док оставил это для тебя, — Рысь, как всегда, ворвалась в мою спальню маленьким вихрем, затормозив, поставила на столик круглую серую баночку без всяких надписей.

— Ничего не сказал?

— Ну почему — ничего? Сказал. Передаю дословно: 'Ладно, не похожа она на них, вот хоть ты тресни! Дай ей, Оляча, вот это — и скажи — тоненьким слоем, а на ночь — потолще, и салфеткой прикрыть. Завтра же ничего не останется. Чудо наш терник, чудо. Пусть только потом вернет, Викингу отдаст. А то не напасешься на вас, неугомонных!'

— И все?

— Ага. Вик его в город на катере повез.

— Кто ещё проснулся?

— Только Серж и Егор. Остальные пока дрыхнут. Так и понятно — семь часов только, а Марат и вовсе сова.

— Это как? — удивилась я ее наблюдательности, но тут же махнула рукой. — Ну и хорошо. Пусть спят. Скажи Моретти, что мы с тобой сейчас к Ахиллесу, а потом все вместе к геологам полетим, пусть три часа занимаются, чем хотят. Вылетаем отсюда в десять. И остальным пусть передадут.

В столовой, действительно сидели только Серж и Егор и ели омлет с гренками. Дружно пожелали мне доброго утра. Оба выглядели свежими и бодрыми. Может, искупаться успели? Бассейн же есть.

Рысь наливала чай и указала мне на стол.

— Диан, я тебе тоже положила, надеюсь, поешь?

— Спасибо. Поем, пахнет восхитительно.

Я заняла место за столом и встретила с серьезным взглядом Сержа.

— Что?

— Ты подкрепляйся, Ди, подкрепляйся, я позже скажу.

Нда, что за тайны с утра пораньше? Я попробовала кусочек омлета и сразу ощутила голод. Умеет Оля готовить, что ни говори, так вкусно я даже в ресторане не ела. Или мне так только кажется? Вчера за ужином толком не поела, вот и проголодалась. Вспомнилось, как ребята вчера дружно старались меня отвлечь разной ерундой, словно сговорились не упоминать о неудачном сафари. Мило, конечно, с их стороны, но по решительному виду Моретти стало понятно, что это была лишь отсрочка.

Так что тянуть с завтраком не стала, быстро расправилась со своей порцией и потянулась к кружке с чаем. Две ложечки белой смерти, то есть сахара — не могу без него, особенно утром — дольку лимона, помешать, первый глоток, и всё — готова к разговорам.

— Ну, так что за разговор, Серж?

— Я о твоей поездке к Ахиллесу. Вот что, собираюсь поехать с тобой.

— Зачем это? То есть, я не против, — пожала я плечом, — раз уж ты считаешь, что это необходимо.

— Вот и славно, — Серж заметно расслабился и заулыбался, словно не ожидал такого легкого согласия с моей стороны. — Как спалось? Понравился костоправ?

— Спалось хорошо, а этот Док... Профессионал, конечно, но не особо понравилось.

— Почему? — в один голос воскликнули все трое, даже Егор перестал клевать носом. Видимо, Док был фигурой известной и любимой.

— Не люблю представлять голой перед чужими мужчинами, пусть даже докторами, — пояснила я, словно защищаясь.

— Голой? Абсолютно? — живо заинтересовался Серж. — А перед своими мужчинами? Могу я считать себя своим?

— Успокойся, Серж, перед тобой я не собираюсь раздеваться, так и запомни.

Заспанный Марат выбрал именно этот момент, чтобы появиться на пороге кухни:

— Ну и разговорчики, — оценил он. — Рысь, там рагу не осталось вчерашнего?

— Осталось, — Оля отложила электронный блокнот, в котором сосредоточенно что-то записывала, и поспешила на кухню. — А омлет положить? — донеслось оттуда.

Марат был согласен и на омлет и вообще на всё. Обжора! На мой комментарий он лишь усмехнулся и заявил, что голодный он злой, так что в моих же интересах — его накормить.

— Кормись, я только рада, — глотнув еще чаю, я поднялась, — только вот составить тебе компанию не могу. Серж, ты готов?

Вот тут вся веселость мигом слетела с Марата.

— Куда это вы собрались? — настороженный взгляд быстро перебежал с меня на оператора.

— К Ахиллесу. Это ненадолго. Потом полетим к геологам...

— Присядь, Ди! — перебил Марат. — Серж, выйдем на минуту? Разговор есть.

Я послушно опустила обратно на стул. Подумать только, у них уже тайны от меня?

Моретти окинул админа чуть насмешливым взглядом, с грохотом опустил на пол передние ножки стула, на котором раскачивался, и, словно нехотя, поднялся:

— Ну ладно, пойдем, поговорим.

— И что это означает? — попыталась я разобраться.

— Ничего особенного, Ди, — Марат пропустил итальянца вперед, — это личное. Подожди, ладно?

На мой вопросительный взгляд Рысь пожала плечами, мол, сама не поняла. Егор спрятал за чашкой улыбку, видимо понял что-то, но говорить не собирался. Так как я не особо с ним успела познакомиться, расспрашивать не решилась.

Вернулись парни не так и быстро. Минут десять прошло. Оба явно недовольные, но хоть целые и невредимые — и то хлеб. А то я уж подумала, не разборки ли устраивают. Только причина непонятна. Вот конспираторы. Стало обидно, что меня посвящать не собираются. Что за секреты, в самом деле?

— Я готов, Ди, — Серж снял свою камеру со спинки стула и повесил на шею. — Поехали? Рысь, ты как?

— Рысь, чаю мне налей, пожалуйста, — Марат оторвался от своего рагу. — Классно готовишь, малявка.

— Еще раз назовешь малявкой, кормить больше не буду, — Рысь бухнула перед ним огромную чашку дымящегося напитка. — Я тоже готова, Ди!

Я вздохнула и поднялась. Ладно, сейчас некогда, но потом обязательно разберусь, чего они там скрывают.

Марат невинно улыбнулся, желая счастливого пути, словно прочел мои мысли, чем только подлил масла в огонь.

— Ты ничего не хочешь мне рассказать? — не удержалась я.

— Нет, — качнул он головой, — а что?

— А ты, Серж?

— Ди, пойдем уже! — раздраженный тон Моретти вообще удивил, он таким еще никогда не был. Любопытство мое просто кипело, но пришлось смириться.

— Я в редакцию, подбросите? — вскочил Егор.

В результате мне пришлось сидеть в салоне с молчаливым Егором, а Серж наглым образом забрался в кабину, словно нарочно, чтобы я ни о чем не могла спросить. Ни при Егоре же, в самом деле. 'Ну, парни, припомню вам ещё!' — подумала мстительно.

На крыше редакции Егор попрощался и как-то неуверенно спросил, может ли он поехать к геологам с нами. Для сюжета, мол, неплохо меня снять и среди суровых работяг. Я заверила, что возражений не имею и условилась, что заберем его на обратном пути.

Рысь посадила коптер прямо во дворе Ахиллеса, рядом с черным собратом — чуть больших размеров. Кажется, именно на нем меня возили к другу Михалыча в первый вечер на Прерии.

Оля сама повела нас внутрь дома, пояснив, что Ахиллес уже ждет и велел провести в кабинет. Видимо связывалась с ним по визорам во время полета. Кабинет оказался тот самый, где прошла наша первая встреча.

Ахилл, вставший при нашем появлении, показался мне еще более опасным и мрачным, чем тогда. Он вышел из-за своего стола и перешел к большому овальному, где сел напротив нас с Сержем. Рысь сразу испарилась, Серж выглядел спокойным и серьезным, никакой улыбочности и обычного дружелюбия. Странно! Отодвинув мне стул, он сел рядом и, уставился на хозяина кабинета, который отвечал ему тем же.

— Кто вы такой? — наконец спросил Ахиллес. Ровно так, но попробуй не ответь.

— Ее оператор и друг. А вы?

О как! Мой друг, оказывается.

Глаза хозяина дома недобро сверкнули, но на вопрос он ответил.

— Я — человек, и тоже хотел бы стать ее другом. Причин несколько, назову лишь одну. В людях разбираюсь, и девочка мне нравится. Достаточно?

— Вполне. — Моретти откинулся на стул, словно предлагая нам общаться, а он свое дело уже сделал.

— Я вообще-то здесь, — пробормотала я, намекая, что могли бы не разговаривать при мне в третьем лице.

Никто не обратил внимание на мою реплику, ну а зачем им это надо, конечно. Вообще странно, что меня тут принимают, все вокруг просто кричит о чисто мужском мире. И Серж, похоже, вписался в него идеально, а вот я — нет. Грустно? Еще бы!

— Диана, я пригласил вас, чтобы обсудить вчерашний несчастный случай, — Ахиллес едва заметно поморщился, — о чем, надо полагать, вы уже догадались. Как вы себя чувствуете?

Я невольно коснулась шеи:

— Нормально, — растерялась, не зная, что еще сказать и посмотрела на Сержа, но тот сидел с каменным лицом, рассматривая потолок с рисунком какого-то библейского сюжета, и похоже, помогать мне не собирался. — Понимаете, вчера...

Я запнулась, горло вдруг перехватило. Не думала, что так тяжело окажется говорить об этом. Не хватало еще расплакаться.

— Диана, — как-то осторожно начал Ахиллес, — я понимаю, что вам тяжело это вспоминать, но кроме вас, увы, некому рассказать, что произошло на самом деле. Я потерял двух своих людей, достаточно опытных... Полагаю, они сделали все возможное, чтобы спасти вас. Не просто же так отдали свои жизни.

Он кивнул на девушку, которая, постучав, внесла в кабинет поднос с напитками и закусками. Это дало передышку — возможность обдумать свой ответ, и мысли бешено закрутились в голове.

Можно ли ему рассказать всё, как было? Да и нужно ли? Что я о нем вообще знаю, об этом суровом мужчине, друге Михалыча? Кажется, они вместе служили. Правда, друзья, значит. Что ему сказал Михалыч насчет меня? Ведь и таксист не так, чтобы очень, был со мной знаком. Ну да, подарил револьвер, Марат смотрел на оружие, как на чудо, так что, возможно, и правда — очень неординарный подарок. Почему он его сделал? Почему обучал стрелять? Вывод у меня был только один, возможно и совсем неправильный — я ему очень нравилась. А что, ведь тогда я это чувствовала. И не обязательно человек будет нравиться другому из-за каких-то причин. Ведь такое может происходить даже вопреки всему. Значит, примем, как данность.

Вздохнула, так ничего не решив толком, и взяла с подноса стакан с лимонным соком. Очень уж он понравился мне в прошлый раз.

Ахиллес тоже взял сок и Моретти, поколебавшись пару секунд, последовал его примеру. Наглый оператор мог бы хоть как-то мне помочь, но попытка поймать его взгляд не увенчалась успехом. Типа, сама выкручивайся? Ну, Серж! Раз так буду говорить честно, всё, что думаю. Именно это оценит Ахиллес, судя по всему, а на Сержа плевать, что он там себе думает.

— Мне кажется, вы не совсем верно оценили происшедшее, Антон, — произнесла, когда за девушкой закрылась дверь. — Глеб... Ваши люди угрожали мне.

— Вот как! — грек прищурился, чуть откинув назад голову. — Именно поэтому вы их убили, Диана?

Кажется, Серж подавился своим соком, но меня так поразили слова Ахилла, что не до этого стало.

— Что? Я убила? Да как бы я могла? О чем вы говорите?

— О том, что знаю. У вас был револьвер, очень необычный, насколько я понял. Такие пули... где вы его взяли?

— При чем тут это? У ваших людей автоматы были. Я совсем не разбираюсь в оружии, я знаю, но мне кажется, вы должны понимать, что револьвер совсем не соперник автомату.

— Не горячитесь, Ди, — Грек по-прежнему выглядел совершенно спокойным, — я вас ни в чем не обвиняю. Но гибель моих людей...

— Их... их съел монстр. — Кажется, я все-таки всхлипнула, но тут же смогла взять себя в руки. — Я их не убивала!

— Кроме вас троих там никого не было. Визоры Камалья и Глеба, к сожалению, восстановлению не подлежат. А мне бы очень хотелось видеть какое-то подтверждение вашим словам. Могу я ознакомиться с записью ваших визоров?

— Н-нет.

Его глаза едва заметно расширились и снова сузились:

— Почему? — от жесткого тона по затылку побежали мурашки.

— На Ди визоров не было, — спокойно произнес Серж, — это я помню абсолютно

точно. Боюсь, мы все расслабились, доверившись вашим людям.

Грек окинул оператора тяжелым взглядом и снова посмотрел на меня:

— То есть, нет никаких доказательств, что это не вы стали причиной смерти моих людей? Ди, признайтесь хоть в том, что Глеб был вашей любовью, когда служил тренером на Земле и у вас были причины личного характера по отношению к нему.

Я почувствовала вдруг такую волну гнева на этого человека, который не только заставлял меня вернуться к страшным событиям, разрывающим сердце, а еще и обвинял в смерти этих мерзавцев. Личные причины! Боже мой! Вскочив со стула, я оперлась руками на стол, не очень сознавая свои действия, и выпалила:

— Личные причины? Вот как вы это называете? Да вы знаете, что Глеб ненавидел меня?! Что он специально заманил меня в эту рощу! Вы хоть понимаете, что они хотели меня убить! Эти ваши люди едва не задушили меня ремнем автомата!

— И тогда вы его застрелили?

— Нет!

Я выхватила из кармана камеру, подаренную Сержем. Сама не знаю, для чего взяла ее с собой. Швырнув ее Ахиллесу через стол, воскликнула:

— Сами смотрите! Раз вам так нужны доказательства — вот они!

После чего, не обращая внимания на странный взгляд грека, почти рухнула на стул и все-таки разрыдалась, закрыв лицо руками.

— Спокойно, Ди, все хорошо! — рука Сержа легла на мое плечо. — Смотрите, Ахилл, там есть всё.

— Как это работает? Можно извлечь память? — Грек несколько брезгливо рассматривал хамелеончик, меняющий цвет в тон зеленому камню стола.

Обида прошла так же быстро, как и пришла. Мне стало невыносимо стыдно перед хозяином этого кабинета, да, что уж скрывать, и перед Моретти тоже. Веду себя, как избалованный ребенок, а не умная собранная журналистка.

— Дайте мне, — Серж быстро нажал какие-то невидимые грани и извлек тоненький стержень:

— Стандартный разъем — хоть для визоров, хоть для чего другого. Только разблокировать запись может лишь Ди.

Ахиллес вставил стержень в свои визоры и протянул мне идентификатор:

— Диана?

Я кивнула, прикладывая мезинец левой руки к гладкой поверхности. Имплантат, встроенный под кожу, коротко и неприятно завибрировал, и я убрала руку.

Увидев, как Ахиллес выводит изображение на огромный голоэкрэн, и кабинет заполняет цоканье копыт четырех лошадей, я тут же снова поднялась.

— Мне надо умыться. Вы позволите?

— Конечно, — Грек остановил запись, и в его взгляде мне почудилось сочувствие. — По коридору направо, следующая дверь. Если хотите, мы подождем вас.

— Не надо, — как можно небрежней, я махнула рукой, — я всё это уже видела!

Поспешно покинув кабинет, я быстро зашла в большую ванную комнату, отделанную каким-то темным камнем, и долго умывала лицо холодной водой. Мне было неловко от своей трусости, но видеть во второй раз, как монстр съедает людей, или как Глеб выкрикивает мне в лицо гадости с перекошенным от ненависти лицом, просто не могла. У меня и без того всё слишком хорошо запечатлелось в мозгу — каждая мелочь, каждый звук

— и я очень боялась, что никогда не смогу избавиться от этих картин. Так что лишних напоминаний мне точно было не нужно.

Когда я, наконец, решилась вернуться, то на экране увидела обеспокоенное лицо Марата. Господи, кажется, на его лице блеснули слёзы, когда он говорил: 'Слава Богу, ты жива, Ди!' А я и не видела этого. 'Глеб, — услышала я собственный очень хриплый голос, — Глеб жив?'

Ахилл выключил камеру.

— Диана, простите, что был несправедлив к вам, — произнес он очень напряженным голосом. — Вы сердитесь на меня?

Я помотала головой. Странно, но я действительно не сердилась. Скорее ощущала облегчение оттого, что он теперь всё знает.

— Что вы собираетесь делать с этой записью?

Я оглянулась на Сержа, но оператор пожал плечом, мол, решай сама.

— Отдать вам. Копии я не делала и запись никому смотреть не давала. Ахилл, я уверена, что вы не замешаны в этой истории и очень надеюсь, что и вы не станете показывать никому эту запись. Мне бы хотелось, чтобы мы по-прежнему остались друзьями.

У Сержа, кажется, отвалилась челюсть, а Грек вдруг широко улыбнулся.

— Знаешь, девочка, — произнес он неожиданно очень довольным голосом. — Много я повидал людей на своем веку, но такое дитя неразумное вижу впервые.

Прежде, чем я успела возмутиться, он встал и протянул руку:

— Значит, друзья?

Неуверенно пожала, ощутив его силу и мягкость одновременно. Кивнула:

— Да, друзья.

— Ты не пожалеешь, Ди! Можешь всегда на меня рассчитывать!

Сержу он тоже пожал руку и криво усмехнулся:

— Оператор... значит?

— Самый лучший... здесь... на Прерии, — произнес Моретти ему в тон.

— Буду иметь в виду. Игрушку свою не забудьте.

Я сунула одинокую камеру в карман, порадовалась, что грек напомнил, а то нежное устройство так слилось со столом, что я бы и не заметила.

За дверью нас ждала Рысь, присев на корточки и прислонившись к стене, она что-то слушала, подняв визоры на макушку и закрыв глаза. Больше всего похожа была на одинокого подростка со своим ежиком жестких волос и детским личиком. Почувствовав, видимо нас, она живо вскочила и улыбнулась:

— Всё, можем ехать?

Но тут же улыбка ее померкла.

— Рысь, на минуту! — холодный голос Ахилла вызвал панику не только у девчонки. — Ди, можете спускаться к коптеру, трап спущен.

— До свидания, Антон.

Рысь, проскользнула в кабинет и дверь плотно закрылась.

— Сейчас спустит с нее часть драгоценной шкурки, — прокомментировал Серж, улыбаясь.

— Как ты можешь?! — мы спускались уже знакомым маршрутом во двор. Причем Моретти, в отличие от меня, попавший сюда впервые, ориентировался лучше.

Выйдя на улицу и оказавшись на просторном дворе, мы нос к носу столкнулись с двумя здоровыми мужиками. Они замерли, как и мы, и синхронно шагнули в разные стороны, уступая дорогу.

Я хотела пройти, мало ли кто мог посещать Ахиллеса, но лицо одного из мужчин показалось смутно знакомым. Где я могла его видеть?

— Извините, — я вежливо улыбнулась, — мы с вами нигде не встречались?

Темно-карие, почти черные глаза скользнули по моей фигуре, после чего остановились на лице:

— Ошибаетесь, леди, впервые вас вижу! — мрачно прогудел он.

Второй улыбнулся и подмигнул мне, а я постаралась быстренько пройти между ними. И зачем спросила? Кого я тут вообще могу знать? Недели ведь не прошло!

— Бывает, Ди, — хохотнул Серж, — проследуйте на борт, плиз, дорогая леди.

— Прекрати паясничать, — буркнула я, поднимаясь в коптер.

Ахиллес не обманул, Рысь появилась, едва мы успели сесть на удобный диванчик в салоне. По лицу ее было непонятно, что там у них произошло, однако едва мы поднялись в воздух, на голоэкрane появилась ее шаловливая улыбка:

— Легко отделалась, — сообщила она, нисколько не таясь, — ну что, прокатимся с ветерком?

— Рысь, не сейчас, а то я сам по шее надавать могу, — Моретти щелкнул пальцами, — нам еще этого, как его, Егора нужно в студии забрать.

— Ах да, ну ладно, — Оля сделала аккуратный вираж, возвращаясь к центру Сити. — Такой скучный парень, этот Егор, — пробормотала она.

— А кто тебе больше нравится из нескучных? — подмигнул Серж, — подожди, я угадаю! Неужели красавец-итальянец?

— Не угадал! — весело рассмеялась Рысь. Мы пошли на посадку.

Пока ждали Егора, который не очень-то спешил, Серж продолжал попытки вызнать все сердечные тайны Рыси, но девчонка оказалась не такой простой. Шутила не менее остроумно, не сделав в итоге ни одного признания. Как маленькие, честное слово! И кто после этого у нас дитё?

Наконец появился Егор, бегом добежал до коптера и забрался, на ходу извиняясь за задержку.

Мы взяли курс на домик на скале, откуда предстояло стартовать в новое путешествие вглубь Прерии, отчего сердце у меня тревожно забилося. Какие ещё сюрпризы готовит мне судьба? Неожиданности далеко не самого приятного свойства, словно специально подкарауливали меня здесь на каждом шагу, потому от поездки к геологам я уже не ждала ничего хорошего. Лучше сразу настроиться на самое худшее. Или не стоит?

Я вздохнула и поглядела в окно на приближающийся дом на скале. Вот и появилось у меня пристанище. Дом, милый дом. Внутри стало тепло-тепло от этой мысли. Теперь я понимала всю глубину этого выражения! Ничего, уже вечером, если повезет, мы вернемся, и я буду спать в собственной постели в собственном доме.

Отступление второе: Отцы — командиры

— Заходи рядовой. И давай сразу без чинов, Тигр.

— Товарищ капитан, рядовой первого класса по вашему приказанию прибыл!

— Даже так...

Четыре глаза внимательно обшарили строптивца от когтей на ногах («выпустил, значит волнуется или еле сдерживает агрессию») до кончиков увенчанных черными кисточками ушей. Всего наблюдения набралось не более метр семидесяти пяти, хотя согласно уставу нахал стоял вытянувшись в струнку, шириной плеч он тоже не блистал. Все это на несведущий взгляд, разумеется, если не знать что перед ним один из лучших разведчиков и вообще просто очень удачливый сукин сын, умудрившийся выжить за более чем двадцатилетнюю и совсем не штабную карьеру.

Участник практически всех серьезных заварушек, «Дранный тигр» умудрялся практически в любом, самом ерундовом, эпизоде получить очередную отметину на свою шкуру, но, тем не менее, из всех серьезных переплетов вырывался по крайней мере живым. И вот теперь эта великолепная «карьера» подходила к концу.

Сидящим за столом это было совершенно четко видно. Дает война командиру такое толи проклятие, толи дар — видеть, кто из его бойцов погибнет в следующем бою. Обычно это как «тени» на лице воспринимается.

Тигр тем временем тоже смотрел на начальство. Их взгляды отличались. Если командир с которым они прошли и повидали немало, глядел с тоской и жалостью, как у постели больного друга, то взгляд недавно присланного в команду особиста понять было сложнее. Он профессионально придавал своей морде абсолютно каменное выражение, и только на дне взгляда плескалось что-то непонятное — то ли несогласие, то ли гнев, а может сочувствие или все разом. Кто знает.

— Так, рядовой. Я внимательно изучил ваш рапорт и содержащуюся в нем просьбу. Особенно замечательно она смотрится после устроенного вами на последнем выходе цирка. Но этот вопрос мы рассмотрим отдельно. Что касается самого рапорта — он настолько необычен, что пришлось провести его экспертизу. К сожалению, медицина подтвердила твою вменяемость в процессе его написания, поэтому, увы, с ним придется разбираться все же мне.

Сохраняя вид «лихой и слегка придурковатый» Тигр с немалым удовольствием наблюдал за мучениями начальства. А все же здорово их учат, офицеров, шпарит как по писанному, ни одной запинки или междометия, а ведь по глазам совершенно ясно, что переводит свои мысли с военно-уставного, что называется «на лету».

— Что касается сути поданного рапорта. Мы, рядовой, не на курорте, а выполняем боевую задачу. В ходе выполнения которой никакие «увольнительные» или «отпуска» непредусмотрены. Вне зависимости от аргументации, а у вас она к тому же она безнадежно слабая. Безопасность тоже против категорически. Все, рапорт рассмотрен, просьба отклонена. Вопросы?

— Никак нет, товарищ капитан. Разрешите идти?

Два взгляда опять пробежались по этому упрямцу и, не встретив понимания, скрестились — «а я ведь говорил» явственно читалось в глазах командира, «и не таких

обламывали» — зам по работе с личным составом, явно пытался хорохориться, но на дне явно проглядывала неуверенность.

Командир оперся всей тушей на стол, когти скрежетнули по полированному металлу, «поза подавления» в его исполнении впечатляла. Казалось еще миг и дело дойдет до рукоприкладства. Чем не вариант помочь дураку — отправить строптивного на больничную койку, там глядишь и голову подлечат. Но вот только спокойный взгляд в ответ четко говорил — "грозен ты командир, где-нибудь в поле я тебя может и испугался, а вот в тесной каюте — не слишком ли ты заплыл мяцом, да и жирком — больше на симуляторе работая?"

Но и противник Тигра был не лыком шит — опустившись назад в кресло, он легко перевел игру на собственное поле.

— Рассчитываешь новый рапорт написать? Это ты зря. Пока не сняты предыдущие взыскания, никакие просьбы не рассматриваются. Вот так, рядовой, — командир кивнул, отметив по ставшей напряженной позе и приливу крови к ушам, что его слова достигли цели и продолжил. — А за предыдущий цирк тебе много чего полагается. Не дано нам решать кому жить, а кому нет, так что надо было или помогать всем, или не вмешиваться. К тому же расчет времени и общая согласованность действий — ниже всякой критики. Нельзя поддаваться эмоциям. Впрочем, кому я это говорю...

Тигр ушами выразил согласие со всеми озвученными и не озвученными утверждениями и изобразил максимальную готовность внимать и исполнять. Но начальство решило видимо добить:

— Есть задача со степенью риска выше положенной. К тому же необходимо выполнить ее самостоятельно, без поддержки и прикрытия. Так что имеешь полное право отказаться.

После чего командир, пропустив мимо ушей презрительное фырканье от подчиненного по поводу последнего предложения и пригвоздив взглядом к месту вскинувшегося было зама, перевел внимание на тактический экран.

— Вот этот утес. В глубине скалы находится наш тайник и метеостанция, а также ретрансляционный комплекс связи и пассивной разведки. Все это богатство замаскировано на скале, питание автономное. Совсем недавно станция выдала сигнал критического разряда аккумуляторов и замолчала. Задача — провести контроль состояния станции и хранилища, принять меры к восстановлению работоспособности, если необходимо — обеспечить работу техников. Поскольку пойдешь «голяком», а объект близко к жилью, то разрешаю индивидуальный контакт третьего уровня. Вопросы?

Дальше оставалось только откинуться на спинку стула и полюбоваться двумя отвисшими челюстями — Тигра и зама. Рядовой пришел в себя первым.

— Вопросов нет. Разрешите начать подготовку?

— Иди уж. Свободен!

Впрочем, взгляды, которыми они обменялись на пороге, говорили больше — «Спасибо, командир. Я твой должник», «Вот и верни долг — вернись. Что до остального — все что могу...»

Вздыхнув вслед закрывшемуся люку, капитан перевел совсем не дружеский взгляд на собственного зама. Тот уже только что не булькал, и еле сдерживался от прямого нарушения субординации в присутствии низового состава. Под тяжелым взглядом он прижал уши к голове признавая право приказывать, но встопорщил усы заявляя о личном несогласии с принятым решением.

Разговор обещал быть тяжелым.

Из кубрика после беседы с капитаном Очкарик вылетел в растрепанных чувствах. И до настоящей трепки было совсем недалеко, но не это главное. Не любил он холодную бездушную расчетливость, когда людьми двигали, будто шахматными фигурами, просчитывая реакцию на десятки шагов вперед. О чем и заявил прямо в глаза, едва дверь за рядовым успела захлопнуться. Командир в ответ скривился, словно съел чего и заявил напрямую:

— Дурак ты, старлей, за что готов я тебе впаять «неполное служебное» прямо сейчас, не сходя с места. Но всё же попробую объяснить. Офицер в первую очередь и должен думать, в том числе и о том, как будут восприняты его слова и действия, как будут исполняться его приказы. Потому как подчиненные — это не винтики, а вполне себе живые люди. Со своими тараканами, привычками и степенью умственного развития. Зачастую — гораздо умнее тебя. Вот, к примеру — как думаешь, зачем Тигр вообще этот дурацкий рапорт написал?

Пришлось молча краснеть под жалостливым взглядом непосредственного начальства.

— Учись думать как подчиненный. Тигр — разведчик, но вне «поля» он пойдет к поставленной цели по прямой, не считаясь с потерями и чужими мнениями. Потому и рядовой до сих пор — не потому, что задвигают, а потому, что ничего большего ему до сегодня нах не надо было. Все очень просто, если принять во внимание выслугу и послужной список. В случае отказа он элементарно подает в отставку «на поселение» и уходит вниз. И ничего с этим не сделать, прав таких у нас нет. А попытаешься препятствовать — просто угонит орбитальный челнок в качестве «наследства кукушонка» (*доля, выделяемая члену клана в случае перехода в другой), и откажется от гражданства. Хороша перспектива ухода «на сторону» подобной технологии, не говоря об информации?

— На это нужно разрешение.

— А кому принадлежит планета? Мы, старлей, тут на птичьих правах, уж тебе-то об этом прекрасно известно. Постоянных поселений на поверхности у нас нет. Зато есть города адамитов, на своей материнской планете даже единого правительства не имеющих. И? Не разочаруй меня.

— Термопсайд. Царица улья. К тому же планета всего — лишь под нашим протекторатом, если фермики заявят об своих правах, то...

— Мы вылетим отсюда меньше чем в двенадцать часов. Нам повезло, что Терм пропустила мимо антенн твою выходку с организацией слежки. И что вообще — ничего, кроме науки, ее не интересует. ПОКА. Но вот вызвать ее на связь — дело пары секунд, и как думаешь — что она ответит, если ее попросить...

— Он так не поступит...

— Молодец. Теперь понимаешь — он так не поступит. И мы это знаем, и он знает, что мы знаем. Потому лучше не доводить до крайности и дать то, что он хочет, в конце концов, он имеет полное право распоряжаться своей судьбой. Заслужил. Иди выполнять задачу, старлей, и постарайся сделать ее хорошо.

Во как! Взяли за шкуру, да сунули носом в свое собственное...

Вот только, помимо сказанного, было еще оставшееся между строк. И это жгло душу, буквально выворачивая ее на изнанку. Даже парочка манекенов в комнате для тренировок, порванных в клочья одними когтями, не смогла погасить этого чувства, но ясность мысли, однако, вернула.

Мысль же штатного сотрудника службы безопасности проста и понятна — командир был не согласен с решением ученых о категорической нежелательности вмешательства в происходящее на планете. И как настоящий десантник, он готовился действовать. Решительно и беспощадно. Заранее планируя и подготавливая основание и обеспечение.

Вмешиваться нельзя, но в случае «угрозы жизни и безопасности военнослужащих или гражданских лиц»... Можно.

Подставлять кого-то из гражданских — низость, и вот теперь, в самом центре будущей каши — оказывается доброволец, выполняющий «специальное задание». И имеющий отнюдь не иллюзорные шансы сложить голову в предстоящей заварухе. Потому как не будет он спасать свою шкуру, мало ее влюбленные ценят. Его даже заботливо избавили от коллег, чтобы рассчитывал сам на себя. Мерзко-то как на душе.

Нет, конечно, можно всю эту интригу прекратить своей властью.

Или просто пойти к Тигру и все эти мысли ему рассказать. Вот только результат известен заранее — за попытку вмешаться этот влюбленный, с полным на то основанием, снимет с кое-кого шкуру. Любовь, она превращает в слепца самого умного и недоверчивого. Хм, за «разговор по душам», на «йух» конечно не пошлет. Просто сверкнет своими карими глазами, слепит улыбочку по наглее и скажет: «согласно устава подчиненные должны предугадывать тактические замыслы командования. Я всю эту «любовь» и закрутил-то ради того, чтобы такая возможность появилась». И что после этого скажешь?

Командир действительно имеет право пожертвовать частью своего подразделения для обеспечения тактического преимущества, а уж если эта жертва добровольная и принимается с энтузиазмом...

Остается только молча развернуться и идти. Куда послали.

Тем боле, что задача поставлена совсем не тривиальная — легализовать идалту в обществе адамитов. Тигр среди них, по определению, будет бросаться в глаза как турецкий барабан в ванной, а сделать все надо так, чтобы ни у кого никаких вопросов не возникло.

А местные, между прочим, про иных разумных ничего и не знают. Это, пожалуй, благо, знали б — шансов не было. А так — надо работать.

Делай, что должен, и будь, что будет.

Тигр тоже прибывал в растрепанном состоянии, правда, по другому поводу. Неожиданный подарок судьбы ошарашивал и заставлял задуматься о том, какую цену эта ветреная красавица намерена взять за свою начальную благосклонность. А тут еще письмо с поверхности пришло. Точнее, сначала Одуванчик долго стояла на балконе и смотрела практически в глаза. Казалось, протяни руку, и можно коснуться волны белых волос или белого пушка на скуле.

А потом пришло письмо, где ему предлагали «стать другом». Мир дрогнул, но нежным юнцом Тигр не был уже давно, в конце концов — кто он для нее? Потому просто перечитал еще раз, и вот тут непробиваемое самообладание все же дало трещину — слишком многое оказалось между строк. И тоска с одиночеством — это было самое малое.

Слишком тяжелой ношей оказалось столкновение со смертью для человека, чья стихия — жизнь. Эти строки сами собой отбрасывали назад, в те времена, когда смерть еще не стала хорошей знакомой и постоянной спутницей. С удивлением Тигр обнаружил в себе новое, а точнее подзабытое чувство — страх. Не ощущение близости опасности, а иррациональный страх смерти. Неприятное чувство — бояться за другого.

Было очень жаль, что нельзя оказаться рядом. Чтобы принять и успокоить. Ну и заслонить от всех невзгод этого мира.

Но тут недремлющий рассудок напомнил, что романтические мечтания — это одно, а вот сразу после памятного кабанчика еще и обнаружить в собственной спальне клыкастого, зубастого, «с во-о-от такими когтями» и в шерсти — это точно будет незабываемым впечатлением.

«Так что — отставить панику и эмоции, человек, написавший строки, имеет стержень как бы не покрепче, чем у тебя, а здоровый сон послужит куда как лучшим утешением, чем инопланетный монстр!» — после чего на губы сама собой вылезла дурацкая счастливая улыбка.

За всеми размышлениями и разглядыванием рамки, на которой светилось последнее изображение Одуванчика, Тигр не заметил, как в каюте стало заметно темнее — Жужелица, когда надо, может двигаться бесшумно и быть незаметной. Как такое возможно при весе в полтора центнера, было загадкой даже для него. Ведь палуба-то должна как-то реагировать на такой вес? Но предметы в её присутствии напрочь игнорировали и школьную физику, и сопромат.

Вот и сейчас, она сделала два скользящих шага и оказалась на койке. После чего внимательно с минуту рассматривала рамку, которую он так и забыл в руках.

— Красивая, и очень... не знаю, дитё дитём. Обидишь ее — лучше не возвращайся. А ведь обидишь, беспокоишь ты меня Тигр.

От таких слов ледяная волна пошла вдоль позвоночника. Жужелица — это серьезно, а уж если ее кто-то «беспокоит»... Это салагам можно рассказывать про «большой шкаф громче падает», а в реале — против почти тройного веса отнюдь не жира, да при равной подготовке нет шансов никаких. Это ведь не традиционное мужское выяснение, кто круче, тут просто возьмут за ноги да раздерут на две половинки.

В схватке с равным по опыту, но гораздо более сильным физически противником — рассчитывать можно только на оружие. Потому Тигр и запустил ножом, который нервно крутил в пальцах последнее время, в висящую на двери санузла мишень.

Оружие, оно только для врагов, для своих — зубы и когти. Или слова. А о каком доверительном общении может идти речь, если собеседник вынужден отработанным «расфокусированным» взглядом отслеживать железку в чужой лапе?

— Зачем оно тебе? Девочке детки нужны, зачем ты ей, со своими шрамами на душе и ночными кошмарами?

Тигр не спеша отвернулся к «наружной» стене каюты, которая теперь отображала восход луны над планетой. Узкий серп освещенного местным светилом океана отбрасывал яркие блики.

— Ты же знаешь, что мы не можем вмешаться. И знаешь, что там не сегодня-завтра начнётся. Как думаешь, какие шансы у нее будут, если...

Вот опять, еще миг назад была на кровати, а теперь ушастый силуэт маячит в створе входного люка. И никакого движения за спиной не почувствовал.

— Удачи не желаю, у дураков ее и так больше чем надо. Что до шансов, то их что с тобой, что без тебя.

— Зато я буду рядом... — прошептали губы, хотя слушать эти слова было некому.

С другой стороны — самый внимательный и недоверчивый собеседник он всегда с тобой.

Рысь вдруг вспомнила, что не заправила коптер и, высадив нас на крыше моего дома, улетела. До времени, назначенного на отлет, оставалось еще минут сорок, так что я не стала расстраиваться, а сразу пошла в свою комнату, переодеться в камуфляж. Синяки на шее на самом деле еще и появиться толком не успели, это я с утра преувеличила, а вот царапины от собственных ногтей, увы, остались. Смазала все это тонким слоем субстанции из баночки Дока, так и ожидавшей меня на столе, там, где поставила Оля. Кожа у меня за эти дни незаметно успела приобрести смугло-рыжеватый оттенок, все-таки солнце тут интенсивное, и я всерьез задумалась об отдыхе. И желательно в одиночестве — может, у бассейна. Тогда можно и голой, чтобы загар сравнялся на всем теле. Завтра как раз воскресенье — выставлю всех, впрочем, надеюсь, дурдом закончится, и некого выставлять будет, разве что Рысь, так ее я стеснялась меньше всего.

Нацепив кобуру с пистолетом, я порадовалась, что нашла вчера время для чистки оружия. Даже зарядила. Марат помог правда, проконтролировал и все, что не понятно было — объяснил.

Не успела надеть и застегнуть жилетку, которую Оля именовала "разгрузкой", как меня позвали.

— Все уже в коптере, — вынырнула голова Рыси из холодильника, — о! Классно смотришься! А я тут это, еды нам в дорогу наготовила. На обратный путь Надюшка просила не брать, сказала — снабдит.

Я взяла из ее рук один из контейнеров:

— Дай, помогу. Сколько лететь-то, что запасаемся, как на северный полюс?

— Надюшка говорила — часов семь, но это смотря на чем. Я надеюсь часов за пять добраться. Так, к пятнадцати ноль-ноль будем там. Если часа три вам на экскурсию хватит, то замечательно — вечером будем дома.

— Хотелось бы! — с чувством отозвалась я. — Только очень прошу, не рискуй понапрасну, ладно?

— Хорошо!

В который раз наш синенький 'стриж' поднялся в воздух, и, пролетев над городом, мы снова оказались над просторами планеты.

Я сидела рядом с Леночкой и Егором, напротив устроились Серж и Марат, Надюшка очень просилась в кабину, и Серж не смог устоять перед ее очаровательным голоском — уступил присвоенное место.

Разговаривать с ребятами не хотелось поначалу, потому я включила визоры, выбрала приятную мелодию и стала искать что бы почитать. Все равно первый час — навряд ли я за окном что-то новое увижу, а если и случится, Моретти обязательно начнёт громко комментировать — так что услышу даже сквозь музыку.

Под классического инструментального 'Одинокого пастуха', так любимого Стешкой, я активировала свой аккаунт, отключенный на время поездки к Ахиллесу. Вообще странно, что я постоянно его отключаю. Визор, в смысле. Это же не Земля. Надо избавляться от такой вредной привычки. Тут опасности на каждом шагу.

Сердце вдруг дернулось и ухнуло в пустоту, и вовсе не из-за крутого виража — Рысь на

этот раз вела машину быстро, но аккуратно. Просто увидела входящее сообщение от скрытого номера. Ничего себе! Ведь до ночи еще далеко! Или... мое предложение дружбы так повлияло?

Открыть, или дождаться, когда приедем? О чем я думаю?! Словно я смогу выдержать столько времени!

Глянув поверх очков, убедилась, что парни заняты чем-то своим и не обращают на меня внимания. Вот и славно. Уже не удивилась странному волнению, охватившему всё мое существо от предвкушения. И, главное — объяснения этому не находила. Ну что мне этот поклонник, от которого не видела ничего, кроме стихов. Правда настолько точно подобранных, казалось, он и впрямь разговаривает со мной. Нажала на сообщение, и замерла — перед глазами крутился как живой — беленький цветочек с пушистой головкой. Вот он стал таять, возникло темное небо с крупными звездами. Одна сияла ярче других, приковывая все внимание к себе. Как же это понять, что можно передать картинками? Изображение снова растаяло и медленно проявился текст — сначала серый, буквы сливались, потом медленно становились ярче и четче, словно фокусируясь. Сердце застучало сильнее. Дыхание на миг перехватило. Что же он ответил? Ну же! Быстрее! А если только стихи? Как же устала читать между строк, если б он только знал!

И вот... Всё-таки стихи. Впившись глазами в строчки, стала читать медленно. Может, хоть в этот раз удастся сразу увидеть и то, что скрыто за поэтическими строфами?

'Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я..."

Как я его произнесу, если даже не знаю?! Это что, издевка такая? Где это имя? Почему он не поговорит со мной по-человечески? Или плохо понимает русский язык? Чувства глубокого разочарования и обиды заставили закрыть письмо. Еле заставила себя глубоко дышать, не позволяя слезам показаться на глазах. Правда, и не видно их за визорами, но душа казалась настолько обнаженной, что даже камуфляж и разгрузка не давали чувство

защищенности от посторонних взглядов. Что ты делаешь со мной, незнакомец? Зачем? Почему? Почему именно так? И ведь подумать только! Даже имя назвать не захотел! Это после всего, что я написала! Открыла душу, дружбу предложила, наконец!

Что ж он за человек такой? Почему не хочет назваться и говорить простым языком, а только копирует старинные стихи. Что за игра такая? И главное — почему я так расстраиваюсь?

Ну и ладно, плевать, даже отвечать больше не стану! В глубине души я уже понимала, всё равно отвечу, но не хотелось сдаваться так быстро. Пусть тоже подождет. Если, конечно, ему хоть на сотую долю важна наша переписка так, как мне!

Забыть оказалось почти невозможно, но я постаралась приложить все силы. Прочла послание от Ахиллеса. Надо же! Удостоил!

'Ди, спасибо за Рысь!' Н-да, всего четыре слова. Тоже загадочный нашелся! И за что спасибо, скажите на милость? Отослала маленькую улыбающуюся рожицу. Пусть думает, что хочет.

Поработать? А и в самом деле — нет ничего лучше работы, всегда ведь знала. Но скоро просматривать отснятые кадры и ролики видов Ново-Плесеца наскучило. Сколько можно, в самом деле. Тем более, в этом я полностью доверяла Сержу — Моретти гораздо лучше меня подбирал композицию видеоряда, надо признать. Вот над текстом вступления еще стоило поработать — сократить описания, добавить живости и юмора. Но не в коптере же этим заниматься?! Вот когда вернусь... Что еще-то?

Открыла рубрики истории Прерии. Нажала вкладку 'Геологи'. Материалов масса, часть уже видела, поэтому быстро листала темы, пока не наткнулась на одну: 'Непридуманные истории, Земля, 2011 год'. Ого. Интересно, как они-то сюда попали? Что может быть общего с современной Прерией? Кто его знает, этот 'Аналитик-М', по какому принципу он отбирает?! Ник '[BOOM]er' почему-то привлек внимание — от его имени шло не меньше десятка разных историй и все коротенькие и забавные.

Четвертую, где рассказчик упомянул своего отца, уже читала увлеченно, заранее улыбаясь.

Но по мере прочтения, еле сдерживала рвущиеся из горла смешки. А когда здоровый геолог бросился бежать, испугавшись следа медведя, а топающего за ним товарища принял за этого самого зверюгу, решившего его догнать, и ворваться следом в дом, не выдержала и стала хохотать. Марат с Сержем оторвались от своих дел и сначала смотрели недоуменно, а потом сами заулыбались.

Я так смеялась, что минуты три не могла внятно объяснить ребятам, да и вообще произнести больше одного слова за раз. Видимо, это нервное, сначала Ахиллес, потом незнакомец... В конце концов, уже еле дыша, просто сбросила всем на визоры эту и все остальные истории загадочного геолога Бумера, и скоро в салоне коптера веселились уже все. Я утирала слезы, чувствуя себя почти счастливой.

И конечно, каждый принялся вспоминать случаи из своей жизни. Особенно Токаев вдохновился. Я включила визоры на запись — очень уж интересная жизнь у Марата оказалась. А я даже не знала, что он был охотником, вот как бывает. И молчал, главное!

Даже Леночка припомнила историю из детства, а Егор рассказал, как всем поселком тушили пожар. Лишь Серж ничего рассказывать не захотел. Пояснил, что быть слушателем ему нравится больше, да и не случалось у него ничего такого 'колоритного', как у админа или остальных.

За рассказами и просто уже разговорами незаметно пролетело два часа, после чего Рысь предупредила, что снижается, мол, пора сделать всем передышку, спокойно поесть и размяться. По ее словам, мы даже опережали немного полетный график, так что все идею остановки одобрили.

Сели мы в живописном месте на вершину холма.

— Очень удачно, молодец, Рысь, — Марат взял наизготовку свое ружье и пояснил: — пространство открытое, просматривается далеко, так что вряд ли кто-то сможет подобраться незаметно.

И, тем не менее, пугая меня своими действиями, Токаев и Моретти по очереди сторожили остальных, пока мы ели и бегали к ближайшим кустикам, предварительно тщательно обследованным ребятами.

После сытной еды на ветреном холме меня стало клонить в сон, и оставшееся время полета, я спокойно проспала, откинув свое кресло. Кто-то даже набросил на меня тонкое мягкое покрывало, а я-то думала, почему мне так хорошо и уютно спится.

Только когда до базы геологов оставалось двадцать минут, меня разбудила Леночка, и пришлось быстро приводить себя в порядок. Хотелось выглядеть достойно даже перед этими простыми людьми, хотя как это возможно в бесформенной камуфляжной одежде оставалось для меня загадкой.

Посадка прошла мягко, и Рысь, скомандовав: 'Всем на выход', отключила мотор и разблокировала двери.

Все тело у меня затекло, от не слишком удобного положения во время сна, да и в туалет хотелось сильно, оттого что уделила много внимания напитку из свежих плодов местных яблок. Тех самых синеватых, одно из которых я умудрилась сунуть в карман перед началом вчерашней истории с гибелью Глеба.

И тут меня осенило. Ведь Рысь тогда сказала, что у геологов работает брат Глеба. А не ошибку ли мы совершили, приехав сюда? Однако Марат с Сержем уже покинули салон, и я спустилась вслед за ним по трапу, удивленно оглядываясь вокруг.

Какая красота! Вдали виднелись белые шапки синеватых гор. Вокруг росли причудливые деревья, под которыми стояли небольшие одноэтажные домики. Похоже на какой-то поселок, очень органично вписавшийся в эту сказочную местность.

Рысь радостно бросилась на шею подошедшему к нам высокому мужику, назвав его дядей Пашей. Видимо это и был тот самый друг Вика. Он внимательно нас рассматривал, не проявляя ни дружелюбия, ни других каких-то эмоций. Интересно, за что его так любит Надюшка? Надо было видеть, как она радовалась встрече с этим суровым дядькой еще на подлёте. А он? Незаметно, что это видит, улыбнулся ей как-то снисходительно. Не замечает? Мужики они такие, порой диву даешься, насколько не видят собственного счастья под самым носом.

Так как Надюшка сразу убежала, получив добродушный, но твердый приказ начальника, представила нас Рысь — в своей неподражаемой манере — скороговоркой и весьма непосредственно, после чего Павел Петрович Епифанов, отрекомендовавшись: 'Зовите меня просто Паша', - пригласил на обед. Это меня порадовало. Несмотря на перекус в дороге, аппетит разыгрался с новой силой.

Марат о чем-то негромко спрашивал местного начальника, царя и Бога, пока мы шли к длинному невысокому строению метрах в трехстах от нас. Сержио не нашел ничего лучше, как попытаться дружески приобнять меня за талию. Он вообще после встречи с Ахиллесом

ведет себя странно.

Впрочем, почти сразу убрал руку и так широко улыбнулся, что я ему все простила. Решила даже тихонько поинтересоваться, заметил ли он чувства Надюшки к Павлу Петровичу.

— Ну, ты скажешь! — рассмеялся Моретти, и тут же понизил голос, когда идущий впереди в компании админа предмет обсуждения мимолетно оглянулся на нас. — Кто ж вас, девушек поймет?! Вот про мужиков я тебе всё могу сказать. Ха-ха.

— Очень смешно! — ох уж этот самоуверенный итальянец. — Тогда скажи, что испытывает мужчина.

— Э-э, ты о ком?

— О нем, конечно, — кивнула я на Павла Петровича.

— А-а. Ну, тут все просто. Опекает, относится как к дочери, порвет за нее любого в клочки. Серьезный мужик.

— Вот дурак, — вырвалось у меня против воли.

— Не скажи. Надюшка за ним будет, как за каменной стеной... Если, конечно, перестанет вести себя непонятно и прямо признается, что чувствует.

— Ничего себе, а что не видно разве?

— Неа, не видно. У мужиков же как? Если любит — то ничего не замечает. Она может быть какой угодно — распутной, грубой, надменной — в общем, сухой и стервой, а ему без разницы — весь мир не прав, а прав только Он, потому что это Она. Потом когда-нибудь всё же прозреет, но это все потом. А вот если любят его... То тут та же слепота, но наоборот. Нам же что важно — достичь, добиться, завоевать. Но вот если нужно просто заметить... а может, в такое счастье не можем поверить, не знаю. Да и потом, девушки всегда себя ведут так, словно у них что-то есть на уме в отношении тебя, а на самом деле — просто хотят подружкам нос утереть. А может, еще проще — не нужно ему такого счастья и всё тут. Извини, если разочаровал.

'Вот оно как! Просто у мужиков?! Знал бы он, какие загадки устраивает мне тайный поклонник!'. — И тут меня осенило:

— Ну, допустим! Тогда еще можно уточнить про психологию мужчин?

Серж внимательно глянул мне в глаза, словно хотел что-то увидеть, очень ему важное, но тут же всё испортил, подмигнув и улыбнувшись широкой мальчишеской улыбкой. А ведь я даже успела подумать, как он хорош, когда серьезен!

— Ди, радость моя, ты сделала верный выбор, задавая подобные вопросы именно мне! Честно и доходчиво отвечу на любой вопрос. Абсолютно! Даже на самый неприличный.

— Прекрати паясничать! Ладно, — я убедилась, что Леночка с Егором ушли далеко вперед. — Вот Леночка ведет рубрику полезных советов. И думая, что я в этих делах очень опытная, попросила помочь ответить одной телезрительнице.

— А ты опытная?

— Серж!

— Да-да, извини, слушаю очень внимательно!

— Телезрительница... назовем ее Ника. Так вот. У Ники появился поклонник, который вроде как в нее влюбился...

— Уже интересно!

— Но молчаливый такой поклонник. Подкидывает ей каждый вечер очень красивые цветы на порог дома, и маленькие записки со стихами, но встретиться не пытается, ничего

такого. Даже не признается, кто он.

— Хм.

— А ей он очень понравился, очаровал даже, пусть и заочно... и вообще, Ника почти уверена, что тоже его... ну, наверное, любит.

— Наверное? Наверное, любит? — Моретти поморщился. — Это что, чисто женское? Любит или нет?

— А то я знаю, — нахмурилась я. — Передаю тебе то, что сама услышала.

— Ладно-ладно, не злись, Ди, а в чем вопрос-то?

— Она написала ему письмо, где от чистого сердца призналась, что чувствует, и как хотела бы его увидеть, хотя бы имя узнать. Рассказала, как ей одиноко. И даже предложила...

Я запнулась, вдруг струсив. А если догадается?

— Что предложила? — прищурился Серж, — переспать? В смысле — себя предложила?

— С какой стати? Ты только об одном думаешь что ли?

— Эй-эй, полегче. Сама ведь рассказываешь чисто любовную историю. Приходится мыслить в этом ключе. Я же не просто слушаю, а хочу тебе помочь... с ответом этой Нике. Так что она предложила?

— Она... в общем, прямо предложила ему дружбу! А он даже никак не отреагировал и...

Моретти встал, как вкопанный. Пришлось тоже остановиться.

— Чего ты?

Такого взгляда я еще не видела у итальянца. Он смотрел на меня, словно видел впервые, как будто у меня уши стали как у эльфа, или еще что-то в этом роде.

— В чём дело?

— Ди, ты это сейчас серьезно? Правда, не понимаешь? А можно... Прости пожалуйста... Тебе сколько лет?

— При чем тут это? — Я даже сердиться не могла на наглое Сержа, ощутив, что сейчас, наконец, что-то пойму. — Двадцать три. Будет. Через двадцать дней. А чего?

— Того, — он даже не улыбался, — А Ахилесс-то, сукин сын, не так уж далек от истины, называя тебя дитём!

— Прекрати обзывать и говори толком, а то я уже ничего не понимаю!

— Хорошо! — Серж вздохнул, не отрывая от меня какого-то жалостливого взгляда и покачал головой. — Короче, так! Запомни сама и этой Нике втолкуй. Предложить влюбленному мужчине дружбу — это, как бы, не то, чтобы удар ниже пояса, но что-то вроде. Понимаешь?

— Нет, а что в этом плохого-то? — поразила я.

— Смеешься? Э-э. Похоже, нет. Как бы объяснить-то? Ну, например, приглашаешь ты девушку на свидание, а она приходит с подругой.

— М-м. Это тоже плохо?

— Я боюсь за тебя, Ди! — пробормотал Серж. — Конечно, плохо. Облом, можно сказать. Но ты права, пример неудачный. А, может, ты мне на слово поверишь? А?

— Ладно. Предложить дружбу — это вроде табу?

— Типа того. Скажи, — он чуть склонил голову и потер подбородок, — а у тебя что, кроме этого придурка Глеба никого не было? Тогда ты просто не знаешь, что положено говорить женщине, уходящей к другому.

— Что? — вся кровь бросилась мне в лицо. — У нас ничего... Да как ты смеешь? С чего

ты взял?

Он нахмурился, оглянулся на остальных, успевших уйти довольно далеко.

— Чтоб я сдох, Ди. Прости дурака! Я вовсе не хотел тебя обидеть! Ну вот, уже слёзы. Ты ударь меня что ли?

— Зачем это? Не хочу! — вся злость и обида тут же исчезли. Слова Сержио обезоружили, и я просто не могла на него сердиться. Может, как раз он заменит мне Стешку и станет таким же другом? Потом об этом подумаю!

Вздыхнув поглубже, постаралась говорить спокойно:

— Всё в порядке! Правда.

— Точно? Ладно... Вернемся к нашим баранам... то есть — к влюбленным. Так что там Ника и этот бедный парень? Она предложила дружбу, а он, полагаю, оскорбился и ее послал?

— Во все нет! — я едва смогла вспомнить, кто такая Ника. И пришлось срочно придумывать, как закруглить эту дурацкую сказку. — То есть, не знаю, просто перестал приносить цветы.

Я пошла вперед, стараясь скрыть охватившую дрожь. К растрёпанным чувствам примешивалось удивление от новых открытий в сфере любовных отношений. И Серж еще смеет утверждать, что с мужчинами просто?!

— Вообще-то — это и есть "послал", — Серж догнал меня и зашагал рядом. — Ладно, не майся ты дурью! Пусть Леночка сама свои советы дает, тем более, у нее любовник есть — как-нибудь разберется. Давай догонять их, а то смотри, как оглядывается Марат!

— И как? — не хотелось мне никого догонять, хотелось забиться куда-нибудь и немножко поплакать. Пришлось сделать над собой усилие и беспечно улыбнуться итальянцу.

— Как ревнивый муж! — хохотнул Серж и сразу с беспокойством поглядел на меня. — Я пошутил, просто прикалываюсь, настроение хорошее. К тому же обедать идем — я проголодался, а ты?

— Трепло ты, Моретти, самое настоящее!

— Так я разве спорю? — ухмыльнулся он.

— И наглый, к тому же!

— Неа — голодный просто.

Местная столовая, вопреки моим опасениям, встретила потрясающим ароматом жареного мяса и чего-то еще, сразу и не разберешь. В желудке у меня заурчало, но сначала надо было решить проблему с уборной. Благо, Рысь уже успела все разузнать и сама подбежала:

— Ди, умыться и все такое можно здесь, — она указала на неприметную дверь.

— Э-э, а мальчикам где?

Забыла, что Серж рядом, покраснела даже.

— А мальчикам — обратно на улицу, тундра большая, — не растерялась Оля. — Шучу, там пристроечка рядом справа, все вполне цивилизно. Но вход с улицы.

— А ты откуда знаешь? — удивился Моретти.

Рысь показала ему язык, не собираясь раскрывать информатора, чем заслужила шлепок по заднице, когда уже собиралась штурмовать столики. Обернувшись, окинула Сержа пренебрежительным взглядом, а мне сказала:

— Я для нас пока столик выберу, а то Надюшка сказала, сейчас сюда народу привалит.

Время обеденное. Или просто поглазеть на тебя решили.

— Почему это на меня?

Но Рысь вопроса не расслышала, устремившись вглубь помещения.

— Ну и вопросики, — шепнул на ухо итальянец, — такая дэвушка, а мужики тут давно на голодном пайке.

— Дурак! — стукнула его легонько локтем в живот, чтоб пропустил.

— Ох! Ты чего дерешься? — Моретти шагнул назад, и я быстренько прошла к заветной комнатке. — О! Зов природы. Ну, так бы и сказала!

— Сам мог догадаться! — спряталась от его вопросительного взгляда, плотно прикрыв за собой дверь.

Помещение оказалось совсем крошечным, запиралось оно как в летательных аппаратах общего пользования, "открыто-закрыто". Надо же, неплохо. А что до тесноты — я тут хором не ждала, так что порадовалась и таким удобствам — главное — они есть!

Вернувшись, без труда нашла наш столик, заметив еще с порога черную шевелюру Марата в самом углу. Народу действительно прибавилось. Вновь появившиеся бросали на меня косые взгляды и о чем-то шептались, давно я такого внимания не устаивалась. Невольно чуть собралась, стараясь не слишком улыбаться, но и не выглядеть надменной. И всё же странно — что интересного в моем камуфляже, ведь ничего особенного — тут все почти также одеты. И прическа никакая, спрятана под кепкой, одетой задом наперед, как у Рыси. В общем, не собиралась я сегодня никого сражать неземной красотой. Хотя, признаться честно — отражением в зеркале скромной уборной осталась довольна. И глаза сияли, и щеки чуть разрумянились, и губы — даже без помады казались накрашенными. Хорошо на меня воздух Прерии действует, это я уже давно поняла.

Видимо, ради нас, сдвинули три столика, и немного освободили места вокруг. Получалось, наша компания занимала целый угол. Приятно, что и говорить. Сразу заняла место между Маратом и Рысью. Напротив как раз сидели Павел Петрович, Леночка и Егор А Сержу, который задерживался, оставалось единственное место на торце.

— Все в порядке? — тихо спросил админ. — Тебя Моретти не обижает?

— Ага, нормально... Что? Да разве он способен обидеть? — за улыбкой постаралась скрыть волнение. Не могла понять, с чего оно появилось — реально чего-то предвкушала и впервые в жизни не знала — чего именно. Это беспокоило, я оглядывалась, не в силах заметить ничего, чтобы могло оправдать горячую волну внутри меня.

— Недооценивать мужчину вроде Моретти опасно, — так же тихо пробормотал Марат. — Не будь такой легкомысленной, Ди.

Похоже, админ раздосадован. Ревнует что ли? Ну, если Серж прав, это совсем не смешно! Волнение не нарастало, держалось внутри ровным теплом, но любые другие чувства сразу заглушало. Вот и досада на Марата испарилась бесследно. Может, это у меня проснулся дар какой-то? Интуиция, к примеру? А может, просто что-то не то съела?

Серж извинился за задержку, занял свое место и подмигнул. Я округлила в ответ глаза — не мог хотя бы за обедом не раздражать Токаева?

Сразу стали приносить большие тарелки с едой и расставлять перед нами, словно ждали только оператора. Вот тут и пришло время удивляться разнообразию местной кухни. Павел Петрович оказался очень даже разговорчивым, он без всякого гонора или смущения обстоятельно отвечал на вопросы сидящей рядом с ним Леночки, которая, по сути, выполняла за меня работу. Ну и хорошо, я слушала в пол уха, ожидая возможности

наброситься на все прибывающие к столу блюда.

Печеные с салом половинки картофеля, жареное филе рыбы, грибочки нескольких видов — маринованные, жареные и запечённые в омлете, большие куски поджаристого нежного мяса. Толстые ломти хлеба, видимо домашнего, выглядели не менее аппетитно. А самое красивое блюдо принесли последним — тарелки красного борща с белоснежной сметаной. Такое я только у Алекс ела, вспомнилась даже Земля, стиснув печалью сердце. Ненадолго — меньше минуты, а потом забылось... и я отдала должное кулинарным шедеврам кухни маленького геологического поселка.

Отобедав, мы поблагодарили хозяев и гурьбой отправились смотреть какое-то незабываемое зрелище.

— А что такое канава? — спросила я Павла, мы уже шли минут десять, а ничего похожего я пока так и не увидела.

— Ну, таким способом, мы рассекаем монолитный слой коренных отложений, — улыбнулся он. — По-простому говоря, скальной породы.

— И насколько глубоко вы уходите в недра земли?

— По-разному. Порой и более, чем на десять метров, — пожал он плечами. — Сейчас сами увидите.

— На десять метров? — невольно повторила я. — Интересно. Но хотелось бы посмотреть.

Он усмехнулся:

— Для этого и идем. Сейчас как раз будет биться новая канава. Так что приготовьтесь, немного потрясет. — Взрывники решили пройти ее в сверхкороткое время — заложили сразу четыре тонны взрывчатки. Хоть до места работ и пара километров, но всякое может случиться.

Марат держался рядом со мной с одной стороны, Серж — с другой, и все равно стало слегка жутковато. Завели нас в какой то 'дот'. Проревела сирена и, спустя минуту, мы увидели поочередно взмывающие в небо пыль и крупные куски породы. Затем по ушам ударил мощный звук взрывов, даже земля под ногами закачалась, словно вода, и нас здорово начало подбрасывать. Еле удалось устоять на ногах, и то не без помощи Марата. Ухватила за него, благо никаких возражений не услышала. А мимолетная улыбка показала, что он только рад. Павел Петрович, и вовсе казалось, не замечает взбесившуюся природу. Широко расставив ноги, сунув руки в карманы, наблюдает спокойно. Как умудрялся снимать всё это Серж тоже непонятно. Рысь пребывала в восторге. Леночка ахала, а меня так потрясло и заморозило зрелище, что навалившаяся было послеобеденная сонливость, мигом улетучилась.

Так что, когда всё закончилось, интервью с Епифановым прошло весело. Не только я, все засыпали его вопросами, и он под прицелами камер Сержа и Егора отвечал добродушно, и подробно. Удалось даже вставить вопрос об Истоковой Леониде, но Павел по этому поводу ответить ничего не смог — связь с Истоковым прервалась еще утром, так что где он, и когда прибудет на место — никто не знал.

Потом всё вспоминалось довольно смутно. Мы вернулись к коптеру. Все благодарили Павла за приятную встречу, а я улучила-таки момент, чтобы шепнуть ему на ухо:

— Приглядитесь к Надюшке. Что ж вы не замечаете, как девчонка на вас смотрит?

— Как? — не понял он, видно, вообще не ожидал такого.

Эх, и зачем сказала?

— Извините, думала, вы не знаете, что она вас любит, — пробормотала я, чтобы слышал только он. Улыбнулась и поспешила к трапу. Взгляд его всё же стал вдруг задумчивым, а вид слегка растерянным или оглушенным. И куда делась пуленепробиваемая самоуверенность?!

И тут как раз прибежала Надюшка — не обратив внимания на странный взгляд начальства, вручила Оле пакет пирогов с мясом и грибами, и еще — чем-то заполненные контейнеры. Помахала нам рукой, желая счастливого пути, встав рядышком с начальником и, ни о чем не подозревая, радостно ему улыбнувшись. Ну вот, немножко страшно было, не испортила ли я людям жизнь своим непрошеным вмешательством. Но почему-то нисколько не жалела.

Множество людей вышли взглянуть, на наш отлёт, а я почувствовала, как слипаются глаза и спать хочет каждая клеточка тела. Странно, вроде и не делала ничего, да и всю дорогу сюда проспала. Однако смирилась с требованиями организма. Устроившись в своем кресле, придала ему лежачее положение и, благодарно улыбнувшись Марату, подавшему тонкое покрывало, блаженно закрыла глаза. Спать! В пол уха слышала, как Серж пробормотал, мол, последствия стресса, ничего удивительного. Может, и прав. Волнение так ничем и не оправданное, все еще было со мной, когда сытая и довольная, полная новых впечатлений, я отрубилась на высоте восьмьсот метров над просторами Прерии.

Меня разбудил голос Оли, звучащий очень официально.

— ... поднимите спинки кресел и пристегните ремни. — Рысь хоть и смотрелась на экране весьма серьёзно и уверенно, но мне стало не по себе. Такой жесткий взгляд я видела у девочки впервые. Впрочем, она тут же отключила экран, потому я не могла сказать с уверенностью, что взгляд ее мне не привиделся.

Я встрепенулась и подняла кресло, с тревогой глядя на приникших к окнам Сержа и Моретти. Вместо того, чтобы самой взглянуть, спросила, стараясь не показать испуг:

— Что случилось?

Серж хотел что-то сказать, но Марат опередил:

— Всё нормально, Ди. Э-э... Плохая видимость просто. Час, максимум — два, надс переждать.

— А-а! А где мы?

— Где-то над перевалом...

Его прервал голос Рыси:

— Удалось определить место посадки. Приготовьтесь, может немного тряхнуть.

Мы и без того были пристегнуты, хотя и не помнила, когда успела это сделать. Невольно напряглась и тоже с опаской взглянула в окно и поежилась — белым-бело. Метель? Вспомнилось, как кто-то говорил, что на перевалах такое возможно и стало вовсе не по себе. Упругий толчок дал понять, что посадка прошла удачно, но все еще несколько мгновений боялись пошевелиться, точнее — я боялась, да пожалуй, Леночка. Она тихонько ойкнула. Марат чуть хмурился, продолжая что-то разглядывать в окне, Серж подмигнул мне, словно вообще не понимал, отчего все так растревожились. Подтверждая это мнения, он отстегнулся и с хрустом потянулся.

— Ну что, сидим в коптере или прогуляемся — мальчики налево, девочки направо? — спросил он, как ни в чем не бывало.

Марат глянул на него раздраженно, но высказываться передумал. Вместо этого задал вопрос Оле:

— Рысь, как там за бортом?

— Спокойно, — тут же отозвалась наш пилот. — Удалось сесть на ровную площадку, закрытую скалой. Тут тихо, но никакой растительности нет, да и места маловато. Так что направо-налево не получится, разве что по очереди выходить, или еще как? И еще — не сорвитесь, пожалуйста, в пропасть и вообще — не подходите к краю. Мы очень высоко...

— Хорошо, — резюмировал Марат, — мы первые прогуляемся. Серж, ружье прихвати, мало ли что, не доверяю я местной тишине ни на грош.

Вооружившись и сам, он подождал, когда опустится трап. После чего открыл дверь, и в кабину ворвался холодный ветер со снегом. Впрочем, метели снаружи никакой не было — только медленно кружились снежинки.

— И чего испугались, снежка? — скептически проворчал Марат.

— Мы удачно приземлились — скала закрывает от ветра, а вокруг буран, — ответила Рысь.

Егор с Сержем последовали за админом, и дверь за ними плавно закрылась.

— Может нам не стоит идти, а использовать биотуалет? — спросила Леночка.

— А он тут есть? — удивилась я. Со строением коптеров я не слишком знакома, и туалетом в Земных такси даже в голову не приходило пользоваться.

— Есть, — кивнула Рысь с галоэкрана и радостно нам подмигнула, — кресло в хвосте как раз оно. Не стесняйтесь, я не смотрю.

Я колебалась не больше секунды. Какая разница-то, главное парней отправили. Тепло и уютно. Что еще человеку для счастья надо? И как же хорошо, что не придется раздеваться на голой скале под ледяным ветром.

Леночка тоже не жаловалась, жизнерадостно заметив, что очень надеется на отсутствие видеозаписи сего процесса.

— А ты, Оль? — спросила я, когда мы обе заняли свои места.

— А пилотское кресло почти такое же, — широко улыбнулась Рысь. — Я уже всё!

Мы успели еще вдоволь повеселиться над пикантной ситуацией, пока не вернулись мальчики.

Ввалившись в салон, разгрябившиеся от мороза, они сразу заняли свои места, требуя у Оли прибавить тепла, замерзли мол.

— Ну как, девчонки? Пойдете? — Марат тер руки, зажав коленями свое ружье, пытаюсь их согреть. — Вполне безопасно — если у скалы. Никого из зверья тут нет и быть не может. Мы словно на балкончике. Только очень холодно, имейте ввиду.

— Я провожу, если пойдете, — тяжело вздохнул Серж, убирая ружье в чехол, — пожертвую своим теплом еще раз.

— Не надо, — заулыбалась Леночка, но я ткнула ее локтем в бок и она не стала выдавать, что никакие кустики, а тем более голые скалы нам не нужны.

Просто мне очень захотелось взглянуть — каково это постоять на вершине мира.

— Я пойду. И Леночка права, нечего нас сопровождать. Или ты останешься, Лен?

Она неуверенно пожала плечом, а Рысь тут же встрепенулась:

— Лен, ну ты тогда не ходи, если не хочешь, а мы с Ди не пропадем.

Ольга снова пробралась в салон.

— Вы только недолго там, — неуверенно проворчал Марат, — помни, что второго пилота у нас нет!

Рысь показала админу язык, но на сей раз слишком близко от него находилась. Мгновение — и она уже у него на коленях кверху попкой. Звонкий шлепок и девчонка тут же вывернулась как уж.

— Нашел время! — упрекнула я довольного Токаева, когда красная как рак Оля ступила на трап.

— Переживет! — хмыкнул он, ничуть не раскаиваясь.

Холод охватил сразу, едва мы спустились на засыпанную снегом площадку. Обхватив себя руками, Рысь повернулась ко мне, вопросительно подняв бровь:

— Что будем делать? — и в сердцах добавила. — Вот козел! Припомню!

— Оль, ну зачем ты его провоцируешь все время? Хотя, почему и нет, ты права. Все мужики сволочи в той или иной степени.

— Не все, — замотала головой девушка. — Эй, ты куда?

Я стала обходить коптер, чтобы подойти чуть поближе к краю. Запыхалась сразу, хотя устать мне было не с чего.

— Не волнуйся, я на край не пойду! Просто взгляну.

— Ди, стой! Это не шутки! Это горы! Тебя просто сдует!

Я нерешительно замерла, когда до края оставалась добрых пять метров. Справа серая скала, слева — коптер. Ну и зачем выползали-то? Просто так что ли?

Не успела я обернуться, чтобы все это высказать, как лицо у Рыси вытянулось а глаза расширились, уставившись на нечто за моей спиной:

— Не шевелись! — ровным голосом пробормотала она.

— Что? — выдохнула я, чувствуя, как внутри все сжалось.

— Медленно иди к коптеру, не оборачивайся! — несмотря на уверенность слов и упрямо вздернутый подбородок, голос девушки слегка дрожал.

Я не стала просить дважды, тихонько переставила ногу, потом вторую, каждую секунду ожидая нападения на спину, и ругая себя на чем свет стоит: 'Вот дура! И куда пошла? Зачем?'

Мне упорно представлялся слоно-кабанчик с красными глазками, крадущийся следом. Тот самый... И волосы на голове шевелились.

Уверенная в себе Рысь, застыв на месте, одобрительно смотрела, как я медленно подвигаюсь к ней, но стоило мне дойти до девчонки, как она схватила меня за руку и крикнув: 'Бежим!', бросилась к трапу. Дверь распахнулась и захлопнулась, едва пропустив нас.

— Вы чего? — на этот раз побледневшим выглядел даже Серж.

— Что там, Рысь? — требовательный вопрос Марата остался без ответа.

Пришлось отвечать мне:

— Кто-то там есть, большой и страшный. — Усиленное сердцебиение потихоньку снижалось. Ох, не простое это место, Прерия! Вот откуда взяться зверю на этой ледяной скале.

— Рысь? — Серж остановил сердитую девушку, направлявшуюся в кабину. — Сбрось запись визоров, пожалуйста.

Она повернулась к нему и с жаром пояснила:

— Я правда видела! Оно шевелилось! Что-то большое, белое! Это правда.

— Да я верю! — Серж незаметно показал кулак скептически хмыкнувшему Марату. — Сбрось запись, будь хорошей девочкой!

Рысь вздохнула и, видимо, выполнила его просьбу.

— Всё? Мне можно идти?

Но Серж ее уже не слышал. Уставился в окуляры, сосредоточенно работая с виртуальной клавиатурой.

Марат протянул руку к Рыси, но та увернулась, даже не взглянув на него. Помирился захотел, или еще что? Взгляд, брошенный им вслед девушке, выражал досаду и недовольство — вот только собой или ею, непонятно.

— Есть! — коротко проговорил Моретти.

На появившемся виртуальном экране мы увидели белого зверя. Моя испуганная фигура почти не заслоняла этого монстра.

— Боже! — пробормотал Марат, до которого, наконец, дошло.

— Прошу знакомиться, — мрачно объявил Серж, — сумчатый лев собственной персоной. Рысь, девочка моя, мы можем взлететь?

Повисло молчание, пока Рысь делала запрос.

— Нет! — наконец произнесла Оля. — Вылет запрещен. Еще час, как минимум...

Парни переглянулись и насупились. В коптере повисло молчание. Я прислушивалась, но

кроме завываний ветра различить было ничего невозможно. Иногда наступала тишина. Лица парней были бледными и напряженными, наверное, тоже пытались что-то уловить.

Сколько такое длилось, не знаю, и вдруг мне послышалось громкое фыркание, и сразу следом скрип снега.

Лицо Марата стало каменным, ничего не разберешь. Серж что-то смотрел в визорах, и оторвавшись настороженно глянул в окно. Первой нарушила молчание Леночка, не выдержав сгустившегося в салоне напряжения:

— Он нас не сбросит? — тоненько спросила она

— Скажешь тоже! — взорвался молчавший до этого Егор. — Постучи по дереву!

— Тише вы! — рявкнул Марат.

В снова установившейся тишине теперь все явственно слышали хруст снега. А потом завыл ветер, заглушив другие звуки.

Так прошло минут десять, а казалось — вечность. Нервы у меня явно не выдерживали, внутри всё дрожало. За что нам такое? Я вздрогнула, уронив на пол браслет, подарок Стешки, который бессознательно вертела на руке.

— Ди! — раздраженно начал Марат, но осекся.

— Одень, — Серж поднял с пола браслет и протянул мне. — А интересно, в коптере можно стрелять, если он сюда влезет?

— Что значит — влезет? — вырвалось у меня.

— Если хотите отсюда улететь, то нет! — подала голос Рысь.

— Что нет?

— Нельзя стрелять? — разочарованно переспросил Марат. Глубоко вздохнул и криво улыбнулся, — Ди, эти сумчатые львы любят забираться во всякие щели. Рысь, а стекла у нас выдержат удар лапой?

— Приготовим ножи, значит! — Серж вытащил откуда-то довольно длинный ножик и пояснил. — Ну, если разобьет стекло и просунет лапу, можно быстренько ее отсечь.

— Ага, счас! — зло возразил админ. — Если уж он решит залезть, ничего отсечь ты не успеешь.

— Рысь, — позвала я. — Там как, еще не пускают?

— Ди, — лицо Оли на голоэкрane выглядело страшно бледным. — Я связываюсь с ними каждые пять минут. Пока ничего нового.

— А если приоткрыть дверь и выстрелить? — поинтересовался Егор.

— Не вздумай! — это Марат, — убить вряд ли удастся, разозлить же — наверняка. Ты видел его размеры? Он просто разорвет коптер пополам, и пообедает.

После его слов стало совсем жутко. А потом коптер заметно качнуло.

— Черт, — схватился за поручни Марат. — Рысь, мы не можем просто перелететь на другое место?

— Нет.

— А как там у него с разумом? Сообразительный, в смысле? — спросил Серж Марата, когда покачивание остановилось, — догадывается что внутри еда?

— Какая еще еда? — возмутилась я.

— Кто его знает?! — проворчал Токаев. — Блин, ничего не видно! Это ж надо так попасть! Рысь, додумалась, где нас посадить — прямо в лапы льву.

— Если бы вы там не справляли свои дела, — возмутилась Оля, но, не договорив, замолчала.

— То что?

— Успокойся, Марат!

— Ди, ты что, не понимаешь? Мы здесь в ловушке.

— Что?

— Если срочно не улетим, будем съедены заживо.

— А если он дверь выломает? Мы улететь сможем? — это Егор ожил снова.

Перспективы открытой двери вызвали бурную дискуссию у мужчин. Эти придурки даже пытались юморить, а у меня уже в глазах потемнело. Вспомнился разом кабанчик, жующий голову Камалая. Затошнило.

— ...а Марата — первого, — говорил Серж, — он ближе всех.

— Итальянцы вкуснее, — возражал тот.

— Заткнитесь! — вдруг выпалила я.

— Рысь, а если...

— Немедленно прекратите!

Все замолчали и смотрели на меня очень странно.

Сердито опустив кресло, я подтянула поближе шерстяное покрывало. Слушать и дальше, изнывая от страха и неизвестности, я просто не могла.

— Я спать! — закрыв глаза и почувствовав новый толчок, качнувший коптер, твердо добавила. — Будут есть — разбудите!

Как удалось после этого уснуть, непонятно, но все-таки получилось — и почти сразу. Мне снилось, что я плыву на большом корабле, и мы никак не можем пристать к красивому городу на побережье. Казалось вот-вот, но город начинал таять...

Кто-то тряс меня за руку. Я зажмурилась крепче, все вспомнив, и слабо спросила:

— Что? Моя очередь?

Взрыв хохота заставил вскочить. А потом смотрела, как эти негодяи смеются.

— Что случилось?

— Все в порядке, Ди, — Марат глубоко вздохнул, успокаиваясь, — улетаем. Никого там нет.

Я быстро глянула в окно, невольно залюбовавшись картиной. 'Мороз и солнце, день чудесный...' — вспомнились стихи. Снег блестел, пушистый и белый... и никаких следов монстра. То же и с другой стороны.

— Так может, его и не было?

— Пристегнитесь! Взлетаем! — улыбаясь, объявила Рысь.

И хотя опасность миновала, я невольно вздохнула с облегчением, когда коптер вновь поднялся в воздух.

— Смотрите, — вдруг закричал Егор, — там, внизу!

Я снова приникла к окну и ахнула. На том месте, где стоял коптер, недовольно крутил головой огромный зверь. Вот он замахнулся лапой.

— Ха, так он залез под коптер погреться! — воскликнул Марат.

— Или поспать, как наша Ди, — добавил Серж, — вот сукин сын!

— Он нам машет на прощание лапой!

— Нет, Ди, — Марат с сочувствием глянул на меня, — скорее грозит. У-у, повезло ж нам. Чуть дальше бы взлетали...

Они начали спорить, а я все смотрела на уменьшающуюся белую фигурку, и казалось, что он и правда с нами прощается. А парни пусть, что хотят, думают.

Голодные и усталые, мы только в первом часу ночи приземлились на площадке коптеров возле дома на скале. Моего дома. Я уже начала привыкать называть его мысленно своим, но счастье от обладания таким сокровищем до сих пор не притупилось.

В дороге мы съели все пирожки Надюшки, но после этого прошло уже больше трех часов, так что на предложение позднего ужина согласились все. То есть Серж, Марат и я. Егора и Леночку высадили в Сити, чему я была рада — устала немножко от большой компании. А эта оставшаяся троица — моя команда, практически стала уже семьей. Как-то незаметно проникли они в мое сердце за этот короткий срок. Даже Рысь...

Словно прочитав мои мысли, Оля улыбнулась и показала на контейнер, который отдала Надюшка:

— Тут грибы с молодой картошкой, Ди. Нормально, или мы хотим что-то другое?

Это 'мы' так растрогало, что я только кивнула:

— Ага.

С едой справились быстро. Все слишком вымотались за этот день, поэтому ели молча и сосредоточенно. А вот за чаем как-то отошли. Серж, придвинув к себе варенье, тоже из подарков геологов, принялся его уминать, ни с кем не делись. Марат, отхлебнул пару глотков чая, немного осуждающе глядя на оператора, и откинулся в кресле, блаженно погладив живот:

— Ну что, Ди, ты нас потерпишь в доме еще одну ночь?

Я пожала плечом:

— Конечно, уже ночь. Оставайтесь. Только завтра воскресенье, мне бы хотелось побыть одной, имейте в виду.

— Ди, можно я тогда уеду к Ахиллу? — встrepенулась клюющая носом Рысь. — В понедельник к восьми вернусь. И вообще, если вдруг понадобится — ты всегда сможешь вызвать.

— Конечно, Оля, только может, до утра подождешь? Темно ведь...

— Ага, — она улыбнулась, — кто же избавит тебя от всех остальных завтра в семь утра?!

— Как в семь? Издеваетесь? — возмутился Марат.

— Вас, господин Токаев, могу отвезти в шесть, если уж так нужно! — Оля поднялась из кресла и принялась собирать тарелки.

— Очень смешно! — процедил сквозь зубы админ.

— Ага, — Рысь ему еще и подмигнула, — Так что — в шесть или в семь?

— Сам доберусь!

Ну вот, опять они начинают! Решила отвлечь админа, пока они не подрались.

— Марат, а тебя я попрошу остаться. Надеюсь, ты сможешь уделить мне утром пару часиков и поучить управляться с катером? Если хорошо научишь — в одиннадцать сама отвезу в город по воде.

— Я? Да, конечно, Ди. А ты... Я согласен! — растерянность Токаева быстро прошла, и он выглядел очень довольным, разве что на Рысь старался не смотреть.

— Ну, раз пошла такая пьянка, — пробормотал Серж, — займусь завтра поиском жилья. И даже знаю, кто мне в этом поможет.

— Викинг? — радостно улыбнулась Рысь.

Марат прищурил глаза, странно на нее посмотрев, а Серж усмехнулся:

— Да, радость моя. В сообразительности тебе не откажешь.

— Пора нам уже утомониться, — я поднялась, не желая еще больше сгущать скрытое недовольство среди ребят, — спокойной всем ночи!

Серж сразу вскочил, чуть не опрокинув стол:

— Ди, можно тебя на минутку?

Марат и Рысь удивились не меньше моего, но я не стала заострять на этом внимания. Кивнув, пошла в нижнюю гостиную. Там обернулась к оператору, который выглядел очень серьезным.

— Ди, — сразу начал он, — незачем тебе учиться у Марата водить катера. Попроси Вика.

— Серж!

— Я знаю, что это не мое дело, но зачем ты назначила ему свидание? Ты в него влюбилась и решила начать отношения?

— Что? — поразила я.

— Ну, я так и думал. И что тебя тянет все время так подставляться, Ди? Так что, я попрошу Вика к восьми подойти сюда? Марат, конечно, будет в ярости, но смирится, никуда не денется. И, по крайней мере, не будет питать иллюзий.

— А тебе-то какой резон ставить ему палки в колеса? — я смотрела на Сержа и видела усталость на его лице и дружеское участие. Ну и зачем? — спрашиваю, он же все объяснил в прошлый раз.

— Дурак я, Диана, люблю помогать хорошеньким женщинам безвозмездно. И каждый раз по шее получаю. Ничему меня жизнь не учит.

Вся гордость и гнев испарились от его сокрушенного вида. Я рассмеялась:

— Хорошо, зови своего Вика. И спокойной ночи.

— Сонни доро, синьорита. Спокойных снов.

Он подмигнул и сразу пошел вверх. А я вошла в свою огромную спальню, освещенную только лунным светом. Как хорошо и странно на душе. Сонливость куда-то испарилась и я вышла на балкон, чтобы полюбоваться звездами. Иногда страшно смотреть на небо, особенно такое — очень темное с яркими огоньками. Но оно приковывает к себе взгляд, не отпуская. словно там, наверху все отгадки, вся история твоей судьбы, вся мудрость этого мира.

Сколько я так стояла, даже не знаю. Вернувшись, не включая свет, разделась, бросив одежду прямо посреди комнаты, и легла в кровать. Мыться не хотелось, да и раздеваться тоже — но не с пистолетом же ложиться. Достала его из кобуры и зачем-то положила на тумбочку рядом с визором. И тут вспомнила, что незнакомцу-то я так и не ответила. А что там было-то? Ах, да! Стихи! 'Что в имени тебе моем?' И как не понимает? Дружба ему не нужна! Любовь подавай? Интересная логика у этих мужчин — ни имени не знаю, ни как выглядит, ни мыслей, ни души, а должна отдать свою любовь?

Впрочем, если быть совсем честной, впечатление произвести на меня он сумел, и как не противно признавать, довольно сильное. Так что ответить?

Ладно, скажу ему, что думаю.

'Я буду называть тебя Принц, раз сам ты сказать свое имя не хочешь! А мне нужно к тебе хоть как-то обращаться! Так вот, дорогой Принц, не потому я предложила дружбу, что не хочу тебя любить, а потому, что у нас женщин — это и есть первый шаг к любви. Во всяком случае, у меня. Не нравится, забудь о дружбе. Пусть будет по-твоему. Эх, был бы ты

рядом! Раз ты такой смелый и сильный, и с парашютом, и с гранатой, ты так мне нужен. Даже сегодня — ведь меня снова чуть не съела огромная зверюга. Пожалел бы что ли? А может и спел бы мне колыбельную... Я все еще одна...'

Отправила, не перечитывая. Мне казалось, что если перечитаю, отправить не смогу. Ну почему я не умею общаться с мужчинами? Ведь, наверняка, опять что-то не то сказала. Не консультироваться же с Сержем перед отправкой каждого письма?!

Засыпая, я улыбалась.

А ведь Серж был прав, иначе с чего Марату выглядеть таким недовольным при виде ожидающего нас Викинга.

— Ди, приветствую, да, доброе утро, да, — вскричал он, не вылезая на причал, — предлагаю начать обучение на моем катере.

— Я не против! Доброе утро. Марат, не поможешь?

И обучение началось. Трудно передать, сколько досадных ошибок в управлении я совершила... достаточно простом, надо сказать. Зато повеселилась на славу.

Неслась вдоль берега, разрезая волны, искоса поглядывая на напряженные лица мужчин, и ощущала, как же это здорово — самой управлять удивительным транспортом. А когда далеко впереди показались дельфины, чуть все не испортила, пытаюсь показать их ребятам. В общем, эти 'добры молодцы' решили сообща, что все же одну меня в поездки на катере лучше не пускать. А то я их спрашивать буду! На этой оптимистичной ноте Вик сел за штурвал и отвез нас на пляж в Белый город, где я с обоими и распрощалась. Марат вежливо отказался от предложения отвезти его на катере в город, заверив, что его вполне устроит Вик, и что он не хочет отнимать у меня время отдыха.

А я только обрадовалась. У меня намечалась большая программа — купания, загорания и просто ничегонеделания.

Помахав моим "учителям", я подхватила сумку со всем необходимым и направилась в гостиницу. Номер всё еще числился за мной, так что переделась, договорилась с консьержем, что через три часа мне будет нужен коптер для поездки в дом на скале, и отправилась гулять. Особых планов не было — просто позагорать, побродить по белому песку, поесть мороженого, поплавать на мелководье в специально огороженной купальне, где, как мне любезно сообщили, вода прогрелась.

Настроение поднялось, хотя куда уже больше, погода прекрасная, небо голубое, песок, по которому шла босиком, теплый и приятный, людей немного... Что еще для счастья нужно?

Прогулка удалась на славу. Даже даже удалось немножко поболтать с мальчиком Максимом. Он снова разъезжал на своем игрушечного вида автомобильчике и катал ребятшек своего возраста и постарше. Родители смотрели на это спокойно, видимо уже привыкли. Максимка заулыбался во весь рот, и я с удовольствием воспользовалась предложением снова прокатиться до гостиницы, после купания. Купальня находилась на другом конце пляжа, а я уже достаточно устала, чтобы поездка доставила мне настоящее удовольствие. Хорошо на дне сумки нашлась мелочь, чтобы отблагодарить маленького извозчика.

Тот покраснел и замотал головой.

— Что случилось?

— Я не за деньги! Я вас бесплатно катать буду! — выпалил он. И вытащил из кармана целую горсть разнообразной мелочи. — Вот. Я хорошо зарабатываю!

— Макс, — растерялась я, — в этом нет ничего плохого. Ты честно заработал и мой рубль, разве нет?

Он насупился, глядя так, словно я чего-то не понимаю, а потом нехотя выдал:

— Я с друзей денег не беру.

О как! Я спрятала свой рубль, наклонилась и поцеловала его в загорелую щечку. А что еще-то могла сделать?

Мальш просиял.

— А мороженое любишь? — нашла я. — Просто я в знак дружбы всегда дарю мороженое, а тебе еще не дарила.

— А! — он на минутку задумался и смущенно кивнул:

— Эт можно. Только не шоколадное.

В результате, я купила ему целое ведерко абрикосового мороженого, килограмма два, заплатив около десяти рублей. Порадовалась, что в этот раз Максим не протестовал, а, напротив, выглядел очень довольным.

— Только ты всё сразу не ешь, — предостерегла я. — Горло заболит.

— Да я что — маленький, — он сидел в своей машине и уплетал угощение деревянной ложечкой, всей своей хитрой физиономией выражая блаженство. — У меня тут в багажнике есть холодильник. Я чуточку поем и туда спрячу. Еще и сестренку угощу. Она обожает абрикосы.

Тут же выяснила, что сестренку Максима зовут Маша, недавно ей исполнилось три года, она любит громко кричать и кушать сладкое. Отец Макса работал в гостинице то ли поваром, то ли кондитером, но жили они не в Белом городе, а где-то в Сити.

Когда прощались, Макс все еще ел рыжевато-белую холодную массу, так что меня охватили сомнения, правильно ли я поступила. Могла ведь ограничиться одним рожком. Консьерж, увидев меня, бросился наперерез и сообщил, что коптер уже ждет. Приятно, что и говорить. Думала, с этим придется ждать долго. Незнакомый таксист маршруту не удивился. Долетели быстро, допуск на посадку я дала сама, хоть и пришлось покружить над домом, пока разбиралась, как это делается.

И вот я дома, совсем одна, а до вечера еще куча времени. Обожаю воскресные дни!

Стоя под контрастным душем, я не спеша смывала с себя соленую воду. Острые водяные иголки приятно кололи тело, даря бодрость и заряжая энергией. Потом пришлось переключиться на обычный смеситель и заняться волосами. Если соль не вымыть прямо сейчас, то потом понадобятся усилия профессионального парикмахера, вот только тут к нему, наверное, очередь на месяц вперед.

С трудом вспомнила свое последнее посещение салона и ужаснулась, недели не прошло, а кажется, словно минули многие месяцы. Представить сложно, как изменились мои взгляды на многие вещи. А может, вернулась к тому, что казалось правильным в детстве? Тогда еще желание сделать карьеру журналистки не начало прожигать ум и душу, и маленькая, похожая на тонконового сутулого жеребенка, девчонка, мечтала стать ветеринаром и заботиться о лошадях. Однако последние дни не смогли изменить привычки к пусть

трудной, но красивой жизни. Надо честно признать, что средства матери позволяли мне пользоваться всеми благами цивилизации, и не просто благами, а всем только самым лучшим. Салон — пожалуйста, самый крутой и дорогой, парикмахер самый гениальный... И все в таком духе. А здесь на Прерии очень многое придется просто забыть. И пока я не могла бы сказать, что меня это слишком пугает. Хотя и жаль, что здесь многого нет.

Прогоняя мысли об утраченном комфорте, поднялась на две мраморных ступеньки, покидая душевую кабинку — удобная, что и говорить. Подошла к большому, во всю стену, зеркалу, обматывая полотенце тюрбаном вокруг головы — так и высохнут быстрее и расчесать их потом будет проще. Вгляделась в отражение — следов царапин и синяков на шее практически не видно, прав был Док, мазь за ночь сделала свое дело. Не зря встала, уже почти уснув, не поленилась, и намазала вчера ночью толстым слоем. Что до стремительно отдаляющегося прошлого, то обретенный дом и свое собственное дело безусловно того стоили с лихвой. А были ли на Земле у меня такие друзья, как Серж и Марат, как малышка Рысь, как рыжий Викинг? Нет, ни о чем не жалею... Разве что Стешка... Но об этом лучше не думать. Найдется и тут кто-нибудь, кому можно будет поверять сердечные тайны и тревоги, нужно лишь время.

Задумчиво набросила халатик — легкий, как раз для такой жары, и хотела выйти проветриться на балкон, но все же не решилась. Слишком он открытый, просматривается с воды хорошо, а там иногда корабли плавают, и катера, и яхты, а возможности современной оптики хорошо известны по работе.

Так что оставалось подняться на самый верх, шлепая босыми ногами по теплому полу и ступеням, и топтать к балкончику возле лифта. Отсюда можно взглянуть на пристань. Эх, хорошо в собственном доме, можно бегать в чем угодно, и как угодно, не думая о занавесках и окнах многоэтажки через дорогу. И славно, что отпустила Рысь до завтра. Бывают моменты, когда остро необходимо побыть одной.

Подставляя лицо солнцу и легкому ветерку, наслаждалась некоторое время покоем, потом глянула вниз. Небольшая лагуна перед причалом залита светом, солнечные зайчики скачут по ущелью, придавая нарядный вид даже хмурым скалам. Сама бухточка сверху выглядит сошедшей с картины Айвазовского. Пронизанная лучами солнца насквозь вода, и видно, кажется, каждую песчинку на дне. Сходство с картинами великого мариниста усиливала жертва кораблекрушения, цепляющаяся посреди всего этого рая, за жизнь и обломок доски... Что?!!

Пока подумывала, не упасть ли мне в обморок, или всё-таки обойтись просто легким шоком, ноги уже несли вниз по пролетам крутой лестницы. Она дублировала лифт, и как я успела на бегу разблокировать дверь, даже не поняла. Вот с чего-то показалось, что так будет быстрее, чем ждать лифта, за что ноги мигом и пострадали, от самых пяток до коленей, сбитых об перила на поворотах. Досталась пара синяков и тому месту, которым я думала, прежде чем отправится в слалом по ступенькам. Да-да, поспешишь, людей насмешишь! Последний пролет преодолела-таки на пятой точке. Не весь, но все же.

Самое обидное, что выбежав в итоге на причал, чудом не свернув заодно и шею, стала по нему метаться в поисках неизвестно чего — никаких средств спасения утопающих тут не было и в помине. Или унесли куда, или никому в голову не пришло, что можно утонуть в этой луже буквально в десяти метрах от причала. А теперь эти метры казались шире океана.

Утопающий тоже мне ничем помочь не пытался, видимо пребывая без сознания, вон и язык между клыков вывалил. Язык? Клыки?! Издав запоздавшее — 'Ой!', застыла, потом

попыталась ретироваться к лифту, медленно пятясь от неведомо как занесенного под дверь дома звереныша, да не тут-то было! Одно ухо мигом развернулось в мою сторону и я, судорожно вздохнув, вновь замерла.

А затем открылись подернутые пленкой глаза и встретились с моими... Сама не поняла, как снова оказалась на краю причала уже на коленях:

— Эй, Кроха, — ничего лучшего в голову не пришло, а так я звала своего первого щенка, — ну плыви сюда, маленький! Давай же. Еще немножко!

И ведь нельзя сказать, что не было понимания — не детская игрушка ведь, а хищный зверь. Но поделаться ничего с собой не могла. А когда он словно понял и начал приближаться, наверное, отталкиваясь или гребя задними лапами, передними намертво вцепившись в спасительную деревяшку, сердце чуть из груди не выскочило. И почему-то казалось, что это именно детеныш...

— Давай, Кроха, еще чуть-чуть! Молодец! Умница!

А всё только начиналось. И что дальше? От мысли — как вытаскивать на причал зверя, пусть и маленького, но явно не намного легче меня, чуть снова не впала в отчаянье. Додумалась сорвать с головы и бросить ему конец скрученного полотенца, единственное, что было под рукой. И только в последний миг поняла, что если он действительно ухватится за него лапами, то просто сдернет меня в воду. Однако опасения не оправдались — в полотенце Кроха вцепился зубами, видимо, не рискуя отпустить доску. При попытке потянуть его вверх, на глаза навернулись слезы обиды, сил явно не хватало даже слегка приподнять, не то, что вытащить из воды этот промокший комок шерсти. А ведь, похоже, малыш при смерти!

— Ну, помоги же мне! — взмолилась сердито, упрямо пытаюсь его вытянуть. Ну и пусть, кажется, бесполезно, надежда умирает последней!

Сердце стучало, как бешеное, руки уже казались чужими, не выдерживая напряжения, когда несчастный звереныш, наконец, встрепенулся. Может, услышал, понял меня. Или сам пришел к выводу, что 'спасение утопающих, дело рук самих утопающих'. Не выпуская полотенца, он рискнул ухватиться лапой за край причала, когти прочертили глубокие борозды по деревянному настилу и вцепились намертво. Потом рядом с первой лапой появилась вторая, и звереныш, будто получая ускорение от моих мизерных, но не совсем тщетных усилий, подтянулся на передних лапах. Над краем причала появилась круглая голова с большими треугольными ушами, потом середина груди и, наконец, на край легла третья лапа.

Можно праздновать победу, но не осталось сил, потому просто смотрела, как звереныш перекатился на спину и замер, обмякнув, и так и не выпустив из зубов полотенце. Я охнула, подозревая, что все усилия были напрасны. Серые губы, белые с синими прожилками перепонки на лапах, еле слышное прерывистое дыхание, замедленные движения, пленка на глазах и бледный почти белый язык. Из глубин памяти вылезло слово без смысла и содержания — 'гипотермия', убейте, не помню, что оно значит, но явно что-то очень плохое. Круглая голова, широкие скулы, треугольные большие уши, полное отсутствие хвоста, рыжая в черных разводах средней длины шерсть, громадные 'лемурии' глаза и самое главное — перепонки на лапах — точно не медведь, а скорее всего и не лев! А кто же? Было в нем даже что-то от человека, или обезьяны, а может, показалось? Таких зверей вообще не существует... — на Земле. Но здесь-то не Земля! Надо было внимательней местную фауну изучать, хотя бы знала, чего от него теперь ждать.

Одно было ясно, зверушка находилась на последнем издыхании. Видимо, весь запас жизненных сил ушел на плескание в холодной воде, на борьбу со стихией.

Э, нет, так не пойдет! Я вскочила с колен, собираясь хоть что-то сделать, чтобы его спасти. Удивительно, но на мои слабые рывки за второй конец полотенца последовала реакция. Чудо-юдо неуверенно встало на лапы и медленно двинулось туда, куда я тянула — к лифту. Всего-то несколько метров, но радовалась я преждевременно. Звереныш наступил на полотенце и, потеряв 'поводок', снова прилег, закрывая глаза. Поднять и заставить двигаться эту кучу мокрой и холодной шерсти удалось, только ухватив за загревок. Так мы в лифт и заползли, где я загнала его в угол, придавив у стенки коленом, на всякий случай, чтоб не упал. Но он все равно сполз вниз, а на все увещания только лизнул щиколотку. Всё понимает ведь!

— Только не умирай, Кроха, — пробормотала я. Казалось, лифт полз вверх целую вечность.

Выволочь эту мокрую тряпку из лифта удалось, но, кроме загревка, ухватив еще и за ухо — заскулил жалостно, но огрызнуться даже не попробовал. И то счастье, потому что за всей этой возней возможная опасность забылась напрочь. Ясно я понимала лишь одно — надо немедленно его согреть. Вот только по дороге к спальне упали мы уже дважды, а подняться во второй раз не смогли. Зверушка пробовала еще ползти, но хватило ее ненадолго. Так и осталась лежать посреди гостиной на втором этаже. Смотрела только жалостливо на мои бессильные слезы и попытки поднять, да пробовала свернуться калачиком. Выходило, что ему все хуже, и глаза почти закрывались. Ничего у меня не получилось?!

Тут, наконец, сообразила, что вообще-то мы уже в доме. И сама удивилась — 'а куда я его волоку?'. Вытерев слезы и попросив ждать меня здесь, словно он мог куда-то деться в таком состоянии, побежала в спальню. В гардеробной, уже на две трети заполненной моими вещами, аккуратно развешенными и разложенными по полкам, отыскала пару теплых одеял. То, что нужно! Для чего они в таком климате, не поняла, но обрадовалась сильно. Найдя несчастного Кроху там же, где и оставила, в том же положении, немножко покружила вокруг, не зная, как половчее его завернуть.

Расстелив на полу одно из одеял, попыталась затащить на него умирающего, или как-то перекатить. Это оказалось целой эпопеей, задачей почти непосильной. Пришлось улечься на одеяло самой, чтобы не скользило по паркетному полу, и тянуть пострадавшего к себе буквально за уши, потом кантовать и снова тянуть. В итоге отчаянной возни, промокла насквозь уже не от морской воды, а от пота. И почему я такая слабая? А ведь всегда считала себя довольно сильной. И все же почти справилась. Почти, потому что результат титанических усилий вышел не совсем такой, как ожидала — в последний момент суть моих действий до 'чудища' дошел, и он попробовал мне помочь, в своем зверином духе. Мы оказались завернуты в одеяло на манер собравшейся превратиться в бабочку гусеницы.

Там я, прижатая к мокрой и ледяной шерстяной спине, почувствовала страшную слабость и усталость. Предприняв несколько вялых и бесплодных попыток выбраться из собственноручно устроенной ловушки, где и двинуться не могла толком, я вдруг заплакала, изрядно намочив загревок 'крохи' еще и слезами, видимо, в порядке мелочной мести за испорченный день. А после сообразила, что так и отогревают замерзших — теплом своего тела. Вот и славно! Успокоив себя этой запоздалой мыслью, не нашла ничего лучшего, как просто отрубиться.

Отступление третье: Десант — решительность и натиск

Поверхность воды, вопреки всем законам физики, вдруг выгнулась на манер гигантской суповой тарелки, что немало бы удивило постороннего наблюдателя, окажись он здесь. Но посторонних не нашлось, к тому же, во избежание назойливого внимания были предприняты самые серьезные меры. Даже спутник, нацеливший с орбиты всевидящее око, увидел бы просто подернутую рябью воду без всякой аномалии — маскировка работала на максимуме. Впрочем, никакого спутника, как и прочих летательных и плавательных аппаратов в пределах видимости не наблюдалось — техника техникой, но лишняя осторожность совсем не лишняя.

— Готов, котюра мартовский? Тигр, говоришь. Не, быть тебе рыбой, пока до берега не догребешь, по крайней мере. Согласен тогда на тигровую акулу? Кхе, от скромности не умрешь, главное, чтобы она на тебя согласна не была. Что? Подавится? Боюсь, может только отравиться...

Антигравы вещь вообще-то бесшумная, орать и переспрашивать «выпускающему» приходилось по другой причине — у обоих уши прикрывали специальные наушники, а задействовать еще и связь для рутинных переговоров сочли лишней морокой и демаскировкой. Лапы тем временем пробегали по оборудованию пловца, проверяя и перепроверяя, пусть там сегодня и нет толком ничего, но и от этого «ничего» жизнь зависит весьма серьезно.

— Значит так, все проще некуда — идешь по прямой, прячешь аппаратуру и выходишь. До берега мы тебя ведем и следим, чтобы не съели, дальше — сам. Кивни. Давай.

Тело без плеска вошло в воду, а выпускающий неодобрительно дернул вибриссами — желание показать крутость не по делу плохо заканчивается.

Путь до берега показался Тигру даже не прогулкой, а развлечением. От избытка лихой радости он не удержался и слегка порезвился в воде, гоняясь за какой-то рыбьей мелочью и представляя себе, как неодобрительно скалится борттехник. Была бы связь, уже пришлось бы выслушивать длинную нотацию, но операция считалась боевой, и излишняя болтовня не приветствовалась. Потому ему только излишне навязчиво капали на мозги корректировками.

В общем, к цели догребли без приключений, бот только пару раз «дал по башке», отгоняя гравитационными импульсами излишне любопытных эндемиков, да один раз резанул по ушам визгом перегретого пара, когда в воду вонзился заряд плазмы. Кто-то сильно крупный и голодный отпугиваться не пожелал. Пришлось грести уже всерьез, напрягая перепонки, и побыстрее убраться от места будущего пиршества.

А вот выход на берег преподнес сюрприз — решетку на входе в промоину, ведущую к причалу, успели поменять на новую. И теперь дыхательный аппарат в ячею элементарно не пролазил. Пришлось бросать снаряжение снаружи, на дне, с риском, что все это будет унесено прибоем, несмотря на все предосторожности, и распаковывать из груза обломок просоленной доски — выгрести дальше предстояло именно на нем.

А теперь — только ждать. И надеяться, что долгожданная встреча произойдет

пораньше. Море сейчас теплое, но тоже не удержалось и преподнесло сюрприз в виде мимо проходящего глубинного течения, перемешивающего воду снизу, в результате чего «летним» оказался только слой сантиметров в тридцать, а все остальное — градусов четырнадцать-двенадцать.

Так что если Одуванчик припозднится, то нахождение при последнем издыхании даже изображать не придется.

О, да! — кажется, это я произнесла вслух, и проснулась, но открывать глаза не спешила. Давно мне не снились такие яркие чувственные фантазии. Тело горело как в огне, и сознание обиженно цеплялось за ускользящее видение. Я и забыла, когда в реале занималась этим с мужчиной, да и сны такие видела последний раз на Земле. Но на этот раз было что-то особенное, под стать планете Прерия, нечто дикое и необузданное. Он... Нет, его я не видела — смутный образ... Сильный, ласковый, нежный... Принц? Тот, кого я не видела, чьего имени даже не знала? Может хоть во сне удастся увидеть... — О нет!

Сон окончательно испарился, а я все еще не хотела открывать глаза. Каждая клеточка тела хотела продолжения. Может, получится снова заснуть и досмотреть?

Только бы сбросить одеяло, жарко слишком, да еще что-то сверху... Почему я так накрыта, и где я? И какой сегодня день? Сколько времени? Тревожные мысли пронеслись за секунду, и я распахнула глаза.

Потрясение от увиденного вызвало форменный ступор, да такой, что я просто молча таращилась в глаза существу, держащему меня в своих стальных объятиях, даже не пытаюсь закричать или вырваться. Воспоминания чередой пронеслись в сознании, но облегчения не принесли. Конечно, это Кроха. Я же его спасла! Только понимает ли он это сам, теперь, когда пришел в себя и выглядит очень живым, здоровым и... голодным? Что-то было в его глазах, умных, внимательных, серьезных, но что? Не понять. Взгляд спокойный и непроницаемый — так может смотреть очень суровый мужчина, а никак не неразумное существо... Господи, о чем я думаю? Сердце стучало как бешеное, страх скопился где-то под желудком — дышать боялась, не то, что пошевелиться, или вырваться.

— Привет, — пролепетала, надеясь, что звук человеческого голоса как-то положительно повлияет на спасенного.

Во взгляде его что-то изменилось, и он неожиданно потянулся ко мне и лизнул в нос.

Я зажмурилась испуганно, но ничего не происходило... секунду, две, три... осталось чуть приоткрыть глаза и ощутить, как страх начинает отступать. Кажется, я ему понравилась. Или... Кроха больше в глаза не смотрел, взгляд опустился ниже, на шею, и я нервно сглотнула, когда он медленно стал наклоняться к абсолютно незащитному горлу. Мысль, что он хочет просто его перегрызть, или выпить кровь, маячила где-то на периферии сознания, и я вдруг поняла жертв вампиров из книжек, тех, что сами подставляли горло под смертельный укус, да еще и восторг испытывали. Мне безумно захотелось почувствовать его клыки. Видимо, совсем с ума схожу. Хотела и получила, там, где билась главная артерия, шеи коснулись острые зубки, чуть прихватили кожу, отчего волна страха и удовольствия пробежала от макушки до самых пяток, отозвавшись в голове звуком разбитого хрусталя. И снова взгляд, перед которым я ощущала себя очень странно и незащитно. Он словно спрашивал о чем-то, а я таращилась, оглушенная происходящим и ни понять не могла ничего, ни ответить.

А картинка-то, если со стороны посмотреть, просто на главную обложку «ЖЮФ» просится, а может на «XXL». Только в отличие от героинь, попавших в подобное положение, чувство юмора мне явно отказывало. Ну не видела ничего смешного и даже забавного. Как там эти девицы делают: «сейчас я его одной левой»? А правда, что это я? Просто пора

аккуратно выбираться, но куда пропала вся решительность? Как мышка перед удавом! Вздохнула, с трудом соображая, с чего начать, потянулась, чтобы разжать лапы, сомкнутые на спине, но слабые попытки не увенчались успехом. Поразилась, сколько силищи в недавнем умирающем, легче отогнуть чугунную трубу, залитую каучуком, — та хоть слегка бы поддалась, чем разорвать кольцо его рук. А Кроха моих стараний и не заметил, только чуть голову склонил, а в глазах все тот же вопрос. Или у меня уже крыша едет? Ну чего он спрашивать то может? В каком месте я самая вкусная?

На глаза навернулись слезы от сознания собственного бессилья, обидно стало и очень себя жалко. Вот так, помогай людям! А они...

— Чего смотришь? Жри уже! — выдохнула зло прямо ему в лицо. То есть, хотела зло, а получилось как-то жалобно.

На это звереныш словно улыбнулся, показывая зубы, и подался назад, вновь опуская взгляд. Паника отозвалась в каждой клеточке тела безумным напряжением. Может, подумал, что я, даю разрешение, и выбирает, с чего начать свою кровавую трапезу?

Но вопреки всем доводам рассудка захотелось опять почувствовать на шее его зубы. Вот не знала, что я мазохистка! Но не мое горло его привлекло на этот раз. Карие глаза удивленно распахнулись, став еще больше, словно такое было возможно. В них вспыхнула прямо-таки детская радость. Посмотрела вниз, перехватывая сильно заинтересованный взгляд Крохи — моя правая грудь почти обнажилась, только сосок еще скрывался за отворотом халата. Но это длилось лишь мгновение. Легкое движение лап за спиной, и полы халата разъехались, полностью оголяя меня выше пояса, если не больше. В голове раздался хрустальный звон, но острое чувство стыда заставило сделать попытку прикрыться от беззастенчивого взгляда. Всё же ответное недовольство, которое скорее ощутила, чем увидела или услышала, вынудило замереть и, убрав руки, завороченно наблюдать, как под усиливающимся звон, длинный розовый язык приближается к вызывающе торчащему соску.

Просто не верилось, что это происходит со мной!

И зачем закрыла глаза? Ощущение потянувших грудь мягких губ стало острее в сто раз. «Если он полагает, — подумалось в какой-то новой панике, — что там есть молоко, то глубоко... ошибается».

Ох! Второе потягивание полностью лишило воли. И стало вдруг безразлично, что он еще со мной сделает. Только бы хоть еще разок ощутить... Эх, если б он только знал, что со мной творит! А все сон. Нашла время смотреть такое! А еще говорят, звери чувствуют возбуждение, так что я даже винить не могла беднягу. Если меня инстинкты так сшибают с ног, то он и вовсе не имеет моральных тормозов. Так что надо... ох!.. самой!.. уууу... Еще чуть-чуть... Показалось, словно вдоль позвоночника натянута толстая струна, которая гудит и вибрирует, отодвигая в сторону окружающий мир как ненужную декорацию.

«Если бы... если бы это был мужчина... я бы ни за что не остановила его...» Это была последняя более-менее связная мысль. Ведь таких ощущений я никогда... ооо!

Как в огненном бреду я ощущала дразняще-сладкие покусывания и касания шершавого языка снова на шее, за ухом, потом ниже, потом здесь, там, а потом вообще... Каждое касание отзывалось в теле звоном колокольчиков, все усиливая и усиливая гудение «струны». И я просто сломалась, не смогла ни открыть глаза, ни заставить себя прекратить, ни запретить чувствовать огонь и дрожь сразу везде, а где-то — совсем сильно. По телу пробегал ток, бросая то в жар, то в холод, заставляя цепенеть и гореть, гудение нарастало, мысли путались...

Просто представить, что это не зверь, а мой Принц... Мой? Ох! И я еще осуждала дамочек из высшего света, заказывающих на вечеринки специально обученных для интимных услуг собак... О-о! А сама-то!

— ...мой принц! Еще... да... еще..., - предательски вырывалось из горла, когда все вдруг замерло на невероятно длинное мгновение, словно он мог понять мои слова. Но будто понял, и шершавый язык прочертил внизу — там, где талия — огненную полосу, и гудение в голове поднялось до рева.

Я ощущала себя песчинкой, гонимой ветром, щепкой, уносимой от берега на самом высоком гребне все дальше и дальше. Это было невыразимо, невыносимо, страшно до жути и прекрасно до нереальности. А потом что-то накрыло сверху, на мгновение ощутила тяжесть мужского тела, легкое движение и все внутри взорвалось, подобно вулкану... и наслаждение сотрясало каждую клеточку тела несколько бесконечно-долгих секунд, или минут, опустошая, наполняя, забирая с собой остатки разума и даря такое удовольствие, какого никогда еще в жизни не получала. Вот это да-а-а-а-а...

Когда всё закончилось, воздух пришлось втягивать в себя порциями, с трудом разжав чуть не превратившиеся в крошку зубы. Сил едва хватило высунуть язык и слизнуть капли пота с верхней губы, а значит — праздник удался. А потом испытала легкое потрясение, словно еще что-то могла чувствовать в таком состоянии покоя, когда осознала, что соблазнитель успел прекрасно разобраться — что и куда — без посторонней помощи. И даже успел получить удовольствие сам... как я поняла. И ведь не спешил, как другие... разрушать очарование момента, а все еще пребывал в сокровенном, что было невыразимо приятно и трогательно! Даже слезы навернулись...

Поймала себя на том, что обнимаю нежно круглую голову, зарываясь пальцами в шерстку, почесываю за ухом, чувствую, как вздрагивает еще живот от мимолетных касаний, а внутренний голос, кричащий «о грехопадении, сравнимом с Евиным», почти не слышен за успокаивающим урчанием.

— Спасибо тебе, дружок! Ты просто чудо! Ты не поверишь, но мне еще такого не приходилось испытывать! Но... Что ж мы сделали, Кроха? — бормотала я, даже не вдумываясь в свои слова. — Мы даже не похожи! Жаль... Такое повторять нельзя! И... ты такой быстрый! Я смотрела в «Дикой природе», что львам для этого нужно всего несколько секунд, а тебе, выходит, и того меньше? Бедняжка...

Вот этот момент уши, подергивающиеся, словно в знак согласия, замерли, и в огромных глазах прочла огорчение. Не успела пожалеть о своих словах, как выражение мордочки стало озорным, а мягкие губы слегка прихватили многострадальный сосок. Спина сама выгнулась, отчего влажный сосок, отпущенный было на свободу, уже сам ткнулся в острые иголки жадно захвативших его зубов. Все внутри скрутило от удовольствия на грани с болью так, что, наверное, разбила бы затылок об пол, если б под ним не оказалась подставлена мягкая лапа.

И как я умудрилась вырвать пару клоков шерсти? Даже расстроилась, прижалась к Крохе, ласково прося прощенья. Он же не понимает, наверное, что со мной делает. И объяснить-то трудно, да им зачем? Всхлипнув от раздражающих душу противоречий, взяла в руки лапу. Такие мягкие подушечки, а если прижать, то между пальцами выдвигались опасные коготки, растягивая тонюсенькие шкурки перепонки.

— Кроха, миленький, не обижайся только, — я потерлась щекой о лапу и когти мгновенно скрылись, — ты такой славный, но я даже не могу понять, откуда ты взялся такой

на мою голову. И что мне теперь с тобой делать? Как дальше жить, если не могу оставить тебя у себя, да и отпустить не в силах? А еще, я же вижу, какой ты хищный зверь, но почему-то не съел, а наоборот...

Запутавшись совсем, замолчала.

А чудовище вдруг выпустило из лап грудь, которая явно ему пришлась по душе, странно глянуло, вскочило и умчалось по коридору в сторону лестницы. И что оставалось делать?

Испугавшись неизвестности (ну, правильно, кто его знает зверюгу, обиделся что ли?), мигом поднялась с пола, откуда только силы взялись в разомлевшем теле. Добежав до лифта, выскочила на площадку с балконом и успела увидеть силуэт Крохи, вспрыгнувшего на перила. Он немного помедлил и, «воспарив» на миг, скользнул вниз. У меня просто сердце оборвалось. С такой высоты! После того, как его едва удалость спасти! Чуть не теряя сознание от тревоги за его жизнь, остро ощущая свою вину, доплелась до места, откуда он прыгнул, глянула вниз на маленький причал, ожидая увидеть самое страшное. Но со смесью досады и облегчения успела увидеть, как диковинной рыбой метнулось на фоне дна в сторону выхода из бухточки тело...

Ну вот, пришел ниоткуда и ушел в никуда, только в благодарность за спасение попользовался немного моим телом, пусть к обоюдному удовольствию, но все же! И хоть бы понять, что не так сделала-то?

Я без сил опустилась на мраморный пол терраски, заново переживая всё случившееся. Не верилось, что все это случилось со мной на самом деле, что не привиделось в бреду, не приснилось. Горько было от осознания, что это безумие я наверняка могла бы остановить, но ведь даже не попыталась, если совсем честно. И не расскажешь никому такое. Стешке даже, ух как бы он поразился. Небось, разговоривать бы перестал. Я повертела на руке подаренный им браслет и тяжело вздохнула. Горло перехватило. Почему-то захотелось заплакать.

Ну а кого стесняться-то?

Всплеск внизу привел в чувство, и я опять бросилась к перильцам. На причале отряхивался по-собачьи Кроха, как ни в чем не бывало. Даже не знаю, чего было больше — злости, что заставил так волноваться, или радости, что все-таки вернулся. Только хотела броситься к лифту, чтобы спуститься за ним вниз, как маленькая фигурка вспрыгнула на опорную балку, заставив сердце биться от плохих предчувствий. Но негодяй не сорвался, а с обезьяньей ловкостью добрался до верха и с видом победителя спрыгнул ко мне.

Целый и невредимый, глаза сияют, да еще к ногам рыбу положил, здоровую, и, судя по раздувающимся жабрам, еще живую. Я растерялась. Не знала, как расценить этот жест. Может, хочет сказать, что есть меня не будет, наоборот — кормить? А он явно чего-то ждал. Ну и что мне с добычей теперь делать?

Опасливо наклонилась посмотреть на рыбину, которая уже не билась, но еще разевала зубастый рот. Взять ее?

И тут добытчик, видимо, устав ждать, вдруг шагнул ко мне, подхватил на руки, и понес обратно в дом, словно ребенка. Намерения его стали понятны только когда он безошибочно отыскал спальню, перенес через порог, да и бросил с размаху на кровать. Так грубо со мной еще никто не обращался, но обидно не было, только любопытно до ужаса — неужели все повторится? Ну, в самом деле, это же безумие! Нельзя мне...

Только Кроха спрашивать меня на этот раз не стал — ни взглядов долгих и непонятных,

ни предварительных ласк. Просто и недвусмысленно размазал по кровати, как масло по хлебу. И, словно наказывая за жестокие слова о львах, вытворял со мной все это в течение целой вечности, по внутренним ощущениям, а если верить лишенным всякой романтики настенным часам, не меньше сорока минут.

Я-то думала, что лучше уже быть не может! Оказалось, ошибаюсь и очень сильно. Я извивалась под моим монстром, как червяк, насаженный на крючок, забыв всякий стыд, принципы и убеждения. Какое там — закрывать глаза, представляя на себе и в себе Принца, когда с дыханием справляться не удается, и стоны вырываются помимо воли, когда каждый клочок кожи горит огнем. И как он так быстро нашел все эрогенные зоны? Ведь даже не подозревала о существовании большего числа из них.

А потом этот меховой коврик просто взял и стал елозить и прижиматься ко мне вздыбившимися волосками шерсти, раздражая — как тысячей иголочек — везде. Какие там "эрогенные зоны"?! Оголенные нервы, казалось, проросли наружу из каждой поры. Такого потрясающего эффекта не могла себе представить ни во сне, ни в мечтах, ни даже в бурных и необузданных фантазиях, которые бывали не так уж и редко в моем прошлом.

Успела и накричаться до хрипоты, хотя никогда не думала, что я из тех, кто будет кричать в постели. А что оставалось, если терпеть сладостную пытку становилось просто невыносимо. Такого форменного издевательства, вместе с невероятным наслаждением вообразить невозможно, я и «волны» считать бросила. Просто в каком-то забытии понимала, что каждая следующая была выше предыдущей, а этот... все двигался и двигался в безжалостном ритме, как автомат, не обращая внимания ни на просьбы, под конец перешедшие в мольбы, ни на мои попытки самой ускорить события. Мерзавец! Обаятельный и милый негодяй!

И когда внутри меня взорвалась тысячью искр последняя волна, я на долю секунды потеряла сознание. Впрочем, тут же пришла в себя, все еще испытывая счастье соития, и приятную усталость в опустившихся, наконец, ногах и во всем теле — от макушки до пяток.

Мы еще долго просто лежали, наслаждаясь друг другом, и я, ощущая, как кое-что становится меньше прямо внутри меня, думала о всякой приятной ерунде. Например, о том, как славно, когда парень «после этого» не спешит бросить тебя и бежать в душ, будто в чем-то испачкался, а продолжает приятные минуты. Только душ, к слову, не помешал бы уже мне самой, а то лежу вся мокрая, наблюдая, как это чудо опять с грудью играет, точно первый раз в жизни видит, а ведь приятно. А еще думала, какая мягкая и шелковистая шерстка, и есть, за что ухватится, когда к себе прижимаешь. Или ведь, что удивительно, шерсть совсем не пахнет псиной и сухая, как будто он совсем не трудился, а так запахов хватает, и сильных, только неприятными их не назовешь. Или это от того, что мне так хорошо?

А Кроха вдруг поднялся одним гибким движением, подхватил на руки и понес из спальни. На миг захватило дух — куда он? А потом поняла, что сопротивляться нет ни сил, ни желания. Обняла за шею, тихонько вздохнув, уткнулась в широкую мохнатую грудь. Как приятно, когда тебя на руках таскают, я и забыла это ощущение из детства. Только оказавшись в туннеле, сообразила, что идем к бассейну. Надо же, он и мысли мои читает?

На миг напряглась, ожидая полета в холодную воду, но Кроха аккуратно поставил меня на краешек бассейна, замер на несколько секунд, прижимая к себе, а потом раз — и нет его рядом, крутится уже в воде, словно это его родная стихия. Поколебавшись, скинула с себя халатик, который так и болтался на плечах. Надо же, столько приключений пережила, а он до сих пор был на мне, и прозрачный шелк не превратился в лохмотья. Вот тебе и «звериная

страсть».

Осторожно попробовала ножкой температуру воды, всё-таки — только начало июня. И правда, прохладная. Попробовала отступить, лучше уж в душ, да только терпение моего друга закончилось, он незаметно подплыл к краю и сдернул в воду. Ох, как захотелось его убить за это, от холода дыхание перехватило, да легче рыбу в воде поймать, чем этого красавца. Досадно стало, что даже не отомстить, плюнула на это дело, и стала просто наслаждаться. Хоть и небольшой бассейн, а поплавать можно. Вот и обновила. Пусть и не так, как ожидалось.

Но Крохе всё мало было, не наигрался? Подкрался незаметно, выхватил сильными руками из воды и сунул прямо под струи водопада. Как током ударило, куда вся усталость делась, и не вырваться — держит крепко, негодяй, словно терпение испытывает. Задышала часто, чувствуя, что неспроста все, и права оказалась.

Подтолкнул вперед, пришлось упереть ладони о гладкую поверхность скалы, чтобы не потерять равновесие. Звереныш провел двумя коготками вдоль позвоночника, останавливая сердце, и нежно, но настойчиво нажал на поясницу, заставляя выгнуть спину по-кошачьи... Опять что-то новое для меня, зажмурилась, страпась и желая испытать еще и так. И когда не видишь, ощущения острее, а ему, вероятно, так и привычнее, а может, и интереснее — очень уж заполнилось все внутри... И капель по плечам и лицу барабанит. Пальцы сами в кулаки сжимаются, вздохнуть удавалось через раз, в такт движениям, дрожь сотрясает, как от сильнейшего озноба... Наслаждение накрыло сразу всю, лишая воли и разума. Мужские руки, не дававшие шевельнуться все это время, куда-то исчезли, и я просто ушла под воду, только с одной мыслью в голове: «А говорили, что от счастья не умирают...». И темнота.

Проснулась я в собственной постели в состоянии незамутненного счастья. Приоткрыла глаза и убедилась, что это был не сон, а Кроха по-прежнему здесь. Потянулась с наслаждением, радуясь, что все еще жива, все тело отозвалось натруженными мышцами, заставив пожалеть о своем оптимизме, но не снизило настроения. И даже куда-то пропало привычное чувство одиночества. В голове было странно пусто, и куда-то исчезла способность чему-либо удивляться. Хотя мохнатый друг всё же поразил. Сидел на краешке кровати в пол-оборота ко мне и смотрел на 'простом' экране телевизора какую-то порнушку. Вот чего не подозревала, так это его способности разбираться с техникой. А что выбор пал на подобный видеоматериал, та это, видимо, в порядке общего развития. Вот только выглядел он при этом не удивленным, или возбужденным, а скорее грустным и расстроенным. Очень уж тяжело вздыхал и двигал усами.

Кажется, я даже догадывалась, отчего такое недовольство — Кроха явно пытался уловить запах, а телевизор, даром, что на полстены и с отличным изображением, ничего такого не умел. Вик где-то достал эту панель, так в ней даже голо-функции не имелось, не то, что чего-то сверх. И где такие раритеты на Прерии берут?

Для Крохи же, наверное, смотреть без запахов — все равно, что мороженное через стекло лизать. Впрочем, смотреть-то, смотрел, но оба уха уже развернулись в мою сторону, засек наверняка, что проснулась. я сделала осторожную попытку пошевелиться, и в следующий миг он уже был рядом. Захотелось предупредить, что я уже наигралась, и повторение возни, пусть мне и ужасно понравилось, лучше отложить на потом. Но

оказалось, он и не собирался заставлять меня выполнять акробатические упражнения и бег с препятствиями. Скорее, решил порадовать.

Сюрприз — на его левой лапе, превратившейся в громадную тарелку, из-за раскрытых перепонок, аккуратной горкой были сложены кусочки рыбного филе, а между указательным и средним пальцем зажата открытая баночка соевого соуса. Это что, завтрак в постель? В благодарность за спасение?

Пока я ошарашено разглядывала это чудо — рыбка на срезе переливалась всеми цветами радуги, и думала как бы повежливей отказаться — Кроха пошел на хитрость: стоило мне только раскрыть рот, чтобы начать извиняться, как один из кусочков был наколот на коготь второй лапы, сунут в банку соуса, и следом — в не успевший захлопнуться рот.

Дергаться, когда у тебя во рту острейший коготь — неблагоприятно, потому, преодолев спазм отвращения к подобному изъятию дружбы, пришлось аккуратно стянуть кусочек губами и прожевать с видом максимального удовольствия, в конце концов, суши хоть и гадость, но есть можно. Изображать пришлось до первого укуса, а потом, помимо воли распробовав, позволила кормить себя дальше таким жутким способом, с огромным удовольствием жуя кусочек за кусочком. Такого я еще не ела, вкус просто не описать словами. Куда там банальным суши — пищу богов, а не обычную сырую рыбку приготовил для меня мой новый дружок.

От еды по телу разлилась сладкая истома, казалось, расслабились даже те мышцы, о которых я до этого и не подозревала. Хотелось свернуться клубочком и замурлыкать. Все вокруг окрасилось в необычные цвета, начали странно зудеть губы и язык, и вообще, так прекрасно себя ощущать еще не приходилось от простого перекуса.

В благодарность рассеянно потрепала Кроху по большой голове, подергала зачем-то за уши, а потом все стало перед глазами расплываться. Ну и пусть только проснулась, глаза слипались, словно как минимум выпила сильнодействующего снотворного, так что отрубилась в очередной раз с мыслью, что такого сонного воскресенья в моей жизни еще не случалось.

Отступление четвертое: Расплата

Так хреново Тигру не было уже давненько. Расслабился, разведчик твою мать! Забыл, как жизнь откатывает за расслабон и невнимательность к ее намекам. Впору было не сдерживать первое желание и действительно расколотить башку об стену, чтобы посмотреть — есть ли там хоть немного мозгов. Но нельзя. Пока нельзя, а дальше посмотрим.

А ведь как все хорошо начиналось, вышло даже лучше, чем в сказке. Он лишь предполагал, что жалкий вид не позволит Одуванчику пристрелить его безопасности ради, но проявленное сочувствие к «бедной зверушке» заставило сердце зайтись от нежности. Настойчивость и решительность, проявленные в ходе спасательной операции, тоже приятно поразили. К такому энтузиазму еще бы хоть каплю соображения...

Однако в полной мере оценить происходящее было сложно — девушка, как и положено, опоздала на свидание на несколько... часов. Насколько точно, даже сказать сложно, чувство времени под конец здорово сбило. В итоге, до койки (или куда там она его настойчиво тащила?) так и не добрались. Заснули, измученные возней, прямо по дороге.

Проснулся уже согревшимся и отдохнувшим, быстренько пробежался по комнатам, запоминая расположение и попутно сделав все необходимые дела — к предстоящему выяснению отношений надо было подготовиться, лишнее не должно отвлекать.

И прискакал назад под тепленький бочок, некоторое время просто любовался... Нет там конечно было на что посмотреть и раньше, лицо обрамленное белой длинной гривой довольно симпатичное. Но Тигр прекрасно знал, в чем состоит основная часть магии привлекательности женщин этой расы и врать себе не собирался. Просто порадовался, что все оказалось даже лучше, чем он мог себе представить.

Ну и что с того, что нет сил оторвать взгляд от груди? И вообще комбинация нежной, так легко повреждающейся шкурки, намного меньшая физическая сила женских особей этой расы вместе с природно-большими молочными железами вызывали инстинктивное желание защищать. Инстинкт. У женщин его вида грудь как таковая становилась заметной только в период вскармливания. Все это, включая и привлекательный «молочный» запах, было не более чем основой, шансом, остальное зависело только от человека. Хотя глянуть все равно приятно.

Дальше как с цепи сорвались. Честно говоря, такой реакции на простое приветствие Тигр не ждал совершенно. Но в ответ на пустую формальность ударило такой волной феромонов, что только сорок прожитых лет и давно выработанная привычка держать себя в руках в любой ситуации помогли сохранить хоть какой-то контроль над процессом.

Но держаться удавалось из последних сил и на одном страхе. Что к нему так доверчиво потянутся, отбросив все страхи и открыв душу, не ждал, и от того жутко боялся разрушить хрупкое чувство единения неловкостью или болью. К тому же сердце буквально заходило от тоски, до головы вдруг дошло, что такое настоящая дикость. Это не уровень технологического развития, а вот такое всепоглощающее одиночество. Когда за одну надежду и возможность отгородится, хотя бы на миг, от безжалостности окружающего мира женщина готова отдать душу и тело без единого слова. Кому угодно, хоть человеку, хоть зверю.

Возникшее вдруг единство сбивало с толку, но даже не это было главным — ну откуда

она могла знать все ритуалы, давая совершенно правильные ответы на неизвестные ей вопросы?

Когда в ответ на «первое касание» он вдруг получил предложение «гребня» то просто в первую минуту остолбенел, не веря в происходящее, вынудив бедную девушку настаивать — только после того, как она начала прикусывать ему перепонки между пальцами, до мозгов дошло, что с ним не шутят. Вот только никакого гребня, чтобы положить его на полку уже над их кроватью с собой не было. Не собирался как-то, блин, жениться.

Впрочем, раз пошла такая пьянка... Подхватился и рванул за рыбой, надеясь и не веря одновременно. Но когда по возвращению «с охоты» Одуванчик ждала возле входа... Еле-еле удалось проглотить комок и, в соответствии с обычаем, положить добычу как положено. А она ведь собиралась ее принять...

Просто так, взять и принять, ничего не прося. Тут уже нервы не выдержали и, нарушив ритуал, просто подхватил на руки, да и поволок подальше от возможности совершить необдуманый шаг. Думал, что от судьбы можно убежать в койку. Счас!

Потому как в конце этого сумасшедшего дня его ждал ритуал «дождя». Причем она ведь совершенно не играла, не действовала по заученному, все по-настоящему... Тут уже никуда не отвертишься. Да и желания нет.

Забавный, однако, получился «выход в поле». Думал просто хоть одним глазком взглянуть, просто запах почувствовать, чтобы знать — продолжать морочить девушке голову или не мучить себя и ее, а в итоге — женился, что называется «глубже некуда». Следующим шагом только ребенка на руки взять, но это, как это не жестоко, им не светит. И потому вряд ли им долго быть вместе, но сколько бы ни было отпущено — будем радоваться тому, что есть.

Тем более что жизнь порой бывает короче любви.

О чем эта сука-жизнь не преминула напомнить в своей излюбленной манере.

Расслабился, потерял нюх. И позволил себе эгоистические мысли. За что получил моментальную обратку.

Дело в том, что малышка оказалась совсем не требовательной и очень ласковой. И, похоже, больше уже ничего не хотела. На этом и следовало остановиться, не искушать судьбу, тем более, что хоть как-то хоть слегка, но напряжение от воздержания удалось сбросить. Так ведь нет, решил показать, что силен, похвастаться. Ну и довыдывался.

Казалось, что ничем вроде бы не рисковал, приготавливая «рыбу любви» — действие этой рыбки на адамитов было сходным, они с удовольствием ее употребляли. Тяга к этому продукту у них пересиливала даже инстинкт самосохранения, вот и решил порадовать. Совместить, так сказать, приятное с полезным, первая часть удалась, а вот продолжения не последовало. Сложно это, когда вместо любовных ласк нужно искусственное дыхание делать. От впадения в панику спасли только занятость, и привычка решать проблемы по мере их поступления.

Вот очнется, тогда и посмотрим, возможно ли восстановить подорванное идиотской выходкой доверие. Хвала звездам — хоть долговременных последствий тетродотоксин, как и большинство нервнопаралитических веществ, не оставляет. Так что если удалось пережить первый час после употребления, то дальше все будет хорошо...

Очередное пробуждение оказалось не столь радужным. Мышцы болели, мысли в голове ворочались вяло, а в ушах зудел какой-то странный, неприятный звук. Ах, да, входящий вызов на визоры. Только странный больно. И тут вспомнила, как Вик настраивал систему 'умного дома', да все спрашивал, какой ставить звук, а я безбожно проигнорировала. Схватив с тумбочки гляделки, убедилась, что так и есть, кто-то пожаловал в гости и дом перевел вызов с пульта входной двери прямо на визор.

Кроха тоже проснулся, приподнялся на неизвестно где реквизированном коврике и смотрел на меня огромными глазами, шевеля ушами. Любопытный какой! Мне, кстати, тоже стало интересно и немножко тревожно, кого это принесло ветром в мой законный выходной! Впрочем, ничего страшного, входная дверь выдержит и таран, тем более что расположена так, что никакой таран не подтянешь, в случае чего, времени будет предостаточно — отсидимся до подхода сил правопорядка.

Странно, но эти силы, похоже, сами явились. Экран телевизора на запрос, услужливо показал стоянку коптеров — на стоянке две машины, одна из которых в соответствующей раскраске и с гербом 'службы спокойствия', а вот вторая... почта что ли? Да, точно! Тем более рядом парнишка в фирменной кепочке, бледненький такой, со взором горящим.

Укутавшись в одеяло, включила связь, с односторонним видеосигналом. Я их видела, а они меня — нет.

— Госпожа, Морозова, — тут же нервно заговорил юноша. — Служба экспресс доставки. Вы не могли бы выйти, здесь также патрульная машина, поверьте — вам ничего не грозит. Вы можете это проверить.

Опомнился, уже проверила, отослав запрос с визоров на пульт и они подтвердили, что патрульный коптер 7544-А действительно отправлен по адресу 'Маяк, здание на скале' — сопровождение важного груза, заказ почтовой службы 'Земля-Прерия'. Особой необходимости в проверке не было, но рефлекс жителя каменных джунглей Москвы сильнее разума. Привлекательная дичь там долго не проживет, если не будет следовать своду правил выживания, не задумываясь.

Интересно, что это мне привезли, да еще с Земли, если понадобилось такое сопровождение? Или эта служба одним названием с Землей связана, а на самом деле — это неведомый поклонник решил перейти от стихов к драгоценностям? Любопытство разгорелось не на шутку.

— Погодите минутку, сейчас открою.

С минуткой, я, конечно, погорячилась. Возникло сразу два важных вопроса — что надеть и что можно успеть сделать с прической. На глаза удачно попался камуфляж. Надевать его на голое тело не самая здравая мысль, но позволяет сэкономить пару минут на поиски необходимых деталей туалета. Похоже, эта одежда становится моей повседневной на Прерии. Волосы стянула узлом и накинула сверху бейсболку, ремень с кобурой пристроила на талию — и смотрится классно, да и с оружием, не смотря на все проверки, все-таки спокойнее.

Через полторы минуты (абсолютный личный рекорд!) — уже стояла возле входной двери, зеркало рядом пришлось очень кстати — вроде всё на месте и ничего лишнего.

Теперь посмотрим, что все же там такое привезли?

— Извините, госпожа Морозова, — паренек мялся и прятал глаза, то и дело бросая взгляды на сержанта. Но у патрульного совершенно каменная физиономия а-ля 'терминатор при исполнении' и найти в ней сочувствие нереально, — мы должны были доставить Вашего кадавра. Но произошло досадное недоразумение. Потому пока могу отдать только его снаряжение, поводок и документы. Поверьте — мы делаем все возможное, начато расследование, его обязательно найдут, и мы возместим все убытки! Еще раз прошу прощения!

Кажется, слишком многое сегодня свалилось на мою голову... Он вообще о чем?

— Какие документы? Какого 'кадавра'? — И тут заметила, что пока я проявляла чудеса сообразительности и понимания, в мире кое-что поменялось — парнишка успел побелеть как мел и вытянуться в струнку, выпучив глаза. Того гляди в обморок грохнется. Патрульный тоже удивил, мигом растерял всю свою невозмутимость и медленно стал пятиться за нос служебного коптера. Рука у него застряла в каком-то странном положении — будто по привычке хотел положить её на рукоять станера, да так и не донес, а теперь и вовсе боится ей пошевелить.

— В-в-в-а-а-ашего К-кадавра... — испугано пролепетал почтальон. Такое смешение ужаса, облегчения и счастья, как на его физиономии, мне раньше видеть точно не приходилось. Он усилено косил глазами мне за спину, не решаясь даже кивнуть. Сообразив, наконец, я перепугано крутанулась на пятках, хватаясь за кобуру. Но ничего страшного там не было, всего лишь Кроха выбрался через незапертую внешнюю дверь и теперь, усевшись по-собачьи и аналогично вывалив язык, разглядывал площадку, склонив ушастую голову набок.

— Г-госпожа Диана, я рад, что он вас нашел. Примите искренние извинения за доставленное волнение, виновные будут строго наказаны... — По мере произнесения расслабившийся было посыльный все более каменел, потому как Кроха сильно заинтересовался сумкой, которую тот держал в руках, метнулся к посеревавшему почтальону и преспокойно стал вытягивать из нее что-то похожее на сетку из лент с кармашками.

— Кто 'он'?! Объяснит мне хоть кто-то толком...

И тут я увидела в другой руке почтальона конверт со знакомым почерком и, отбросив все приличия, поспешно выхватила его. Мама! С первой строчки буквы начали расплываться от наворачнувшихся слез, но смысл до сознания всё же доходил четко:

'Дорогая Ди, ты очень расстроила свою маму, променяв работу в престижном журнале на эту дикую планету. Я понимаю, что на то и дана молодость, чтобы к чему-то стремиться и совершать глупости, но это все же слишком! Конечно, дорогая, 'лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме'. Только пойми, милая — мама за тебя переживает. Как ты там среди этой ужасной дикости, кровожадных зверей и грубых мужчин? Тебе обязательно нужна защита, хотела сделать тебе подарок на день рождения, но твой опрометчивый отъезд смешал все мои планы. Зато теперь мое сердце будет спокойно, хотя все равно оно разбито твоим поступком.

Искренне любящая тебя, моя дорогая девочка,
твоя безутешная мама.

P.s. А правда, он душка? Такой редкий окрас — все мои подруги были просто в восторге!!!'

Мир в очередной раз встал на ребро и закачался. Стараясь мыслить позитивно, попробовала отстраниться от ситуации. Значит, Кроха — кадавр! А что такого я знаю о кадаврах? Последнее достижение генной инженерии, дружно преданное анафеме всеми мировыми религиями, как 'богопротивное смещение человека и зверя'. Кроме того, получение кадавра требует огромного труда и таких больших денег, что позволить его могут лишь очень богатые люди. Такие, как мама, к примеру.

По сути, это действительно гибрид человека и животного, зародыш которого вынашивается суррогатной матерью, обычно человеческой — мало какое животное способно успешно его выносить, и не только оттого, что плод крупный. Именно потому наибольшей популярностью пользуются тигры, львы и медведи, а из травоядных — гориллы и орангутанги, как раз из-за возможности обойтись в этом случае без вынашивания плода человеком. Хотя шансы получить при этом здорового кадавра гораздо ниже и усилий, а соответственно — денег, требуется больше в разы.

Что еще-то? Сама ведь писала реферат по кадаврам в колледже. Только было это давно и в другой жизни. Я рылась в памяти, и досконально изученная когда-то тема медленно выдавала в мозг картинки.

Во многих странах производство кадавров запрещено, но все страны дружно приняли дополнения касательно статуса этих 'полулюдей'. У богатых свои причуды, они вполне могут и любят добиваться своего, а остальных такая экзотика волнует не слишком. Военные, ухватившиеся за идею создания 'универсальных солдат' получили пшик и кучу проблем в связи с растратой колоссальных средств. Действительно великолепные возможности — высокая регенерация и сила, недоступное человеку чутье, которое вообще-то невозможно объяснить только звериными органами чувств, отсутствие страха смерти, как и многих прочих человеческих 'недостатков', отличная обучаемость в части владения оружием, беспрекословное выполнение даже не желаний, а неоформленных мыслей поводыря, реакция, многократно превосходящая человеческую — все это перечеркивалось одним недостатком. Подчинялись кадавры только одному человеку — тому, чей генетический материал использовали для создания. Или кому-то из его ближайших родственников, если владелец погибал, а кадавр умудрялся пережить трагедию смерти 'хозяина'.

Что вкупе с дороговизной ставило крест на использовании 'полулюдей' в военной области. Зато телохранители из них выходили великолепные. Обладая недоступным для животных умом, интеллект кадавра в среднем соответствовал уровню трех-пяти летнего ребенка, они отличались собачьей преданностью и чутьем. Связь между ними и 'предком' была просто мистической, как кошка за тысячи километров способна прийти домой, так и кадавры могли найти своего человека, где бы он ни был, если жив, или точно 'сказать' о смерти.

Им бы не было цены у людей, имеющих опасные профессии или хобби, если б не цена. Каламбур, но так оно и есть.

— Мэм, вы не могли бы подписать документы, раз все так...

Вынырнув из состояния задумчивости, увидела направленные на меня взгляды. Парнишка смотрел с надеждой, что все, наконец, кончится, и его отпустят восвояси, а вот второй...

Кроха успел натянуть свои ремни, оказавшиеся некоторым аналогом 'разгрузки' и рассовать по ее кармашкам множество острых железок, если это конечно были железки, поскольку абсолютно черные лезвия не блестели. Вспомнилось, что кадавры предпочитают

холодное оружие, хотя вроде могут и стрелять, те, кому естественно это позволяет наследство предка-животного.

И вот теперь зверюга смотрел с умилением и надеждой, протягивая мне ошейник. Невыносимо хотелось бросить все и убежать рыдать в подушку, но этот выворачивающий наизнанку душу взгляд... Не глядя чиркнув подпись в листке и подтвердив её кодом через визоры, шагнула вперед и застегнула металлическое кольцо на шее 'моего' кадавра, прижав палец к идентификатору. В визоре пискнуло сообщение о получении спецпакета, а на экране зажглась оранжевая точка на карте. Вот и стала я рабовладелицей...

Хотя по всем законам кадавр считается мне родным братом-близнецом, только недееспособным. Что значит — за любые его действия предстоит отвечать мне, и заботиться о нем обязана, как о собственном ближайшем родственнике. Впрочем, так оно и есть. Вяло подумала, что хотелось бы знать — ради такого подарка мамочка взяла без спросу мои клетки, или озаботилась вспомнить и разыскать 'папочку'?

И еще — кадавр, ставший моим, просто не сможет сделать что-либо, чего не хочется мне. Разлучить теперь нас может только смерть — в отличие от человека-близнеца, с кадавром не может разлучить и тюрьма. Даже в случае вынесения смертного приговора человеку, его откладывают до смерти кадавра. В свое время этот момент вызывал немалые опасения, но парочка весьма и весьма трагических происшествий склонили чашу весов в пользу гуманизма. Опасения, между прочим, были напрасными, быстро выяснилось, что наличие 'зеркала' очень сильно влияет на человека, делая его добрее и заставляя пересматривать давно сформировавшиеся взгляды на жизнь. Собственно, из-за этого едва возникшая мода, моментально пошла на спад. Доброта и гуманизм, как известно, вредят бизнесу.

А если представить, что существо, которое чувствуешь как самого себя, и к которому привязываешься сильнее, чем к ребенку, уйдет намного раньше тебя... Ведь даже без 'профессионального' риска, жили кадавры, хоть и больше своих предков-животных, но намного меньше человека.

Помню только вывод свой в реферате: 'Лично я — против подобных издевательств, и никогда не заведу себе кадавра, даже став миллионером!' Меня тогда дружно высмеяли, а после изменения моды, даже хвалили. Все произошло как-то сразу. И вот результат — получите и распишитесь!

За всеми этими воспоминаниями, не глядя подмахнула отказ от претензий за несвоевременную доставку, заслужив почти влюбленный взгляд посыльного — наверняка ему будет немалая премия за столь удачно провернутое соглашение — и проводила гостей.

И только после этого смогла взглянуть в глаза своей 'второй половинке', чтобы, обняв это мохнатое недоразумение, разрыдаться со словами — 'ну здравствуй, братик'.

Одной рукой прижав к себе рыдающую девушку Тигр на пальцах второй показал «всевидящему оку» фигуру не сулящую ничего хорошего его непосредственному начальнику.

Звонок Вика отвлек от страданий, когда без всякого аппетита я в одиночестве ужинала в столовой подогретым куриным бульоном. Во всяком случае, вкус вполне соответствовал, а уж из какой птицы его готовила Рысь, оставалось только гадать.

То есть про одиночество — это я по привычке. Просто Кроха вел себя на удивление тихо, пристроившись возле меня на подобии коврика. От еды отказываться не стал, но

управился с ней за секунду и теперь тихонько урчал, ласкаясь о коленку.

— Диана, это Степан, да, Викинг, да. — Голограмма зависла над столом, так как надевать визоры не хотелось. Просто вывела сразу изображение, чтобы и Кроха мог поглядеть. Но лохматый друг еще больше распластался по полу, видимо не желая влезать в мои дела, а может не хотел испугать рыжеволосого архитектора, который и без того запинался больше обычного.

— Здравствуйте, Вик, — я постаралась улыбнуться как можно дружелюбнее. — Что-то случилось?

— Нет, да, нет... То есть да, ничего особенного, да! — насколько я могла судить, он как раз находился возле своего маяка, ветер развивал пряди рыжих волос. — Просто хотел предложить, да.

— Что предложить?

Так и хотелось воскликнуть: 'Смелее! Да говори уже толком!'. Но, подавив зевок, смогла сдержаться.

— Да, Ди... Диана. Я вспомнил, что вы хотели поучиться сёрфу, да, серфингу, да...

— Конечно, до сих пор хочу.

— И вот... Да, это замечательный спорт, уверен, вам понравится. Да, понравится!

— Э-э. Я тоже так думаю.

— И вот, — глубокий вздох, словно перед прыжком в пустоту дал надежду, что я наконец услышу это самое предложение, — да, хочу вам предложить себя.

Парень вдруг покраснел и быстро поправился:

— Хочу предложить себя, в качестве инструктора, да, инструктора! Да.

Теперь мне с трудом удавалось не рассмеяться.

— Я очень рада, Вик.

— Вот завтра... в шесть утра, если не против. Да, если вы не против. Есть прекрасный уединенный пляж, да, совсем недалеко. Да, сам заеду на катере. Да, сам.

— Хорошо, Вик, я согласна.

— Пляж, да. Очень уединенный. Немного опасный. Да. И если согласитесь...

— Да, да, Вик, хорошо, согласна, — повторила более внятно.

— А, понял, Да, понял. До завтра. Да, до завтра, Диана!

— Счастливо, Вик.

Как только голограмма погасла, Кроха наострил уши и требовательно уставился на меня.

— Это Викинг, он этот дом строил, — пояснила я, — хороший парень и мой друг... Что еще-то тебе рассказать?

Оказалось, рассказать мне есть чего, так что, покончив с ужином, мы перебрались в гостиную. Я устроилась в уголке дивана, обитого белоснежной мягкой кожей, а Кроха спокойно растянулся на остальных полутора метрах, устроив голову у меня на коленях, и два часа безропотно внимал моим откровениям, поглядывая изредка большими блестящими глазами и выражая чувства движением ушей. Я же, найдя благодарного слушателя, никак не могла остановиться, все говорила и говорила. Одно воспоминание цеплялось за другое, и конца края не было видно. Вспомнила и детство, и маму, и конную школу, и Глеба — заодно всплакнув в теплую шерсть о его недавней гибели — и друга Шешку, и мечты о Гугле, и репортаж с Викторией Райт. И как вот этот самый дом мечтала приобрести.

Пока рассказывала, ласкала мягкую шкуру своего кадавра, чесала за ушком — чисто

автоматически, а он был этим вполне доволен. Урчание становилось все громче, или мне так казалось, паузы в рассказах все длиннее, и под конец, обняв голову своего монстра, я просто уснула на этом очень удобном диване, так и не сняв с себя ни камуфляж, ни кобуру с револьвером. Тяжеленькое выдалось воскресенье.

Ночью, слегка испугалась, проснувшись совершенно одна в полной темноте. Два часа ночи! Включив везде свет, перебралась в спальню, немного посетовав, что Кроха куда-то исчез. Впрочем, решила особо не нервничать — найдется. Мало ли, что ему надо. Раз рыбку раздобыть умудрился, значит вполне себе самостоятельный, когда нужно. Аккуратно сложила камуфляж, на минуту задумавшись, что пора бы обзавестись гардеробом в этом стиле, раз условия проживания этого требуют. И, завернувшись в одеяло, закрыла глаза, очень надеясь, что бесконечный выходной, наконец, останется позади и не преподнесёт до утра новых сюрпризов.

Отступление пятое: Уже женат

Едва дыхание успокоилось, и жена действительно заснула, Тигр перестал изображать из себя прикроватный коврик и аккуратно стянул одеяло. Во-первых, это ей только кажется что холодно, а трусило на самом деле от свалившихся переживаний, значит, уже через пару минут, перегреется и проснется, а надо, чтобы поспала — сон лучшее лекарство. А во-вторых... Ну просто захотелось полюбоваться на свою женщину.

Адамиты все же удивительно красивые существа. Тигр не спеша плавно повел лапой вдоль позвоночника не касаясь тела. За лапой по спинке потянулась переливающаяся полоса, а бьющие слева и справа от хребта «фонтанчики» резко увеличили свою высоту и оплели конечность миниатюрными молниями. Девушка во сне вздохнула и промурлыкала что-то ласковое. Пришлось, чтобы не разбудить её, отодвинуться подальше, и наслаждаться возникшей цветовой феерией с дальнего угла кровати. Постепенно буйство красок сошло на нет, а узор успокоился.

Вот посмотришь на такое чудо и на самом деле согласишься, что «по образу и подобию». Потому как по-другому ничем такую красоту объяснить нельзя. Каждый человек имеет на коже свой уникальный узор, сейчас, во время покоя, он стабилен и позволяет себя рассмотреть, только пульсируя в такт биению сердца, а вот когда проснется — будет меняться каждый миг, отражая малейшие движения души. А уж как все это выглядит в движении, просто глаз оторвать невозможно. Каждый человек — симфония, с сотнями обертонов и тысячами подтекстов.

И становится очень обидно, когда все это если не скрыто, то приглушено одеждой. Нет, понятно, что красоту надо защищать, но все равно жаль. Гораздо хуже, когда в завораживающих переливах отчетливо проявляются уродства. И если травмы и мелкие недостатки не сильно нарушают гармонию, в конце концов, абсолютное совершенство — мертвая, по сути, вещь, то уродство душевное...

Ведь при такой телесной открытости, малейшее вранье, несоответствие внутреннего и внешнего, режет диссонансом даже не уши — душу. И ведь чем глубже проникла эта проказа в человека, тем ярче и вычурнее становятся наряды, будто пытаешься скрыть собственную суть или заместить отмершую часть души яркой и дорогой тряпкой.

Это явление само по себе удивительно — ведь адамиты по отношению к собственной красоте абсолютно слепые. Поневоле согласишься, что эпизод «изгнания из рая» (к слову, а ведь одежда-то тоже появляется впервые в этом эпизоде) имеет под собой практически документальную основу.

Тряхнув ушами, отгоняя невесть откуда взявшиеся философские мысли, Тигр открыл рот, чтобы «откусить воздух» и дополнить видимое глазами и ощущаемое носом и вибриссами еще и самым надежным способом обоняния. Это невозможно сравнить ни с чем — запах любимого человека, смешанный с твоим собственным...

Только ради этого и стоит жить (на самом деле была и более высокая цель, но о грустном Тигр в этот миг предпочел не вспоминать, потому врал самому себе самозабвенно), потому как умереть каждый готов куда как за меньшее.

Но хватит любоваться. Двигаясь буквально по волоску, как к поставленной на неизвлекаемость мине, он подполз и обнял такое беззащитное и родное тельце. Девушка

было напряглась, но, услышав первые слова колыбельной, сразу расслабилась уткнувшись носом в вибрирующее горло и намертво захватив шерсть в кулачки. «Замедленная гроза» оплела своими маленькими молниями и его, как бы заключая в сияющий кокон.

От детскости такой реакции чуть не перехватило горло. Да, это не под одеялом от мира прятаться, такая защита куда как надежнее. Не прерывая песни оставалось только мысленно скрипнуть зубами, боясь потревожить и без того чуткий сон, но все равно кулачек разжался и погладил его под сердцем, а губы пробормотали что-то ласковое. Сердце потянуло тоской — пусть от опасностей этого мира он сможет ее защитить, а вот сможет ли стать ей опорой?

Ведь по приказу только «контакт третьего уровня» и раскрывать себя, подставляя под удар заодно и ее, нельзя ни в коем случае. И если «своя» СБ в случае угрозы утечки информации могла пойти максимум на ликвидацию, и то вряд ли, то местные избытком гуманизма не страдают и за любые крохи информации об «иных», а тем более такой прямой и достоверной, пойдут на что угодно. Нельзя сказать, что он их не понимает, и самому приходилось не раз заниматься «экспресс-допросом в полевых условиях», но понимание это никакого успокоения в душу не приносит.

Впрочем, проблемы положено планировать заранее, а решать — по мере возникновения. И Тигр закрыл глаза, пытаясь максимально использовать отпущенное спокойное время для отдыха. Давненько этот процесс не был столь приятным.

В том, что он успеет проснуться раньше жены и убраться на пол, он не сомневался. Привычка к чуткому сну один из многих «подарков» выданных судьбой разведчику, который умудрился-таки дожить до седых волос...

Проспала в итоге капитально. Нет, не то что бы очень, всего-то на сорок минут, но стало немножко неловко. За всеми переживаниями прошлого вечера и задушевными беседами с Крохой забыла про обещание Викинга показать замечательный пляж — 'Пляж, да. Очень уединенный. Немного опасный. Да'. После того, как он настоял на покупке дома, и его рекомендациям следовало относиться серьезно. А принимая во внимание, как он при этом волновался, краснел и отводил взгляд, так и очень серьезно. И я очень сомневалась, что меня в самом деле станут сегодня учить серфингу. Тем не менее, что же так хочет сказать мне Вик наедине стало по-настоящему любопытно.

Безлюдный пляж, теплый песок и ласковое море — что еще нужно чтобы подвигнуть этого тихоню решиться на выяснение отношений? А может это он стихи присылает? Ох, бедняга! И хотя мне его уже заранее жаль, но это совсем не повод мучить человека несбыточными надеждами. Впрочем, не похоже на него. Совсем. Ни про крутого бойца, готового умереть ради неизвестной любви, ни тот фривольный стих про эскадрон, где герой только и думает, с кем бы завалиться 'в стога'.

Может, поступаю не разумно, но вот почему-то не думалось ни о какой опасности. Вик такой безобидный... Но и защитник из него, наверное, аховый. Так не беда, можно ведь и кобуру на пояс прицепить, тут, похоже, этим никого не удивишь.

Но это я вчера все подумала после разговора с ним, а сегодня, в шесть сорок утра, времени на размышления элементарно не оставалось. Голос Вика по внутренней сети заставил просто подхватиться с постели, толком не проснувшись:

— Диана, это Вик, да. Я тут возле причала. Я могу подождать, да. Но вот прилив, да ждать не будет, да. Так что если вы проснулись, да. Я вас жду. Да, жду.

— Простите, Вик, я сейчас спущусь.

В этот самый момент глаза у меня широко раскрылись, потому как при попытке ступить на пол стопа уперлась в невесть откуда тут взявшуюся шкуру. 'Шкура' наступить на себя не позволила, ловко выскользнув и пощекотав напоследок пальцы. Зато в следующий миг все же вставшая на пол нога оказалась захвачена в капкан сразу двумя лапами, а снизу глянули полные восторга глаза Крохи под аккомпанемент тихого урчания. Тут же, не дав опомниться, мощный зверюга поднялся, оказавшись мне по пояс, попутно так 'ласково' потершись о многострадальную ногу, что чуть не уронил обратно на кровать. От девичьего визга и полной потери самоуважения спасла только мысль, что Вик мог еще не отключиться с линии.

— Кроха, фу! Что ты творишь, негодяй! Дай пройти, немедленно.

Увы, сердится на него не вышло, тем более что, проявив благоразумие, он отскочил на пару метров, где и принялся потягиваться по-кошачьи, разминая каждую лапу. Невольно залюбовалась, но заметив в карих глазницах вспыхнувшие игривые огоньки, сочла за благо поспешно ретироваться в ванную. Как бы он не решил повторно устроить вчерашнюю возню. Оно конечно приятно, но с другой стороны, при его-то силе, чувствовать себя мышкой в пусть и ласковых, но кошачьих лапах...

Да и потом, на игры и пляски совершенно не было времени, должен же он понимать! Или не должен? Ох, сколько же мне еще привыкать к нему придется?! Спасибо мамочке,

удружила! Надо хоть инструкцию прочитать, вдруг что-то важное там есть, чего я упустила. Ведь с тех пор, как делала свой доклад о кадаврах, прошло несколько лет, и что-то могло поменяться. Наука ведь не стоит на месте.

Душ прогнал остатки невольного страха и неуверенности в настоящем и будущем, а отсутствие в комнате Крохи неожиданного порадовало, вроде и стесняться особо тут нечего, во всех смыслах, но вот, поди ж ты.

Кроха деликатно рыкнул под дверь, когда процедура ускоренного одевания была завершена и, отозвавшись на — 'заходи, можно', порадовал своим появлением. Оказалось, он тоже успел полностью принарядиться, словно был уверен, что яс собой его возьму. Еще чего! Хотя, такого не возьми...

А ведь действительно, теперь мне от него никуда не деться, как и ему от меня. Это еще до того, как познакомились, можно было попробовать что-то предпринять, и то — нашлись, видимо, такие, что попробовали отнять у меня Кроху, и где они теперь? Вряд ли рассчитывали 'приручить' кадавра, впрочем, кто знает глубину человеческой глупости — и просто попытка похитить ценную зверюшку ради выкупа выглядит достаточно безумно. Может, рассчитывали, что вода не даст звериной части сориентироваться, в какой стороне находится 'хозяин', наивные — пусть вода им будет покрывалом, тина постелью, а рыбы добрыми и ласковыми... Жуть то какая! Брррр!

Тут Кроха, наверное, почувствовав поднявшиеся в душе чувства, поднялся на задние лапы, так что его голова оказалась на уровне моей шеи, и посмотрел снизу вверх таким взглядом, что все кошки на душе мигом спрятали коготки и начали ласкаться, усердно мурлыкая — действительно, кого я жалею? Люди, решившие лишить меня такого 'счастья', сами выбрали свою судьбу.

Спешно сбрасывая в громадную сумку 'всё, абсолютно необходимое', обратила внимание на 'сбрую' моего звереныша. Вчера показалось, что там только острые железки, а теперь обнаружила прицепленную справа кобуру. То, что торчало снаружи, заставило судорожно найти собственный револьвер, но он оказался на месте. Не совладав со жгучим любопытством, попыталась, ласково приговаривая, разоружить своего охранника.

Кроха в ответ посмотрел на меня удивленно, приподнял вибриссы над глазами и протянул оружие рукоятью вперед. Так и застыла, пламенея ушами, действительно — чего я его дурачком-то считаю? 'Уровень развития пятилетнего ребенка' говорит о системе ценностей и отношении к жизни, а не об интеллекте. Судя по всему, 'братик' поумнее многих моих знакомых будет.

Револьверы выглядели практически близнецами. Только рукоятки отличались, да ствол Кроха вставил самого большого калибра. Минут пять пялилась на оружие, чувствуя себя жертвой всемирного заговора. Потом решила считать это простым совпадением и вообще — не терять даром времени. О бедном Вике опять вспомнила с некоторым трудом, хотя вроде как спешила именно к нему.

По дороге к лифту выяснилось, что совершенно неподъемную сумку волочь придется мне. Кроха успел бодро унести вперед, потом пронесся в обратном направлении, опять забежал к лифту и выставил из-за угла нетерпеливо шевелящиеся уши, мол 'чего ты там копаешься?', и все это, пока я довольно бодро тащила 'все нужное'.

Тут уж я не выдержала и тонко намекнула, что не мешало бы и помочь. За что была награждена недоуменным взглядом и непередаваемым жестом ушами. При попытке настаивать, этот гад взял наизготовку револьвер и, вытянувшись на манер суслика, закрутил

головой во все стороны — дескать, можешь смело тащить хабар, я охраняю. От комичности его вида напал такой смех, что едва смогла проделать последние метры, зато сумка, вроде как, полегчала.

В лифте Кроха прижался к 'непрозрачной' его части и встревоженно крутил ушами, но вел себя прилично. Вик, увидев меня, радостно замахал рукой, улыбаясь во все тридцать два зуба. Но когда попробовал выскочить на причал, счастливые глаза округлились — он заметил рядом со мной 'братика', да так и замер в нелепой позе. Начинается!

Интересно — куда он раньше-то смотрел, ведь это чучело, между прочим, не комнатная собачка, а вполне внушительных габаритов зверюга. Впрочем, кажется понятно — Кроха за чертовой сумкой маскировался. И добился своего — когда Вик, отшатнувшись, потянулся за ружьем, мы были уже близко — братишка одним прыжком взлетел на борт, ухватил его руку своей лапой и молниеносно лизнул агрессора в лоб. Бедняга архитектор с потрясением на веснушчатом лице так и сел, ухватившись рукой за лицо, а наглое чудовище завозилось в грузовом отсеке катера, пытаясь забраться под лавку.

— Д-диана, эт-т-то к-к-к-кто? — запинаясь больше чем обычно, поинтересовался Вик, ошарашено глядя на меня, теряющую терпение на причале — вместе с тяжелой сумкой.

— Братик мой. — Бедный Вик, такие непонимающие огромные глаза! Проверила, пишут ли происходящее визоры — потом обязательно просмотрую запись. Да, кадавры и на Земле страшная редкость, многие о них, наверное, и не слышали, а уж на Прерии...

— О-отк-куда? — вот это вопрос!

— От мамы с папой! — я небрежно пожала плечами, мол, что такого-то? И добавила слегка мстительно. — На день рождения подарили.

После чего не смогла сохранить серьезное выражение, и начала неудержимо смеяться над ошалело-облегченным выражением на лице несостоявшегося ухажёра. Викинг тоже пришел, наконец, в себя и присоединился к веселью. И вообще — всю дорогу до 'пляжа, да' он был очень весел, вот только бросал настороженные взгляды в зеркало заднего вида и втягивал голову в плечи. Ошиблась, значит, вполне просвещен, что жизнь свела его с таким редким чудом? Или уточнить на всякий случай?

А пляж оказался и правда не очень далеко, понадобилось лишь проскользнуть зигзагом между преграждающими проход скалами, как за ними обнаружилась полоса белого песка у подножия высокой горы, окружающей небольшой заливчик полукругом. По сторонам двухсотметрового пляжа скалы уходили вертикально в воду, а вот чуть ближе к левому краю чернели выходы гротов, промытых прибоем в 'каменных стенах'.

Действительно уединенное место. Аж запоздало кольнула озабоченность — тут не надо ничего и делать, достаточно просто оставить меня на райском берегу в окружении отвесных скал дожидаться прилива, который, судя по скалам, достигал трех моих ростов. И нет больше Дианы Морозовой, специального корреспондента Гугл.

Фантазерка. Ведь понимаю же, что напрасно придумываю эти страхи, а разве есть чего бояться? Хоть убей, не могла заподозрить злой умысел в Вике, так еще и Кроха теперь со мной — не позволит ведь? Низкое ворчание в ответ на эту мысль внушило уверенность и теплое ощущение защищенности и признательности к мохнатому другу, а беднягу Вика заставило еще сильнее втянуть голову в плечи.

Вылезать из катера по прибытии мой 'защитник' отказался напрочь, только выставил наружу уши и мигом спрятался назад, проворчав что-то неодобрительное, даже попробовал

еще глубже забраться под лавку.

Викинг мигом оживился, схватил свое ружье, мою сумку и помог выбраться из катера. После чего, непрерывно болтая о том, какая хорошая погода — 'но как жаль, волн нет, да, нет, серфингом не позаниматься, да', - повел в сторону пещер. Рассказывая, как там красиво и что 'совсем не темно, совершенно, да', потому что вода промыла массу вертикальных колодцев и 'света хватает, да, хватает, да'. Еле удалось вклиниться в этот поток речи.

— Вик, ты говорил, что тут может быть опасно.

— Опасно? Да. Пакицеты. Такие большие выдры. Они могут выбираться на пляж. Да. — А сам весь приосанился и смотрит орлом, словно только и ждет, чтобы появились, а уж он-то в два счета с ними разделается. Как-то мне это уже не очень нравилось, невольно положила руку на кобуру.

Ну, вот и вход в гроты близко, справа промелькнуло стремительным броском коричневая тень в полосочку, прилипла чуть в стороне от прохода — и уже не по-звериному, а вполне по-человечьи — на двух ногах, уши торчком, и вид уже совсем не ленивый. Ну, Кроха! Что за шпионские игры?! Однако рука на кобуре у меня расслабилась. А Вик наоборот, посчитал появления зверя плохим знаком, решив, наверное, что всё — ужас близок, прекратил свою болтовню и попытался трясущимися руками курки взвести. Да, герой! При взгляде на эту картину даже смех разобрал, ну не чувствовалось опасности в таком райском месте, да и Кроха вдруг очень безмятежным выглядеть начал. Это и успокоило меня окончательно. Чисто из хулиганских побуждений, сложив ладони рупором, крикнула в расщелину:

— Выходи, мерзавец, на честный бой! — и засмеялась.

А напрасно я так — хорошо смеется тот, кто смеется последний. Слева и справа от прохода выскочили две громадных кучи водорослей и зигзагом рванули вглубь расщелины. Револьвер вдруг оказался в руке и красный треугольник из точек прицела сам собой начал сходиться на спине левой фигуры, прежде чем до меня дошло, что бегут эти 'водяные' не ко мне, а от меня. А потом заметила камуфляжные штаны с приметными берцами под накидкой, изображающей водоросли, после чего оставалось сдержать невольные нецензурные выражения — чуть не пристрелила идиотов! — и, сунув револьвер в кобуру, крикнуть вслед:

— Серджио, Марат, а ну идите-ка сюда, разгильдяи! Стрелять не буду!

В душе все бурлило, то ли от обиды на идиотский розыгрыш, то ли от сильного желания 'пошутить самой'. А правда, устрой-ка я им сейчас 'сюрприз'!

Тем временем, к двум высоким фигурам прибавилась понуро ковыляющая и гораздо более мелкого роста третья — Рысь, предательница. Всё верно, катера, кроме нашего, нет, не по воздуху же они сюда попали. Точнее — именно по воздуху! И кому такая идея в голову пришла — следить за мной?

— Так-с, — самым зловещим образом проговорила я, уперев руки в бока. Только бы не сказать лишнего — хоть и заслужили, но воспитывать их бесполезно, да и не в моих правилах. А при мысли, как они сейчас отреагируют на братишку, даже чуть не рассмеялась! — Присяжным все ясно, но к этому вопросу мы вернемся позднее, а пока — раз уж все в сборе, позвольте представить вам нового члена команды.

Окинула взглядом замершие фигуры — парни застыли, отчего внутри у меня разлилось тепло. Красавцы ведь, держатся здорово, хоть и побледнели оба. И позвала: 'Кроха!'.

Кроха не подвел — боковым прыжком появился перед публикой и приземлился в

положение 'на четырех', игриво припадая на передние лапы. Интересно, а ведь сделал точно, как хотела, мысли, что ли, читает?

Дальше всё произошло так быстро, что понятно стало, когда дополнила впечатление замедленным повтором в визорах. Глаза увидели, как странно дернулась фигура Марата, выбрасывая левую руку в хлыстообразном движении снизу вверх на уровне бедра, одновременно вскидывая правую за шею, и сразу услышала резкий звук удара металла о металл.

А потом Кроха не спеша обнюхал неизвестно как появившийся в его лапе странный нож и, потянувшись вперед, повторил процедуру обнюхивания с рукоятью воткнувшегося перед ним второго. Задумчиво склонил круглую голову набок, оглядев замершие перед ним фигуры, и на трех протопал прямо к ним. Марат попытался было отодвинуться, но Кроха ухватил его лапой за правую руку и вернул пойманный нож. Отошел на пару шагов назад, опять склонил голову на бок и вдруг резко зарычал, вскидываясь вверх.

Глаза опять пропустили момент движения, а следующими миг передо мной возникла скульптурная группа — Марат с расширенными глазами и зажатым в левой руке, острием вниз, ножом, и Кроха — присевший и положивший левую лапу на правый бок Токаева. Но люди — не статуи, и через миг 'скульптура' распалась — нож выпал из ослабевших пальцев админа, тихо звякнув об камешек, а мой зверь не спеша поднялся на задние лапы. Застыл столбом теперь только Марат — лишь шевеля нижней челюстью в попытке то ли сказать что-то, то ли сделать вдох.

Кроха несильно 'похлопал' его по разным частям туловища, будто отряхивая пыль, и видимо слегка толкнул, потому что 'статуя' сделала два шага назад, уперлась спиной в камень и сползла по нему, закатывая глаза.

- 'Уф, зуб острый, — сказал Акела, обнюхивая ямку, оставленную ножом, — но житье в человечесьей стае испортило тебе глаз, Маленький брат — я бы успел убить оленя, пока ты замахивался...', - произнес сдавленным голосом Сержио, плавно вынимая руку из кармана и зачем-то растопыривая на ней пальцы.

— Что? — кажется, я тут единственная, кто ничего не понял. Вон, даже побледневшая как мел Рысь, прижавшаяся к стене расщелины, выглядит более осведомленной.

— Киплинг, — еще более непонятным голосом произнес итальянец. Возникло впечатление, что у него в горле застрял слишком большой кусок.

Впрочем, на его месте я бы, наверно, тоже переживала — Кроха встал 'на носочки', оказывается, он так тоже умеет, и теперь, положив лапы на плечи оператора, заглядывал ему в глаза сверху вниз.

Непонятная сцена длилась всего пару секунд — я четко увидела, как медленно пошел вниз кадык, будто итальянец, наконец, проглотил 'слишком большой кусок', и несчастный Серж просипел:

— Да, я думаю, мы друг друга поняли...

Кроха вроде как кивнул и совершенно фривольной походкой, уже на четырех, двинулся к Рыси, где подсунул мохнатую башку под вялую руку, дескать — 'чеши!'. Ольча неохотно выполнила требование, и 'в благодарность' была сбита на землю и облизана, если не сказать — умыта.

После этого душа она начала осторожно, а потом все энергичнее отбиваться, а я отошла к Сержио, который все еще стоял возле упавшего Марата и копался во внутренностях своего камуфляжа, наверно искал, чем привести того в чувство.

— Хоть кто-то может мне объяснить, что тут произошло?

— Давненько меня так не строили... — пробормотал про себя оператор, не прерывая поисков.

— Серж!

— О, простите, сеньорита. Простое распределение ролей в команде. Он показал самцам, что может любого сделать как угодно и в любой позе и предложил обращаться в любое время. Самочкам... то есть леди показал, что строг, но справедлив, а если они отзывчивы, то еще и мил. И теперь мы его прайд и можем рассчитывать на защиту и добычу, пока согласны оставаться в данных рамках... — и, пока я не вспыхнула от этой галиматии, прошептал резко изменившимся голосом, одними губами. — Господи, Диана, где ты нашла это чудовище?

Упомянутое 'чудовище' развлекалось, их шумные игры с Рысью начали вызывать у меня недовольство — наглый комок шерсти уже успел растопить ледок опасения и, заодно выяснив, что девушка боится щекотки, тут же этим воспользовался. Вследствие чего верещание было слышно минимум километра на три. Хотя, после вопроса Сержа, мохнатое недоразумение тут же повернуло свои эхолокаторы чуть не на сто восемьдесят градусов — в нашу сторону, впрочем, никак своего недовольствия не высказало, и безобразия тоже не прекратило. Оставалось честно ответить на вопрос:

— Мама на день рождение подарила.

— Мама... — Сержу, похоже, изменила его обычная манера, и он произнес сквозь зубы. — Да с такой мамой...

Резко оборвав себя, Моретти нагнулся к Марату, видимо найдя необходимое, и скоро админ начал подавать признаки жизни.

— Сержио, — отрывать его от пострадавшего не хотелось, но надо было ковать железо, не отходя от кассы, — сейчас не время, но пообещай, что позднее все мне подробно расскажешь и объяснишь.

— Конечно, сеньорита, я буду в полном вашем распоряжении.

— А что с Маратом?

— О, не волнуйся, Ди, я не врач, но отчего-то уверен, всё будет прекрасно уже через пару минут...

Что ж, оставалось только ждать, чтобы в этом убедиться. А пока...

Пора уже поменяться ролями с кадавром. Настала очередь показать 'кто в доме хозяин', то есть идти стаскивать Кроху с Рыси за шкуру, а то вся эта возня мне уже совсем не нравилась.

— Заходите, сеньорита, я закончил обработку и можно посмотреть результаты. — Серджио сегодня сама любезность, что вкупе с серьезным взглядом и отсутствием обычных подначек несколько настораживает.

Для просмотра отснятого на пляже материала мы устроились в малой гостиной, развернув трехмерную проекцию. Теперь можно спокойно походить среди послушно замерших фигурок — модель у оператора вышла мастерская, на Крохе можно легко пересчитать все волоски, хотя ни визоры, ни камеры, которые, как оказалось, заранее разместил на месте розыгрыша итальянец, подобного разрешения не давали. Все остальное доделал компьютер телевизионного центра при помощи арендованных у местной сети дополнительных мощностей.

В итоге, 'тестовый прогон' возможностей нашего центра и профессионализма команды можно считать пройденным на пять с плюсом.

Некоторое время полубовалась на себя любимую, что ж не так и неправ был Кроха, спустив в отхожее место большую часть косметики, это если Серджио не пощадил мое самолюбие и не подретушировал изображение...

Пожалуй, надо начинать.

— Я готова, — говорю тихо, словно боясь потревожить застывших людей.

Серж задумчиво смотрит, словно сравнивает меня живую и голограмму, в глазах что-то сверкнуло, и я напряглась, ожидая колкости, но он от комментариев воздержался.

— Добро! — и фигуры начинают двигаться.

— ... позвольте представить вам нового члена команды. Кроха!

Вот сколько раз уже слышала себя в записи, а все равно продолжаю удивляться — голос — чей угодно, только не мой. Невольно залюбовалась движением 'зверя', красивый замедленный прыжок в таком темпе больше похож на парение, отчетливо видно, как под встопорщенной шерстью прокатываются мышцы. Залюбовалась и чуть не прозевала происходящее, на землю вернул голос оператора:

— Вот! Смотри, Диана, каков наш админ! Он еще не понял, что происходит, увидел боковым зрением движение, но реагирует. И как реагирует!

Действительно, не успели лапы Крохи коснуться песка, а админ уже держал в левой руке нож, выхваченный из правого рукава. Странно правда как-то держал — рукоятку в сторону противника лезвием вдоль предплечья, хотя казалось должен угрожать острием или лезвием... Вторая рука тем временем легла на воротник под затылком.

— Приглядишься, какое движение, — низким голосом пояснял Серж, — от бедра к поясу, будто что-то стряхивает с кисти.

Марат действительно мог потягаться в смертельной красоте с Крохой — хлесткий взмах и в противника, плавно переворачиваясь острием вперед, летит необычный ножик, похожий на рубку. Интересная всё же конструкция, надо будет уточнить...

— Это называется 'из-под юбки', уж простите, леги. На деле один из самых мощных бросков. Очень сильный и быстрый — сложно уклониться. Но в этот раз противник Марату попался не по зубам.

Картинка показывала, как нож, все замедляясь, летел к зверю. Точнее нож-то не

замедлялся, это просто скорость прокручивания модели становилась меньше, а вот Кроха вообще не двигался, разве что уши застыли, другой реакции не было вовсе. И только, когда ножик оказался совсем близко, Кроха выбросил лапу вперед и вверх. Как парашют, показалось даже, что с хлопком, хотя звук был отключен, раскрылись перепонки, растягиваемые вылетевшими на волю когтями. Два когтя нежно ухватили лезвие с боков, потом один из них вошёл в кольцо гарды и также мгновенно перепонки сложились, а лапа утащила пойманную добычу.

— Ты заметила? Он ждал до последнего, не считая нужным уклоняться и вообще дергаться. Ставлю что угодно, но этот бросок, за которым не всякий человек уследит глазом, для него казался не быстрее, чем мы с тобой видим сейчас. Это, это... делицесаменте (*deliziosamente* — итал.). Восхитительно! И абсолютно невозможно! Я слышал много слухов про этих... фильё ди сатана (*figlio di Satana* — итал. порождений дьявола), но реальность оказалась гораздо круче...

— Скажи мне, Серж... — попыталась сформулировать мысль, глядя как Кроха крутит в пальцах пойманное оружие, — а зачем вообще было метать нож? Ведь если он в руке, им проще управлять, да и удар должен быть сильнее...

— О, сеньорита! — мигом оживился, сверкая глазами, итальянец. — Вы бы знали, сколько копий сломано на эту тему. Доходило и до попыток доказывать свою позицию натурально. Многие специалисты не сошлись во мнениях.

— Понимаю. Но твоё-то мнение можно узнать?

Моретти улыбнулся и так сверкнул глазами, что впору было волноваться, не сработала бы система автоматического пожаротушения.

— Я, дорогая Диана, очень скучный и прагматичный. Но раз желаешь, изволь. Всю свою историю человек старался держать своего противника как можно дальше от себя, зверя или такого же как он 'двуногого зверя' — без разницы. Вполне обоснованно при этом полагая, что так полезнее для собственного здоровья. Особенно это касается всяческого зубастого и когтистого. А есть еще один очень упрямый факт — в обычную сосновую доску правильно брошенный нож уходит в полтора раза глубже, чем то же оружие, не покинувшее руки. Парадоссо! Прости... Парадокс, но факты — упрямая вещь. Да и бросок он быстрее, ведь оружие не сдерживает инерция человеческого тела. Но давай взглянем дальше...

Тем временем, второй клинок покинул ножны за воротником и помчался на встречу с целью, но её не достиг — путь ему преградил бывший собрат, теперь зажатый в чужой лапе. Невольно удивилась, что большой палец кадавра весьма привычно упирался в кольцо заменяющее ножу гарду, звонкое столкновение и более легкий метательный нож отлетает куда-то вниз.

Думая каждый о своем, в более быстром темпе досмотрели остаток — как Кроха вернул Марату нож и пытался его пугать. А потом Серж опять замедлил картинку и, уже не комментируя, позволил посмотреть, как Марат выхватил его снова, а 'зверь' спокойно дождался, пока острое уставится вниз, сделал шаг с приседанием и 'положил' на правый бок противника ладонку левой лапы.

— Не впечатляет? — Поинтересовался оператор. — В жизни редко, когда все выглядит как в кино. Эффективное не часто бывает еще и эффектным. Это — удар основанием ладони, сильный, но самое главное — очень быстрый, потому что прямой и не требует точного попадания. Вот тут и все различие между человеком и зверем...

— Зверь сильнее и быстрее?

— Да, но Марат проиграл бы и черепахе. Человеку нужно оружие, нужно время его достать и подумать, как применить, зверь — использует то, что есть от природы, инстинктивно, потому превосходит человека минимум вдвое. Даже в том случае если тратит время на то, чтобы преодолеть инстинкт и не убить.

— Ужас. Ты думаешь, что Кроха мог убить?

— Мог, но не захотел. Вот, смотри на лапу в увеличении.

Вблизи чудовищная конечность впечатляла — вот она идет вперед и... когти выдвигаются проходя между пальцами, превращая умильную лапку в чудовищный шипастый кастет, а потом медленно, как бы нехотя, втягиваются обратно, прежде чем лапа успевает коснуться бока.

— Значит, мог... — не скажу, что такая новость прибавляет хорошего настроения.

— Более того, даже без когтей убить ему было проще простого.

— Просто толкнув в бок?

— Там, Ди, у человека находится печень. Удар в печень, он нокаутирующий. Чуть сильнее и болевой шок плюс разрыв печени, что значит смерть, если поблизости нет операционной.

Но меня уже некоторое время не интересовали технические подробности. Да, вот тебе, девочка, и защитник... Видимо, часть мыслей невольно вырвалась наружу.

— Мог, но не убил... Почему?

— Ну, это очень просто — потому что Вы, леди, не хотели убивать Марата за этот дурацкий розыгрыш, хотели только наказать за пережитый страх. Вот ваше желание и было исполнено. Дорогая Ди, тебе подарили золотую рыбку и теперь надо быть очень осторожной в своих желаниях. И очень доброй в мыслях. Потому что умеет твоя золотая рыбка только одно...

— Неправда! Он очень добрый и ласковый, чуткий и нежный!! — от переживаний кровь бросилась в лицо. Невозмутимость Моретти лишь усилили обиду. Захотелось наброситься на Сержа с кулаками, но весь запал моментально исчез — за спиной оператора из-за дивана выглянули черные кончики ушей.

Вот ведь нахал! И как сумел пробраться незамеченным? И сколько он там сидел? Итальянец тем временем только горестно покивал головой:

— Да конечно... Ди, я могу идти?

— Да, спасибо за работу.

И дождавшись, когда он поравняется с выходом, добавила в традиции лучших детективов:

— А в прочем, давайте обсудим еще кое-что... — растерянная улыбка послужила мне хорошей наградой.

— Ты так все хорошо рассказал... — в черных глазах появились какие-то опасные искорки, которые сразу сменились просто опасением, причину которого я обнаружила, попытавшись положить руку на спинку кресла — ладонь четко легла между любопытно растопыренных ушей. Заикой можно стать, как он умеет подкрадываться! Скрывая невольный испуг, почесала за ушком, выслушав в ответ довольное сопение.

— А откуда Вы все так хорошо знаете? — ну, и почему он так широко улыбается, будто что-то приятное сказала? Хреновый видать из меня следователь.

— Милле грацио, кара беллицо! (Mille grazie, cara bellezza- итал. 'тысяча благодарностей, милая красавица'). Большое спасибо, сеньорита! Но в бедных кварталах

Палермо, как и в российских городах, живут очень разные люди. И есть одна общая черта — горячая кровь, которой порой становится тесно в груди... Когда-то подобная кипучая смесь — гордости и бедности дала миру дестрезу...

— Как? Что такое дестреза?

— Школа фехтования, — на смуглом лице промелькнула довольная улыбка. — Сейчас неприято защищать свою и чужую честь шпагой, но поверьте, что, по крайней мере, нож — не забыт.

— Что-то мне подсказывает, что тебе тоже было чем за себя постоять на этом пляже?

— У меня, дорогая Ди, было просто чуть больше времени, чтобы оценить противника и его намерения, да и вообще... Действия на рефлексах не считаю самым лучшим методом. Всегда и прежде всего надо думать головой!

Такое заявление от импульсивного итальянца чуть не вызвало невольный смешок. Но утробное ворчание справа заставило вспомнить о целях разговора, и о том, что мне сейчас в наглуую вешают лапшу на уши. Точнее, если принять во внимание некоторые аспекты, то — спагетти или пасту.

— Тогда, Сержио, ты наверняка точно знаешь почему не стал стрелять Марат, — сказала я, ткнув в сторону замершей фигуры, из рук которой все еще вываливался нож, — это ведь эН-эР-эС? Так?

Всё-таки приятно, когда на тебя так смотрят — признавая не только красоту, но и ум. Вид разом потерявшего свой кураж, ставшего серьезным и даже задумчивым Сержио порадовал. Потирая переносицу, он подошел к 'скульптуре' Марата и заглянул ему в глаза.

— Боюсь ты не совсем верно оцениваешь нашего админа, Диана. Он просто выполняет свою, отнюдь не простую работу, которую, между прочим, кое-кто пытается сделать еще сложнее. Гугл, отправляя Вас на эту планету, был не мог себе позволить сделать такой 'подарок', - кивнул он на опять заворчавшего Кроху, — но они, судя по всему, дали лучшего, кто у них был. Да, да — Токаев хорош. Очень! Что до конкретной ситуации, то тут все просто — в этот момент он уже понял, как сильно ошибся, позволив себе действовать, необдуманно. Потому, несмотря на то, что хотел победить, был готов и принять последствия ошибки. Не усугубляя. Я могу идти?

— Спасибо за ответы, Серж! А работа так и правда выше всяких похвал.

Проводив взглядом ушедшего оператора, не глядя притянула к себе Кроху, уложив его голову на свои колени. Запустив пальцы в теплый мех, пробормотала:

— Никто нас с тобой не понимает, Кроха... моя 'Золотая рыбка', хорошо умеющая только убивать! Даже друзья. Одни мы против этого мира.

За что была награждена совершенно чугунными объятиями, все же сила у него просто немереная, и довольным урчанием, больше напоминающим дальнюю грозу. Дескать — 'против всего мира, так против. По-другому могло быть, что ли?'

Стоя на балконе своего дома, я любовалась закатом. Перистые облака, окрашенные золотистым и красным медленно плыли по небу Прерии, так похожему на земное. Стало отчего-то грустно, воспоминания о близких мне людях, оставшихся на родине, бурные события прошедших дней — всё приводило в необъяснимое смятение. А ведь я толком даже не начала работать над программой, хотя прошла почти целая неделя. Может именно это не дает покоя? Или появление нового члена команды, ставшей для меня почти семьей за столь короткий срок?

Почувствовав посторонний взгляд каким-то шестым чувством, оглянулась. Рысь мялась на пороге своей спальни, не решаясь ко мне присоединиться.

— Что-то случилось?

— Да... то есть нет, — девушка вышла на широкий балкон и тоже оперлась о перила, остановившись в метре от меня. Поежилась от налетевшего прохладного ветерка. — Ди, мне надо кое-что сказать, только не знаю...

— Ну так говори, — подбодрила ее улыбкой, удивляясь в душе, что такого могло ее так взволновать. Оля не из тех, кто будет показывать свои чувства, так что нахмуренные брови и закушенная губа невольно заставили и меня напрячься в ожидании неприятных известий. — Оля, ты лучше сразу все скажи, не тяни!

— Хорошо, — Рысь глубоко вздохнула и выпалила. — Глеб жив!

Не успела я переварить эту новость, как личный пилот затараторила:

— Ты только не переживай, но он сильно покалечен. Мы не стали говорить тебе сразу, никто не думал, что он выживет, он был в коме, понимаешь. Только сегодня днем пришел в себя. И пока очень плох. Доживет ли до завтра даже не известно. Я бы и не стала ничего говорить, но Ахилл позвонил, сказал, что Глеб очень хочет тебя увидеть. Но тебе не обязательно его навещать! Все поймут.

Она замолчала так же резко, как начала, отвернулась, кажется, в ее глазах блеснули слезы, и она не хотела, чтобы я видела, как она переживает.

У меня же внутри все заледенело, и такая жалость проснулась к бедняге, что перехватило дыхание. Покалечен? Умирает? Хочет меня увидеть?

— Как покалечен? И неужели нет возможности его спасти? — вырвалось против воли.

— Я не знаю, — растерялась девушка, — я его не видела, а никто не говорит. И лучший врач Прерии за ним наблюдает. Там даже аппаратура самая продвинутая и все такое. Так что я думаю, если есть возможность, то спасут... Только говорят, плох совсем.

Губы у нее скривились, как у ребенка, собирающегося заплакать.

Я почувствовала теплую тяжесть, привалившуюся к моей ноге, опустила руку, потрепав Кроху за ушами:

— Ну что, поедem прямо сейчас?

— Нет-нет, сейчас нельзя! Ему наверняка вкололи снотворное — ночь ведь почти. Может с утра? Но Ахилл сказал, что раньше полудня смысла приезжать нет — процедуры всякие и еще что-то.

— Ладно, тогда завтра.

— А можно мне с тобой? — попросила вдруг Рысь, с надеждой глядя на меня потемневшими глазами.

Кроха заурчал, вливая какое-то неуловимое спокойствие в мой смятенный ум. Почему бы и не взять Рысь, не уверена, что смогу вообще посмотреть на Глеба. Страшно как-то.

— Хорошо, Оля, поедem вместе. Парни знают?

Она замотала головой:

— Никому еще не говорила. Только тебе...

— Вот и ладно. И не говори им пока. Не нужно.

Она кивнула, сунув руки в карманы камуфляжных брюк, втянула голову в плечи, короткая стрижка топорщилась, как у ёжика:

— Ну, я пойду спать?

— Спокойной ночи, — кивнула я. — Я тоже сейчас пойду. Спасибо за ужин, к слову.

Было очень вкусно.

Она слабо улыбнулась и дернула плечом, что, видимо, означало 'Не за что, какие пустяки'.

Оставшись в одиночестве, я еще немножко полюбовалась беспокойными волнами океана, и пошла в спальню. Кроха успел сбежать раньше и уже растянулся на коврик у кровати, всем видом показывая, что почти спит.

Улыбнулась, ощутив тепло в душе. Охранничек. Теперь будет постоянно за мной присматривать?

— Я в душ, — зачем-то сообщила ему. — Спи уже, горе мое. Нет-нет, со мной не нужно!

Ну и шустрая же зверушка! Еле успела задвинуть дверь перед любопытным носом.

Засыпала под негромкое сопение своего нового друга. Или правильнее называть его родственником? Не важно, главное он мне предан, как никто из людей. Вот в ком сомневаться даже в голову не придет. А в ком я сомневаюсь? В Марате? В Сержио? Честно говоря, никого из них я толком и не знаю. Ни кто они, ни откуда взялись. Мало ли, что в Гугле работают, но ведь досье на них я не видела. А способности Марата стали сюрпризом. Что еще он умеет, мой брутальный админ? А Сержио, этот веселый итальянец... Так много всего знает об оружии, да и детство его на улицах Палермо... Из бедной семьи? Еще он много путешествовал вроде бы.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Да-а. Ничего я о них не знаю. Но все равно уверена в том, что ко мне они относятся хорошо. Этого достаточно?

А ведь есть еще незнакомец, которому я так и не ответила на пушкинский стих — 'Что в имени тебе моем...'. И что с ним-то делать? Мало мне мужчин вокруг и Крохи в придачу? Может, ну его, забить и забыть — как выражается Серж? Или все же ответить?

От пришедшей в голову мысли, я даже села на кровати, отчего Кроха на коврик недовольно дернул ухом. Ничего, дружок, терпи. Сам не захотел спать в гостиной, где в твоём распоряжении был бы целый диван.

А мысль пришла, что не обязательно же мне писать этому странному адресату бессмысленные послания. Можно ведь и совета спросить, как у независимого эксперта. А вдруг поможет чем-то?

Недолго думая, схватила визоры и стала строчить послание.

В коротких четких фразах описала своему незнакомцу появление Крохи, и какой переполох он навел. Может эта история заставит его улыбнуться? А потом была — не была, рассказала про Глеба. Всё. И про первую любовь, и как он якобы погиб, и теперешнюю его просьбу. Я не знала даже, какого совета жду, и дождусь ли. Поэтому вопрос в конце получился довольно дурацкий: 'Что скажешь?'

Отправив послание, на этот раз очень большое, откинулась на подушки и бездумно смотрела еще некоторое время в незанавешенное окно на далекий темный небосвод, усыпанный чужими звездами.

Что меня ожидает дальше, даже завтра, я теперь не могла бы ответить. Смутное ощущение тревоги, и что все вокруг не просто, на этот раз никуда не делось. Пора взглянуть правде в глаза. Что-то странное творится вокруг — на этой чуждой и уже почти родной Прерии. И мне бы надо понять, разобраться, что именно. А не упиваться своими личными переживаниями. И разбираться начну прямо завтра. И первый вопрос, который стоит у меня на повестке дня — какого черта Гугл шлет на малоизученную планету, где творится что-то

непонятное, молоденькую неопытную дурочку из богатой семьи, да еще как ведущую собственной программы, а не какого-нибудь прожжённого зубра? Да, пора трезво взглянуть на вещи и назвать их своими именами. Никто я в журналистике, и звать меня никак. Но это не повод отчаиваться и опускать руки, ведь нет? Это вызов судьбы. Это шанс показать, что я чего-то стою, пусть никто ничего от меня и не ждет.

Правду говорят, что утро вечера мудренее. Сколько сомнений вчера раздирало, даже по пустякам, а теперь мысли обрели какое-то подобие ясности. И будущее перестало казаться таким уж мрачным. В самом деле, напридумывала себе...

Спасибо Крохе, разбудил меня самым бесцеремонным образом, видимо, услышав будильник, который я блаженно проспала. Начал лизать мою ступню, а я ведь ужасно боюсь щекотки. Пришлось отдернуть ногу и зарыться поглубже под одеяло. Разбудить — это меня разбудило, но не до самого конца. Предпочла было еще немного подрыхнуть, пробормотав: 'Отвяжись!'

Не тут-то было. Звереныш безошибочно отыскал вторую ногу и стал ласково покусывать пальчики острыми зубами. Этой пытки я не выдержала и взвилась на кровати, сердито сообщив ухмыляющейся мордочке, что сдаюсь и готова начинать день. А ведь только половина шестого! Почистив зубы и освежившись, я поплелась на балкон, где еще в день приезда установили тренажер, но уныло посмотрев на дорогую игрушку, решила воспользоваться другим способом разминки. Сняла халат, оставшись в майке и шортиках, и пошла выполнять задуманное.

Разгон взяла еще в тоннеле, чтобы не передумать, и, вылетев на площадку с бассейном с визгом, от которого удержаться не удалось, прыгнула в ледяную воду. Пробрало до костей. Стуча зубами, стала нарезать круг за кругом, работая всеми конечностями с максимальной быстротой. Привыкнуть все не удавалось, расслабиться тоже, утешало только, что не одна страдаю. Мой добрый охранник, не побоялся намочить шерсть и плыл за мной, пока ему это не надоело — после чего торпедой стал описывать круги раза в четыре быстрее меня, и каждый раз, обгоняя, шаловливо сверкал своими большими глазищами. Было совсем не похоже, что он разделяет мои страдания, скорее шельмец просто наслаждался. Ну, еще бы, у него-то шкура! Совсем выбившись из сил, я по ступенькам выбралась на мраморную поверхность площадки, как могла, отжала волосы и побежала обратно в спальню — вытираться и одеваться.

Рассмотрев одежду, которую прислали вчера вечером, выбрала себе миленький пятнистый комбинезончик с бежевой футболкой. Жилетку, пришлось одеть ту же, что носила уже два дня. Хорошо, Оля вчера постирала и высушила. Но по-серьезному, гардеробом нужно заняться и как-то разнообразить. Не дело ходить каждый день в одном и том же. Но не с шелковым платьем же револьвер носить, а расставаться с ним, либо таскать в сумочке я больше не собиралась. Разве что на прием опять пойдем, но тогда что-нибудь придумаю, как его скрыть.

Как ни рано поднялась, а Рысь уже хозяйничала на кухне, бодрая и деловая. Ароматный кофе подарил блаженство и явился прекрасным завершающим аккордом для зябкого утра. Есть еще совершенно не хотелось, но от крохотных свежее испеченных хрустящих булочек и тончайших кусочков сочной буженины отказаться не смогла.

На вопрос, как она умудрилась все это приготовить, Рысь с улыбкой объяснила, что на

самом деле готовое тесто она закупила еще в первый день и держала в морозилке. Разморозить и испечь с той кухонной техникой, что нам досталась от прежней владелицы вообще не проблема. А буженину купила с утра, у знакомого мясника в Сити.

— Ты летала в Сити? — поразила я, — Но я ничего не слышала.

— Ну, коптер не такой и шумный, а звукоизоляция здесь неплохая. Только я на катере, извини, что не спросила разрешения.

— А! Да нет, можешь не спрашивать и пользоваться, когда он мне не нужен. А то, чувствую, будет себе стоять без дела. А ты что, умеешь водить катера?

— Ну конечно. У меня права категории 'эм'.

Гордость, с которой она это произнесла, означала, что это круто, но я все же решила уточнить:

— Что значит 'эм'? Коптер и катер?

— Не, это значит всё! Разве что пилотировать космический корабль не имею права, но вообще-то могу. Обучалась азам.

— Здорово! — восхитилась я. — Так может, поедем сейчас на катере?

Радость Рыси мгновенно испарилась:

— Не, нам же надо в больницу, а туда на катере не подъедешь. Да и в Белый город обещала залететь за Маратом и Сержем. На коптере будет быстрее, а они нас уже ждут.

— В такую рань? — усомнилась я.

— В семь тридцать, как ты им и сказала, — ухмыльнулась Оля. — Мне кажется, они тебя боятся.

Кроха казался очень грустным, но взять его на работу я никак не могла. Попросив, чтобы он ждал меня дома, а не таскался неизвестно где, я не увидела согласия в огромных глазах, которые он невинно отвел в сторону. Но что задумал этот хитрюга, выяснять времени не было, потому, понадеявшись на русское 'авось', махнула рукой и забралась в коптер.

Мальчики, правда, уже ждали на площадке у нашего отеля. Марат выглядел мрачным, быстро оглядев салон и не увидев Кроху, он вздохнул с явным облегчением, чем вызвал у меня непрощенный смешок. Пришлось сделать вид, что закашлялась, заслужив укоризненный взгляд Моретти.

— Не простудилась? — осведомился админ, к моему счастью, ничего такого не заметив.

— Да вроде нет, — пожалала плечом, — а ты как?

— Нормально я, — буркнул он.

— Наконец, нашел себе домишко и съезжаю с отеля, — торжественно заявил Серж, отвлекая внимание на себя. Он занял место в салоне, оставив Рысь в одиночестве.

— И где же? Расскажи! — было жутко любопытно, какое жилье нашел себе экстравагантный оператор.

— Недалеко отсюда. Как-нибудь потом покажу, — Серж неопределенно махнул рукой.

— Что значит недалеко? Хотя бы на побережье? То есть — в Белом городе?

Он ухмыльнулся.

— А я уже съехал, — Марат смотрел в окно. — Дядя Леша присмотрел мне домик рядом со своим. Или я уже говорил?

— Здорово! Покажешь? А какой он?

— Небольшой, но мне хватит, главное — спортзал есть в подвале и причал рядом. Если хочешь, Ди, в обед слетаем, посмотришь.

— Конечно, хочу... — я осеклась, — но только в обед у меня встреча запланирована. Не

смогу.

— Какая встреча? — живо заинтересовался админ, отрываясь, наконец, от видов за окном. Моретти тоже удивленно приподнял бровь.

Хорошо, в этот момент Рысь объявила о посадке, и мы пошли на снижение.

— Потом расскажу, — мучительно думала, что же им соврать, но ничего дельного в голову не приходило.

Парни смирились с этим ответом, однако взгляды у обоих стали задумчивыми, прямо как у Крохи. Как бы не пришло им в голову мне помешать.

Все утро мы провозились со вступительной речью в будущей программе и просмотрели полсотни роликов для заставки. Серж постарался на славу и учел все мои пожелания. Но, то Марату, то мне что-то не нравилось и половину просто отмели, другие Серж монтировал у нас на глазах, преображая и так и эдак. Я же, краем глаза следя за этим священнодействием, в который раз правила вступительную речь, заучивая ее наизусть. Пару раз Серж успел меня отснять на простом сером фоне. Вышло неплохо, но я осталась недовольна. Чего-то не хватало. А что именно — уловить никак не удавалось.

— Отлично, Ди, — Марат с хрустом потянулся, — думаю, ты хорошо поработала над речью, можно и перерыв сделать. Схожу за Федорычем.

— Зачем? — не понравилось мне спокойствие Марата. Впрочем, а что я ждала? Я ведь уже сама поняла, что Гугл многого от меня не ждет, что я лишь красивая ширма непонятно для чего. И кому о том знать, как не Марату?! Но высказывать свои мысли об этом, как минимум преждевременно, а как максимум банально опасно.

— Пусть заценит, — криво усмехнулся Админ. — Он в этих делах мастер.

Сержио склонился над аппаратурой, делая вид, что ему это все неважно. Боюсь, и его достали мои сомнения.

Но не успел Токаев выйти из монтажной, как влетел обратно, захлопнув за собой дверь и прислонившись к ней спиной.

— Тебе лучше пойти разобраться, Ди, — мрачно произнес он, — и побыстрее! Нервы у людей не железные...

Что еще? Я бросилась к двери, любезно распахнутой для меня Маратом, пробежала коридор до небольшого холла, где любил собираться народ возле аппаратов с кофе, соками и быстрой едой, и замерла на пороге, наблюдая вполне невинную, но не слишком понятную картину.

Посреди зальчика стоял Кроха, обводя взглядом застывших по стенам сотрудников медиа центра, включая самого Алексея Федоровича. На мой взгляд, они не только боялись шевелиться, но даже дышать. А наглый звереныш преспокойно пошел ко мне, словно ни в чем не бывало. Жутко захотелось знать, что же здесь произошло, и как этот негодяй добрался сюда и проник в здание.

Ухватив его за ошейник, я улыбнулась всем, стараясь не показывать смущения и злости:

— Познакомьтесь, друзья, это мой Кроха. Совершенно безобидное существо. Для моих друзей так точно.

Все сразу зашевелились и заговорили, словно с них сняли магическое заклятие, и... сбежали. Остались только любопытный старик и Леночка. Оба с опаской подошли познакомиться поближе.

— Знавал я одного парня, который себе завел кадавра, — Алексей Федорович внимательно рассматривал сидящего на полу и вполне дружелюбного зверя, — но живую

ни разу не видел. Однако, на моей памяти, Диана, эпитет 'безобидный' никто по отношению к ним не применял.

Леночка же смотрела на Кроху во все глаза, улыбаясь совершенно искренне:

— А можно его погладить? — нерешительно спросила она.

Внутри у меня сразу возник протест, но ощутив, как напряглись мускулы верного друга, привалившегося к моей ноге, постаралась расслабиться. Да, неприятно то, что его принимают за собачонку, эдакую забавную комнатную зверюшку, отказывая в разуме. А Кроха, пожалуй, поумнее многих будет, в частности тех, кто здесь присутствует. Даром, что говорить не умеет.

— Тебе можно, Лен.

И изменник тут же метнулся к девушке, самолично подставляя голову для обещанного поглаживания. Леночка, к ее чести, вскрикивать или пугаться не стала, а широко улыбаясь, действительно стала гладить мохнатую голову, чесать за ушками и вообще всячески его теревить, вызвав во мне уже знакомую ревность. Ну ничего не могу с собой поделаться, хочется, чтоб он был только со мной таким ласковым.

— Я бы не стал так делать, — неодобрительно пробормотал рядом со мной директор, — зря она...

— Да нет, — вздохнула я, скрывая досаду, — с девушками он очень даже дружелюбен.

— Заметьте, Диана, только с теми девушками, которые нравятся лично вам.

— Ну да, пожалуй, что ж в этом плохого?

— А если они вам разонравятся?

— С чего вдруг?!

— Ох, молодость... — Алексей Федорович резко сменил тему и махнул в сторону моего кабинета, — что там Марат хотел? Пойдем, а то мне на обед уже скоро. Договорился тут с одним типом.

Не успела позвать Кроху, как тот уже был рядом, оставив довольную Леночку в холле. Спросить бы его, как он умудрился сюда добраться и обойти охрану на входе, да разве расскажет?! Такой же, как и все мужчины, самостоятельный и загадочный, а ты переживай за него!

Словно прочитав мысли, звереныш прижал свои ушки и примирительно потерся головой о мой бок. Мол, не волнуйся, все в порядке. Ага, конечно, в порядке. И как скажите на милость, не волноваться?

Однако, как бы я себя не уверяла в обратном, то, что он, не взирая ни на что, меня нашел, сильно радовало. Так что я сразу простила его самовольство и вообще готова была расцеловать, но не стала этого делать при Федорыче и парнях, заслужив укоризненный взгляд Крохи. Только хотела сказать ему, чтобы посидел где-нибудь в сторонке, как он сам умотал куда-то, исчезнув с глаз. Точно мысли читает!

Федорыч молча просмотрел три самых удачных на наш взгляд вступительных текста, а потом разразился такой гневной речью, словно подобной ереси он в жизни не видел. Я сидела, открыв рот, ловя каждое его слово, не обращая внимания на гневные ядовитые насмешки. Как жаль, что визоры валяются на столе, а то бы записала всю эту сцену, чтобы потом просмотреть и ничего не упустить. Похоже, директор просто не в курсе, что я тут для красоты. И действительно хочет, чтобы программа получилась. Недовольное выражение на лице Марата лишь укрепило мою догадку.

Высказав всё, Федорыч махнул рукой и удалился, все еще переполняемый чувствами.

Мы же трое напоминали провинившихся школьников.

— Ди, да плюнь ты на старика, — хмыкнул админ, одевая жилет и беря со стола туго набитую черную барсетку, — подумаешь, не понравилось ему. Он, в конце концов человек старой закалки, а сейчас другие времена, другие нравы, другие интересы у молодежи... Так что всё ты правильно сделала, и не мучайся больше с речью, только хуже будет.

Я кивнула, соглашаясь. Все он верно говорит, только зря.

— Диана, — подал голос Моретти. Полностью экипированный, он тоже собрался уходить. — Ты уверена, что не хочешь взять меня с собой на эту встречу?

— Какую? — И сразу сама вспомнила про Глеба. Внутри все сжалось от близости кошмара. Можно только гадать, что значит 'покалеченный'. Оттого ответила оператору излишне резко: — Я же сказала — нет!

— Не уверена? — хмыкнул он.

— Что? Проваливай, Серж!

— Ладно-ладно, сдаюсь. И тебе, Кроха, всего доброго. Береги нашу леди.

Как и следовало ожидать, звереныш снова был рядом со мной. И на Сержа он смотрел совсем не по-доброму.

— Ты чего? — спросила я, когда мы остались одни. — Он хороший парень.

Меня в ответ лишь лизнули в нос.

— Ладно, пора нам навестить Глеба. Поедешь со мной? — это я так, из вредности спросила. Кроха же на подначку никак не отреагировал. Ну конечно! Он же настоящий мужик. Или кем там себя кадавры считают? — Рановато еще, но ждать до двенадцати я не намерена. Дел еще полно, да и пообедать нам тоже не мешает.

Рысь уже ждала на крыше, сразу заулыбалась, увидев Кроху:

— Ни фиги себе! Пропорила я Сержу, выходит.

— Э?

— Серж уверял, что Кроха притащится за тобой сюда.

— И когда вы успели поспорить? Ладно, не важно. Полетели к Глебу.

— Ага, — физиономия Рыси сразу вытянулась. — А ничего, что рано? Полчаса еще. А нам лететь от силы минут пять.

— Ничего. Если что там подождем.

Кроха разлегся на диванчике напротив, оккупировав сразу три места в салоне, а я занялась просмотром последней копии своей речи, стараясь припомнить комментарии директора. Однако не успела начать, как мы уже снижались перед длинным двухэтажным зданием на окраине сити, окруженным высокой оградкой. Внутри ограждения настоящий тропический парк. Во всяком случае, все выглядит ухоженным и красивым. По дорожкам гуляют пациенты, судя по одежде. Видно и медперсонал в светло-зеленых или белых костюмчиках. Надо же, какая идиллия.

Однако проблемы возникли там, где не ждали.

— С животными сюда нельзя! — преградил нам путь высокий охранник на КПП.

— Это не животное, — запротестовала я, роясь в сумочке в поисках паспорта Крохи.

Рысь сзади что-то пискнула, и я вдруг увидела, что мой мохнатый друг стоит рядом на задних лапах. Надо же, в таком положении он был выше меня ростом, с ушами так точно, и совсем не производил карикатурного впечатления.

Бесцеремонно сунув лапу в мою сумочку, он каким-то чудом сразу выудил оттуда свое удостоверение и, небрежным жестом предъявив охраннику, прошествовал мимо, слегка

отодвинув того плечом. Стараясь не смотреть на выпавшего в осадок бойца, мы с Олей беспрепятственно прошли следом, оказавшись, наконец, на территории больницы. Документ, к слову, Кроха не вернул, а сунул в один из кармашков своей разгрузки.

— Как он его, — прошептала мне на ухо Рысь, когда охранник уже не мог нас слышать.

— Хм, да уж, — только и смогла ответить я, сама пораженная поведением крутого парня. А здорово он смотрится в своей одежке с множеством кожаных ремешков, вооруженный и опасный — когда вот так идет, как человек, а не тигр какой-нибудь. Даже показалось, что оглянувшись назад, Кроха мне подмигнул, но скорее всего, это у меня воображение разыгралось. В следующую секунду он уже был на четырех лапах и растворился в пейзаже — только ветки кустов по сторонам дорожки шевелились, выдавая его присутствие.

За всеми мыслями о новом друге, я почти забыла цель посещения Ново-Плесецкой больницы. А все было очень и очень нерадостно. Я совершенно не знала, как относиться к тому, что Глеб жив. Поднимаясь по широким ступенькам в здание больничного корпуса, на который указала любезная медсестричка, я размышляла о том, простила ли я ему покушение на мою жизнь? Воспоминание о ремне на шее обрушилось внезапно, заставив замереть. Словно яркими вспышками проскальзывали видения, как я беспомощно пытаюсь освободиться, видя перед собой безжалостное, искаженное ненавистью лицо Макарова. Как царапаю ремень, ломая ногти, как не хватает воздуха, как темнеет в глазах... А потом, когда стоя на коленях, пыталась вдохнуть и не могла...

— Диана! С тобой все в порядке? — тревожный голос Оли вернул к действительности.

Оказалось, мы уже внутри, в маленьком холле, где кроме нас никого нет, лишь пустая сейчас простенькая стойка вахтера и два коридора, уходящие направо и налево. А я, как ни странно, лежу на полу, ощущая под головой что-то мягкое. Почти сразу поняла, что это лапа Крохи, который, заметив, что я пришла в себя, помог мне подняться. Точнее взял за плечи и одним движением поставил на ноги.

— Ты вдруг потеряла сознание, — на лице девчонки было написано облегчение. — Я уж хотела на помощь звать, но Кроха оказался рядом, подхватил и отнес сюда, внутрь. Я только попросила бабульку, которая здесь дежурит, принести нашатырь, или что-то в этом роде. Но что-то ее не видно.

— Я уже в порядке, правда. Может, это от солнца, — и улыбнулась лизнувшему меня в щеку телохранителю. — Можешь отпустить, со мной все хорошо.

Не очень поверив, судя по взгляду, он все же выпустил мою талию из лап.

— Куда идти? — оглядевшись вокруг, не увидела никаких указателей. И где теперь искать дежурную тоже не ясно.

— Я не знаю, — пробормотала Рысь, тоже растерянно оглядываясь. — По-моему нам должны выдать халаты и проводить, но я не уверена.

— А-а, — мне вдруг в голову пришла 'замечательная' мысль. — Кроха, ты не мог бы быстренько разведать, где нам искать Глеба Макарова? А мы тут посидим, подождем.

И все же я удивилась, когда он согласно кивнул и тенью скользнул в правый коридор.

— Ого, — Рысь тоже впечатлилась. — Неужели вот так возьмет и найдет?

— Вот и посмотрим. Сама не знаю.

Мы присели на жесткий диванчик, ожидая дежурную бабульку и Кроху. Первым явился наш парень, не прошло и трех минут по ощущениям. И почти сразу из другого коридора выкатилась пухленькая бабка в широком зеленом халате, с нашатырем в руках и двумя

здоровыми санитарями за спиной.

— Вот они! — торжественно объявила она с видом победительницы, пропуская 'мальчиков' вперед.

— Мы пришли навестить Глеба Макарова, — тут же вскочила я на ноги, постаравшись оказаться между Крохой и санитарями.

Санитары встали как вкопанные и переглянулись.

— Тамара Степановна, так это же кадавр госпожи Морозовой, — повернулся более высокий к дежурной. Нам уже сообщили с охраны. Все в порядке.

— А-а-а, — глубокомысленно ответила бабулька, успевшая забежать за свою стойку. И проворчала негромко: — Ходят тут всякие инопланетяне, а ты угадывай — в порядке они, али не в порядке. Так кого навестить пришли?

— Глеба Макарова, — подошла я к стойке. — Он, наверное, в реанимации?

— А эт мы сейчас посмотрим, минуточку.

Заглянув за высокую поверхность стойки, я увидела маленькое чудо — старинный компьютер с настоящей материальной клавиатурой, выполненной, судя по всему, из прозрачного пластика. Тамара Степановна шустро вбивала какие-то данные, близоруко щурясь на экран.

Санитары немного потоптались сзади, да и ушли, не сказав больше ни слова.

— Есть такой, — объявила бабка. — Но к нему нельзя. Гриф стоит. Запрещено.

— Нам можно, Ахиллес сказал, что он меня ждет.

— Послушайте, любезная. Я не знаю, кто этот ваш Ахулес, но если гриф стоит — значит никому нельзя. А вы кто ж ему будете?

Растерявшись, я оглянулась на Рысь, но та лишь пожала плечами. Вот так. Приехали.

— Уходите, — решительно заявила дежурная. — Завтра придете, может гриф снимут.

— Но нам обязательно нужно сегодня.

Я почувствовала, как кто-то дернул меня за рукав. Это Кроха привлекал мое внимание, стоя на четырех. Мотнул головой, указывая на выход. В глазах легко читалось обещание.

Доверившись нашему разведчику, я быстро свернула переговоры:

— Хорошо, мы придем завтра. До свидания.

Рысь непонимающе нахмурилась, и когда оказались на улице я ей пояснила:

— Мне кажется, Кроха нас сейчас проведет к нему.

Мы поспешили за провожатым, обходя здание справа. Как уж Кроха разбирался в разных корпусах и хозяйственных постройках, я не знаю, но скоро уже стояли перед низенькой дверью с табличками 'Посторонним вход воспрещен' и ниже — 'Служебный вход'. Могли бы и одну какую-то оставить, а то масло масляное маслянистое получается. И как войти? Массивная железная дверь внушала уважение одним своим видом.

Я немного потопталась перед ней, ожидая, что наш разведчик вскрыет ее каким-нибудь хитрым способом. Но тот ее просто потянул ее на себя и скользнул внутрь.

— Не заперто, — удовлетворенно сказала Рысь, — как и следовало ожидать.

— Чувствую себя взломщицей и преступницей, — пожаловалась я, завидуя ее хладнокровию. Тем не менее, решительно спустилась вслед за Крохой в полуподвальный коридор. Сверху по серому бетонному потолку шли какие-то трубы. Внизу по бокам тоже. Дверь мы за собой прикрыли, но закрывать на замок Кроха не стал — наверное, готовит нам пути отхода. Куча ответвлений коридора нашего провожатого нисколько не смущала. Он шел все прямо и прямо, пока, наконец, не свернул в один, похожий на все другие, боковой

проход. Я бы уже давно заблудилась в этих лабиринтах, а Кроха сворачивал то направо, то налево, пока не вывел в более широкий коридор, замерев перед зарешеченными дверями.

— Лифт? — произнесла сзади меня Рысь.

— Похоже на то. А как...

Гадать над игнорирующей команды визора древней конструкцией не пришлось — Кроха уже открыл решётку, и нам оставалось только пройти в кабину грузового лифта. Он сам закрыл двери и понажимал какие-то кнопки, отчего кабина медленно поползла вверх с мерзким дребезжащим звуком. И остановилась она только на втором этаже.

Мы оказались в небольшом зальчике с кафельным полом и белыми стенами. Остро пахло какими-то медикаментами. Вдоль стены шел ряд дверей с номерами. Из персонала никого не было видно на наше счастье, и я робко открыла дверь, на которую указал кадавр.

Вид небольшой светлой палаты с единственной высокой кроватью посередине, опутанной трубками и проводами действовал угнетающе. Попискивали какие-то приборы на тумбе в изголовье, светились мониторы заполненные цифрами и ломаными бегущими линиями. Я глубоко вздохнула, не решаясь подойти ближе. Друзья остались в коридоре, предоставив меня самой себе, и вся уверенность сразу куда-то испарилась. Мне стало жутко от мысли, что я сейчас увижу вместо красивого, полного сил еще совсем недавно мужчины. От резких "больничных" запахов затошнило. С трудом переборов слабость, взяла себя в руки и шагнула вперед. Шаг, еще один, еще. И вот я уже возле изголовья. Выдыхаю и опускаю взгляд, со всех сил сжимая зубы. Если бы я не знала, что это Глеб...

Голова лежащего на кровати человека оказалась так замотана, что виднелся лишь правый глаз, сейчас закрытый, рот и часть щетинистого подбородка. Он был весь в бинтах, кое-где сквозь них просочилась кровь. Отсутствовала левая рука и половина левой ноги, больше всего кровавых пятен виднелось на левом боку. Трубки с разноцветными жидкостями и провода опутывали то, что осталось от некогда здорового и крепкого мужчины. Грудь едва заметно вздымалась, показывая, что он жив. От острого чувства жалости и сожаления у меня перехватило дыхание и ослабели ноги. Пришлось ухватиться за металлическую трубу, идущую вдоль койки.

И глядя на это беспомощное тело, я поняла, что не могу больше держать на него зла, что все уже простила. В горле появился комок, а по щекам потекли слезы.

— Глеб, — тихо позвала я.

Ресницы затрепетали, но глас он так и не открыл.

— Ди? — произнес едва слышно.

Пришлось наклониться к нему:

— Да, это я.

— Прости, — полустон-полувздых вырвался из пересохших губ Макарова.

— Уже простила, — всхлипнула я.

Он, наконец, открыл глаз, но меня не видел, смотрел куда-то вверх. На губах застыла слабая улыбка.

Я все ждала, что он еще что-то скажет, напрягала слух, но Глеб молчал. И только теперь я заметила, что экраны над изголовьем светятся красным, а все линии из зигзагов превратились в прямые.

В палату влетела Рысь и схватила меня за руку:

— Он умер, Ди! Уходим, быстрее!

Она лишь мельком глянула на Глеба и потащила меня к выходу.

Едва успели завернуть за угол, как раздался топот ног, и в палату Макарова забежало несколько людей из персонала. Раздались какие-то приказы, запищали громче приборы.

— Уходим, — повторила Оля.

— Но его могут еще оживить, — пробормотала я.

— И что? Быстрее же.

Я не заметила обратной дороги, пришла в себя, только проходя кабинку с охранником.

— До свидания, — вежливо произнес он.

Оглушенная происшедшим, я лишь кивнула ему и заспешила к коптеру. Захотелось оказаться как можно дальше от этого места.

— Домой? — спросила Рысь, запуская двигателя.

Мысль пообедать в ресторане теперь не казалась столь удачной.

— Домой, — подтвердила я.

Пообедали дома, в обществе Крохи, а потом снова отправились на работу. Теперь уже втроем. Не потому, что избавиться от него невозможно. Вовсе нет. Хоть это кажется и вправду достаточно сложным делом. А больше потому, что с кадавром, я чувствовала себя гораздо уверенней. К тому же, было забавно наблюдать, как реагируют на него люди, и какой вес я приобретаю в их глазах, благодаря такой охране. Да и что греха таить, после недели на Прерии, я стала многого опасаться.

Рысь, высадив нас на крышу медиацентра, улетела по своим, а больше — по моим делам, а мы с Крохой отправились в мой кабинет. Кадавр сразу занял диванчик в углу и не отсвечивал, а мы с Сержем, Маратом и Алексеем Федоровичем устроили совещание по поводу программы. Оставалось всего дней десять до ее выхода в эфир.

Прежде чем все расселись, директор медиацентра протянул мне флешку, сказав, что забыл передать утром, отвлекли мол. Я сразу посмотрела, удивляясь, что передали ее не лично мне, а через 'дядю Лешу'. Странное сообщение, полученное с Земли, немного напрягло. Очень короткий совет от куратора содержал всего несколько слов: 'Диана, постарайтесь не увлекаться политикой. Помните, что ваша передача должна носить более развлекательный характер. Сделайте так, чтобы после программы людям, особенно молодежи, захотелось туда приехать. В остальном — полная свобода для вашей фантазии. С уважением, Виктор Неверов'

Я не знала, что и думать. Это дружеский совет, или прямое указание? Разве в таком формате получают задание? И почему письмо было на простой флэшке а не в конверте? И пароль совсем не сложный, значит, и Алексей Федорович в курсе? Зачем?

В любом случае, особой тайны из послания делать не стоило, я и так собиралась обсудить с ним передачу. Я собственно в таком ключе до сих пор и действовала. И эпизодов красивой жизни на этой молодой планете набралось немало.

Серж стал нам показывать эпизод за эпизодом, и я на время забыла о флэшке. Некоторые съемки итальянца оказались неожиданными даже для меня. Тут был и головокружительный полет на катере, даже я за штурвалом очень удачно вписалась, хотя совсем правдой не назовешь — так быстро я еще не каталась, тем более, когда управляла сама. Вспомнить смешно. Но кого правда интересует? А тот эпизод, где я, сломя голову, скачу на буйном жеребце, даже приукрашивать не пришлось, и Федорыч настойчиво рекомендовал включить его в программу. Были тут и съемки с высоты полета коптера всего Ново-Плесеца, очень красивые. И работа порта в заливе показана замечательно. А о политике я как-то и не думала, как и Серж, судя по отснятому материалу. Интервью с полпредом и несколькими сановниками, к моему некоторому огорчению, оказались тоже не особо политическими. Там больше было об увлечениях, об отдыхе, о любви к 'Новому дому'. Одним словом, о политике, как таковой, ничего и не было. Если бы не получила письмо, я, увлеченная совершенно необычной новой жизнью, не обратила бы на это внимания. А теперь...

Смонтировали десять эпизодов, включая вступительное слово и финал, где панорамой шли самые разные картинки местной жизни. Но оставалось место еще для одной задумки, а именно — мое большое упущение с самого начала — ГОК. Ведь куда я молодежь-то

призываю? Именно поработать на ГОК, прогрессивную компанию, сулившую, как я поняла, процветающую жизнь на планете. Так что решила не откладывать в долгий ящик и слетать в главное управление ГОКа завтра же с утра. Ну а что — чего тянуть. Только ребят пока предупреждать не стала. Не хотелось ставить в известность директора новостного канала. Решила сказать на пути домой, не думая, что Марату потребуется много времени, чтобы договориться о встрече.

Все в целом просмотром остались довольны. Советы дяди Леши урезать и сократить пару эпизодов, а другие три чуть дополнить показались мне дельными, так что расстались мы весьма довольные друг другом. Предупредив директора, что в ближайшие пару дней будем заняты дополнительными съемками на природе, я отказалась отужинать в медицентре, соврав, что на вечер у меня другие планы.

Впрочем, почему "соврав"? Планы действительно существовали. Во-первых, я пригласила к себе домой модистку, во-вторых — неплохо было бы подготовиться к завтрашней аванюре.

Марат, согласившийся лететь в коптере в кабине, чтобы не делить салон с Крохой, поднял удивленно бровь на голоэкрane, но ожидаемо ответил согласием:

— Не проблема, Диана. Сейчас договорюсь.

После чего уткнулся в визоры, и я не стала его отвлекать. Мало ли там какие сложности возникнут. Серж задумчиво меня рассматривал, стараясь не глазеть на Кадавра, сидевшего рядом с ним:

— Вообще неплохая идея, Ди, — наконец выдал итальянец. — А почему бы не поснимать группу детишек, которые прилетают сегодня с Земли? Вполне можно устроить отличный опрос.

— Когда прилетают?

— Да вот, — он сверился со временем, — буквально минут через двадцать. Успеем долететь, аппаратура у меня с собой.

— Отличная идея! А уж завтра в ГОК. Рысь!

— Я все слышала, — ответила Оля, — поворачиваем на космопорт?

— Ага, давай. Марат, ты не против?

— Почему бы и нет, — пожал плечом Токаев, — запрос компании послал, жду ответа. Но не думаю, что будут какие-то проблемы.

В космопорту нас вышел встречать начальник местной службы безопасности, вместе с директором, которые после недолгих уговоров, согласились проводить прибывающих подростков в VIP-зал, сейчас пустующий, и даже угостить соком и орешками ради передачи. Пришлось, естественно, Токаеву раскошелиться, но дело того стоило.

Я ожидала воспитанную молодежь, одухотворенную и вдохновенную, если можно так сказать. Наверное, потому, что так запомнился мальчик Леонид Истоков, и я считала, что остальные такие же. Почему? Ребята, расположившиеся в VIP-зале, сразу произвели гнетущее впечатление. Эти бесстыдные раздевающие взгляды парней, наглые насмешливые — девиц. А ведь я старше их года на три всего. Откуда они такие я просто не могла представить.

Несколько интервью, которые я взяла, спрятав чувство гадливости подальше, у пары ребят — повергло в отчаяние. И это золотая молодежь собирается строить на Прерии светлое будущее? То есть я вдруг осознала, что за контингент набирает ГОК. Ну да, мне-то повезло. Богатая мать, университет, и я мало задумывалась о заведениях типа интерната

'Зорька', с которыми столкнулась сегодня.

— Вы рады, что оказались здесь, — вопрос, конечно дурацкий, был обращен к высокому наголо бритому подростку с круглой головой и сонными глазами. Некому Алику Киселеву.

— Здесь? — хрипло переспросил он, вперяясь взглядом в мою фигуру, — здесь оказаться любой будет рад, особенно сверху. Глаза его опустились до кобуры пистолета на поясе. — Чо за пушка?

— Э-э... револьвер. Скажите, Алик, как вы представляете свою жизнь на Прерии?

Сонный взгляд вернулся к груди.

— Представляю очень живо, — демонстративно почесал область ниже ремня, — красивые у тебя сиськи.

— Спасибо, — вежливо ответила я, чтобы сказать хоть что-то. Мне этот разговор начал сильно напоминать те ночные съемки пожара еще на Земле.

— Фигня, дашь помять, и забудем! — заржал парень. — Да еще сфоткаю на память для ребят. Слушай, а ты что б сюда попасть, кому дала?

— Я думаю, нашим телезрителям интересна ваша история, — еще пытаюсь наладить контакт и захожу с другой стороны, — полет на космическом корабле, наверное, что-то потрясающее. Не поделитесь впечатлением?

— Детка, если хочешь увидеть что-то действительно потрясающе, то ты обратилась по адресу. У меня двадцать пять с копейками, выдержишь?

Не успела я рот открыть, как его друг, сидевший за другим столом проорал:

— Да, нас везли как кильку в бочке, друг у друга на голове сидели. Лучше спроси сколько раз мы на твои фотки фапали!

Большая часть ребят начинает паскудно ухмыляться, а наш герой зашелся в очередном приступе смеха. Чувствуя, что еще немного и не выдержу, и что, скорее всего, все это напрасно — ну, не сможем же мы показать в программе такое — я сделала знак Сержу, что все нормально и, дождавшись, когда Алик успокоиться, предприняла еще одну попытку.

— Послушайте, я понимаю, что вы сейчас не в лучшем настроении, трудный перелет, чужая планета, новая, еще незнакомая жизнь. Но есть ли что-то, что вас привлекает на Прерии. Ведь была же причина, по которой вы выбрали именно эту планету?

Его насмешливая улыбка, безразличная и наглая одновременно вызывала желание немедленно сбежать отсюда. Алик несколько мгновений молча качался на стуле, и я даже успела ему пожелать мысленно — свалиться, наконец, с него и удариться о каменный пол как можно больнее.

Молчание длилось недолго. Вот с грохотом передние ножки стула ударились об пол, и Киселев вдруг резко приблизил ко мне свое лицо. Не знаю, что именно заставило его говорить серьезно.

— Ты... богатая сучка! Если думаешь, что мы счастливы, прибыв на эту сраную дыру, оттого что на старушке Земле не нашлось места для таких, как мы, ты еще большая кретинка, чем мне показалось вначале. — Алик говорил зло, и слюна его брызгала прямо мне в лицо. — Да в гробу я видал эту Прерию. Что тут хорошего? Жопа, а не мир! И никакая сила не заставит меня задержаться здесь дольше, чем на три поганые недели, пока длятся эти чертовы каникулы. Усекла? И меньше всего я хочу, чтобы какая-то кукла задавала мне дебилные вопросы, вместо того, чтоб лежать молча с раздвинутыми ножками... Всё ясно?

Страсть, с которой он говорил и на благие цели бы...

Я хотела задать еще вопрос, в таком состоянии парень мог сказать что-то интересное,

хотя и вовсе не в том ракурсе, что я ожидала. И стоило потому немного еще его дожать. Однако неожиданно бритоголовый отшатнулся от меня. На лице отразился страх. С тоской поняла, что за спиной явно появился Кроха. И зачем? Ну как ему не понять, что я полностью контролирую ситуацию? По взгляду парня стало ясно, что больше он ничего не скажет, и я вежливо попрощалась.

Однако оглянувшись, и сделав вид, что только сейчас заметила своего охранника, решила на маленькую месть.

— О, а вот и Кроха. Кроха, познакомься, это Алекс. Алекс, это Кроха. Вы, конечно же знаете, кто такие кадавры?

— Д-да, — закивал парень, — ой!

Мой верный друг качнулся в сторону Алика и, положив ему на плечо лапу, заглянул в глаза. Что уж и каким образом сумел внушить этому отморозку кадавр, осталось для меня тайной. Но как только Кроха его 'отпустил', мальчишка выдохнул, дрожащей рукой схватил стакан с соком и одним глотком его опорожнил. Не глядя на меня, пробормотал:

— Простите меня, мне как-то нехорошо.

Вскочил, и удалился пошатывающейся походкой вглубь зала.

Я тоже встала. Обведя взглядом остальные, ставшие унылыми физиономии, после того, как Кроха прогулялся между столиками, обернулась к Сержу.

— Сворачивайся, на сегодня хватит.

Итальянец подмигнул мне, убирая в сумку одну из камер. Марат, куда-то запропастившийся, ответил на вызов и заявил, что всё понял и ждет нас в коптере.

Что он понял, уточнять не стала. Меня мучили уже нехорошие предчувствия перед поездкой в ГОК. Даже то, что парень говорил про какие-то каникулы, а мы точно знали, что это именно будущие работники этой молодой и перспективной компании — очень мне не понравилось. Им что, сообщают об этом по прибытии? Что за хрень вообще?

Решила обдумать всё завтра, когда своими глазами увижу, что это за ГОК такой.

Дома, предупредила Рысь, что ужинать не хочу и сразу отправилась на свою половину. Немедленно принять душ, чтобы смыть с себя это нехорошее чувство и липкие взгляды новых поселенцев Прерии! Нужно было немедленно расслабиться, отрешиться от гнетущего впечатления космопорта.

Встретившись взглядом с Крохой, который стоял, прислонившись плечом к стене у входа в душевую, растерялась на мгновение, а потом пробормотала: «Да пофиг на все!», сама себя удивив.

— Пойдем, — пробормотала, глядя прямо в его большущие, переворачивающие всю душу глаза, — потрешь мне спинку!

Мне показалось или правда у него на мордочке появилась усмешка. Пошла вперед, так и не поняв, пойдет он за мной, или нет. Поймет ли, что так мне нужен?

Пошел, и даже позаботился о задвижке на двери. Громкий щелчок заставил вздрогнуть, по спине пробежали мурашки от сладкого предчувствия. Захотелось вдруг заплакать, что я тут же и сделала, уткнувшись в шерстяную грудь. Но длилось это совсем недолго. Скоро я забыла обо всех огорчениях этого дня. Другие переживания заполнили без остатка. В итоге до душа добрались нескоро. Вот уж не думала, что раздевание, когда одежду с тебя снимает мужчина, может быть таким возбуждающим. И ведь выглядело это сначала так невинно, он

даже не касался меня ни разу, хотя как это возможно — не понятно, и когда на теле остались лишь трусики, я уже готова была взвыть от возмущения. Что за садизм — не дает мне пошевелиться, грозно урча, стоит попытаться оторвать руки от бортика огромной ванны, и сам ничего не делает. А я то размечталась! Может, наказывает за то, что не подавала никаких знаков с того самого момента, как узнала, кто он?

Злая и дрожащая, я вступила в ванну, потянувшись, чтобы включить душ. Может все проще, и он просто так и не понял, чего хочу? Стало ужасно обидно. Чтобы еще хоть раз его попросила! Лапа вдруг легла на мою кисть, не давая переключить воду. И как так бесшумно оказался за спиной? Первое прикосновение ударило словно током. Хотела развернуться и обнять, но Кроха опять не дал, диктуя свои правила. Ну и пусть. Оказывается, покорно выполнять все, что от тебя хотят, тоже может быть очень... увлекательно.

Мягкими толчками, Кроха заставил меня сделать несколько шагов и замереть в самом центре ванны, медленно заполняющейся водой. Сам он несколько раз обошел меня вокруг, негромко урча, будто что-то напевая, смотря при этом такими глазами, что вся кожа покрылась мурашками. А потом начал выполнять мою просьбу, да только совсем в своем духе. Его влажный язык вдруг коснулся поясницы, задержался на месте, скользя к очень чувствительной точке внизу позвоночника, а потом медленно пошел вдоль вверх. Я боялась дышать, ощущая движения жесткого, словно ершик языка. Кожу, где он касался, начинало покалывать и жечь, словно по ней ведут утюгом. А когда прикосновение оказалось между лопаток сердце дало сбой и подогнулись колени. Упасть, конечно, мне не дали. Крепко ухватив за ребра под грудью, мучитель начал лизать от шеи к плечам. От его касаний мышцы под горячей кожей превращались в желе. Я ни о чем не думала и ни о чем не жалела, отдаваясь во власть новых ощущений. Казалось, что только это самое правильное, что именно это мне сейчас и нужно делать.

Мне повезло ощутить, что значит быть полностью вылизанной, как котенок. И главное, Кроха не пропустил ничего, ни одно местечко не осталось в обиде. Вспомнить только, как этот мерзавец лизал грудь, словно добравшись до рожков с мороженым. Приятно, конечно. Однако, когда шершавый как терка язык добрался до пульсирующей жилки на запястье, мир качнуло гораздо сильнее.

В общем — вымыл он меня без всякого душа, да так, что под конец связь с реальностью оказалось потеряна напрочь. Как переместились из ванной в кровать, и что там происходило, и происходило ли что-то еще не запомнилось совершенно.

Проснувшись уже среди ночи, сонно поняла, что к спине прижимается Кроха, ощутила счастье оттого, что грудь покоится в его лапе и снова уснула. И только утром, забывшись, потянулась сладко, ощущая, что выспалась как никогда. Открыв, наконец, глаза увидела, что мой дружок тоже не дрыхнет, внимательно глядя на мое извивающееся тело. Замерла под его взглядом, стыдно вдруг стало, оттого, что вчера сама-то получила все, а его опять оставила без сладкого. Предложила, чуть нервничая:

— А может опять в бассейне? Как тогда? Под водопадом? Ведь тебе там понравилось?

Долгие секунды Кроха помалкивал, словно раздумывая, склонив голову на бок и не отрывая от меня взгляда. А потом спрыгнул на пол и легко поднял на руки. «Почему бы и нет», — читалось в озорно сверкнувших глазах. Крепко обняла его за шею, надеясь, что он не станет меня швырять в ледяную воду. Хотя, в общем-то, с ним я была готова на все. Часа два у нас по-любому есть.

С ужасом вспомнила об Оле, которой ведь могло прийти в голову тоже пойти в бассейн,

когда уже все завершилось. Обрадовалась, услышав коптер, видимо Рысь опять летала в город с утра пораньше. Высказав Крохе, что нам крупно повезло в этом плане, получила в ответ его жалостливый взгляд, мол, неужели думаешь, я не знал? Вот ведь... Ну и славно. Приятно, когда за тебя думает кто-то другой.

В результате, вполне довольные друг другом, побрели одеваться. То есть это я одевалась, а Кроха меня сразу покинул. Убедившись с помощью огромного зеркала, что выгляжу отлично в новом камуфляже, и что крепкий сон явно пошел на пользу, отправилась на запах бодрящего кофе из столовую, где уже колдовала Рысь. Удивилась, что ребята тоже тут. Марат слегка заспанный, а Серж, напротив, бодрый и смешливый, приветствовали меня, словно переживали за мое самочувствие и были ужасно рады моему возвращению. Кроха задумчиво вылизывал свою плоску.

— Ну что — сегодня в ГОК? — я благодарно кивнула Оле, с внезапно прорезавшимся аппетитом вгрызаясь в бутерброд с ветчиной. Вот, что значит физические упражнения с самого утра.

— Ага, — Марат что-то рассматривал в визорах. — Если ты готова, то нас ждут через два часа. Рысь, успеем долететь?

— Вполне.

— Кстати, судя по карте, там рядом красивые места, — заметил Серж, выводя на голоэкран панораму очень зеленых полей с небольшими холмами. Даже заметила парапланериста и сердце екнуло.

А ведь я еще так и не опробовала свою покупку. Надо захватить, вдруг случай представится. Ребятам говорить не стоит, чтоб не напрягались. Относятся, понимаешь, ко мне, как к кисейной барышне!

Захватив увесистую сумку с парапланом, отнесла ее в коптер, пока ребята общались с Виком, подъехавшим на катере пожелать доброго утра. Вот и славно. Если ГОК и испортит мне настроение, есть отличный способ его поправить!

Уже в коптере, я, наконец, добралась до своей почты. Визоры мягко распаковали входящее сообщение от незнакомца. И снова в стихах:

Штили выметая облаками
И спускаясь с этих облаков,
Штормы ходят с мокрыми руками
И стучатся в стекла маяков.
Это все не очень-то красиво, -
Вечера уходят без следа.
Огонек лампы керосинной
Светит на ушедшие года.

Разорви сомнительные пути,
Как ты есть предстань перед грозой.
Линия страдания как будто
Тянется за черный горизонт.
И как будто страшную потерю
Океан оплакивает мой,
Как несостоятельный истерик

Бьется все о камни головой.

Мы переживем все эти муки,
Мы вернемся к синим чудесам,
Тяжкую замедленность разлуки
На кострах мы пустим к небесам.
Белым чайкам сухари мы скормим,
Песням продадимся мы в рабы,
Будем понимать мы эти штормы
Как желанный повод для борьбы.
Ю.Визбор

'Как желанный повод для борьбы', - повторила я про себя, пробуя на вкус эти слова. А что? Мне нравится. Пусть от меня не ждут ничего, пусть заявляют 'никакой политики'. Пусть не получается что-то, но это ведь не повод опускать руки. Как же правильно — да, именно это должно стать моим кредо. Пусть все эти штормы жизни — будут для меня желанным поводом для борьбы.

Легко, однако, сказать, а трудно сделать. Кажется, лишь кадавр заметил мое состояние. Во всяком случае, его ушки повернулись в мою сторону и как-то очень одобрительно шевельнулись.

Серж вроде бы дремал, опустив на глаза визоры и затемнив стекла. Марат в кабине Рыси, тоже помалкивал и голоэкранный для связи не включал. Оля и то казалось сегодня более молчаливой, чем обычно. С кажущейся легкостью управляла коптером, несущим нас в загадочный ГОК.

Экстренное сообщение слегка шокировало, сбив меня с мысли. В нем говорилось, что разыскивается Леонид Истоков, который "вооружен и очень опасен". Сначала не поверила — ну, не произвел на меня мальчик впечатления преступника, а тем более опасного бандита. Скорее ровно наоборот. Обязательно разберусь, когда вернемся, в чем там его обвиняют. 'Взять живым, или мертвым!' Надо же. Совсем там все с ума посходили?!

Полтора часа прошли незаметно за просмотром сигнальной версии моей телепрограммы. Нас встречали. Коптер приземлился на крыше большого здания, и к нему сразу заспешили двое представительного вида мужчин.

— Управляющий Компании РУСАЛ Ярослав Зайцев, отвечаю за строительство ГОКа на Прерии, — представился плотного телосложения и среднего роста блондин, пожимая мне руку. Голубые глаза — с искоркой увлеченного своим делом человека, быстро обежали мою фигуру и он улыбнулся с видом ценителя. — Очень рад приветствовать вас, Диана... Вы позволите так Вас называть?

— Конечно, Ярослав. Надеюсь, что мы найдем общий язык.

Второй мужчина, сумрачный субъект под пятьдесят, худощавый, угловатый и высокий, казался полной противоположностью первого, молодого и энергичного.

— Герман Фатиров, — представился он, слабо пожав мою ладонь, — департамент стратегических инициатив, я главный инженер этого проекта. Его концепцию разрабатывали тоже под моим руководством.

— Очень приятно. Позвольте представить моих спутников. Марат Токаев, мой администратор. Сержио Моретти, оператор. Хорани, мой... кадавр. Я зову его Кроха.

— Хорани... — повторил Фатиров, равнодушно скользнув взглядом по стоящему на

четырёх лапах охраннику. — Если не ошибаюсь, в переводе с корейского это означает 'тигр'. Впечатляет. Видел нескольких в Канаде, на Земле. Ваш не похож ни на одного из них. Насколько понимаю, бессмысленно просить вас оставить его в коптере?

Я улыбнулась:

— Ну почему же, — я очень по-доброму взглянула в глаза Крохи и он, изобразив что-то похожее на вздох, развернулся и убрался обратно в салон, который тут же за ним и был задраен. Я снова повернулась к джентльменам. — В коптере еще останется мой пилот... Если позволите, мне не терпится услышать, наконец, чем же так замечательна ваша компания. И хотелось бы увидеть хоть кого-то из той молодежи, то есть молодых специалистов, которые все продолжают пребывать с Земли, чтобы работать у вас.

— Милости просим за нами, в святая святых нашего главного проектного офиса, — проговорил Герман Фатиров.

Ярослав сразу же добавил, мазнув пренебрежительным взглядом по отвернувшемуся от него коллеге:

— А после прошу вас поучаствовать в деловом ланче, — он у нас совмещен с заседанием Правления. Там я вас со всеми и познакомлю.

Хм, личная неприязнь в рядах Правления налицо. Интересненько. Имеет смысл побеседовать с каждым наедине.

Любезно ответив на такое 'заманчивое' предложение, я убедилась, что Марат и Сержио рядом — очень уж молчаливо вели себя парни, и последовала за начальственными джентльменами вниз, на шикарном прозрачном лифте. Всего-то надо было перейти в соседнее здание, но я каким-то образом умудрилась потеряться. Дело в том, что в те мгновения, что ехали в лифте, намекнула, что не прочь зайти в дамскую комнату. В результате чего, мне была сброшена на визор небольшая схемка, как пройти туда, а потом и в соседнее здание, в пресловутой главный офис. Предложив оператору и админу составить пока компанию начальству ГОКа и поснимать, если найдется что, сама удалилась по коридору, не без труда отыскав нужное мне помещение.

Немного освежившись, вышла оттуда, однако схемка в визорах стала глючить. Как такое возможно представить трудно, но она действительно не желала накладываться на реальные объекты, грозя вообще вывести прибор из строя. Что и произошло. Служба контроля операционной системы, о присутствии которой я до сей поры и не подозревала, сообщила приятным мужским голосом, что вредоносная программа уничтожена, а всё программное обеспечение моего аппарата будет тщательно перепроверено прямо сейчас, и вылечено от нанесенных повреждений, что может занять от двух до тридцати часов. После чего мои визоры, на которые в свое время было потрачено маленькое состояние, просто отключились.

Обалдев, я сдернула их с головы, рассматривая снаружи, как некую диковинку. Такого не случалось ни с кем из моих знакомых. Никогда! Чтобы вот так, не спросив разрешения, они просто выключились... И что теперь делать, я просто не представляла. Все равно что оказаться голой на званом ужине, ну или не знаю с чем сравнить... Ослепнуть? Потерять слух? И это не где-то дома, а в совершенно незнакомом месте! Попытавшись еще раз двадцать хоть как-то их оживить, вызвать какую-нибудь резервную связь, но ничего не вышло.

Спрятав бесполезную, не реагирующую на команды игрушку в сумочку, я с отчаянием огляделась, не очень понимая, по какому из трех коридоров пришла в это место из лифта. Да и кого в наше время волнуют такие мелочи, когда визоры все за тебя контролируют?

Закусив губу, я не нашла ничего лучше, как расстегнуть кобуру и вынуть пистолет. Похоже у меня уже паранойя начиналась. Но опасность я, лишившись средства контроля за окружающим миром, теперь ощущала кожей. Больше всего было обидно, что не взяла с собой Кроху, вот с кем не пропала с визорами ли, без них, но чего уж теперь. Не стоять же на месте.

Пошла наугад, в средний из коридоров, и скоро радостно вздохнула, пряча пистолет обратно в кобуру. Передо мной снова был лифт. И насколько я поняла, мне надо просто обогнуть его, выйти на улицу, пересечь метров пять до следующего здания и там подняться на таком же лифте на второй этаж.

Очень надеялась, что там уже меня будут встречать.

Но не успела открыть стеклянную дверь на улицу, как сзади меня окликнули. Развернулась резко, выхватывая револьвер, и увидела спешащего ко мне мужчину в форме. Заметив оружие, он замер, крайнее удивление отразилось на лице, но только на пару мгновений.

— Э-э, госпожа Морозова, — заговорил он торопливо, — не стреляйте пожалуйста! Меня просто послали вас проводить до офиса, а то ваши визоры перестали подавать сигнал. Тут у нас запросто заблудиться можно. Вот вы уже пошли совсем в другую сторону, а нужно как раз туда.

Он указал назад.

Чувствуя себя полной дурой, сунула револьвер в кобуру и улыбнулась как можно приветливей.

— Очень благодарна вам...

— Алексей, — тут же ответил парень на немой вопрос и слегка покраснел и более официально отчеканил. — Капитан Зорин. Направлен сопровождать вас на территории ГОКа, госпожа Морозова. Вы позволите?

— Спасибо, Алексей, — кивнула я, отметив и его статную высокую фигуру, и суровое, обветренное, но очень привлекательное лицо. Симпатичные парни тут работают, или служат... — Ведите.

Пропустив капитана вперед, почувствовала, как уходит напряжение. Все же мне совсем не понравилось быть совсем одной и без визоров. И заблудиться шанс был вполне реальный, получается. И с какой радости я оставила Кроху в коптере?

У дверей офиса, капитан Зорин замер, пропуская меня вперед.

Все уже собрались, и, судя по молчанию, да нервным постукиваниям по столешнице, ожидали только меня.

Ярослав вскочил и представил меня собравшимся, зачем-то упомянув мое родство со знаменитой певицей, что немало позабавило. Успели разузнать всю подноготную? Быстро они. И с какой целью, интересно? А главное, для чего это сообщать собравшимся? Улыбнувшись каждому, прошла на свободное место рядом с админом.

— Что с визорами? — сразу прошипел Марат, едва я успела сесть.

— Потом расскажу, — так же шепотом ответила я. — Отключились.

— Так не бывает...

Но договорить ему не дали.

Со своего места снова поднялся Ярослав Зайцев, начиная заседание Правления.

К сожалению, моего образования не хватало, чтобы в полной мере оценить это мероприятие, и понять множество специфических определений и терминов, которые

каждый из присутствующих мужчин, видимо, считал своим долгом употреблять как можно чаще. А вот то, что между Ярославом и Германом существуют трения — подтвердилось самым прямым образом. Шпильки, намеки, многозначительные недомолвки, при всей их вежливости друг другу, продолжались на протяжении всего часа, пока длилось заседание, и под конец взаимная неприязнь просто бросалась в глаза. Хотя, судя по выражению лиц остальных, ни для кого это не было новостью. Понадеявшись, что позже Марат или Серж объяснят мне, о чем вообще тут шла речь, я позволила себе просто наблюдать за общим настроением собравшихся людей.

За обедом ничего интересного не происходило, даже удивилась, насколько скучные люди здесь собрались. А может, просто не привыкли к обществу гостей, или были настолько голодны, что на остальное не обращали внимания. Я пыталась завести разговор с Ярославом, показавшимся мне наиболее симпатичным, но исчерпав тему погоды, позволила ему вернуться к зажаренному целиком поросенку, от которого все, не чинясь, отрезали себе лакомые кусочки.

Благо мне самой этим заниматься не пришлось, спасибо Сержу и Марату. Оба поделились со мной этим блюдом, с удовольствием присоединившись к варварскому способу еды. Ну, не знаю, может, на Прерии так принято, обязательно наведу справки, когда подлые визоры заработают.

Бесконечная скука обеда осталась, наконец, позади, и Ярослав повел нас осматривать свои владения. Или не его, но вел себя точно, как хозяин. Просто преобразился после трапезы чудесным образом, сверкал своими синими глазами, размахивал руками, объяснял какие-то удивительные сюрпризы недр Прерии с воодушевлением, достойным искусствоведа. Жаль, сути так и не уловила, но Серж исправно все фиксировал, а обычных поддакиваний и общих вопросов с моей стороны Ярославу было более чем достаточно. Наверное, он бы говорил и без моих поощрений, но ради камер я делала заинтересованный вид, с некой тоской дожидаясь окончания осмотра бесконечных агрегатов, сооружений, складов с непонятными машинами, от которых уже рябило в глазах.

Совсем его уже слушать перестала, раздумывая о том, как бы удрать от своих, чтобы пролететь хоть немного на параплане, когда очередная реплика Ярослава, вырвала меня из некоего отупения.

— ... здесь они занимаются квалификационной подготовкой, ведь почти никто не имеет спецобразования, прилетая на Прерию.

— Они? — переспросила, ощутив легкую панику — управляющий уже готовился открыть дверь в какую-то аудиторию. Как же мне не хотелось видеть подростковый контингент, но постаралась взять себя в руки. Что я, в самом деле?! Не на прогулке ведь. Да и не одна...

— Очень многообещающие молодые люди, — в голосе Ярослава к моему крайнему удивлению прозвучала гордость.

Однако худшие ожидания не оправдались. Класс, оборудованный трехмерным голоэкраном, был внизу, а мы оказались словно на небольшом балконе, глядя сверху в низ на ряды одиночных парт. Около сорока молодых людей в одинаковых оранжевых с синим костюмах внимательно слушали преподавателя — пожилого мужчину. Лектор указывал на экран и как раз заканчивал какую-то фразу, после которой ребята дружно рассмеялись. У меня не находилось слов — ну конечно ничего общего со вчерашними отморозками в них не

было. В молодых парнях и девушках чувствовалась дисциплина и настоящая заинтересованность. Не обращая на нас внимания, они засыпали лектора вопросами, причем даже это проделывали самым культурным образом. Различить, о чем шла речь, мы не могли, и я рада была, когда Ярослав тихо спросил:

— Не будем мешать?

Закивала, убедившись, что Серж, судя по довольному виду, успел все заснять.

Уже в коридоре управляющий проговорил, еще больше меня удивив:

— Видели бы вы их, Диана, когда они только прибывают сюда! Вы бы их не узнали.

Сюда ведь не элиту везут, а детей, которым не так повезло в жизни. Но мы им даем реальный шанс найти себя. И вот — всего полтора месяца, а результат — налицо. Я всегда говорю — дай человеку дело по душе, и он найдет себя. А только с такими людьми и можно создать команду...

— И что — все находят у вас себя?

— Да, — твердо ответил управляющий, — так, или иначе. Здесь ведь требуются специалисты на самые разные работы...

Занудство видимо было у него в крови, так как даже эту тему, вызывавшую у меня самый живой интерес, он умудрился сделать скучной своим бесконечным многословием, а от восторженных восклицаний уже слегка тошнило.

Так что я была почти счастлива, когда пришло время прощаться. И хорошо, что оно пришло достаточно скоро — я уже начала беспокоиться о Рыси и Крохе. Они-то даже не обедали еще.

Главное — дело сделано, и репортаж о ГОКе должен получиться вполне оптимистичным. Скорее всего, Гугл именно этого от меня и ждет, и я была рада, что мои нехорошие предчувствия не оправдались.

Оказалось, что беспокоилась напрасно, о моих друзьях тоже позаботились, обеспечив их вполне приличным обедом.

— Хорошенький такой паренек принес, — пояснила довольная Рысь.

— Познакомилась бы с ним поближе, — хмыкнул админ, пребывающий в кои-то веки в хорошем расположении духа — то ли от сытного обеда, то ли от экскурсии и отношения к нам руководства ГОКа.

— А я и познакомилась, его зовут Ивен Малькович, да только Кроха испугал беднягу.

— Молодец Кроха, наш парень, — улыбнулся Моретти, устраиваясь, однако, подальше от трупа. Марат сразу залез в кабину, о чем-то продолжая препираться с Олей.

Я не слишком к ним прислушивалась, разрабатывая план побега. В прямом смысле слова. Желание прокатиться на параплане переросло в навязчивую идею. Да в конце концов, имею же я право на маленькие земные удовольствия!

Через полчаса лета Рысь с чего-то поинтересовалась, боюсь ли я молний... Не задумываясь, ответила, что только, если они без грома.

Рысь хмыкнула и, озабоченно глянув на экран, предложила искупаться — она, оказывается, знает замечательную пещерку рядом с живописным ручьем. Она словно мысли мои читала. А я-то ломала голову, как попросить остановиться. Ребята, к моей радости, идею поддержали, согласившись, что день замечательный, до вечера еще далеко, искупаться они не прочь — почему бы и нет, одним словом. Даже Кроха, слегка на меня обиженный — видимо за то, что оставила его в коптере, выразил свое одобрение шевелением ушей. Единственное, о чем я переживала, чтобы Рысь умудрилась найти место у хорошего склона,

где были бы достаточно приемлемые условия для парения в динамике. Большого-то мне и не нужно. Поболтаюсь чуток в воздухе — и нормально для первого раза.

Рысь связалась с кем-то, видимо оповещая о нашем отдыхе на природе. В результате, скоро мы приземлялись на поляну в чудной долине, окруженной горами со всех сторон. А склон совсем рядом обещал прекрасные условия для парения. Был бы только ветер. Пещера, как и ручей, располагались далековато от коптера — надо еще вниз спуститься метров на триста и вправо пройти столько же. А для меня самое то. Чуть подняться повыше и с высоты в пятьсот метров — левее, имелся отличный старт для парашюта с достаточно большой ровной площадкой для разгона, а потом и посадки. Сразу оценила погодные условия — ветерок вполне соответствовал моим планам. Только без визоров сложно оценить общую погодную картину. Надо осторожно выведать, чтобы никто не догадался о моих планах. Желание полетать я игнорировать, конечно, не собиралась, но и разбиться в случае какого-нибудь урагана не хотелось.

— Здесь вполне безопасно, — пояснила Оля, тоже выбираясь из кабины, — в плане зверья.

Она зачем-то достала из кабины тонкий трос и, защелкнув один конец на специальный крюк на корпусе, другой потянула к корявому, но крепкому на вид дереву. Намотав вокруг него несколько кругов, стала распутывать узелки на конце, словно хотела намотать еще кругов двадцать.

— Долинка закрытая, и зверья, как сообщили, немного, то есть хищников нет. Но все равно надо про оружие не забывать.

— Само собой, — улыбнулась я, ощущая жару от палящего солнца. Эх, термические потоки воздуха, наверное, сказочные, зато и турбулентность сумасшедшая, не стоит все же испытывать судьбу, хватит и динамики вдоль склона.

Странные действия Рыси заинтересовали:

— Привязываешь, чтобы не украли?

— Нет, — подмигнула мне Оля, — это чтобы ветром в ручей не сдуло.

В этот момент из коптера выглянул Марат:

— Рысь, я не понял, только два одеяла?

— Да нет же — там сзади целый ящик. Поднимите диванчик, где обычно сидит Ди.

— А, понял!

— И несите все в пещерку, устроим пикник после купания, — командовала Оля, все еще возясь с тросом. Похоже, тут все успели сговориться за моей спиной — чуть ли не заночевать здесь. — Холодильники не забудьте! Там два.

— Обещают сильный ветер? — Наконец смогла я привлечь внимание пилота. Желание полетать превратилось в навязчивую идею, а с хорошим ветром можно взлететь и отсюда. Триста метров тут точно есть.

— Да нет. Ветер не слишком сильный, баллов пять... — задумчиво бормотала Рысь, пытаюсь распутать металлическое кружево. — Не поможешь? Вот этот конец просунь сюда.

— Ага, — сделала, как она просила.

Ветер поднимал пыль и мелкий мусор в воздух, кусты недалеко от нас шумели, но это скорее ближе к четырем баллам, ну а если будет пять, мне только на руку. Главное, чтобы ветер встречный дул и смог наполнить купол. А судя по всему он как раз и дует в сторону

склона, так что восходящий потоки обещали быть вполне приличными. У меня уже все горело внутри от нетерпения. Усилием воли заставила себя расслабиться. Не хватало еще, чтобы Кроха с его звериным чутьем что-то заподозрил.

Кроха, словно услышав мои мысли, тоже спустился из салона, подошел, посмотрел, склонив голову, как Рысь управляется с тросом. На меня, к счастью, внимания не обращал. Все еще дуется? Из-за того, что не взяла с собой на экскурсию? Это мне реально повезло. Совесть немножко мучила, ну а что поделать. Ведь так все удачно складывается, не объяснять же всем, что у меня достаточно мастерства, чтобы полет рядом со склоном прошел вполне безопасно.

— Эй, — позвала его, — помог бы, что ли, Рыси распутать трос? — заметила краем глаза, что ребята выбрались из коптера и понесли какие-то ящики вниз к пещере, круглый вход даже отсюда просматривался хорошо.

— Да не надо! — слабо запротестовала Оля.

Но Кроха отнесся серьезно и в две минуты справился с задачей, сам защелкнув замки — шутики три, как я поняла. Надо же, даже это умеет, а я ведь просто шутила. Да, с ним не пропадешь все же. Как полетаю, надо будет его как-нибудь задобрить.

— Можем идти, — просияла Рысь, — вода должна быть прохладная. Сейчас искупаться — самое то! Захватить твою сумку?

— Я сама. Вы идите вперед, пожалуйста, я тут до кустиков добегу.

— Нет уж, я подожду. — Оля снова полезла в кабину.

Увесистый мешок с парашютом тащить у всех на глазах мне точно не следовало. На мое счастье, Оля вдруг позвала Кроху, видимо впечатлившись его способностями, и пока они возились в кабине, что-то поднимая из-под сиденья, умудрилась скинуть мешок на землю и даже отволочь его к кустам. Там, уже не спеша, нашла удобную ямку, уложила и прикрыла сверху всякой шелухой. Да он и так не бросался в глаза — камуфляжная расцветка подходила идеально. Если не присматриваться, то просто кочка. Вернувшись, забрала свою маленькую сумку и помогла Оле с грузом. Основательность обустройства мне даже нравилась. Эх, отдохнем на природе. Разве не чудесно?!

— Ну, наконец-то! — заулыбался Моретти, забирая у нас с Рысью забытый мужчинами маленький холодильник с напитками. Кроха помогать и не подумал, хотя сопровождал нас от самого коптера, обнюхивая каждый пенек и делая усердный вид, что охраняет. По бросаемым им взглядам на довольно широкий ручей, я догадалась, что и кадавр не прочь искупаться. Вот ведь водное создание. Хлебом не корми... Да и я бы не отказалась освежиться, только полет манил гораздо сильнее.

Серж сразу пристроил груз в теньке в самом устье пещеры, где уже стоял холодильник побольше. А метрах в трех ближе к реке, заметила мангал. Не иначе, как шашлыки затеяли! Красота. После полета я всегда ощущаю сильный голод.

Заглянула внутрь пещеры и чуть не выдала себя радостным восклицанием — увидела узенький выход с противоположной стороны, Марат как раз завешивал его зачем-то покрывальцем. План побега сразу резко упростился. Если я выберусь там, то за кустами спокойно вернусь к коптеру незамеченной.

Несколько термоодеял были постелены на каменный пол пещеры, создавая уют. Места не так и много, но впятером запросто можно и переночевать, даже свободно будет, только вход завесить и лучше чем в палатке. Марат стал пристраивать на выходе еще одно покрывало, и я даже улыбнулась:

— Может и ночевку тут устроим?

— Придется два использовать, — бормотал он, так как завешены оказались лишь две трети от проема. — Непромокаемые покрывала. Что? — админ пожал плечом. — Если очень захочешь, можно и с ночевкой. А вообще-то, от солнца закрываю, после купания можно будет покемарить в теньке, если захотим, конечно.

Стало чуть-чуть жалко, что я с ними не останусь. Но я же недолго, полчаса и хватит — может и не успеют заметить, что я отлучалась.

— А я бы и сейчас покемарила, — вздохнула я, приступая к своему плану. Даже зевнула вполне убедительно, — устала немного от лекций управляющего.

— Так проходите, принцесса, никто не помешает, — шутовски поклонился Серж, — мы будем издали охранять твой сон. Я тут все обошел, да и визорами проверил окрестности на опасность — бояться нечего. Спи сладко.

— Я серьезно, — буркнула я для виду, — и купаться не хочу. Мне утреннего бассейна хватило.

— Так и мы серьезно, — Токаев справился со вторым покрывалом и откинул его, предлагая войти внутрь. — Располагайся и поспи пока мясо приготовится, постараемся не шуметь.

Я благодарно улыбнулась, переживая только, чтоб они не услышали бешено бьющееся в груди сердце:

— Спасибо, ребят, тогда переоденусь внутри и посплю. Вы сразу захватите всё что нужно, ладно?

Через пятнадцать минут меня, наконец, оставили одну, а вся остальная группа, включая Кроху, отправилась отмокать в ручей.

Терять времени не стала. Пора было действовать и быстро. Может, успею вернуться, как они накупаются? Приподняв покрывало на заднем выходе, выползла наружу, радуясь, что удалось пролезть — отверстие-то совсем небольшое. И прямо в колючие кусты! Едва удержалась от возмущенного писка. Тихонько ругаясь, поползла в сторону коптера, не уверенная, что кусты защищают достаточно хорошо.

С реки из-за кустов, машину почти не видно. Это я проверяла, так что скоро поднялась на ноги, и бегом направилась к коптеру. Мой мешок ожидал меня там, где оставила, так что закинув его на плечи, начала подъем в гору. Радовалась, что ветер посвежел — тонкие деревцагнулись от порывов — все-таки пять баллов. Правильно, значит, Оля сказала. Самое то, в общем. Предчувствие полета и того, как все удачно сложилось, заставляло ликовать. Теперь уже вряд ли кто меня остановит.

Дойдя до заранее облюбованной площадки, запыхавшаяся, но счастливая, я отдохнула пару минут, любуясь открывшейся передо мной красотой. Склоны, поросшие редким кустарником, круто уходили вниз. Вся долинка лежала как на ладони. На небе ни облачка, разве что совсем небольшие у самого горизонта.

Наконец, разложила на земле купол, тщательно закрепила ремни, прикрепляя суперлегкое и прочное сиденье. Отличное все же досталось мне оборудование. Спортивный купол вполне устраивал по всем параметрам. Пусть скорость и не супербыстрая, зато надежность повышенная. Запасных парашютов оказалось даже два. Неплохо, хотя пользоваться ими я не собиралась.

Сердце забилось с удвоенной силой, когда всё было готово к взлету. Погода сказочная, солнце и ветер!

Приготовилась, досчитала по привычке до десяти в обратном порядке и, недолго думая, рванула вперед, сразу ощутив, как подхватывает ветер крыло над головой, наполняя его и унося меня вверх. Быстро сориентировалась с управлением и набрала высоту, направляясь в сторону, противоположную от реки. Восходящие потоки подхватили, поднимая выше склона горы. Мое голубое с белым крыло не слишком бросается в глаза, но заметить все равно можно. Очень надеялась, что расстояние между нами уже приличное, и меня не заметят-таки. Да и важно ли это? Упоение от полета знакомой волной разлился по телу. Словно птичка летела медленно на динамических потоках, поднимаясь все выше. Какое блаженство! Что может с этим сравниться?!

Непередаваемые ощущения захватили все чувства без остатка. И главное — тишина такая, что слышишь свое дыхание, да легкий скрип тросов парашюта. Но надолго меня не хватило, очень хотелось испытать термики и перелететь долинку, а потом вернуться обратно. Ну неужто не найду теплых потоков, или не справлюсь с турбулентностью? И я решилась. Неопишуемый восторг полностью смыл страх, когда первый же термик был пройден на ура. Потом в какой-то момент стала терять высоту, и крыло сложилось, но лишь на мгновение. Тут же удалось выправиться, и снова уже набираю высоту, борясь с турбулентностью. Вот это жизнь! Скорость нарастала, это конечно не дельтаплан, но своих двадцати пяти километров в час мне вполне достаточно. Пусть в вышине скорость не так чувствуется, но этого и не нужно, адреналин и так зашкаливает.

Вот показались редкие деревья в конце долины. А впереди уже близко гористые склоны, скоро и горная гряда — невысокая, перелететь запросто можно. Сумасшедшая радость, ветер, легкость, с которой управляла и находила новые термические потоки, все вызывало восторг, так что даже громко прокричала что-то от избытка чувств. Ветер еще усилился, и я даже немного испугалась, как бы скорость не стала критической — это грозило серьезными неприятностями, а рисковать больше, чем надо, не стоит. Пора возвращаться! Поворот удался на славу, но то, что я увидела сбоку, повергло в шок.

Угольно-черные кипящие тучи, словно тысячи чудовищ, бьющих хвостами и щупальцами, неслись прямо на меня. И всю эту массу пронизывали зигзаги молний. Как зачарованная смотрела я в глаза смертельной опасности, забыв обо всем. Сильный поток воздуха стал поднимать парашют вверх и я очнулась, и кажется, закричала. Такой ужас охватил, и так захотелось жить, что невольно взмолилась небесным силам помочь и не оставлять меня на растерзание стихии.

Как это опасно я когда-то слышала от опытных парашютистов — случалось, мы целыми вечерами обсуждали разные случаи из жизни. А теперь и сама видела. Надо было срочно решать, что делать. Посадить парашют сейчас — неминуемо погибнуть — ветер, идущий впереди грозового вала, просто размахнет меня по скалам вниз. Значит, надо удирать, пользуясь этим самым ветром, или подниматься выше... Или пытаться прорваться сбоку. Но скорость приближающегося мрака почти не оставила выбора. Только не попасть внутрь! Я слышала, с какой силой может затянуть в себя грозовое облако, никакие маневры не помогут, а там внутри смерть.

Додумать и что-то решить не успела, ветер налетел просто бешенный и понес вбок. В такую передрагу я еще ни разу не попадала. Какие тут шесть баллов, это уже настоящий ураган. Пока он нес меня вперед удалось вывернуться, а прямо за спиной настигал грозовой шторм.

Всех наработанных за предыдущие полеты навыков, хватало лишь на удержание купола

от складывания, и то больше благодаря чуду, чем невероятным усилиям. На выбор направления возможностей и сил уже не хватало — просто неслась вперед...

Страшно было так, что периодически оглядываясь, видя, что чудовищный шторм настигает и расстояние медленно, но сокращается, я кричала, словно это могло заставить параплан лететь быстрее. Попробовать подняться повыше, или лучше держаться на этой высоте — уже километра полтора над землей, я не знала, хотя теперь от меня зависело очень мало, если не сказать — ничего. Кажется, я плакала, но сдаваться не собиралась. Купол все еще держался, не пытаясь сложиться, и это дарило призрачную надежду, что я смогу, я выживу и вернусь к ребятам!

Я боялась оглядываться снова, слишком страшное зрелище открывалось за спиной, грозя стать последним, что я увижу в этой жизни. Если я выживу, я буду помнить его всю жизнь — такое не забывается.

Мне повезло, сильный встречный поток уже на границе гор вдруг резко налетел и потащил крыло вверх, когда передний вал грозовой тучи был совсем близко. Буквально несколько секунд и меня подняло на недостижимую раньше высоту, километра три, не меньше, и теперь страшное стихийное чудовище было прямо подо мной. Еще пара минут и оно бы проглотило меня, а так я оказалась в безопасности гораздо выше, и вроде бы могла вздохнуть с облегчением. Однако поток стал слабеть, и я рванула в хвост грозы, умудрившись развернуться, чтобы успеть его проскочить, пока не потеряла высоту. Еще бы немного повыше, так не хотелось попасть внутрь клубящихся темных масс, пронизанных молниями! Новый поток воздуха налетел, когда я уже пролетела половину расстояния и видела конец гигантской тучи. Меня с силой потянуло спиралью вверх, грозя лишить возможности управлять, и снова чудом удалось вывернуться из потока, и лететь дальше к концу быстро несущегося подо мной монстра. Ужасу снова натерпелась, но, по крайней мере, это дало еще сотню метров высоты, и появился шанс успеть проскочить, прежде, чем неизбежное снижение сравняет мою высоту с грозовой.

Последние метры над тучей пролетела словно в забытьи, то казалось, что не успею, то наоборот все внутри вспыхивало радостью — успеваю. Сильно замерзла, руки едва слушались. И вот уже осталось совсем немного, еще бы несколько метров...

Последние хвосты тучи унеслись подо мной вдаль, даже показалось, что грозовое облако начало распадаться, образуя прорехи. Но это уже меня не касалось. Настала пора приземляться, и я аккуратно по спиральям стала уходить вниз. Внутри все ликовало, но пока я не встала на твердую землю, радоваться было рано. Вот уже близко высокий склон горы, разглядела подходящее место — довольно большой пяточок травянистой площадки.

Хорошо бы попасть именно на него — ведь тогда можно будет снова взлететь. Метров пятьсот до низа там есть, разве что для разгона маловато.

Скорость удалось сильно снизить, потом ещё и ещё, пока совершенно мягко ноги не коснулись земли. Именно там, на пяточке у скалы — площадочке примерно пять на пять метров, с которой некуда было бы деться без параплана.

Трясло так, что я сразу опустила на мокрую от прошедшего ливня траву. И некоторое время просто сидела не в силах поверить, что мне удалось выжить. Правда, теперь я не имела ни малейшего представления, где я, и насколько далеко меня унесло от друзей.

Но сейчас это волновало мало. Я полной грудью вдыхала чистый и вкусный после грозы воздух, ощущая себя как никогда живой. И не так все плохо получилось в итоге. Параплан со мной, в какую сторону примерно лететь представляю, так что немного передохну и полечу.

Сколько пробыла в таком расслабленном состоянии — не представляла, может десять минут, а может и полчаса. Встала неохотно и принялась за дело. Расправила купол, подготавливая его к полету, с радостью убеждаясь, что он цел и невредим. Единственное, что беспокоило — это совершенное безветрие. Почему? Ведь только что ветер дул с такой бешеной силой, а сейчас словно кто-то его разом отключил.

Так меня может просто унести вниз, в незнакомую долину. А это совсем не то, что нужно. Во-первых, там виднелся густой лес, опасный не только для полета на парашюте, но и для моей шкурки, окажись я внизу. Кто знает, какие твари водятся в этой чаще? А приглядевшись, увя убедилась в правильности своих догадок, там между деревьями промелькнул кто-то крупный. Пистолет, конечно, при мне, но печальный опыт с огромным кабаном-людоедом еще не забылся, хотя и побледнел на фоне экстремального полета.

Значит, надо ждать ветра. Должен же он появиться! Что здесь могут найтись термические потоки — сомнительно, лесистая местность это вроде бы исключала. Разве что дальше, километрах в четырех впереди, где виднелись луга и тонкая змейка реки. Но в безветрие туда не долетишь.

Вздыхнув, отцепилась от кресла, чтобы оправиться. Ожидание грозило затянуться. Голода я пока не чувствую, а вот пить хотелось. Солнце снова начало палить, а тут негде от него укрыться. Разве что соорудить навес из парашюта.

Но первым делом надо конечно оповестить ребят, довольно уже играть в беглянку. Сейчас-то мое исчезновение уже обнаружили. Сколько прошло — час? Два? Страшно представить, что они думают о моем исчезновении. Но как ни боялась их праведного гнева, деваться-то некуда. Ведь им так просто долететь сюда и меня забрать.

Раскрыла поясную сумочку и достала визоры. И только теперь вспомнила про поломку. Дрожащими пальцами надела очки и включила устройство, взмолившись, чтобы оно работало. Но бесполезная теперь игрушка никак не реагировала. Писк, давший было мне надежду, только сообщил дребезжащим голосом: 'Перезагрузка всех систем. Ожидайте. Осталось десять часов, сорок три минуты, семь секунд'.

Десять часов! Даже одиннадцать! От отчаяния захотелось разбить визоры о скалу, но удержалась. Ведь вполне может получиться, что я буду все еще здесь, когда они заработают.

Сидела, прислонившись спиной к гладкой теплой скале, и некоторое время всхлипывала, жалея себя. Пить хотелось все сильнее. Тяжело вздохнув, поднялась и подошла к краю, чувствуя слабое головокружение от близости земли. Отступила быстро, чтобы ненароком не свалиться на острые скалы внизу. Стоило выживать в безумии стихии, чтоб так по-глупому разбиться! Срочно надо было занять себя делом!

А раз предстоит провести много времени прямо здесь, решила для начала хорошенько осмотреться, что я тут имею. А имела немного. Площадка, почти ровная, имела двадцать пять шагов в ширину, и пятнадцать с половиной от отвесной задней стены до кромки обрыва. Слева тоже имелся обрыв, но с этой стороны падать пришлось бы меньше — всего-то метров сто. А справа гора слегка нависала надо мной, поднимаясь вверх неровными ступенями под углом градусов в семьдесят.

В общем, ничего утешительного. Точнее одну радостную деталь обнаружить удалось — в углу, который образовали две стены моего временного, как я надеялась, прибежища, нашлось небольшое углубление в камне, наполненное дождевой водой. Не удержавшись, опустилась на колени и вылебала чуть ли не половину, когда здравый смысл заставил остановиться. С грустью поглядела на остатки с мутноватой грязью на самом дне. Надолго

явно не хватит, да и солнце так греет, что трава уже высохла. Чтобы драгоценная влага не испарялась, накрыла краем купола. Буду экономить.

А потом навалилась такая усталость, что решила чуток поспать — делать все равно совершенно нечего. Уговорила себя, что всего полчаса, не больше. Не упустить-бы упустить ветер.

Легла, кое-как укрывшись под крылом парашюта, и накрыв голову жилеткой, которую из-за жары пришлось снять. Слой земли с травой, видимо был совсем тоненьким, но, несмотря на жесткое каменное ложе, отключилась почти сразу.

Жаль, что ненадолго. Купол сполз во время сна, рука, нога и бок затекли, в горле пересохло. Вдобавок вся выпачкалась под грязным и мокрым парашютом. И как додумалась расстелить его на влажной еще траве, а потом не заметить, в каком виде находится мое 'одеяльце'? Наверное, сказался стресс и сильная усталость, до сих пор ощущались последствия напряжения во всем теле, усугубленные лежанием на камне.

С грязью на футболке и камуфляжных штанах пришлось смириться. Воды и для питья маловато, и не только для стирки, а даже для умывания уж точно не предназначалась. Только жилетка, то есть разгрузка, осталась чистой. Прикрывая мою голову от солнца, она не соприкасалась с грязным куполом. Натянула ее поверх пострадавшей футболки, словно кто-то мог меня увидеть в таком состоянии. Пить хотелось все сильнее, и я пошла в уголок к каменной чаше. Легла животом поверх относительно чистого верха парашюта и сделала пару медленных глоточков. Что будет, когда воды не останется, если к вечеру не поднимется ветер, не хотелось и думать. Лететь же ночью я ни за что не рискну. Это я уже понимала, гроза, казалось, выбила всю дурь из моей головы. И как я могла поступить так безответственно, по-детски — сбежать, никого не предупредив, не оставив хотя бы записки?

Встряхнулась, приказывая себе перестать заниматься самоедством. Натворила дел, так надо выкарабкиваться, а не жалеть об упущенных возможностях. Вот когда закончится все хорошо, тогда и подумаю, а сейчас следовало собраться и в первую очередь высушить купол.

Отцепив стропы от подвески — или иначе — от полётного кресла, высмотрела наверху два тощих деревца, росших прямо из расщелины в скале. Додумалась привязать к одной из веревок кусок скальной породы, нашедшейся тут же, и после нескольких попыток, когда рука уже устала закидывать вверх тяжелый камешек, он, наконец, перелетел через оба ствола. Длины веревки вполне хватило, чтобы подтянуть парашют повыше — мокрой стороной вверх. Конец веревки привязала к неподъемному угловатому камню, лежащему под стеной. Размерами он походил на большой арбуз. Вспомнила даже, как вяжутся морские узлы, благодаря чему закрепила драгоценное средство возвращения в цивилизацию вполне надежно за оба конца. Синее полотно парашюта ярким пятном выделялось на слегка покато́й серой скале, радуя глаз.

Солнце уже не так поджаривала землю, но я надеялась, что сушка продлится не очень долго. С другой стороны, если поднимется ветер ожидать окончательного высыхания, конечно, не стану. Если бы только он появился! Но вокруг полный штиль, ни дуновения, и тишина.

А еще дал о себе знать желудок. Зажаренный поросенок уже давно переварился, а шашлыков мне так и не придется испробовать. Сглатывая слюну, отогнала от себя заманчивые картины пикника на берегу прохладного ручейка. Интересно, чем сейчас занимаются ребята? Однако и об этом не стоило думать. К чему изводить себя понапрасну,

когда все силы надо направить на возвращение к коптеру?

Чувствовала я себя хуже, чем до короткого сна. Тогда еще, видимо, помогал адреналин, а сейчас наступила очередь странного отупения. Визоры по-прежнему не радовали, хотя время ожидания сократилось. Теперь скрипучий голос сообщил, что ждать осталось шесть часов ровно. Если будет продолжаться такими темпами, может скоро и заработает? Положила визоры рядом с креслом, надеясь услышать сигнал включения связи.

Еще немного побродив по небольшой площадке из угла в угол, не зная как еще набраться терпения, сдалась. Если не воспользуюсь парой часов сна, то лететь просто не хватит сил. Но и голая земля не прельщала совершенно. Недолго думая, решила использовать подвесное полетное кресло. В нем, конечно, не тот комфорт на земле, как в воздухе, но лучше, чем ничего. Пристроив будущее уютное гнездышко возле боковой каменной стены, положила визоры рядом, уселась в кресло и застегнула все ремни, чтобы не вывалиться из него во время сна, и для лучшей поддержки спины плотными частями каркаса. Хорошо, что с этой стороны образовался тенок, и поджариться на солнце мне не грозило. Сумочку отстегивать от пояса не стала, лень было, да и не мешала вроде. Прикрыла глаза — однообразный вид скал уже успел надоесть. Как в тюрьме, честное слово!

Заснуть не удавалось, все время казалось, что кто-то рядом. Стоило задремать, и меня будил то треск, то звук упавшего где-то далеко камня. Несколько раз раскрывала в испуге глаза, хватаясь за револьвер, но по-прежнему оказывалась, что я на этой скале совершенно одна.

В конце концов, сон все же сморил, мне даже что-то снилось. Словно меня нашли, и лететь никуда больше не надо. Но, увидев, как я устала — позволили еще поспать, а потом будто бы Кроха подошел и стал нетерпеливо будить, дергая за край жилетки, а потом даже лизать лицо шершавым языком. С трудом пробормотала недовольно, чтоб убирался. Что я еще не выспалась. Кажется понял, оставил в покое... Но вдруг услышала характерный звук — это Кроха добрался до остатков драгоценной влаги и без стыда и совести лакал воду. Мою воду! Жалкие несколько глотков, которые еще оставались. Взвилась с места как опшаренная, вместе с креслом, протирая заодно глаза и готовясь высказать кадавру все, что о нем думаю.

Да так и застыла с открытым ртом. Ни коптера, ни друзей. И вовсе не Кроха допивал остатки воды. Кошечка выглядела как минимум раза в два крупнее. Абсолютно черная пантера посмотрела на меня желтым глазом, заставив покрыться холодным потом. Ни единой мысли не осталось в голове от шока. А потом, огромные когти скрипнули по камню, и меня передернуло от неприятного, бьющего по нервам звука. Хотелось заорать, но кошечка сделала ленивую попытку развернуться ко мне, отчего волосы на голове шевельнулись от неконтролируемого ужаса. Ни секунды не раздумывая, я совершила, возможно, самый глупый поступок в своей жизни — просто рванула к краю площадки и сиганула вниз с пятисотметровой высоты.

Вот тогда и завопила, уже понимая, что натворила, но внезапно налетела на термик, появившийся прямо подо мной и каким-то чудом и опомнилась. Распласталась, ловя восходящий поток воздуха, а рука уже сама вырывала из полётного кресла вытяжной парашют спасателя.

Спасибо производителю: модели для парапланов раскрываются впятеро быстрее обычных, но об этом вспомнилось гораздо позднее. Не передать словами, какая вспышка радости взорвалась во мне, когда раскрылся вверху зеленый купол и рванул меня вверх от, казалось, бывших уже на расстоянии вытянутой руки крон деревьев.

Увы, рванул именно вверх — от подошвы скалы шёл мощный термический поток, который быстро потащил обратно, норовя при этом размазать по торчащим из отвесной стены острым выступам.

Не помню, сколько времени ушло на борьбу со стропами управления и потоком воздуха, ставшим вдруг плотным, как вода. Но, едва скалы остались внизу, пришлось опять выкладываться по полной — склоны подо мной густо заросли деревьями. Садиться в этот хаос ветвей и листьев означало увечье и при самом удачном стечении обстоятельств, а в моем случае шансов выжить не останется даже при простом растяжении. Тянула как могла, сражаясь за каждый сантиметр высоты и лишний метр, приближающий к той границе, где деревья постепенно сменялись травой. Это было чудовищно и едва ли сравнимо с парапланом. Словно необъезженного мустанга укрощала. С какого-то момента смертельное напряжение захватило меня всю, руки и ноги перестали ощущаться, но почему-то продолжали действовать — независимо от ставших вялыми и безразличными мыслей. И даже приземление на замеченную прогалину, когда ноги уже буквально скребли по верхушкам деревьев, и от катастрофы спасало только то обстоятельство, что склон понижался быстрее, чем я теряла высоту — было воспринято как-то отстраненно. Надувшееся полётное кресло защитило мою пятую точку, на которую я благополучно свалилась.

Видимо прошло много времени, когда уже сидя на земле, я испугалась задним числом — как это смогла спрыгнуть со скалы. Впрочем, даже сейчас это казалось единственным выходом.

А ведь на интуиции действовала, даже не проснувшись до конца. Будь я в здравом уме и твердой памяти, может и не решилась бы на такой отчаянный поступок. Даже скорее всего. И что бы от меня осталось там — на верхотуре, после зубок и когтей огромной пантеры?

Радость от очередного спасения была недолгой. Очень медленно до отходящего от шока сознания добралась мысль, что теперь я едва ли в лучшем положении. И если наверху меня чуть не съела одна кошка, тут их бродит может быть десятки, а то и сотни. И ни одного средства передвижения, кроме собственных ног, которые только-только начинало отпускать напряжение. Мой новенький параплан остался высоко наверху, наверное, уже совсем сухой. При всей своей самонадеянности, я понимала, что никаким образом не смогу туда забраться снова. А даже если б могла, не полезла. Вряд ли мне так повезет с пантерой во второй раз. Похоже, тот пятачок был ее излюбленным местом отдыха.

Оцепенев, я некоторое время просто глядела на близкие деревья, тупо ожидая появления если не слоно-кабанчика, то какой-нибудь еще более ужасной твари. А потом встрепенулась, стряхивая с себя усталость, и не давая панике шансов лишить себя возможности выжить. Можно бесконечно рассуждать, что возможно кончина в зубах кошечки, или в той же грозе было бы благом — по сравнению с тем, что ждет меня теперь.

Очередная тоска накатила, когда вспомнила про визоры. И угораздило выложить их из сумки. Так бы хоть какая-то надежда была сообщить о себе — пусть даже спустя несколько часов. А теперь надеяться не на что, кроме самой себя. Трудно смириться с мыслью, что никто не придет и не спасёт. Но что есть, то есть. И винить, кроме себя — некого.

Оставалось только молиться и надеяться, что и дальше судьба будет ко мне благосклонна.

Одно ясно — надо выбираться каким-то образом к человеческому жилью, а значит предстоит пересечь неизвестно сколько десятков, а то и сотен километров лесов, полей и

гор, кишачих огромными хищниками.

Мысль искать долину с нашим коптером отменяла сразу. Понадобится как минимум пара дней, чтобы до них дойти. Надеяться же, что они меня будут там столько ждать не приходилось. Да и не была я уверена, что правильно представляю, в какой стороне находится та долина. Значит надо идти в сторону Ново-Плесеца — на запад. И при этом как-то умудриться оставаться живой. А все, что у меня есть из средств самозащиты — это револьвер, да упаковка патронов в сумочке.

Сердце больно стукнулось о ребра, когда я вдруг испугалась, что сумка осталась на скале. Но обнаружив ее все также варварски прикрученной к поясу, обрадовалась чуть ли не до слез. Неплохо бы провести инвентаризацию того, что еще имелось. Но только это и до завтра подождет, а вот начать искать место для ночлега — самое время. Причем, следует поторопиться. Еще часа три — и солнце зайдет, а в темноте ничего найти не смогу, кроме смерти.

Решительно поднялась с земли, отцепила от себя кресло и первым делом принялась укладывать обратно парашют. Использовать его по назначению уже вряд ли придется, а вот укрыться им ночью вместо одеяла, а может даже соорудить что-то вроде палатки вполне можно. Наверное.

Как же я жалела, что ничего не знаю о том, как выживать одной в диком лесу! И прежде всего, если на минутку забыть про зверье — где-то надо было спать и что-то есть. Нет, о зверье лучше не забывать. Необходимо срочно найти такое место, куда никто из них не заберется, но куда смогу забраться я сама. То есть надо либо вернуться к горе и поискать там какую-нибудь пещеру...

Нет уж! Не хватало самой притопать в пасть хозяина этой пещеры. Незанятые комфортные пещеры стоит искать в книгах для домохозяек. Значит — на дерево забраться. Итак, решение принято, оставался только сущий пустяк — побыстрее найти подходящее.

Вывернув кресло, превратила его в рюкзак, и снова сердце сжалось от мысли, что больше не придется запихивать внутрь мой новенький параплан. Рюкзак вполне удобно пристроила на спине, застегнув на поясе ремень. Руки остались свободны, и одну я положила на кобуру с револьвером — хоть какая-то защита. После чего отправилась вперед, радуясь, что на мне грубые ботинки, а не какие-нибудь туфли.

Сначала испугалась, что ничего не найду до ночи, слишком несерьезные деревца окружали мой путь, но чем гуще становился лес, тем больше встречалось исполинов. Таких огромных деревьев на Земле даже на видео не встречала, а здесь их много. И я внимательно вглядываясь в каждое, с тоской понимая, как же непросто будет лезть наверх. Я продолжала идти, надеясь увидеть наверху какого-нибудь лесного гиганта близко расположенные толстые ветки, нервно оглядываясь на каждый звук. А звуков в лесу хватало.

Тени постепенно становились все гуще, кусты цеплялись за одежду, глаза устали вглядываться в просветы ветвей, а между стволов то чудились горящие глаза, то какие-то жуткие тени. Меня уже сильно потряхивало, когда, наконец, наткнулась на что-то подходящее. Высоко над землей два дерева слегка склонились друг к другу, сплетаясь ветвями, словно любовная пара. Вот туда я и решила забраться. Вот только как это сделать, не имелось ни малейшего представления. Обхватить ствол руками, даже тот, что был тоньше, не удалось. Шершавая кора оцарапала щеку. Но медлить уже было никак нельзя.

Внезапно где-то впереди прозвучало отчетливое хрюканье, за которым последовал треск ломаемых кустов. И в тот же миг с другой стороны донеслось завывание, парализовав

меня ужасом, которому так долго удавалось не поддаваться. А потом с другого бока метнулась крупная тень. Заметила ее краем глаза, а потом, без всякого перехода, осознала себя уже высоко на дереве, совершенно не представляя, как умудрилась забраться. Всклипнув, не стала смотреть вниз, а поползла как гусеница дальше, уже осознавая, что делаю. Но не сказать, что так выходило лучше. Мешал рюкзак, но расстаться с ним просто не могла. Еще немного, еще выше, совсем немного оставалось до цели, а вниз уже смотреть было страшно. И пугало не столько зверье, сколько высота. Если свалюсь, то уже не узнаю, кто меня съест, раньше помру.

Когда добралась до переплетения, то измотана была до последнего. А ведь предстояло еще как-то закрепиться на ветвях. И порадоваться тому, что ложе оказалось даже лучше, чем виделось снизу — здесь запросто уместились бы и двое, сил просто не осталось. Ни моральных, ни физических. Угрюмо заползла в колыбель из ветвей и с трудом стянула с плеч рюкзак. Даже привязывать себя не было нужды, лежала как в ямке, положив голову на подушку из полетного сиденья. Наверное, и снизу заметить трудно, жаль что звери больше доверяют не глазам, а чему-то другому. Чутью? Наверное...

Меня слегка трясло от перенапряжения, от усталости глаза слипались, несмотря на то, что солнце почти село, и лес наполнился звуками со всех сторон. Если кто и заберется ко мне, я все равно не смогу ничего сделать. Разве что легла так, чтобы рука легко могла выхватить револьвер. 'В крайнем случае — застрелюсь', - была последняя, полная оптимизма мысль.

Проснулась я от донельзя наглого солнечного зайчика, попеременно лезшего то в один глаз, то в другой. Небесное светило поднялось уже довольно высоко, что не слишком удивило.

И не потому, что не привыкла просыпаться рано, напротив, всегда причисляла себя к жаворонкам, но не в этот раз.

Дело в том, что всю ночь холод не давал толком расслабиться. Не то, чтобы он был слишком жестокий. Скорее — просто прохлада. Но именно это и плохо — в противном случае, скорее всего, смогла бы найти в себе силы проснуться, и, например, завернуться в парашют. В воспоминаниях о прошедшей ночи не осталось места ничему, кроме попыток свернуться так, чтобы стало потеплее.

Неудивительно, что с восходом солнца вместо побудки свернулась под его теплыми лучами в клубочек и полностью провалилась в сон. И никакой тарарам, поднятый птичьей братией в честь завершения ночи, не смог в этом помешать.

Самое удивительное, что я чувствовала себя отдохнувшей и бодрой, хоть и ужасно не хотелось приступать к делам нового дня.

Лес был пронизан солнечными лучами и наполнен птичьим щебетом. Все ужасы ночи, казалось, исчезли безвозвратно — при виде разлитого вокруг умиротворения совершенно не верилось в то, что в этом сияющем мире где-то может таиться опасность. Настроение после пробуждения сделалось под стать пейзажу — умиротворенным и солнечным. Его не смогли поколебать ни заливистая рулада желудка, тонко намекавшего, что вторые сутки в него ничего съедобного не попадало, ни устроившаяся в развилке "моего" дерева кошечка...

Обычно в приключенческой литературе в такие моменты пишут про 'ушедшее в пятки сердце', или захватившее все существо героя желание жить... Но я только смотрела ей в глаза — на расстоянии каких-то пяти метров все подробности были хорошо различимы — и думала о том, как прекрасно начинается сегодняшнее утро. Возможно, причиной такого спокойствия послужил взгляд зверя — в нем не было даже настороженности, а лишь всеохватывающее любопытство и желание играть и радоваться каждой секунде сегодняшнего утра.

Поэтому, даже когда котенок — а едва он встал, стало понятно, что голова с задорно торчащими ушками составляет почти треть длины тела — стремительно пробежал вперед, про оружие я даже не вспомнила. Хотя весила зверюшка килограмм пятнадцать, если не двадцать, и ощутимо качнула ветку. Моя доверчивость была вознаграждена сторицей — мокрый нос ткнулся в раскрытую ладонь, а шершавый язычок чиркнул по запястью. Так домашняя кошка обычно будит хозяйку, дескать — 'вставай соня, все интересное проспичь'.

От руки протянувшейся погладить загривок — от удивления я совершенно забыла, где нахожусь и вообще выпала из реальности — зверь легко уклонился и, напоследок наградив меня снисходительным взглядом и насмешливым фырканьем, спрыгнул на переплетение веток метра на три ниже, а оттуда на землю.

Перед глазами мелькнула не слишком представительная коричневая шкурка с желтоватыми пятнами, длинный и слишком тонкий хвост — утренний визитер не был эпически красив. Зато другими достоинствами, вроде великодушия и приязни обладал с

избытком. Под деревом проскользнула еще одна аналогичная тень — раза в четыре побольше, и оба стремительных силуэта пропали в подлеске. Заставив гадать напоследок — привиделось ли, что перед тем как пропасть они на миг обернулись, как бы прощаясь, или все было сном, приснившимся перед пробуждением от птичьего щебета...

И только гораздо позднее мое странное спокойствие во время этой встречи получило еще одно объяснение. Дело в том, что мегакотики были наверно единственными из крупных хищников Прерии, кто не рассматривал человека как еду. Не было ни одного зафиксированного случая нападения их на людей, страшные истории, конечно, ходили, но... теперь я в них никогда не поверю. Жаль только, что они, следуя заветам Киплингской кошки, гуляют сами по себе.

Я прислушивалась к себе, с удивлением понимая, что на хорошее и даже радостное настроение очень мало влияет даже такая убийственная мысль, что программа не выйдет вовремя и с карьерой журналистки можно будет распрощаться. Ну, может и логично — ведь летя от грозы, я не могла подумать, что выживу, но тем не менее жива. И этот безумный прыжок со скалы... Да, можно конечно погоревать — ведь, если меня не найдут, не спасут, то добираться до людей придется не одну неделю. И выжить столь долгое время вряд ли возможно в одиночку. Но пока я жива, здорова и полна сил, а значит все можно исправить!

И действительно, тут же вспомнила о подарке Сержа — маленькой камере-хамелеоне. Судорожно открыла сумочку на поясе, порылась в ней и даже громко вскрикнула от радости, спугнув присевшую на ветке соседнего дерева любопытную птаху.

Вытащив камеру, без особого труда прикрепила её на открытом участке кожи выше выреза рубахи. Активировала сразу и скоро ощутила, что он присосался достаточно крепко, и в то же время не доставляет никакого дискомфорта.

Ура! Я даже еле смогла сдержаться, чтобы весело не рассмеяться. Беда бедой, а ведь мне, похоже, предоставляется не просто шанс выжить, а сделать самую замечательную передачу за всю свою жизнь. Просто буду снимать все, что делаю. Главное ведь, какие бы ужасы не окружали, повлиять на них я не смогу никак. А значит, остается одно — смириться и просто жить. Жить столько, сколько отпущено судьбой. А камера лишь дополнительный стимул не унывать.

Теперь, даже если случится что-то внезапное, не надо думать, что не успеешь снять. Камера может работать круглосуточно, питаюсь только от солнечной энергии и тепла тела, как объяснял мне когда-то итальянец.

Организм требовал срочного освобождения от жидкости, и после я даже хихикнула от мысли, что не подумала отключить камеру, хотя знала, как хорошо на нее записывается звук. Ну и ладно, вырежу. И даже если попрошу сделать это Сержа, ну и что? Не маленький, переживет! А вот если буду осторожничать, то однажды забуду включить снова, и тогда останется только локти кусать. Об одном жалела, спускаясь с дерева, что ожидаемо оказалось совсем не простым делом — почему я не подумала о камере, когда полетела на парашюте. Какие великолепные кадры пропали: гроза, приземление на площадку высоко над землей, черная пантера... Да что там, даже мегакотика не сняла. А надо ли? Пусть это все останется только в моем сердце.

Мне даже не пришлось напоминать себе, что настрой — едва ли не самое важное в деле выживания. А он у меня явно позитивный, несмотря на голод и прочие неприятности. Ага, как то же звери питаются здесь, и лето на дворе. Уж с голода помереть не так и просто.

Когда-то читала, что без еды вообще можно провести сорок дней. А без воды только двенадцать. И неужто за двенадцать дней не найду речку или озерцо? Ах да, видела же ручей сверху...

Так что, приземлившись на мягкий настил из иголок под деревом, я глубоко вздохнула, потягиваясь, и выискивая глазами место для неотложных требований организма, уже представляя, как сразу искупаюсь в первом же водоеме.

Тревога, что кого-то встречу из зубастых и когтистых почему-то вообще притупилась. Странно, может всю боязнь я истратила на вчерашний день? И, тем не менее, внутри по-прежнему было так светло, как и снаружи.

Выбравшись из чащи, в которой оказалась, я сразу направилась в сторону ручья, который видела сверху еще со скалы. Очень уж заманчивыми оказались картины купания. Порадовалась, как все удачно складывается — ведь путь к ручью лежал на восток, а мне как раз нужно в ту сторону. Очередной повод для оптимизма, однако!

Жажда пока не сильно мучила, как ни странно. Желудок тоже терпеливо помалкивал — толи привык уже к отсутствию пищи, толи еще не проснулся.

Всматриваясь под ноги и по сторонам, чтобы случайно не пропустить что-то съедобное, я вышла на открытое место и остановилась пораженная. Целая поляна спелой земляники! Безусловно, эти ягодки — совсем не то, что способно утолить голод, однако очень даже оценила их размер, да и замечательный вкус. Вот когда порадовалась, что на Прерии все несколько крупнее. Многие земляничинки достигали размера обычной малины, что делало их сбор не таким уж кропотливым.

Посчитав, что ягода — достаточный повод для остановки, отдалась полностью этому занятию, решив набить доверху пакетик, обнаруженный в сумке. Литра два вместится точно. Срывая ягоды, частично отправляла в пакет, частично в рот. Точнее, большую часть уплетала за обе щеки, и можно сказать, объелась.

В результате, никакого отдаленного топота, рева, тяжелого дыхания и прочих симптомов приближения зверя я не заметила. Он вдруг просто оказался рядом, вырос как из-под земли на расстоянии вытянутой руки. Мне даже удалось рассмотреть большие зеленые глаза и круглые уши.

Мишка, не совсем такой, как на картинках, преспокойно уселся на другом конце поляны и тоже стал лакомиться ягодами, поглядывая искоса на меня.

Вздохнула и продолжила свой сбор. В конце концов, полянка общая, и я имею столько же прав на это лакомство. И потом — он-то кого-нибудь съесть может, а я нет. Пусть терпит.

Впрочем, медведик не возражал, дал мне собрать целый пакет, запихнуть его в рюкзак и даже — уйти.

Ага, кивнула ему, мол, спасибо за общество, и пошла.

Ну вот, и поела, и жива осталась. Разве не чудо? Это сильно приободрило. Так что дальше идти стало еще приятней. Воздух чудный, птички поют, солнце уже начинает припекать, а ветерок обдувает приятной прохладой. А главное — куда не кинь взгляд, такая красота, что дух захватывает — и эти деревья-исполины, и кусты, в которых смешались все краски мира...

И на небе все спокойно, ни облачка. А еще пришла мысль, что все к лучшему — ведь на скале, я бы наверное по-прежнему ждала ветра, и не поела бы такой вкусной земляники.

Впереди предстояло еще взобраться на высокий холм, но за ним уже должен виднеться

ручей. Поэтому даже ускорила шаг, прогоняя усталость.

Один раз только остановилась отдохнуть, после особенно крутого подъема на холм. Ахнула, увидев, какая красота расстилается внизу позади, где только что прошла. И даже гордость взяла, как высоко умудрилась я уже подняться. Посидела немного на нагретом солнцем камне, глядя вниз на буйную растительность Прерии. Опомившись, открыла рюкзак и развязала пакетик с ягодами — заслужила ведь. Ограничила себя десятью штучками. Пока ничего другого нет, придется экономить.

Когда стала дальше подниматься, удивилась тому, что стало легче. Хорошее дело — передышки. Но слишком часто их делать не стоит. И вершина казалась совсем близкой. Не терпелось посмотреть на ручей.

Перевалив узкий поросший густой низкой травой гребень, я чуть не захлебнулась от восторга — пологий склон вёл вниз к продолговатой сини озерца или плёса. Слева в этот водоём прямо с каменного уступа впадал ручей, образуя крошечный камерный водопад. Правое же окончание терялось в густых зарослях тростника. Недалёкое песчаное дно прекрасно просматривалось сквозь идеально прозрачный хрусталь воды.

Тяжело дыша — последние метры подъема преодолела уже без всяких сил, чисто на предвкушении вершины — постояла немного, вспоминая слышанную когда-то песенку из далекого прошлого:

'Весь мир на ладони, ты счастлив и нем,
И только немного завидуешь тем,
Другим, у которых вершина еще впереди...'

Не то, чтобы моя вершина заслуживала такой песни, так, бугорок, а вот чувства от трудного подъема почему-то схожие. Впрочем, долго замирать в экстазе не считала нужным. Подхватившись, полетела вниз, благо склон оказался настолько ровным и пологим, что увечьями это не грозило. Последние метры забега украсили рюкзак и разные детали туалета или, так сказать, экипировки. Ботинки и штаны правда слегка прервали порыв — из зашнурованных берцев просто так не выпрыгнешь, но все преграды были быстро преодолены.

Не раздумывая, нырнула с разбега рыбкой в прохладную прозрачность озерца. Вода оказалась как раз той самой температуры, которая нравится, и я отфыркиваясь, вынырнула и минут пятнадцать бездумно плавала по кругу, и откуда силы взялись. Потом подплыла поближе к берегу и просто лежала на воде, едва шевеля руками и ногами, глядя в бескрайнюю синеву высокого неба. Щурилась и старалась не смотреть в сторону солнца. Тело сделалось невесомым. Мысли текли медленно, не касаясь ничего серьезного. Даже мозг, видимо взял передышку. Я даже забыла, что следует пить. Наверное, сочная земляника надолго утолила жажду.

— Плюх! — от неожиданности хлебнула-таки изрядную порцию вкусной воды, изворачиваясь, чтобы встать на дно коленками, оставаясь в воде по шейку. Повернувшись на звук, увидела, что с водопада в мою купель упало бревно.

— Плюх! — а вот и второе. Хотя нет, это уже бобёр. Вот он подплыл к полутораметровому огрызку древесного ствола и принялся толкать его, орудия похожим на весло хвостом. Работничек деловито проследовал со своим грузом буквально в паре метров от моей торчащей над поверхностью головы. Даже не посмотрел на незваную гостью, так занят.

Со стороны противоположного берега к воде подошла группа ежей размером с овчарку и принялась пить. Не лакать языками, а именно втягивать в себя воду, погрузив в неё нижнюю челюсть. Насчитала семерых. И опять на меня ноль внимания. Это не могло не радовать... Да, жизнь вокруг просто кипит.

Неохотно вылезла из воды. Собрала одежду в рюкзак, перешла и с ним в руках на противоположную сторону плёса по мелководью. Котлованчик, куда нырнула, похоже, был тут единственным глубоким местом.

Заросли подходили вплотную к противоположному берегу. Тенисто и уютно. Походила немного по мягкой травке, обсыхая, и следя за чинно удаляющейся семейкой ежей. На смену им уже спешили с другой стороны два странных маленьких зверька с детенышем. То ли суслики, толи еще кто-то вроде них. Малыш покатился было в мою сторону, но мамаша зашипела и он послушно посеменил к воде. Непривычно все же было долго находиться на берегу озера полностью обнаженной. Достала вещи из рюкзака, подумала было, что неплохо их освежить, и высохнут быстро, но пронесшийся вдали слоненок, заставил забыть о дальнейшем отдыхе. Слоненок оказался вблизи пугливым оленем, но рисковать и дожидаться еще кого-то я не стала.

Пока одевалась, заметила неподалеку под сенью древ какой-то плод, висящий на длинной плодоножке. Подумала, что это орех. Интересно, спелый?

Подошла, протянула руку... жужжит. Вовремя отдернула руку и поспешила убраться подальше. Не хватало мне только разъяренных пчелок. Чуть ведь их домик не разрушила.

В итоге обошла гнездо по дуге, чтобы пчел не нервировать. Мне, как ни крути, всё равно надо было как раз в ту сторону — к новому холму, к новому подъему в гору, и вряд ли за ним будет ждать еще один ручей, а у меня даже кружки нет, чтобы набрать с собой воды. Про кружку я вспомнила, уже удалившись на добрую сотню метров. Ну и что, непутевая конечно, так все равно же не во что было набрать. Ни бутылки, ни какого-нибудь другого сосуда у меня не имелось в наличии. И над этой проблемой я некоторое время ломала голову, так ничего и не придумав. Решила отложить эти мысли до следующего ручья. А пока предстоял еще один подъем.

На этот раз я поднималась по очень крутому склону, поросшему развесистыми деревьями с толстыми стволами. Под сенью их могучих крон не было даже травы, только узловатые корневища под ногами и толстые сучья над головой. Прохлада и приятный сумрак радовали не меньше солнечных полян. Несколько раз пришлось останавливаться, чтобы перевести дух, но уклон вскоре стал пологим, и идти стало легче, а потом и вовсе местность под ногами выровнялась, а лес исполинов так и продолжался. Чувство, будто иду по древнему, уставленному колоннами храму не покидало меня. Особенно усилилось оно оттого, что ноги сами научились переступать через неровности. Для полноты ощущения не хватало только звука шагов по гулкому камню пола.

Из живности здесь мне только бельчонок встретился, да и то скрылся сразу, резво взбежав под крону высокого дерева.

И вот впереди замаячил яркий дневной свет — лес закончился, словно отрезанный, и началась прерия. Равнина, поросшая травой в мой рост. Редкие, казалось бы, тонкие стебли на расстоянии нескольких метров сливались для глаза в сплошную зелёную стену, а сверху над всем этим висело заметно поднявшееся солнце, и нещадно припекало. Запах нагретой пыли словно довлел над окружающим пейзажем. Или пыльцы. И как заставить себя покинуть сень исполинов и окунуться в зной? От одного вида этой картины делалось жарко.

Хотя не такое уж большое пространство предстояло пересечь — поросший лесом новый склон виднелся впереди на расстоянии всего пары километров.

Вздыхнула — покидать тень по-прежнему не хотелось. И вообще — почему бы чуть-чуть не подкрепиться и не оттянуть этот момент? Присела, облокотившись спиной о тёплый шершавый ствол, и принялась за землянику. В тишину, вплетался лёгкий шелест листьев, а вот птиц слышно не было. Надо же, недавно галдели на все голоса, а тут, как отрезало. С чего бы это они притихли? Попрятались?

И тут же накатило чувство приближающегося ненастья.

Доев последние ягоды — а то они уже начали истекать соком — решила как-то позаботиться о себе. Не нравилась мне быстро растущая тучка. Придумывать укрытие надо было быстрее. В итоге вытащила парашют и привязала центр купола к толстой ветви, расположенной на подходящей высоте. Нижнюю же кромку закрепила стропами за что попало: за два ствола, подходящее корневище и какой-то росток. Образовался довольно вместительный шатёр для одного человека, под который и спряталась. Чувствуя себя отчасти защищенной, с интересом наблюдала, как на открытой равнине волнуется трава, слушала порывы ветра в вершинах деревьев, раскаты недалекого грома. Потом всё накрыло темнотой грозовой тучи и, наконец, сверху хлынул дождь.

Моё укрытие оказалось не таким и плохим и не сразу сдалось напору ливня. Поначалу под парашютом было сухо и просторно, главное, ветер ничего не повредил. Но вскоре ткань под натиском воды устремилась вниз и обволокла меня со всех сторон. Хорошо, что ничего не упало, так что голова оказалась в наполненном воздухом конусе, вершина которого подвешена к суку. Впрочем, это положение сохранялось недолго. Показав свой нор в во всей красе, гроза умчалась дальше, а шатёр отлип. Забавно. Пусть концовки буйства стихии не увидела, зато сама не намокла.

Подождала, пока порывы ветра закончат стряхивать влагу с листьев, и выбралась наружу. Поспешно освободила купол и, не сворачивая его, а взяв прямо, как был, комом, заторопилась через открытый участок, пока знойное светило ещё спрятано за тучами. Намокшая и примятая ветром трава лежала, хотя, то там, то тут отдельные стебли распрямлялись, но в целом идти было удобно. И красота вокруг удивительная, даже казалось никак не смогу к ней привыкнуть, чтобы не замечать. Может, потому, что местность так часто меняла свой облик.

А вот и лес, и как подтверждение моим мыслям совсем не такой, что спрятал меня от ненастья. Тут росли деревья любых видов и размеров, кустарники, цветы, трава. Местность впереди снова повышается, но уже без спешности. А вот и солнце заискрилось в каплях воды на листьях. Успела, значит. Помедли я немного, и пришлось бы либо ждать до вечера, пока оно силу потеряет, либо обгореть, получить тепловой удар, солнечный и какие там еще есть.

Парашют оставлять в смятом и мокром состоянии не решилась, если не позабочусь о нем сама, не позаботиться никто. А страх потерять хотя бы одну вещь из своей скромной экипировки уничтожил последние колебания. Прислонив рюкзак к поваленному дереву, растянула парашют для просушки на открытом месте. Удовлетворение от проделанной работы стало безоблачным и ясным. Да что говорить, только что сама Природа помогла мне избежать получасового перехода через раскалённую солнцем равнину, поросшую пыльной

травой. Вот подыграла, и всё тут. В очередной раз.

Вздыхнув — желудок опять дал о себе знать легкими спазмами, присела на совершенно высохший и даже во многих местах лишенный коры ствол. Оценила удобство, вытягивая ноги. А если сесть немного боком возле основания ствола у растопыренных корней и облокотиться на них спиной, то и вовсе как на кресле сидишь. Решила чуть-чуть отдохнуть, пока сушится парашют, а потом сложить его и сразу идти дальше.

Наверное, я задремала, потому что человеческие голоса услышала внезапно.

— Я же тебе говорил, что это парашют, а ты заладил, словно попугай: 'Ромашки, ромашки'.

— Ладно, не трюнди, сам вижу, что парашют. Интересно, где парашютист?

Открыв глаза, увидела, как два юноши в канареечно жёлтых комбинезонах рассматривают моё имущество.

— Здесь парашютист, — лёгкое настроение так и не покинуло меня, поэтому я встала и отвесила парням шутливый поклон. Внутри вспыхнула надежда, что моим приключениям пришел конец. Ведь если попросить у них визоры...

— Ты кто?

— Что ты тут делаешь?

Вопросы прозвучали одновременно.

— Специальная корреспондентка корпорации Гугл. Знакомлюсь с планетой и её обитателями.

Ребята заулыбались вполне дружелюбно:

— И с кем ты здесь познакомилась?

— С медведем, большим любителем земляники, мегакошкой-мамой и её чадом, деловитым бобром и семейством больших ежей. Ах да, была еще белка и олень. Вот теперь у вас беру интервью. Кто вы, путники?

— Мы тут на каникулах, в спортивном лагере. Только нам режим тамошний не понравился, и питание показалось несколько однообразным.

— Вот ты смогла бы три раза в день есть перловку? — подхватил второй.

При воспоминании о давно и крепко нелюбимой еде, я одновременно выделила желудочный сок и слюну, которую громко сглотнула.

— Пожалуй, съела бы ложечку, — живот протестующе забурчал, — или две, — призналась честно.

Парни посмотрели на меня, друг на друга, и принялись стаскивать с плеч рюкзаки.

Через пару минут над разгорающимся костром был подвешен котелок. А парашют, отказавшись от помощи, быстро сложила сама, убедившись, что он совсем сухой.

После чего, чтобы не мучиться от голодных спазмов, вдыхая запахи готовящейся еды, отошла в сторонку, не теряя из вида поляну с костром, и набрела на черничник. Пакет из-под земляники набрался быстро — черника здесь размером с некрупную вишню и чуть слаще нашей земной. Пробираясь обратно другим путем остановилась, учуяв знакомый запах. Приглядевшись, заметила пучки-метёлки, похожие на морковную ботву. Розовые корнеплоды легко поддались, чем и обрекли себя на включение в сегодняшнее меню.

Ребята угостили меня отнюдь не одной ложкой каши, и не двумя. Они и сами не забывали подкрепляться. Хотя есть приходилось из одной тарелки и по очереди. Ложка у них тоже была одна на двоих, а у меня и вовсе не нашлось ни того ни другого. Парни благородно отдали ложку мне, а сами приспособились хлебать широкими щепками.

Морковку и чернику приняли с интересом, но, прежде чем есть, подождали, пока я прожую и проглочу.

— Так ты что, так и знакомишься с планетой на подножном корму? — Наконец спросил тот, что пониже ростом и пошире в плечах. Эдакий крепыш с выгоревшими на солнце белыми волосами.

— Меня вчерашней грозой унесло на парашуте примерно на полсотни километров от наших, — я решила, что честность в этом вопросе мне ничем не грозит. — Буду выходить на восток, к Ново-Плесецку.

В голове стучала мысль, вернувшись после утоления голода — спросить про визоры!

Но почему-то язык не поворачивался. Ребята вели себя на редкость беззаботно и мило, что совершенно не сочеталось с окружающей действительностью, я ведь даже оружия у них никакого не заметила, а они на мой револьвер смотрели очень задумчиво и ласково. А может, у меня просто паранойя начинается? И еще — чем придется расплачиваться за обед, хотелось бы знать.

— Через три дня пути встретишь дорогу, — отвечал тем временем высокий худенький парнишка, — просто колея, но видно, что не реже, чем раз в месяц по ней кто-то проезжает. Меня Васей зовут. А мы подадимся на запад. Там на берегу Янтарного Моря должны жить местные. Попробуем устроиться у них.

— Мы с ГОКа, — пояснил крепыш. — Нас вроде как на лето, на время каникул, привезли в спортивный лагерь, а только весь спорт с лопатой да носилками. Зачищали котлованы под фундаменты после отпалки, ну, то, что ковш экскаватора подхватить не может. Наломаетесь за день, а вечером гопота местная начинает куражиться. Визоры отобрали, считай, сразу. Глянешь косо — сразу в морду норовят. В общем, сперли мы мешок крупы, пачку соли, и дали дёру, пока живы. — Меня тоже Васей зовут, — добавил он сконфуженно.

Разочарование, что у ребят нет никакой связи, несколько испортило настроение, но ненадолго. Сытый желудок — великое дело. Плохо то, что сразу захотелось спать, а этого я позволить себе не могла. Пока они рядом...

Мы расстались довольно скоро, с заметным сожалением. Юноши с завистью уже открыто поглядывали на мой револьвер — явно были не прочь, чтобы я была в их компании, или по крайней мере — мое оружие. Но двигаться в сторону густонаселённых земель в их планы явно не входило. Мне же совершенно не улыбалась перспектива пересекать половину материка, пробираясь через равнинную часть, где иной раз за весь день пути и ручейка не встретишь. А револьвер тем более, ни за какие коврижки отдавать или продавать им не собиралась.

Обменявшись еще несколькими ничего не значащими фразами, я пожала руки обоим Васям, вызвав у крепыша краску на щеках и умилившись этим. А может, они просто хорошие ребята?

Я помахала еще рукой на прощание, желая им удачи, и легко вскинув на плечи рюкзак, не оглядываясь, неторопливо направилась на восток.

Удивительно, но продолжение дня прошло под стать утру. Не спеша леглась под ноги

трава, давая отсчет кивлометрам, которые мне предстоит преодолеть для возвращения в цивилизацию, да уходила назад полоска степи по краю леса. Вокруг было полно живности, но мной особо никто не интересовался, видимо представление о кровожадности местного зверья оказались несколько преувеличены.

Пару раз, конечно, приходилось замирать с рукой на рукояти револьвера, но неясные тени предпочитали скользить себе мимо по своим делам. Максимум что было — замирали на пару мгновений, видимо, чтобы меня получше рассмотреть. Может, все дело в том, что я совершенно не испытывала страха?

После всего случившегося, глупо волноваться о будущем — одно попадание в грозу чего стоило, не говоря уже о близком знакомстве с пантерой и сумасшедшем прыжке со скалы в лес. Всего этого с лихвой хватило, чтобы свернуть шею и гораздо более крепкому и подготовленному специалисту по выживанию, но видимо кто-то сверху хорошо за мной последнее время приглядывал. Ничем другим успешный выход из последовательности передрыг объяснить просто невозможно. И я начала поглядывать на небо с какими-то новыми, но пока еще неясными чувствами.

Несмотря на всю признательность, я больше не намеревалась давать Ему лишнюю работу, только пусть и дальше продолжает за мной смотреть! Очень на это надеюсь, потому как более надеяться не на что. Я не настолько самоуверенна, чтобы считать, что смогу успешно добраться назад без посторонней помощи. Может, и стоило идти вместе с теми пареньками, они показались мне неплохими, но это пока, а вот потом, когда запас еды подойдет к концу, все может измениться очень даже заметно, не говоря уже о том, что гораздо раньше могут возникнуть проблемы несколько иного рода. И револьвер довольно слабая защита, ведь надо еще и спать когда-то. Ну не связывать же их на ночь? И постоянно держать в поле зрения днем, а ведь через некоторое время такая мера может запросто стать необходимостью...

Конечно, можно все решить и по-другому, да вот только в таких маленьких группах отношения между людьми очень быстро упрощаются, а условности цивилизации забываются в первую очередь. А мне почему-то никак не хотелось в обмен на защиту оказаться на месте первобытной женщины, вынужденной удовлетворять все желания 'защитников'. Пусть речь и не пойдет дальше 'готовки, стирки, починки одежды', да и защитнички из ребят честно говоря так себе...

Уж лучше разойтись каждый своей дорогой и вспоминать 'хороших ребят', которые пожалели и покормили, чем дать возможность им проявить себя с другой стороны. Тем более что ребята оказались действительно хорошими и следом, чтобы, например, забрать револьвер, или еще по какой надобности, не пошли. Или они просто в лесу потерялись? Тоже ведь горожане... Так или иначе, но под корнем рухнувшей сосны с взведенным курком я просидела сорок минут совершенно зря. Что ж, хорошо и приятно разочаровываться в людях. Пусть они так и останутся в моей памяти — просто хорошими ребятами.

Поймала себя на совсем не человеколюбивых мыслях и подумала, что тут наверно следует бы ужаснуться, или хотя б удивиться — насколько спокойно рассуждаю о вещах, которые раньше вызывали жгучий протест, если не панический ужас. Будто совсем другим человеком стала. Видимо нахождение наедине с природой, когда есть четкое понимание, что можешь рассчитывать только на собственные и очень невеликие силы, кардинально меняет человека.

Возможно, включаются какие-то древние программы? Ведь окружающий мир

превратился в среду обитания по историческим меркам очень и очень недавно. А может, просто контрастней начинаешь оценивать окружающих, и людей, и природу со всем ее зверьем, и принимать все таким, какое оно есть. Без истерик по поводу несоответствия имеющегося в наличии тому, что хотелось бы иметь. Сложновато, но что можно сказать с уверенностью — переосмысление еще не закончилось. Но меня уже не пугает даже и то, что, судя по всему, очень скоро я сама себя не узнаю.

А пока топала себе по кромке леса радуясь, что никакое зверье мной не интересуется и отвечая ему взаимностью. Однако желудок, покончивший с остатками каши, довольно прозрачно намекал, что такое отсутствие интереса с моей стороны — это ненадолго. Вдруг проснувшиеся охотничьи инстинкты сдерживало только то, что я совершенно не представляла себе, на кого можно охотиться с револьвером, и понимание собственной глупости — у меня не было огня.

Это ж надо забыть о такой мелочи! Ведь можно было от костра, на котором кашу варили, углей набрать. А ведь похоже теперь мне предстоит увлекательный квест добывания огня трением, или голодовка до такого состояния, когда сырое мясо кажется привлекательным...

В общем, расслабилась я, избалованная отсутствием внимания со стороны хищников. Забыла, что встречаются и те, что охотятся ради удовольствия, а не для удовлетворения голода. Что-то такое говорил мне Сержио... Поэтому, увидев идущий над степью коптер, действовала как учили. А зря. Действия, предпринятые без обдумывания, обычно хуже, чем полное бездействие. Но это я все поняла потом, а пока в сторону степи ушла и закачалась на парашютике сигнальная ракета из аварийного набора, найденного в рюкзаке к великой радости. Гордость своей находчивостью опять же затмила всякие опасения.

Сама же трубка одноразовой ракетницы, превратившаяся в сигнальный пирофакел, начала выбрасывать клубы оранжевого дыма. Прикрывая глаза ладонью с растопыренными пальцами от веток кустарников, быстренько проломилась на открытое пространство и отшвырнула ее подальше от себя.

Все эти действия не остались незамеченными, коптер лег на новый курс и буквально через минуты три завис метрах в тридцати от меня, подняв при этом тучу пыли. Заодно сдув потоком воздуха от импеллеров остатки сигнального дыма.

На борту, на фоне щита, четко выделялся знак Корпорации РУСАЛ. ГОК! Это же они меня ищут!

Наконец коптер замер, заглушив движки. Пилот открыл дверь и удивленно вытаращился, глядя, как я пританцовываю от нетерпения, одновременно пытаюсь прикрыть лицо и глаза от песка, летящего из-под останавливающихся винтов.

— Оп-па! Ты смотри, какая курочка! — улыбаясь маслянистой улыбкой, заявил он.

— Добрый день, — заторопилась я, — Диана Морозова, специальный корреспондент Гугл... Я недавно была на вашем комбинате. Вы можете доставить меня туда или в любое другое место, где есть связь? Меня унесло грозой и теперь мне нужна помощь!

Дернувшийся было выходить молодой, но слегка полноватый, человек в форменной летной куртке повернулся вглубь салона и некоторое время видимо тыкал пальцами в экран коммуникатора, а потом, еще более широко улыбаясь, выпрыгнул из машины и быстро пошел в мою сторону. От его напора невольно попятилась — мне не понравился вид пилота: пятна пота на синей рубашке под курткой и испарина на верхней губе. Это все неприятно сочеталось с бегающими вверх-вниз глазками, затянутыми странной поволокой. Слова, впрочем, понравились еще меньше:

— Деточка, Диана Морозова пропала без вести три дня назад. Вчера были найдены ее параплан на верхушке скалы и визоры — в футляре у подножия. Тело не обнаружено. Сегодня в полдень поиски прекращены. Горожанина в дикой местности тут ищут не более суток, потом найти можно лишь кости, да и то только случайно, — он на миг перевел дух и натурально облизнулся — как кот на кусок сыра. — Так что, милая деточка, Диана Морозова — мертва, хоть официально это будет объявлено только через девять месяцев. А кто ты на самом деле, тебе придется доказать. Пока что ты никто. И отвезти мы тебя можем только в карантин для нежелающих хорошо работать на благо Компании, и для неблагодарной сволочи, вечно бегущей от своего благодетеля...

Тут я перестала пятиться и, четко глядя в левый глаз совсем уж начавшему заговариваться пилоту, отчетливо произнесла:

— Эй! Я вам не сопливая девчонка, менязнают и ищут. И у меня есть деньги, много денег. Я вам заплачу! Только отвезите меня туда, где есть связь с Ново-Плесецком.

Но все мои потуги пропали втуне — потный боров продолжал переть на меня, как танк, явно ничего не слыша. Только хохотнул в ответ:

— Конечно, заплатишь! И не один раз... каждому... — от его ухмылки начинало конкретно мутить. — И к чему деньги... какие деньги у мертвых? У тебя и так есть, чем расплатиться... И здесь, и в лагере... этим тоже что-то останется...

Тут поехала в сторону боковая дверь коптера. Правда, открылась она всего ладони на две и застряла, видимо во что-то упершись, изнутри последовал взрыв мата, и в щель высунулась еще одна рожа, заорав:

— Стоять! Некрофил чертов, хватай девку и волочи сюда! Я сегодня весел, а твоя очередь все равно в самом конце — ты же не любишь, когда шевелятся.

В ответ внутри коптера заржали, а моего преследователя слегка перекосило.

А вот дальше я поступила так, как ни за что не сделала бы раньше. Вместо того чтобы в ужасе с визгом броситься наутёк и быть через миг пойманной за шкуру уже без всякой надежды на благоприятный исход — не мне соревноваться в силе с тренированным мужиком, я открыто ему улыбнулась и, со словами — 'заплатить так заплатить, всегда мечтала о стольких сильных мужчинах', шагнула вперед. Пилот от удивления так и замер на мгновение, с широко расставленными руками, оставалось только этим воспользоваться и на втором шаге ударить коленом в пах.

Слава богу, прием сработал именно так, как обещали на курсах самообороны: реакции противника вполне хватило, чтобы успеть поднять собственное колено защищая самое дорогое, но на столь легкую победу никто и не рассчитывал — моя нога резко распрямилась и носок со всего маха врезал ему по подъему стопы. И всё! Вместо попыток схватить или напасть агрессор теперь прыгает на одной ножке, ухватив ручками пострадавшую конечность. Такой удар очень болезнен, и бедолага разом забыл обо всех планах на вечер.

Мне именно это и нужно. Воспользовавшись тем, что ближайшая опасность временно выведена из строя, выхватила оружие и прямо через голову пилота, благо он согнулся в три погибели, дважды выстрелила по коптеру.

А вот дальше всё пошло наперекосяк уже в моих планах, если в пустой голове в этом момент действительно был план, и я не придумала его потом, задним числом. Пользуясь замешательством остальных, я специально целилась повыше, чтобы пули ударили рикошетом от потолка машины, а я могла драпануть в не такой и далекий лес, где меня вряд ли поймают, если вообще будут ловить — охотники, скорее всего, просто не рискнут связываться с настолько отморозенной дичью. Эти мерзавцы обычно не отличаются смелостью, и риск получить даже случайную пулю должен был их остановить.

Но все пошло не так. Во-первых, по коптеру, казалось, выстрелили из пушки — все стекла с моей стороны будто взорвались, открывая внутренности машины, да и металлические поверхности украсились какой-то рябью. Во-вторых, пилот, получивший два выстрела над самым ухом, взвыл нечеловеческим голосом и, ухватившись руками уже за голову, рухнул вперед, едва не придавив меня заодно. Пришлось отпрыгивать, и несколько драгоценных секунд были потеряны, пока я смотрела на катающегося по земле человека, верещащего при этом как недорезанная свинья, и пыталась придумать, что же мне дальше делать.

Внезапно боковая дверь коптера резко сдвинулась до конца, и мне навстречу выпрыгнул

одетый в экзоброню охранник. Сердце так пропутешествовало в пятки, но на то у него имелись веские причины — я оказалась с револьвером против почти неуязвимого бойца. Благодаря экзоскелету, он намного превосходил меня в силе и скорости, а уж оружия у него...

Револьвер, еще миг назад казавшийся грозным аргументом, явно уступал разворачивающейся в мою сторону штурмовой винтовке. Вот только, едва сделав пару стремительных шагов, закованная в латы фигура, вдруг остановилась подняв забрало шлема. Удивленно посмотрев на меня, боец произнес — 'Сууука...!', а потом его левая нога подломилась, и он неловко завалился назад, придавив собственные пятки. Из левого колена на несколько метров вперед била гидравлическая жидкость, как я потом поняла, а в тот момент считала, что это кровь. Мужик неловко ворочался, пытаясь совладать с враз ставшей неподъемной массой брони и сопротивлением поврежденного экзоскелета, что в моем неискушенном представлении выглядело как настоящая агония.

И опять я потеряла несколько драгоценных мгновений, разрываясь между противоречивыми чувствами. А в следующий миг, через дальнюю от меня грузовую дверь машины, выпрыгнули и моментально откатились в стороны еще два силуэта, кажущихся роботами из-за аналогичной защиты. На одном инстинкте самосохранения я шарахнулась в сторону и, совершенно неожиданно для себя, но что более важно — для охранников Корпорации, очутилась в какой-то почти заросшей травой канаве. Куда благополучно ухнула, рассадив локти и колени.

К счастью, оглушенная падением, я не успела даже встать на четвереньки, когда по верхнему краю канавы наверно сама Смерть махнула своей косой — поднятые десятками шаровых пуль столбы земли буквально превратили день в ночь, забросав меня и всю округу пучками травы и прочим мусором. Оставалось только скорчиться на дне в позе эмбриона, закрывая руками голову и стараясь заодно прикрыть глаза и уши, и ждать неминуемой смерти. Первым вернулся слух, от зрения из-за поднятой вверх земляной пыли толку было чуть. Если точнее, то видно было не дальше, чем на расстояние вытянутой руки.

— Идиот! Ты, что, ее на части разнес?!

— Вроде нет, кажется, она куда-то просто провалилась... — ответил более молодой, но гораздо более хриплый голос.

— А, точно. Тут промоина. Заходи с другой стороны, будем брать!

— Да эта ж сука же Миху подстрелила!

— Заткнись! Это приказ!!! — старший пару секунд подумал и добавил весомо. — Всего лишь задела. Не той головой подумал, вот ему и поделом. А сучку брать только живой и невредимой. Понял? Зацепишь, я тебя рядом с ней раком поставлю! Она нам за все ответит...

От тона последней фразы на душе заскребли кошки, но самое главное здесь и сейчас я услышала — стрелять в меня не будут. Это был шанс. Потому с бесстрашием обреченной я вскочила и, отправив еще два выстрела в сторону голосов, перепуганным зайцем рванула в лес.

Увы, надежд на спасение лес не оправдал. Он был слишком светлым, без серьезного подлеска и по нему преследователи легко гнали меня куда хотели. Даже с некоторой ленцой. Все это, правда, дошло много позднее, после просмотра очередного кошмара, а пока металась из стороны в стороны между выстрелами. Шаровые пули тяжелых гауссовых ружей, с которыми при помощи экзоскелетов легко управлялись охранники, поднимали столбы

земли то слева, то справа. И легко расщепляли стволы деревьев толщиной в обхват. Развлечение продолжалось минут пятнадцать, пока сердце не стало колотиться в горле, и даже до меня дошло, что со мной просто играют, дожидаясь пока от страха и напряжения не упаду без сил.

Оставалось лишь принять бой, пока это вообще было еще возможно, и я кубарем скатилась в первый подвернувшийся овраг, не замечая ушибов. И чудом ничего себе не сломав, нырнула в переплетение ветвей рухнувших вниз деревьев. В шевельнувшиеся было наверху кусты я всадила три оставшиеся пули, порадовавшись раздавшимся оттуда матюгам, и только после этого поняла, что натворила.

Идеальная для обороны позиция — подойти ко мне можно было только спереди, и до ближайшего поворота не больше тридцати метров, даже ребенок не промажет, превратилась в не менее идеальную ловушку — в револьвере остался один патрон на двух моих противников. Протянутая к поясу рука вместо сумочки с патронами схватила только пустоту. Где осталось это элегантно-воспоминание о прошлой жизни одному богу известно.

В миг образовавшейся тишины во весь рост встала дилемма, которую очень любят режиссеры героических фильмов, но которые очень неприятно решать в реальной жизни — 'подарить' последнюю пулю противнику, или стреляться самой?! Жить хотелось очень сильно, но увы, если мне улыбнется удача то, даже подстрелив одного из преследователей, в руки второго я попаду живой... И очень быстро пожалею об этом.

Мелькнула даже мыслишка, что не стоило устраивать всю эту беготню со стрельбой. Так сказать 'расслабьтесь и получайте удовольствие...'. Но я ее отогнала подальше — может, беглую девчонку и бросили бы на самом деле в карцер... потом. Меня же здесь знали слишком многие и наверняка искали друзья, а значит, оставлять в живых никто не собирался. Лишний риск.

В общем, все эти соображения автоматом возвращали меня к вопросу применения последнего патрона. Впрочем, есть еще и стропорез...

Сунув руку за спину, выдернула из кармашка ранца лезвие, так и проболтавшееся всю дорогу позади парашюта. В руки лег небольшой клинок, формой напоминавший рыбку. От взгляда на волнистое лезвие по коже пробежала дрожь. Про то, чтобы перехватить этим ножиком горло самой себе, или хотя бы вены на кисти, не хотелось даже думать. Представила, как бросаюсь с опасной железякой размером с ладонь на закованного в броню охранника — как рыцарь на дракона, и чуть не начала истерически смеяться.

Но тут затишье закончилось, и пришлось падать за наклоненный ствол, пока "шарики" прошивали ветви над головой, заставляя древесину взрываться картечью щепок. Видимо один из нападающих прижимал меня огнем, давая второму возможность подобраться на расстояние броска шоковой гранаты, или что там у них есть. Судя по всему, извечный со времен Шекспира вопрос "to be or not to be", решили за меня.

Внезапно канонада стихла, и, пересилив себя, я резво вскочила, готовясь поймать на прицел верткую мишень. Наверняка стрелять перестали потому, что второй подобрался уже достаточно близко. Но никого не увидела. Вместо этого почти рядом, из-за поворота, прозвучал хриловатый голос молодого. Тот несколько раз окликнул напарника, ничуть не стесняясь моим присутствием. Потом все опять стихло. Перенапряженные нервы натянулись струнами, а палец занемел на спусковом крючке, пришлось немалым усилием воли заставить себя расслабить кисть.

Минут пятнадцать протянулось в томительном ожидании, но казалось, прошла

вечность, потому что за это время ничего так и не изменилось. Только за поворотом слышалась какая-то невнятная возня и скрип металла с попеременным громким сопением. Что он там в конце концов, делает?

В итоге нервы не выдержали и я, подбадривая себя невоспроизводимым воплем, рванула в атаку 'как на танк', с револьвером в правой и стропорезом в левой руке — пусть второй стреляет, если хочет меня остановить. Чем не выход? — а я попробую хоть одного достать.

И завернув за поворот, так и застыла — памятником самой себе с вытянутым вперед стволом. Дело в том, что объект, бывший моей мишенью, лежал в метрах семи, причем лицом вниз, а у него на спине, в пол оборота ко мне, восседал Кроха, который сопя, пыхтя и высунув язык пытался вытащить один из своих ножей из горжета (* часть брони защищающей горло и шею) бойца Корпорации. Металл скрипел, на руках и спине перекачивались бугорки мышц, но броня не отпускала лезвие, несмотря на то, что казалось еще миг — и кадавр просто оторвет человеку голову. Впрочем, труп, а тут двух мнений быть не могло, это уже было совершенно безразлично.

Наконец, это мохнатое чудо повернулось и с легким осуждением посмотрело проникновенными карими глазами на все еще направленный на него револьвер. От красноречивого взгляда мохнатого друга, я смущенно опустила руку, засунув револьвер в кобуру, и зачем-то еще ее застегнула, после чего начала топтаться, не зная куда деть стропорез.

И тут до меня, наконец, дошло — спасена!!!

После чего с совершенно не достойным взрослой женщины писком кинулась на шею спасителю. Не знаю, чего хотела больше, наверно всего сразу — и обнять на радостях, и задушить нафиг, за то, что раньше не появился. Хорошо, хоть режик этот бросить догадалась, а то рвануло б мое счастье от меня куда подальше. На дерево, к примеру. А так прыгнул он навстречу и подхватил на руки, да закружил как перышко. Было так приятно погрузить мокрое от слез лицо в мягкую шерстку и вцепиться изо всех сил, отгораживаясь от мира и всех его страхов.

А вот когда большая часть слез оказалась выплакана (за неимением жилетки прекрасно подошла волосатая подмышка) я вдруг обнаружила что этот негодяй оказывается тоже времени даром не теряет. О чем говорило полное отсутствие одежды и обуви на нижней, и полной расстёгнутости на верхней половине тела. Моего, разумеется. Кадавр и так в любое время щеголял в собственной шерсти да разгрузке. И вот интересно, как он умудрился это повернуть, не переставая успокаивающе гладить меня по голове и ласково рыча на ухо? Впрочем, у него ведь нижние конечности не ноги, а руки, и видать очень ловкие...

Можно было и возмутиться: я тут душу изливаю, а он только об одном и думает, но вместо этого просто ухватила пушистого негодяя покрепче и притянула к себе, заставляя двигаться как можно сильнее. В начале без подготовки было больно, но это ничего не значило по сравнению с возможностью отгородиться от собственного страха мускулистым сильным телом и растворится в нем полностью, без остатка. С каждым движением и вздохом выдавливая из себя пережитый страх и отчаянье. Кроха опять понял меня без всяких слов и, вместо его обычной нежности и ласки, в этот раз показывал свою силу, прижимая к себе грубо и властно ожидая в ответ безоговорочного подчинения.

Это оказалось неожиданно приятно — не думать ни о чем, а только подчиняться чужой воле. Будто и действительно вернулись времена, когда властвовали первобытные сила и целесообразность. Но разве вокруг нас не простирался самый настоящий первобытный лес, в

котором сильный берет то, что считает нужным?

И завершение в этот раз вышло необычным — вместо вспышки наслаждение меня друг пронзило не менее яркое ощущение умиротворения. Будто душа слилась с окружающим лесом и всем живым в нем получив в ответ прикосновение к вечному, но вечному не из-за мертвой стабильности, а непрерывной изменчивости в многих циклах смерти и возрождения. А потом...

Потом я просто поцеловала моего спасителя в нос, за что получила в ответ фырканье в ухо и была облизана от остатков слез. Меня довольно ловко, и главное быстро, самой так не управится, особенно с шнурками берцев, застегнули и одели. Кроха поставил меня на ноги и как ни в чем небывало вернулся к своему жуткому занятию.

Как ни странно, я совершенно спокойно смотрела, как мой дорогой зверь принялся качать из стороны в сторону засевавший клинок и, наконец, получил его в свои лапы. Осмотрел перепачканное в красном лезвие, несколько раз воткнул его в дерн, вытер листом лопуха и сунул в один из своих кармашков. Меня настигло понимание, почему понадобилось столько трудов — лезвие метательного ножа имело точно такую же 'пилу' как и мой стропорез, отчего и засело в металле намертво. И почему-то я даже не ужаснулась произошедшим — а ведь только что стала соучастником убийства и главной его причиной. Да и сама, скорее всего, кого-то все же убила.

Но вместо того, чтобы упасть в обморок, или терзаться муками совести, я спокойно подхватила труп за перевязь винтовки с другой стороны, когда Кроха куда-то его поволок, чем наверняка добавила в свой список обвинений еще и 'сокрытие следов преступления'. Волочь, к счастью, пришлось не слишком далеко. Скоро между деревьев появился просвет и показался злополучный коптер. Кроха негромко рыкнул, показав мне на поваленный ствол, где я с удовольствием расположилась, наслаждаясь закатом и гулом в натруженных мышцах — все же поработать им сегодня пришлось немало. Во всех смыслах.

Кроха тем временем с высунутым языком носился по округе зачем-то затаскивая тела в машину и собирая различные предметы. В том числе, с легкой укоризной во взгляде, принес мне потерянный стропорез и сумочку. Пришлось достать ершик из набора и начать чистить оружие после стрельбы — за что я получила задумчивый взгляд моего телохранителя и одобрительное похлопывание по плечу. Порадовалась, что такая мысль вообще снизошла на мою голову после всех перипетий занятие оказалось удивительно медитативным, под стать закату.

Как раз к моменту завершения не слишком понятных трудов Крохи, процедуру чистки я закончила и даже сдала работу. Этот тиран осмотрел результаты трудов недоверчивым взглядом, даже на миг показалось, что заставит чистить заново, но обошлось. Только открыл пробку на рукояти и долил в нее какой-то жидкости, после чего снарядил барабан патронами, закинул себе за плечи небольшой рюкзачок, и мы двинулись вдоль леса, оставив за собой коптер полный мертвых людей.

Ушли, впрочем, недалеко. Отойдя метров на триста, кадавр совершенно спокойно вынул из моей кобуры револьвер и навскидку произвел всего один выстрел. На краю леса взметнулось на сотню метров пламя. Пуля пробила абсорбционный бак и теперь выходящий наружу водород сгорал ярким разноцветным факелом. Хорошо, что благодаря сорбенту парциальное давление там всего три атмосферы, а то б три тонны водорода наверняка отправили бы нас в короткий перелет. Возможно, что и одним куском, но уж точно хорошо прожаренным. Даже с такого расстояния лицом чувствовался жар, а в радиусе метров

тридцати-пятидесяти сейчас, наверное, даже камни плавятся.

Что ж, вот и решение всех раздумий. С одной стороны, я имела полное право защищаться, но доказать в случае чего ничего бы не смогла — ведь до того, как я вынула оружие и открыла огонь — мерзавцы ничего "такого" не сделали. Даже толковать их слова можно весьма двояко. Надо было, выходит, подождать, пока они перейдут к более однозначным действиям, да вот беда — имея право защищаться, я уже не имела бы такой возможности. А вот после моего выстрела выходит, что защищались уже они. Ага, и пытались задержать напавшую на них опасную преступницу.

Странные изгибы имеет порой путь закона. Но ребята не учли простой вещи — вокруг лес, а в нем, как говорится: 'тайга — закон, медведь — прокурор'. Не спеша скосила взгляд на топающего рядом 'прокурора', а ведь и не сказать, что такая постановка вопроса мне не нравится. И что удивительно, вопросы с 'не таежным' законом он тоже решил. В водородном факеле без следа сторают не то, что человеческие кости, при этих температурах горит железо и плавится платина. 'По закону' будет очень сложно что-то определить и доказать. Это, конечно, если действовать именно 'по закону', но вот почему-то такие мелочи редко когда останавливают большинство его служителей. Попади к ним в лапки, и хрен потом докажешь, что у тебя был до этого момента полный комплект органов, а уж про зубы и речи не идет.

Но это надо еще попасться, а после произошедшего, скорее всего, нельзя будет установить даже сел коптер, перед тем как загорелся, или был сбит и упал. По сплавленному в стекло песку много не нагадаешь.

Но точно лучше рядом с этим местом не отвечивать. И потому мы со всей возможной скоростью драпаем с места преступления. С каждым шагом, между прочим, удаляясь от носителей цивилизации, которые оказывается опаснее любых диких зверей. Вот же ж...

Дальше организм решил взять легкий отдых и перейти на автопилот, но мой тиран не дал — не успели мы пройти пяток километров, как он ухватил задремавшее на ходу тело за шкуру и сунул под какой-то выворотень. И вовремя. Разверзлись хляби небесные и ливанул такой дождь, будто кто-то там наверху, прямо над нами, перевернул как минимум бочку размером с озеро. Я под шум водопада пристроилась было поспать в уголке, но мучитель вытащил мое оружие и таки заставил снова чистить!

Полагалось, очевидно, возмутится — до меня дошло, почему этот негодяй воспользовался именно моим револьвером — ему не понравилась предыдущая чистка и он сделал вот такой хитрый финт, но вместо негодования наружу вылезла совершенно счастливая улыбка. После которой оставалась только с песней — действительно что-то про себя мурлыкала — вычистить ствол до состояния 'блестит как у кота...' эээ, до зеркального блеска, словом. За что получила высочайшее одобрение и ласковый укус за ухо. Кажется, взаимопонимание достигнуто.

Когда дождь перестал, так же резко, как начался, пришлось покинуть уютное гнездышко и топтать дальше. Причем, сразу взяли быстрый темп, двигаясь по краю степи вдоль леса и почти половину ночи. Кроха мало того, что прекрасно ориентировался в темноте сам, так еще умудрился провести и меня так, что за весь путь ни одна ветка не стегнула по физиономии, и ни один корень не подвернулся под ноги. Волшебник лохматый, да и только.

За это время он пару раз настораживался, после чего приходилось некоторое время отсиживаться в каких-то ямах, но в целом весь переход прошел на удивление гладко. И

вопрос ночной ночевки он решил просто обалденно — просто вывернул мой рюкзак, превратив его снова в креслице, и повесил на трехметровых стропах на ветку. Вот ведь выдумщик — теперь никакое зверье до меня снизу не допрыгнет и по ветке сверху не доберется. А перегрызть стропы — не хватит сообразительности. Будем сильно на это надеяться.

С этой мыслью и заснула, а проснулась — от восхитительного запаха свежесваренного кофе...

Блаженный запах наплывал волнами, отгоняя сон. Мне показалось, что всё это — полет в грозу, прыжок со скалы, многие километры, пройденные по лесу и настоящий бой с экипажем патрульного коптера — не больше, чем ночной кошмар. И сейчас дверь в спальню откроется и появится Кроха в крахмальном поварском колпаке и белом передничке. Принесет на подносе утренний кофе в постель и маленькую шоколадку...

В реальной жизни от него такого, конечно, не дождешься. Не то, что колпака с передником, а и кофе в постель — все же он машина, созданная для убийства, защитник и телохранитель, а не прислуга, но ведь это мой сон — могу же я хотя бы во сне немного помечтать, пока запах кофе не развеялся?

С этой мыслью и проснулась. Увы, вокруг все тот же лес, наполненный птичьим гомоном и светом. Потянулась с удовольствием — я опять знатно проспала, и не осталось места горечи от сознания, что я не дома. Утром почему-то все напасти видятся в другом свете. Ну и конечно радостно и тепло на душе стало оттого, что Кроха и наяву оказался рядом.

И запах кофе тоже никуда не делся, заставив мгновенно стряхнуть остатки сна и продрать глаза, пытаюсь рассмотреть, чем это там занять мой любимый зверь. В попытке сделать это поскорее, чуть не сверзилась из креслица, слишком поспешно отцепив пристяжные ремни. Пришлось вынужденно выполнить сложный акробатический этюд, потом немного передохнуть, приводя в норму пытающееся выломиться из груди сердце, и степенно сползти вниз к разожжённому костерку.

Зрелище стоило пережитых волнений — Кроха, изображая из себя эдакого многорукого Шиву, действительно варил кофе. Держал руками над углями обычный прозрачный пакет из-под земляники, в котором бодренько закипала, окрашиваясь в коричнево-черный цвет, вода из ручья. Ногами, или э-э... нижними руками... словом, во второй паре лап, он держал саперную лопатку, положенную в костер. На лопатке как на сковородке бодро поджаривались, приобретая золотисто-коричневый цвет, какие-то корешки, при этом он еще умудрялся мелко потряхивать ручку шанцевого инструмента, заставляя кусочки активно перемешиваться, для более нормализованного вкуса, видать.

На меня этот самодеятельный повар внимания практически не обратил, только развернул в мою сторону оба уха, да бросил задорный взгляд, на секунду оторвавшись от своего колдовства. Но такое пренебрежение я ему сразу простила — запах экзотического блюда, столь удивительный здесь, посреди этого леса, скорее всего никогда не знавшего ноги человека, совершенно лишал воли.

Но увы, прерывать повара явно не стоило. Потому, протанцевав от нетерпения вокруг костра австралийский танец ниспослания дождя, я поняла, что танцую не только от желания срочно напиться чудесного напитка. Ну и удалилась в ближайшие кусты для завершения утреннего ритуала единения с природой. Там, с полным ох... удивлением, обнаружила небольшую ямку тридцать на сорок сантиметров. Аккуратно снятый дерн лежал рядом, а на нем красовалась стопка примерно из двадцати листиков подорожника. В предназначении таинственного углубления сомневаться не приходилась, и оно послужило источником философских мыслей о том, что так ли многое дала нам цивилизация, если и без нее можно

прекрасно устроиться с комфортом, приложив к тому самый минимум усилий. Завершив утренние процедуры умыванием в светло-желтой, но изумительно прозрачной воде ручья и мытьем рук песком из него же, с максимальной скоростью рванула к своему кофе.

Чашечка чудо-напитка, а в качестве посуды Кроха приспособил свернутый металлический набалдашник от той же самой саперной лопатки, дожидалась меня. Стоя на столике в виде пенька на листке лопуха вместо блюда. Но кто обращает внимание на сервировку? Тут самое важное — содержимое!

Первый глоток прошел 'на ура', второй проскочил еще быстрее, а вот третий я задержала во рту, решив посмаковать и заодно понять, чем же меня напоило это чудовище?

Мысль, что отправляясь за мной на поиски, кадавр банально прихватил с собой пакетик молотого или растворимого кофе, оказалась в корне неверной — вкус заметно отличался, да и запах, если тщательно принюхаться, тоже был несколько другой. Напиток — явно заваренный, тут двух мнений быть не могло. Вкус мало походил на то, что случалось пить в дорогой кофейне, где цена одной чашки равнялась четверти месячного заработка бедной журналистки, перебивающейся случайными подработками.

Да, да, время от времени, или по рабочей необходимости, я вполне могла себе позволить забыть про желание быть независимой и посибаритствовать за материн счет. В конце концов, глупо отказываться от новых впечатлений только из одной гордости.

Так вот, до кофе, который привозили в мешках из натуральной кожи, чтобы защитить зерна и сохранить естественный запах, творению Крохи было далеко. Как, впрочем, и до дорогого растворимого напитка вроде 'Пеле'. Но вот сравнение с продукцией большинства автоматических кофеварок, или тем, что варили в разнообразных забегаловках, было уже не в пользу последних. А главное заключалось даже не в этом. Просто действие странного напитка на просыпающийся организм сравнить, пожалуй, и не с чем. Может это, конечно, самовнушение, или влияние свежего воздуха, но от каждого глотка весь организм буквально продергивало, наполняя все клеточки энергией. Нечто подобное я испытывала только раз, когда одна большая любительница напоила меня напитком собственного приготовления.

Она потом долго смеялась над моим взъерошенным видом и объясняла, что даже из самого дорогого кофе при сушке извлекается кофеин. Так требует закон. Слишком велика потребность медицины в этом продукте, и если есть желание почувствовать, за что любили кофе три века назад, то надо пить только такой — из смелотых зеленых зерен, которые избежали этого цивилизованного варварства.

Вот теперь я и размышляла, держа в руке обернутую лопухом металлическую 'чашечку' — где это кадавр умудрился найти необжаренные зерна кофе, ведь в этом климате он, кажется, не растет... И уж точно не растет в лесу. Впрочем, те корешки, которые он уже закончил жарить и теперь ссыпал в кулечек, наводили на определенные мысли своим запахом. Ну и бог с ним, пусть это какой-то суррогат, но если он пахнет как кофе, на вкус похож на кофе, и уж тем более превосходит по тонизирующему эффекту почти все, что я до этого пила — буду называть его кофе.

К слову, надо будет потихоньку подсмотреть, что же за корешки накопал мой спутник — большинство моих знакомых вряд ли просекут разницу. Да и на таком заменителе, наверное, можно заработать неплохие деньги...

Мысль о деньгах среди окружающей природной красоты почему-то оставила неприятный осадок, который пришлось смывать глотком кофе — последним. С сожалением отставила пустую "чашку", с вождением поглядев на еще более чем на половину полный

пакет, из которого Кроха набирал порцию себе. Мне вторую чашку он не предложил. Ну, и не стоит ожидать от него излишней предупредительности, спасибо хоть за то, что позволил выпить эликсира первой. Или это он так на токсичны проверял?

Слегка в отместку, давая выход бурлящей внутри энергии, начала делать зарядку, вспоминая движения из, казалось-бы давно забытого комплекса и стараясь плавно перетекать из одной суставывыворачивающей позы в другую. Все это время чувствовала на себе заинтересованный и удивленный взгляд зверя. Может, за такое показательное выступление догадается еще чашечку налить?

Рукодрожжество и ногомашество закончилось нетривиально — меня скрутил натуральный приступ голода. Современный человек с таким практически незнаком. Максимум, что ему известно, это небольшое сосущее чувство, если закрутился и пропустил ланч. Поэтому, когда встречается упоминание 'свирепого голода', вряд ли кто понимает, о чем на самом деле идет речь. Как не понимала и я. До последнего момента.

Казалось, внутри живота возник страшно свирепый зверь, вцепившийся во внутренности, или сами кишки вдруг превратились в ненасытного змея, принявшегося скручиваться внутри в узлы, буквально высасывая все вокруг.

Это, видимо, после действия стимулятора организм вспомнил, что практически сутки ничего не ел, а только бешено сжигал калории в борьбе за выживание. За нервным напряжением до последнего момента о голоде не вспоминалось, но стоило расслабиться и...

Жутко себя чувствовать, когда из цивилизованного человека превращаешься просто в очень голодного зверя, готового вцепиться зубами в кусок сырого мяса. Да что там мяса — готов перегрызть кому угодно горло, чтобы добраться до еды, и даже вид собственной ноги наполняет рот слюной!

— Кроха, миленький, очень кушать хочется. Поймай хоть птичку, хоть рыбку... Я даже на мышку согласна, и вообще на что угодно! — Как можно жалостнее пролепетала я, держась руками за живот, в котором началась нешуточная война. Очень надеялась, что жалобный тон объяснит всю плачевность моего состояния и побудит кадавра тут же найти мне хоть какой-то еды.

Последний расчет оказался верным. Кроха задумчиво и оценивающе изучил мою скорченную фигуру — пришлось изобразить самую жалобную из известных гримасу, кивнул самому себе, явно соглашаясь с какими-то своими тайными мыслями, ободряюще мне оскалился и бодро рванул к ручью, где что-то быстренько прополоскал. И приволок назад еще один кулечек полный водой.

А вот в кулечке... У меня даже голод прошел от ужаса, который увидели глаза, правда всего на пару секунд, а потом живот снова скрутило, правда, уже непонятно от чего — голода или отвращения.

— Кроха, миленький... я же не птичка... и не рыбка... — пробормотала я, стараясь отодвинуться от своего благодетеля и страшного кулька. — Ну как это можно есть?!

Кажется, последняя фраза прозвучала несколько панически. Впрочем, кадавр понял ее скорее как вопрос и в натуре, блин, показал 'как это надо есть'. То есть закрыл одной лапой себе глаза, вторую сунул в кулек и выхватив от туда белесого от воды дождевого червя. Без увеличительных свойств воды тот стал гораздо меньше, но я бы не сказала, что намного менее противным. И положил себе его на язык. Глотнул, не жуя, и быстренько запил блюдо 'кофием'. После чего мерзавец довольно улыбнулся и умильно похлопал себя по выпученному животу. Дескать — 'вкуснятина, чего ты брыкаешься?'

Как ни удивительно, все увиденное не вызвало рвотного спазма, но я все равно продолжала отползать дальше, упрямо отказываясь от такого деликатеса.

— Нет-нет! Это я есть не смогу...

Кроха грустно посмотрел, как я мотаю головой из стороны в сторону, на манер сноровистой лошади, и с тоскливым вздохом лег на спину, скрестив руки на животе. А потом еще и морду набок свернул, вывалив язык до земли для полной убедительности.

Вот негодяй! Смысл пантомимы был понятен даже слишком — другой еды все равно нет, так что остается только лечь и помереть.

Некоторое время пришлось разрываться между душевной дрожью и настойчивыми требованиями желудка, но тут наглый телохранитель перестал изображать из себядохлую тушку и довольно бодренько подскочил ко мне сзади, закрыв лапой глаза. После некоторого колебания рот открылся сам собой и мне на язык положили что-то вроде холодной и скользкой спагеттины, которая тут же была проглочена и запита кофе. Как ни странно, но такое надругательство над организмом прошло без последствий. Желудок не сделал и малейшего намека на желание вывернуться наизнанку, чего я от него откровенно говоря ждала, а вместо этого с довольным рычанием набросился на добычу. Пришлось горестно вздохнуть и, хлебнув для храбрости еще кофе, снова открыть рот.

Удивительно, но с закрытыми глазами дело пошло очень даже неплохо. Где-то с пятого-седьмого я уже сама начала вылавливать добычу из кулька и зажмурившись отправлять 'спагеттину' в рот и на встречу с желудком, запивая все это хорошим глотком 'кофейной' горечи. Слава богу, хоть жевать это не требовалось.

Где-то на двадцатом червячке желудок заявил, что, наверное, хватит. В том смысле, что он может быть и съел бы еще чего, но червяков с него точно достаточно. Я была полностью с ним солидарна и допивала вторую чашку, наблюдая, как Кроха подметает остаток "спагетти", лакая остывший кофе прямо из кулька.

Постепенно настроение начало опять подниматься. В конце концов очень многие платят совершенно бешеные деньги, чтобы поесть куда более противные на вкус экзотические блюда, а меня тут сегодня и с утра кофеом напоили, и экзотикой накормили до отвала. И все это даром, и от чистого сердца. Какого рожна мне еще не хватает? Чур, меня, чур — надеюсь до рожна дело не дойдет...

После пятнадцатиминутного отдыха я сама себе приказала вставать и собираться в дальний путь. Креслице, впрочем, Кроха мне снять помог. Пристроив себе на плечи рюкзачок, я с любопытством уставилась на небольшую поклажу моего спутника:

— Можно мне узнать, что там у тебя? — спросила я как можно безразличнее.

Мысли, как бешенные закрутились в голове. А ведь Кроха специально шел меня искать! Может, он захватил что-то полезное? Может, визоры?!

Кадавр глянул странно, склонив голову к плечу, и вздохнув, благосклонно решил удовлетворить мое любопытство, пока я скромно стояла, полностью готовая к отправлению, словно меня не так и сильно интересовало, что там у него.

Минуту покопавшись в своем рюкзаке Кроха выволок оттуда на божий свет... упаковку гигиенических тампонов и пачку прокладок! Почти пустой вещмешок осел у его ног сдувшимся шариком. Видимо, искать в нем больше нечего. А я стояла, пламенея ушами и не зная, как относиться к такому проявлению заботы. Отправляясь в погоню за улетевшим паропланом, звереныш не взял почти ничего, даже средств связи и еды, или котелка! Прихватил только оружие и эту лопатку, хотя может, и ее он у патрульных затрофеил? Но

про некоторые особенности женского организма он не забыл. Чудеса.

Оставалось только смущенно взять протянутые тампоны и сказать 'спасибо'. Прокладки он почему-то не отдал, а я не стала настаивать. Только удалившись в густые заросли, призналась себе, как благодарна своему спасителю. Организм и раньше работал как часы, вот и сегодня никакой стресс не помешал прийти 'счастливым' дням. Какое счастье, что не придется, подобно древним женщинам использовать пучки мха, или еще чего-то в этом роде!

По возвращении назад, Кроха меня снова удивил — заставив снять ботинки и сменить носки. Свежая пара чудесным образом обнаружилась в его вещмешке, старую он макнул в золу от прогоревшего костра, наскоро прополоснул и пристроил сверху снова превратившегося в рюкзак креслица. А вот прокладки он приклеил в ботинки под стельки. Я так и не поняла зачем, но решила попусту не возражать. К чему? Он явно знает, что делает. На место костра и отхожей ямы был положен снятый ранее дерн, и мы двинулись в дорогу.

Топали до самого обеда, а может и дольше, то срезая приличные куски пути по степи, едва не теряя из поля зрения полосу леса, то снова углубляясь в чащу. Под конец Кроха почти сдался, он и так уже часа полтора плелся все медленней, не потеряв обычной настороженности, но явно сохраняя бодрый вид через силу. Поэтому, когда на очередном заходе в лес нам встретился широкий ручей, он плюхнулся в него по-собачьи лакая воду и загнанно поводя боками. А после не выказал ни малейшего стремления идти дальше.

До меня дошло, что он сильно перегревался на солнце. Не удивительно, в такой-то шубе! Пришлось делать привал, впрочем, особых хлопот это не потребовало — просто скинуть рюкзак и подобрать место для седалища в тенечке. Кроха тоже выполз из ручья и устроился на травке, тоскливо на меня поглядывая и поглаживая свой впалый животик. Вот ведь каков негодяй — это, что выходит? Теперь я должна его чем-то покормить? Хорош добытчик, ничего не скажешь!

Хотя нельзя сказать, что он не старался... Еще утром он набрал в ручье гольшей и всю дорогу развлекался, пуляя ими в снующую мимо живность. Сновать-то она сновала, на отсутствие жизни окружающий лес не жаловался, но вот только все живое весьма четко понимало, на какое расстояние можно подпускать к себе неизвестных пришельцев. Гольши, запущенные Крохой, летели сильно и довольно точно, в отличие от моих. А как же! Чтобы я да не поучаствовала в развлечении?! Но даже кадавр кидал камешки недостаточно быстро. Мишень вполне успевала осознать, куда направляется брошенный предмет, и удалиться из этого места в другую точку пространства.

Я подкинула ему одну идею, и Кроха соорудил из стропы и куска ткани пращу. Теперь камни начали лететь быстрее, и времени на их поиск тоже стало уходить гораздо больше. Вот, пожалуй, и весь результат. К слову, с пращей удалось научиться обращаться даже мне — снаряды начали попадать сильно и точно. Но увы, исключительно по неподвижным мишеням, подвижные же — по-прежнему от наших метких выстрелов презрительно уклонялись. Так что, в охоте по ходу передвижения результатов пока не было.

Меня терзали смутные сомнения, что единственной причиной неудач... являюсь я. Кроха вполне способен догнать того же зайца. Сложно недооценить скорость, с которой двигался кадавр, но гнать добычу пришлось бы несколько километров. А за это время кто-то вполне мог подзакусить уже мной.

Мог он и подстеречь, скажем, белку, но долгое скрадывание несовместимо с необходимостью двигаться к людям. Да и если быть честным — успеху охоты из засады

опять же вряд ли способствовало наличие рядом такого шумного существа как я. Думаю, такие сложности вполне преодолимы — в конце концов, готова приложить все усилия и научусь-таки пользоваться пращей, но кушать хотелось здесь и сейчас. И добывать еду, по мнению мохнатого мерзавца, теперь моя очередь.

Ну и ладно. Могу я, в конце концов, побыть неблагодарной стервой, раз и звезды к тому располагают? Потому пробормотав: 'сейчас мой миленький', я под озабоченным взглядом спутника прихватила лопатку и отправилась на берег ручья, вершить свою мстю. К моему возвращению Кроха успел развести костерок и сварить свой волшебный напиток — к месту нашей стоянки теперь можно было выйти по одному запаху. К слову, он разнообразил состав корешков, и теперь в аромате явственно чувствовались нотки земляники и еще каких-то ягод.

Ну и тут ему пред ясны очи явились результаты моей 'охоты' — полный кулек перемазанных в земле червей, ну а кто еще бегаёт достаточно медленно? Вот-вот.

Увы, мстя не удалась. Увидев мою добычу защитничек радостно подпрыгнул, лизнул меня в ухо, а затем в нос и кинулся вылавливать из кулька самый жирный экземпляр, похожий скорее на тонкую сигару. Он и поступил с ним как с сигарой, в смысле — перед употреблением аккуратно оторвал кончик, потом, правда, выдавил все содержимое, как из тюбика, протянув между пальцами, и отправил слабо шевелящуюся плоскую трубочку себе в пасть. Глотнул и, даже не запивая, схватил следующего. Я и глазом моргнуть не успела, как он уполовинил кулечек, откинулся, довольно погладив себя по пузу, выдул залпом чашку 'кофию', и с сомнением поглядел на меня.

Тут же решительно забрал кулек и сбегал к ручью, поздновато поняла, с чего бы это он полоскал остальную часть — меховой шарик уже прискакал назад с мытыми от земли червяками.

И тут я полной мерой познала суть поговорки — 'не рой другому яму, он сделает из нее окоп'. Не доверяя мне столь ответственную операцию, Кроха мигом оторвал кончик от червяка и выжал из него содержимое. Оставалась только зажмуриться покрепче и открыть рот, дабы полной мерой ощутить вкус мести...

В принципе, все было не так уж и плохо, приобрелась, видимо, некоторая привычка. Правда в этот раз червяки шевелились, и приходилось их глотать поскорее, но вместе с землянично-кофейным напитком проскочили на ура. Сравнивая оба рецепта приготовления нашего основного блюда первого дня, с уверенностью могу сказать, что Крохин вариант был лучше, а мой — быстрее.

Но все же его червяки, после вымачивания в течение пары часов в воде, при употреблении хотя бы землей на зубах не скрипели.

А рецепт кофе я у него все-таки выведала. И дважды надиктовала на камеру, которая все еще была на мне. Ох боюсь вырезать лишнее теперь точно придется самой. Так вот, вышел вполне нормальный эпизод из «Готовим с...»:

— Дорогое зрители, все очень просто. Ищите такие желтенькие цветки, на трубчатом стебельке, которые на срезе выделяют белую жидкость. А если они уже созрели, то вместо цветочка на стебельке будет такой беленький шарик из парашютиков для семян. Их очень весело и забавно сдувать. Это на тот случай, если как истинное дитя асфальта, Вы ни разу в жизни не видели одуванчиков.

Выкапываете их вместе с корешком. Корешок моется, чистится и режется. Кусочки подсушиваются, затем обжариваются до светло-коричневого цвета. Перетереть двумя

гольшами и заваривать. А для придания вкуса и пикантности напитку рекомендуются прогулки не менее тридцати-сорока километров в день. К слову, помимо похожести на кофе, этот напиток заменяет целую аптечку всевозможных патентованных стимуляторов и иммуномодуляторов, которой все равно нет под рукой. Приятного аппетита!

Кроха поглядывал на меня скептически, пока я начитывала это сообщение, разве что пальцем у виска не крутил, а сам колдовал у костра.

И каково же было мое удивление, когда в итоге на листочке лопуха передо мной положили три почерневших крупных и очень ровных камешка. Боясь ошибиться, я смотрела на своего телохранителя с неммым вопросом, боясь прикоснуться к подношению, потому что разочароваться страшно не хотелось. Кадавр пожал плечом и развел руками, четко пояснив, что больше нету.

Дурачина, я-то совсем не о том спрашивала. Затаив дыхание, я стукнула один из овальных камней, величиной с обычное куриное яйцо — о камень. И о чудо! Это и было яйцо. Похоже, Кроха умудрился обокрасть какую-то птичку.

У меня даже слезы выступили на глазах, когда я ела горячее содержимое. И только доев его до конца, вспомнила о добытчике. Второе яйцо очистила для него, и, несмотря на вялое сопротивление, засунула сама ему в пасть. А третье, последнее, с общего молчаливого согласия, оставили про запас.

Видимо удача сопутствует человеку через день. Вчера была светлая полоса в жизни, а сегодня с утра всё как-то не заладилось. Я проснулась на рассвете бодрая и полная сил продолжать путь на восток, но кадавр уверенно потянул меня куда-то вправо. После долгого перехода, перевалив через пару гор, ну или больших холмов, мы вошли в не слишком густой лесок, а буквально через сотню метров лес расступился, и впереди за полосой заросшего травой пространства открылся вид на далёкую опушку леса, состоящего из широколиственных исполинов. Что-то было неправильное в этом месте, но что — с ходу понять сложно.

На опушке обнаружился приметный пенек. Кроха подошёл к нему и погладил лапой ровный срез. Срез! Это же люди спилили! А рядом — кострище, хотя я с уверенностью бы точно не определила давно оно здесь, или несколько часов. Вот незадача. Встречи с людьми я теперь опасалась не меньше, чем со зверьем.

А спутник мой понюхал остывшие головешки, примятую траву рядом — и видимо что-то учуял. Если рассуждать логически то, наверное, кто-то был тут совсем недавно и что-то тут готовил. Господи, как же жалобно он смотрит. Опять разыгрывает беспомощность, чтобы я его кормила! Похоже, ему понравилась эта игра. Хотя, он ведь существо из пробирки, совершенно беспомощное в диком лесу. Создание мира городов и... моря, рыболов. Здесь, вдали от бескрайних просторов солёной воды он двое суток шел ко мне по зову заложенного в него инстинкта и голодал...

Интересно о ком это я подумала? О кадавре! О прирожденном убийце, запросто уничтожившем экипаж патрульного коптера, сумевшем среди дикой природы найти из чего приготовить кофе!

Недаром сказано: 'привязанность закрывает человеку глаза'.

Ладно, раз он хочет, чтобы я искала ему еду, найду. Но потом — настанет его очередь!

Я стала оглядываться вокруг, присматриваясь к местности и думая, чем бы его удивить. А заметив на опушке очень приметные кустики, радостно подхватила. Скорее в

черничник, подкрепляться! Ой. Пусто. Какая-то пушистая мышь копошится с краю. Точно, тут есть еще несколько ягод. И вот ещё. Жалкая горсточка на дне ладошки.

— Кроха, поешь, ты, наверное, очень голодный. Зря ты отказался от половинки печеного яйца.

Умилительно благодарный взгляд, один глоток, и все провалилось куда-то внутрь. Кроха фыркнул, лег на землю и выразительно погладил живот, намекая, что неплохо найти что-то посущественнее. Конечно, эта малость не способна насытить такое тело. Хм. Тогда что?

Морковка. Я её вчера видела на привале с теми первыми ребятами. Точно, вот похожая ботва. И запах. Жалко, что я тут не первая хозяйничаю, и кто-то уже вырвал из земли самые крупные корнеплоды. Рядом остались только несколько совсем маленьких, похожих на крысиные хвостики. Крохе их хватило на два хрума. И снова жалобный взгляд.

— О червяках забудь, — строго произнесла я, — невозможно ими питаться постоянно!

Видимо, и Кроха бы с этим согласен, потому что добродушно кивнул и снова похлопал по животу — ищи, мол, дальше. Вот ведь негодяй!

Я принялась ходить расширяющимися кругами, внимательно глядя себе под ноги и пытаясь оценить съедобность увиденного. Кадавр лениво наблюдал за моими передвижениями, грызя травинку. И о чем думает, интересно?

Вот, какие-то стручки на плетях, опутавших густой кустарник. Похожи на горох, но я не уверена, что это действительно он. Зато, птицы точно уверены в его съедобности — много расклёванных в лохмотья пустых стручков висит тут же.

Вылушила несколько зелёных шариков и отведала. Точно. Самый настоящий горох. Этот вкус мне прекрасно знаком. Неподалеку от моркови. Как интересно! Но сначала — позвала Кроху.

Пока мы 'паслись', Крохе зелёный горошек пришелся по вкусу, а я раздумывала над странностями этого места. Пень, овощи, плотно лежащие на земле стволы, в щели между которыми пробивается трава... Так, однозначно здесь кто-то и когда-то жил, просто сейчас дом сгнил и обвалился, а огород одичал и из последних сил сопротивляется натиску местной флоры. Ну конечно, вот же прямоугольный холм, размерами похожий на сарай, а рядом покосившийся столб забора, который легко принять за сухостой.

Глаз 'ухватился' за местность и 'прочитал', где в действительности должны находиться грядки. Как раз здесь закончились гороховые стручки, и я поняла, в каком месте следует теперь поискать пропитание. Увы, ни картошки, ни свёклы тут не оказалось, хотя одно растение с очень мясистыми листьями оправдало мои ожидания — явно какой-то родственник салата, который в нашем цивилизованном мире называют Пекинской капустой. Весело похрустели. А голова продолжала рассуждать на продовольственные темы. На опушке леса располагалась ферма, но ведь не для того, чтобы возделывать овощи, жили здесь люди! И рядом отличный свободный от леса ровный участок.

Мы вышли на открытое пространство и обратили свои взоры на траву, которой оно заросло. Среди множества длинных стеблей, ничем не привлекательных с гастрономической точки зрения, встречались и невысокие, по пояс, растения, увенчанные колосьями. Тяжеловесными, тугими, набитыми крупными зёрнами.

Я рвала колоски, а Кроха подставлял лопушки, куда складывалась добыча. Но нас скоро прервали. Кроха вдруг шлепнул меня по мягкому месту, и, не успела я опомниться, как оказалась в густых зарослях. Кадавр ловко взлетел на дерево, подал лапу и помог мне

вскарабкаться в ту же развилку, поддержал. А теперь я уже и сама почувствовала опасность. Ждать пришлось недолго. Скоро мы увидели шерстистую гору мяса размером с грузовичок, проследовавшую мимо нас деловитой трусцой. Шерстистый носорог шёл по своим делам, оставляя за собой полосу лежащей травы.

Но чувство опасности никуда не ушло — стая волков следовала по пятам за гигантом. Пара взрослых особей и четыре щенка-подростка то и дело выхватывали что-то из травы. Видимо этот, не побоюсь этого слова, каток, навёл панику на мелкую живность, а 'сопровождающие' пользовались кратким периодом неразберихи в мире грызунов, кормясь в момент, когда внимание зверьков отвлечено.

Зерна из колосьев не выбивались. Я их выдавливала круглой палочкой, действуя ею на манер скалки, заслужив одобрительный взгляд телохранителя. Сами зерна не были твёрдыми, и легко раздавливались, слипаясь в тесто. Когда Кроха умудрился развести огонь и положить в пламя плоский камень, я не заметила, но, едва лепёшка оформилась, сразу положила её печься. Чуть погодя перевернула парой прутиков. Одним словом, завтрак, начавшийся спозаранку, мы сытно завершили около полудня. Назвать приготовленный хлеб вкусным — не отважусь. Пустой, пресный, но очень сытный, он пришёлся как нельзя кстати. В награду за труды, Кроха все же заварил нам по чашечке своего чудо-кофе, раздобыв где-то воды.

А потом мы отправились дальше, и я надеялась, что на восток. Пусть и терялась в определении сторон света, а вот спутник мой похоже четко знал, куда следует идти. Передвигался на четырёх лапах и был сейчас похож на настоящего и очень опасного зверя. Не медведя, а скорее тигра — ведь и расцветка подходящая...

В городе, среди людей, он чаще ходил на двух ногах, хотя это скорее всего объяснялось необходимостью иметь хотя бы одну конечность свободной для оружия. Здесь же, несмотря на всякие ремни с ножами и пистолетом, он выглядел своим среди дикой природы. Обычным зверем... нет, не обычным. Хозяином. Настолько уверенной выглядела неспешная поступь. Чуткие уши, поворачиваясь в разные стороны каждое само по себе, казалось, слышат каждый шорох.

Вот он замирает, а я уже сама чую, что туда не стоит ходить.

— Там опасность, малыш, — говорю поспешно, чтобы его опередить. — Не знаю, какая, но лучше её обойти.

Одобрение в огромных глазах пополам с удивлением были приятной наградой. Но хитрец решил видимо отыгаться — уселся и скрестил руки на груди, выжидая, как я предложу действовать. Мол, если такая умная, говори, что делать, а я погляжу. Надо же, какой мерзавец!

— Э-э, — оглядываюсь вокруг, поспешно выискивая укрытие, — заберёмся на дерево!

Таких, на которые легко взбираться, здесь нет. Но кадавр в два счета вскарабкался вверх по указанному мной гладкому голому стволу и перешел на ветку. Раз не стал больше выжидать, видимо опасность уже слишком близко. Двигаясь к концу ветки, он заставил её согнуться так, что, подпрыгнув, я смогла ухватиться, отчего та опустилась еще ниже и, оттолкнувшись ногами от земли, взгромоздилась на неё животом. Несколько негимнастично, однако весело и непринуждённо. Потихоньку перебралась ближе к стволу, опираясь на который, встала и поднялась выше. Прижатая сильной и мягкой лапой к боку своего охранника, я успокоилась. Кажется, нам тут ничего не грозит.

Чуть погода ниже показался слоносвин. Кошмар, убивший Глеба. Я затряслась и буквально вжалась в плотную шерсть своего защитника. Нет, сидели мы достаточно высоко, но наше дерево показалось мне слишком тонким и гибким. Зверь остановился под ним, принюхался, вода во все стороны свиным рылом, а потом принялся что-то объедать с высоких кустов, которых вокруг полным-полно. Нам пришлось полчаса выслушивать скотское чавканье, пока зверюга не отправилась дальше.

Чувство опасности ушло, и Кроха позволил мне спуститься. Разглядев, чем питался гигант, я озадачилась. На высоких травянистых растениях висели гроздья загогулин, размером с половину пальца. Практически все они оказались уничтоженными — только хвостики торчали, но оставшиеся несколько штук видом походили на лилипутские бананы. И вкусом. Мы с Крохой отлично подкрепились.

Вечером, когда нашлось вполне подходящее место для ночевки, я заявила-таки Крохе, что кормить нас теперь его очередь, на что в ответ он мне ясно показал очередной пантомимой, что в таком случае обустройство лагеря на мне. Так как подходящих деревьев не было, решила сделать палатку из парашюта. Пока растягивала купол, формируя укрытие, кадавр пропал. Видимо и правда, пошел добывать еду.

Натаскав сухих листьев для подстилки и сучьев для костра, я вдруг сообразила, что у меня нет зажигалки. На всякий случай в сотый раз перетряхнула сумочку, но ничего подходящего там не сконденсировалось. Как вчера разводили огонь беглецы с ГОКа, я не видела. Как не видела и того, каким образом разжег костёр Кроха сегодня утром. А мне хотелось поджарить прихваченные лилипутские бананы на ужин. Ну, для разнообразия. Очень боялась, что Кроха опять заставит глотать червяков — с него станется!

Кричать, окликая спутника в притихшем сумеречном лесу не хотелось — сама не пойму, откуда во мне вдруг появилось столько всяких предчувствий, но они ещё не подводили. Оставалось либо ждать, когда кадавр завершит свои дела, либо справиться самой с разжиганием костра, и доказать наглому зверенышу, что я — взрослый человек, в конце концов, и многое умею. Неужели не соображу, как заставить дрова загореться.

Ещё раз перерыла сумочку. Духи-спрей должны легко воспламениться, они ведь на спирту. Только чем высечь искру? Принялась выскивать камни, и постукивать ими друг о друга. Как-то не очень-то они сверкают при соударениях. Вернее, вообще никак. Говорят, для этого требуется кремень или ещё какой-то специальный минерал. Камень огня. Точно — пирит. Он так и назван. А перстенёк с пиритом — вот же он. И пилочка для ногтей. Выходит, все нужное чтобы не мерзнуть по ночам благополучно таскала все это время с собой? Растяпа.

Попробовала высечь искру — отлично. Несколько минут потребовалось на то, чтобы приготовить растопку и приспособиться пшикнуть и высечь искру одновременно. Но духи даже не подумали загораться. Вот не везёт! Зато сноп ярких горячих звёздочек получается отменно. Попробовала воспламенить по очереди носовой платок, бумажную салфетку, пакетик которых нашёлся в сумке, непонятные крошки, вытряхнутые из кармана и труху с древесного ствола. Успех пришёл ко мне, когда я насобираала пух с нескольких крупных одуванчиков.

Едва костёр весело разгорелся, охранничек мой тут как тут. Явился с добычей. Оценивающе оглядел мой костерок и импровизированную палатку и остался доволен. Только потом предъявил на гладком, словно лакированном листе каких-то слизняков.

— Фу, какая гадость! — Вырвалось невольно. — А я-то все думала, что может быть хуже червей?!

Заслужила укоризненный взгляд телохранителя и была бесцеремонно отодвинута от костра. А поджаренные на раскалённом камне, пахли они съедобно, и на вкус оказались вполне приличны, а также весьма сытны. Крохе даже уговаривать меня не пришлось, съела как миленькая.

В целях экономии решила, что бананами мы позавтракаем.

Следующий день был одним сплошным переходом. Мы все шли и шли, а в какую сторону, я уже не особо понимала. Доверилась Крохе. Периодически нам приходилось залезать на дерево, точнее — мне. Кроха в таких случаях неслышной тенью скрывался в кустах — и разведывал обстановку вокруг.

Кроме бананов, с утра во рту не было ничего, но, по крайней мере, мы нашли грибы и набрали целый пакет. Но останавливаться не стали. Все шли и шли, пока кадавр на что-то не набрел в лесной чаще. Меня туда не пустил, заставив обойти это место по широкой дуге. Ну и ладно, любопытства не было, как ни странно. Мечтала я только о скором отдыхе и хоть какой-то еде.

Потом лес незаметно перешел в болото, и тут Кроха оказался незаменим. Четко указывал мне, куда ставить ногу. Петляли мы по нему долго, пока к моей радости не оказались на твердой почве.

Идти стало легче, но я уже чувствовала, что надолго меня не хватит. Отдых был нужен, как воздух!

К вечеру, то есть спустя еще часок, мы совсем выбились из сил, когда внезапно вышли к небольшому водоему. Желания готовить ужин не было совсем. Хотелось просто упасть там, где стоишь и заснуть. Кроха, впрочем, так и сделал. А я опустилась на землю на берегу прекрасного лесного озерца, смотрела на закат вдаль над пушистыми верхушками потемневшего леса, да просто отдыхала, сидя по-турецки. Даже купаться не хотелось — хотя полдня я только об этом и мечтала. Рядом возвышалась скала, повернувшись к нашей полянке ровным поросшим мхом боком, словно стенкой отгораживая от правой части леса.

Судя по всему, заниматься приготовлением ночлега опять предстояло мне. Ну не то чтобы опять... Скрипнув зубами, я бросила взгляд на Кроху, успевшего перевернуться на другой бок, передвинула под дерево рюкзак и принялась за дело.

Дерн. Надо срезать. Легко сказать, вообще-то. Забрав возле бесчувственного тела защитника лопатку, пошла рыть ямку для костра. Возилась долго, пока приспособилась, но в итоге всё вышло. Пласт земли вместе с дерном лежал в стороне, а ямка получилась — хоть и кривоватая, но вполне подходящая. Хворост собирала, не углубляясь в лес, благо сушняк вокруг вполне хватало. Потом сидела возле ямки и измельчала щепки — хоть какой-то отдых гудящим ногам. Как уж кадавр не проснулся от этого треска, не знаю. Сложила веточки точно так же, как делал Кроха, из оставшейся кучи сухих веток сделала вполне ровненькую вязанку хвороста, даже перетянула ее веревкой зачем-то.

Все было готово, но я не спешила разводить огонь. Да и потом — что есть-то? Все наши запасы состояли из целого пакета желтеньких грибов. Если не ошибаюсь, в народе их называли лисичками. Что с ними делать, я не представляла, да и можно ли есть — тоже. Так что честно вымыла в озере все грибочки и разложила на просушку, без особой надежды, что придется их отведать.

Быстро темнело, а у меня даже не было готовой постели. А этот предатель все еще дрых. Попробовала повторить его финт — привесить рюкзачок в виде креслица на стропах к ветке. Потерпела неудачу, да еще сорвалась с дерева, хорошо еще, высота была небольшая.

У меня уже слипались глаза, желудок даже не реагировал на воспоминание о еде, так что решила просто сделать палатку из парашюта и наплевать на все. Однако, интересная мысль, заставила оторваться от вынужденного уже парашюта и отправиться вокруг скалы на разведку. Дело в том, что, когда чуть ранее искала себе местечко для своих неотложных дел, видела издали в нашей скале какую-то щель.

Страшно было огибать каменную стену, но оно того стоило, совсем близко нашлась трещина, расширяющаяся книзу. В самом низу, стоило отогнуть кусты, можно было вполне проползти внутрь, даже не лежа, а на четвереньках. Жаль, темно так, что рассмотреть, что там внутри, не представлялось возможным. Колени болели оттого, что пришлось опуститься на острые неудобные камни, устилавшие все вокруг. Да еще Кроха испугал до полусмерти, внезапно появившись сзади.

Отодвинув меня в сторону, он в мгновение ока скрылся в дыре, и некоторое время оттуда слышалось только пыхтение и какой-то перестук. Появившись снова, потянул меня обратно на поляну, где уже весело потрескивал костерок. И опять я не увидела процесс зажигания.

Грибочки были целиком изжарены на лопатке, из громадного кулька вышла их едва по две столовых ложки на брата, зато вкус просто изумительный. Вместе с напитком на этот раз больше напоминающем лекарственный сбор от кашля, чем кофе, ужин показался мне все-таки вполне сносным. Даже отсутствие соли не смогло испортить настроения.

Кроха еще некоторое время после еды не пускал меня к щели, зато, когда все закончилось, я была вознаграждена за ожидание.

Внутри скалы оказалась весьма вместительная пещерка, а благодаря кадавру — там появилась и мягкая постель — из еловых веток и какой-то мягкой травы. Поверх был брошен парашют, делая кровать еще и похожей на что-то цивилизованное.

Боюсь, я уснула, едва пристроившись на этом удивительном ложе, предоставив Крохе убирать все после ужина, и заботиться об охране. 'В конце концов, он ведь телохранитель', — мелькнула в туманящемся сознании эгоистичная мысль.

Проснувшись я от какого-то стука и не сразу сообразила, где нахожусь. Блаженно потянулась и... Охнув, сморщилась — сверху, прямо на голову, запорашивая глаза, посыпался какой-то мусор. Села на импровизированной постели, и сразу стала складывать парашют, хотя сильно хотелось поглядеть, что там происходит снаружи. Но заползать сюда опять за своими вещами показалось лишней растратой драгоценного времени — итак, судя по заливавшему выход свету, продрыхла неизвестно до скольки.

Упаковав парашют в рюкзачок, выползла из пещерки и сперва смоталась к ближайшим кустикам, а только потом вышла на берег озерца и уставилась на происходящее округлившимися глазами.

Похоже, кадавр решил нам построить дом с помощью своего ножика-пилки. На полянке лежало уже штук пять тонких бревен метра три длиной.

Кроха же отрубал кусок от шестого, мерно размахивая лопаткой как топором, а рядом лежало и седьмое, еще все в ветках и сучках.

Даже не дав осведомиться о завтраке, кадавр выудил у меня из рюкзака стропорез и показал, как отпиливать сучки и ветки от седьмой заготовки. Ничего не понимая, послушно принялась за работу. Как ему сказать, что мне дом не нужен, и в лесу прямо здесь я жить не собираюсь — просыпающийся мозг никак не мог сообразить. Все-таки телохранитель проделал уже большую работу, а мне очень не хотелось его обижать.

Оказалось, после каждой пары пилящих движений, нож надо переворачивать, иначе лезвие начинает зажимать, но даже так выходило не очень.

К счастью, Кроха дорубил свое бревно, уложил его возле таких же, уже готовых и, махнул лапой, освобождая меня от работы. Смахнув кое-где несколько пропущенных мною сучков, он измерил шагами длину, и стал рубить верхушку у последнего, словно и не испытывал никакой усталости.

Мне же было предложено заняться готовкой еды. Глянула, а в ямке уже сложены дровишки. Кроха как раз отвлекся и подошел их разжечь, решив видимо, что так будет быстрее. Мне же сунул пакет и кивком велел набрать воды. Но я немного задержалась — не выдержала шпилек от собственного любопытства и попробовала выяснить как он костер ведь разжигать будет. Удивительно, но этот изобретатель добывал огонь... трением! Хотя все специалисты в один голос утверждали, что такое невозможно, и не без оснований, надо сказать. Но в исполнении кадавра все выглядело совершенно просто — берётся прямая круглая веточка и два куса коры, в которых продавливаются под нее углубления. В них вставить ветку, на нее накинуть две петли стропы, которую дергать вперед- назад. Очень быстро куски коры начинают дымить, а если туда же подложить пуха одуванчиков и мха, то огонек готов.

Все просто до безобразия — если у вас четыре руки, а не две. Потому как двуногих на этот фокус нужно минимум двое, иначе никак одновременно не удержать два куса коры и два конца стропы, да еще энергично орудовать всем этим делом, не давая конструкции развалиться. Так что я пока останусь верной своему счастливому колечку, благо на пальце оно сидит крепко, не потеряешь, а затравка из пуха одуванчиков великолепно поместилась в

пудреницу — не промокнет даже под самым сильным ливнем. Главное, только пилку для ногтей не потерять — самый нужный для выживания предмет, оказывается.

Удовлетворив любопытство, взяла пакет и неторопливо потопала набирать воду. А куда спешить-то? Всё равно ведь еды нет, значит, готовить придется один кофе.

И тут на самом бережку я увидела две рыбины, уже потрошенные, лежащие на двух лопушках. Размером они были с мою ладошку и едва поместились на лопатке. Жарить приходилось внимательно, следя, чтобы не подгорели, для чего я постоянно переворачивала их с помощью все того же ножика, а потом приспособила довольно длинную щепку, а то руки не выдерживали жара.

В результате, когда Кроха допил очередное бревно, рыбка уже стотовилась, а вот с пакетиком и кофе пришлось распрощаться. Не получилось у меня нагреть воду, только пакет спалила, да залила враз зашипевший костерок, чуть не задохнувшись от дыма. Хорошо рыбка лежала на лопушках на безопасном расстоянии.

Кроха достал второй пакет и сам занялся напитком, для начала поправив костер. Рыбу ела, растягивая удовольствие, сколько могла, но все равно исчезла она в желудке слишком быстро. Кроха расправился со своей порцией еще быстрее, не отрываясь от приготовления напитка.

И скоро я была вполне довольна жизнью, попивая из чашечки уже знакомый лесной нектар.

А вот отдохнуть после завтрака мне не дали, припахав связывать бревна между собой. Причем делать это надо было определенным образом, и Кроха пару раз жестко заставлял переделывать работу. Сам же то и дело исчезал в лесу по каким-то своим таинственным делам.

Ветреная погода не мешала мечтать о купании, и я частенько поглядывала на покрытую рябью гладь озера. Кроха в итоге сжалился, и, освободив от занятий со стропами и бревнами, позволил отдохнуть.

Быстренько раздевшись — о том, чтобы стесняться и думать забыла — бросилась в прохладную воду и долго плавала, заодно промыв, как могла, волосы от дорожной пыли. Выбравшись из воды, побродила по мелководью, обсыхая.

А кадавру удалось удивить опять — на берегу появилась здоровая штуковина, вроде поплавок от легкого самолета, на которые тот садится на воду. Где уж Кроха ее раздобыл? Тут же увидела, как он тащит из леса вторую такую же. Не теряя времени, быстренько принялась одеваться, еще не понимая, что он задумал. И безумно желая узнать, где раздобыл такое чудо и главное — для чего.

Пристроив оба поплавок на берегу, после непродолжительного отдыха — видать, тяжеленные всё-таки были эти штуковины — Кроха с моей посильной помощью взгромоздил на них получившийся помост, и вновь началось бесконечное прикручивание и привязывание. Но я уже хотя бы понимала, что нам предстоит плыть на этом по озеру. Только вот куда?

Кроха торопился, поглядывая на небо, и я его понимала — ветер все крепчал, впору снова укрываться в пещерке и пережидать надвигающийся шторм. Хотя, может и не шторм, но тонкие деревца уже всю сгибались от свежих порывов. Вот для парaplана погодка — самое то.

Послав меня заметать следы, Кроха достал парашют и что-то стал делать уже с ним. Я не приглядывалась, подустала уже от столь активных действий, но следы нашего пребывания

убирала с тщательностью, словно улики какие. Даже логово в пещерке привела в первозданный вид, вытащив все ветки и сбросив их в воду, а мох разметала по ветру.

К возвращению на бережок меня ожидал новый сюрприз. У нашего плавсредства, и без того имевшего весьма сомнительный вид, появилось что-то вроде паруса, в данный момент аккуратно свернутого.

Недолгие сборы, и вот мы уже столкнули "корабль" на воду, и Кроха стал спокойно работать длинным шестом, расширявшимся на конце, и приблизительно совпадавшим с моим представлением о веслах, потихоньку продвигая плот по воде к противоположному берегу. Лишь когда мы подплыли ближе, я поняла, что никакое это не озеро, а противоположный берег — большой, но всего лишь остров — закрывающий выход в залив, на берегу которого мы провели прошлую ночь. А вот за островом к моему огромному удивлению имелась река, широкая и довольно стремительная. Выплыли мы к ней по узкому проливчику, еще несколько гребков к середине, и я была усажена за руль — то бишь весло, а Кроха развернул парашют, сразу надувшийся от свежего ветра.

За всеми приготовлениями и суетой, я не сразу ощутила радость и почти даже счастье, оттого что мы плывем. Но стоило приспособиться держать весло, поворачивая при необходимости вправо или влево, как я вдруг осознала всё. И красоту этого ясного солнечного дня с быстрыми облачками, которым, казалось, с нами по пути. Более того, мне почудилось, что впереди над нами вовсе не парашют, а это мой Кроха раздобыл одно из облачков, да запряг его, чтобы оно нас покатило.

А самое главное, что не нужно пешком идти, сиди себе, да отдыхай. Ну, то есть, не совсем отдыхала, а держала весло. Однако требовалось оно нечасто, лишь, когда поворачивали, огибая какой-нибудь островок. И то, чаще всего приходилось верному кадавру, прекрасно управляющемуся с парашютом, намекать мне на это разными способами.

Рассматривая окружающие пейзажи, я с удивлением замечала, как постепенно меняется местность — гористые пики оставались позади, а с обеих сторон иногда проглядывали большие поля, однако близко к берегу лесистые склоны не заканчивались. Кое-где виднелись прогалины, где можно было бы пристать, но их еще требовалось заранее заметить. Чаще же всего берега казались неприступными либо из-за густых зарослей, переходящих в воду, либо из-за каменистых обрывов — там волны устраивали целые баталии, и приставать там — казалось смертельным номером.

А пристать мне захотелось уже скоро. Во-первых, этого требовали излишки жидкости в организме, во-вторых, ветер ли, течение ли тому виной, или широкий простор реки, который проплывали уже больше получаса, а мелкая рябь давно уже превратилась в нешуточные волны. Мне становилось откровенно страшно, потому что катамаран, как я про себя называла наше плавсредство, опасно раскачивало.

Но все страхи проходили, стоило взглянуть на спокойного Кроху, он, как настоящий капитан, умудрялся излучать уверенность и спокойствие даже спиной, а ведь ему управляться под сильными порывами ветра с парашютом становилось все сложнее. Но сомнения все же подтачивали, да и от холодного ветра зов природы становился все сильнее. Только мысль, что пешком мы шли бы это расстояние гораздо дольше — немного утешала.

И совершенно некстати еще и есть захотелось.

Сколько мы еще боролись с волнами, не знаю, просто потеряла счет времени. Сидела впереди наполовину мокрая, волны захлестывали периодически, и боялась. Правда в какой-то момент устала даже бояться, отчего даже не ощутила сильного счастья, когда широкий

простор неожиданно закончился, и мы поплыли уже ближе к правому берегу.

На мой вопрос, скоро ли пристанем, Кроха активно закивал, однако удобного места все не находилось. Глаза уже болели от вглядывания в непролазные густые заросли, совершенно дикие и неуютные на вид. Кое-где приходилось огибать поваленные деревья, упавшие в воду, и торчащие над поверхностью реки перпендикулярно берегу. А то и под водой. Бывало, отруливала в последний момент, благо мы плыли не слишком быстро.

И вот, наконец, прогалина. Уже не дожидаясь сигнала своего капитана, я повернула к берегу, вся в предвкушении, когда Кроха грозно заворчал. Пришлось брать прежний курс, обиженно оглядываясь на такой привлекательный песчаный бережок, на котором в последний момент, перед тем как он скрылся из виду, на пляже шевельнулся огромный валун превратившись какую-то зверюгу задумчиво проводившую взглядом наше плавсредство. Я не успела рассмотреть кто это, да и не очень-то хотелось. Только представила, как мы бы вышли прямо в пасть этого чудища и аж мурашки пробрали. И как Кроха его углядел-то с воды?

Дальше я уже смотрела на берег с опаской и все норвила править подальше от него, и только недовольное ворчание капитана удерживало меня от этих поползновений.

Когда я подумала, что больше уже не выдержу, и мой мочевого пузырь просто лопнет, кадавр вдруг плеснул на меня водой и добившись внимания, приказал поворачивать. Это я повернула с радостью, не остановило даже то, что среди зелени не наблюдалось никакого просвета. Неровный рельеф высокого берега казался совершенно неприступным и заросшим. Каково же было мое изумление, когда среди камышей открылся узкий проливчик. Парашют тут же был свернут, а Кроха отобрал у меня весло. Предстояло грести вручную — течение слишком слабое. Сначала возникло такое ощущение, что плывем прямо сквозь берег, но вскоре проход расширился, и перед нами открылась небольшая бухточка, и о, чудо — с широкой полосой песчаного пляжа впереди.

Я едва удержалась от радостного крика и на последних метрах просто спрыгнула в воду — оказалось по пояс — и побежала, рассыпая брызги, на твердую землю.

Пока я атаковала ближайшие кустики, Кроха успел пришвартовать катамаран к берегу, привязав его к дереву, и исчезнуть. Немного поискав его глазами, не стала делать из этого трагедии, и принялась обживать. Как хочет, а дальше двигаться сегодня я не намерена. И солнце уже низко — а значит — до ночи не так и далеко, и есть хочется. А там и спать будет пора.

Так что, забрав с катамарана рюкзачок, отнесла его к огромным валунам. Природа так расставила каменных великанов, что три из них оградили небольшую площадку подобно стенам. Жаль — без крыши, да и выход из закутка широковат. Но что-нибудь придумаем, и сделаем из этого уютный домик.

Дерн срезать тут не надо, что не могло не радовать. Выкопала ямку в песке, даже глубже, чем обычно, к ней привычно уже натаскала сухих дровишек, сложила щепки — только разжечь. Еды, конечно, нет, но разве тут не река? Уж упрошу как-нибудь капитана Кроху порыбачить. А пока не мешает выполнить свою задумку.

Вышла на заранее присмотренный пяточок пляжа с плоским камнем, вдающимся в реку, словно причал. От нашего пристанища, где был припаркован катамаран, это укромное место отделяли кусты и рядок невысоких валунов. Там я разделась полностью и принялась за стирку. Дело непривычное, но сколько можно ходить в одном и том же! Жаль, не было мыла. Правда, с помощью песка удалось довольно сносно отскрести несколько пятен. Потом

мне это жутко надоело, и я принялась активно полоскать одежду. Содержимое карманов, револьвер и ботинки остались на камне. Крохи все не было видно, так что решила еще и искупаться после стирки. Кусок веревки из Крохиных запасов еще не весь истратился, так что привязала ее между двух деревьев, и развесила мокрую одежду, кое-как отжав.

Усталая, но довольная, бросилась, наконец, в воду, чувствуя, как расслабляются все мышцы. Плавала долго и с упоением, то на спине, отдыхая, едва шевеля руками и ногами, то переворачивалась и нарезала круги вокруг торчащего посреди бухточки большого камня. С одной стороны камень плоско уходил в воду. Нащупав его ногами, я практически пешком вышла на сухую часть и легла на нагретой поверхности позагорать. Конечно, вечерет уже, но солнце же еще не село. Впрочем, цели загореть не было. Я всего лишь делала, что хотелось.

Неприятность меня ждала по возвращении. Лишь коснувшись ногами дна уже рядом с нашей стоянкой, увидев и Кроху около весело потрескивающего костерка, я неожиданно сообразила, что совершенно обнажена, а вся одежда в мокром виде сушится на веревке.

А с берега пахло очень вкусно жареной рыбой, заставляя глотать слюнки, наглый же Кроха поглядывал на меня с явной ухмылкой, ожидая, как же я поступлю. Он даже выразительно кивнул на развешенное белье, вызвав желание запустить в него чем-нибудь тяжелым. Правда потом вдруг указал на тот камень, с которого я стартовала, и я с удивлением увидела там крупные листья вроде лопухов, нанизанные на веревку. Не раздумывая больше, а то уже начинала дрожать, отбросив заодно всякую стеснительность, гордо прошествовала к месту стирки, где все еще кучкой лежали мои вещи. Веревки с лопухами, или точнее более большими и гладкими листьями, оказалось две. На одной — один лист, на втором два. И что прикажете делать?

Вздохнув, повязала с один листок на бедра, а два прекрасно прикрыли грудь. Вид сзади слегка беспокоил, но потом плюнула. Очень есть хотелось. Реакция Крохи на мой наряд была вполне нейтральной, так что скоро я вообще перестала волноваться. Ну да чего я собственно переживаю?

Тем более что все внимание приковала к себе жареная рыба. На этот раз она была одна, но большая.

Шеф-повар разделил ее на две части, пристроив широкий листок с обеими порциями на плоский камушек между нами. Устроившись на теплом песке, ели руками не спеша. Несмотря на то, что было очень вкусно, а мы сильно голодны, понимание, что на сегодня — это всё, заставляло сдерживаться. В итоге обсосала каждую косточку и вылизала пальцы. И лишь после этого запила ужин чашечкой какого-то сладкого отвара, заботливо налитого из все того же пакета. Или это уже другой?

Ощувив блаженную сытость, я легла на песок, прикрывая глаза. Сонливость наваливалась волнами. Всё же, это не помешало мне сообщить довольно слабым голосом, что сегодня я больше никуда не поплыву.

Проснулась в полной темноте и страшно испугалась. Что-то снилось ужасное, непонятное, сумбурное. Меня даже слегка трясло и хотелось протянуть руку и срочно включить свет, чтобы развеять кошмар и понять, что все это всего лишь сон. Кошмар был тот же, что и в раннем детстве, и позже, когда мама оставляла меня на ферме Александры, а я крайне скучала по ней первое время. Всё тот же сон — яркий и одновременно никакой, но наполняющий душу безотчетным ужасом, который не до конца проходил и при

пробуждении. Когда была маленькая — я просто плакала в таких случаях, включая свет, и скоро становилось лучше, а что делать теперь? Когда я выросла?

Рука наткнулась на что-то холодное и шершавое вместо гладкой стены, я дернулась от испуга, и тут вспомнила, что я на другой планете. Более того — в самом сердце этой Прерии, потерялась, и осталась совсем одна — один на один с самыми страшными ее обитателями.

И тут же ощутила рядом с собой тепло, разом вспомнив, что все же не одна. А после, словно окончательно подтверждая эту мысль, теплый влажный язык лизнул меня в нос.

— Кроха, — вздохнула с чувством облегчения, поворачиваясь и утыкаясь в мохнатую грудь. Страх съезжился до маленькой точки в сознании, и скоро совсем растворился, когда сильная лапа обняла меня за талию и притянула поближе к себе. Я ощутила, как меня снова клонит в сон. Как же я устала! Надо поспать...

Как приятно, оказывается, после утреннего купания снова надеть высохшую чистую одежду! Несколько раз продефилировала туда-сюда по бережку, словно модель на показе мод. Кроха смотрел на мои кривляния, склонив голову на плечо, а потом выразительно погладил живот.

Ничего в искусстве не понимает!

В этот раз позавтракали мы быстро — Кроха успел приготовить на углях вкуснейшую рыбку, пока я спала — и очень скоро мы снова выплывали на речной простор.

Настроение было под стать погоде — солнечным и спокойным. Кошмар растворился бесследно, и больше не напоминал о себе. Волны не пугали, ветер хорошо надувал наш парашют, хотя был и не таким сильным как вчера. А катамаран весело бежал вдоль поросших густым кустарником и высокими деревьями берегов.

Но скоро случилось событие, надолго выбившее меня из колеи.

Плыли мы уже часа два, когда внезапно, позади я услышала звук мотора. Это — катер, я его узнала совершенно отчетливо по характерному звуку. Река как раз делала поворот, и пока его не было видно.

Катер! Люди! Связь! Ужасно возбужденная, я крикнула Крохе, чтобы притормозил.

Ничего не понимаю, Кадавр ведь несомненно услышал катер раньше меня. Физиономия его сделалась задумчивой, а оба уха развернулись в сторону стрекочущего звука.

И вдруг, не снижая скорости, да еще помогая отобранным у меня веслом, мой капитан повернул к берегу. Сначала я не поняла его действий, но когда мы приблизились к кустам, торчащим прямо из воды, начала догадываться, что мы собираемся спрятаться!

Как же я его уговаривала не делать этого! Ведь вовсе не обязательно, что там охрана с ГОКа! И может нам удастся именно сейчас связаться с Ново-Плесецком, и наше путешествие закончится! Кажется, применила всё свое красноречие.

Катамаран уже занял надежную позицию среди кустов, парус-парашют свернут, а Кроха всем видом показывал, что не собирается связываться с неожиданным попутчиком. В отчаянии, я вскочила во весь рост, решив, что сама привлеку внимание криками и маханиями рук.

Но стоило катеру показаться из-за поворота, как в мгновение ока я оказалась на коленях, прижатая спиной к мохнатому другу, совершенно не способная шевельнуться, да еще с зажатым лапой ртом.

И вырваться, как не дергалась, не удалось. Оставалось сузившимися от бешенства глазами наблюдать, как мимо проплывают две женщины! Две женщины на белоснежном,

стремительном катере!

А он!..

Лишь когда они скрылись за поворотом, и шум мотора затих вдали, я почувствовала, что свободна. Кроха, как ни в чем не бывало, налаживал парашют, потом стал выгребать веслом к середине реки, чтобы продолжить путь. А я даже смотреть на него не могла. Как он мог лишить нас такой возможности?!

Я была просто раздавлена и уничтожена его поступком. Сколько пережили! Казалось, спасение так близко, а он не дал ни малейшего шанса. И что дальше? Так и будет продолжаться? Мы та будем шарахаться от всех людей?

Не стала его бить, ругать, даже плакать. Просто накрыла такая безнадега, что ни словами, ни действиями не поможешь. Легла, свернувшись калачиком, так — чтобы не видеть своего глупого капитана. Я почти ненавидела его в этот момент. Так и пролежала часа три, не шевелясь, совершенно наплевав на свои обязанности рулевого, да на всё, что происходит вокруг. Давно мне не было так погано на душе. Зачем вот стараться, зачем плыть дальше, если Кроха мне просто не даст возможности связаться с людьми?

Как уж он справлялся без моей помощи, не знаю, но мы продолжали плыть. И кадавр не пытался успокоить или подбодрить меня. Вообще не трогал. Видно чувствовал, что если сделает это — убью! Просто пристрелю придурка! И пусть меня здесь сожрут, все равно, другой альтернативы не будет!

Жутко жалела себя. Страдала, а потом поняла, что Кроха даже не смотрит на меня. Спокойно управляет парусом, летящим впереди, да еще мурлычет под нос какую-то мелодию.

Его даже совесть не мучила! Посмотрела на кое-как закрепленное весло, дрогнувшее и сместившееся в этот момент. Кроха не заметил, пришлось мне вскакивать и держать его. Но глядя в спину бесчувственного капитана ненавидящим взглядом, я все еще не смирилась с упущенной им возможностью.

А ему, похоже, совершенно наплевать на мое настроение. Даже уши в мою сторону не поворачивал, гад!

Решила с ним не разговаривать вообще. Пусть знает!

Однако кому от этого хуже было, даже затруднялась ответить. В принципе, я ведь даже понимала Кроху — после того коптера с бандитами из охраны ГОКа, он мог вполне справедливо полагать, что от людей ждать добра в этих диких местах не приходится. И так ли он был не прав проверить трудно. Кто его знает, остановились бы эти женщины возле нас, особенно при виде моего телохранителя? А если и остановились, кто знает, чем бы это закончилось.

После таких выводов, со вздохами и сопением признала свою неправоту, но мириться с кадавром не спешила. Вот еще!

В результате не стала просить об остановке из гордости, отчего плыли и плыли до самого вечера. Когда я почти заснула, едва не свалившись в воду, хотя трудно было поверить, что сосущее чувство голода даст заснуть, Кроха, наконец, повернул к каменистому пристанищу. Только вблизи разглядела, что кроме камней, тут есть и песчаный пляж, и полянка, заросшая невысокой жесткой травой.

Спрыгнув с катамарана, Кроха привязал его прочно к дереву и исчез среди зелени, так и не взглянув на меня. Ему-то чего обижаться? Полянку окружала практически живая изгородь из плотно сплетенных кустов и деревьев. Даже странно, как кадавр умудрился пройти сквозь

зеленую заслонку.

И что оставалось делать? С трудом разогнувшись — все затекло, оттого что сидела последний час абсолютно неподвижно — встала на шатком помосте и сошла на песчаный берег. Впрочем, на этой стоянке песка — совсем неширокая полоса, а дальше и выше на полметра — расстился травянистый берег. Да и то — мокрый песок был липкий, больше похожий на глину, особенно возле кучи камней в стороне от полянки. Меня привлек розоватый цвет песка. Пройдя к камням, нагнулась и отковыряла кусок глины размером с кулак. Приятно было ее мять одной рукой, собирая между делом сушняк по округе. Еды нет, куда делся капитан — непонятно, но костер решила все равно подготовить. Никогда еще он не оказывался лишним.

На песке, слишком близко к воде, разводить не стала, пришлось опять вырезать лопаткой дерн. А потом увидела гнездо. Полянка была окружена широколистными высоченными деревьями, но сбоку стояло несколько толстеньких но совсем коротких стволов, покрытых иголками, длинными и мягкими на вид. А вот на вершине одного из них имелось большое гнездо.

Опустив на землю свой рюкзак возле приготовленной ямки с будущим костром, подобралась поближе и убедилась в своей догадке. Гнездышко находилось высоко, но если встать на камень, вполне можно достать. А там могут быть яйца!

Правда, едва успела увернуться от налетевшей на меня мамыши-птицы и от неожиданности, отмахиваясь, ударила ее прямо по голове зажатым в руке комком глины. Пташка бездыханным комком упала на землю, а у меня рот тут же наполнился слюной. Сжав зубы, подавила в себе жалость, сбегала за лопаткой и сильным ударом отсекла ей голову, пока та не очнулась.

Была она раза в два крупнее голубя, и мяса в ней, вероятно не так и много, но это же мясо! Костер запалила не с первой попытки, но быстро. Вся в предвкушении, как удивится Кроха, недолго думая, ошипала пташку, удалила внутренности своим несуразным режиком, совсем не испытывая отвращения к этому делу. Жаль, не было соли. Зато имелась глина, а я слышала когда-то от Александры, что в ней можно запекать на костре, просто обмазав.

Алекс вообще всяким хитростям меня учила, когда меня оставили на ее ферме в неполные десять лет. К сожалению, многое уже забылось...

Как бы то ни было, обмазала глиной тельце птички и положила в костер, следя за тем, чтобы жар был со всех сторон.

В гнезде обнаружилось еще четыре яйца. Это тоже порадовало — можно было бы сделать омлет на завтрак, будь у нас сковородка. Насчет того, стоит ли это делать на лопатке, уверена не была.

Или еще могла бы сварить яйца вкрутую, будь у нас кастрюлька. Эх, и почему Кроха не прихватил посуду, отправляясь меня искать?

Капитан явился как раз вовремя — по моим представлениям неизвестная птичка уже запеклась. Но кадавр тоже пришел не с пустыми руками. Положил прямо передо мной кусок сот с медом на широком листочке.

— Давай уже мириться, что ли, — обалдев от такого угощения, пробормотала я, только после этого заметив, как припух у моего телохранителя нос и правый глаз. Сразу стало ужасно его жалко. Ради угощения для меня подвергся атаке пчел? — Дай посмотрю!

Кроха послушно приблизил ко мне свой нос, и я увидела торчащее из него жало. Страшно растерялась, понимая только, что надо выдернуть. Аккуратно ухватила щипчиками,

найденными в сумочке, и извлекла. Прodelала это же и с опухолью у глаза — там тоже торчало жало. А вот из чего сделать примочки, не представляла. Глину, что ли приложить? Чем вообще это лечат? Кроха мотнул головой на костер, погладил живот и облизнулся, поэтому решила отложить этот вопрос на время ужина.

С горячей и вкусной запечённой птичкой мы разобрались в два счета, обглодав все косточки, а потом принялись за мед, запивая его отваром с кофейным ароматом. Заодно вспомнила, пока лакомилась, облизывая пальцы от сладкого нектара, что мне как-то маленькой от укуса осы прикладывали подорожник. Побродив по бережку, быстро обнаружила нужные листочки и велела Крохе приложить их к укусам. Листочки не держались, так что, немного подумав, переживала несколько листков в кашницу, и это приложила к многострадальному носу и глазу своего друга. А сверху прилепила еще пару маленьких листков.

Кроха в благодарность лизнул меня в нос и отправился устраивать нам на ночь гнездышко, как я поняла. Обрадованная, что на этот раз можно расслабиться, я залила костер, прикрыв пепел дерном, наковыряла еще комок розовой глины и задумчиво мяла ее в руках, глядя на заходящее солнце. Задумавшись, вылепила из нее сначала какую-то лягушку, потом переделала в лошадку. Кособокая и смешная получилась, но нравилась мне ужасно. Не стала ее сминать. Завернула в носовой платок и сунула в сумочку. Если спасемся, поставлю ее на прикроватную тумбочку и буду вспоминать этот вечер.

Этот поход...

Непонятный стук разбудил меня на рассвете. Очень не хотелось выбираться из мягкой постели. Но любопытство пересилило. Кроха разбивал камнем орехи, складывая ядрышки на лощёный овальный листик. Не успела осведомиться, откуда, как кадавр подлетел ко мне и запихнул в открывшийся для приветствия рот горсть этих самых орешков.

М-м, вкусно.

— Где ты их разыскал? — спросила, прожевав.

Кадавр хмыкнул и неопределенно махнул рукой.

— Хочь еще! — топнула ногой для убедительности. Кроха в ответ упер руки в боки, мол, не на того напала!

— Пожалуйста! — я умоляюще улыбнулась, даже сложила ручки, как в молитве.

Помотал головой.

Сделала вид, что сейчас заплачу — опять хитрая ухмылка и отрицательный жест.

Устав изображать, решила взять его убеждением:

— Кроха! Я очень люблю орешки, они очень питательные и вкусные. Пойдем вместе и наберем еще хоть немножко. Буду колоть их во время плавания и тебя же кормить.

Эти аргументы ему явно пришились по душе. Он взял меня за руку, и мы проследовали в заросли. Хм! Это не лещина. Совсем другое растение. Но орешки похожи, только крупнее и встречаются редко. Мы хорошо попаслись, хотя добыча оказалась скромной — от силы на разок перекусить хватит.

Потом — устроились на своём катамаране и отчалили, оттолкнувшись шестами — запас длинных палок за ночь утроился. Наш корабль раздвинул тростник, и, после того как палки перестали доставать дна, плавно, по инерции продолжал уходить к середине реки.

Было безветренно, чуть пасмурно. Несколько движений веслом, и мы уже на середине. Величественно и неспешно отодвигаются за спину мохнатые от покрывающих их растений берега. Красота. Ничего не делаешь, а едешь. Легкие сомнения чуть гложут душу — нас несёт не на восток, куда я так стремилась, а на запад вроде бы. Но верила своему спутнику и надеялась, что на берегу этой вовсе не маленькой реки обязательно кто-нибудь живёт. Должны же у местных жителей быть хоть какие-то средства связи с цивилизацией!

Добыча яиц оставила очень неприятные воспоминания, и я поклялась, что больше не буду искать птичьи гнезда даже под дулом пистолета. Вспомнила я о них поздно вечером, когда мы устроились в береговом скальном кармане, откуда и деться-то было некуда, разве что в воду. Кроху это не остановило. С обезьяньей ловкостью он вскарабкался практически на отвесную каменную стену и исчез в джунглях, о которых мне оставалось только догадываться. Разве что встав на самую кромку естественной пристани, я могла увидеть верхушки деревьев. Катамаран, привязанный к большому камню, постукивал о нашу стоянку, так как у самого берега глубина была очень приличная, а мелкие волны набегали, шевеля наш кораблик.

Скоро сверху мне напало несколько сухих веток. Я их порубила, как могла лопаткой, и сложила из щепок костерок. Для разнообразия попробовала развести огонь трением, но

даже не удивилась, что ничего не вышло. Плюнула и развела испытанным способом, с помощью кольца, пилки и пушинок одуванчика. С грустью поняла, что запас пушинок исчерпан и где-то надо будет раздобыть новый. Но точно не на этой голой скале. Когда костерок занялся, я полезла в рюкзачок и вытащила завернутые в тряпицу четыре яйца, предвкушая уже, как будем уплетать омлет. Порадовалась, что они не треснули. Решила использовать для смешивания все тот же пакет.

И вот, засунув первое очень крупное яйцо в пакет, стукнула им о камень и чуть не упала в обморок — вместо желтка и белка полпакета заполнилось кровью. Вскрикнула я достаточно громко, и скоро Кроха был рядом и даже успел подхватить падающий из рук злополучный пакетик.

Пока меня самым жалким образом рвало в воду, куда я едва успела добежать, Кроха преспокойно подевал куда-то содержимое пакета, а так же и оставшиеся три яйца. Сначала подумала, что выбросил, но когда он швырнул в воду пустые скорлупки, и стал неподалеку от меня полоскать пустой пакетик, догадалась, отчего он так довольно облизывается и меня скрутил новый приступ рвоты, хотя кроме речной воды у меня в организме давно уже было пусто. Хищник он, всё-таки, гораздо в большей степени, чем я!

Совершенно изможденная, я отказалась от ужина и свернулась на плоту калачиком, укрывшись краем парашюта. Спать на голом камне не хотелось. Впрочем, верный друг умудрился быстренько исправить положение. И принес мне прямо в 'постель' трёх маленьких, сильно зажаренные рыбешек, а так же мою любимую кружечку с кофе. Прислушавшись к себе и поняв, что желудок утомился, я с жадностью уплела угощение.

А после преспокойно заснула, несмотря на тонизирующий напиток.

В результате я не слышала, как мы продолжили плавание, и лишь слегка замерзнув от свежего ветерка, и поняв, что одеяло исчезло, а кровать уж очень странно качается, распахнула глаза и сразу зажмурилась. Красивые берега, усыпанные яркими цветами, быстро проносились мимо. Или точнее, это наш катамаран развил очень приличную скорость, гонимый свежим ветром.

Хотела уже посетовать, что Кроха не дал мне позавтракать, когда рядом с собой увидела еще пять жареных рыбок и горстку малины. Рыбки, хоть и остыли, но на вкус оказались просто замечательными. Две все-таки оставила, так как без соли больше уже съесть не смогла. А малинку ела по ягодке, растягивая удовольствие.

Судя по солнцу, еще не было и семи утра, так что, поблагодарив капитана за чудесный завтрак, я самым наглым образом, полюбовавшись немного неземной красотой берегов, подсвеченных утренними лучами, опять легла подремать. Уж не знаю, отчего мне так хорошо спалось на свежем воздухе.

Проснулась я только к полудню.

Парус к этому времени превратился в тент, укрывший нас от солнца. Курорт, да и только. Впрочем, уже и кушать хочется. А недоеденные рыбки исчезли, видимо Кроха подобрал. Да это и к лучшему, есть холодную несоленую рыбу — то еще удовольствие.

Капитан не торопился приставать к берегу, но, заметив-таки мои жалобные взгляды, протянул пакетик с орехами. И где успел раздобыть?

Впрочем, я уже стала привыкать к тому, что едим мы только утром и вечером. Так что сытости от орехов хватило надолго.

С местами пригодными для стоянки дела обстояли плохо, и мы пристали к берегу, когда

солнце уже почти село.

Но на этот раз наш маленький лагерь вновь оказался на глинисто-песчаном берегу, более того — неподалёку нашлась небольшая пещерка оказавшаяся свободной. Я сразу затащила туда наш парашют, устраивая уютную постель. Благодаря рыхлому песку, устилающему дно каменной пещерки, ничего подстилать под ткань парашюта не потребовалось.

Лишь после этого, я отправилась помогать с готовкой.

Пока жарила вновь выловленную рыбу, Кроха возился с жердями. Я не сразу поняла, что он затеял, а это оказалась пара вёсел, похожих на лопаты.

Кушать хотелось неимоверно, но съев едва ли треть своей порции, я жалобно посмотрела на своего молчаливого друга, попытавшегося засунуть мне в рот еще немного рыбы с золой:

— Понимаешь, Кроха, — как можно спокойней объяснила я, ловко, как мне казалось, увернувшись от угощения. — С золой рыбка повкуснее, но без соли я не могу больше! Не могу! Это тебе без разницы, а я привыкла есть соленую пищу. Так что на сегодня с меня хватит!

В животе предательски заурчало. Кроха забавно пошевелил ушами, а потом его глаза вспыхнули радостью.

— Что? — попыталась узнать причину.

Он бросился к пещерке и извлек оттуда свой рюкзачок. Мне-то казалось, что он пустой, а там...

Не убила я его только из-за своей бесконечной доброты. Да-да, вот такая я белая и пушистая, могу быть вполне покладистой и понимающей. Внутри все кипело от еле сдерживаемых чувств, но я не дала им воли, макая свою рыбку в горочку смешанной с перцем соли. Это кроха насыпал на лист лопуха эту смесь, извлечённую из килограммовой пластиковой упаковки. Подумать только — все это время она была у него с собой, а он даже не заикнулся!

Глядя на меня, кадавр тоже оценил соленую приправу. Жаль, что перца там было ужасно много, так что рот у меня горел после ужина, отчего ощущения неподдельного и незамутненного счастья несколько отступили перед бушевавшим "пожаром".

Все-таки я решила проверить его рюкзачок — не хранит ли он там еще какие сюрпризы, но к своему огорчению больше ничего не нашлось.

Попыталась в наказание не пустить его в пещерку, хотя места там вполне хватило бы и на троих, но наглый телохранитель схватил меня в охапку и внес туда на руках. В шутку попыталась вырваться, хохоча как маленькая, потому что очень уж понравилась эта игра, но все попытки освободиться потерпели крах. А когда, уложив меня на приготовленное ложе, Кроха снял с меня ботинки, даже умилилась от такой заботливости. Умилялась, пока он так же не спеша не принялся за остальные части одежды. И увернуться ведь не удавалось — каждая попытка улизнуть фиксировалась сильной лапой. Правда, надо признаться, испугалась не на шутку, когда этот гад застыл, ухватив за ремень, бросил на меня вопросительный взгляд и даже голосом, мурлыкнув в особой хрипловой тональности, потребовал ответа — согласна, или как. А то сам не видит! Но раз уж спросил, пришлось капитулировать быстрее, чем хотелось, жалобно попросив, чтоб не останавливался ни в коем случае. Так что к тому времени, когда на мне не осталось ни единой ниточки, я дышала тяжело и вся горела. И уже вовсе не от попыток вырваться.

И опять меня ждала самая сладостная мука в мире — для начала Кроха решил меня умыть. Всю. Делал он это с явным удовольствием, не пропуская ни кусочка кожи, ни одной складочки или сгиба, как спереди, так и после — сзади, когда перевернул на живот. Шершавый язычок задерживался в самых обычных местечках, неожиданно рождая огонь и дикую слабость. За эти мгновения я узнала о своем теле больше чем за всю предыдущую жизнь. Такой беспомощной и покорной, такой жаждущей гораздо большего, давно уже себя не чувствовала. И желанным избавлением стало когда, он безмолвно попросил о близости, сильно сжав мои ноги с обратной стороны коленей.

Я совсем не то, что не возражала против дальнейшего, меня вообще на тот момент там не было. Первое слияние, которого немного побаивалась, и вовсе пропустила, вынырнув из грохочущей в голове Ниагары похоже гораздо позднее. Происходящее заставило охнуть удивленно и радостно, а потом только отдаться сладостным ощущениям, которые стали все больше нарастать, заставляя все сильнее прижимать его пятками к себе.

— Сильней, — только и вырывалось вместе со стоном. И Кроха уважил просьбу.

Вот это натиск! Я уже не могла контролировать свои стоны, и даже вскрики, полностью отдавшись древнему как мир ритму. Это длилось слишком мало и в то же время — вечность, а когда внутри меня все взорвалось, я поняла, что еще никогда не испытывала такого длительного наслаждения. Дрожь сотрясала еще долго, и счастье этого странного вечера не отпускало, пока я не заснула — как была, уже на боку, но все еще прижатая спиной к моему сильному другу, который так и не покинул до конца мое насытившееся тело. Засыпала улыбаясь — снова добравшись до сладкого, он не собирался выпускать из своей лапы мою грудь.

Обе. Вот ведь собственник какой!

Проснулась я спустя вечность, а может это был всего лишь миг — неважно. Важно было то, что этому ненасытному показалось мало, и он решил немного поразвлечься с моим спящим телом. Можно было бы возмущаться, да вот не хотелось совершенно — настолько это было приятно. Собственно, волны удовольствия, прокатывающиеся по телу, меня и разбудили. В голове вяло шевельнулась мысль, что ничего незаконного этот мерзавец не делал — сама заснула, прижавшись к нему спиной, а больше он меня и пальцем не коснулся, но я эту мысль даже додумывать не стала — не до того было.

Пальцем он меня действительно не коснулся — просто водил своими шаловливыми лапками вдоль тела, не касаясь, и следом бежала волна ощущений, которые сложно описать человеческим языком. Это было ледяное тепло или замораживающий жар, тянущее давление... мне честно говоря было не до подбора точной терминологии. Следом за его ладонями, снизу вверх, от пяток к ушам, катились уже более понятные волны вскипающей крови, чувства были настолько сильны, что казалось, всё это происходит не со мной.

К тому же этот мерзавец совершенно четко понял, что я проснулась и, выждав пару «приливов», с шумом и грохотом ударивших в голову, как бы «случайно» зацепил правую грудь. Хорошо хоть не сосок, я бы тогда просто умерла. Но и без того тело выгнуло самой настоящей судорогой, и затылок не въехал Крохе в зубы только благодаря его нечеловеческой реакции. Только спустя несколько минут меня перестало бить в конвульсии удовольствия. Как ни странно, чувство времени в этот раз сохранилось, и его ход ощущался даже яснее чем, если бы не отрываясь смотрела на часы.

Была еще и одна странность. Едва успев прочистить пересохшее горло и еще решая, что

мне делать, высказывать благодарность за доставленное удовольствие, или матерится по тому же поводу, как с ужасом поняла — ничего еще не закончилось, и пик наслаждения совсем не принес разрядки. По телу по прежнему гуляли волны, а каждая клеточка дрожала от возбуждения. Но долго раздумывать мне не дали — ухватив за правое колено, а я по прежнему лежала на левом боку, Кроха заставил меня опереть правую ногу на ступню. Низ живота при этом снова скрутило спазмами наслаждения, но они как-то прошли незаметно на фоне всего остального, когда он повел ладонью снизу-вверх, по-прежнему не прикасаясь к телу.

По внутренней части бедер, навстречу друг другу, прокатилось две кипяще-ледяных волны, а когда они встретились высвободившаяся энергия пронзила меня до самой макушки. На один, неподдающийся исчислению из-за своей краткости миг, я почувствовала себя воздушным шариком, в который мгновенно влили бочку воды, или взорвавшейся сверхновой звездой... Я стала громадна как вселенная и сжалась в точку. А потом все пропало.

Проснулась снова я оттого, что кто-то сопел в ухо и щекотал его жесткими усами. Попробовала было, не будя моего зверя, отодвинуться, да не тут-то было — лапы тут же шевельнулись, заставив сжаться от невольной ласки соски. Вот ведь собственник — даже во сне не может расстаться с самой привлекательной для него частью... Попробовала вспомнить, были ли мы близки перед тем, как я заснула. Ничего толком после «сверхновой» не вспоминалось. Ну что ж, будем надеяться, что ему было хорошо так же — как мне....

А пока замерла, пытаюсь утихомирить дернувшееся внутри желание и дожидаясь пока сопение возобновится — не дай бог проснется и еще захочет. Третьего раза я могу ведь и не пережить.

Засыпала вполне умиротворенная и счастливая, рядом с большим и теплым кадавром. И чего бояться даже в таком диком месте, когда возле тебя такой храбрый и сильный друг?!

Проснулась я поздно, даже странно, что Кроха не стал будить. Солнце уже поднялось высоко. Разбудил, наверное, необычный запах. Видимо, мой телохранитель, ни с того, ни с сего, решил устроить мне маленький праздник. Уж не знаю, как он отловил этого зайца, или кролика, но тушка на вертеле, приправленная хорошей порцией соли с перцем, издавала божественный аромат.

Наскоро умывшись в реке, присоединилась к кадавру, который был очень доволен собой, когда протягивал мне первый обжигающе-горячий кусочек зажаренного окорочка на остром прутике. Это был самый лучший завтрак среди нашего полуголодного путешествия. Впервые я наелась досыта, да еще нормально посоленного и поперченного мяса.

В результате, поцеловав добытчика, отправилась досыпать, так что в путь мы отправились после полудня и уже на катамаране во время стремительного движения вниз по реке доедали оставшиеся куски кролика. Даже на вечер осталось немного.

Зато следующую ночь спать не пришлось. Видимо Кроха решил наверстать упущенное утреннее время. После ужина мы продолжили движение при свете ночного светила, причём гребли не торопясь, каждый по свою сторону катамарана. Выспались за утро, так что были бодры — ночью даже лучше, не так жарко. А что от нашей гребли выходила не такая уж великая прибавка скорости — не беда. При таком медленном течении темп движения почти

удваивался.

Дни потянулись за днями, отличаясь друг от друга, преимущественно, окружающими пейзажами. То лес подступит к берегу, то тростник. Или открывается вид на бескрайний заросший травой простор, где вдали угадываются стада копытных, или эти стада спускаются к самому урезу воды, чтобы утолить жажду. Буйволы, олени, антилопы — я их отличала по форме рогов. На Прерии вообще всё немного крупнее, чем на Земле, так что и рога, и те кого они украшали, не вызывали у нас ни малейших позывов поохотиться. Рыбка, которую Кроха добывал в любых количествах, устраивала меня, а дополнения в виде дикого лука, щавеля, и ещё нескольких растений, показанных спутником (их названий он так и не сказал), делали меню вполне разнообразным. У одних съедобны были корешки, у других — молодые побеги, у третьих — стручки.

Ну и благодаря запасу соли, все, что мы находили, ловили или стреляли, становилось гораздо вкуснее. Правда, стреляли лишь раз — в гуся. Встретилось их с десятков, не меньше, и улетать не спешили — так и плавали в небольшом заливишке. Удалось подстрелить одного, так как револьвер мой заряжен оказался картечью, а не какой-нибудь разрывной пулей, как я боялась. Кроха в последнюю секунду, разглядев мое намерение, подправил руку, может, потому, я сумела попасть так метко. Ну и радости было! Я все надеялась, что гуси нам повстречаются снова, так что держала револьвер наготове. Но они всё не попадались.

Чем дальше, тем чётче я понимала — чтобы погибнуть от голода на этой планете, требуется просто дремучая непроходимость. Я открывала для себя все новые и новые съедобные травки, естественно с помощью спутника, и теперь ни одна еда не обходилась без зеленого салатика.

Два прекрасных ветреных дня бежали под парусом. Сутки — пережидали непогоду на берегу в дупле лесного исполина. Это тоже оказалось забавным приключением. Зато выспались на высоте десятка метров на много дней вперед.

Река долго несла нас на юг и однажды мы достигли места, где она слилась с точно таким же руслом, подошедшим слева. Вот туда и направил Кроха наше судёнышко. Против течения. За первый день, а он простоял на зависть тихим, мы выложились на вёслах так, что у меня почти отваливались руки. Вот тогда и оценила, как нам до сих пор везло с нужным течением. Решительно заявила Крохе, что мне нужен теперь как минимум день передышки. Возражений, к счастью, не последовало — спутник мой тоже не горел энтузиазмом пыхтеть, изображая мотор.

По его жестам я поняла, что он с удовольствием подождет ветра.

И тогда мы разбили постоянный лагерь. Тем более что и место для этого оказалось просто замечательным. А достался нам в полное владение целый высокий островок. Причём, пристать к нему можно было только в одном месте — на песчаном пляже, в маленькой заводи, где и припаркован был наш катамаран. С остальных сторон, берег был настолько обрывистым и каменистым, а встречное течение настолько бурно его огибала, что незваных гостей оттуда можно было не опасаться. Разве что самоубийца решился бы приблизиться.

А пляжик наш тоже просто так с воды не увидишь, заводь скрывала широкая каменистая коса, поросшая к тому же густым кустарником, да и островков, если что, гораздо более привлекательных на вид — было как минимум еще два в округе. Мало ли кому тут остановиться вздумается — не подеремся.

Так что устроились мы со всеми удобствами и в относительной безопасности. Кроха

мне даже скамеечку устроил на берегу, положив на развилки удобно стоящих деревьев наши весла и шесты.

А парашют, задрапированный сверху маскировочной сетью из гибких зеленых растений, внутри превратился в очень уютную палатку. Я уж постаралась набрать самой мягкой растительной основы для матраса. Да и загнутого куска парашюта хватило, чтобы это все покрыть. Так что первую ночь и часть дня мы блаженно отсыпались в своем временном жилище.

Лошадка из глины извлеченная из сумки даже не потрескалась, что меня удивило и обрадовало. Наоборот, глина хорошо просохла и я решила попробовать обжечь фигурку на костре, чтобы она сохранилась на память. Долго думала, как это лучше сделать и что я знаю об обжиге глины. Вроде бы надо сделать печку, в которой поддерживать много часов огонь. Но как ее делать, придумать не удалось. Да и не терпелось быстрее получить результат.

Поэтому просто положила лошадку на дно ямки, после чего сверху развела костер. Поддерживать его было нетрудно. Сушняка на острове хватало. Тем более, было чем заняться, пока обжигалась лошадка. За завтраком из всё той же рыбы пришла мысль, почему бы не сделать хоть что-то из посуды, раз уж глина тут есть. Пара чашек, тарелок, кастрюлек точно бы не стали лишними в нашем походе.

Показалось, что будет правильным, если я после того, как освоила азы охоты и собирательства, сделаю следующий шаг на пути к цивилизации — освою гончарное дело. Нам не хватало посуды, отчего ели мы, в основном, жареное и печёное. А я очень уважаю тушёное. Да и кофе хорошо бы заваривать в кофейнике, а не в полиэтиленовом пакете.

Выход розовой глины на откосе берега рядом с парковкой катамарана был виден издали. Устроилась прямо на бережку, выбрав себе в качестве стола большой плоский камень. Про то, что в неё полагается подмешивать песок, помнила с детства — толи из книжки про Ходжу Насреддина, толи из чьих-то рассказов.

Глина была сухая и пришлось ее наскребать, получилась внушительная горка розового порошка. Месила, как тесто, добавляя понемногу воды. Тяжелая, вязкая, с розовым отливом, глина потребовала поистине титанических усилий для того, чтобы превратиться в массу, поддающуюся формовке. Вовремя вспомнила про песок, и то потому, что мое тесто показалось слишком жирным. И снова месила. Хорошо вода подходила прямо к моему плоскому камню-столику, так что удобно было отмывать руки.

Что интересно, Кроха, обычно принимавший участие в любых затеях, наблюдал за моими потугами с видом недоверчивым и, мне казалось, насмешливым.

Что неприятно, приняв форму чашки, первое изделие стремились расплыться и осесть кляксой, едва я отнимала от нее руки. Нет, не сразу. В течение примерно четверти часа.

Передельывала раз пять, то добавляя в маленький комоч глины то песка, то воды, но результат лучше не становился. Либо по-прежнему все оплывало, либо смотрелось настолько грубо с толстенными стенками, что назвать это безобразие чашкой язык не поворачивался.

Глядя на Кроху, который оторвав от моего 'теста' небольшой комочек, лепил из него какую-то змейку, обрадовалась. Решила так и делать. Вылепив дно будущей чашки, то есть, просто положив на камень блинчик из глины, стала лепить тоненькие колбаски и прилеплять их к доньшку. Первый круг получился хорошо. Места стыков доньшка и первой колбаски тщательно замазала. Немного подождав и убедившись, что колбаска не оплыла и

смотрится очень мило, намяла вторую и с помощью нее нарастила еще один слой стенок будущей чашки. Снова тщательно замазала места стыков, стараясь действовать очень нежно. Тоненькие колбаски продолжали держать форму, и вскоре первая кружка была готова. Из толстенькой колбаски изготовила ручку, с которой пришлось повозиться едва ли не дольше, чем со всей чашкой, и отставила результат труда в сторону сушиться. Смотрелась чашка не то чтобы очень красиво, но, по крайней мере, сносно. И вышла она достаточно большой, так что при желании, из нее и бульон можно хлебать, а не только чай.

Вторую чашку, чуть поменьше размером, делала почему-то дольше, но получилась она еще лучше, а рядом с первым монстриком смотрелась даже изящно. Решив, что чашек вполне достаточно для нашей маленькой компании, занялась мисками. Хотелось иметь два вида — миски-тарелки, из которых есть, и миски-кастрюльки, в которых готовить.

И опять в ход пошли колбаски, которые очень хорошо наловчилась крутить. Скоро на камнях сушились помимо двух чашек — три миски-тарелки и четыре миски-кастрюльки. Сколько их сушить я не очень помнила, но точно не один день. И вроде как нельзя под палящим солнцем. Решила накрыть свои труды своей же рубашкой, все равно на мне еще жилетка, а погода стояла достаточно жаркая.

За своей лепкой из глины не заметила, как пролетел день. И была приятно удивлена, что Кроха умудрился раздобыть гуся, который уже подрумянивался над углями, насаженный на вертел. Стало чуток обидно, что пропустила охоту.

Гусь оказался изрядного размера, жарился, истекая жирком, немалую часть которого мой спутник успевал 'подхватывать' в свёрнутый из плотного листа 'фунтик'. Зачем уж ему понадобился жир, не очень представляла, но явно для каких-то важных целей. Давно поняла, что кадавр ничего не делает просто так.

Наутро убедилась, что горшочки еще не высохли, зато порадовала извлеченная из пепла лошадка. Выглядела она замечательно. Опять завернула в тряпицу и убрала в сумку. Ветер пока не думал дуть в нужную сторону, так что еще день мы провели на острове. Не желая упускать время, налепила еще пару чашек, и несколько горшочков. Рубашки на них не хватило, и решила рискнуть, оставить на открытом солнце — так и высохнут быстрее, надо же им догнать первые изделия.

В остальном на острове мы сибаритствовали, купались, много спали, доедали гуся, да жареные грибы, которых где-то насобирал Кроха. С солью и гусиным жиром грибочки, а это опять были лисички, получились гораздо вкуснее, чем те, первые.

Утром следующего дня — ветер задул в нужную сторону, а у меня посуда все еще не просохла. Ту, которая оставалась на солнце, пришлось выбросить почти всю. Потрескалась. Правда и под рубашкой целыми остались всего три миски-кастрюльки и две тарелки. Вот обе чашки порадовали. Разве что от маленькой и изящной отвалилась ручка. А вот самой первой ничего не сделалось.

Аккуратно, словно хрустальные, я поместила все целые изделия на помост катамарана, накрыла опять рубашкой и строгим взглядом посмотрела на нашего капитана. Кажется, он проникся. То есть будет стараться не поломать и не позволит воде захлестнуть это сокровище. В общем, было нам тесно, неудобно, но к вечеру, как не берегли посуду, всё равно погибли две миски — тарелка и кастрюлька. Итого сохранилось семь предметов, каждого вида по паре и большая миска-кастрюлька с толстыми стенками, единственная оставшаяся из трудов второго дня лепки — и то неплохо.

Двигались мы медленно, и прошли километров пятнадцать.

На другой день плыть было нельзя, и глиняные изделия просохли, наконец, хотя при этом снова были понесены потери — изящная чашка, одна из мисок-тарелок и низкий горшок дали выразительные трещины и повод оплакать их неудавшуюся судьбу.

Решив обжигать по тому же принципу, что и лошадку, врыла глубокую ямку, положила на дно плоский камень, а бока ямки, облепила всё той же глиной, которой и на этой стоянке оказалось достаточно. Выставив на камень оставшуюся целой посуду, вокруг обложила дровами, которые помог нарубить Кроха. Большой костёр всю ночь лизал бока нашей будущей посуды. Звуки, заставившие меня заподозрить неладное, начали доноситься из пламени уже ближе к полуночи, хотя бока своих изделий я ещё видела, и мне казалось, что всё цело. Из остывших к утру головешек я извлекла самое первое свое творение — большую чашку, даже с целой и невредимой ручкой. И большая несуразная кастрюля, слепленная во второй день, тоже оказалась стойкой, остальное раскалывалось от первого же прикосновения.

Впрочем, горевала я не долго. Поднимался ветер, и надо было плыть дальше, а даже такое прибавление к посуде, как кастрюлька и чашка — уже казалось большой удачей. Причем чашку опробовали сразу. Воды напиться хватило обоим. Оказалось, что вмещает она чуть ли не литр. И все равно я предпочла пить из колпачка от лопатки, а вот Кроха с большим удовольствием допивал оставшийся 'кофе' из новой чашки.

Конечно, я еще пыталась лепить, но, так как три следующих дня постоянно плыли под хорошим ветром, удачными из моих новых восьми изделий оказались лишь две крышки для кастрюли — просто плоские блины, проще говоря. Однако они вполне заменяли нам тарелки.

Следующие четыре дня плыли даже ночью, не хотелось упускать ветер. Я-то хоть спала периодически во время плавания, а Кроха отсыпался на коротких стоянках, пока я готовила еду.

Но все хорошее когда-нибудь кончается, закончилась и прогулка на катамаране. Дальше русло сворачивало в одну сторону, а нам предстояло, как я поняла, двигать в совершенно противоположную. Последние несколько часов на реке мы плыли на веслах, чуть-чуть не хватило ветра довести нас до цели. В результате так умаялись, что еле добрались до приемлемой стоянки. На этот раз вокруг расстилался густой лес и немного грустно было без реки. Маленькое озерцо, у которого остановились, напоминало скорее лужу. Даже купаться в ней не тянуло.

Впрочем, мне тут скоро понравилось после того, как немного вздремнула. Полянка была усеяна шишками, по деревьям сновала белка, а на макушке высоченного дерева заливалась какая-то птица. После короткого сна-отдыха, мы пообедали остатками рыбы. И лишь потом стали готовиться к ночлегу. Решено было остаться на ночевку возле этого озерца, а дальше двигать рано утром.

Пока кадавр возился с обустройством стоянки, я задумчиво вертела в руках свою любимую кофейную чашку. Сегодня в ней был не кофе, а чай, заваренный из каких-то листиков, отчетливо выделялась запахом только земляника и еще какая-то ягода, но меня больше всего заинтересовал сам колпачок. С появлением глиняных сосудов с посудой стало попроще, но этот набалдашник от саперной лопатки все равно оставался моей любимой кофейной чашкой, ну нравился он мне больше чем большущая глиняная кружка, хотя держать в руках нагретый металл горячо. Видимо, ностальгия догнала.

Но сейчас меня заинтересовали не воспоминания — стенки 'чашки' были довольно тонкими, по наружному краю шла резьба — так она ввинчивается в трубку рукоятки... Трубку! Но тогда выходит, что рукоятка должна быть довольно легкой и пустой, а ведь ничего такого не припоминается, центр тяжести у разложенной лопатки где-то в районе крепления штыка...

В голове проснулось и заворочалось любопытство, пришлось поднимать пятую точку и идти за столько раз нас выручавшим инструментом.

Ну что ж, что выглядит все довольно загадочно, рукоять действительно трубчатая, ответная резьба тоже есть, а вот дальше засунутые внутрь пальцы определили какое-то полусферическое препятствие. Слегка задумалась — может рукоять цельная, а в ней просто высверлили верхнюю часть?

Нет, это ерунда, тогда она была бы намного тяжелее, да и пальцы вместо выпуклого, чувствовали бы вогнутое. Вывод — в трубку что-то вставлено. Но что это, и как тогда это 'что-то' там закреплено? Если уж просто вытряхиваться решительно не хочет. Минуты три ушло на разгадывание этой головоломки, оказалось, надо одновременно нажать и слегка повернуть и в руку выпадал нож-фонарик. Приличный такой тесачок — лезвие из нержавеющей стали с крупными зубьями по обушку. Помимо этого в ручке еще оказался развернувшийся чехол с набором для выживания.

Чего там только не было... И крючки с леской, и свернутая ленточная пила, и три запаянных в полиэтилен толстеньких спички — с надписью '5000 зажиганий', и простая газовая зажигалка. Даже жидкость для разжигания костра была! А я тут огонь трением добывала. Отдельно лежала небольшая аптечка. Блин, даже чехол в котором все это было свернуто, на самом деле оказался котелком, сплетенным из специальной нити. Его надо было подвешивать над костром и спокойно готовить — каркас и подвеска прилагались.

Стояла я над этим богатством и не знала — плакать или смеяться. Было жгуче стыдно от собственной глупости — то, что рукоятка весьма удобное место для размещения спасательного набора, можно было догадаться в самом начале, едва увидев, как Кроха скручивал колпачок. Но еще больше душила клокочущая внутри ярость — ведь этот мерзавец наверняка все прекрасно знал, но предпочитал смотреть, как я уродуюсь, пытаюсь варить в кулечках и пилить стропорезом. Небось, потешался над тем, как я тряусь над единственной нашей миской-кастрюлькой, в то время как у нас лежит свернутым результат самых передовых технологий.

А вот и он, явился не запылился, выставил усатую морду из кустов и озабоченно поводит ушами, глядя на разложенные на траве предметы. Хотя внутри все клокотало и булькало, я очень аккуратно, почти не трясушимися от желания придушить негодяя руками, упаковала все назад, закрутила заглушку и даже засунула штык лопаты в специальный чехол, и переставила его крепление в сложенное положение — а то еще убью ведь нафиг!

А вот после этого, подхватив злополучный инструмент поближе к лезвию, черенком от всей души приложила этого паразита. Точнее попыталась — не мне соревноваться с биологической машиной уничтожения в рукопашном бою, кадавр легко отвел удар и лизнул меня в лоб, но попытка подластиться только распалила праведный гнев. Минут десять гоняла этого мохнатого клоуна между деревьев, а он развлекался по полной, то подпуская на удар и отскакивая в самый последний момент, чтобы показать язык, то грозно топорща шерсть и делая вид, что сейчас набросится и отберет оружие мести, чтобы потом самой по попе настучать. В общем, повеселились.

Чуть погодя я вдруг обнаружила, что бегаю довольно долгое время вокруг очень толстого дерева, но вот преследуемый уже успел куда-то подеваться. Пришлось резко останавливаться в надежде на то, что он сам на меня наскочит, да не тут-то было — меня ухватили за шиворот и дернули вверх, от испуганного писка избавил передавивший горло ворот, а вот лопатку при этом я не выпустила вполне сознательно, чем и горжусь.

Кроха перехватил меня второй лапой за пояс, а потом согнувшись в поясице — он, оказывается, свесился вниз головой с ветки, держась за нее только нижними лапами — катапультировал меня в развилку ветвей. Где я благополучно и уцепилась изо всех сил, стараясь не кашлянуть, не смотря на передавленное горло — обычно кадавр относился ко мне достаточно трепетно, и нечасто приходилось испытывать на себе его силищу, значит, для столь бесцеремонного обращения были весьма серьезные причины.

Причины появились незамедлительно. Кусты раздались, и из них высунулась внушительное рыло, полоснув по нам совсем не травоядным взглядом налитых кровью глазок. Чуть дальше от пятачка — размером с блюдце, если не тарелку, который никто бы не назвал 'милым' — желтели внушительные клыки. До приснопамятного слоносвина остальной туше этого зверюги было далеко, но окажись я на земле — был бы еще большой вопрос, кто на кого смотрел бы сверху вниз. Сразу за головой тело вздувалось чудовищным горбом, и вообще — одичавший вариант обычной домашней свиньи мало походил на розовенькие тугие сосисочки на ножках, которые не раз видела на ферме и в передачах.

Приблизительно так соотносятся волкодав и болонка. И принципиальное отличие тут совсем не в размерах — в поросячьих глазках нашего гостя читалась волчья свирепость.

Своей возней мы явно вызвали неудовольствие хозяина этих мест — кабана. Я постаралась, впрочем безуспешно, как-то по удобнее устроится на ветке — рука с лопаткой мешала достать оружие, хотя много ли толку от револьвера против такой-то туши. Освободить конечность не получилось, очень уж не хотелось сверзнуться вниз, зато копошение привлекло ко мне внимание чудовища, и оно, недовольно поведя рылом, издало утробный звук, более похожий на рокот землетрясения. В ответ Кроха пробежал до самого конца ветки и принялся возмущенно, и как-то очень противно, верещать, изо-всех сил тряся ветку. Никакого пиетета к непрошеному гостю он не испытывал. Кабан начал взрывать передним копытом землю, но мой защитник запустил в него отломленным сучком, не прекращая верещать на весь лес.

Мне показалось, что сейчас разозленная гора мяса кинется вперед и вывернет дерево с корнем, несмотря на всю его толщину, или хотя бы попытается подрить корни, но свин оказался умнее. Он вполне оценил нашу диспозицию и, просто возмущенно хрюкнув — прозвучало это как близкий удар грома — гордо удалился от наглых, но недоступных его гневу существ. Следом за ним через кусты прошествовали несколько туш поменьше, тоже мазнув по нам взглядами, и несколько совсем маленьких. Видимо кабанье семейство шествовало мимо по каким-то своим свинским делам.

И тут я почувствовала, что из руки у меня забрали лопатку, а саму меня весьма крепко держат двумя лапами за пояс. Тело, как водится, сообразило быстрее головы — голова еще связывала логическую цепочку: 'чуть не съели — кабаны — одичавшие свиньи — свинина — тушеные ребрышки', а руки, подчиняясь древним охотничьим инстинктам, рвали из кобуры оружие. Кроха одобрительно пыхтел над ухом, пока я ловила в прицел самую мелкую тушку, но не возражал и не поправлял мои действия, только зачем-то провернул барабан направленного на добычу оружия и подпер снизу пятку рукояти. Целиться на

раскачивающейся ветке было не слишком удобно, я держала оружие 'по-русски', двумя руками, Кроха страховал меня и не давал раскачиваться, но все равно уверенности не было от лова 'совсем'. Не было — до того момента, когда на левый бок почти скрытого в траве силуэта легли три точки лазерного прицела. И всё — я сама куда-то пропала, не слышала даже колотящегося с жутким грохотом в ушах сердца, остался только превратившийся в лепесток цветка палец, дожимавший спуск и треугольник меток прицела, в последний момент сошедшихся в одну точку.

Выстрела практически не услышала и даже не почувствовала отдачи, хотя обычно револьвер лягался как конь, всё внимание было на добычу, которая подпрыгнула над травой, чтобы рухнуть в нее уже тушкой. Так просто! Я была даже удивлена такой удачей, но кадавр не мешкал. Пользуясь тем, что все остальное стадо после выстрела мгновенно исчезло в лесу, вопреки всем ожиданиям — не то что не 'с диким треском', а даже ветки на подлеске не колыхнулись — Кроха уже деловито волок по траве подстреленную тушку, громко пыхтя. Это только с дерева добыча казалась маленьким поросеночком, в реале это оказался скорее подсвинок, размером и весом не намного меньше самого кадавра, если и не поболее.

Меня же мой 'защитничек' бросил на дереве, предоставив искать пути к слезанию самостоятельно. К тому моменту, когда я, наконец, сползла вниз, он уже успел сбегать за веревкой, и теперь перебрасывал ее через сук, привязав к одному из своих ножей. Так что возмущение его поведением мне высказать не удалось, да и не сильно хотелось — я как-то начала гораздо спокойнее относиться к окружающим, принимая их такими, какие они есть. И только слегка удивляясь таким изменениям в себе.

Мне в руки мигом был вручен второй конец веревки, и мы совместными усилиями подтянули тушу вверх. Разделка не вызвала особого отвращения, скорее каждая клеточка дрожала от предвкушения, видя перед собой такую гору мяса, пусть и сырого, но инстинкты чуть ли не требовали вцепиться в него зубами. Это ж надо так оголодать! Вон, даже у Крохи зубы к сыроядению приспособлены лучше, но он ведь держится — только кровавые брызги с морды слизывает, но это не в счет.

Подтянув тушку так, чтобы пятак оказался на высоте колена, кадавр быстро перерезал горло, предоставив крови стекать в выкопанную для нее ямку, а сам выпотрошил тушу, мигом унеся в сторону все внутренности, кроме заботливо завернутой в лист лопуха печени. Затем начал сноровисто снимать пласты сала, откладывая их в сторонку. Потом пришел черед мяса. Что интересно — он снимал его совсем не так, как я это привыкла видеть. Вместо освобождения от всяческих 'лишних' пленок, кадавр наоборот снимал каждую мышцу отдельно, стараясь не повредить покрывающие мясо пленки и оставляя на краях сухожилия.

Очень быстро, хотя возможно за работой мы просто не замечали хода времени, от свина остался один костяк с ошметками.

Три следующих дня запомнились, как череда бесконечной обжираловки с заготовкой еды 'в дорогу' в промежутках между едой и послеобеденным сном. Столько мяса, едва разбавленного различными салатиками, я наверно не съела за всю жизнь. Мы питались практически сырой печенкой, едва обжарив ее на благословенной лопатке вместо сковороды, варили бульон из языка, тушили сердце с черемшой и диким чесноком, и конечно жарили и тушили просто мясо. В общем — оторвались на пару лет вперед. Бывало, что едва наевшись и насобирав по округе дров для самодельной коптильни, садились есть

ВНОВЬ.

Жаль только, что мясо и сало отчетливо припахивало порохом, но это даже было пикантно. Ведь ели почти без соли. Единственную пачку этого продукта, прихваченную запасливым кадавром, мы сэкономили еще и потому, что он в нее вбухал просто немеряно молотого перца. В итоге, хорошо посоленное оказывалось жутко перченым. Часто приходилось и вовсе обходиться золой от костра, и это нисколько не портило результата, как ни странно.

К концу третьего дня Кроха закончил перерабатывать ту часть мяса, которое не удалось снять с костей, не повредив пленку. А начал он его бесконечно варить в вытопленном жире до полного высушивания еще в первый день. Котелок и большой горшок с литровой чашкой пришлось очень даже кстати. А готовую продукцию этот хомяк разливал в пакетики, пошитые из многофункционального парашюта. Шить их пришлось, разумеется, мне. С ужасом думала, что будет, когда мы все это погрузим на собственный горб и потащим в сторону горизонта, но как оказалось в результате вышло не так уж и много. Свой вес не тянет. Плот Кроха пустил на дрова, которые все израсходовал на заготовку мяса, а поплавки от самолета — не поленился, зарыл в песок. От кого уж мы так прятали следы, даже и не знаю. И мы отправились дальше пешком.

Часто просторы степи сравнивают с морем, не понимая, что это значит на самом деле. Формально — постоянно колышущаяся под ветром поверхность травы действительно похожа на воду, но на самом деле главное не это. Просто трава, а она тут по пояс, если не выше, скрывает всё, что творится под ней еще надежнее, чем вода. И кануть бесследно в нее даже намного проще.

Трава для человека не менее чуждая среда. Тут нет риска утонуть, и не стоит опасаться шпорма, зато населенность зеленого моря превышает всё мыслимое и неммыслимое. Почему-то именно джунгли считают сосредоточием жизни, хотя как раз степь является самым продуктивным биоценозом. Недаром африканский слон — самый крупный, да и прочие земные гиганты водятся непосредственно в саванне. Чем же они умудряются питаться в этой предельно сухой, похожей на пустыню, степи? Ведь тому же слону нужны десятки тонн зелени в сутки.

Ответ кроется в раскинувшемся вокруг зеленом море — трава, в отличие от воды, съедобна. Даже рекордсмену по «переводу продуктов» — лошади, участка десять на десять метров такого пастбища хватит недели на четыре, а за месяц трава на этом квадрате успеет не один раз вырасти снова, слишком щедро поливает ее лучами Гаучо. Да и вообще — раскинувшиеся во все стороны просторы не сможет съесть никто. Потому большая часть всего этого богатства просто со временем пожелтеет и поляжет, чтобы чуть позже, как только пойдут дожди, возродиться новым зеленым приливом.

Кроха, видимо, специально в самом начале нашего пути загнал меня на возвышенность — любоваться окрестностями. Посмотреть действительно было на что — среди создаваемых ветром «волн» неспешно рассекали пространство «эскадры» травоядных всевозможных форм и конструкций. От громадных «авианосцев» шерстистых носорогов, которым еще большее с кораблями сходство придавали многочисленные птицы, облюбовавшие эти живые острова, до «крейсеров» — вполне обычных и знакомых «буренок». Вот только выглядели последние совсем не добрыми и ласковыми, и не переставали держать строй, даже жуя. Про табуны «эсминцев» всевозможных лошадиных и говорить не приходится — их тут не счесть.

И разумеется, то тут то там, из травы выставляли «перископы» чутких ушей, а то и показывали вытянутые стремительные тела «подводные лодки» — хищники внимательно следили как набирает вес их будущий обед. Каждое стадо было окружено не одним десятком желающих плотно перекусить. Но что странно, за те четыре часа, что мы проторчали на холме — соваться в степь на ночь глядя было совершенным безумием — никого из травоядных так и не съели.

Удивительно. Ведь далеко не все хищники были сытыми и добродушными, вроде того гигантского амфициона, который милым плюшевым мишкой переваривал вчерашний ужин в тени чудом сохранившегося на равнине дерева. А он и в самом деле похож на медведя, если последнего покрасить в серо-пепельный цвет и увеличить раза в полтора по всем трем координатам. Этот пацифист не иначе, как решил разыграть сценку из библии — на счет «возляжет лев рядом с агнцем», и совершенно не обращал внимания на пасущегося в трех

десятках метров полугодовалого теленка.

Вот только копытные ему не дали отдохнуть — рогатая мамаша, увидев к кому пристает ее дитяtko, выронила изо рта пучок травы и начала рыть копытами землю, а на горизонте раздался пароходный гудок, и глава стада резко переложил курс, неспешно направляясь в их сторону. Старательно играя мышцами, он воинственно задрал хвост.

Пришлось бедному песику, гавкнув на последок что-то вроде: «Совсем бычье совесть потеряло!» — убираться подальше от меньшего по размеру, но более многочисленного и воинственного противника.

Так вот, как уже говорила — далеко не все хищники были сытыми, и штук восемь полосатых амфиционов, действуя довольно слаженно, попытались отбить от другого стада теленка. Да не тут-то было — пока взволнованная мамаша гоняла группу отвлечения внимания по малому кругу, ее товарки слажено согнали всех телят вокруг, а ударивший во фланг танковый клин — в лице патриарха клана и тройки быков поменьше, и вовсе расстроил все их планы на поздний ужин. Впрочем, может и нет — парочку своих, самых потрёпанных, агрессоры утащили в ходе отступления, и сомнительно, что для оказания медицинской помощи.

Так же потерпели неудачу пара «мишек» поменьше, попытавшихся отбить от стада «вилорогих» буйволов небольшую телочку, тонны на полторы всего. Но и им было суждено лечь спать голодными, причем беспомощная жертва умудрилась разобраться с ситуацией даже без помощи родственников. Она, приблизительно на втором прыжке, которым пыталась спасти свой филей от лап с выпущенными когтями, вдруг резко сменила тактику и, уперев передние копыта в землю, задними поприветствовала захватчика ударом в грудь. Тот мохнатым шаром для кегельбана укатился подальше, оставив отчетливый след примятой травы. Длинной метров в двадцать, наверное. Второй охотничек решил не искушать судьбу и не сводить близкое знакомство с низко опущенными рогами, тем более, что за спиной несостоявшегося обеда уже выстраивалось нечто вроде македонской фаланги.

Так что «мишка» тут же с невинным видом занялся проявлением родственных чувств — его напарник лежал пластом и подняться смог только минут через сорок, а копытные решили ему не мешать и, со всем возможным достоинством, отбежали в сторону метров на восемьдесят, попуно делая вид, будто там трава гораздо вкуснее.

Со стороны агрессоров было еще пару попыток поохотиться, но все потуги были сорваны контрдействиями боевого охранения еще на стадии предварительной подготовки. Что не говори, а устав караульной службы местные копытные знали назубок. Видимо, всех нежелающих его изучать давно уже съели.

Так что беспомощных жертв, раздираемых жестокими хищниками, в пределах прямой видимости не наблюдалось, а вот конкурирующие стаи пару раз на наших глазах за будущий ужин поспорили. С жертвами. Очевидно, меню охотников было распланировано на месяцы вперед и новшества, в виде посторонних любителей халявы, тут не одобрялись. Радикально.

Интересно, а кем на этом празднике жизни будем мы? Если травоядными, тогда нам стоит опасаться только самых голодных, да и те будут не слишком усердствовать — тут и от привычной еды можно огрести по самое не балуй, а от необычной и вовсе непонятно чего ждать. Или все же нас посчитают плотоядными, желающими урвать чужой кусок? В этом случае наш путь будет весьма тернист и вряд ли долог.

Но это мы узнаем завтра, когда спустимся в зеленый ад бескрайней степи. А пока наступила пора хорошенько выспаться — диск светила ушел за горизонт.

Ночь прошла без происшествий.

Ну не считать же за происшествие визит соседа? Шерстистый носорог умудрился как-то заметить костер, несмотря на небольшую оградку из веток, сплетенную Крохой вокруг разведенного в ямке и уже почти погасшего костерка.

Похожая на ночной кошмар туша совершенно бесшумно вынырнула из темноты, неодобрительно посмотрела на оставшиеся от веселого пламени угольки и примятую кучу травы на месте нашей постели. Сами мы в этот момент сидели на невысоком дереве, растущем на краю нашей первобытной стоянки, прикидываясь листиками и одновременно стараясь не слишком трепетать на фоне полного безветрия.

Визитер шумно выдохнул, выказав тем самым свое общее неудовольствие, но этим не ограничился, заревев на всю округу. Мы дружно затряслись на дереве не то, что синхронно с ветками, но даже кажется вместе со стволом и корнями, а листья посыпались вниз небольшим водопадом. Впрочем, видимо так разведчик сообщал стаду, что обнаруженный «огненный цветок» опасности не представляет и, скорее всего, погаснет сам. Еще один печальный вздох и мазнувший по дереву насмешливый, как показалось с перепугу, взгляд, и громадина так же бесшумно растворилась в ночи. Навалив перед этим напоследок небольшую, всего до половины моего роста, горку навоза, и напрудив средних размеров озерцо.

Надо же, а ведь я считала склон холма достаточно крутым, а нас самих в полной безопасности от неожиданных визитов. Удивил и ставший похожим на филина Кроха, так глаза выпучить — надо уметь, а уж так вцепился в ветки — когти потом пришлось извлекать по одному и с немалым трудом. По взаимному согласию досыпать дальше решили на дереве.

Подумала, засыпая: «И куда же, в случае необходимости, от такой горы убежать?»

Вот уже третий день вокруг нас, именно вокруг, и никак по-другому — плещется зеленое море. Рассекаем его со всей неспешностью — ноги-то не казенные. Забавные ощущения — нас не то что никто до текущего момента не съел, но даже не попробовал. А сколько страхов было...

Стыдно вспомнить, первые два часа даже под ноги не смотрела, чуть без них не оставшись — желающих рыть норки тут более чем достаточно. И все вздрагивала и крутилась во все стороны под недоуменным взглядом Крохи. Как же, страшно ведь — трава по пояс, будто действительно плывешь на лодке — горизонт свободен, но реальная видимость ограничена как раз расстоянием прыжка крупного хищника. Тут достаточно просто присесть в траве, и заметить тебя уже в семи метрах просто нереально. Собственно, этим и выживают в саваннах всякие там львы.

Так что невольно приподымаешься на цыпочки, пытаешься хоть что-то рассмотреть, шея непроизвольно вытягивается. Мигом становится понятно, как появились на самом деле жирафы и, что самое главное — как умудряются выживать эти ходящие вышки. Им ведь всех с такой высоты видно, и они успевают, заметив к себе гастрономический интерес, просто отойти в сторону. Ни один хищник не рискнет атаковать при таком раскладе, так ведь можно гоняться за добычей до морковкина заговенья, а выносливостью копытные любого охотника превосходят. Только человек мог охотиться в африканских саваннах, банально загоня лошадиных насмерть, но человек все же не вполне хищник.

Отвлеклась, это нервное. Но за всеми этими рассуждениями совершенно не заметила, как любой шорох в траве перестал вызывать нервное шараханье, а револьвер снова перекочевал в кобуру, пока еще правда не застегнутую. Но видимо, еще чуть-чуть и привыкну, во всяком случае, мой спутник перестал на меня странно поглядывать, зашагав веселей. Теперь, наконец, можно смахнуть холодную испарину и попытаться понять — почему же на самом деле никто нас не трогает.

Хотя это не есть бином Ньютона — стоило успокоиться, как все стало понятным — идем-то мы далеко не по прямой. Да, совсем не по ней. Кроха старательно обходит места концентрации копытных и прочие местечки, явно до сантиметра зная, какое расстояние является для нас безопасным. Видимо совсем не зря мы столько простояли на том холмике. Да и чувствует себя здесь мой спутник ничем не хуже, чем в море, может, даже лучше — вон как крутит ушами и принюхивается, наверняка более совершенные чувства позволяют ему иметь в голове идеальную картину происходящего вокруг.

Вот так мы и топали по странной траектории, удлиняющей путь раза в полтора, но очень сильно продлевающей жизнь.

Без всяких происшествий и приключений дни сменялись ночами, ночи плавно перетекали в дни, трава становилась все ниже и все желтее — Гаучо безжалостно выжигал окрестности, а найти воду становилось все сложнее. И часто у водопоев нас поджидала засада. Нет не хищники, они как раз оказалось вполне себе лапочками и никаких неприятностей не доставляли, зато выгнать из понравившейся лужи парочку расположившихся там буйволов, жарко им, видите ли, было еще той задачей.

Мои жизненные установки между тем претерпели кардинальные изменения, и если раньше я с осуждением относилась к кровожадности испанцев, устраивающих садистские представления из процесса приготовления отбивной, то теперь я всеми силами ненавидела эту тупую и агрессивную скотину. И ведь не договоришься с ними по-человечески — стоит подойти поближе, как из лужи, будто ядро из пушки, и с таким же шумом, вылетает туша весом под две тонны и начинается такое веселье — любая коррида нервно курит в сторонке.

Последний раз парочка рогатых гоняла Кроху часа полтора, прежде чем он сумел оттянуть их подальше. Так умаялся бедолага, что потом еле лапы тягал. А все мучения ради того, чтобы я могла подкрасться к вонючей луже и наплевать полкотелка сомнительной жидкости, втягивая ее через фильтр. Про «помыться» в такой обстановке можно было и не мечтать.

Не считая небольших развлечений, путешествие наше было вполне безопасно, но со временем всё больший вес приобретала одна проблема — мы не охотились. На пятый день наша диета, состоящая из «салата из одуванчиков» — в зависимости от наличия воды, трубочки вымачивать длительный срок, или просто ошпарить кипятком, и потреблять вовнутрь — и мяса, вываренного в жире памятного свина, встала мне поперек горла.

Видимо мясное безумие после удачной охоты что-то сдвинуло в голове, и теперь желание поесть по-человечески отодвинуло в сторону даже страх. Целыми днями я рассматривала окружающее изобилие жизни только с гастрономической точки зрения. И разумеется, доигралась — в один момент охотничий азарт заставил потерять голову и я неудачно попыталась отрубить нашей лопаткой левый задний окорочок от неспешно ползшей по своим делам гигантской черепахи.

Вот только неудачно — это мягко сказано. Не смогла даже поцарапать чешую, а вот черепашка, а была она росточком около метра и весом, наверное, килограмм под шестьсот,

совсем не стала прятать конечности под панцирь. Видимо, не оценила меня как серьезного противника. Довольно быстро развернувшись на месте на манер танка, только пыль из под когтистых лап взлетела, «тортилла» со змеиным проворством метнула вперед голову.

От серьезных неприятностей меня в очередной раз спас кадавр, резко дернувший назад за пояс. Но наша самая большая ценность — особо острая саперная лопатка, топор и сковородка в одном лице — осталась на месте дислокации рассерженного пресмыкающегося. Как оказалось, оно совсем не хочет ни перед кем пресмыкаться, да и вообще по жизни имеет весьма крутой нрав. Так что пришлось нам нервно стоять в сторонке, поджидая, пока до этой тупицы дойдет, что все закончилось. Наконец, она бросила терзать совершенно несъедобный предмет. Хорошо хоть с собой в качестве трофея не утащила. А так, спустя всего два часа, мой верный телохранитель приволок назад вполне себе целую лопатку, только на ручке появились небольшие вмятины, наводящие на мысль о приличного размера тисках.

Желудок умеет замечательно стимулировать деятельность головного мозга на пути к самосовершенствованию. Приключение с черепашкой и несколько осуждающий взгляд Крохи отрезвили, заставляя думать головой, но не сменили направления мысли — мяса все равно хотелось и желательно свежего. Копченые в пленке куски кабанчика, оказались замечательными не портящимися консервами, и поэтому их стоило беречь, да и вкус у них был все же... консервный. Но вокруг-то шло множество бесхозного мяса, а мы тут одуванчикоедов из себя изображаем.

В принципе, у нас оставалась полно патронов, вполне хватит повторить удачную охоту, а с другой стороны — катастрофически мало, чтобы в итоге остаться с добычей. Дело в том, что даже лев, завалив антилопу, нервно оглядывается, стараясь побыстрее сожрать как можно больше — пока не появились желающие эту добычу отобрать. Что обычно и происходит. Даже царя зверей запросто могут оставить с носом гиены, не пожелавшие дожидаться конца царской трапезы. Это не говоря о весьма вероятном появлении еще одного льва.

У нас же и вовсе не было ни роскошной гривы, ни громкого голоса, чтобы отстоять добычу, к которой на запах крови и халявы сбегится вся округа. Так что охота на что-то крупное явно отпадает. Но ведь помимо крупных форм в траве шмыгало и полно мелочи, да вот только свой размер она прекрасно компенсировала скоростью перемещения и умом. Оказалось, не только мы, но все вокруг прекрасно понимают, на какое расстояние уже к нам можно приближаться безопасно. И совсем не горят желанием нарушать эту дистанцию.

Револьвер конечно мог бы решить эту проблему, но вот что останется от того же тушканчика после попадания пули, которая и из подвинка вырвала кусок плоти килограмма на три... уши и кисточка на хвосте? А в такую шустрюю цель надо еще умудриться попасть — на свой счет в этой части у меня были весьма обоснованные сомнения. Насчет кадавра сомнений наоборот не было, но он совсем не спешил тратить невозполнимые патроны и разнообразить наше меню.

От желудочной тоски возобновила даже упражнения с пращей. Кроха к моим занятиям отнесся благосклонно, и не отказывался поискать потом в траве пролетевшие мимо цели камни. Основной целью для упражнений для меня стали местные суслики — их совершенно неподвижно стоящие столбики, только крутящие головами, здорово напоминали настоящие мишени на стрелковом полигоне — так же появлялись в самом неожиданном месте на

несколько секунд и так же стремительно пропадали. Жалко только, что исчезали они не от попадания, а просто услышав очередной просвистевший мимо камень.

Но я с упрямством, достойным лучшего применения, продолжала безуспешные попытки, как говорится: «не догоним, так согреемся». Сойдет за физкультуру, а заодно и развеять монотонность утомительных переходов. В итоге, когда мое желание было вознаграждено, и очередной суслик не исчез бесследно внутри скрытой в траве норке, а подпрыгнув, покатился сбитой кеглей, добыча чуть не оказалась упущенной. Выручил как всегда Кроха, пронзив пространство рыжей молнией. Он, всего с четвертого промаха, умудрился поймать еще не пришедшего в себя после удара камнем суслика.

Тут уж и я не оплошала и подскочив полоснула стропорезом горло удерживаемой Крохой добычи, едва не отхватив при этом пару пальцев кадавру, но на его укоризненный взгляд в пылу охоты никто внимания не обратил. Как и на то, что кровь из перерезанного горла ударила фонтаном во все стороны, в том числе и мне в лицо. Только облизнулась, по примеру довольного звереныша, почувствовав не тошноту, а вкус победы — у нас было мясо!

С тушкой Кроха разобрался в считанные секунды — отхватив голову одним движением, он содрал шкуру и, завернув в нее потроха, выбросил получившийся кулек подальше. Из высокой травы мигом вынырнула голенастая фигурка еще не перелинявшего подростка-полосатика и, ухватив зубами добычу, пятясь, уволок ее в траву. И ведь при этом явно что-то ворчал сквозь зубы про «жадин, нежелающих делиться с настоящими охотниками». Чуть не рассмеялась от такой наглости, но веселье слегка пригасила парочка стремительных полосатых теней, промелькнувших по траве следом за чадом — видимо, родители выводили отпрыска на охоту. И уж совсем невесело стало, когда из окружающей травы бесшумно поднялось пару десятков силуэтов, чтобы неспешно потрусить следом. Серьезный и оценивающий взгляд кадавра им вслед и его прижатые к голове уши тоже не порадовали, но желудок громко требовал, чтобы мы перестали, наконец, заниматься рефлексией и занялись прямой нашей обязанностью — его наполнением.

Уже через полчаса тушка висела над разведенным костерком, истекая соком и распространяя по округе восхитительный аромат жарящегося мяса. Непередаваемый аромат «суслиатины» и старого жира изголодавшийся по свежей белковой пище мозг умудрялся как-то игнорировать. А потом мы по-братски поделили добычу и глотали горячее, истекающее кровянистым соком мясо, обжигаясь и облизывая грязные пальцы.

И были счастливы.

После первой удачи камни все равно продолжали лететь мимо, но Кроха неожиданно смилостивился и показал способ охоты на сусликов. Тем более, что с водой в степи, по мере приближения к горам, пока все еще маячившим на горизонте, не приближаясь ни на йоту, становилось попроще.

Для этой охоты требовалось: ведро воды — одна штука, лопата — одна штука, охотники — две штуки. То есть как раз то, что у нас было в наличии. Дальше надо найти сусличьи норки, которые, в виду угрозы, начали прятаться не хуже самих сусликов. Но при наличии острого глаза, или специально обученного кадавра, и с этим тоже проблем не наблюдалось. Потом один из охотников льет воду в норку, а другой стоит в позе бейсболиста над вторым выходом из нее с лопаткой в руках вместо биты. Любая нора, оказывается, имеет минимум два выхода.

Никогда не считала бейсбол занятием способным дать хоть какие-то полезные навыки, и была посрамлена. Оказывается, это очень древнее и полезное занятие. Спасаящийся от

потопа грызун выскакивал прямо на баттера и, в одном случае из четырех, следовал удар, а у нас, в зависимости от времени суток, появлялся ланч или ужин. В случае же страйка, приходилось топать пару километров за водой, потом обратно и искать новую нору. Что было несколько утомительно, но зато проблема с отсутствием мяса была решена раз и навсегда.

Хорошо запомнился один забавный случай — во время очередной «охоты с ведром» Кроха как обычно лил воду, а я готовилась нанести удар, и тут кадавр вдруг стремительно отлетел от норы, бросив наш замечательный кевларовый котелок, и затанцевал метрах в пяти. Я давненько не видела его таким возбужденным — глаза горят, шерсть дыбом, из пасти вырываются воинственные звуки в такт прыжкам, но ни нападать, ни убежать он не спешил. Любопытство заставило позабыть об осторожности, за что тут же была «вознаграждена» — нора оказалась занята совсем другим постояльцем, и теперь из нее выползала наружу змея толщиной с мою руку. Грязная, и очень злая на мерзавцев, устроивших ей внеплановое купание.

То, что в каждом человеке под налетом воспитания и цивилизованности скрывается совсем другая личность — можно даже не сомневаться. И если цивилизованная барышня не знала, что ей делать при виде свивающего в кольца тела — верещать на всю округу, или грохнуться в обморок, то простая первобытная женщина просто взвизгнула: «Мясо!!!» — и рука без всякого участия головы нанесла удар. И это хорошо, что не подумала — метать саперную лопатку ведь не училась и наверняка бы промазала, начни целиться. А так лезвие со свистом преодолело разделявших меня и гадину четыре метра... и из одной змеи получилось две половинки.

Половинки некоторое время по извивались, да и затихли. Подошедший Кроха глянул на меня уважительно, после чего выдернул лопатку и одним ударом отделил голову змеи, отбросив ее в сторону. Последовала процедура обдирания — будто чулок снял, и очень скоро мы наслаждались первыми кусками, поджаренными на благословенной лопатке, пока рядом булькал змеиный супчик с травками и какими-то клубеньками. Гадина по вкусу действительно оказалась похожей на курицу, хотя сравнивать выращенную в конкреционном лагере, убитую током и замороженную до синевы тушку с божественным вкусом нашей добычи было святотатством.

И только уплетая за обе щеки почти позабытое блюдо, варить сусликов из-за их запаха было глупо, я наконец вспомнила — я же боюсь змей! И выхватила прямо из-под лапы кадавра добавку, а вот нечего грабки протягивать — это моя добыча!

В итоге, напоследок умудрилась отчудить так, что последствия выходки запомнила на всю жизнь. Решив немного пошутить подобрала валяющуюся в стороне змеиную голову и, насадив ее на прутик, попробовала полученной конструкцией слегка попугать кадавра.

Напугать не удалось. Или удалось... словом уклонившись в сторону от жуткой пасти он одним движением отобрал у меня прутик и, зашвырнув злополучную бошку подальше, в четыре движения обломал его об мою пятую точку. Так больно меня не наказывали... никогда наверно. Да и потом пострадавшее место еще дня четыре напоминало об этом событии при любой попытке присесть.

Сквозь злые слезы смотрела на Кроху, не в силах раскрыть рта из боязни разрешится от обиды. Он видимо понял мое состояние и тяжело вздохнув, пошел искать в очередной раз куда-то заброшенную голову. Потом немного повозившись, разжал ей челюсти и сунул между них лезвие ножа. И тут на моих глазах произошло чудо — «мертвая» голова ожила,

сомкнув челюсти и царапнув ядовитыми клыками по металлу. Кадавр освободил лезвие, аккуратно размазав несколько капелек, стекших по кровостокам оружия, поднятой травинкой, и поднял на меня грустные глаза. Я же сидела (хм, а ведь перед этим вроде бы стояла?) и пыталась привести мысли в порядок. Безуспешно. В голове крутилась только одна цитата из неизвестно какой книги: «Змеи потрясающе живучи — отрезанная голова гремучей змеи способна укусить в течении суток». И так по кругу.

Но несмотря на это, слегка подпортившее аппетит событие, я все равно очень внимательно посматривала под ноги. Но увы, больше нам змей не встречалось. Или этот мохнатый мерзавец специально предпочел меня с ними больше не встречать.

Зато сусликов мы ловили регулярно, и даже задумалась, не выделат ли несколько шкурок, чтобы потом сшить себе чего-нибудь на память об этом путешествии. Как-то понемногу я подсознательно уверилась в успешности нашего возвращения к людям. Однако Кроха моего энтузиазма не разделял.

Не в смысле возвращения, а в смысле необходимости сохранять шкурки. Не разделял и просто выкидывал отходы. Увы, управиться с этим делом без него не стоило и мечтать. А жаль.

Впрочем, мои мечтания обрели воплощение самым неожиданным и не слишком приятным образом.

Долгое время маячившие на горизонте горы совершенно неожиданно, рывком, оказались совсем рядом и заслонили четверть высоты обзора. По сути, мы уже входили в предгорья, но степь еще не спешила уступать. Вокруг только начали появляться островки леса, обычно вокруг небольших ручейков или махоньких озер, да местами обзор заслоняли группы невысоких холмов.

После того как мы форсировали небольшую речушку, Кроха начал вести себя беспокойно. Хотя внешне это никак не проявлялось, и он по-прежнему уверенно топал вперед, но я слишком много времени провела рядом и сразу заметила, как часто он начал крутить ушами и принюхиваться. Впрочем, неспешно проходили часы, ничего не происходило, и я решила, что просто моего спутника взволновала смена обстановки. Необходимость обустроить лагерь и вовсе выдворила все тревожащие мысли из головы. В этот момент на нас и напали.

Из абсолютно пустого и просматриваемого пространства вдруг выметнулось гибкое, абсолютно черное тело и одним прыжком сократило половину расстояния до лагеря. Я так и замерла посреди движения вцепившись в рукоять лопатки — как раз капала яму для мусора, а вот Кроха...

Уже потом, задним числом припоминая мельчайшие нюансы его поведения, я поняла, что кадавр заранее подготовился к встрече с дикой кошкой — ни мгновенья на растерянность, ни единого лишнего движения и взгляда. Даже оружие у него было под рукой наготове. Совершенно очевидно, мерзавец заметил подкрадывающуюся пантеру. Наверняка именно ее он чувствовал и до этого, а волновался из-за выбора цели — кошечка вполне могла броситься и на меня. Только осознав, что первой целью для удара будет он сам — моментально успокоился.

Так вот, уже посередине второго прыжка атакующей нас молнии, раздался хлопок пращи, и я увидела, как черный силуэт замер прямо в воздухе, а потом тяжело припал на передние лапы, мотая головой из стороны в сторону. Удар камня был настолько селен, что

погасил импульс прыжка. В этот момент я и почувствовала, что нужно действовать. Это был шанс решить все быстро, а главное — это был мой шанс. Ни страха, ни азарта, я как бы смотрела на собственное тело со стороны. Два быстрых подшага и ставшая враз невесомой лопатка падает сверху-сбоку, перечеркивая шею все еще мотающей головой в попытке поставить на место «встряхнутые» мозги большой кошки.

Рука даже не почувствовала сопротивления, когда заточенный край вспарывал живую плоть, а глаз только отметил как метнулась в сторону, в безнадежной попытке уйти, черная тень, чтобы рухнуть и забиться метрах в десяти от нас. Казалось, большая кошка просто обпилась настойки валерьяны и теперь, катаясь, радуется жизни — в сухой траве и на черной шкурке кровь была практически невидна. Конвульсии огромного животного скоро замедлились и сменились дрожью, и только тогда Кроха опустил ствол и укоризненно повернулся ко мне.

Я же никак не могла сдержать улыбку на всю физиономию — отпускающий адреналин заставлял каждую клеточку трепетать от восторга, понимания победы и радости продолжения жизни. Видя, что я сейчас не в состоянии воспринимать его критику, кадавр просто отобрал лопатку и устроил небольшую пантомиму, показав как на самом деле необходимо было действовать. Причем, в объяснения пустился не раньше, чем проверил, что пантера действительно мертва, для чего не сходя с места метнул в нее один из своих ножей.

— Я все поняла, Кроха, — прервала шестое повторение движений в замедленном, как он наверно думал, темпе. — Удар надо наносить не на шаге вперед, а на шаге назад, и не вкладывать в него свой вес. То есть рука движется вперед, а туловище назад, и в момент завершения удара тело само потянет за собой оружия. Это эффективнее, чем рубить как топором со всей дури. Я тебя правильно поняла?

Кадавр, горестно кивнул и с сомнением посмотрел на меня. Пришлось поспешить извиниться:

— Спасибо за науку, милый друг. Только понимаешь, я в этот момент совсем ни о чем не думала и тем более о том, куда и как нужно бить. И боюсь, пропадет вся твоя наука даром — в следующий раз тоже все из головы вылетит.

Тут Кроха насмешливо фыркнул, явно говоря: «Теперь шиш ты это забудешь!» — и глазами и носом показал на мою правую ногу. Инстинктивно глянула вниз, и пришлось срочно бороться с вдруг подогнувшимися коленями и подкатившим к горлу комом — штанина на икре изнутри была располосована на симпатичные ленточки и уже насквозь промокла от крови.

Дальнейшие события запомнились очень четко, но словно со стороны. Видимо это и есть шок, но я ему за это благодарна. Довольно отстраненно отметила, что следом за большинством моих комплексов в лету канула и боязнь крови — в последующей суете было просто не до нее.

Кроха одним из своих ножей распорол штанину и промыл несколько не самых опрятно выглядящих рваных ран единственной доступной ему стерильной жидкостью — собственной мочой. Наблюдая за процессом, равнодушно подумала, придется ли и мне поучаствовать в процессе производства дезинфекционного средства и как это осуществить технически — ведь если ждать пока вода для промывания закипит, а потом еще и остынет... А ту воду, что мы уже набрали, без кипячения использовать вряд ли можно. Однако кадавр нашел решение — вытряхнув в глиняную чашку упаковку белых таблеток из аптечки и залил водой, затем

вылив получившуюся жидкость на пострадавшую конечность. И вяло текущая кровь вскипела пеной, моментально останавливаясь.

А потом, вымыв остатками этого средства лапы, Кроха выудил из аптечки кривую иголку и, бесцеремонно крутанув мне голову в сторону, дал понять, что смотреть на продолжение не стоит. Самой не хотелось, вот только вся процедура и так прекрасно чувствовалась во всех ее тошнотворных подробностях. Радует разве что без боли — перед тем, как начать операцию, самодеятельный доктор вколол мне в ногу все шприц-тюбики, что нашлись в аптечке парaplана. Впрочем, с определенного момента меня начало охватывать веселье — лекарство, заморозившее ногу, почему-то не заглушало щекотки, да и вообще весело, когда тебя штопают, будто прореху на обивке дивана, сделанную не в меру игривым котенком.

Результат трудов и вовсе вызвал безудержное хихиканье и укоризненный взгляд Крохи. А нечего так коситься, если сам о высоком портняжном искусстве имеешь весьма отдаленное представление. Швы, наложенные кадавром, не были сплошными — три-четыре рядом расположенных стежка, промежутки в пару пальцев и опять три стежка. Но желания взять в руки иголку и поправить работу этого халтурщика не возникло. Никакого. Ни малейшего. Хотелось спать, да и Кроха, удовлетворено кивнув, быстро залил операционное поле жидким бинтом.

С сомнением посмотрела на злорадно ухмыляющуюся морду и, не выдержав уколов любопытства, буркнула: «Колись давай, чего такой довольный». В ответ кадавр показал, как он потом будет оттирать бинт — ме-е-е-е-едленно-о-о. Возмущенно вскочила, разом забыв о своем смертельном ранении — тоже мне любитель депиляции нашелся! Хотя, если подумать... чем не возможность сэкономить на посещении салона? Всего-то и надо — копеечная аптечка с баллончиком жидкого бинта.

Коварный Кроха тут же воспользовался моей секундной задумчивостью и, подкравшись сзади, одним движением сдернул камуфляжные штаны — аж окаменела от возмущения таким подлым нападением и, раньше чем пришла в себя, оказалась и вовсе без этой детали одежды. В итоге через пару минут, шипя сквозь зубы слова, которые леди и знать не положено, отмывала пропитанную кровью штанину, используя вместо специального порошка от мирового бренда золу из костра, песок и мочалку из какого-то тростника. И всё это — в холодной воде. Надо отметить что народные средства справлялись с задачей намного лучше разрекламированных, но хорошего настроения это не прибавляло — ни в одном романе смертельно раненого в схватке с хищником героя не отправляли стирать одежду. И что-то мне подсказывает, что зашивать прореху сразу после стирки предстоит тоже мне....

Но за это зрелище я готова было простить ему всё! Пока я возилась по хозяйству, Кроха успел снять шкуру и даже растянуть ее между вбитых в землю кольшков. А еще — выкопать приличную яму, из которой сейчас торчали только кончики ушей, да вылетала земля. Совместными усилиями столкнули то, что осталось от кошки, в яму, и я принялась ее закапывать, пока кадавр готовился к процессу, в ходе которого я прокляла свое желание сохранить такой красивый трофей на память. Уж очень все было маятно и не эстетично. Сначала мы скоблили шкуру ножами, потом до полного одурения терли притащенными кадавром пористыми камешками от приставшего изнутри жира и прочего. Руки быстро перешли в состояние «щас отвалиться» и Кроха отправил меня отдыхать, в одиночку продолжив малопонятную возню с камнями и золой из громадного костра, разведенного на

месте где мы прикопали прежнюю хозяйку шкурки.

Люблю посмотреть, как другие работают, но глаза слипались, и я провалилась в сон.

Дальнейшие дни прошли в туманной пелене, из которой выныривал Кроха, поил меня невыносимо противными и горькими травками, облизывал мокрый лоб шершавым ледяным языком, повторял ту же процедуру с дергающей тупой болью ногой и снова таял в тумане. Видимо, у меня была высокая температура, уколотых антибиотиков явно не хватило, чтобы справиться с грязью на когтях милой киски, и оставалось только ждать, когда организм сам справится с попавшим в него ядом.

Но благодаря стараниям кадавра, ничего серьезного мне не грозило. Я в это верю.

Очнулась я внезапно и разом. Некоторое время ушло на борьбу с промокшим от пота парашютом, но, несмотря на общую слабость, справилась и, извиваясь на манер гусеницы, покинула свой кокон. Ветерок приятно оведал полностью обнаженное тело, швы на ноге перестали пугать открытыми ртами с торчащим наружу красным мясом, а из оставленных незащитными промежутков уже почти не сочилась жидкость. Появившийся из ниоткуда Кроха прошелся шершавым языком по ранам, вызвав в ответ нестерпимую волну зуда и желания почесать. Довольно хмыкнув, залил голень жидким бинтом.

После этого меня, аккуратно поддерживая и убирая с пути всё, обо что можно было наколоть босые ноги, отвели к ручью, где до красна растерли мочалкой из листьев, и вымыли с применением настоящего жидкого мыла. Интересно, когда этот мерзавец умудрился наладить производства шампуня? И ведь даже про отдушку не забыл — волосы после мытья пахли какой-то уж очень знакомой травой.

На берегу меня подждал чисто выстиранный и чуть ли не выглаженный камуфляж и серьезный взгляд, дескать: «Хватит из себя больную изображать, когда бивак не выметен, а кот не кормлен». Пришлось собираться в кучку и возвращаться в мир живых.

И не скажу, что я этим хлопотам была не рада.

Спустя еще два дня мы, наконец, сдвинулись с места. Я с полным восторгом нацепила на шею себе два ожерелья из зубов и когтей кисы, превратившись в настоящую пещерную женщину. Ага, особенно пройдя краткий курс по изготовлению рыболовных крючков из тех же когтей под руководством строгого учителя. И даже поймала несколько пескариков на собственноручно изготовленную снасть.

За время моей болезни Кроха даром времени не терял, умудрившись закончить всё необходимое со шкурой. Даже промазал ее отваром из каких-то корешков, которые собственноручно варил в слепленном кое-как горшке, довольно оригинальным способом — забрасывая в него вынутые из костра камни. Не забыв предварительно выгнав меня из лагеря подальше и заставив умирать от неудовлетворенного любопытства. После осторожного нанесения этого отвара специальной метелочкой, черный мех начал просто сверкать.

А вот выщипывать жесткий ворс из громадной шкуры, для придания ей окончательной мягкости и пушистости, пришлось уже и мне. Впрочем, щипчики для бровей, чудом сохранившиеся в сумочке во всех перипетиях, оказали в этом деле неоценимую помощь, и взвали откровенную зависть у кадавра, которому такого удобного инструмента не досталось.

Не удивительно, что тащить трофей, свернутый в аккуратный тючок, дальше пришлось мне. Но это скорее радовало, чем расстраивало, тем более, что Кроха забрал себе почти все остатки продуктов, оставив в моей поклаже лишь небольшой аварийный запас. Неспешной

походкой, стараясь не слишком перегружать поджившую ногу, мы направились на восток.
Впереди стенами, отделяющими нас от дома, возвышались уже близкие теперь горы.

И начались бесконечные переходы то вверх, то вниз по склонам, поросшим сначала травой, потом кустарником, а после и низкими деревьями. Холмы становились все выше и выше, выматывая нас обоих до полного изнеможения. Почему-то, чем ближе мы были к Ново-Плесецку, тем больше хотелось увеличить свою скорость. Однако опасности никто не отменял, да и по прямой при всем желании идти не удавалось — все время что-то огибать приходилось. Так, например, когда обходили довольно большое озеро, потратили полтора дня. Вот когда я вспомнила с грустью о нашем катамаране.

Зато пропалённая солнцем степь осталась позади — мы, наконец, вступили под сень высоких деревьев. Долгожданная тень спрятала от назойливых лучей Гаучо — местного солнца. Жаль только, что как не пытались мы экономить запасы мяса, но к моменту, когда, наконец, достигли гор, оно закончилось. Да и сил не было, чтобы еще на кого-то охотиться. Я чувствовала себя утомленной до предела, но старалась не жаловаться, так как очень надеялась в скором времени добраться домой. Ведь если Кроха вел нас правильно, мы как раз скоро поднимемся к перевалу, ведущему к Ново-Плесецку. Надо сказать, что эти догадки подтверждали и пару коптеров, которые пролетели над нами. Оба раза, мы прятались от них, благо Кроха каким-то чудом узнавал о приближении заблаговременно. Теперь уже, так близко от дома и я заразилась его паранойей. Не хватало еще попасть в лапы каким-нибудь бандитам, когда проделали такой невероятно длинный путь.

Бесконечный подъем в гору давался мне тяжело. Казалось, и натренировалась уже в пути, столько пережив, да не тут-то было. Подкрепившись кусочком сушеного мяса размером с ладошку, когда хотелось съесть в десять раз больше, шли дальше.

Мы шли, шли, шли. На восток. На подъём. Я внимательно прислушивалась к окружающему и вглядывалась в заросли, соображая, откуда может нагрянуть неожиданная угроза, или... еда. И, конечно, не пропускала ни кустика лилипутских бананов, ни тенистой поляны крапивы. Раньше я не думала, что бананы, подрумяненные с молодыми побегами мятой крапивы, могут быть такими аппетитными.

В итоге вершины мы достигли, когда уже полтора дня кроме разных травок во рту ничего не было. А в этот день и завтраком пренебрегли. И Кроха был со мной согласен, бодро вышагивая то впереди, то позади меня. А я плелась, удивляясь его энергии — ведь прошел-то не меньше! Но зато, какое счастье охватило меня от зрелища далекого океана в закатных лучах солнца. Ведь где-то там, на берегу, был мой дом, мои друзья... Как близко! И как далеко...

Путь вдоль вершины, на который мы неожиданно наткнулись, не слишком петлял — заметная, хотя и не протоптанная до голой земли тропа сама ложилась под ноги и никакие возможные угрозы ни разу меня не насторожили. Кроха тоже не проявлял беспокойства, и создавать впечатление ручного животного у него получалось всё убедительней и убедительней. При каждом взгляде в его сторону я уже и сама начинала верить в то, что рядом со мной не наделённое, пусть и не великим, но разумом существо, а прирученный покладистый зверь. Хотя если так подумать, то разума в Крохе совсем не мало. Но сходство с

ручным тигром действительно поражало. Будь расцветка чуть-чуть иной, да ушки поменьше, ведь очень похоже. Почему-то только сейчас пришла на ум такая аналогия.

Даже позвала его так, когда показалось, что впереди что-то хрустнуло:

— Тигр!

Кроха тут же материализовался рядом и так странно на меня взглянул... И ведь не скажет, что там у него в башке. В результате зайца, промчавшегося далеко впереди, мы упустили. А жаль, желудок просто скручивало от голода.

Садящееся за спиной солнце вытянуло тени, дневная духота окончательно отступила, и в это мгновение ноздри уловили запах настоящей человеческой еды. Еды, приготовленной рукой умелой кухарки или опытного повара.

Устоять я просто не смогла. Да, вот что с человеком делает голод — шла на запах, запрятав далеко-далеко все свои сомнения. Тело выбирало укрытия, глаза оценивали открывшееся впереди пространство на предмет таящихся неприятностей, но генеральное направление движения оставалось неизменным. Впрочем, спокойствие Крохи убеждало в правильности моих намерений.

И вот впереди я вижу отблески углей на нижней кромке обширного навеса. Или козырька. Или крыши. Но без стен. И оттуда до меня доносятся ароматы. Экстаз. Восторг. Благоговение.

— Девонька, не томись там в кустиках. Я и на тебя готовлю, и на тигру твоего. Иди, мой руки, да повечеряем, — спокойный женский голос произвёл на меня действие волшебного заклинания. Я пошла на него. Куда подевался мой спутник — какая разница! Если что — он не допустит, чтобы мне причинили вред.

Как только вошла под крышу и поздоровалась с одетой в камуфляж и передник высокой сухощавой женщиной, так сразу была отправлена к умывальнику. Обычному пластмассовому раковиннику, такому же, как и тот, что висел рядом со знакомой с детства конюшней. Точно так же, как и там, сверху на крышке лежал кусочек мыла, а рядом висело замызганное полотенце.

В религиозном благоговении свершила ритуал омовения, ведь последние два дня была лишена этого удовольствия, не говоря уже о мыле. И только тут заметила рядом с собой ещё одно действующее лицо.

— Кончай плескаться, а то сороки тебя унесут, — пробасил здоровенный дядька с оголённым торсом. Ждал, оказывается, пока я освобожу ему место.

На суровом обветренном лице не видно было ни малейших следов удивления, или любопытства.

— Полей на спину, только, смотри, не в штаны, — он протянул мне ковшиком ручкой вперёд и показал на стоящую в полушаге кадушку.

Я аккуратно лила на блестящие от пота загорелые лопатки, на тощий, заросший волосом загривок, а мужчина покрякивал и отфыркивался. После обливаний, он завладел полотенцем, которое после такого использования нуждалось не только в сушке, но и в отжимании.

За столом из колотых плах мы устроились втроем — Кроха так и не появился. Черпали плов из котла и никуда не торопились. Я млела от удовольствия, держа в руках настоящую ложку. А рис в плове, приправленный разными душистыми травками просто таял во рту. Я бы и одна управилась с содержимым чугуна, но, когда три четверти плова исчезли, хозяйка сказала:

— Стоп, проглоти. Котейке оставьте!

Мужчина потрогал бок посуды и произнёс:

— Нехай охолонёт, а то обожжётся животино. Пей, деточка, чай мой зять сам выращивает, высший сорт.

И я принялась за чай, не отставая от хозяев. Настоящий ароматный чай и даже с ложечкой черничного варенья! И тогда я поняла, что люблю чай больше чем все остальные напитки в мире.

Сначала не могла понять безмолвия, при котором всё происходило, но потом сообразила — эти люди не молчат. Они слушают. Слушают лес. Вроде как Кроха бывало слушал, разве что у них уши не крутились и были гораздо меньше, а так сходство поразительное.

— Ты откуда? — наконец обратилась ко мне с вопросом женщина.

— Диана Морозова. — Я закашлялась, голос вдруг подвел, договорила сипло: — Журналист Гугла на Прерии.

— Удачно! — мужчина довольно потёр руки. — Давай, Зоя, связывайся с этим, как его... ну, у тебя же записано.

Я недоверчиво наблюдала за её действиями, волнение охватило такое, что стало трудно дышать.

Женщина достала древнюю, старше моей мамы, говорилку, понажимала кнопочки, а потом оттуда донеслось: 'Слушаю, Токаев' и, хотя я и раньше не так уж беспокоилась о безопасности, потому что безраздельно верила в то, что рядом с Крохой мне ничего не угрожает, но при звуках такого знакомого голоса почувствовала огромное облегчение. Да что там — счастье, почти до слез.

— Диана Морозова у нас. — Говорила между тем хозяйка. — Закажите определение координат по моему сигналу, а утром можете получить её на кромке леса и прерии в четырёх километрах восточней.

— Понял. А могу я с ней поговорить?

— Да, пожалуйста, — Зоя протянула трубку мне.

Я схватила её, как родную, но слова застряли в горле и я только и смогла, что всхлипнуть.

— Ди? — голос моего админа вдруг стал неуверенным. — Диана, это правда ты? С тобой всё в порядке?

Глубокий судорожный вздох и я взяла себя в руки, во всяком случае, так мне показалось:

— Да, это я... Привет, Марат.

В ухе послышался какой-то грохот, шуршание, сдавленное ругательство, заставившее меня улыбнуться сквозь слезы.

— Ди, мы уж и... Ты не представляешь как я рад!.. — И куда-то в сторону прорычал: — Рысь, отстань, наговоритесь еще! И нафиг тебе рация, чтобы рыдать в трубку? Женщины, твою мать!..

— Марат! Я не могу говорить, — затараторила я, увидев выразительный жест хозяйки. — У меня все в порядке. Кроха со мной. Как наши?

— Она ещё спрашивает! Тут не знаешь, на сколько частей разорваться! Рысь все западные склоны предгорий обыскала, спасательные службы стоят на ухах, корпорация свои коптеры в воздух подняла... Уже две недели, как поиски прекратились, только Рысь...

Впрочем, незачем сейчас, завтра всё расскажем!

— Вы искали меня?

— Эй! Не раскисай там. Еще бы не искали! Только не там, как выяснилось. И как Их Величество изволило оказаться на четыреста километров южнее?

— Не знаю, — растерялась я. — А что-нибудь еще... Передача?

— Передача вышла в срок. Спасибо дяде Леше, очень помог. Бонусы отличные. Рейтинг лучше, чем я надеялся. А вот в городе творится нечто невообразимое и Моретти сам не свой от кучи материала, разобраться в котором без тебя просто некому. Так что готовься. Завтра чуть свет заберём тебя и сразу — за работу.

Вот так вот сразу по всему моему нежно-сопливому и в то же время победоносному настроению — и грязным сапогом жизненной прозы.

— До завтра, Марат! — Я отдала рацию хозяйке. — Спасибо!

— Это тебе спасибо. Ты у нас — первая добыча за три недели, причем вознаграждение обещано — закачаешься.

Я улыбалась и никак не могла прекратить это, вся уже там, в Ново-Плесецке, в студии медиацентра... Но все же не удержалась от любопытства:

— Э-э! Вы тут что, специально сидите, чтобы вылавливать заблудившихся журналистов?

— Нет. Беглую ребятню с ГОКа перехватывать и беспортошным передавать. А только они досюда не добираются. Беглые. Далеко им, понимаешь. Так что за чистую ставку, считай, горбатимся.

Рация тренькнула. Зоя взглянула на табло и обратилась к мужчине:

— Ты, смотри, Дим, гугловые-то журналюги не обманули. Что обещали за информацию о нахождении пропажи своей, то и скинули уже. Осторожные, правда — обещают еще столько же, когда заберут ее живой и невредимой.

— Ну, значит, не напрасно мы с тобой тут месяц оттрубили. Ну а что осторожные, так куда ж без этого в наше время. А ты, девонька, тигре своему полосатому харчи-то снеси, коли он стесняется на глаза людям показываться, — мужчина протянул мне котелок с недоеденным варевом, наполовину состоящим из тающего на языке мяса.

Я невольно поглядела на это великолепие голодным взглядом и шумно сглотнула слюну.

— Что, наголодалась? А всё равно больше не ешь сегодня, а то кишки тебе может завернуть. Утром позавтракаешь поплотней, да не бойся — успеешь. Пока туман на перевале не разойдётся, никто за тобой не прилетит.

Крохина лапа выхватила у меня котелок, едва я вышла из поля зрения хлебосольных хозяев. В сгустившейся темноте было плохо видно, но после скребущих звуков ложки по дну посуды, послышался и мягкий шелест языка. Я ласково погладила своего хранителя по голове, но звать к людям не стала — он знает, что делает.

Остаток вечера прошел в молчании. Хозяева предпочитали слушать округу, а не заполнять её своими звуками. А я недолго блаженно глядела в синие небеса и зеленую крону сосны, лежа в натянутом меж двух стволов гамаке. Слишком устала, чтобы бороться с наплывающей дремотой.

Утром мы с Зоей поднялись на наблюдательную площадку. Мощная оптика, установленная в домике на высоком дереве, представляла собой старенький обзорный телескоп. Через какие в увеселительных местах туристы любят красивые видами.

Широкая панорама прерии с множеством животных была словно на ладони. Однако любую деталь этого пейзажа можно было разглядеть в подробностях, чем я с удовольствием и занималась не меньше часа. Как и ванговали вчера — посланный за мной коптер задержали из-за тумана.

— Видела я вчера животинку, что тебя охраняет. — Хозяйка вдруг заговорила со мной. — В ориентировке было сказано, что это кадавр, искусственное создание, а вот только ты мне скажи, он на задних лапах может ходить?

— Почти также хорошо, как человек. Кстати, они у него не ноги, а руки, — я ответила не задумываясь. Вся уже обратилась в слух, ожидая услышать знакомый звук коптера Рыси.

— Очень уж много сходства между ним, и Хозяином. Легенды о нём то и дело из разных мест долетают, но только, чтобы существо это человеку служить стало — быть того не может. Стало быть, и правда, кадавр.

Я улыбнулась этой суровой женщине, не слишком поняв, о чем она вообще, о каком еще «хозяине». Медведе что ли? Но расспрашивать сейчас о местных поверьях не стала. Слишком волновалась перед встречей с друзьями. В голове не укладывалась, что больше месяца они считали меня пропавшей. Что столько времени я выживала! Вот что значит потерять счет дням. Привыкли, что за нас всегда думают машины. Кстати, и день рождения мой давно прошел, а я и не вспомнила о нем — впервые в жизни. Вот и славно.

Боже. Осталось совсем немного и я увижу их всех — Рысь, Марата, Сержа...

Сердце больно стукнулась о ребра и провалилось куда-то вниз. Оглянулась вокруг, но ничего не заметила. Подумала с беспокойством, не опоздал бы Кроха к прилету коптера. Не видела ведь его с вечера.

И как бы красочны не были открывавшиеся передо мной картины, ничто не могло сравниться с появившемся на горизонте 'стрижём'. Значит Рысь сама полетела. Очень боялась в глубине души, что пошлют кого-то другого.

Чуть не упала, спускаясь вниз по узким ступенькам. Женщина вдруг улыбнулась очень по-доброму, а мне уж казалось, что улыбаться она не умеет. Поддалась порыву, обняла ее, та усмехнулась, похлопала по плечу, кивнула:

— Счастья вам, госпожа Морозова. Молодец, девочка. Ну, беги. Мне то возвращаться пора, да и не хочу с твоими встречаться, ни к чему это.

С этими словами, она спокойно развернулась и пошла к лесу, а я еще некоторое время смотрела ей вслед, только потом спохватившись, что даже номера ее рации не спросила.

Однако пора было и правда бежать. Машина уже приземлялась недалеко от меня. Но ноги от чего-то стали ватными, даже идти быстро не могла.

Вот они высыпали все, впереди Рысь бежит, мужчины идут быстро, но с достоинством. Конечно, чего им бегать! Вот же я, уже тут. Искать больше не надо!

Рысь налетела, сжала меня в объятиях. Всхлипнула и прошептала прерывающимся голосом:

— Я верила.

— Спасибо, — так же тихо прошептала я, у самой глаза были на мокром месте.

А Марат вдруг отстранил Рысь, схватил меня в охапку, так что пришлось обхватить его ногами за талию и смеяться радостно, пока кружил меня, улыбаясь. Он шутил, но я только понимала, что это здорово, не вдумываясь в слова.

А потом меня у него отобрал Серж. Тоже покружил и остановился, не отпуская.

— Ну, привет, — подмигнул итальянец. — Миленькие ожерелья! Камеру я заберу?

И не дожидаясь ответа, протянул руку и скovyрнул камеру у меня с кожи, о которой я, признаться, и позабыла. И как не скovyрнула ее во время купаний?

— Эй, погоди! Там...

— Я разберусь, — перебил он, — пойдём уже. Времени, на самом деле мало. Где Кроха?

— Я видела, что он забирается в коптер, — сообщила Рысь. — Куда летим? В дом?

Прежде чем Марат успел отдать распоряжение, мне удалось вмешаться:

— В дом, Оль. Пока я не приму душ и не переоденусь, всё равно толку от меня ноль.

— Я же говорил, — хохотнул Серж, глядя, как вытянулось лицо Марата, — с тебя коньяк, Токаев!

Мягкое кресло салона вытянувшийся, на диванчике, словно у себя дома, кадавр, шелест раскручивающихся роторов... и Марат, срочно отвечающий на вызов по визорам, привычно устроившись в кабине — старая жизнь, будто одним махом стёрла приключение и взяла своё. Серж сидит напротив, откинувшись на сиденье, полуприкрыв ресницами глаза. Рассматривает меня, ясное дело, и думает непонятно о чем. Нет, улыбнулся, произнес вдруг тихо:

— А ты изменилась, Ди...

И с чего взял? Я слова сказать не успела. Кроха тоже был удивлен, судя по тому, как дернулось у него ухо. Я уже открыла рот, чтобы расспросить Моретти о программе и всем остальном, как наш администратор попросил Рысь погодить со взлётом, включив громкую связь.

— Ди, со мной связалась Зоя-охотница, — с сомнением в голосе сообщил он. — Стадо антилоп подходит к водопою за соседним перелеском. Говорит, Дим может завалить для нас тёлочку, а мы её с собой прихватим и будем со свежим мясом.

Неужели он это серьезно? Охотиться лесу, когда дома имеется набитый разными вкусностями холодильник? Может, мне вообще не стоило возвращаться?

Возмущение начало закипать внутри. Непонимание происходящего в городе и так на нервы уже действовало, а тут парням поохотиться вздумалось? Но на лице Марата не было и тени насмешки, говорил он вполне серьезно и готов был грузить в коптер тяжёлую тушу! Да, никогда мне не понять сложную мужскую психологию!

Глянула на Сержа, тот поглядел на меня странно, но только пожал плечом. Мол, ты теперь здесь, командуй. Что, тоже поохотиться не прочь?

Интересное кино, похоже, я их обоих совсем не знаю? Или просто отвыкла? Оставалось посоветоваться с Крохой, пока холодок в душе не испортил настроение окончательно. Да и привыкла за прошедшее время полагаться на чутье верного кадавра. Увы, глаза его оказались закрыты, а вот уши... уши синхронно повернулись из стороны в сторону, словно жест отрицания.

Ну, хоть кто-то понимает неуместность охоты! Или просто лучше знает, чего хочу я? А хочу я одного — и очень сильно. Скорее оказаться среди родных стен. Слишком истосковалась по человеческому жилью, теплоте одеяла, горячему душу...

Взглянув в обеспокоенные карие глаза админа, твердо произнесла:

— Скажи Зое спасибо. Не время сейчас.

— Но, Ди...

— Не надо, Марат. — Попросила нежно, чтобы не обидеть. Админ усмехнулся, отворачиваясь. А я кивнула ожидавшей команды Рыси: — Поехали, Оля! Домой!

Если не кривить душой, я была готова к любым испытаниям. Но, только после того, как приму ванну и помою волосы тем, чем положено. Рысь кивнула, в глазах девчонки светилось одобрение. Серж тоже расслабленно усмехнулся и показал большой палец. Лишь Токаев кусал губы, не слишком довольный принятым решением.

— Марат, — решила я его отвлечь, да и пора было всё выяснить, — расскажи пока, что происходило во время моего отсутствия. Чувствую, неспроста вся эта встревоженность.

— Неспроста, — администратор вздохнул, провожая взглядом удаляющуюся землю. — Ассамблея, представляющая аборигенов, потомков первой волны колонизации, выдвинула требование о предоставлении части прибыли ГОКа в их распоряжение. Естественно, федеральные власти уперлись, и тогда они ввели налог с продаж. Начались подорожания продуктов, за ними — требования роста зарплат. Город забурлил. Куда-то подевались продукты, возник черный рынок. Вслед за этим пошли происходить нападения на продовольственные склады. Для борьбы с преступностью федералы набрали охранные отряды, а местные — свою милицию. На улицах не просто опасно стало, а чрезвычайно! Понимаешь? А тут еще это сообщение... Не уверен, что мы правильно поступаем, возвращаясь в город.

— Посмотрим, — кивнула я. — Не в город, а ко мне домой, он ведь никуда не делся?

— Стоит, — хмыкнул Серж, — причём защищен, как оказалось, получше, чем некоторые военные части...

— Раз так, временно базируемся все у меня. Места хватит! Рысь, как с едой?

— Наготовила на всех еще с вечера, — тут же доложила Оля. — Продуктов хватит на месяц, не меньше. А скорее всего — на два.

— Ну вот! Все согласны? Если нужно забрать что-то из ваших домов...

— Мы еще вчера перетащили свои пожитки в твой дом, — тут же признался Серж. — Предполагали что-то в этом роде. Как раз после того, как нам о тебе сообщили...

— Вот и славно! — Я совершенно не чувствовала той уверенности, которую пыталась показать. — Извини, Марат, что перебила... продолжай, пожалуйста!

— Нормально всё, Ди. Может и правильно. Твой дом, конечно не крепость, но защита там... Ладно. Так вот. Сейчас в городе полно вооружённых патрулей. Часовые то там, то тут что-то охраняют. Введены карточки на продукты питания и список первой необходимости. И ни к кому из аппарата представителя президента невозможно подступиться. Ассамблейцы — напротив, охотно дают пространные интервью о необходимости развития местной промышленности, для чего они и просят центральное правительство вложить в местные проекты часть средств от продажи ресурсов планеты.

Пока мы разговаривали, под брюхом коптера проскочили покрытые лесом склоны неширокой седловины Плесецкого перевала, а впереди замаячил залив. За гребнем скал, увенчанных маяком, во всю ширь раскинулся океан. Рысь знатно гнала нашу ласточку. Час лёта. Четыреста километров. Месяц пешего пути через здешние леса.

А вот уже и город, все в зелени, беленькие дома богатого квартала смотрятся, как ни в чем не бывало, разве что в заливе затишье. Не видно работающих кранов погрузчиков. Как-то замерло всё, или мне с испугу так кажется? А вот и дом. Как всегда, появляется внезапно, когда уже подлетишь совсем близко. Зависаем, и Рысь передает код разблокировки. Неужели

правда разнесет на кусочки, если сядем без пароля? Проверять, конечно, не собираюсь, просто безопасность внезапно особенно заинтересовала.

— Оль, я в душ, — сказала Рыси, едва вышла на площадку рядом с домом. — Если голодные, ешьте без меня. Постараюсь недолго!

— Подождем, — подмигнул Моретти. — С возвращением домой, госпожа Морозова! Кстати, вот твои визоры, пришлось перепрошить... Теперь все работает и инфу удалось сохранить.

— Спасибо, — взяла у него футляр, и, поддавшись порыву, быстро поцеловала в щеку.

— А меня? — делано возмутился Марат, — я, между прочим, твой параплан спас, даже заново укомплектовал. Только на будущее — предупреждай, пожалуйста...

Поцеловала прямо в губы говорливого админа — чтобы заткнулся, да и просто, случайно вышло. Рысь, прыснула, закрыв рот руками, оторвавшись от Крохи, которого гладила по голове, приговаривая тихонько, какой же он молодец.

— Эй, нечестно, — запротестовал итальянец. А Марат выглядел скорее ошарашенным, чем довольным.

— До встречи, — быстро отвернулась от них и бросилась в дом, чтобы скрыть ненужное смущение, да и просто сбежать, наконец, от них, и в самом деле принять душ. Кроха прошмыгнул первый, едва не сбив меня с ног. Лишь осмотрев мою спальню, позволил туда войти.

А внутри всё как прежде, ничего не изменилось. Бросилась бы на широченную кровать, да ощущала себя слишком грязной. Даже разделась только в душе, сразу запихнув все, что снимала в большой мешок. Не стала раскидывать грязные вещи по спальне, хотя очень хотелось. Только развернув, заботливо расстелила шкуру пантеры перед кроватью. Улыбнулась, представив, как буду рассказывать, как добыла это чудо.

— Надо же! Оказывается — это действительно загар, — приветствовал меня Сержио, когда я вышла из спальни. Любопытно, ради чего он меня поджидал? — А я-то думал, просто грязь. Даже с Олей поспорил.

— Очень смешно! — фыркнула я.

— Да нет, не очень. Совсем, можно сказать... — Усмехнулся Моретти. — Придется Токаевский коньяк теперь ей отдать. Ладно, шутки оставим на потом. Дай, пожалуйста, ключ от своей камеры, я...

— Нет, — перебила его поспешно. — И вообще, верни мне ее, сначала посмотрю все сама.

— Не вопрос, — он поднял руки, показывая, что сдается, — она у меня в сумке, после обеда верну.

Собиралась уже протиснуться мимо, но Серж перегородил путь, уперев правую ладонь о стену:

— Ди, и еще одно! Послушай. Меня. Очень Тебя Прошу.

Серьезность тона заставила внимательно посмотреть в его помрачневшее лицо. Никогда не видела итальянца таким озабоченным. Привыкла уже к легкости его характера, и тут он предстал в новом свете. Надо сказать, даже слегка взволновалась, настолько оказался привлекательным этот вид. Невольно оценила и руку с рельефными мускулами, проступившими под рукавом футболки. Должно быть, занимается. И, между прочим, в этой картинной позе присутствует небольшая нарочитость — он что, всерьез меня соблазнять собирается на радостях? Иначе, как еще объяснить такое привлечение внимания к своей персоне?!

— Диана, кара мио...

Ух, а как эти проникновенные нотки в голосе пробирают! В ход явно идет тяжелая артиллерия, но в эти игры можно играть и вдвоем, и пусть практики у меня мало:

— Что случилось, Серж? Я могу чем-то тебе помочь? — Кажется, перестаралась с мурлыканьем, клиент смотрит ошарашено, вместо того, чтобы подхватить игру. Но вовремя спохватывается:

— Хорошо! — Вздыхает и смущенно треплет свою шевелюру, разлохмачивая выгоревшие на солнце волосы, что делает его еще более сексуальным. Вот ведь мерзавец — прекрасно знает, как выглядит и беззастенчиво этим пользуется!

— Ты не слушаешь! — обиженно нахмурился он. — Может, тогда после обеда уделишь мне минутку?

Я зажмурилась и замотала головой, теперь уже у него перебор, и мои мысли ушли слишком далеко. Или это длительное сближение с природой так повлияло на мои инстинкты, усилив их на радость нахальному оператору?

— Нет-нет, все в порядке! Извини! Говори, пожалуйста!

Вот зря он так смотрит на мои губы! Слишком уж переигрывает. Зато теперь смогла собраться и начать думать головой. Итак, что же ему от меня надо? Ведь раньше он себя так никогда не вел, а тут не стесняется, применяя фокусы из курса ведения переговоров.

— Так вот, дорогая Ди, — голос с хрипотцой завораживает, но я уже не поддаюсь, — у Рыси есть дальние родичи на берегу Янтарного моря. Там очень даже неплохо, и можно снять отличный репортаж о местной жизни. Почему бы тебе не слетать туда на недельку? Отдохнешь. Всё-таки после того, что ты пережила... — Вот оно! Он почему-то хочет убрать меня из города! Если это просто желание избежать лишнего вмешательства в почти законченную работу... Нет, не то — Моретти явно волновался, это несомненно, но за себя, а за... меня?!

— Нет! — прервала его на полуслове, но эффективного «стопинга», когда, воспользовавшись замешательством собеседника, можно получить от него правдивый «автоматический» ответ, не получилось — Моретти уже успел понять, что мои мысли свернули не туда и сразу замолчал, а теперь еще и смотрит угрюмо. Обиделся? Скорее продолжает играть, на этот раз вызывая чувство жалости и желание загладить нанесенную обиду.

Надо, наверное, заканчивать игры и говорить прямо и по-мужски в лоб:

— Пойми, Серж, отпуском я уже сыта по горло! Серьезно. И я очень ценю, что ты так переживаешь за меня! Но скажи честно — ты бы тоже уехал? В смысле со мной?

— Ди, — он вспыхнул, — я бы с радостью, но...

— Понимаю.

Моретти смотрит теперь прямо и немного грустно, сейчас мне предстоит противостоять уже его логике. Боюсь, тут я окажусь в проигрыше...

— Диана, поверь, я знаю, о чем говорю. Как раз сегодня получил весточку от одного старого приятеля, только не спрашивай, не могу сказать... Так вот, в городе оставаться небезопасно. Не подумай ничего плохого, но я даже жалею, что ты нашла именно сейчас, а не... Что я несу!

Огорчение разыграно так натурально, что остается только похлопать его по руке — понимаю, что он за меня волнуется, но не только у него есть обстоятельства и понимание, что и как нужно делать, а мое место сейчас — здесь. Надо как можно скорее разбираться с тем, что происходит и время, когда еще никто не знает о моем воскрешении — а я уверена, что никто, кроме моих друзей об этом не подозревает — надо использовать по максимуму. Потому как, не исключено, когда эта радостная весть дойдет к тому же руководству ГОКа, мне действительно придется уносить ноги на янтарный берег. А то и подальше.

Надо же, какие трезвые мысли. Видимо, несколько сотен километров по диким местам научили меня наблюдательности и разумной осторожности, а brave ребята из воздушного патруля — избавили от излишней доверчивости. И собеседник, похоже, прочел меня как открытую книгу:

— Твоя взяла, — усмехнулся Серж, снова становясь тем милым итальянцем, каким был всегда. — Значит, остаемся вместе?

Я кивнула, понимая, что именно он вложил в эти простые слова. Там было гораздо больше, чем простое утверждение, что мы являемся людьми, собранными в команду для съемок развлекательных передач и репортажей. Много больше. И была благодарна, что он смог это показать. Словно расставил все точки над «и». И на душе стало так тепло и хорошо, ведь когда рядом такие друзья...

В его синих глазах мелькнуло что-то еще, и я мигом собралась. Вот так, стоит только немного дать слабину...

— Умираю с голоду! — Призналась, выразительно посмотрев на его руку.

— Ах, да, пойдём. Все уже ждут. Даже Вик придет, я ему сообщил. Все в счастье, Ди что ты нашлась.

Стол в гостиной оказался уже накрыт по-праздничному, а Марат помогал Рыси расставлять бокалы на пять персон.

— Эй, и на Кроху рассчитывайте, — улыбнулась я, — не будь этого парня, меня с вами сегодня могло и не быть.

— А как же! Мы все в него верили, — Оля указала на стол, — я и накрыла на пятерых.

— Э-э, — я внимательно пересчитала тарелки, не понимая, почему мне показалось, что кому-то не хватит места.

— Вик еще придет, — разрешил мои сомнения Серж. — Так что нас шестеро. Диана права.

— Вик! — Рысь замерла с вилками в руке, о чем-то задумавшись. — Ну конечно, Вик! Как же без него!

Сунув вилки Марату, удивленно поднявшему бровь, Оля ушла на кухню.

Мы уже расселись, даже Кроха проскользнул неизвестно откуда и чинно занял свое место возле меня, когда интерком сообщил о прибытии Викинга.

Пришлось вставать, так как архитектору не терпелось расцеловать "беглянку" в обе щеки:

— Как же я рад, Ди! Да, рад. Очень! Даже не знаю, как и сказать! Да, не знаю!

— Я тоже ужасно рада тебя видеть. Садись уже, а то очень кушать хочется!

— Да, конечно! Я тоже... Да!

Несмотря на то, что волнение и встрепанные рыжие волосы были вполне ожидаемы от Рыжика, понятно, что он искренне за меня переживал, как и все, но вдруг показалось, что он еще чем-то расстроен. Даже не поблагодарил Олю, когда та поставила перед ним тарелку с тушеным мясом.

Впрочем, мне было сейчас не до его переживаний. Скорее поесть и в студию, узнать что там и как. Парни явно многое недоговаривают. И это странное предложение Сержа!

Но тушеное мясо я оценила в полной мере. Кроха тоже заправски орудовал вилкой, не уступая манерами нашим мальчикам. Я вдруг умилилась, чуть не до слез, даже комок застрял в горле. Ну, надо же! Я все-таки выжила, вернулась! Я дома, среди своих друзей!

Пришлось сделать вид, что пересохло в горле и пить охлажденный сок маленькими глотками, пока не пройдет приступ слезливости. А мне-то казалось, что закалилась в испытаниях, а выходит совсем наоборот. Даже обидно!

Хорошо, обед уже подходил к концу. От бокала шампанского отказываться не стала, хотя алкоголя совсем не хотелось. И не пожалела — оно оказалось выше всех похвал. А главное — тосты ребята произнесли очень милые, даже Вик отличился. Пожелал «счастья, здоровья и учиться на чужих ошибках, а не на собственных». Интересно, на что намекал?

Не стала его волновать еще больше и спрашивать. Тем более, пора было выдвигаться в город. Попрощалась с ним, предположив, что вечером еще увидимся, на что он покачал головой, покраснел и заявил, что вечером у него дела. «Да, дела!»

Я не настаивала, а вот Рысь это похоже разозлило, потому что, проходя сзади бедолаги, девчонка одарила Рыжика таким взглядом, словно он не дорогу перегораживал, а как минимум отказался от ее обеда. Степан Стапаныч, к счастью, этого не заметил и удалился к шахте лифта даже не дождавшись пока мы улетим.

Попросив ребят подождать буквально минуту, бросилась в спальню, чтобы взять револьвер. Хоть и оделась, из чистого упрямства в белоснежный костюм, выбрала тот, что спортивный, даже с берцами смотрелся удивительно гармонично, но вот без оружия на поясе уйти не смогла. И не потому, что в городе неспокойно, а просто — сжилась с ним, можно сказать. В сумочке остался только футляр с визорами, которые не спешила включать почему-то, и всякая мелочь.

— Ди, ну сколько можно! — проворчал Марат, когда уже забиралась в салон коптера. Даже улыбнулась! Как же я соскучилась по всему этому! По своей команде, по работе, по полетам на коптере Рыси. Даже по ворчанию нашего админа.

Передача, вышедшая больше десяти дней назад, оказалась-таки превосходной. Я не узнавала в ней некоторые моменты, а многое просто успела позабыть. В результате, то тихонько охала, то не могла сдержать смеха. Это все же оказалась отнюдь не та версия передачи, которую я просматривала перед своим необдуманным бегством. Кто-то хорошо поработал над ней, добавив драматических моментов, коротких, как вспышки кадров из сельской жизни, да и много еще чего. И вступительную речь выбрали другую! Затруднялась сказать, когда же мы снимали именно эту, но выглядела я в кадре вполне профессионально, и даже трогательно.

Парни явно гордились тем, что в итоге вышла, показали мне отзывы руководства, успевшие прийти с земли.

— Ты бы визоры включила, — небрежно заметил Серж. — Чует мое сердце, что твои премиальные тоже тебя обрадуют. Но все же, расслабляться нельзя — следующий выпуск планируется через месяц — Марату удалось объяснить отсрочку твоей травмой. Уж извини, что-то сказать начальству мы были обязаны.

— И что я себе повредила? — усмехнулась спокойно.

Марат покраснел и ответил сам:

— Ди, тебя ведь не было, и мы не знали, сколько пройдет времени и вообще...

— Ну и?

— Сказал, что неудачно проехала на том жеребце, что в кадре, в результате перелом двух ребер и тазовой кости.

Стараясь не рассмеяться, махнула рукой:

— Ладно, какая разница уже... Вы мне не организуете просмотр последних новостных роликов? О! Здравствуйтесь, дядя Леша!

Директор новостного канала сгреб меня в охапку, расцеловав в обе щеки, так что пришлось и на его вопросы отвечать, лишь потом позволили прослушать принесенные Маратом записи.

Как и полагала, репортёрская группа уверенно справлялась с плановой работой, и на изменение обстановки среагировала своевременно. Даже немного обидно, что моей заслуги в том никакой не было. Хотя, надо отдать должное ребятам, что не только Серж и Марат, но и Алексей Федорович со своей командой верили, что я вернусь, и до сих пор не затребовали мне замены с Земли. Думаю, тут сыграла свою роль дань уважения к Крохе — оказывается все, включая Кирсанова, были уверены не в моих способностях выжить, а в его беззаветной преданности своей хозяйке и прочих достоинствах телохранителя, как я узнала из обмена шутками по поводу моего чудесного возвращения. И, в общем-то, были правы. Где бы я была, если бы не Кроха?!

Новостные ленты не принесли ничего нового, все они повторяли уже то, что я слышала от Марата, и показывали кадры, которые в коллекции Сержа я уже увидела в гораздо более высоком качестве. Но, несмотря на то, что информация в просмотренных репортажах была полная, всё-таки чего-то явно не хватало. Я даже озадачилась. Вернулась в лоно цивилизации, в привычную среду обитания, но нечто, приобретённое за месяц мытарств, точило изнутри и куда-то рвалось.

— Спасибо вам, — обратилась я к коллегам. — Пройдусь немного по городу, а то отвыкла от тротуаров и магазинов. Заодно, приду в себя. Вернусь в цивилизацию.

— Тебе не стоит этого делать, — начал Моретти, но я быстренько его остановила. А то еще предложит себя в провожатые и придется отказывать.

— Не волнуйтесь, со мной Кроха!

Серж не стал настаивать, бросив на кадавра не слишком ласковый взгляд, благо тот ждал меня за толстым бронированным стеклом, совершенно не глядя в нашу сторону.

— А я все же волнуюсь. Ты уж недолго, ладно?

— Постарайся, Ди, не попадать ни в какие переделки, — это уже Марат поддержал друга, разгребая на виртуальном экране кучу папок, и что-то в них отыскивая, — а то за тобой глаз, да глаз...

— Всё будет нормально! Обещаю, вечером засяду за новую работу с головой! Встретимся в доме?

Оба кивнули, думаю, штаб квартира на скале их во всем устраивала. Тем более по секрету я узнала, что Серж и так там обосновался уже давно, установив себе в тире кровать, и переоборудовав помещение в студию записи. Шустрый парень!

Едва покинула катер — Марат все же настоял, что они отвезут меня до Белого города — как на душе сразу стало спокойней, словно «нечто» во мне почувствовало себя в своей тарелке. Неужели мне стало тесно в помещениях?

Нет, не так. Пожалуй, окружённая друзьями, я просто чувствовала себя как-то неестественно — слишком опекая, они словно заслонили от меня всё окружающее пространство. А сейчас всё пришло в порядок — я снова оказалась в большом мире, пусть и с телохранителем где-то рядом.

Белый город также фешенебелен и респектабелен, как всегда. Здесь немногочленно. Конечно, прежде всего — на набережную. Сонные веранды ресторанчиков, дремлющие казино и ночные клубы, молодёжь, плещущаяся в волнах за широкой полосой песчаного пляжа и равнодушный океан. Вдохнула соленого, пахнущего йодом воздуха.

Мимо торгового центра вернулась в Сити, считай — с набережной на набережную. По мере удаления от берега во мне крепло ощущение настороженности. Стали встречаться группы вооруженных людей в камуфляже, разглядывающих меня с подозрением и неослабевающим вниманием. А может, просто любовались на мой белоснежный полуспортивный костюм и то, что в нём. Я невольно клала руку на загривок не отступающего ни на шаг Крохи — он снова изображал опасного тигра, предпочитая передвигаться на четырех лапах.

Не успела я дойти до площади, как один патруль все же меня задержал, перегородив путь и почти окружив.

— Леди! Скажите, в кобуре у вашего кадавра настоящий револьвер? — холодно осведомился старший патрульный, глядя неприятными водянистыми глазами. Надо же,

проявил интерес к амуниции Крохи! Больше, видимо, привязаться не к чему.

— Конечно, — ответила я беззаботно. — Он уже совсем большой, и давно не играет в игрушки.

— А лицензия у него имеется? — не оценил шутки офицер.

— Уверена, что нет. Он ведь не человек.

— Боюсь, в таком случае, мне придётся попросить вас отдать его мне.

— Кроху? — возмутилась я как можно натуральней, не забывая взмахнуть ресницами и облизнуть губы. Если уж Серж идет на крайние меры, почему мне нельзя. — Ни за что! Это самый верный друг!

Конечно, я поняла, что речь идет об оружии, но умышленно тянула время, соображая, как быть. Но раз играю блондинку, надо быть ею на все сто.

— Что, вы, сударыня! — кажется купился старший. Взгляд стал менее наглым и более заинтересованным. И в голосе послышались нотки искреннего сожаления. — Кадавр — ваше имущество. Но иметь оружие ему не положено.

Вот ведь сволочь!

— Какая досада. А он так любит чистить свою стрелялку! Ой! — я перевела взгляд за спину собеседника, и чуть шире приоткрыла глаза, словно чему-то удивляясь.

Патрульный резко обернулся, ну а что ему оставалось?! А Кроха, разумеется, исчез.

— Вот что вы наделали! — вскричала я в притворном ужасе, не давая ему наехать первому. — Напугали ни в чём неповинное создание тем, что отберёте его любимую вещь! Где я его теперь искать буду?!

Забавно, но остальные патрульные отчего-то ухмылялись. Наслаждаются бесплатным цирком? Или не слишком любят своего старшего? А какая разница.

— Ну-ка, ребята, изловите котика и доставьте его сюда, — немедленно отомстил им начальник. — А вы, госпожа, побудьте пока со мной.

Что-то я сделала не так, но в водянистых глазах больше не было ни заинтересованности, ни мягкости. А вот за локоть он меня зря схватил! Да еще так больно! Наверняка синяки останутся. Правда, у меня их и без того немало после похода, но это же не повод...

— Отпустите немедленно, господин офицер! Мне больно!

— Могу просто надеть наручники, если вам так больше нравится.

Могу поклясться, что в его словах отчетливо прозвучали нотки возбуждения. Взгляд тоже стал жестким и властным, не обещая ничего хорошего. Видимо с соблазнительными улыбками я-таки переборщила. Даже растерялась слегка. Стоило его подчиненным разбежаться в разные стороны, и на тебе! Попыталась высвободиться, и тут вдруг заметила, что Кроха словно из воздуха выткался за спиной нелюбезного дядечки.

А забавно они смотрятся вместе — замерли, будто два друга на фотографии, что называется, ухо в ухо. И глаза у патрульного стали почти такими же большими, как у кадавра, что неудивительно, он еще бы язык вывалил от удовольствия, было бы полное сходство. Впрочем, если Кроха его еще чуток за шейку лапкой подержит, то вполне может и вывалить.

Немного смутилась под вопросительным взглядом моего охранника, не привыкла как-то решать — можно ли оставить человека в живых, или право, не стоит. Неприятные ощущения, честное слово, но пришлось быстро определяться — буквально через две секунды поняла, что еще миг и мой белый выходной костюм окажется безнадежно испорченным — слишком уж далеко бьет кровь из поврежденной артерии. Это и послужило решающим аргументом. В

конце концов, может человек после этой встречи пересмотрит свои взгляды на женщин и прочую пыль под его ногами, или просто импотентом станет — каждый должен иметь свой шанс исправиться.

Отцепила ремень от антабки карабина, стянув им ноги в коленях незадачливого командира патруля. А потом из его подсумка достала упругий свёрток индивидуального пакета, который мы с Крохой общими усилиями затолкали в рот своей жертвы.

Едва дело было сделано, раздались аплодисменты.

Оказалось, что довольно многочисленная группа патрульных, одетых чуть иначе, с удовольствием следила за происходящим, даже не думая вмешиваться. Елки! Мушкетёры короля и гвардейцы кардинала!

Связанный остался на ногах. Стянутые коленки позволили ему немного раздвинуть ступни пятками наружу. Но близко сведённые за спиной локти не давали разогнуться, поэтому голова оказалась опущена вниз и, разглядеть торчащий изо рта уголок тугого клеёнчатого пакета со стороны будет проблематично.

Собственно, когда вторая группа патрульных подошла ко мне, Крохи рядом уже не было.

— Знаете, — обратился ко мне их начальник, широко улыбаясь, — столь доходчивого разъяснения того, что нельзя отбирать у людей их имущество, я ещё ни разу не видел. Bravo, госпожа Морозова. А я, признаться, полагал, что вы симпатизируете федералам.

— Я симпатизирую хорошим людям, — улыбнулась в ответ и правда симпатичному патрульному.

Кроха снова материализовался возле меня и по-собачьи уселся на мостовую. Девушка из числа стражей порядка неуверенно погладила его по голове, на что мохнатый приколист ответил ей тем же.

Удаляясь по улице, услышала за спиной, как старший произнёс, видимо, в рацию:

— Седьмой. Всем постам и нарядам! Девушка в белом с ручным тигрой — наши. А федералы к ним вяжутся. Присматривайте.

Ну, надо же, как мило с их стороны. А то и впрямь опасно гулять по улицам, где бродят скучающие вооружённые люди, не знающие чем заняться. Правда, беспокоятся они напрасно, на своего дорогого друга и телохранителя я рассчитывала гораздо больше, чем на их патрули.

Деловые кварталы ничем не порадовали. Пустынные улицы, вывески учреждений над запертыми дверьми, зачастую с дополнительным аргументом в виде часовых. Дальше потянулись коттеджи, окруженные высокими заборами, такие же, как и тот, где устроился Ахиллес. Интересно, знает ли, что я нашлась? Или Рысь ему все докладывает? Жаль, не очень разобралась в их отношениях.

А вот выйдя туда, где живут небогатые работники, я удивилась откровенному запустению, царящему на улочках, образованных рядами опрятных небольших домиков. За полчаса хождений увидела только одну старушку, перебирающую плоды шиповника на просторном подносе.

— Бабушка, а где люди? — поинтересовалась у неё.

Поглядев на меня, старушка пожевала беззубым ртом и все же решила ответить:

— Кто не на работе, милая, а остальные поразъезжались по сёлам, особенно детные. Тут-то, сама, небось, чуешь, недобрый веет.

Невольно прислушалась к своим ощущениям — за время блужданий по лесам привыкла полагаться на свои впечатления. И поняла, что давно уже тревожно как-то на душе. Неуютно здесь, даже собак не видно, или там — кошек. Хотя нет, вон одна, греется на солнышке, даже Кроха ее не испугал, глянула на него величественно и отвернулась.

По мостику перешли через речку, и оказалась в портовом районе, в жилой его части, которая выглядит точно так же, как и окраина Сити. На перекрёстке в тени развесистого каштана стоит грузовик с деревянным кузовом. Его задний борт откинут, и выполняет функцию наклонного трапа. Рядом пришпилен плакат: «На уборку сладких груш. Трёхразовое питание. Возвращение через две недели». И, ниже: «Отправление в 16–00».

Внутри на простых деревянных скамьях сидит с полдюжины деток с рюкзаками и дорожными сумками.

— Думаю, Костян, не будет больше желающих, да и время вышло, — девочка лет одиннадцати, одетая в застиранный до полной потери цвета комбинезон с обрезанными рукавами и штанинами, обратилась к сходно экипированному подростку тремя годами старше.

— Ага, Настюха, берёмся!

Ребята склонились к тяжелому даже на вид трапу, и мы с Крохой, не сговариваясь, присоединили к ним свои усилия. Клацнули замки.

— Спасибо, — девочка поправила на плече ремень ружья, — а я думала, ты фифа городская.

Лёгкий подзатыльник от брата она получила немедленно.

— Извините её, она ещё бестолковая у нас, — парнишка смущённо улыбнулся.

Тем временем его сестрёнка скрылась в кабине, и экипаж тронулся.

Подмигнула мальчишке. И откуда такие решительные подростки берутся? Кивнула на укативший на несколько метров грузовик:

— Вот, обидел малышку. Теперь она без тебя уедет.

— Только до Кленовой, — махнул рукой белобрысый пацан, сверкнув ровными зубами, абсолютно белыми на фоне загорелого лица. — Нам надо со второго пункта еще людей собрать. Прощайте.

И он неторопливо зашагал, стараясь не обгонять медленно ползущий грузовик.

— Школьников увозят в сельскую местность в начале учебного года, — словно гвоздь в голову ударила эта мысль. А ведь правильно, уже сентябрь...

В порту на какое-то корыто затаскивали крупный механизм. Матерились грузчики, крепкие парни носились с катками и рычагами. Но такое оживление царило только у одного причала — на остальных ничего не происходило. На стапели верфи тоже особой деятельности не наблюдалось.

Дальше вдоль берега я вышла в промышленный район. Люди ходят туда-сюда. Что-то везут, что-то разгружают. За чередой цехов или мастерских — снова жилые домики. Видно, что как возвращаются с работы усталые мастеровые, из распахнутых окон раскатываются волны запахов еды. Невольно ускорила шаг, тоже уже есть захотелось, обед уже вспоминался как что-то далекое.

Вскоре оказалась на окраине поля, посреди которого вдали виднелся одна единственная постройка. Слева нависала скалистая гряда — та самая, где расположен мой дом. Правда с другой стороны горы.

Интересно, а можно туда попасть без коптера?

Я посмотрела на Кроху:

— Сумеешь отыскать дорогу к нашему водопаду?

Кадавр задумчиво почесал за ухом и зашагал вперёд, значит, доведёт. Совсем ведь рядом, от силы пара километров.

Пришлось попотеть, карабкаться в гору то еще удовольствие, так что с костюмчиком все же придется распрощаться. В некоторых местах крутой тропки, без помощи Крохи я бы просто не смогла подняться. И кто, интересно пользуется этим путем?

Ну а потом была просто пропасть. Я едва туда не свалилась, как-то неожиданно открылась за поворотом. Всего метра два шириной глубоченный разлом, а ведь не перебраться — ни мостика какого рядом, ни деревьев подходящих, чтоб его сделать самим. И места для разбега — сантиметров двадцать.

Вот и прогулялись! Так не хотелось идти назад, прошли-то уже гораздо больше двух километров, это только казалось, что близко. Да и тропка, так скажем, отсюда смотрелась совсем ужасно. Нужно быть самоубийцей, чтобы решиться на такой подвиг. И о чем я думала? И вообще, как умудрилась сюда забраться — возникал вопрос.

Однако, Кроха по всей видимости, возвращаться не собирался. Оглянулась — а он уже на той стороне стоит, ухмыляется. И лапой показывает — прыгай, мол.

— Сума сошел?! — спросила на всякий случай, а сама уже поняла, что решилась. Что такое два метра в конце концов?!

Собралась с духом — и прыгнула, протянув вперед руки. Правильно сделала, Кроха крепко схватил и дернул на себя, не успела даже испугаться.

В общем, зря я на это решилась, так как дальше дорожка была не лучше. Собственно, и дорожки никакой не было. Ползла уже за Крохой, ничего вокруг не замечая, следила только за тем, чтобы ноги правильно ставить. Сколько времени так карабкалась, то вверх, то вниз, уже и не следила, иной раз приходилось на четвереньках преодолевать опасные места. Пару раз Кроха просто закидывал меня на площадку повыше, и также раз пять аккуратно спускал с особо опасных уступов.

Взмокла вся скоро, ругая себя, что опять поддалась своему дурацкому духу авантюризма. Мало мне приключений за последний месяц?!

Но когда кадавр остановился и зачем-то стал дергать за рукав, все сожаления исчезли. И открылось такое красивенное зрелище, что сердце чуть не выскочило. Внизу расстилался огромный необъятный океан, блестел слева залив, да что там — весь Ново-Плесецк лежал как на ладони. Просто дух захватило. Да уж, с площадки для коптеров у дома, тоже открывается отличный вид, но не настолько. А вот и дом, собственно. Оставалось не так и много спуститься до него, но вот как? Остается надеяться, что Кроха найдет способ.

Так и вышло. Правда не ожидала, что в итоге меня как котенка сбросят с водопада прямо в бассейн, однако вышло не так и страшно. Хорошо, сумку и пояс с револьвером, Кроха заблаговременно отобрал, и когда я подплыла к бортику, увидела, что вещи ждут меня у выхода в тоннель, а сам Кроха совершенно сухой, нахально скалится, наблюдая за мной, развалившись на шезлонге.

Но сердиться на него не получилась. Так, только брызнула в него водой, да стала выбирать. Жалко было берцы — мог бы и о них позаботиться, новенькие ведь совсем. А теперь суши! Придется последнюю пару завтра надеть. Впрочем, это ведь вроде та же модель что и те в которых я проходила целый месяц... не помню, чтобы их приходилось долго

сушить. Да и вообще, они до сих пор как новенькие, а ведь доставалось им по полной. Удивительно, но на многие вещи обращаешь внимание только сейчас. Так что будем надеяться, что и этим ничего не будет, а если нет — надену старые, проверенные.

Приняв по-быстрому душ, переоделась и побежала на кухню, что-нибудь поесть. Дома никого не оказалось, и, включив визоры, оповестила Рысь, что со мной все в порядке. Не стоило заставлять их снова за меня волноваться. Заодно получила инструктаж — где что взять съестного и как разогреть.

Ну а в визорах было столько почты, что я за голову схватилась. Это ж сколько разбираться придется?! Одних голосовых сообщений штук сто. Отложила это дело на потом.

А пока устроила нам с Крохой ужин на двоих. Оба оголодали к вечеру. Так что не стали ждать остальных.

Оставив на галюэкрane в гостиной сообщение для ребят, что со мной всё в порядке, и часов пять беспокоить меня нельзя, удалилась в спальню. Там, наконец, с чувством невероятного блаженства упала на самую удобную кровать в мире. Мечты сбываются, как ни крути.

Немножко подурачилась, покувыркавшись на матрасе, ради баловства и просто, чтобы полнее почувствовать, что я дома в собственной постели. Потом все же утомилась, забралась под одеяло, с намерением спать столько, чтобы выспаться — хоть сутки, если потребуется. Пусть делают без меня, что хотят. Заметив, что Кроха бесцеремонно устроился в ногах, возражать не стала, ведь столько делили вместе, что даже не знаю, кто мне теперь роднее, чем он.

Даже напротив, от того, что он рядом и так близко, так спокойно стало на душе так тепло. Боясь спугнуть это состояние даже неосторожным движением, просто закрыла глаза — и почти сразу провалилась в какой-то сумбурный сон. Странно, но снилась мне какая-то далекая, неизвестная планета. Смутно все было, но что запомнилось отчетливо, так это люди, которые ее населяют — то есть не совсем люди, словно лучше они, умнее в чем-то. И сильно кадавра моего напоминали, с которым я и шла рядом, держась за его лапу. А он мне все показывал, объяснял, и обещал, что скоро увидим океан — и, мол, такого я точно никогда не видела. А мы все шли и шли, и шли. Но я внезапно проснулась в своей кровати, ужасно жалея, что не смогла досмотреть.

Во сне я оказывается положила обе ноги на Кроху. Из свернувшегося клубочком прирожденного убийцы вышел очень удобный пуфик, только шевелящиеся во сне усы щекотали пятки. Осторожно, чтобы не разбудить, переложила ноги чуть левее и прислушалась. Он спал. Зажмурилась, подивившись, какие фантазии в голову прийти могут. Присниться же такое!

Второй раз засыпала с трудом, все силилась вспомнить, что за название было у планеты из сна, но так и заснула, не найдя ответа.

Долгая ночь у меня получилась. Беспокойная.

В очередной раз я распахнула глаза часа через два — как от толчка, сердце сжало какое-то чувство потери, но усилием воли заставила себя не двигаться, пока не пойму — что не так. Спустя пару секунд поняла и чуть не рассмеялась — Кроха исчез. Видно надоело ему изображать из себя пуфик, вот и отправился по своим делам, а я настолько привыкла за последнее время находиться под постоянной защитой кадавра, что простое его исчезновение воспринялось как опасность.

Вслушалась в тишину спящего дома и снова вздохнула с облегчением. Мой дом — моя

крепость, никакие опасности внешнего мира за этими стенами мне не грозят. А вот спалось тут беспокойней чем в лесу. Парадокс.

Радовало одно, что и здесь Кроха со мной, пусть только попробует кто-то проникнуть через водопад, как мы недавно, или еще как — где-то там сейчас движется неслышной тенью мой защитник...

Вот только без него всё равно неуютно — быстро мы, смертные, к хорошему привыкаем.

Немного покрутилась, устраиваясь поудобней, и тут меня пронзила мысль — почту ведь не смотрела. А вдруг что-то важное?! Ну и раз уж не уснуть, то самое время вернуть себе утраченный контроль над личной жизнью. Ну то есть не только личной, из ста штук личных писем будет не более десятка. Но все же.

Мягкий свет медленно наполнил пространство вокруг, в очередной раз напоминая, как же все просто среди цивилизации. Визоры лежали в сумочке. Пришлось вскакивать и бежать до нее босиком по прохладному полу, ругая себя, что не вернула привычку класть их на ночь на прикроватную тумбочку. Да и вообще как-то отвыкла от них — глобально. Раньше ведь шагу ступить не могла, чего-нибудь в них не проверив, не узнав новостей, не проконтролировав личные и деловые контакты.

Снова забравшись на свое королевское ложе, уселась по-турецки и включила большой галюэкрэн, зависший прямо над краем кровати.

Программка, запущенная с фильтром предпочтений, быстро отсортировала письма и отсеяла восемьдесят процентов спама. Оставалось тридцать два письма.

Деловые — в отдельную папку. Просмотрю завтра на работе, не горит, было бы что-то важное, ребята бы уже просветили. Итог — семнадцать личных сообщений.

Два от Ахиллеса. Надо же! Ему-то что понадобилось?

Первое отправлено еще в день моего полета на парашюте. Спрашивал, не могу ли я немедленно с ним связаться. Второе — несколько часов назад. Там только пара слов: «Диана, нужна ли помощь?» Сразу отправила ответ: «Спасибо, Антон, все в порядке Справляюсь». И почти немедленно его реакция: «Ок». Вот и поговорили.

А вот и от мамы письмо. Внутри все дрогнуло. Что там?

«С днем ангела, моя принцесса! Извини, что не прислала подарок. Но ты могла бы его получить, если подъедешь в день именин на Майами. Тебя будет ждать сюрприз. Целую, мама»

Отправлено с Земли три дня назад, доставлено космолетом утром сегодня. А ведь день именин только девятого сентября, еще два дня до них. Обида была детской и неожиданно сильной. Как она так может?! Словно и не помнит, что за имя подобрала мне, как крестильное. Диана Анфиса Морозова! Каково?! Но как ей запомнить, что я люблю, ведь и про то, что я на Прерии она не помнит! А про подарки — это вообще, словно мне только это от нее и нужно!

Ох! И вот тут мне стало стыдно. Что от нее не отнимешь — важные даты она помнила всегда. И подарки исправно дарила. Взять хоть недавний день рожденья. Да что бы я делала без Крохи?! А ведь этот подарок просто так не сделаешь. Ну что я за чудовище такое? Так что, права была мама, назвав меня Анфиса — словно древнюю деревенскую куклу. Благо, в паспорте этого имени нет. Пришлось отдать клерку все свои карманные деньги, когда получала этот документ полжизни назад. Но мое мнение насчет Анфисы с двенадцати лет ничуть не изменилось.

Впрочем, сейчас за Кроху я готова была простить ей всё. Потому нашла в себе силы ответить спокойно и даже нежно: «Спасибо, мамочка. Не смогу приехать в ближайшее время, очень занята. Спасибо за поздравление. Очень тронута. Отдельное и бесконечное спасибо тебе за кадавра. Он — просто чудо!»

Два письма от Вика, одинаковые. «Где вы, Диана?». Давние. В корзину. Туда же отбросила остальные. Либо адресаты были неинтересные, либо одно и то же: «Куда вы пропали?». Да здесь я уже, здесь, и никуда не собираюсь пока, так что успею еще ответить.

А вот письма от анонимного поклонника не наблюдалось. Странно, за столько времени и ни одного письма. Либо он знал, что я пропала, либо все закончилось. Ах нет, есть одно — программа отнесла его к спаму — только оттого, что содержимое не содержало ни одного слова, ни картинку, не видео. Только крошечный графический смайлик. Круглый колобок удивленно поднимал бровки и поглядывал вопросительно. Как старомодно и мило! С чего бы, интересно?

И тут сообразила, что на последнее его письмо так и не ответила. Нашла очередной стих, перечитала. И вдруг поняла, что ненужно мне это. Вот совсем.

Писала ответ, стараясь не обидеть, но ответить максимально честно.

«Дорогой незнакомец! Вы не представляете, что мне пришлось пережить за это лето...

Нет, не то я хотела сказать. Сейчас еще не совсем пришла в себя, вернувшись оттуда, откуда вернуться трудно. Но я не о чем не жалею. Правильно говорят, что то, что нас не убивает, делает нас сильнее. И хотя признаваться в этом очень трудно — мне нравились ваши послания, несмотря ни на что, но думаю, будет нечестно и дальше тешить вас несбыточными надеждами. Я многое переосмыслила, пока была оторвана от всего, что привычно и дорого стало моему сердцу.

Мечты — это одно, а любовь можно испытывать только к тем, кто рядом с тобой, кто готов каждый миг жизни. Делить и горести, и радости, заботиться о тебе и принимать твою заботу. Ежедневно, постоянно, а не по выходным и праздникам. Возможно, что-то и могло получиться, окажись Вы рядом, но сомневаюсь, что этому суждено сбыться. Быть может, я не нашла еще свою судьбу, но чувствую, что это случится очень скоро.

Потому, прошу Вас, не мучьте больше ни себя, ни меня. И не держите на меня обиды, я очень ценю то, что было у нас, и это навсегда останется со мной. Будьте счастливы и прощайте.

Диана Морозова, 7 сентября 2075 года»

Хотелось бы не так сумбурно, но перечитывать не было сил. Тем более, что вопреки всякой логике, и содержанию письма, я все еще надеялась получить ответ, узнать, что он хотя бы не сердиться на меня.

Вздыхнув, отправила. Тихий шорох возвестил, что письмо улетело к адресату.

А знаю ли я на самом деле, кого люблю, и с кем хотела бы остаться на всю свою жизнь? Пожалуй... Но пока это глубоко в моем сердце, и даже думать об этом рано. Возможно, момент, когда осуществление этих надежд станет реальностью, наступит совсем скоро. Быть может и завтра, или через месяц. Но вот, чему меня точно научила жизнь — так это терпеливо ждать. Я подожду.

И в этот момент, разметав всю с таким трудом собранную решимость, пришел ответ. В стихах, а как же иначе?!

«Наедине с тобой молчу,
такие странные дела.

Когда уйдешь, тогда шепчу —
Хочу, чтоб ты всегда была.

Нас разделили две любви,
а третьей в жизни не дано.
Ты только другом не зови,
я не дружу с тобой давно.

Не говорю и не дружу,
никак к тебе не отношусь,
а лишь гляжу, не нагляжусь,
а лишь дышу, не надьшусь.

Такие странные дела,
что в пору душу погубить.
Хочу, чтоб ты всегда была,
но не хочу тебя любить.

Наедине с тобой молчу,
такие странные дела.
Когда уйдешь, тогда шепчу —
Хочу, чтоб ты всегда была».

Да-а-а. И что тут скажешь?! Верно тогда Серж сказал про «друга». Не нравится оно тем кто ждет большего. Противоречивый, однако, поклонник мне попался — уже давно не «друг», но и любить не хочет. Намекает, что любит вопреки своим желаниям? Эх, никогда мне не понять мужчин! Можно ли в таком случае требовать, чтоб они понимали меня.

Перечитав стихи еще раз, загрустила. Что-то роковое почудилось в них, безысходность какая-то. Видимо, тут от меня уже ничего не зависит. Но ясно было одно — парень явно хотел, чтобы я жила и была счастлива. Если и неправильно растолковала, так это уже не мои проблемы. А не надо было стихами изъясняться! Так что очередной ответ ушел короткий: «Спасибо!». Надеюсь, поймет. Хотя и это неважно.

Бесшумной тенью рядом с кроватью соткался Кроха, блеснул в темноте глазищами и толкнулся носом в ладонь, дескать: — "Почему не спишь? Все ведь тихо".

— Отвлекли! — улыбнулась я, радуясь, что он так вовремя. А то бы мучилась до утра, утопая в философии и сомнениях.

Верный телохранитель довольно заурчал от почесывания за ухом и тут же подставил второе. Все верно — мечты и надежды это одно, но рассчитывать можно только на тех, кто рядом. Под это успокаивающее ворчание я и заснула.

Утром, как ни странно, вскочила совершенно бодрая и выспавшаяся, за три минуты до будильника, заведенного на визорах. Предстоял долгий день, полный забот, и, кажется, я была к нему готова.

Коротким, однако, вышло мое возвращение в цивилизацию...

Взгляд блуждал по изысканной обивке салона коптера, посреди которого совершенно неуместной кучей громоздились припасы и прочие необходимости для выживания в дикой местности. Лица моих спутников, если не считать Кроху — этот, похоже, дрыхнет, как ни в чем не бывало, свернувшись на полу поверх двух сложенных палаток — напряжены и хранят печать затаенной тоски. Ну а как иначе — ведь сейчас Рысь, на пределе возможностей своих и машины, гонит коптер в сторону самых глухих уголков этой дикой планеты....

Опять не знаю — смеяться или плакать. Общество диких и свирепых зверей, не имеющих ни малейшего страха перед человеком, оказалось уютнее и безопаснее, чем человеческое общество. «Человек разумный» в очередной раз оказался самым жестоким и опасным, чем самые страшные хищники. Они ведь убивают исключительно для пропитания, а вот люди способны уничтожить мир просто так — ради полной абстракции, вроде власти или денег.

Так что теперь мы попытаемся забиться в самый дальний угол от явившихся на Прерию карателей и пожить некоторое время по дальше от ставшей смертельно опасной цивилизации. Мне-то, вроде как, не привыкать, тем более, что в этот раз подготовлены мы гораздо лучше — сможем устроиться с большим комфортом, чем когда из всех достижений цивилизации был один нож и револьвер с тридцатью патронами. А вот спутники явно сомневаются, гадая, что лучше — клыки местного зверья, или «егоза» под током в фильтрационном лагере. Хотя, думаю, увиденное в городе успешно разрешило все их сомнения.

Мысли в очередной раз пробежали по замкнутому кругу и вернулись к недавним событиям. А ведь как хорошо всё начиналось...

Мое возвращение к людям совпало с резким улучшением ситуации в городе. События эти были явно неспроста, но в подоплеке происходящего разобраться за полтора дня не оказалось никакой возможности, приходилось принимать как данность. Буквально после завтрака мы вдруг узнали, что на планете резко сменилось руководство федеральной власти. Исполняющим обязанности представителя президента стал совершенно никому не известный молодой парень, практически вчерашний школьник. Прямо-таки дворцовый переворот, как бывало обычно в веке восемнадцатом-девятнадцатом, или смена правительства в какой-нибудь «банановой республике» середины века двадцатого. Но особого шума действие не произвело, так что о реальных событиях оставалось только догадываться.

«Новая метла» взялась за дело круто и, буквально к концу дня, две, готовых уже вцепиться друг другу в плотку силы, чудесным образом оказались разведены по углам. Разрядка напряженности была воспринята всеми с немалым облегчением, а вывод «федеральных формирований» из города — и вовсе с ликованием. Ассамблея уверенно воспользовалась уступкой и организовала всеобщие гуляния, закрепляя и развивая успех.

Все это время мы провели в городе, сначала снимая, как чуть ли не цветами проводили

из города колонну «федералов» — очень сомневаюсь, что их так же будут встречать, вздумай они вернуться в ближайшее время — а потом вечерние счастливые лица жителей на ярко освещенной набережной. Жаль только, не было никакой возможности работать в прямом эфире — похоже, предыдущая борьба за контроль над умами сограждан привела к временному выходу из строя местного телецентра. Все же я пропустила много интересного, хоть и надеялась что-то наверстать в ближайшие день-два.

Поснимав до поздней ночи, где-то в районе двух ночи отправились к себе — монтировать срочный репортаж. Сильно надеялись успеть передать его в ГУГЛ хотя бы с утренним рейсом космолета. Очень уж хотелось показать неподдельную радость населения и красивое разрешение ситуации.

Спать легли только в районе четырех, усталые, но довольные. Не вдаваясь в политику и прочую грязь, на одном видеоряде и нейтральных интервью с обычными людьми удалось показать всю историю произошедшего конфликта, и предать всю атмосферу — сначала надвигающегося шторма грозы, а потом ликования, когда гроза прошла мимо.

Так что засыпала со спокойным сердцем, а вот проснулась от ужаса и желания бежать непонятно куда — кровать подо мной вполне ощутимо «толкалась», да и обычная тишина дома была нарушена невозможными в обычной жизни звуками — стонами обрётших подвижность стен.

Панические мысли успела задавить даже раньше, чем вскочила с кровати — происходящее землетрясение вряд ли обрушит утес в море, а если и обрушит — тут от меня уже мало чего зависит. Потому, вместо того, чтобы метаться голой по комнатам, начала быстро одеваться, не забыв в первую очередь об оружии, ставшем за последнее время деталью туалета более привычной, чем даже одежда. Все это происходило под аккомпанемент низкого гула толчков и скрипов перегородок дома.

Ровно в тот момент, когда я натянула берцы и, набросив липучки, думала — «Зашнуровать, или так драпать? И если сматываться, то куда?» — как появился Кроха и разрешил все мои сомнения, ухватив за руку и потащив куда-то вниз. Странно, при землетрясении ведь вроде на улицу выскакивать положено? Но решилась довериться его чутью. В итоге мы забились в какой-то отнорок тоннеля, ведущего к гроту — комнатка явно была вырублена прямо в скале — и тогда стал, наконец, понятен замысел моего защитника. Если перекрытия дома и не выдержат, то монолитная скала, скорее всего, устоит.

Толчки тем временем давно прекратились, а мы, обнявшись, всё сидели тихо, как мышки под веником, и ждали повторения. Вот тут и навалился страх — вокруг совершенно темно, и только теплая шкура кадавра вселяла уверенность, что все будет хорошо. Нарушил наше уединение Марат, причем самым бесцеремонным образом.

— Диана!!! — проорал он, казалась, над самым ухом, заставив вздрогнуть. — Ну куда могла подеваться эта дура? — поинтересовался он сам у себя, заставив полыхнуть мои уши так, что вокруг стало даже немного светлее.

Самое интересное — моего защитника рядом уже не было. Пришлось срочно кричать в ответ:

— Я здесь! Кроха — не тронь! — Последнее — на всякий случай, вдруг кадавр действительно решит постоять за мою честь? Хоть за ним ранее таких поползновений не сильно замечалось.

Зато бледным выражением на лице Марата, когда он, шарахнувшись в сторону, направил на меня луч фонаря, полюбовалась с удовольствием. Полюбовалась и тут же

устыдилась — человек меня искал и волновался, и вообще — похоже, сейчас вообще не до проявления мелочных чувств.

— Что с городом, Марат? Сильное ли землетрясение, ожидается ли цунами? — попыталась скрыть свое смущение за потоком деловых вопросов. Впрочем, в обстановке следовало разобраться как можно скорее.

— Цунами точно не будет! С городом... — Марат быстро приходил в себя — Крохи рядом не обнаружилось, у трупа просто талант исчезать в самые непонятные моменты. — Знаешь, это надо видеть! — решительно оттолкнувшись от стены, админ ухватил меня за руку и потащил за собой. В этот раз навверх. Что-то никто сегодня моим мнением не интересуется!

Вид на город впечатлял — справа сиял огнями вдоль улиц Белый Город, левее него багровым заревом, подсвечивая облака в небе, полыхал порт, еще левее и ближе, на месте частной застройки, не было ни одного фонаря — только местами небольшие огоньки освещали... руины? Картина поражала своей сюрреалистичностью и почти гробовой тишиной — слышался только прибой и ветер.

— Это не землетрясение... — Совершенно спокойно, как о перемене погоды, сообщил Марат. Огней на крыше дома не было, и его лицо, освещенное только луной в небе и заревом пожара, показалось вдруг чужим и незнакомым.

Не землетрясение? Тогда что? Мелькнула была мысль, что «федералы» вдруг вернулись, атаковали город и сейчас там идут уличные бои, но противоестественная тишина совсем не укладывалась в эту картину, как и подземные толчки. Что же тогда — нападение зеленых человечков, или падение метеорита?

— Это — орбитальная бомбардировка. — Так же спокойно пояснил Токаев некультурно тыкая пальцем в зарево — основной удар нанесен по припортовому району, причем, досталось и частному сектору. Там, скорее всего, и вовсе ничего не осталось. Халупам много не надо, а крепких домов там отродясь не было. Такие боеприпасы способны уничтожить даже глубокие подземные укрытия, благодаря значительной энергии сейсмической волны.

Вот значит какие «толчки» я слышала!

— Но как же так?! — Я задохнулась, мысли никак не желали собираться в кучку, несмотря на свежий ветерок с моря.

— А как обычно! — зло сверкнул на меня глазами Марат. — Ждем прибытия сил для умиротворения и прекращения беспорядков! Впрочем... — Он разом сменил гнев на задумчивость. — «Как обычно» всё же поступают несколько по-другому, и вот это мне особенно не нравится. Удары с орбиты имеет смысл наносить по сильно защищенным объектам. Да и, честно говоря, применение авиации намного дешевле...

— Но почему?! Зачем они это сделали? Ведь не было никаких волнений! — Я стыдилась своей наивности, но какая-то детская обида заставляла произносить слова, не задумываясь.

— А они об этом не знали. — Отрезал администратор, отворачиваясь, на его скулах перекатывались желваки. — Или не захотели знать!

— И что теперь? Что делать? — совершенно потеряно попыталась привлечь к себе внимание стремительно теряющего ко мне интерес админа.

— А мы, Диана, собираемся немного полетать, и поснимать происходящее. — Марат вдруг быстро повернулся и упер в меня испытывающий взгляд: — Ты как, с нами?

Он указал на коптер, стоявший совершенно незаметной громадой справа от нас.

Наверняка, и Сержио и Рысь уже внутри, ждут только, пока администратор меня найдет и приведет наверх.

— Да, конечно! Вот только... — Полыхнув до корней волос от стыда — мне напоминали об моем профессиональном долге, я попыталась обнаружить запропавшего кадавра.

Пропажа тут же обнаружилась рядышком. Точнее, обнаружались два туго набитых рюкзака почти под ногами, и мелькнувшая в проеме двери в дом мохнатая спина. Кроха как всегда предпочитал действовать, пока другие раздумывают.

Марат тоже уставился на брошенную кадавром поклажу, произнес короткую фразу закончившуюся на «... мать!», покраснел, и, махнув рукой в сторону вертолета, исчез вместе с подоспевшим Сержио в доме, оставив меня одну.

Дальнейшее слилось в череду ярких картинок, в промежутках между которыми мы что-то делали, куда-то шили, летели или снимали. Я не узнавала виденного еще вчера города, будто меня перенесли в другое место или время, мозг отказывался воспринимать реальность. Точнее — происходящее воспринималось, но не связывалось с прежними воспоминаниями. Все было отрывочно.

Вот перед глазами перекрученный от жара и ударной волны кран в порту — циклопическая решетчатая конструкция оплыла, превратившись в некую абстрактную скульптуру. Потом сразу «вид сверху» — расположившиеся на месте частного сектора в шахматном порядке воронки. Большие — десятки метров в диаметре каждая, они особенно удивили странными конусами, возвышавшимися в центре. Или правильно будет «в эпицентре»? Вокруг них не было вообще ничего — ни улиц, ни стен. Чуть дальше начинают появляться какие-то кучи и даже отдельные углы домов, а потом — опять ничего, и новая воронка.

Портовому району досталось еще крепче, но и строили в этой части города прочнее. Там вполне проглядывали городские улицы, только засыпанные битым стеклом и прочим мусором. Почти все дома и строения лишились крыш, многие заодно и стен, но металлические каркасы внутри не позволили им обрушиться, и теперь здания стояли как скелеты, бесстыдно показывая содержимое своих верхних этажей, возвышавшихся над пирамидами мусора вместо основания.

Особенно поразили животные. По улицам, ставшим враз неузнаваемыми, метались домашние любимцы, оставшиеся и без домов, и без хозяев. Воюющие на развалинах, или жмущиеся к первым встречным собаки, настороженно посматривающие из-за углов кошки, и абсолютно безразличные к произошедшему птицы — тысячи чаек зачем-то переместились в город и местами просто покрыли землю, шумно отдыхая, а то и дерясь на кучах мусора, раньше бывшего человеческим жильем.

А еще были люди... Люди со странным выражением лиц, которые не спеша двигались по уцелевшим улицам. Чтобы замереть ненадолго, видимо, возле того места, где жили раньше, и, постояв несколько минут, идти дальше. Они почти не разговаривали, не пытались найти среди руин что-то ценное, перемещались только небольшими группами и почти не несли с собой вещей — только оружие и небольшие пакеты.

Никто не пытался раскапывать руины, чтобы найти погибших, или еще живых. А ведь наверняка под завалами еще оставались раненые — все просто не могли погибнуть сразу. Но люди уходили из города, предоставив остающихся их судьбе. На север, за городскую черту,

вытягивалась все удлиняющейся змеей колонна беженцев.

Но были и другие. От первых они отличались только направлением движения — небольшие группы людей с оружием двигались навстречу общему потоку, чтобы точно также, сделав несколько остановок в разных местах, уйти на юг, запад, или просто раствориться в окрестностях. Если люди из первой группы прятали глаза, то смотреть в глаза вторым просто не хотелось. Я сильно боялась увидеть раненых, трупы или кровь — совершенно не была уверена, что не грохнусь в обморок при виде обычных для войны ужасов, но ничего такого за все время нашего метания по городу заснять не удалось. Почти.

А потом был Белый Город, город-призрак, практически не пострадавший при ударе. С нелепыми, горящими при свете утреннего солнца фонарями, со следами прошедшей радости. Даже раскладные столы на улицах, с которых вечером раздавали праздничное угощение, были не разбросаны, а аккуратно составлены вдоль стен. Отсюда люди просто ушли. А из города просто вынули душу.

Среди общего безмолвия глаз схватил удивительный кадр — некоторые двери были подперты кирпичами, или просто поленьями. Действительно — к чему запирать на замок, заставляя новых хозяев ломать двери? Заходи и пользуйся. Значит, хотят вернуться и те, кто ушли?

Может, и рассчитывали. Человек никогда не расстается с надеждой, но вот только пока опустевший город казался опасным. Так живым кажется опасным труп, нет желания поворачиваться к нему спиной, пусть и лежит себе покойник тихо и не шевелится.

Впрочем, шевеление в покинутом городе было. Далеко не все ушли отсюда, и они провожали нас взглядами. Пока спокойно и равнодушно, но очень скоро все движущееся в секторе ответственности будет рассматриваться через прицел, и оцениваться с точки зрения опасности.

Память — не запись видеокamеры — она мало чего сохранила из того, что я делала в том странном мире. Что-то мы снимали, кого-то спрашивали. Нам отвечали, или просто скользили мимо, словно считая нас неодолимым препятствием. К нам подходили какие-то люди и что-то спрашивали. Марат отвечал им, они крутили пальцем у виска и уходили. Или просто смотрели странно и оставляли нас в покое.

В это утро каждый делал то, что считал для себя главным, и мало обращал внимания на остальных.

Потом был провал в памяти, и следующим кадром Марат тряс меня, как грушу, несмотря на предупреждающее ворчание Крохи, и кричал: — «Диана, приди в себя! Нам надо уходить! Космопорт практически не бомбили, это значит, что захватывать его будут в первую очередь! Надо сматываться, пока не стало поздно!», — но я в ответ только упрямо мотала головой, не раскрывая рта. Не хватало еще прикусить язык от этой тряски, он же у меня главное орудие труда! Почти.

А потом Серж спокойно сказал: «Все равно опоздали», — и мы стали смотреть, как на посадку заходи космический корабль.

В отличие от виденного мной лайнера, этот не напоминал самолет ни единой черточкой — больше всего это чудище походило на перевернутый и решивший полетать стадион. Такая же полусферическая форма у купола, прикрывающего сбегавшие к полю трибуны. Высота тоже соответствовала и даже «лапы» опор и вынесенные на штангах двигатели — напоминали мачты освещения и прочие стандартные архитектурные изыски.

Но любоваться на парящую в небе конструкцию довелось недолго — стремительно

снизившись, маленький с такого расстояния кораблик завис. Сравнение со зданием космопорта тут же выдало его истинные размеры — не менее чем шестизэтажный дом в высоту! А в следующий миг корабль стоял на поле. Перед самой посадкой под его днищем что-то ярко вспыхнуло, направленные в ту сторону камеры «мигнули» изображением.

Забыв об опасности такого ротозейства, мы смотрели во все глаза, ожидая начало выгрузки десанта, но стремительно убегавшие секунды не приносили ничего нового. Наконец оператор рискнул оторваться от своей аппаратуры и, видимо, перекрутил назад запись, просматривая с увеличением по кадрам.

Из выданной им тирады цензурным было только начало — «ерш твою меть!». А я для себя отметила великолепное знание Моретти «великого и могучего». Но закончил Серж вполне понятно — «они его сбили!», и расплылся в счастливой улыбке, на что Марат буркнул: — «Чему радуешься? Теперь пощады не будет...». И улыбка оператора тут же погасла.

И вот теперь мы улепетываем подальше, рассчитывая отсидеться в какой-нибудь глуши, без особой на то надежды.

Сначала шли над дорогой, уходящей из города — параллельно побережью. Путь ухода недопраздновавших горожан был хорошо отмечен брошенными на обочинах машинами. Городские автомобили «повышенной проходимости», несмотря на всю их крутизну и немалую стоимость, не выдержали даже обычного проселка. Но брошенных заодно людей не наблюдалось.

Положа руку на сердце — не знаю, что бы сделала, если б внизу кто-то нуждался в помощи. Впрочем, имело ли какой-то вес мое мнение, я тоже не знала — обнаружила, что мои спутники давно уже принимают решения, ни о чем меня не спрашивая. Да и вообще как-то отделились. Каждый замыкался в себе, пытаюсь разобраться с увиденным и пережитым.

Только Кроха не демонстрировал отстраненный и погруженный в себя взгляд. Он же первым приветствовал мое «возвращение» радостным шевелением усов и подмигиванием, а потом совершенно невозмутимо уставился в окно. Ну и правильно.

А мне самое время оценить состояние спутников, все же я тут вроде как главная. Была, по крайней мере. Еще недавно.

Марат мне не нравился совершенно — будто высеченное из камня лицо, на котором не отражается никаких эмоций. Скорее всего, сейчас он разрывается между противоречивыми мыслями, и куда заведёт его процесс принятия решения — не знают ни бог, ни дьявол, ни все его демоны.

Серж отбросил свою обычную веселость, он целеустремлен и сосредоточен. Этот уже все для себя решил, осталась мелочь — понять, что это за решение, и как оно соотносится со мной. Пока же, оператор единственный, кроме Рыси, занят делом — он внимательно осматривает землю и негромко сообщает что-то нашему пилоту.

Рысь... Оля выгладит плохо и явно держится из последних сил. На лице высохшие дорожки от слез. Неудивительно, это ведь мы перекасти поле, а у нее в городе были друзья и знакомые — где они теперь? И где-то в этой круговерти пропал Викинг — перед моим возвращением они умудрились крупно поругаться, но на фоне событий вся шелуха обид теперь кажется совершенно незначимой. Но, к сожалению, уже поздно, и неизвестно предстоит ли им новая встреча. Вихрь подобных событий легко разбрасывает пушинки людских судеб, хотя насчет их чувств я не была уверена. Несмотря на все их противостояние

с админом, не заметить, что тут кроется что-то большее, мог бы разве слепой, ну или влюбленный. Приходилось признать, что они-таки сами до сих пор ничего не поняли. И теперь уже неясно, успеют ли понять.

Взгляд опять переместился на последнего члена команды — развалился на вещах и одобрительно посматривает в мою сторону, в глазах странные искры и твердая уверенность, что проблемы надо решать по мере их поступления. Спасибо, Кроха, приятно знать, что на кого-то всегда можно положиться как на каменную стену.

— Оля, — Серж заговорил чуть громче, — надо уходить левее, срежем угол и пойдем над дорогой к горам. С беженцами нам не по пути — они оставляют слишком заметный след, и первый удар наверняка будет направлен по ним.

Марат согласно кивает, и коптер сразу заваливается на левый бок. Вот значит как... Никогда бы не подумала, что судьба других людей будет интересовать меня в таком разрезе — смогут ли они отвлечь внимание охотников от меня. И ведь такой подход совсем не вызывает протеста в душе, мы просто выбираем собственную судьбу. И совсем не факт, что этот выбор более счастливый. Но вот поинтересоваться планами стоит:

— Долетим до гор, а что потом? — кашлянув, чтобы прочистить пересохшее горло, спросила я. Слишком уж долгим было мое молчание.

Нет, все же мы на самом деле команда! Как ребята обрадовались, поняв, что я только сейчас пришла в себя, даже Рысь улыбнулась мне печальной улыбкой.

— А потом, донна миа, мы найдем пещерку поуютнее — коптер надо спрятать от радарного обнаружения с орбиты — и начнем жить, как настоящие пещерные люди. — Добившись от меня улыбки, Серж подмигнул в ответ и продолжил:

— Наличие коптера даст некоторую мобильность, а кадавра — автономность. Все остальное можно будет решать только по обстановке.

С любопытством глянула на нашу основу автономности, как он отнесся к тому, что его «тоже посчитали», но Кроха развалился, как кот на помойке, и только одобрительно махнул ушами, дескать, «все правильно, там посмотрим».

И в этот момент судьба решила нам напомнить о последствиях неверных решений.

Внизу нитка дороги вдруг расцветилась яркими пятнами, а потом коптер резко бросило на бок, в результате чего меня прижало к спинке, а Кроха, не удержавшийся на оставшейся неподвижной поклаже, меховым ядром пролетел по салону и финишировал на моих коленях. Впрочем, последнее не совсем верно — приземлился он на все четыре лапы на спинку кресла и до того, как обратный наклон бросил его назад, успел высунуть язык и совершить надо мной традиционное утреннее умывание. Это действительно ободрило и отвлекло от зрелища, схваченного глазами — как от дороги к нам тянутся светящиеся ниточки, и в боковом стекле и крыше салона образуются дыры в два моих кулака. Всё это почему-то совершенно бесшумно.

И если увиденное можно было списывать на обман зрения, то свист ветра в отверстиях не позволял признать их игрой воображения. Моретти опять демонстрировал недюжинное знание русского матерного, а Токаев, угрюмо заявил: «Надо же, местные позаботились выделить средства ПВО для прикрытия колонны беженцев», а Кроха чинно слез с моих коленей, уселся рядом и наконец пристегнулся.

Рысь спокойным голосом доложила: «Серьезных повреждений нет», и поинтересовалась — «Куда теперь?». Только побелевшие губы выдавали, что она явно пережила побольше нашего. Осмотрели и ощупали каждый себя сам, пытаюсь успокоиться —

к счастью, никто не был ранен — и призадумались над вопросом нашего пилота. Пытаясь быть самыми умными, мы влипли в серьезную переделку: от пути на север вдоль побережья нас теперь отделяла злополучная колонна, с которой стреляли во все что летало, не задумываясь. И я их хорошо понимаю. На запад были снежные вершины гор, на восток океан, возвращаться назад в город и прорываться на юг — решительно не хотелось.

Не факт, что защитники Ново-Плесецка не поприветствуют нас еще более горячо. И что главное — результативно. А уж о возможностях армейских ПВО даже думать не хотелось — мы им даже не на один зуб.

— Надо возвращаться, и стараться проскочить между городом и горами. — Выдал свое предложение изучавший карту Марат.

— Не стоит! — С непонятым нажимом сказала Рысь. — Давайте возьмем больше на северо-запад, там будет плато, а за ним перевал. Он высокий, но у нас потолка хватит и напрямую через горы перелететь. Разве что... — она бросила взгляд на дополнительные вентиляционные отверстия — надо будет кислородные маски надевать, но это просто неудобство, не более.

Перевалив через горы, мы получали более безопасное укрытие, но одновременно теряли возможность следить за тем, что происходит в районе столицы — прибывающие войска наверняка в первую очередь возьмут под контроль это направление, и перелететь обратно через горы будет весьма проблематично, если не самоубийственно. Но тут уж приходилось выбирать между безопасностью и осведомленностью. От Марата больше возражений не последовало, и машина легла на новый курс.

Некоторое время наблюдали, как настоящий лес под нами сменяется укрывающей склоны «зеленкой» — труднопроходимым переплетением низкорослых деревьев и кустарников. А потом мы выскочили на относительно ровное место между пологих холмов, и стало не до того. Прямо посреди площадки возвышался еще один летающий стадион! И в отличие от того, что садился на стартовый стол космодрома, из этого потоком шла выгрузка техники.

Рысь опять бросила машину в головокружительный вираж и перед глазами мелькнула идущая в сторону города колонна военных машин. В следующий миг горизонт встал чуть не вертикально, и все мысли из головы вытрясли непрерывные рывки.

Сколько длилось это безобразие — вряд ли возможно установить точно, Марат ругался самыми черными словами, Серж молчал, а Рысь вытряхивала из нас и машины душу, устроив слалом между многочисленными холмами в качестве точек поворота. Потом был относительно ровный участок и до меня дошло, что теперь мы летим на юг — видимо, план админа остался единственным из приемлемых. Но и ему вряд ли суждено было сбыться — летели мы со значительным креном, и, взглянув на правый импеллер, я увидела, что с него потоки воздуха срывают ключья противопожарной пены. Запоздало в душе колыхнулся страх.

— Не волнуйся, все целы, — успокоил меня Серж.

— Ага, — подтвердил Марат, — военные ракету на нас пожалели, а системы наведения пушек у них с хорошей автоматикой — бьют только по источнику магнитного поля. Видимо хотели нас «приземлить», но у них слишком высокая скорость — проскочили вперед, сейчас....

— Разделяются и заходят второй! Один в лоб, ведомый сбоку! — прервала его Оля.

— Жмись к земле и препятствиям! — крикнул оператор, заслужив неодобрительный взгляд Крохи, а в следующий миг деревья внизу слились в непрерывную полосу и прыгнули

на встречу.

Я почувствовала на своем поясе лапу кадавра, сам же он умудрился при этом так растопыриться, что занял практически весь салон. Успела вяло подумать: — «Зачем? Ведь я пристегнута...», — когда перегрузка сначала вжала в сиденье, а потом удар бросил вперед. Ремень больно врезался в грудь, а потом просто оборвался, и мы с Крохой единым комком впечатались в «завесу».

Надуваемая при аварии сетка безопасности показалась сделанной из камня.

Очнулась я от приставаний Крохи — этот мерзавец мало того, что лизал мне лицо, так еще и мял уши изо всех сил! Попыталась оттолкнуть это чудовище, и со словами: «Кроха, милый, будь человеком — дай поспать, еще ведь рано!» — попробовала завернуться в одеяло. Но вся сонливость тут же слетела, слишком уж необычной была обстановка моей спальни, да и кадавр на радостях так крутанул мои бедные ушки, что на глаза навернулись слезы.

Прорывчав обещание ощипать его с помощью пинцета для бровей, кое-как протерла глаза, чтобы обнаружить себя лежащей на чем-то мягком. Прямо перед глазами увидела вдруг пол нашего коптера, ставший почему-то стеной, и мохнатую спину Крохи, отцепляющего наши рюкзаки от страховочной сетки. С поражающей быстротой и силой, он вышвырнул их в раздвинутые боковые двери, располагающиеся теперь на потолке. В виде последнего тюка, он самым бесцеремонным образом подхватил с пола и меня. Чувствуя дополнительную поддержку пониже спины, быстро цепляясь за окружающие предметы, выдралась наверх, а потом спрыгнула наружу. Марат с Сержем вовремя поймали, не дав растянуться на земле.

Теперь можно и оглядеться! Слева возвышалось днище нашего коптера. Машина рухнула на бок, подмяв под себя несколько невысоких деревьев, и теперь раскачивалась на их ветках. Правее обнаружились все наши, включая бледную, но решительную Рысь, сейчас она как никогда напоминала свою тезку из-за общей взъерошенности и огоньков в глазах. Из чрева машины выпорхнул Кроха и, оглядев нашу бледную компанию, нырнул обратно, появившись через пару секунд с небольшой фляжкой и еще более маленькой бутылочкой. Вылив содержимое бутылочки в флягу он болтанул несколько раз содержимое, с сомнением оглядев меня и почему-то Олю, сунул флягу в руки Марату и метнулся к нашей поклаже.

Забыв обо всем на свете, даже о том, что в любой миг с неба на нас может обрушиться смерть, я следила за его целеустремленными метаниями. Никакой суеты, ни единого сомнения! Буквально через секунду он выудил аптечку, а из нее — большую ампулу, содержимое которой тоже оказалось во фляге. Как заправский бармен, кадавр потряс фляжку и налил грамм сорок коктейля в крышечку-колпачок, сунув мне его в руку с ворчанием, которое ничем, кроме категорического требования быстро выпить, быть не могло.

Во фляжке не иначе, как чистый спирт был, нет — точно ощипаю этого мерзавца! — огненный ком прокатился в желудок, где и рванул термоядерным зарядом — пламя в одно мгновение пробежало по жилам до самых ногтей и кончиков волос, наполняя каждую клеточку энергией. Немного поцокала языком, оценивая послевкусие, и поняла, что еще, помимо спирта, было в коктейле — вкус чистого сока терника сложно спутать с чем-то другим. Третий ингредиент так и остался загадкой.

— Вроде все целы и здоровы, — прокомментировал Марат.

— Аттерато кон сучессо, — хмыкнул Моретти, и, поймав мой взгляд, тут же поправился: — Приземлились успешно.

— Любая посадка, с места которой можно уйти собственными ногами — считается удачной! — процитировала какую-то инструкцию Рысь и хихикнула, вожаделенно глядя на

фляжку.

Кроха никого не обделил, но все были не прочь повторить. Я тоже умоляюще взглянула на верного друга, на что кадавр утвердительно кивнул, но завинтил колпачок и повесил эликсир себе на пояс, обманув всех нас в лучших ожиданиях.

— А теперь — бегом! — скомандовал Токаев, и мы побежали.

Спуск вниз через заросли, да еще с немалым весом за плечами — смело можно было бы назвать «изматывающим», но, благодаря выпитому допингу, мы преодолели его на одном дыхании и припустили дальше с максимальной скоростью вперед с небывалой прытью. И заслуга в этом принадлежала не только соку терника — помимо бьющей через край энергии, здорово подгоняло ощущение взгляда в спину. Не было никаких признаков, что нас преследуют, но предчувствие, что любое промедление тут же обернется серьезными последствиями, ощущали все. Вел нашу маленькую команду Марат, а Кроха, казалось, разделился на четыре маленьких обезьянки, и мелькал одновременно то слева, то справа — видимо, пытался одновременно выполнять функции головного и тылового дозоров. Вместе с боковым охранением, ага.

Не снижая темпа, полушагом-полубегом, наша команда выскочила на окраины города, до которого, что называется, «недотянули» совсем чуть-чуть, и рванула на юг. Здесь уцелело довольно много домов, взрывная волна только повыбивала стекла и сорвала крыши, да и то не везде. И вообще этот район теперь выглядел довольно странно — абсолютно целые здания стояли рядом с полными руинами буквально на расстоянии вытянутой руки — в семидесяти сантиметрах. Встречались и здоровенные, но почему-то очень неглубокие плоские воронки, окруженные невысокими валами и развалинами. Их приходилось обходить.

Во время такого обхода нас и взяли.

Справа лежала широкая, совершенно открытая, полоса чистого поля, обрамленного вдаль деревьями подступающего леса. Слева разлеглась проплешина от орбитального удара, немногие устоявшие стены впереди просматривались насквозь, и никто не ожидал засады — противник материализовался, словно из воздуха.

Это только в фильмах главный герой, попав в засаду, умудряется валить противников пачками. В жизни, при неожиданном нападении, всё заканчивается очень быстро. Что на самом деле произошло, когда мы на полном ходу влетели в «Стоунхендж» из еще стоявших фрагментов стен, я смогла разобрать только потом — при замедленном просмотре записей камеры-хамелеона. Когда я снова успела ее прилепить, так оставалось для меня загадкой. Но во время всех передрыг, она продолжала фиксировать каждый мой шаг, дублируя то, что должна была видеть я. Но для меня вообще все слилось, разорвавшись на крохотные, перепутанные друг с другом фрагменты. Так что воссоздавать картину происшедшего пришлось потом по крупинке благодаря записям крохотной камеры и четким воспоминаниям одного человека.

На админа из укрытия буквально вылетело два человека — один плечом подсек его под колени, второй атаковал в верхней плоскости. Один миг, и наш ведущий сбит с ног и зафиксирован. Что-то подобное одновременно произошло и с замыкающим — Моретти, этого камера не видела. Зато хорошо зафиксировала, как третий силуэт эдакой тенью, проскочив мимо Рыси, «слегка» коснулся ее, отчего у Оли подогнулись колени, и девушка свернулась в пыли в позу эмбриона. Даже не замедлив движения, Тень легким толчком

отправила меня в короткий полет до ближайшего остатка стены.

Удар об твердую поверхность спиной выбил дух и заставил опустить руки. Нападающий спокойно шагнул вперед, одним движением выдернул мой револьвер из кобуры и совершенно спокойно развернулся в сторону Рыси. Пара скользких шагов и неудачная попытка развернуть девчонку, после чего кобура Оли оказалась просто срезанной, а боец вернулся ко мне, не убирая нож ради большего эффекта.

Но это все постфактум, а тогда — только и успела увидеть как куда-то пропала спина бегущего впереди Марата, толчок и выбивший дух удар, а в следующий миг перед глазами оказалось лицо солдата и черное лезвие ножа. Одной рукой удерживая меня от дальнейшего «стекания» вниз, он просто смотрел в глаза, держа правую руку с ножом слегка на отлете. Не угрожал и ни о чем не спрашивал. Больше всего меня поразило именно этот взгляд — в нем ни ярости, ни угрозы, лишь спокойствие и сочувствие. Но от этого взгляда всё внутри враз заледенело, ноги стали ватными, и только твердая рука бойца удерживала меня в вертикальном положении.

Тем временем действие продолжалось уже в неспешном темпе, давая насладиться всеми деталями. Куча-мала, образовавшаяся на месте Марата, распалась и от нее отделились две фигуры. Один враг пинком заставил админа свернуться бубликом, отошел на несколько шагов, страхуя стволом оружия напарника, достающего из разгрузки средства фиксации. Не слишком шумная возня раздалась и с той стороны, где должен был быть оператор. А куда же делся Кроха?

Колени чуть снова не подкосились, и сильно зануло в груди, но я упорно повторяла про себя: «Нет! Он живой, с ним не могли разделаться совсем без шума!». Но сердце продолжало сжиматься в тисках боли. Может, и был шум, но мы, неслись под действием сока терника, как стадо лосей во время гона, ничего не слышали и не замечали вокруг. И вот результат.

— Ты смотри — бабу поймали! — Заявил еще один камуфлированный тип, стоящий на приличном удалении от места событий. Надо же, а эту парочку, что расположилась слева уступом, чтобы не перекрывать друг другу линию стрельбы, я даже не заметила, пока один не подал голос. А ведь один из стволов все это время смотрел прямо на меня.

— Даже две! — ответил «душитель», не отпуская свою руку от моего воротника, и дернул уголком рта.

— Где-е-е-э?! — от рева даже рука на моем горле дрогнула, а остальные участники событий матом выразили мысль о необходимости правильного регулирования громкости наружных динамиков. Но громадная бочкообразная фигура только отмахнулась от их претензий. Из-за полуразрушенной стены вылезла еще одна туша. Одного взгляда на десантника в тяжелом скафандре со станковым метателем в руках, было достаточно, чтобы понять — ничего нам не светило. Даже, если бы и успели заметить засаду и начали сопротивляться, то ничего сделать этому двуногому танку мы не в состоянии.

Второй «танк» более тихим голосом слегка мечтательно заявил:

— Интересно, а в этих домах крепкая кровать найдется?

— Ага, и здоровенный консервный нож, — заявил наблюдатель слева, — по-другому тебя пока из этой консервной банки выкалупаешь, девчонки не то что успеют в мочалки превратиться, но и в штаб, к господам офицером уехать.

Незадачливый десантник сделал попытку почесать собственный затылок, от чего над руинами раздался колокольный звон, и потоком мата выразил свое недовольство такой вопиющей несправедливостью.

Со всех сторон на него посыпались предложения, как можно поправить ситуацию, все белее и более фантастические и издевательские. Одна переуступка права обыскать начавшую приходить в себя Рысь чего стоила — дескать, с его-то клешнями это будет особенно забавно.

Они расслабились, сбрасывая напряжение после захвата, пусть и обученные, но все же не железные люди, пару минут назад рисковавшие жизнью, а теперь радующиеся, что все обошлось. Они отвлеклись на увлекательное действие — один из пятнистых как раз расстегнул на Рыси куртку и лез вовнутрь в поисках, разумеется, спрятанного оружия.

Точнее — отвлеклись на происходящее «бочонки», которым наверняка полагалось контролировать все происходящее снаружи. И один из «пятнистых», что стоял дальше всех, тоже, видимо, считал ворон. Впрочем, может, я наговариваю? Возможно, он просто не успел перевести прицел с пленников на новую цель. Всё же рефлекс человека заточены под противодействие тоже человеку, а не кадавру.

Но, так или иначе, а за спиной второго дальнего наблюдателя появился Кроха. Сердце пропустило удар, хотя я скорее почувствовала, чем увидела его появление. Все остальное смогла разглядеть только камера.

Две лапы кадавра бесшумно легли на затылок шлема и нижний край забрала, и голова бойца повернулась на непредусмотренный природой угол — легкая экзоброня в которую наряжены пятнистые усиливает только руки и ноги, она не связана со шлемом и имеет только «горб» для снятия нагрузки с шеи.

По сторонам от только начавшего падения тела мелькнули перепончатые лапы, отправляя в короткий полет острые подарки. Державший меня боец вздрогнул и, выпустив наконец ворот, потянулся к стыку между шлемом и наплечниками куда вошло лезвие. Но дотянуться до него не успел — умер прямо посреди движения. Это надолго запомнилось по враз и навсегда застывшему удивлению во взгляде. Пришлось теперь уже мне подхватывать его, не давая покачнувшейся фигуре упасть. Тем временем Кроха переждал ответный огонь, заслонившись спиной «наблюдателя», и разрядил в ответ барабан своего револьвера, да так быстро, что выстрелы слились в короткую очередь. Причем, проделал этот фокус в прыжке-падении, потому что к тому моменту, когда стрелялки «бочонков» повернулись к нему, они подняли только громадную тучу пыли, бесполезно дробя обломки кирпичей в мелкую щебенку — шустрый кадавр улизнул непонятно куда, неведомо как умудрившись утащить с собой заодно и тело.

Я же тем временем, вынужденно обняв своего душителя, пыталась не рухнуть под навалившейся тяжестью, а этот гад решил даже после смерти мне отомстить, пуская за распахнувшийся по причине оторванности пуговиц ворот камуфляжа кровавые слюни. И все ради того, чтобы вторая рука, нащупала, наконец, рукоять моего револьвера, который после обыска тот сунул себе сзади за пояс.

Едва пальцы охватили знакомую рукоять, как лишнее плавно отодвинулось на второй план, осталось только ощущение пальца выбирающего последние микроны спускового крючка и моя цель — последний из наблюдателей, увлеченно садивший очередь в пылевое облако на месте исчезновения Крохи. Револьвер успел три раза толкнуть руку, а я с удовлетворением отметила, что все три раза мишень вздрогнула. После последнего выстрела из-под забрала полетели даже какие-то ошметки, но отпущенный мне судьбой миг заканчивался — оружие в руках «бочонков» плавно поворачивалось уже в мою сторону.

Удивительно, но у меня не было времени, чтобы испугаться. Хотя совершенно ясно

понимала, что жить мне осталось несколько мгновений, а после меня просто разрежет на куски и перемешает в кашу поток шариков из тяжелых гауссовых пулеметов. Вместе с мертвым телом передо мной и стеной сзади.

Но не судьба. Воинственно оскалившая немаленькие клыки голова кадавра вынырнула левее расползающегося пылевого облака, хлопнула расправляющаяся праща и посреди грудной кирасы «бочонка» расцвел цветок разрыва кумулятивной гранаты. Бочонок пошатнулся, проткнул струей шариков небеса и рухнул — аж земля вздрогнула.

Одновременно с этим благим делом, по спасению моей драгоценной шкурки, Кроха позаботился и о себе — всадив из зажатой в левой лапе базуки заряд в голову тщетно пытающегося развернуть в его сторону оружие второго «бочонка». А вот нечего было вдвоем в беззащитную женщину целиться! Не повернулись бы оба в одну сторону — был бы шанс.

Но повторять ошибку противника и почивать на лаврах кадавр не спешил. Он, наоборот, так спешил, что пронесся мимо меня, уже изнемогшей в борьбе с заваливающимся мертвым телом, перепрыгнул через валяющийся посреди дорожки тяжелый скафандр и приволок сильно запыленного Сержио, две стрелялки и длинную ленту, поблескивающую толстыми оперенными снарядами. Все это богатство, включая матерящегося оператора, которого после обработки ногами пятнистых, Кроха еще и протащил мешком по битому кирпичу, кадавр свалил в укрытие за уцелевшей кирпичной стеной. Потом он опрометью кинулся назад к «бочонку», подхватывая с земли его стрелялку и бережно расправляя идущую от нее к ранцу на спине скафандра ленту.

Зачем он это делал, мне было непонятно, да и не интересно — к этому моменту я, наконец, умудрилась рухнуть, причем, довольно удачно заняв верхнюю позицию по отношению к партнеру. Вот только чуть при этом не отрезала себе нос об торчащее из его шеи лезвие и сильно это переживала. Вот ведь странно, все предыдущие события не вызвали в душе такого яркого отклика, как эта мелочь.

А в следующий момент всё перестало иметь значение — прямо на нас из засады выскочил танк.

А ведь и правда — не пешком же пришли наши противники? Не могли же они на самом деле прибежать следом, да еще так быстро, чтобы обогнать нас и подготовить засаду. А вот имея технику это было не просто, а очень просто.

И опять основной эмоцией оказался не страх, а удивление — многотонная машина действительно «выпрыгнула» из-за почти целого дома и преодолела расстояние метров в семьдесят так быстро, что для глаза это вышло почти незаметно. Впрочем, сказав «на нас» я погорячилась — выскочив откуда-то справа, машина заслонила от нас лес и начала бодро поворачивать башню в нашу сторону. Уходили последние секунды жизни, а меня больше интересовала такая фигня, вроде: «Почему не слышно никакого грохота?» Все перемещения многотонной машины были совершенно бесшумны — не то, что двигатель не рычал, даже ленты гусениц не лязгали, хотя им это вроде как положено.

А потом звук пришел — Кроха разобрался с трофеем и по всей поверхности машины будто зажгли сотни бенгальских огней, задорно разбрасывая во все стороны веселые искорки. Грохот вышел такой, будто одновременно заработали с десятков пневматических молотков, вместо асфальта колотящих по кровельному железу. От машины полетели какие-то части, но сильно заметных повреждений не было — только башня перестала поворачиваться в нашу сторону, вызвав у меня вздох облегчения.

Кроха перенес стрельбу в одну точку — между вторыми и третьим колесом, на котором

лежала гусеница и теперь казалось, что из этого места машины бьет «огненный фонтан», видела много раз я такой фейерверк.

А потом фонтан искр резко сократился, машина дернулась, а Кадавр с облегчением уронил пулемет. Видимо, стрелять из оружия в половину собственного веса было тяжело даже ему. Рванув в сторону танка, он на бегу успел выдернуть ленту с зарядами из-под не успевшего отнять ладони от ушей оператора. Достигнув борта, наш защитник ударил зачехленной лапой о броню и сунул ее в пробитое отверстие и быстро откатился в сторону. Раздался негромкий хлопок и танк начал оседать, как бы становясь ниже ростом.

Но на этом, как оказалось, ничего еще не закончилось — выдернув следующий снаряд из ленты, Кроха ударил им о броню, сунул в прашу и, раскрутив в два оборота, метнул. Справа, над уцелевшей коробочкой дома, вспух шарик разрыва. Вторую гранату кадавр положил четко между стен. Внутри заорали и попробовали достать метателя — очередь выбила искры из угла замершей неподвижно бронемашины.

В ответ Сержио перекатился к пулемету и несколькими очередями прорезал строение. Кажется, там рухнуло пару стен, но за поднятой пылью было сложно что-то рассмотреть. Во всяком случае, следующая граната, заброшенная туда, никакой реакции уже не вызвала.

Некоторое время выполнялась механическая работа — кадавр забрасывал гранатами все подозрительные места, а Моретти обстреливал их из пулемета. Пару раз в ответ открывали огонь, или пытались убежать. И то, и другое не слишком успешно. Так что я нашла в себе силы оторваться от зрелища, слезть, наконец, с трупа, будь он неладен, и прихватив валявшийся рядом нож с черным лезвием поползла освобождать нашего админа. Таким образом, большая часть происходящего прошла без моего участия, я в это время пилила пластиковый обруч на руках Марата под его матерное сопровождение. Заодно из всех сил стараясь при этом не отрезать заодно чего-нибудь лишнее.

И все это, чтобы в качестве благодарности быть ухваченной за ворот — на кой сдался он всем сегодня? — и быть отвлоченной в укрытие по острым камням. Теперь я хорошо понимала выражения итальянца, а некоторые даже сочла уместным повторить. Так что мы на пару с бледной и держащейся за живот Рысью, которую Марат бережно зашвырнул туда же, отлеживались в уютной ямке, пока парни развлекались древней игрой — «что лучше — первым выстрелить, или получше прицелится?»

Особенно взгляд притягивал Кроха, сидящий за бруствером из второго «бочонка» и азартно гасящий длинными очередями любые попытки шевеления «в поле». Из нашей ямки только и было видно, что бьющаяся «бабочка» на стволе гауссовой пушки. Как потом выяснила, топливный элемент питания оружия сбрасывал отработанные газы, частично компенсируя отдачу. Еще я видела, и это было важнее всего, горящие над всем этим глаза кадавра. И не могу сказать, что в них пылала ненависть, скорее интерес — кто же выиграет в этом противостоянии.

Серж сменил пулемет на базуку и словно сросся с оружием. Подозрение, что он в этом деле имеет немалый опыт, теперь только подтвердилось. Итальянский оператор, в совершенстве знающий русский мат, и со спокойствием сеющий смерть из тяжелой базуки! Что ты за птица на самом деле, дорогой ты мой Серега? Дорогой? Эх, если останешься жив, обязательно спрошу, и не только про это.

Ну а про Марата я и так знала, что Гугл отправил со мной одного из лучших... бойцов. Так Серж тогда сказал. И откуда он, такой осведомленный?

Наши пока явно вели по очкам, но к противнику в любой момент могло прийти

подкрепление. Точнее оно уже подошло и теперь пытались найти хоть какое-то укрытие в чистом поле. Попытку атаковать сорвали два пулемета, и теперь Кроха, высунув от старания язык, азартно выцеливал запрятавшихся, а найдя таковых — давал по этому месту очередь трассирующими, чтобы Моретти было видно, куда нужно положить очередную гранату из трофейной базуки.

Игры эти могли как продолжаться до ночи — запас зарядов в пулеметах был очень велик, жаль, что они были неотъемлемой частью скафандра — так и закончится в любой миг. Ударом с воздуха, или появлением бронетехники противника. Но ни того, ни другого пока не произошло, и танцы со смертью продолжались.

Чтобы оборваться в следующий страшный миг.

Проявив некоторую настойчивость и много позже удалось узнать, как все происходящее выглядело с другой стороны прицела.

Раненый офицер, я сильно удивилась, узнав, сколько ему лет на самом деле, не отказался рассказать эту историю журналистке, решившей написать "настоящую книгу о настоящей войне", и сильно при этом увлекся. А может, просто почувствовал? В любом случае, его повествование не было похоже на обычные рассказы военных "шпакам" — сквозь пелену слов проступили настоящие чувства и события.

Старший лейтенант Сергей Владимирович Пыхов, имевший среди солдат малопочтительное прозвище «Пушок», мог тогда только скрипеть зубами и мысленно проклинать «дураков с инициативой», прекрасно при этом понимая, что единственным ответственным за бардак, в который превратилась операция по захвату группы со сбитого коптера, является он сам. Раз ты, командир разведвзвода, поручаешь выполнение боевой задачи клиническим идиотам — то ответственность за их действия, что по уставу, что по совести, несешь ты и только ты.

А ведь как хорошо все начиналось. Получив по ходу выполнения боевой задачи «навеску» в виде распоряжения проверить место падения сбитого летунами транспортного средства с беженцами, он не ожидал никакого подвоха. Ровно до того момента, когда отправленное на место падения отделение не доложило, что не обнаружило там никаких беженцев. Ни живых, ни мертвых. К тому же, не смогли они и настигнуть уходящих — скорость передвижения последних была явно выше скорости движения группы опытных разведчиков. По лесу.

«Пушок» считался неплохим командиром и догадался, что ерундовое дело оборачивается крупными неприятностями — их угораздило столкнуться с «коллегами» с противоположной стороны. Да еще и последние про них явно знали, а вот им даже точную численность группы установить не удалось. Основная задача — провести разведку путей выдвижения и окрестностей мятежного города теперь оказалась под угрозой.

Так же расценил ситуацию и штаб — оставлять в тылу хорошо подготовленную и экипированную (ведь у них совсем недавно был собственный воздушный транспорт!) диверсионную группу — было недопустимо. Особую пикантность ситуации придавало то, что по всем данным на планете вообще не было регулярных воинских частей, не говоря уже о столь подготовленных. Так что приоритеты были изменены, и теперь первую очередь надо было произвести захват с целью получения сведений, причем как обычно — срочно-обморочно.

Благо тактическая ситуация к этому располагала. Посадив на единственную БРДМ* оба своих отделения тяжелого вооружения, в составе двух крупнокалиберных гауссовских пулеметов и пулеметчиков к ним в тяжелых скафандрах — всё равно толку в лесу от них никакого — дополнил их вторым отделением из семи разведчиков. Получившаяся команда вполне могла под прикрытием брони проскочить к тому месту, куда планировалось силами оставшегося взвода «выдавить» группу из леса на городские окраины. Надо зажать дивов между двух огней, и они будут обречены. «Молот и наковальня» — всех то делов. А если

сильно повезет, то будет шанс успеть организовать засаду на пути отхода разбитой группы и взять часть.

Так и вышло, за одним исключением — несущуюся как наскипидаренную группу не пришлось выдавливать, их даже элементарно догнать не удалось. Зато, ушедшая вперед «наковальня» смогла занять удобную позицию для засады и провела захват на «отлично». О чем ее командир успел радостно доложить.

На чем собственно победные реляции кончились. Скорее всего, занявшись пленными, разведчики проворонили подход другой, более многочисленной, банды. А может, он зря наговаривает на мертвых. И тогда это значит то, что "беженцы" были просто приманкой в капкане. Они потому так и спешили — чтобы завести преследователей в ловушку, времени на ее подготовку, при наличии связи, было более чем достаточно.

Как бы там ни было, но его бойцы были уничтожены практически мгновенно, не успев оказать заметного сопротивления, что говорит о встречной засаде более чем явственно. Как и то, что пулеметчики пережили остальных всего на несколько секунд, а ведь по данным штаба у мятежников вообще нет ручного оружия, способного пробить тяжелую броню! На фоне этого, уничтожение БРДМ было уже рядовым событием.

Копилку ошибок пополнило решение попытаться спасти остатки авангарда и атаковать сходу, не дожидаясь, пока развернутый в сеть взвод соберется в единый кулак. В результате их встретил кинжальный огонь двух пулеметов, и теперь половина личного состава пыталась найти хоть какое-то укрытие на ровной как стол поверхности, а вторая, не успевшая покинуть зеленку, пряталась там. Пикантности ситуации добавляло то, что зелень хоть и укрывала, но отнюдь не давала никакой защиты от снарядов «крупняка». Все собственные увесистые аргументы были потрачены на то, чтоб окончательно раскурочить собственную же БРДМ. Выпотрошенная двумя попаданиями, она теперь вяло чадила на поле. Увы, но противник оказался ушлый и «под ориентир» не сунулся, несмотря на всю привлекательность этой позиции, а расположил огневые точки в развалинах, где теперь достать их было просто нечем.

Попытки вызвать поддержку с воздуха успехом ожидаемо не увенчались. Летуны на просьбы о взаимодействии отвечали исключительно матом, а потом и вовсе в глухую игнорировали вызовы. Крупная броня застряла на дальних подступах, и что там происходит, понять было невозможно — в эфире царил полный хаос. Ситуация целом явно напоминала «голой жопой в муравейник», то есть — ты явно сильнее муравья, как одного, так и всех вместе, но вот они сейчас злее и имеют возможность атаковать с разных направлений одновременно.

Пожалуй, стоило думать уже не столько о выполнении задачи — потом будем решать, как оправдываться — сколько о сохранении личного состава. И именно это обстоятельство мешало отдать команду на отход — из тех, кто сейчас забился во всякие ямки на открытом пространстве, до деревьев добежало бы очень немного. И время их истекало.

Противник преподнес еще один неприятный сюрприз — он очень точно накрывал огнем трофейных пулеметов любую точку, из которой пытались вести огонь. В считанные минуты были потеряны трое штатных снайперов и два расчета ручников, что однозначно говорило о наличии у банды еще и комплекса наведения.

И ведь не отходят почему-то. Может, знают о заслоне на пути их отхода? Но что такое для более-менее крупной банды один пулемет и пять человек в прикрытии? — препятствие, которое можно смести походу, не слишком при том озабочиваясь. Но они все равно сидят на

одном месте! При мысли о готовящейся пакости, оставалось только бессильно скрипеть зубами и ждать чего угодно — от крупной банды, заходящей с тыла, до артналета, или авиаштурмовки.

Данным штабной разведки, категорически утверждавшей, что у мятежников ни артиллерии, ни авиации нет, старший лейтенант уже ни на грош не верил. Но это ничего не меняло. И ничто, казалось, не могло уже удивить.

Но он ошибся. Ждал подвоха от противника, а свинью ему подложили свои — по общему каналу раздалось: «Зубами буду рвать, суки!» — и из ямы на поле выскочили две закованные в среднюю броню фигуры — остатки расчетов «карманной артиллерии». Матерясь и поливая руины длинными очередями, они подняли своим примером всех остальных, залегших на поле, прежде чем очередь перерезала их пополам, разом доказав, что против «крупняка» средняя броня не катит. Но в своей безумной ярости они добились чуда — оба ствола противника замолчали, и Пушок с тяжелым сердцем бросил в атаку остатки разведзвода. В конце концов, десант своих не бросает, а до конца боя он глядишь и недоживет.

Предчувствия не обманули. Во всех смыслах. До противника оставались еще полторы сотни метров, когда навстречу атакующему строю снова ударили трассирующие нити.

*БРДМ — бронированная дозорно-разведывательная машина

Момент, когда в Кроху попали, глаз не зафиксировал. Вот только что он, азартно высунув язык, бил короткими очередями, а в следующий — отброшенный ударом, сползает по стене в трех мерах за спиной, оставляя на ней темный след. Как совершенная тогда глупость не стала последней, известно, наверно только моему ангелу хранителю. Говорят, у сумасшедших и влюбленных он свой, персональный. Ему тогда пришлось немало потрудиться, ведь я преодолела разделяющее нас расстояние, даже не думая прятаться, в полный рост, чтобы рухнуть на колени перед пытающимся подняться кадавром и прижать его к себе с не менее идиотским вопросом: «Кроха, миленький, куда тебя?» Будто он мог сказать!

Вместо ответа меня погладили когтистой лапой по голове и лизнули в щеку липким языком. Обрадовавшись этим проявлениям чувств, быстренько отстранившись, попыталась на ощупь отыскать на груди раны, которые надо перевязать. Только позднее я узнала, что искать входное отверстие от двухмиллиметрового шарика — совершенно бесполезное занятие, тем более в шерсти. Кроха грустно мне улыбнулся и, подняв лапу вертикально на уровень головы, резко махнул ей, так что кисть оказалась под подбородком. Что он хотел этим сказать я поняла, когда меня, ухватив за локти, кто-то из ребят потащил подальше от этого места.

Я не сопротивлялась. Просто смотрела в спину снова упавшего за пулемет друга. В конце концов, хватать мужчину за руки, когда он пытается спасти твою жизнь далеко не самое разумное поведение. Да и взгляд этот сказал слишком многое — под лопатками среди мокрой шерсти были отлично видны места где шарики покинули тело. Четыре дыры, две слева и две справа, с мой кулак каждая, в которых пузырилась кровавая пена и торчали розовые осколки костей.

Как все просто! Кроха был еще жив и рассчитывал прожить достаточно, чтобы дать нам шанс спастись. Было глупо мешать ему в этом деле. И мы побежали, слыша за спиной возобновившуюся скороговорку пулемета.

Убежали, впрочем, недалеко. Буквально через пару километров, прямо там, куда мы направлялись, встали высокие столбы разрывов, и пришлось быстро падать в кювет, стараясь закрывать голову от падавшего с неба мусора и молясь, чтобы сверху не упало ничего более крупного. Попытавшись выглянуть из укрытия, увидела, как и в том месте, откуда мы бежали, поднялись такие же циклопические столбы, а Марат, придавив меня своей тушей в ходе попытки спасти, едва не придушил.

Все бы ничего, но следом на нашего админа, судя по всему, присел слон, или упало вырванное с корнем дерево — дышать стало решительно невозможно. Хорошо хоть, длилась эта пытка недолго. Сначала стащили Марата, а потом, аккуратно придерживая за локти, подняли и вытащили на дорогу и меня саму. Увиденное радовало мало — вокруг нас снова толпилось не меньше десятка бойцов, настолько хорошо защищенных, что казались не живыми людьми, а металлическими статуями.

Но долго раздумывать над безнадежностью положения не дали — последовала короткая отмашка, и вся толпа дружно вломилась в подлесок, не забыв подхватить под белые ручки и

нас заодно. Во время нового бега было не до выяснений своего положения, удалось только подметить, что скафандры у новых пленителей отличались от «бочонков» в лучшую сторону, а движутся бойцы гораздо ловчее, умудряясь на бегу отводить от нас ветки, не снижая при том темпа. А потом и вовсе язык отнялся — на открывшейся поляне стоял космический челнок. Голова чуть не свернула шею в попытке рассмотреть среди леса еще и взлетно-посадочную полосу не менее двух с половиной километров длиной, но времени на безуспешные попытки мне не дали — всей дружной толпой мы вломились по наклонной дорожке прямо вовнутрь, грохоча ботинками по настилу.

Внутри чинно расселись на лавочки вдоль стен — так, что между каждым членом нашей команды оказалось минимум две закованные в сталь фигуры. Только тут до меня дошло, что револьвер так и остался в кобуре, что, впрочем, не внушало особых надежд. Остальные спутники тоже сидели как первоклашки в школе — сложив руки на колени и не делая резких движений. Все верно — права качать не стоит, что от нас надо, нам скажут. Надеюсь.

Тем не менее, под пеплом переживаний в душе начала разгораться совершенно неуместная в нашем положении искра любопытства — и чего собственно ждем? Все сомнения разрешились только минут через пятнадцать, когда в трюм ввалилась припозднившаяся партия закованных в жидкий металл бойцов. На лавочках тут же стало тесно, и меня ненавязчиво приподняв за талию пересадили на металлическое колено. От такого простого движения вдруг почувствовала себя совсем маленькой, захотелось, как в детстве, уткнуться носом в чужую шею и выплакать, наконец, все свои беды и горести. Еле сдержалась, всё же я уже взрослая, несолидно. Да и не стоит показывать слабость, если не перед врагом, а врагами окружающих назвать язык не поворачивался, то перед непонятым союзником.

Скоро стала понятна задержка — двое бойцов огромного роста, накинув на плечи конструкцию из ремней, несли на себе третьего, следом за ними еще пара, не особо напрягаясь, несла за ручки длинный черный мешок. Раненого занесли в самый дальний конец, задвинули ширмой, и оттуда начали раздаваться маловразумительные ругательства на тему «недоумков, способных найти на свою задницу приключения где угодно», и кроткие команды: «Держать конечности... ключ... кувалду... придурок, что ты творишь? Ладно, не переживай... ничего страшного — это для него был не самый важный орган...». Мешок же просто бросили на пол перед ширмой, после чего бывший носильщик плюхнулся на ранее освобожденное от меня место.

Все остальные бойцы внимательно наблюдали за происходящим за перегородкой, так что момент отлета не прозевали только из-за стука вставшего на место настила. Никакого ускорения не чувствовалось, что было нормально, если вспомнить отсутствие взлетной полосы. Но мы, несомненно, летели — это можно было понять, по начавшим шевелиться и перебрасываться словами стальным фигурам.

— Жалко парня, — прогудело у меня прямо над ухом, — не повезло...

Все как по команде опять повернули головы, пытаясь разглядеть проходящее за перегородкой.

— «Подарок домой» передать бы... — заметил сосед слева

— Не поймет ведь, да и вообще... — прогудело опять над ухом.

— У него сын, кажется, в триста пятнадцатой служит, можно ему передать.

— Некому там передавать, год назад похоронка пришла. Может потому и он...

— А давайте Крайт отдадим? — последовал совет с другой скамьи из дальнего угла, после чего трюм заполнило конское ржание.

— Вот дает! А ведь Шутник бы оценил — она с него столько раз шкуру спустить обещала...

Что ж, все понятно, личный состав деликатно травит байки о понятном только посвященным, давая остальным вжиться в спокойную атмосферу и расслабиться после пережитого. И вслух, к слову, болтают специально. Сильно сомневаюсь, что во всех скафандрах разом отказала связь, и срочно пришлось пользоваться для трепа внешними микрофонами и динамиками.

Вот, а теперь, видимо, начальство появилось — вон как все разом притихли. Громадная, даже на фоне всех прочих, фигура маячит возле ширмы и машет рукой, дескать — «подходи, не бойся», пришлось вставать и на ватных ногах топтать мимо длинной шеренги статуй. И чем ближе подходила, тем больше меня охватывала странная уверенность, что это чудовище — женщина, и смотрит сейчас на меня с добротой и сочувствием. Хотя по фигуре судить невозможно, а уж выражение лица глухой шлем и вовсе не передает.

— Жаль, что так вышло, девочка... — Надо же, предчувствие оказалось верным, тембр голоса и интонации ни с чем не спутаешь.

Колос наклоняется, и под его руками расходятся края мешка. Кажется, челнок маневрирует — вон как под ногами качнулся пол. Только это сейчас неважно, ведь предо мной, на металлическом полу, лежит Кроха. Легким движением высвобождаю локти от поддерживающих рук и наклоняюсь ближе.

Да, это действительно он. Вон даже мерзавец язык набок свесил совсем как в тот раз... Только теперь, в подернутых пленкой глазах не бродят искорки смеха.

Кажется, мне что-то говорят, но слова не пробиваются через пелену тишины. Тогда колосс достает из кармашка на поясе самый обычный бинт и заправив назад язык начинает подвязывать нижнюю челюсть, так ведь действительно положено...

— ... девочка, он ведь погиб ради тебя. Закроешь глаза?

— Я н-н-е смогу. — Это мой голос? Наверное, да, хотя и звучит, как чужой.

— Соберись. Плохая это примета, когда мертвый смотрит. Или тебе помочь? — голос полон сочувствия, и я не могу ему противиться.

— Нет, я смогу!

Веки подались неожиданно легко. «Прощай...»

Меня прижимают к почему-то теплomu металлу и, обняв за плечи, ведут мимо ширмы. Там небольшой закуток с двумя откидными сиденьями и небольшим столиком, хозяйка наливает мне полный металлический стакан прозрачной жидкости:

— Выпей.

— Спасибо, но...

— Пей! Это тебе надо, а хмель все равно не возьмет. — Маленькими глоточками, как воду, пью жидкость, не чувствуя вкуса, но тело пробивает жар, а на глаза наворачиваются слезы.

— Ты поплачь, не стесняйся, сразу легче станет. — Слезы высыхают.

— Спасибо! Но я думаю, он не хотел бы, чтобы я горевала. — Почему-то мне кажется, что качание глухого шлема одобрительное, а не осуждающее.

— Ну, тогда держись. Там его пока готовят... Не стоит тебе это видеть. Посидим пока.

Отчего бы не посидеть, если тело само расслабляется и глаза закрываются. Чтобы

открыться через миг.

— Пора?

— Да.

Выходим назад, там произошли некоторые изменения — в боковой двери трюма раскрыт широкий проем, а за ним... Синь океана и качающееся над бездной завернутое в белую ткань тело.

— Он ведь любил воду?

«Да, он любил воду...». Шаг в сторону бездны, один, второй. Вопрос в спину: «Ты ведь сможешь?». Да, я смогу, я сильная, а он действительно любил море. Меня придерживают за пояс: «Зачем? Я ведь смогу...» — а в руке оказывается стропорез, наверняка тот самый, с которым мы прошли через половину этого мира. Легкое касание и последняя нить рвется.

Тело летит вниз, на встречу с первозданной стихией, всплеск и остаются только расходящиеся круги на воде. Всё!

Меня оттаскивают от проема и суют в руку полный стакан.

Лесная поляна, уже другая. На поляне стоит челнок, аппарель опущена, но на ней нас провожает только командирша. Под ногами наши вещи, пришла пора прощаться.

— На восток где-то полтора часа хода и выйдете к лагерю. В пути оружие держите наготове, — да, теперь мы можем рассчитывать только на себя... — Удачи!

Но вместо того, чтобы уйти вовнутрь, великанша делает шаг вперед:

— Вот, возьми, я подогнала его под тебя, — на спину и плечи ложится знакомая разгрузка, — ножами ты пользоваться не умеешь, но разберешься, невелика наука. А это его револьвер, я только переставила рукоятку под твою руку, — наверно на корабле и мастерская есть? Оружие занимает предназначенное ему место справа.

«Надо же, а он, оказывается, был левшой...»

— Спасибо!

— Ну и вот, возьми...

Ошейник! Я теперь больше не рабовладелица. Ошейник легко оборачивается два раза вокруг запястья и после защёлкивания сокращается, приспособиваясь на новом месте.

— Помни, девочка, они живы в наших сердцах. Все остальное — тлен. Прощай.

Меня нежно прижимают к нагретому металлу. За радужной пеленой невидно, как закрылся помост, но я не плачу. Не потому, что сильная, просто теперь надо рассчитывать только на себя.

А ведь так и не спросили у них ничего. Кто были эти люди? Откуда? И почему отнесли к Крохе, как к своему? И ко мне... Почему нас всех спасли, а потом просто отпустили, хотя техника явно новейшая и секретная, значит видеть ее никому не положено...

Замотав головой, решила не думать об этом сейчас. Потом, всё потом! Говорят, время лечит...

До лагеря дошли без приключений и приняли нас там спокойно. Он был практически доверху набит носящимися детьми и усталыми женщинами. На фоне этого светопреставления на нас никто особо и внимания не обратил. Завели в походную кухню, накормили, не отказавшись в качестве благодарности принять часть наших запасов, показали, где отхожие места и прочие удобства и, разведя руками в стороны, буркнули:

«Устраивайтесь».

Ребята поставили палатку и ушли, без слов понимая, что мне надо побыть одной. Все же, это первая в жизни настоящая потеря. Удивительно, но я не чувствовала в душе пустоты. Как она тогда сказала? — «они живут в наших сердцах», пожалуй, это действительно так.

Забегала толстая повариха, пожурила за то, что не иду ужинать, не дождавшись ответа, принесла миску с кашей, поохала, погладила по голове и убежала. В лагере, набитом одними женщинами, есть еще много нуждающихся в утешении. Потом она вернулась забрать пустую посуду — я сама не заметила, как все съела — и опять поохала. Обняла ее, прижавшись к большому и доброму телу, подумала про себя: «Вот, утешает человек других, а ведь наверняка у нее самой...»

Позже оказалось, что этим бесконечным днем предстоит еще не одно прощание. Первым зашел Марат и, пряча глаза, извинился, что вынужден меня покинуть в такое время. Обещал связаться при первой же возможности, и обязательно найти потом. Когда-нибудь потом.

Что ж, всё понятно, война совсем не закончилась, и мужчина уходит туда, где он сможет лучше выполнить свой долг, так, как считает это нужным. Искренне уверила его, что не стоит о нас беспокоиться, ничего с нами за их спинами не случится, и что сама обязательно свяжусь при первой возможности, и наверняка разыщу после...

Потом пришла Рысь, немного поплакала и... тоже пообещала обязательно связаться, как только, так сразу, и ушла, торопясь. Может, спешила вслед за Маратом?

Оставался Серж, и его я ждала, чуть напрягшись, уверенная, что придет и скажет то же самое, что и остальные, и практически — теми же словами. Но не угадала, точнее — не совсем.

В палатке было уже сумрачно, наступал вечер.

— Можно? — послышался совсем рядом голос Моретти.

— Заходи, — ответила дрогнувшим голосом.

Оператор вошел, склонив голову. Поразилась, какой же он высокий, или это только казалось, ведь я стояла в этот момент на коленях — хотела расстелить спальник, полежать немного. Непривычно было глядеть на него снизу-вверх, да и вообще на кого бы то ни было. И встать не могла — ноги почему-то стали ватными.

— Серж?

— Вот, пришел попрощаться... — И смотрит прямо — глаза в глаза.

— Догадалась, — голос, словно чужой, внутри все сжалось от ожидания, что просто уйдет. Заговорила торопливо, стараясь опередить:

— Понимаю. Обязательно свяжешься и найдешь, потом, когда все закончится...

— Да, — удивленно кивнул он, и вдруг тоже опустился на колени.

Я даже чуть отшатнулась, не ожидала просто.

— А ты? — говорит серьезно, но я вижу, что на этот раз он не играет. — Будешь меня ждать?

Кивнула, закусив губу.

— Я вас всех буду ждать, или сама найду! Вы стали для меня настоящими друзьями и...

Он досадливо качнул головой:

— Диана, ты считаешь меня своим другом?

Что он хочет этим сказать? Почему спрашивает, словно это непонятно? Волнение мешает сосредоточиться. Но нутром чувствую, что ответ ему очень важен.

И тут, как нарочно, вспомнилась строчка из последнего ответа незнакомца.

«Ты только другом не зови,
я не дружу с тобой давно».

Щекам стало нестерпимо жарко. Очень надеялась, что в полутьме этого не видно. А он все еще терпеливо ждал ответа, не сводя с меня глаз.

— Я не хочу с тобой дружить! — Выпалила, боясь передумать. И вдруг всхлипнула, а через секунду оказалась прижатой лицом к его груди.

— Я вернусь. Я обязательно вернусь! — очень весело произнес он, разве что не рассмеялся. — Ты только жди меня, девочка, ладно?

Не так я совсем это представляла!

— Дурачок ты, Серега!

— Ага, я такой.

На мгновение прижал к себе крепко-крепко и сразу отпустил, легко поднимаясь с колен. Кашлянул, хмыкнув: «Ну, пока!» — и вышел, не дождавшись ответа, и чуть ли не насвистывая. Точнее, как раз насвистывал что-то, но я не разобрала что. Слишком стало обидно, что я ничего-ничего не поняла. Что это было-то?! И ведь даже раскаяния никакого, что бросает меня в такое время!

Вернется, я все ему выскажу. Негодяй!

И я осталась одна. Посредине набитого ребятнёй и утомленными женщинами лагеря. Одна в пустой палатке. Видимо, жизнь решила дать мне возможность показать, что я могу сама, без поддержки друзей или...

А начну я, пожалуй, с малого. Взяв одну из оставленных мне трофейных винтовок, вышла наружу, и поинтересовалось у первого встречного: «кто сейчас всё это место охраняет? И как я могу помочь в этом деле?» В результате чего, уже через пять минут получила напарника — семилетнего пацана, страшно гордого, постоянно бросающего на меня покровительственные взгляды, и пост — на котором мне предстоит стойко держаться до подхода помощи.

На этом посту мы и проторчали до восхода ночного светила. Чутко вслушивались в звуки чащи, готовые драпать со всех ног и отстреливаясь со всех рук, но не раньше, чем дернем за веревочку и подадим сигнал тревоги. После чего нас сменили, и мы, гордые и усталые, потопали отсыпаться. Точнее это я потопала, мой напарник не отказался проехаться до лагеря на закорках, и уже с середины пути сопел мне в затылок, щекоча шею дыханием.

Выдержала небольшой жизненный экзамен, пытаюсь придумать способ, как найти место, где меня избавят от этого захребетника, при этом не поднимая на ноги весь лагерь. Разом или по очереди. Задача была решена в два счета с помощью божественного вмешательства — матерью моего защитничка оказалась та самая повариха и она стойко поджидала своего мужчину из похода с пучком свежесорванной крапивы. Но, тут же сменив гнев на милость, она просто унесла на руках так и не проснувшееся чадо.

А вот палатка моя оказалась занята, в ней прочно обосновался десяток кормящих мамаш с чадами разной степени крикливости. Место, где можно упасть, они мне конечно оставили, но о том, что в такой обстановке можно заснуть, имелись очень сильные сомнения. Вот посреди моих размышлений, на тему, как сбежать из этого филиала ада в лес к диким

зверям, и при этом никого не обидеть, меня и отвлекли вежливым покашливанием. Оказывается, мне тоже нашли применение в меру моих скромных способностей.

Так что, забрав свой спальный мешок, я проследовала на другой конец лагеря, где еще не была. Несколько пеньков под навесом из рубленых лап ели оказались... штабом армии. Резервным. А я, соответственно, попала на должность начальника связи армии (минимум полковничья должность между прочим!) и телефонистки в одном лице.

После чего два дня подряд передавала сообщения всем отрядам и соединениям, действующим на планете, отмечала на виртуальной карте перемещения мобильных групп и лагерей, принимала рапорты о выполнении заданий и цифры потерь...

Свернутый спальник, так и пролежал все эти дни под ногами — спасибо Крохе с его фляжкой и неизвестной женщине-командиру, что мне ее вернула. Весь наш штаб продержался это время без сна исключительно благодаря им. За это время я узнала очень много тайн планеты, но вряд ли рискну написать об этом книгу, хотя...

Первым делом я, разумеется, использовала служебное положение и узнала о судьбе друзей. Сержио сменил видеоискатель камеры на прицел снайперской винтовки и продолжал смотреть на мир одним глазом. Токаев теперь его начальник и одновременно командует его группой прикрытия. Как они там между собой поладили непонятно, но счет их команды говорит, что сработались хорошо. Впрочем, они профессионалы и их берегут — мало, кто еще может противостоять военным на равных в тихой войне. Так что сильно надеюсь, что до победы они доживут.

А вот Рысь заставляет волноваться всерьез — эта неугомонная теперь пилотирует истребитель-штурмовик. Один из пяти, состоящих в рядах повстанческой армии. Пока на штурмовку их никто не бросал, нет необходимости, но чует мое сердце, что из первого же вылета мало кому суждено будет вернуться...

Зря она так, ведь ей есть к кому возвращаться, пусть про Ахиллеса нет никаких известий — похоже, погиб... но ведь остались мы, Марат, наконец.

Да, я узнала много тайн, но одна так и осталась неразгаданной: «Почему?».

За что погиб Кроха, за что умерли еще тысячи, десятки тысяч не самых плохих людей?! Кто решил, что имеет право распоряжаться их судьбами и был ли он при этом прав? Я не собираюсь мстить, желающий это делать — должен выкопать заодно и свою могилу, а у меня есть еще незавершенные обязательства. Но разобраться я должна.

Спасибо должности, об окончании войны я узнала одной из первых. И было немного времени подвести итоги.

Такой способ воевать, наверное, стоит называть «китайским». Если задать вопрос — как планета с населением не больше ста тысяч может выиграть войну у десятитысячной армии вторжения, то ответ будет: «Никак». Это невозможно по законам экономики, да и физики тоже — летящий по орбите космический корабль практически неуязвим, а сам может наносить удары в любую точку пространства. Единственный способ победить в такой войне — не воевать вообще.

Что и было проделано. Исход противостояния решили несколько точечных диверсионных операций, но самое главное было сделано в самом начале, когда, пропустив карателей на планету, местные оставили их тут навсегда — с помощью ядерного взрыва выведя из строя портал и навсегда обрезав связь с метрополией.

Еще шли бои и лилась кровь, но самое главное было сделано — со временем даже до

военных дошло, что продолжение становится все большим и большим самоубийством. Они теперь уничтожают собственный дом, действуя в непонятно чьих интересах. Осознали, что у них не получится вернуться назад — они останутся здесь. Навсегда.

А после этого аборигены взяли и сдались. Единственный законный представитель власти, тот самый пацан-школьник, сурово погрозил пальчиком, мол «что это вы тут натворили, а?». Военные шаркнули ножкой, пролепетав что-то про «сбой программы» и все дружно сделали вид, что ничего не было. А завоеватели приступили к выполнению своих прямых обязанностей — управлением захваченными территориями, раз уж сбежать назад, на Землю, шансов у них не осталось. И тут обнаружили, насколько они оказывается, зависимы от всех остальных.

Так в свое время поступали китайцы со всеми своими завоевателями — просто растворяли их в себе, а спустя несколько поколений даже монголы ставали китайцами. Прерия куда как более жесткая планета, кто не захочет стать здесь своим, имеет далеко не самую светлую перспективу. Ничего личного, просто жизнь здесь такая.

Но мир после «не произошедшей» войны, обещал быть еще тот... пока все не успокоится. И в этом мире мне предстояло искать свое место.

А пока радовалась вместе со всеми — война закончилась!

Прямо в разгар празднования на визоры пришло сразу два письма. Одно голосовое сообщение от Сержа, словно не мог просто позвонить:

«Диана, cara mio, летим к тебе. Придется подождать, но не больше часа. Надо захватить Леночку, помнишь ее? И еще ее жениха... У Рыси снова собственный коптер, точнее — он принадлежит ее парню, но об этом — при встрече, можешь пока гадать. Надеюсь, нас накормят, я сейчас готов съесть целого быка. И... можешь меня поздравить, я теперь большой человек здесь, на Прерии. Шучу. Улыбнись, моя принцесса. И жди!»

Улыбнулась, представляя, с какой радостью буду их встречать. Про «большого человека» ничего не поняла, и, наверное, уже бы знала, если б это было на самом деле так. Интересно, что за жених у Леночки, что за парень у Рыси и что самое первое мне скажет Серж?

Потом я все же вернулась из сладких грез ко второму посланию — с пометкой «адресат неизвестен».

Надо же — опять таинственный поклонник, а ведь я думала, что всё, и то стихотворение было последним. Некоторое время колебалась между желанием стереть письмо, не читая, и открыть немедленно. Как обычно победило любопытство — видео-посланий я от него еще не получала. С трепетом кликнула на иконку. Вот сейчас всё, наконец, и разрешится.

Перед глазами возникла ночная степь и горящий под звездами костер, неспешный перебор струн. Надо же, а у него приятный голос...

Строчит пулемет,
поднимается взвод,
но многие больше не встанут.
И к Родине сын никогда не придет
из пламени Афганистана.

Вот только слова режут сердце, вызывая из памяти еще свежие воспоминания.

Здесь горы в снегах
и селенья в бегах,
горят кишлаки и дуканы.
И выпустит вряд ли неверных Аллах
из пламени Афганистана.

В горле намертво застрял комок — чуть меньше ста лет, как замкнулась спираль времени, и повторились вновь те события.

Придет письмецо,
ты закроешь лицо,
но нет никакого обмана...
Надень же на левую руку кольцо
из пламени Афганистана.

Но год или два,
и ты вспомнишь едва
любви не смертельные раны.
я сделаю все, чтоб ты вышла жива
из пламени Афганистана.

Неизвестный, тебе лучше не показываться мне на глаза, ничем хорошим это тебе не грозит. Кто ты такой, чтобы так...

Но видно только угли костра и пепел на них. Неужели все? Неужели сейчас запись прервется, и я так никогда и не узнаю, кто это был?!

Но тут раздается голос — уверенный, чуть насмешливый баритон с едва заметной хрипотцой:

— Ну что ж, наверное, надо прощаться. Если ты сейчас видишь эту запись, значит все — я уже ушел. Надеюсь, меня не в чем упрекнуть... Жалею об одном — я так и не смог взять на руки твоего ребенка. Пообещай мне, — короткая пауза тянется как вечность, заполняемая лишь потрескиванием костра, и я шепчу пересохшими губами: «Обещаю!», и сразу слышу, на что именно подписалась:

— Пообещай, что сделаешь это за меня... И будь счастлива!

Невидимые руки подбросили на угли охапку хвороста, и почти угасшее пламя радостно взревело, затмевая звезды. Камера, тем временем, отвернулась от костра — снимающий уходил в звездную степь, но справа от него оказался большой камень, и на него легла тень....

Сердце пропустило удар, а тень, шевельнув на прощание ушами, пропала. Запись кончилась.

Вокруг смеялись и танцевали, пили, обнимались и целовались совершенно незнакомые друг с другом люди, но никто не пытался нарушить моего уединения. Сидит посреди всеобщего веселья молодая и красивая девушка и плачет — к чему ее беспокоить? Мало ли по каким причинам люди плачут.

Бывает, что и от счастья.

Больше книг на сайте — Knigolub.net